ИСПОЛИН СОВРЕМЕННОЙ ФЭНТЕЗИ

Майкл
МУРКОК

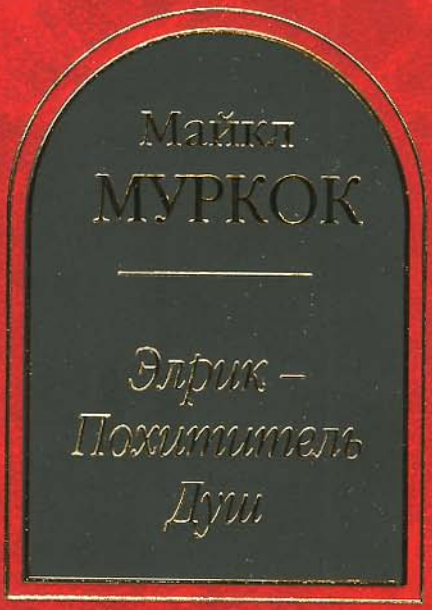
Элрик – Похититель Душ

КНИГА О ПОДВИГАХ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА МЕЛНИБОНЭ

ЭКСМО

Майкл
МУРКОК

Элрик – Похититель Душ


Майкл
МУРКОК
Элрик –
Похититель
Душ

Майкл
МУРКОК

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Спящая волшебница

•

Месть Розы

•

Похититель Душ

•

Короли во тьме

•

Гирлянда забытых снов

•

Буревестник

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

Майкл

МУРКОК

Элрик – Похититель Душ

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
М 91

Michael Moorcock

The Sleeping Sorceress © 1971 by Michael Moorcock
The Revenge of the Rose © 1967 by Michael Moorcock
The Stealer of Souls © 1962 by Michael Moorcock
Kings in Darkness © 1962 by Michael Moorcock
The Caravan of Forgotten Dreams © 1962 by Michael Moorcock
Stormbringer © 1965, 1977 by Michael Moorcock

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Карты выполнены *И. Жмайловой* и *Ю. Каташинской*

Издательство приносит благодарность Андрею Зильберштейну, организатору интернет-сайта «Танелорн: всё о Майкле Муркоке» (http://moorcock.narod.ru), за деятельное участие в подготовке настоящего издания

Муркок М.

М 91 Элрик — Похититель душ: Фантастические произведения / Майкл Муркок; [пер. с англ. Г. Крылова]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 768 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-25787-4

Знаменитая героическая сага об Элрике Мелнибонийском и о его рунном мече Буревестнике, порождении самого Хаоса. Путь славы и бесславия Элрика пролегает между безумием Владык Хаоса и разумом Владык Закона, к чьей последней, решающей битве и приводит в конечном итоге древнюю Землю последний император Мелнибонэ.

Все романы об Элрике из Мелнибонэ, представленные в этом издании, даются в новом переводе Григория Крылова.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Перевод. Г. Крылов, 2008
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-25787-4

Уважаемый читатель!

В конце 1950-х — начале 1960-х годов я чуть ли не каждый день встречался в Найтсбридже с Барри Бейли и Дж. Г. Баллардом, мы тогда составили заговор с целью сбросить с трона современную английскую литературу. У нас было немало общего — непримиримое отношение к существующему литературному языку и литературным практикам, любопытство к научным и техническим достижениям, интерес к разным формам современного искусства и тот факт, что мы издали по нескольку рассказов в журналах Э. Дж. Карнелла «Нью уордлз», «Сайенс фэнтези энд сайенс фикшн эдвенчерз».

Ни у кого из нас еще не было напечатанной книги. Ставки у Карнелла начинались с двух гиней за тысячу слов и поднимались до двух фунтов десяти шиллингов, когда ты, как, например, Баллард или Олдис, достигал, по мнению Карнелла, стабильно высокого уровня. Я никогда не получал больше двух гиней, но у меня получались вещи слов этак тысяч на пятнадцать — главная публикация номера в его журналах всегда имела примерно такой объем. В результате мое имя на обложках стало появляться с самого начала моей карьеры, и я мог зарабатывать за день около тридцати гиней, чего более чем хватало на месячную оплату квартиры.

Мы все тогда были работающими литераторами. Баллард редактировал «Кемистри энд индастри», а мы с Бейли писали тексты для комиксов и редакционные статьи по истории или по вопросам науки для журналов вроде «Лук энд лёрн».

Мы писали художественную прозу для Карнелла потому, что нам это нравилось, и потому, что он не давал нам застревать на месте. Карнелл всегда был готов попробовать что-нибудь новенькое. В тот период я писал истории про Элрика, включая и «Буревестник», подспорьем мне была моя склонность к готике, мой интерес к Юнгу и символистам, а также поддержка друзей. В известном смысле я эти истории для них и писал, пытаясь на свой неумелый манер создать такую же атмосферу воодушевления, какую находил в апокалиптиче-

ских сторонах творчества Блейка, Байрона и супругов Шелли, в видениях безумного Джона Мартина* и других художников, чьи работы я мог видеть в галерее Тейт в Лондоне. А еще мне нравилась музыка Малера и Рихарда Штрауса.

Мы втроем, регулярно встречаясь в Найтсбридже, не сомневались в литературном потенциале НФ. Мы делились своими мыслями с Уильямом Берроузом и другими, разделявшими наши взгляды. Но нравившаяся мне НФ представляла собой НФ, которую Олдис называл «широкоэкранное барокко» и которая печаталась в страшненьких журнальчиках, куда не заглядывали более респектабельные поклонники жанра, так как считали это ниже своего достоинства. Моими любимцами были Чарлз Харнесс, Ли Брэкетт и Альфред Бестер.

У меня до сих пор сохранились несколько дешевых журналов, привлекавших меня в те времена. Назывались они «Статлинг сториз», «Триллинг уандер сториз», «Фэнтестик эдвенчерз» и «Плэнет сториз». Они стояли на полках рядом с журналами «Уэст», «Экшн сториз» и «Эймезинг детектив». Все обложки имели что-то общее. Одним из самых любимых моих вестернов был «Сеньорита с пистолетом Иуды». В журнале «Спайси эдвенчерз сториз» можно было найти «Гашиш из Хошпура», а в «Уэйрд тэйлз» — «Поцелуй черного бога». Такие творения, как «Королева марсианских катакомб», «Королева драконов с Юпитера» и «Распутница с Аргоса», писались лучшими писателями, которые плевать хотели на респектабельность и которых не очень-то ждали в журнале «Эстаудинг» (с его заумным мессианством) или «Мэгэзин оф фэнтези и сайенс фикшн» (где не было картинок). Еще одним из писателей, печатавшихся в этих дешевых изданиях, был Рэй Брэдбери, которого обожал Баллард. Регулярно появлялись там Филип К. Дик и Теодор Старджон (вещи не всегда выходили под своими родными именами — так, «Храм» Джона Уиндема, опубликованный в журнале «Тэн стори фэнтези мэгэзин», вышел под названием «Тиран и рабыня на планете Венера»).

Я был большим почитателем «Уэйрд тэйлз» и покупал почти все номера с рассказами Роберта Говарда вроде «Часа Дракона» или «Королевы Черного побережья». Продавались они в уличных киосках на Портобелло-роуд, в Пимлико, Уайтчепле

* Джон Мартин (1789–1854) — английский художник-романтик.

и на Каледониан-роуд. Здесь же мне попались «Полет во вчера» (впоследствии эта книга стала называться «Парадоксальные люди»), «Роза» и другие вещи Чарлза Харнесса, «Молот Вулкана» Филипа К. Дика, «Эскалибур и атом» Теодора Старджона и, в журнале «Фэнтестик новелз»,— «Корабль Иштар» Абрахама Меррита. Вместе с «Тигр! Тигр!» Альфреда Бестера это, пожалуй, главное НФ-произведение, повлиявшее на меня.

Многие считают Меррита выдающимся в своем роде писателем. Он писал главным образом для дешевых изданий в период между двумя мировыми войнами. «Лунная заводь», «Лик в бездне», «Обитатели миража», «Гори, ведьма, гори!», «Семь шагов к Сатане», «Металлический монстр» и «Женщина-лиса» — все эти его сочинения оказали на меня огромное воздействие, и я уверен, что их влияние легко обнаруживается в фэнтезийных историях, которые я писал в то время.

По какой-то причине я не очень хорошо относился к Толкину и прочим почтенным фантастам более благородного воспитания. За исключением Чарлза Уильямса, мне их манера казалась избыточной, подозрительно напоминающей «Детский час» на Би-би-си, к тому же их книги изобиловали самыми невероятными допущениями. К. С. Льюис в моем восприятии почему-то до сих пор ассоциируется с попытками моего дядюшки Мака превратить меня в послушного мальчика, а его протертая кашка всегда вызывала у меня глубокую неприязнь.

В отличие от всего этого, Рикмэл Кромптон и дешевые журналы тех лет предлагали подрывную альтернативу.

Я считаю, что Меррит остается великим преемником Генри Райдера Хаггарда, и «Корабль Иштар» занимает место рядом с романами «Она» и «Копи царя Соломона».

Эдгар Райс Берроуз, пользовавшийся большей популярностью, чем его современник Меррит, доминировал в дешевых американских журналах в течение многих лет. Герои вроде Тарзана, царя обезьян, Джона Картера с Марса, Карсона с Венеры и Дэвида Иннеса из Пеллюсидара оказали огромное влияние на мое мальчишеское воображение. Будучи школьником, я даже издавал журнал под названием «Берроузания», в котором отражалась моя страсть к Берроузу и ряду других писателей. О том, что они многим обязаны Берроузу, говорили и Ли Брэкетт, и Рэй Брэдбери. Одно из самых сильных воспоминаний детства: я просыпаюсь и обнаруживаю, что передо

мной красноватый, пустынный ландшафт, дно мертвого, высохшего марсианского моря — воспоминание не менее мощное, чем память о собачьих боях и бомбежках времен войны.

Впервые рассказы К. Л. Мур «Джарел из Джойри» и «Нортвест Смит» я прочел в старых выпусках журналов «Уэйрд тэйлз» и «Эйвон фэнтези ридер», издававшихся Дональдом А. Уолгеймом. Мур ткала самые богатые ковры, и чувственность в ее рассказах оказала мощное воздействие на мальчишку, который уже и без того впадал в экстаз от головокружительной атмосферы «Желтой книги», «Савойи» и французских романтиков. Возможно, потому, что мое школьное образование было не таким формальным, как у большинства моих сверстников, я мог наслаждаться всеми этими книгами сразу, нисколько не ощущая при этом, что одна написана искуснее, чем другая. Я читал Доусона и Гарланда, открывал для себя работы Бердслея с таким же удовольствием, с каким погружался в «Шамбло» Кэтрин Мур, «Черных слуг ночи» Лейбера или «Череполицего и других» Говарда. Я помню, что, читая загадочного «Короля в желтом» Р. У. Чемберса или «Пьеро на мгновение» Доусона, восторгался не меньше, чем при чтении потрепанного номера «Черной маски» с «Одним часом» Дэшила Хэммета или «Юнион Джека» с «Проблемой доказательств» Энтони Скина (в которой фигурировали Зенит и Альбинос). Для меня по сей день остается тайной, почему эти произведения считаются литературой второго сорта и чуть ли не приравниваются к чтиву для домохозяек — впрочем, многие издатели именно такого рода чтиву отдают предпочтение или, по меньшей мере, полагают его более достойным читательского внимания. Карьеристский литературный империализм эпохи Блумсбери внес свой немалый вклад в нынешнюю прискорбную поляризацию.

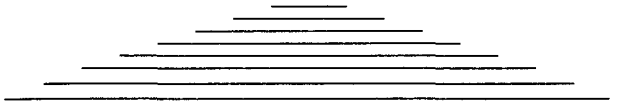
Баллард, Бейли и я превыше всего верили в необходимость высоких устремлений. Нам не очень-то нравились советы литературных *колонов,* которые переехали в гетто НФ приблизительно одновременно с переездом в Камден-Таун; они предлагали нам низвести наши амбиции до того печального уровня, который они сочли подходящим для себя. Мы в те дни, по крайней мере, были настроены апокалиптически и непримиримо. Мы были романтиками в те времена, когда считалось не модным быть кем-либо иным, кроме как литературным деятелем, которого так красочно описал А. Алварес: обычно в старом дождевике, в сером спортивном костюме, постоянно нагибающийся, чтобы отстегнуть велосипедные прищепки, сочиняющий напоказ стихи, которые невозможно отличить одно от другого и чей герой — мерзкий педофил Ларкин. У нас не было времени на такую литературу, как не было и на ту, которую Баллард определил как «бисквитно-шоколадная» школа английской НФ в «джемпере». Эта школа предлагала те же на удивление уютные кошмары и отражала то же самое тяготение к упрощенному миру, который населен исключительно не достигшими половой зрелости юнцами.

Мне хочется думать, что я постепенно взрослел в те ранние годы. Проблемы нравственности и смысла жизни, не дающие покоя Элрику, были в такой же степени и моими проблемами, и я, как и владыка руин, был излишне склонен к самодраматизации. Возможно, именно по этой причине он занимает такое важное место в моей жизни. Элрик решал многие волнующие его вопросы одновременно со мной. Он был создан в изумительный период головокружительных взлетов, когда выходили «Утонувший мир» и «Пограничный берег» Балларда, а Бейли начинал работу, которая впоследствии стала известна как «Рыцари пределов» и «Душа робота». Я полагаю, что жизненная энергия того времени частично питала и «Буревестника». В известной степени я написал эту вещь для Балларда и Бейли, а также для Джима Которна, который иногда зарисовывал эпизоды, перед тем как я их описывал, и разработал дизайн нового издания книги.

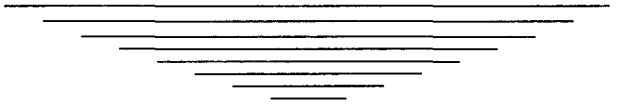
Когда-то я переписал «Буревестника» для первого книжного издания, и Колин Гринланд указал мне, что, возвращая книгу к ее первоначальному объему, я опустил одну сцену. В настоящем издании эта сцена в той или иной степени восстановлена, кроме того, я внес некоторые другие мелкие изменения. Но, как и в ранней прозе, я предпочитаю оставить в первозданном, непричесанном виде эпизоды, отражающие те буйные, непредсказуемые эмоции, которые я привносил в свои сочинения, когда мир был много моложе и если повесть не писалась за одни сутки, то ее не стоило и писать...

Ваш
Майкл Муркок.

ЭЛРИК
Нио
Банарва
ТАРКЕШ
МИИРРН
БЛЕДНОЕ МОРЕ
ДХАРИДЖОР
Громурва
долина Ксаньяу
Секвалорис
Нихрейн
Наргессер
ДЖАРКОР
Дхакос
ПРОЛИВ ХАОСА
о. Пан Танг
Токора
Хвамгаарл
ШАЗААР
о. Мелнибонэ
Туманные топи
Афлитеин
Зубы Змеи
Имррир
БЕЗМОЛВНЫЕ ЗЕМЛИ
МОРЕ ДРАКОНОВ
Чародейский остров
Р'лин К'рен А'а
Рамасаз
КИПЯЩЕЕ МОРЕ
Ашанелун
ОИН
Дхоз-кам
р. Ар
ЙУ
К КАНЕЛУНУ И КРАЮ МИРА
ЭПОХА МОЛОДЫХ КОРОЛЕВСТВ
ВЗДЫХАЮЩАЯ ПУСТЫНЯ
К ФУМУ И ЙЕШПОТУМ КАЛАЙ
Танелорн
Зубчатые Столбы
ЭШМИР
Кварцхасаат
Элвер
ИЛЛМИОРА
Илмар
Карлаак
ПЛАЧУЩАЯ ПУСТОШЬ
Бакшаан
Троосский лес
Горджан
НА ОКАРУ И ЧАНГШАЙ
Ригнарием
Надсокор
Джадмар
ВИЛЬМИР
Старый Тролмар
ВИЛЬМИРСКИЙ ПРОЛИВ
Крепость Заката
о. Пурпурных городов
Мений
Чалал
р. Ча
Трепесаз
Расхил
ФИЛАКХАР
АРГИМИЛИАР
ПИКАРАЙД
р. Силан
Стагасаз
р. Зафра-Трепек
Йосаз
ЛОРМИР
Алорасаз



Спящая волшебница



Посвящается Кену Балмеру, который, будучи редактором журнала «Меч и магия», попросил меня написать для него эту книгу как одну из глав многочастевого романа. Журнал, который должен был стать партнером «Видений завтрашнего дня», так никогда и не вышел в свет, поскольку спонсор лишил финансовой поддержки и тот и другой.

Часть первая

МУЧЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

...И после этого Элрик и в самом деле покинул Джаркор, отправившись в погоню за неким колдуном, который, по словам Элрика, причинил ему некоторое неудобство...

Хроника Черного Меча

Глава первая

БЛЕДНЫЙ ВЛАДЫКА НА БЕРЕГУ, ЗАЛИТОМ ЛУННЫМ СВЕТОМ

Холодная, закутанная в тучи луна бросала слабые лучи на мрачное море, освещая корабль, стоящий на якоре у необитаемого берега.

С корабля спускали лодку. Она раскачивалась на канатах. Двое в длинных плащах смотрели, как моряки спускают на воду небольшое суденышко, сами же тем временем пытались успокоить лошадей, которые били копытами по неустойчивой палубе, храпели и сверкали глазами.

Более низкорослый путешественник изо всех сил цеплялся за уздечку, сдерживая коня, и ругался:

— Ну зачем мы это делаем? Почему мы не могли сойти на берег в Трепесазе? Или, по крайней мере, в какой-нибудь рыболовной гавани, где есть гостиница, пусть и самая захудалая...

— Потому что, друг Мунглам, я хочу появиться в Лормире незаметно. Если Телеб К'аарна узнает о моем появлении — а он непременно узнал бы, высадись мы в Трепесазе,— он снова исчезнет, и нам придется заново начинать погоню. Тебе бы это понравилось?

Мунглам пожал плечами.

— Мне все же не избавиться от ощущения, что твоя погоня за этим колдуном — это всего лишь подмена настоящей деятельности. Ты ищешь его, потому что не хочешь искать свою истинную судьбу...

Элрик, озаренный луной, повернул лицо цвета кости к Мунгламу и смерил его взглядом малиновых переменчивых глаз.

— Ну и что с того? Если не хочешь, можешь не сопровождать меня...

И снова Мунглам пожал плечами.

— Да, я знаю. Возможно, я не ухожу от тебя по той же причине, по которой ты преследуешь этого колдуна из Пан-Танга.— Он ухмыльнулся.— Так что, может, оставим этот спор, господин Элрик?

— Споры ничего не дают,— согласился Элрик. Он потрепал коня по морде, когда появились моряки, облаченные в живописные таркешские шелка; моряки принялись спускать лошадей в лодку, уже стоящую на воде.

Лошади упирались, тихонько ржали в мешках, надетых им на головы, но их в конце концов спустили в лодку, и они принялись колотить копытами по днищу, словно намереваясь пробить его. После этого в раскачивающуюся лодку по канатам спустились Элрик и Мунглам с заплечными мешками за спиной. Моряки оттолкнулись веслами от борта корабля и начали грести к берегу.

Стояла поздняя осень, и воздух был холоден. Мунглам взглянул на мрачные скалы впереди, и его пробрала дрожь.

— Скоро зима, и я бы предпочел пристроиться в какой-нибудь теплой таверне, чем бродить по миру. Когда мы закончим дела с этим колдуном, как ты смотришь на то, чтобы направиться в Джадмар или в какой-нибудь другой вилмирский город — может, более теплый климат приведет нас в другое расположение духа?

Но Элрик не ответил. Его странные глаза уставились в темноту; казалось, он вглядывается в глубины собственной души и ему очень не нравится то, что предстает перед ним.

Мунглам вздохнул и сложил губы трубочкой, затем поплотнее закутался в плащ и потер руки, чтобы согреть их. Он уже привык к тому, что его друг может внезапно погружаться в молчание, но привычка ничуть не улучшила его отношения к этим приступам. Где-то на берегу вскрикнула ночная птица, взвизгнуло какое-то мелкое животное. Моряки ворчали, налегая на весла.

Из-за туч выглянула луна, осветившая суровое белое лицо Элрика, его малиновые глаза засветились, как угли ада. На берегу яснее стали видны голые утесы.

Моряки подняли весла, когда днище лодки зашуршало о прибрежную гальку. Лошади, почуяв берег, захрапели и снова стали бить копытами. Элрик и Мунглам принялись успокаивать их.

Два моряка выпрыгнули в холодную воду и подтащили лодку повыше. Другой моряк потрепал коня Элрика по шее и, не глядя альбиносу в глаза, проговорил:

— Капитан сказал, что ты заплатишь мне, господин, когда мы доберемся до лормирского берега.

Элрик хмыкнул и сунул руку под плащ. Он вытащил драгоценный камень, ярко засверкавший в темноте ночи. Моряк удивленно открыл рот и протянул руку, чтобы взять камень.

— Кровь Ксиомбарг! Никогда не видел такого чистого камня!

Элрик повел коня по мелководью, Мунглам спешно последовал за ним, ругаясь вполголоса и покачивая головой.

Посмеиваясь между собой, моряки принялись грести в обратную сторону.

Элрик и Мунглам сели на коней, и Мунглам, глядя на исчезающую в темноте лодку, сказал:

— Этот камень стоит в сто раз больше, чем наш проезд!

— Ну и что? — Элрик сунул ногу поглубже в стремя и направил коня к утесу, который был не так крут, как другие. Он на мгновение приподнялся в стременах, чтобы поправить плащ и поудобнее устроиться в седле.— Кажется, тут тропинка. Хотя она и заросла.

— Должен сказать,— горько проговорил Мунглам,— что если бы забота о нашем пропитании лежала на тебе, то мы бы голодали. Если бы я не предпринял меры по сохранению кое-каких средств от продажи триремы, которую мы захватили и продали в Дхакосе, мы бы теперь были нищими.

— Согласен,— беззаботно сказал Элрик и пришпорил коня, направляя его на тропинку, которая вела на вершину утеса.

Мунглам раздраженно покачал головой, но последовал за альбиносом.

Светало. Они то поднимались по склонам холмов, то спускались в долины — таков был типичный ландшафт самого северного лормирского полуострова.

— Поскольку Телеб К'аарна живет за счет богатых покровителей,— объяснил другу Элрик,— он почти наверняка отправится в столицу, в Йосаз, где правит король Монтан. Он попытается устроиться при каком-нибудь аристократе, а может, даже при самом короле.

— И когда же мы увидим столицу? — спросил Мунглам, поглядывая на тучи.

— До столицы несколько дней пути, мой друг.

Мунглам вздохнул. Небеса грозили снегопадом, а шатер в его седельном мешке был из тонкого шелка, пригодного для более теплых краев на востоке и западе.

Он поблагодарил своих богов за то, что на нем под доспехами была теплая куртка с подкладкой, а перед тем, как спуститься с корабля в лодку, он под яркие штаны красного шелка, которые носил сверху, надел шерстяные. Его коническая шапка из меха, железа и кожи имела наушники, которые он теперь опустил и завязал под подбородком, а тяжелый плащ из оленьей кожи плотно облегал плечи.

Элрик же словно не замечал холода. Его собственный плащ развевался за ним на ветру. На нем были штаны из темно-синего шелка, рубашка черного шелка с высоким воротником, стальной нагрудник, покрытый, как и его шлем, черным блестящим лаком и изящно украшенный серебром. К седлу были привязаны две сумки, на которых крепились лук и колчан со стрелами. На боку у всадника раскачивался огромный рунный меч Буревестник — источник силы его и его несчастий, а справа висел длинный кинжал, подаренный ему Йишаной — королевой Джаркора.

У Мунглама были такие же лук и колчан. На каждом боку у него висело по мечу — один был короткий и прямой, другой — длинный и искривленный на манер тех, что делали на его родине, в Элвере. Оба клинка были в ножнах из великолепно выделанной илмиорской кожи, прошитой алыми и золотыми нитями.

Те, кто их не знал, могли бы подумать, что видят пару наемников, которым повезло больше, чем большинству их коллег по ремеслу.

Кони неутомимо несли их по местности. Это были высокие шазаарские жеребцы, славившиеся в Молодых королевствах своей выносливостью и сообразительностью. Они были рады возможности двигаться после нескольких недель заточения в трюме таркешского корабля.

Время от времени Элрику и Мунгламу попадались небольшие деревеньки — несколько приземистых домишек из камня с соломенными крышами, но путники избегали их.

Лормир был одним из старейших Молодых королевств, и прежде история мира создавалась главным образом в Лормире. Даже мелнибонийцы знали о деяниях древнего лормирского героя — Обека из Маладора, что в провинции Клант; по легенде, этот герой освободил новые земли от Хаоса, который царил за Краем Мира. Но былая мощь Лормира давно уже закатилась, хотя его народ и оставался одним из самых сильных на юго-западе,— и он превратился в страну, которая была сколь живописной, столь и культурной. Элрик и Мунглам проезжали мимо земледельческих хозяйств, ухоженных полей, виноградников и фруктовых садов — деревьев с золотыми листьями, окруженных поросшими мхом стенами. Прекрасная и тихая земля, так не похожая на оставшиеся позади беспокойные, бурлящие северо-западные страны — Джаркор, Таркеш и Дхариджор.

Мунглам поглядывал вокруг; они замедлили ход, пустив коней неторопливой рысью.

— Телеб К'аарна может принести много горя этим землям, Элрик. Они напоминают мне мирные холмы и долины моей родины — Элвера.

Элрик кивнул.

— Беспокойные годы Лормира кончились, когда лормирцы сбросили иго Мелнибонэ и провозгласили себя свободным народом. Мне нравится этот мирный ландшафт. Он успокаивает меня. Вот еще одна причина, по которой мы поскорее должны найти колдуна — пока он не начал творить здесь пакости.

Мунглам тихонько улыбнулся.

— Поостерегись, дружище. Ты опять поддаешься тем самым чувствам, которые так презираешь...

Элрик выпрямился в седле.

— Ладно, давай поторопимся, чтобы побыстрей добраться до Йосаза.

— Чем скорее мы доберемся до какого-нибудь города, с порядочной таверной и теплым камельком, тем лучше.— Мунглам поплотнее закутался в плащ.

— Тогда молись о том, чтобы душа этого колдуна поскорее попала в ад, господин Мунглам, потому что тогда и я с удовольствием сяду перед огоньком и просижу так всю зиму, если тебе того хочется.

Элрик резко перевел коня в галоп. Над мирными холмами начал смыкаться вечер.

Глава вторая

БЕЛОЕ ЛИЦО СМОТРИТ СКВОЗЬ СНЕГ

Лормир был известен огромными реками. Именно благодаря рекам эта земля стала богатой и продолжала оставаться сильной.

Спустя три дня пути, когда с неба посыпался легкий снежок, Элрик и Мунглам, спустившись с гор, увидели перед собой пенящуюся воду реки Схлан — притока Зафра-Трепека, который нес свои воды за Йосазом в направлении моря у Трепесаза.

Ни один корабль не заходил в Схлан так высоко, потому что здесь на каждой миле были пороги и водопады, но Элрик собирался послать Мунглама в древний город Стагасаз, стоявший у места впадения Схлана в Зафра-Трепек, чтобы купить там небольшую лодку, на которой они могли бы подняться по Зафра-Трепеку до Йосаза, где, как был уверен Элрик, скрывался Телеб К'аарна.

Они гнали коней по берегу Схлана, надеясь до темноты успеть добраться до городских окраин. Они скакали мимо рыбацких деревушек и домов местной знати, время от времени их окликал мирный рыбак, закидывавший невод в тихие глубины реки, но они не останавливались. Рыбаки здесь все как один были краснолицы, носили огромные пушистые усы и одевались в разукрашенные льняные блузы и кожаные сапоги чуть ли не до паха. Эти люди в прежние времена были в любой момент готовы оставить рыболовные сети, взять в руки мечи и алебарды, сесть на коней и отправиться на защиту своей земли.

— Может быть, позаимствовать лодку у кого-нибудь из рыбаков? — предложил Мунглам. Но Элрик отрицательно покачал головой.

— Местные рыбаки известны своими длинными языками. Слух о нашем прибытии вполне может опередить нас, и Телеб К'аарна, таким образом, будет предупрежден.

— Мне кажется, ты осторожен сверх всякой меры...

— Он слишком часто уходил от меня.

Они увидели новые пороги. В сумерках перед ними предстали огромные черные камни, через которые перекатывалась ревущая вода, посылая высоко вверх холодные брызги. Здесь не было ни домов, ни деревень, а тропинка вдоль берега сузилась, и Элрику с Мунгламом пришлось замедлить коней и двигаться осторожно, чтобы не свалиться в воду.

Мунглам, перекрывая шум воды, закричал:

— Мы сегодня дотемна не успеем добраться до Стагасаза!

Элрик кивнул.

— Минуем пороги и сделаем привал. Вон там.

Снег продолжал падать, и ветер дул им в лицо, что еще сильнее затрудняло их продвижение по узкой тропинке, ко-

торая петляла теперь высоко над рекой. Но наконец непогода стала стихать, тропинка стала пошире, а вода спокойнее, и путники с облегчением оглянулись — они были на ровном месте, где вполне можно было устроить привал.

Первым их увидел Мунглам.

Дрожащей рукой он указал в небо на севере.

— Элрик, что ты об этом думаешь?

Элрик взглянул на низкое небо, смахивая с лица снежинки.

Поначалу в его взгляде отразилось недоумение. Брови Элрика сошлись к переносице, глаза прищурились.

Какие-то черные тени на небе.

Крылатые тени.

На таком расстоянии догадаться об их истинном размере было невозможно, но летели они вовсе не так, как летают птицы. Элрик вспомнил о других летающих существах — о тех, которых он видел в последний раз, когда морские владыки сожгли Имррир и мелнибонийцы отомстили налетчикам.

Месть тогда имела две формы.

Первая — в виде золотых боевых барок, которые подстерегли пиратов, когда те покидали грезящий город.

Вторая — в виде огромных драконов Сияющей империи.

Те существа, которых он видел сейчас, чем-то напоминали драконов.

Неужели мелнибонийцы нашли способ разбудить драконов до окончания времени, требовавшегося им для того, чтобы восстановить силы? Неужели они выпустили драконов и отправили их на поиски Элрика, который выступил против своих, предал свой собственный получеловеческий род, чтобы отомстить кузену Йиркуну, захватившему власть в Мелнибонэ и занявшему Рубиновый трон Имррира?

Лицо Элрика сделалось жестким, мрачным. Его малиновые глаза сверкали, как отполированные рубины. Его левая рука легла на эфес огромного черного меча — рунного меча Буревестника. Элрик с трудом сдерживал нахлынувший на него ужас.

Летящие формы изменились. Они уже не напоминали драконов, а стали похожи на многоцветных лебедей, чьи сверкающие перья улавливали и отражали остатки дневного света. Они приближались. У Мунглама вырвался испуганный вздох.

— Они такие огромные!

— Доставай свой меч, дружище Мунглам. Доставай и молись тем богам, которые властвуют в Элвере. Эти существа вызваны к жизни колдовством, и послал их сюда, несомненно, Телеб К'аарна, чтобы уничтожить нас. Мое уважение к этому колдуну растет.

— Кто они такие, Элрик?

— Это существа Хаоса. В Мелнибонэ их называли унаями. Они могут менять свой вид. Подчинить их себе, заставить принять нужный облик может только колдун огромной умственной дисциплины, обладающий к тому же необыкновенной силой. Некоторые из моих предков умели это делать, но я никак не думал, что на это способен какой-то колдунишка из Пан-Танга.

— И ты не знаешь никакого колдовства против них?

— Что-то ни одно не приходит в голову. Прогнать их смог бы только кто-нибудь из Владык Хаоса, например мой покровитель Ариох.

Мунглама пробрала дрожь.

— Тогда вызывай Ариоха. Прошу тебя, не медли!

Элрик смерил Мунглама легким ироническим взглядом.

— Наверное, эти существа наполняют тебя немалым страхом, если ты готов вынести даже присутствие самого Ариоха, друг Мунглам.

Мунглам вытащил свой длинный кривой меч.

— Возможно, мы им вовсе и не нужны,— сказал он.— Но лучше уж все равно подготовиться.

Элрик улыбнулся.

— Пожалуй.

И тогда Мунглам извлек свой прямой меч и обмотал поводья коня вокруг руки.

С небес до них донесся пронзительный гогот.

Лошади били копытами в землю.

Гогот становился все громче. Существа открыли свои клювы и стали перекликаться, и сделалось совершенно очевидно, что никакие это не гигантские лебеди, потому что у них были извивающиеся языки, а из их клювов торчали длинные ост-

рые клыки. Они слегка изменили направление и теперь летели прямо на путников.

Элрик откинул голову и, вытащив свой огромный меч, поднял его к небесам. Меч пульсировал и стонал, и от него исходило черное свечение, отбрасывая тени на бледное лицо владельца.

Шазаарский конь заржал и встал на дыбы, лицо Элрика исказила мука, а с его губ стали срываться слова:

— Ариох! Ариох! Ариох! Повелитель Семи Бездн, Владыка Хаоса, помоги мне! Помоги мне скорей, Ариох!

Конь Мунглама пятился в страхе, и маленькому человечку лишь с трудом удавалось удерживать его. Он так побледнел, что лицо его цветом не уступало лицу Элрика.

— Ариох!

Химеры начали сужать над ними круги.

— Ариох! Кровь и души, если ты мне поможешь!

И тогда в нескольких ярдах от него заклубился появившийся из ниоткуда черный туман. Туман словно бы кипел, и в нем проявлялись какие-то странные, вызывающие отвращение очертания.

— Ариох!

Туман стал еще гуще.

— Ариох! Я прошу тебя — помоги мне!

Конь бил копытом воздух, храпел и ржал, ноздри его клубились, глаза сверкали. Но Элрик, чьи губы так растянулись на зубах, что он стал похож на бешеного волка, крепко держался в седле; темный туман тем временем задрожал, и в верхней его части всплыло странное неземное лицо. Это было лицо изумительной красоты, лицо абсолютного зла. Мунглам отвернулся, не в силах смотреть на него.

Из прекрасного рта раздался приятный, с присвистом голос. Туман неторопливо клубился, свет его изменялся на крапчатый алый, перемежающийся изумрудно-зеленым.

— Приветствую тебя, Элрик,— сказало лицо.— Приветствую тебя, самый возлюбленный из моих детей.

— Помоги мне, Ариох!

— Ах,— сказало лицо тоном, исполненным искреннего сочувствия.— Ах, это невозможно...

— Ты должен мне помочь!

Химеры замедлили свой спуск, увидев странный туман.

— Это невозможно, милейший из моих рабов. В царстве Хаоса есть дела и поважнее. Дела наиважнейшие, как я уже говорил. Я предлагаю тебе только мое благословение.

— Ариох, я прошу тебя!

— Не забывай о своей клятве Хаосу и о том, что, несмотря ни на что, ты должен оставаться преданным нам. Прощай, Элрик.

И темный туман исчез.

Химеры спустились ниже.

Элрик испустил мучительный стон, а меч запел в его руке, задрожал, и его сияние чуть померкло.

Мунглам сплюнул.

— Чего уж и говорить, могущественный покровитель, но ужасно непостоянный.

Он выпрыгнул из седла, когда существо, десяток раз изменившее свою форму по мере приближения к нему, выпустило огромные когти, лязгая ими в воздухе. Конь без всадника снова встал на дыбы, направляя удары своих копыт на исчадие Хаоса.

Клыкастая пасть щелкнула в воздухе.

Кровь хлынула из того места, где только что была лошадиная голова, лошадиное тело еще раз лягнуло воздух и рухнуло, оросив жадную землю своей кровью.

Держа остатки головы в том, что несколько мгновений назад было покрытой чешуей пастью, затем стало клювом, потом снова пастью, но теперь похожей на акулью, унай взмыл в воздух.

Мунглам взял себя в руки. Его глаза не видели ничего, кроме неминуемой гибели.

Элрик тоже соскочил со своего коня и шлепнул его ладонью по крупу, отчего тот поскакал прочь по направлению к реке. За ним последовала другая химера.

На этот раз летучая тварь впилась в тело коня когтями, появившимися вдруг в ее лапах. Конь попытался освободиться, его позвоночник чуть не сломался в этом тщетном сопротивлении. Химера со своей добычей взмыла в облака.

Снегопад усилился, но Элрик и Мунглам не замечали его — они стояли рядом в ожидании нападения следующего уная.

Мунглам тихо сказал:

— Может, ты знаешь какое другое заклинание, друг Элрик?

Альбинос покачал головой.

— Ничего, что могло бы помочь нам в этой ситуации. Унаи всегда служили мелнибонийцам. Они никогда нам не угрожали. Поэтому нам и не нужны были заклинания против них. Я пытаюсь придумать...

Химера гоготнула и завыла в воздухе над их головами.

Потом от стаи отделилась еще одна тварь и спикировала на землю.

— Они нападают по одному,— сказал Элрик каким-то отстраненным тоном, словно разглядывая насекомое в бутылке.— Они никогда не нападают стаей. Я не знаю почему.

Унай сел на землю и теперь принял форму слона с огромной головой крокодила.

— Не очень приятное сочетание,— сказал Элрик.

Земля сотрясалась под ногами надвигающейся на них твари.

Они ждали ее приближения плечом к плечу. Тварь была почти перед ними...

В последнее мгновение они разделились: Элрик бросился в одну сторону, Мунглам — в другую.

Химера проскочила между ними, и Элрик вонзил ей в бок свой меч.

Меч запел чуть ли не сладострастно, глубоко погрузившись в плоть твари, которая мгновенно изменилась — стала драконом, роняющим огненный яд со своих клыков.

Но тварь получила жестокую рану, из которой хлестала кровь. Химера взвыла и снова изменила свою форму, словно подыскивая такую, в которой рана исчезла бы.

Черная кровь еще сильнее хлестала из ее бока, как будто усилия, потраченные на изменения, увеличили рану.

Тварь упала на колени, блеск исчез с ее перьев, ушел с ее чешуи, выветрился с ее кожи. Она дернула ногами и замерла — тяжелое, черное, свиноподобное существо, уродливее которого ни Элрику, ни Мунгламу не доводилось видеть.

Мунглам проворчал:

— Нетрудно понять, почему у такой твари возникает желание изменять облик...

Он поднял голову.

На них спускалась еще одна тварь.

Эта была похожа на крылатого кита с кривыми клыками и хвостом, напоминающим огромный штопор.

Приземлившись, химера изменила свою форму. Теперь она стала похожа на человека. Перед путниками оказалась огромная — в два раза выше Элрика — красивая фигура; она была обнаженной, идеально сложенной, но смотрела пустым взглядом, и изо рта у нее капала слюна, как у ребенка-дегенерата. Химера резво побежала на них, протягивая к ним руки,— так дитя тянется к игрушке.

На этот раз Элрик и Мунглам ударили вместе — по рукам твари.

Острый меч Мунглама глубоко вошел в костяшки пальцев, а меч Элрика отсек запястье, и тут унай снова изменил свою форму, превратившись сначала в осьминога, затем в огромного тигра, а потом в смесь обоих и наконец стал камнем с разверстой трещиной, в которой виднелись белые щелкающие зубы.

Путники в недоумении ждали продолжения атаки. У основания камня они увидели струйку крови. Это навело Элрика на одну мысль.

С неожиданным криком он подпрыгнул, подняв меч над головой, а потом обрушил его на вершину камня — тот раскололся на две части.

Черный меч испустил какое-то подобие смеха, когда раздвоенный камень, сверкнув, превратился в свиноподобное существо, разрубленное на две половины; его внутренности и кровь расползались по земле.

Затем из-за пелены снега появился еще один унай — тело его сверкало оранжевым цветом, а видом своим он напоминал крылатую змею, завившуюся тысячью колец.

Элрик ударил по кольцам, но те двигались слишком быстро.

Другие химеры наблюдали все это время, как Элрик и Мунглам разделывались с двумя их товарищами, и смогли воочию убедиться, насколько те хорошо владеют искусством боя.

Кольчатая химера обвила тело Элрика, руки которого тут же оказались прижатыми к бокам. Он почувствовал, как тело его отрывается от земли, и в этот момент следующая химера, принявшая такую же форму, бросилась на Мунглама, намереваясь применить против него ту же тактику.

Элрик приготовился умереть, как умер до этого его конь. Он только молился о легкой смерти, а не мучительной — от рук Телеба К'аарны, который грозил предать Элрика медленной смерти.

Чешуйчатые крылья мощно рассекали воздух. Морда летающей твари приблизилась к голове Элрика.

Он испытал приступ отчаяния, поняв, что его и Мунглама быстро несут на север над бесконечной степью Лормира.

Не было сомнений — в конце этого путешествия их ждет Телеб К'аарна.

Глава третья

БЕСКРАЙНЕЕ НЕБО НАПОЛНЯЕТСЯ ПЕРЬЯМИ

Опустилась ночь, а химеры, не зная устали, продолжали свой полет; их тела чернели в белизне падающего снега.

Никаких признаков усталости колец не чувствовалось, хотя Элрик и пытался раздвинуть их. Он крепко держал свой меч и напрягал разум в поисках какого-нибудь средства, которое позволило бы победить этих монстров.

Если бы только нашлось какое-нибудь заклинание...

Он старался не думать о Телебе К'аарне, о том, что он сделает с ним, если только унаев на них действительно напустил колдун.

Колдовские способности Элрика были связаны главным образом с его умением управлять различными элементалями воздуха, огня, земли, воды и эфира, а также разными представителями земной флоры и фауны.

Он решил, что единственная его надежда — на Филит, повелительницу птиц, которая обитала в мире, расположенном за пределами измерений Земли, однако Элрик никак не мог вспомнить нужное заклинание.

Но даже если бы он и вспомнил его, он сначала должен был определенным образом настроить свой ум, вспомнить правильные ритмы, точные слова и интонации, и только после этого можно было обращаться за помощью к Филит, потому что вызвать ее было столь же трудно, как и переменчивого Ариоха,— и уж гораздо труднее, чем любого другого элементаля.

Сквозь падающий снег он смутно различил голос кричавшего что-то Мунглама.

— Что ты хочешь, Мунглам? — крикнул Элрик в ответ.

— Я только... хотел узнать... жив ли ты еще, друг мой Элрик?

— Да... Едва...

Лицо у него свело от холода, доспехи обледенели. Тело его мучительно болело под давлением колец химеры и от лютого мороза, царившего на такой высоте.

Они летели все дальше и дальше сквозь северную ночь, и Элрик пытался расслабиться, погрузиться в транс и найти в своей памяти древнее знание предков.

На рассвете тучи рассеялись, и красные солнечные лучи проникли в белизну снега, растеклись, как кровь по булату. Внизу, насколько хватало глаз, простиралась степь — огромное, от горизонта до горизонта покрытое снегом пространство, а вверху небеса были как синеватая корка льда, в которой красной полыньей сверкало солнце.

Неутомимые химеры продолжали полет.

Элрик пытался вывести себя из полузабытья, в котором пребывал его мозг, и молился своим ненадежным богам, чтобы те помогли ему вспомнить нужное заклинание.

Его губы смерзлись. Он облизнул их, ощущая вкус льда на языке. Он разомкнул губы, и в рот ему хлынула струя горьковатого воздуха. Он закашлялся, поднял голову. Его малиновые глаза засверкали.

Он заставил свои губы произносить странные звуки, выкрикивать насыщенные гласными слова высокого наречия древнего Мелнибонэ — речи, малопригодной для человеческого языка.

— Филит,— пробормотал он и принялся распевать заклинание. Он пел, а меч становился теплее в его руке, посылая

в тело заряды энергии, и необычное заклинание громко звучало в холодном небе:

Пеньем перьев память свита —
Рук и крыл, твоя с моей;
В ней — богами приоткрытый,
Древней силы нитью сшитый,
Договор далеких дней.

Филит, прекрасен птиц полет!
Прошу, примчись ко мне с высот —
Бескрылый брат спасенья ждет!*

Зов состоял не только в произносимых Элриком словах заклинания. Он подкреплялся мыслями, зрительными образами, которые нужно было все это время удерживать в голове, эмоциями, обостренными воспоминаниями. Без всего этого единства заклинание становилось бесполезным.

За много веков до этого мелнибонийские короли-чародеи заключили договор с Филит, повелительницей птиц. Этот договор гласил, что любая птица, обосновавшаяся в стенах Имррира, будет находиться под защитой, ни одна птица не будет убита мелнибонийцем. Этот договор соблюдался, и Грезящий город, Имррир, стал прибежищем для множества самых разнообразных птиц, и какое-то время башни города были сплошь усеяны перьями.

И Элрик, вспомнив о том договоре, произносил заклинание — умолял Филит вспомнить о ее обязательствах в этой сделке.

О, братья неба, сестры туч,
Летите, словно солнца луч,
На помощь мне с небесных круч!

Не первый раз обращался он к элементалям и существам, родственным им. Совсем недавно в своем противостоянии с Телебом К'аарной он вызвал Хааашаастаака, владыку ящериц, а еще раньше прибегал он к помощи элементалей ветра — сильфов, шарнахов и х'Хааршанов, а еще раньше — к помощи элементалей земли.

* Перевод Р. Адрианова.

Но Филит была непостоянна.

И теперь, когда Имррир превратился в дымящиеся руины, она, возможно, решит пренебречь древним договором.

— Филит...

Он ослабел от заклинания. Сейчас, даже если бы ему представилась такая возможность, он не смог бы победить Телеба К'аарну.

— Филит...

И тут в воздухе возникло какое-то движение, и на химер, несущих Элрика и Мунглама на север, упала огромная тень.

Голос Элрика сорвался, когда он поднял взор. Но он улыбнулся и произнес:

— Я благодарю тебя, Филит.

Небо было черно от птиц. Здесь были орлы, малиновки, грачи, скворцы, вьюрки, коршуны, вороны, ястребы, павлины, фламинго, голуби, попугаи, сороки, совы. Их перья отливали стальным блеском, а воздух полнился их криками.

Унай поднял свою змеиную голову и зашипел, высунув длинный язык между клыками, замолотил свернутым в кольца хвостом. Одна из химер — не из тех, что несли Элрика и Мунглама,— изменила форму и, превратившись в гигантского кондора, понеслась навстречу птичьей стае, заполнившей небо.

Но обмануть стаю ей не удалось. Химера исчезла, окруженная птицами. Послышался дикий вой, а потом что-то черное и напоминающее свинью полетело вниз, роняя на ходу внутренности, истекая кровью.

Следующая химера — последняя, если не считать тех двух, что несли Элрика и Мунглама,— приняла форму дракона, почти ничем не отличавшегося от тех, которыми управлял альбинос, будучи правителем Мелнибонэ, только крупнее и неповоротливее, чем Огнеклык и остальные.

Элрик ощутил тошнотворный запах горящего мяса и перьев — это на его союзников пролился горючий яд.

Но в воздухе появлялись все новые и новые птицы, они кричали, свистели, каркали, ухали, множество крыльев били воздух, и скоро и этот унай исчез из виду, снова раздался сдавленный вопль, и искалеченное свиноподобное тело полетело вниз.

Птицы разделились на две стаи и теперь обратились против химер, которые несли Элрика и Мунглама. Они устремились вниз, как две гигантские стрелы,— во главе каждой стаи по десять золотистых орлов, спикировавших на горящие глаза унаев.

Под атакой птиц химеры были вынуждены изменить форму, и Элрик тут же почувствовал, что падает. Его тело онемело, словно камень, и он помнил только о том, что нужно крепко держать Буревестник, и, падая, проклинал судьбу. Он спасся от тварей Хаоса только для того, чтобы разбиться насмерть о покрытую снегом землю внизу.

Но тут что-то ухватило его за плащ, и он повис в воздухе. Взглянув вверх, он увидел стаю орлов, которые держали его за одежду когтями и клювами, замедляя его падение, отчего удар о снег получился слабым.

Орлы устремились назад — продолжить схватку с химерами.

В нескольких футах от Элрика приземлился Мунглам, которого доставили другие орлы, сразу же вернувшиеся к своим товарищам, сражавшимся с оставшимися в живых унаями.

Мунглам подобрал меч, выпавший из его руки. Он потер правое бедро и с чувством сказал:

— Постараюсь больше никогда не есть летающую дичь. Значит, тебе все-таки удалось вспомнить заклинание, да?

— Удалось.

Два свинообразных тела грохнулись на землю неподалеку.

Несколько мгновений птицы исполняли странный танец-кружение в небесах, частично приветствуя двух путников, частично торжествуя победу, потом они разделились на группы по видам и быстро улетели. Скоро в холодном синем небе не осталось ни одной птицы.

Элрик поднялся с земли — все его тело болело и саднило — и сунул в ножны Буревестник. Он глубоко вздохнул и поднял взор в небеса.

— Филит, я еще раз благодарю тебя.

Вид у Мунглама все еще был недоумевающий.

— Как ты сумел их вызвать, Элрик?

Элрик снял с головы шлем и отер его от пота изнутри. При такой погоде пот грозил скоро превратиться в лед.

— Древняя сделка, заключенная моими предками. Плохо бы нам пришлось, если бы я не вспомнил.

— А уж я-то как рад, что ты вспомнил!

Элрик задумчиво кивнул. Он снова водрузил шлем на голову и оглянулся.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась укрытая снегом бесконечная лормирская степь.

Мунглам прочел мысли Элрика. Он потер подбородок.

— Да, похоже, мы с тобой заблудились, друг Элрик. Ты не знаешь, где мы?

— Не знаю, друг Мунглам. Мы не можем определить, как далеко унесли нас эти твари, но я почти не сомневаюсь, что направление было на север от Йосаза. Мы сейчас дальше от столицы, чем были раньше...

— Но, значит, Телеб К'аарна тоже находится где-то здесь! Если нас и в самом деле несли к тому месту, где он обосновался...

— Согласен, в том, что ты говоришь, есть логика.

— Так что же, продолжим путь на север?

— Не думаю.

— Почему?

— По двум причинам. Не исключено, что Телеб К'аарна хотел убрать нас куда-нибудь подальше, чтобы мы не смогли помешать осуществлению его планов. Такие действия можно считать гораздо более разумными, чем прямое столкновение с нами, ведь в последнем случае ему могло не поздоровиться...

— Да, готов согласиться. А какова вторая причина?

— Лучше нам попытаться добраться до Йосаза, где мы сможем пополнить запасы провизии и прикупить себе одежду, а еще порасспрашивать о том, где может находиться Телеб К'аарна, если только мы не найдем его там. И потом, продолжать движение на север без хороших лошадей было бы глупо, а в Йосазе мы найдем лошадей и, наверное, и сани, на которых мы сможем быстрее двигаться по этому снегу.

— Что ж, я готов с тобой согласиться и в этом. Но только шансы дойти куда-нибудь в такую погоду у нас невелики, куда бы мы ни направились.

— Мы должны начать путь и надеяться, что найдем реку, которая еще не успела покрыться льдом. На этой реке непременно будут лодки, и мы на них доберемся до Йосаза.

— Шансов на это немного, Элрик.

— Да, немного.— Элрик чувствовал слабость — он потратил немало сил, вызывая Филит. Он знал, что почти неизбежно должен умереть, но не был уверен, что это его так уж сильно волнует. Такая смерть будет чище, чем та, которой он только-только избежал, и менее болезненной, чем смерть, которую он мог ожидать, окажись он в руках колдуна из Пан-Танга.

Они начали свой путь по снегу. Медленно двигались они на юг — две маленькие фигурки на бескрайнем заснеженном просторе, два крохотных зернышка тепла среди огромной ледяной пустыни.

Глава четвертая

ОДИНОКИЙ СТАРЫЙ ЗАМОК

Прошел день, прошла ночь.

Потом наступил вечер второго дня, а двое все продолжали свой путь — они давно потеряли направление, и единственное, что им оставалось, это идти и идти.

Опустилась ночь, теперь они уже двигались ползком.

Говорить они не могли. Холод пробирал их до костей.

Холод и истощение почти лишили их сознания, а потому когда они упали в снег, то даже не отдавали себе отчета в том, что перестали двигаться. Они уже не чувствовали различий между жизнью и смертью, между существованием и прекращением существования.

И когда взошло солнце и чуть согрело их плоть, они шевельнулись и подняли головы — возможно, для того, чтобы в последний раз окинуть взглядом тот мир, который покидали.

И увидели замок.

Замок стоял посреди степи, судя по всему, с глубокой древности. Лишайник и мох, которыми поросли старые потрескавшиеся камни, были покрыты снегом. Казалось, он стоит здесь целую вечность, но ни Элрик, ни Мунглам никогда не слышали о том, чтобы замки строились посреди степи. Трудно было представить, как мог существовать такой замок в земле, которая когда-то называлась Краем Мира.

Мунглам поднялся первым. По глубокому снегу, спотыкаясь, добрался он до того места, где лежал Элрик.

Ток больной крови по телу Элрика почти прекратился. Он застонал, когда Мунглам поднял его на ноги, и попытался что-то сказать, но губы его смерзлись.

Цепляясь друг за друга, иногда шагая, иногда ползком стали они двигаться в сторону замка.

Вход был открыт. Они ввалились внутрь, и тепло, хлынувшее на них, вернуло их к жизни; теперь им хватило сил, чтобы встать и пройти по узкому коридору в большой зал.

Зал был пуст.

Они не увидели здесь никакой мебели, лишь огромный, выложенный гранитом очаг в дальнем конце зала. Они прошли туда по выстланному плитками из лазурита полу.

— Значит, замок обитаем.

Голос Мунглама прозвучал резко и хрипло. Он озирался, оглядывая базальтовые стены. Потом, насколько хватило сил, возвысил голос:

— Приветствую того, кому принадлежит этот зал. Мы — Мунглам из Элвера и Элрик из Мелнибонэ, и мы просим тебя о гостеприимстве, потому что заблудились в твоей стране.

Колени Элрика подломились, и он рухнул на пол.

Мунглам бросился к нему, слыша свой голос, эхом отдающийся под сводами зала. Вокруг царила тишина, если не считать потрескивания поленьев в очаге.

Мунглам подтащил альбиноса к огню и уложил его рядом с очагом.

— Погрей тут свои кости, друг Элрик, а я поищу тех, кто здесь живет.

Он пересек зал и поднялся по каменным ступенькам, которые вели на второй этаж.

Здесь, как и внизу, не было никакой мебели или украшений. Он прошел через множество комнат, но все они были пусты. Мунглам почувствовал беспокойство — ему казалось,

что за этим кроется что-то потустороннее. Уж не принадлежит ли этот замок Телебу К'аарне?

Но кто-то здесь все же обитал. Кто-то ведь развел огонь в очаге, кто-то отпер ворота, чтобы они с Элриком могли войти. И обитатели не могли покинуть замок обычным способом, потому что в этом случае они оставили бы следы на снегу.

Мунглам помедлил, потом повернулся и начал медленно спускаться. Вернувшись в зал, он увидел, что альбинос уже пришел в себя и сидит, опираясь спиной о стену вблизи очага.

— Ну, что ты нашел?..— спросил Элрик хриплым голосом.

Мунглам пожал плечами.

— Ничего. Ни слуг, ни хозяина. Если они отправились на охоту, то вылетели отсюда на каких-то летающих зверях, потому что мы не видели следов на снегу у замка. Должен признаться, я немного нервничаю.— Он слабо улыбнулся.— Да, и еще я слегка голоден. Пойду поищу кладовку. Если возникнет какая-нибудь опасность, то лучше ее встретить не на пустой желудок.

С одной стороны от очага находилась дверь. Он толкнул ее, и она открылась в короткий коридор, в конце которого виднелась другая дверь. Он пошел по коридору, держа меч в руке, приблизился ко второй двери и открыл ее. Там тоже было помещение, такое же пустое, как и все предыдущие им виденные. За этим помещением он увидел кухню замка. Он прошел по кухне, отметив про себя, что там находится кухонная утварь — отполированная и чистая, но не используемая. Наконец он оказался у кладовой.

Здесь он обнаружил большую часть оленьей туши на крюке, а на полке за нею стояли меха и кувшины с вином. Под этой полкой были хлебы и пироги, а еще ниже — специи.

Первым делом Мунглам поднялся на цыпочки и взял кувшин с вином. Вытащив пробку, он понюхал содержимое.

В жизни он не чувствовал более восхитительного запаха.

Он попробовал вино и тут же забыл о своей боли и усталости. Но о том, что Элрик ждет его в зале, он помнил.

Отрезав своим коротким мечом часть туши, он сунул ее под мышку. Потом выбрал несколько приправ и положил их в сумку на поясе. Под другую руку он сунул хлеб, прихватил и кувшин с вином.

Он вернулся в зал, положил на пол свою добычу и помог Элрику отхлебнуть из кувшина.

Странное вино почти мгновенно произвело свое действие, и Элрик благодарно улыбнулся Мунгламу.

— Ты... хороший друг... Чем я заслужил...

Мунглам отвернулся, смущенно хмыкнув. Он собирался приготовить мясо на огне.

Он никогда толком не понимал своей дружбы с альбиносом. Она всегда представляла собой необычную смесь уважения и привязанности, тонкий баланс, который оба они тщательно поддерживали даже в ситуациях, подобных нынешней.

Элрик после того, как его любовь к Симорил привела к ее гибели и разрушению города, который он любил, неизменно воздерживался от проявления теплых чувств к тем, к кому испытывал симпатию.

Он убежал от Шаариллы из Танцующего Тумана, которая беззаветно любила его. Он убежал от Йишаны, королевы Джаркора, предлагавшей ему свое королевство, невзирая на ненависть к нему ее подданных. Он избегал любых компаний, кроме Мунглама, а Мунглам тоже быстро утомлялся любым обществом, кроме малиновоглазого владыки Имррира. Мунглам был готов умереть за Элрика и знал, что Элрик презрит любую опасность, чтобы спасти своего друга. Но может быть, в этих отношениях было что-то нездоровое? Может быть, лучше им было разойтись в разные стороны? Эта мысль была ему невыносима. Ему казалось, что они — часть одного существа, различные проявления характера одного человека.

Он не понимал, откуда у него возникли такие чувства, и догадывался, что если Элрик когда и задавался этим вопросом, то тоже вряд ли смог найти ответ на него.

Он размышлял обо всем этом, поджаривая мясо на огне с помощью своего длинного меча.

Элрик тем временем отхлебнул еще вина и начал заметно отогреваться. На его коже все еще блестели отмороженные места, но оба они избежали серьезных повреждений.

В молчании съели они мясо, окидывая взглядами зал, размышляя о том, почему отсутствует хозяин, однако усталость их все еще была так велика, что вопрос этот мало их беспокоил.

Потом они, подбросив поленьев в очаг, уснули, а проснувшись утром, почти полностью оправились от пережитого испытания в снегу.

Они позавтракали холодным мясом, пирогами и вином.

Мунглам нашел кастрюлю, и в ней они подогрели воду, чтобы побриться и помыться, а у Элрика в сумке нашелся бальзам, которым они смазали отмороженные места.

— Я посмотрел конюшни,— сказал Мунглам, бреясь бритвой, которую достал из своей сумки.— Но лошадей там нет. Однако есть признаки того, что какие-то животные находились там совсем недавно.

— Существует только один способ путешествовать по снегу,— сказал Элрик.— Где-то в замке должны быть лыжи. Такие вещи непременно есть в доме, который расположен в местах, где не менее полугода лежит снег. На лыжах мы сможем скорее добраться до Йосаза. Не помешали бы нам карта и компас.

Мунглам согласился.

— Я поищу наверху.— Он кончил бриться, отер бритву и вернул ее в свою сумку.

Альбинос поднялся.

— Я пойду с тобой.

Они прошли по пустым комнатам, но ничего в них не обнаружили.

— Никаких вещей,— нахмурился Элрик.— И в то же время я чувствую, что замок *обитаем*. Это не просто ощущение, тому есть и свидетельства.

Они обыскали еще два этажа — в комнатах не было даже пыли.

— Пожалуй, придется идти пешком,— сказал Мунглам, отчаявшись что-либо отыскать.— Разве что найдем какие-нибудь деревяшки, из которых можно будет изготовить что-нибудь вроде лыж. Что-то подобное я, кажется, видел в конюшне.

Они добрались до узкой винтовой лестницы, которая вела в самую высокую башню замка.

— Посмотрим, что там, и если ничего, то будем считать, что наши поиски были напрасны,— сказал Элрик.

Поднявшись по лестнице, они обнаружили наверху полуоткрытую дверь. Элрик толкнул ее и остановился в неуверенности.

— В чем дело? — спросил Мунглам, который находился ниже него.

— В комнате есть мебель,— тихо ответил Элрик.

Мунглам поднялся еще на две ступеньки и заглянул внутрь через плечо Элрика. Он в изумлении открыл рот.

— К тому же она обитаема!

Комната была великолепна. Через хрустальные окна в нее проникал бледный свет, который сверкал и переливался на многоцветных шелковых занавесях, на богатых коврах и гобеленах таких ярких тонов, что казалось, они изготовлены всего мгновение назад.

В центре комнаты стояла кровать, укрытая горностаевым мехом и с балдахином из белого шелка.

На кровати лежала молодая женщина. Ее черные волосы отливали глянцевым блеском. Платье ее было ярко-алого цвета. Кожа рук и ног имела цвет розоватой слоновой кости, губы ее прекрасного лица оставались чуть приоткрыты — она дышала.

Женщина спала.

Элрик сделал два шага в направлении спящей женщины и вдруг остановился. Его пробрала дрожь. Он отвернулся.

— В чем дело, друг Элрик?

Мелнибониец шевельнул белыми губами, но не смог произнести ни слова. Что-то вроде стона вырвалось из его груди.

— Элрик...

Мунглам прикоснулся к альбиносу. Элрик стряхнул с себя его руку.

Альбинос снова повернулся к кровати, словно заставляя себя смотреть на что-то ужасное. Он дышал глубоко, плечи его распрямились, левая рука легла на эфес клинка.

— Мунглам...

Он заставлял себя говорить. Мунглам посмотрел на женщину на кровати, посмотрел на Элрика. Может быть, Элрик узнал ее?

— Мунглам, это колдовской сон...

— Откуда ты знаешь?

— Он... похож на тот сон, в который мой кузин Йиркун погрузил Симорил...

— Боги! Ты думаешь...

— Я ничего не думаю.

— Но это не...

— Это не Симорил. Я знаю. Я... она похожа на нее... очень похожа. Но одновременно и не похожа... Только я никак не ждал...

Элрик опустил голову.

Голос его зазвучал тихо.

— Идем отсюда,— сказал он.

— Но, наверное, она — хозяйка замка. Если бы мы разбудили ее, она смогла бы...

— Таким, как мы, ее не разбудить. Я тебе уже сказал, Мунглам...— Элрик глубоко вздохнул,— ее погрузили в колдовской сон. При всем моем знании колдовства я не мог разбудить Симорил. Если у тебя нет строго определенных чар, если ты не знаешь точно, какое заклинание использовалось, то тут ничем помочь нельзя. Быстрее, Мунглам, уйдем отсюда.

В голосе Элрика послышались интонации, которые заставили Мунглама вздрогнуть.

— Но...

— Тогда уйду я!

Элрик чуть ли не бегом выскочил из комнаты. Мунглам услышал дробь его шагов, эхом отдававшуюся вдоль длинной лестницы.

Он подошел к спящей женщине и взглянул на ее красивое лицо. Затем прикоснулся к ее коже — она была неестественно холодна. Поведя плечами, он уже направился к двери, но тут заметил, что на стене за кроватью висит несколько древних щитов и оружие.

«Странно, что красавица пожелала украсить свою спальню такими трофеями»,— удивился Мунглам.

Под оружием стоял резной деревянный столик. На нем что-то лежало. Он снова вернулся в комнату. Сердце учащенно забилось, когда на столике он увидел карту. На карте были обозначены замок и река Зафра-Трепек.

Карта была прижата к столу компасом в серебряной оправе на длинной серебряной цепочке.

Мунглам одной рукой схватил карту, другой — компас и бросился из комнаты.

— Элрик! Элрик!

Он бегом спустился по лестнице, кинулся в зал — Элрика там не было. Дверь зала была открыта.

Он последовал за альбиносом из таинственного замка на снег.

— Элрик!

Элрик повернулся — на лице гримаса боли, в глазах страдание. Мунглам показал ему карту и компас.

— Это наше спасение, Элрик!

Альбинос уставился на снег.

— Да. Спасение.

Глава пятая

СОН ОБРЕЧЕННОГО ВЛАДЫКИ

Два дня спустя они добрались до верховьев реки Зафра-Трепек и торгового города Алорасаза с его башнями, изящной резьбой по дереву и красивыми деревянными домами.

В Алорасаз приходили охотники на пушного зверя, золотоискатели, купцы из Йосаза, лежащего ниже по течению, а то и из Трепесаза, расположенного на побережье. Это был веселый, шумный город, улицы которого освещались и обогревались раскаленными жаровнями, установленными на каждом углу. Присматривали за жаровнями специальные граждане, в чью обязанность входило поддерживать в жаровнях огонь, чтобы те всегда давали свет и тепло; эти люди в плотных шерстяных одеяниях и приветствовали Элрика и Мунглама, когда те вошли в город.

Хотя Мунглам и позаботился о том, чтобы взять в путь вино и мясо, они чувствовали себя усталыми после долгого пути по степи.

Они прошли сквозь шумную толпу, мимо смеющихся краснощеких женщин и коренастых, одетых в меха мужчин, чье дыхание клубилось в воздухе, смешиваясь с дымом жаровен. Мужчины вовсю прихлебывали из тыквенных бутылей с пивом и мехов с вином, ведя переговоры с купцами, прибывшими из более цивилизованных мест и потому имевшими не столь живописно-буколический вид.

Элрик, искавший новостей, знал, что за ними нужно отправиться в таверну. Он дождался Мунглама, который вернулся, разузнав, где находятся лучшие в Алорасазе гостиницы.

Вскоре они оказались в шумной таверне, заставленной большими деревянными столами и скамьями, на которых восседали купцы и лавочники — все они весело торговались, щупали меха, нахваливая их качество или посмеиваясь над их низкопробностью, в зависимости от того, покупали они или продавали.

Мунглам оставил Элрика у дверей, а сам пошел поговорить с хозяином — толстенным человеком с лоснящимся пунцовым лицом.

Элрик увидел, как хозяин наклонился, выслушивая Мунглама. Потом он кивнул, поднял руку и крикнул альбиносу, чтобы тот шел за ним и Мунгламом.

Элрик протиснулся между скамьями, и тут его чуть не сбил с ног жестикулирующий торговец, который весело и многословно извинился и предложил купить Элрику вина.

— Все в порядке,— тихо сказал мелнибониец.

Человек поднялся.

— Прошу прощения, мой господин, это моя вина...— Голос его замер, когда он разглядел лицо альбиноса. Он пробормотал что-то и снова сел, сделав какое-то замечание своему товарищу.

Элрик последовал за Мунгламом вверх по неустойчивой деревянной лестнице в отдельную комнату — других, по словам хозяина, у него не было.

— Такие комнаты дороги в сезон зимней ярмарки,— извиняющимся тоном сказал хозяин.

На лице Мунглама появилась гримаса, когда Элрик протянул хозяину еще один драгоценный рубин, стоивший целое

состояние. Хозяин внимательно рассмотрел камень, а потом рассмеялся:

— Эта гостиница сгниет прежде, чем закончится ваш кредит, мой господин. Благодарю тебя. Должно быть, торговля идет хорошо в этом году. Я прикажу, чтобы вам сюда прислали выпивку и еду.

— Лучшее, что есть, хозяин,— сказал Мунглам, желая получить максимум возможного.

— О да, жаль, что получше ничего нет.

Элрик сел на одну из кроватей и снял плащ и пояс с мечом. Он продрог до костей.

— Дал бы ты мне часть нашего богатства,— сказал Мунглам, снимая с себя обувь у огня.— Нужда в деньгах у нас может возникнуть прежде, чем закончатся наши поиски.

Но Элрик словно не услышал его.

Поев и узнав у хозяина гостиницы, что послезавтра на Йосаз уходит корабль, Элрик и Мунглам отправились спать.

В эту ночь Элрик видел тревожные сны. Призраки с большей настойчивостью, чем обычно, проникали в темные коридоры его разума.

Он слышал крик Симорил, чью душу выпивал Черный Меч. Он видел горящий Имррир, видел, как рушатся его прекрасные башни. Он видел своего хохочущего кузена Йиркуна, сидящего на Рубиновом троне. Видел он и многое другое, что никак не могло принадлежать его прошлому...

Элрик, который никогда не годился на роль правителя жестокого народа Мелнибонэ, отправился скитаться по землям людей, но узнал лишь то, что ему и среди них нет места. А Йиркун тем временем захватил королевство, пытался принудить Симорил стать его женой, а когда та отказалась, погрузил ее в колдовской сон, из которого только сам и мог вывести.

Элрику снилось, что он нашел Нанорион, таинственный драгоценный камень, который может пробудить даже мертвого. Ему снилось, что Симорил все еще жива, что она только спит, а он помещает Нанорион ей на лоб, и она просыпается, целует его, и они вместе покидают Имррир, плывут в небесах на Огнеклыке, огромном мелнибонийском боевом драконе, несутся прочь, к мирному замку в снегу.

Он вздрогнул и проснулся.

Стояла глухая ночь.

Даже шум в таверне внизу прекратился.

Он открыл глаза и увидел, что Мунглам спит на кровати рядом.

Он попытался снова уснуть, но у него ничего не получилось. Он был уверен, что в комнате есть кто-то еще. Он протянул руку и нащупал Буревестник, приготовившись защищаться, если кто-то попытается напасть на него. Может быть, это были воры, узнавшие у хозяина гостиницы о щедрости Элрика.

Он услышал, как кто-то движется по комнате, и снова открыл глаза.

Она стояла рядом, ее черные волосы ниспадали на плечи, алое платье облегало тело. Ее губы искривились в иронической улыбке, а глаза внимательно разглядывали его.

Это была та самая женщина, которую он видел в замке. Спящая женщина. Неужели она была частью его сна?

— Прости, что я вторгаюсь в твой сон и нарушаю твое уединение, господин. Но у меня срочное дело и совсем нет времени.

Элрик видел, что Мунглам продолжает спать, словно ему что-то подмешали в вино.

Альбинос сел на кровати. Буревестник издал стон и умолк.

— Кажется, ты знаешь меня, госпожа, но я не...

— Меня зовут Мишелла.

— Императрица Рассвета?

Она снова улыбнулась.

— Некоторые называют меня именно так. А другие зовут меня Темной дамой Канелуна.

— Та, которую любил Обек? Тогда ты очень хорошо сохранилась, госпожа Мишелла.

— Это не моя заслуга. Возможно, я бессмертна. Не знаю. Мне известно одно: время — это обман...

— Почему ты пришла ко мне?

— Я не могу оставаться с тобой долго. Я пришла к тебе за помощью.

— За какой?

— Мне кажется, у нас общий враг.

— Телеб К'аарна?

— Именно.

— Это он зачаровал тебя и погрузил в этот сон?

— Да.

— Он послал против меня своих унаев. Именно так я...

Она подняла руку.

— Это я послала химер, чтобы они нашли тебя и доставили ко мне. Они не собирались причинить тебе вреда. Но больше я ничего не могла сделать, потому что колдовство Телеба К'аарны уже начало действовать. Я сражаюсь с этим колдовством, но оно сильно, и просыпаться мне удается лишь на очень короткие промежутки времени. Сейчас один из таких промежутков. Телеб К'аарна соединил свои усилия с принцем Умбдой, предводителем келмаинского воинства. Они собираются покорить Лормир, а затем и весь южный континент!

— Кто такой этот Умбда? Я ничего не знаю ни о нем, ни о келмаинском воинстве. Может быть, это какой-то аристократ из Йосаза, который...

— Принц Умбда служит Хаосу. Он пришел из земель, лежащих за Краем Мира, и его келмаины хотя и выглядят как люди, но они не люди. Теперь колдовство Телеба К'аарны подкрепляется тем, что стоит за Умбдой,— силой Хаоса. Я защищаю Лормир и служу Закону. Я знаю, что и ты служишь Хаосу, но я надеюсь, что твоя ненависть к Телебу К'аарне сильнее твоей верности Хаосу.

— Хаос в последнее время не служит мне, госпожа, так что я забуду об этой верности. Я отомщу Телебу К'аарне, и если мы сможем быть полезны друг другу в этом деле, так тому и быть.

— Отлично.

Она тяжело вздохнула, и глаза ее сверкнули. Когда она заговорила снова, ей далось это с трудом:

— Колдовство снова одолевает меня. У меня есть скакун для тебя у северных ворот города. Он доставит тебя на остров в Кипящем море. На этом острове есть дворец, который называется Ашанелун. Именно там я и обитала в последнее время, пока не почувствовала, что Лормиру грозит опасность...

Она прижала руку ко лбу и пошатнулась.

— ...Но Телеб К'аарна полагал, что я вернусь туда, и потому поставил стражника у ворот дворца. Этого стражника нужно уничтожить. Когда ты убьешь его, ты должен будешь...

Элрик поднялся, чтобы помочь ей, но она махнула рукой — не надо.

— ...пробраться к восточной башне. В нижней комнате башни есть сундук. В сундуке лежит большая сумка из материи, прошитой золотом. Ты должен будешь взять ее и... принести назад в Канелун, потому что Умбда и его келмаинское воинство двигаются к замку. Телеб К'аарна с их помощью уничтожит замок, а вместе с замком и меня. А с помощью той сумки я смогу уничтожить их. Только молись, чтобы я смогла проснуться, иначе Юг обречен, и даже ты ничего не сможешь противопоставить той силе, которая будет покорна Телебу К'аарне.

— А как быть с Мунгламом? — Элрик скользнул взглядом по своему спящему другу.— Он может сопровождать меня?

— Лучше не надо. И потом, на нем поверхностное заклятие. И пробуждать его сейчас нет времени...— Она снова тяжело вздохнула и прижала руки к вискам.— Нет времени...

Элрик вскочил с кровати и стал натягивать на себя штаны. Он набросил плащ, висевший на стуле, пристегнул к поясу рунный меч, потом шагнул вперед, чтобы поддержать ее, но Мишелла отрицательно взмахнула рукой.

— Нет... Пожалуйста, иди...

И она исчезла.

Элрик, еще толком не проснувшийся, распахнул дверь и ринулся вниз по лестнице, а потом в ночь — к северным воротам Алорасаза. Он миновал ворота и сразу оказался в глубоком снегу. Он посмотрел в одну сторону, в другую. Холод накатил на него неожиданной волной. Скоро он уже шел по колено в снегу. Оглядываясь, он шел и шел, пока вдруг не остановился.

Он удивленно открыл рот, увидев скакуна, о котором говорила ему Мишелла.

«Что это — очередная химера?»

Он осторожно приблизился к необычному существу.

Глава шестая

ПТИЦА ИЗ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ ГОВОРИТ

Это была птица, но птица не из плоти и крови.

Это была птица из серебра, из золота, из меди. Крылья ее стали бить по воздуху, когда Элрик приблизился, она нетерпеливо принялась перебирать своими огромными когтистыми лапами, вращая холодными изумрудными глазами, изучавшими приближавшегося к ней человека.

На спине у нее было резное ониксовое седло, оправленное золотом и медью, и седло это было пусто — оно ждало Элрика.

— Ну что ж,— сказал сам себе Элрик,— я ввязался в это дело, не задавая никаких вопросов. Точно так же могу его и закончить.

И он подошел к птице, забрался по ее боку и с некоторой осторожностью опустился в седло.

Золотые с серебром крылья рассекли воздух, при этом раздался звук, словно ударили в сотню цимбал. Три взмаха — и металлическая птица вместе со своим всадником поднялась высоко в ночное небо над Алорасазом. Птица повернула свою яркую голову на медной шее и приоткрыла кривой клюв из стали, украшенной драгоценными камнями.

— Мой господин, мне приказано доставить тебя в Ашанелун.

Элрик взмахнул бледнокожей рукой.

— Как скажешь. Я в твоей власти и во власти твоей хозяйки.

Тут его откинуло назад в седле, потому что птица сильнее ударила крыльями, набирая скорость, и они понеслись сквозь холодную ночь над заснеженной долиной, над горами, над реками, пока не показался берег. И тогда Элрик увидел на западе море, которое называлось Кипящим.

Птица из золота и серебра резко пошла вниз сквозь черную как смоль ночь, и Элрик почувствовал, как влажное тепло обдало его лицо и руки, и услышал характерный звук кипения. Он понял, что они летят над странным морем, заходить куда не отваживались корабли и которое, как говорили, подогре-

вается вулканами, лежащими глубоко под водной поверхностью.

Они летели в облаке пара. Жара была почти невыносимой. Вскоре Элрик различил впереди землю — небольшой скалистый остров, на котором стояло одинокое здание с красивыми башнями и куполами.

— Дворец Ашанелун,— сказала птица из золота и серебра.— Я сяду на стене, хозяин, но я опасаюсь того, с кем ты должен встретиться, прежде чем наша миссия закончится. Так что я подожду тебя в другом месте. А потом, если ты останешься живым, я вернусь и отнесу тебя обратно в Канелун. Если же ты погибнешь, то я вернусь и расскажу хозяйке о твоем поражении.

Птица, громко хлопая крыльями, повисла над зубчатой стеной, Элрик же сожалел о том, что ему не удастся застать врасплох того, кого так сильно боялась птица.

Он перебросил одну ногу через седло, помедлил, выжидая удобный момент, а потом спрыгнул на плоскую крышу.

Птица поспешно взмыла в черное небо.

Элрик остался один.

Вокруг царила тишина, только где-то вдали горячие волны накатывали на берег.

Он обнаружил восточную башню и начал пробираться к ее двери. Может быть, подумал он, ему удастся завершить свою миссию, так и не встретившись со стражем дворца.

Но тут он услышал чудовищный рев у себя за спиной и повернулся. Он понял, что сейчас ему предстоит встреча с этим самым стражем. Он увидел перед собой существо с очерченными красным глазами, полными ненасытной злости.

— Значит, ты и есть раб Телеба К'аарны,— сказал Элрик. Он потянулся к Буревестнику, и меч словно бы сам прыгнул в его руку.— Я должен тебя убить или ты уйдешь подобру-поздорову?

Существо снова заревело, но не двинулось с места.

Тогда альбинос сказал:

— Я Элрик из Мелнибонэ, последний в роду великих королей-чародеев. Этот клинок не просто убьет тебя, мой друг демон. Он выпьет твою душу и накормит меня ею. Может быть,

я тебе известен под другим именем? Меня еще называют Похититель Душ.

Существо ударило своим зубчатым хвостом, и его бычьи ноздри раздулись. Рогатая голова на короткой шее наклонилась, и в темноте блеснули длинные зубы. Оно вытянуло чешуйчатые лапы и стало надвигаться на Владыку Руин.

Элрик взял меч двумя руками и расставил пошире ноги на плитах. Он приготовился отразить атаку монстра. Ему в лицо ударило зловонное дыхание. Зверь заревел опять и бросился вперед. Буревестник завыл, осветив обоих черным сиянием. Руны, вырезанные на металле, сверкнули алчным светом, когда это исчадие ада замахнулось на Элрика своей когтистой лапой, разодрав на нем рубашку и обнажив грудь.

Меч опустился на атакующего монстра.

Демон зарычал, когда меч ударил по чешуе на его плече, но не отступил. Он отпрянул в сторону и снова набросился на Элрика. Альбинос отступил, но при этом на его руке появилась рваная рана от локтя до запястья.

Буревестник ударил во второй раз — прямо по морде монстра, который взвизгнул, но его лапа опять добралась до тела Элрика, на этот раз слегка вспоров кожу у него на груди. Из раны потекла кровь.

Элрик упал на спину, потеряв равновесие на камнях. Он чуть было не свалился вниз, но успел подняться и изготовиться к защите. Перед ним снова мелькнули когти, но Буревестник отбил их.

Элрик начал задыхаться, пот тек по его лицу, в нем зрело отчаяние, но постепенно это отчаяние обретало иное качество, и тогда глаза его засверкали, с губ сорвался дикий крик.

— Ты еще не понял, что я — Элрик?! — воскликнул он.— Элрик!

Но монстр продолжал атаковать.

— Я Элрик! Я больше демон, чем человек! Прочь, ты, уродливая тварь!

Существо снова заревело и опять набросилось на Элрика, но на этот раз он не отступил. Его лицо горело страшным гневом, он перехватил меч и сунул его острием вперед в разверстую пасть чудовища.

Он погрузил Черный Меч в вонючую глотку, вонзая его глубоко в тело чудовища.

Этим ударом он в конечном счете распорол пасть, шею, грудь и пах монстра, жизненная сила которого потекла в Элрика по лезвию меча. Когти снова мелькнули перед Элриком, но тварь явно слабела.

И тут Элрик, почувствовав мощный прилив энергии, издал крик черного торжества. Он извлек меч и принялся наносить им удары по телу монстра, чувствуя, как все больше и больше сил притекает в него. Демон застонал и растянулся на плитках.

Дело было сделано.

А белолицый демон стоял над поверженной тварью, над этим исчадием ада, и малиновые глаза Элрика сверкали, а его открытые бледные губы исторгали дикий смех. Он воздел кверху руки с рунным мечом, сверкавшим черным, страшным сиянием, и меч завыл, исполняя бессловесную, торжественную песню, посвященную Владыкам Хаоса.

Внезапно наступила тишина.

И тогда Элрик склонил голову и зарыдал.

Некоторое время спустя Элрик открыл дверь восточной башни и, нащупывая путь в кромешной темноте, добрался до нижней комнаты. На двери была щеколда, на которой висел замок, но Буревестник разбил эти запоры, и последний повелитель Мелнибонэ вошел в освещенную комнату, в которой стоял металлический сундук.

Мечом альбинос разрубил металлические скрепы и откинул крышку. В сундуке было немало диковин, а среди них сумка из прошитой золотыми нитями ткани. Он взял только сумку и, засунув ее себе за пояс, устремился прочь из этой комнаты — назад на зубчатую стену, где птица из золота и серебра поклевывала то, что оставалось от слуги Телеба К'аарны.

Птица подняла на Элрика глаза, в которых альбинос увидел чуть ли не шутливое выражение.

— Ну что ж, хозяин, мы должны поспешить в Канелун.

— Да.

Элрик почувствовал тошноту. Он мрачно оглядел мертвую тушу и подумал, что жизненная сила, похищенная им у монстра, похоже, была нечистой. Не впитал ли он в себя и злобу демона?

Он собрался было взобраться в ониксовое седло, но тут увидел какое-то мерцание среди черных и желтых внутренностей монстра, разбросанных на камнях. Это было сердце демона — неправильной формы камень темно-синего, алого и зеленого цветов. Оно продолжало биться, хотя его владелец был уже мертв.

Элрик остановился и поднял его. Оно было влажным и таким горячим, что он чуть не обжег себе руку. Элрик сунул его в сумку, а потом забрался в седло на птице.

Птица снова понесла его над Кипящим морем, а на его мертвенно-бледном лице отражались десятки странных чувств. Его молочного цвета волосы развевались у него за спиной, он не чувствовал ран на груди и руке.

Он думал о другом. Некоторые его мысли лежали в прошлом, другие были направлены в будущее. Дважды он горько рассмеялся, и из его глаз пролились слезы, когда он произнес:

— Какое же мучение эта жизнь!

Глава седьмая

СМЕХ ЧЕРНОГО КОЛДУНА

В Канелуне они оказались с рассветом, и Элрик издалека увидел многочисленную армию, чернеющую на снегу. Он понял, что это, видимо, келмаинское воинство, ведомое Телебом К'аарной и принцем Умбдой, направляется к одинокому замку.

Птица из золота и серебра приземлилась в снегу перед входом в замок и, как только Элрик спрыгнул из седла, взмыла в воздух и исчезла.

На этот раз большие ворота замка Канелун были закрыты, и Элрик, запахнув свой прорванный плащ на обнаженной груди, замолотил кулаками в ворота. С его сухих губ сорвалось имя:

— Мишелла! Мишелла!

Никакого ответа.

— Мишелла, я вернулся с тем, что тебе нужно!

Он опасался, что она снова погрузилась в свой колдовской сон. Он посмотрел на юг и увидел, что черная волна еще больше приблизилась к замку.

— Мишелла!

Потом он услышал звук отодвигаемой щеколды, ворота застонали и открылись, и Элрик увидел перед собой Мунглама — тот стоял с напряженным лицом, и глаза его были полны чем-то, чему Элрик не мог подобрать название.

— Мунглам! Как ты здесь оказался?

— Не знаю, Элрик.— Мунглам отошел в сторону, пропуская внутрь Элрика. Он вернул щеколду на место.— Я лежал прошлой ночью в своей кровати, когда появилась женщина — та самая, что мы видели здесь спящей. Она сказала, что я должен следовать за ней. И я каким-то образом последовал. Только я не знаю как, Элрик. Понятия не имею.

— И где сейчас эта женщина?

— Там, где мы ее впервые и увидели. Она спит, и я не могу ее разбудить.

Элрик тяжело вздохнул и вкратце рассказал Мунгламу то, что ему стало известно о Мишелле и воинстве, которое наступало на ее замок Канелун.

— А ты знаешь, что находится в этой сумке? — спросил Мунглам.

Элрик отрицательно покачал головой и, открыв сумку, заглянул внутрь.

— Кажется, там нет ничего, кроме какого-то розоватого порошка. Но это, видимо, связано с каким-то сильным колдовством, если Мишелла считает, что с помощью этого можно победить келмаинское воинство.

Мунглам нахмурился.

— Но Мишелла сама должна произвести это колдовское действо, если только она знает, что это за порошок.

— Да.

— А в сон ее погрузил Телеб К'аарна.

— Да.

— Но теперь слишком поздно, потому что Умбда — уж не знаю, кто он такой,— приближается к замку.

— Да.— Рука Элрика дрожала, когда он доставал из-за пояса сердце демона, которое он взял, перед тем как оставить дворец Ашанелун.— Если только это не тот камень, что я думаю.

— Что думаешь?

— Я знаю одну легенду. У некоторых демонов эти камни вместо сердец.— Он поднес камень к свету, и его грани замерцали синим, алым и зеленым.— Я его прежде никогда не видел, но мне кажется, это именно то, что я искал когда-то для Симорил, когда пытался вывести ее из сна, наведенного на нее Йиркуном. Я тогда искал, но так и не нашел Нанорион — камень, обладающий волшебной силой пробуждать даже мертвых или тех, кто спит мертвым сном.

— И это и есть Нанорион? Он разбудит Мишеллу?

— Если ее что и разбудит, так только это. Я взял его из тела демона Телеба К'аарны. К тому же этот камень должен повысить эффективность колдовства. Идем.

Элрик направился через зал, а потом вверх по лестнице в комнату Мишеллы, где она лежала, как и прежде, на кровати под балдахином, перед стеной, увешанной щитами и оружием.

— Теперь я понимаю, почему у нее такие украшения в спальне,— сказал Мунглам.— Согласно легенде, это оружие тех, кто любил Мишеллу и сражался за ее дело.

Элрик кивнул и сказал, словно бы про себя:

— Да, Императрица Рассвета всегда была врагом Мелнибонэ.

Он осторожно взял пульсирующий камень и, вытянув руку, положил его на лоб женщины.

Прошло несколько мгновений, и Мунглам сказал:

— Похоже, камень на нее не действует. Она даже не шелохнулась.

— Есть одна руна, но я не могу ее вспомнить...— Элрик прижал пальцы к вискам.— Не могу ее вспомнить...

Мунглам подошел к окну.

— Мы можем спросить у Телеба К'аарны,— иронически сказал он.— Он будет здесь с минуты на минуту.

И тут Мунглам увидел, что в глазах Элрика снова появились слезы. Альбинос отвернулся в надежде, что друг не заметит их. Мунглам откашлялся.

— Я тут вспомнил... надо кое-что сделать внизу. Если понадоблюсь — позови.

Он вышел из комнаты и закрыл дверь, а Элрик остался один с женщиной, которая все больше и больше казалась ему жутким призраком из самых страшных его ночных кошмаров.

Он попытался взять себя в руки и направить ход мыслей в нужное ему русло, чтобы вспомнить эти важнейшие руны на высоком наречии древнего Мелнибонэ.

— Боги,— прошептал он,— помогите мне!

Но он знал, что сейчас Владыки Хаоса не придут ему на помощь — наоборот, постараются помешать: ведь Мишелла была одной из главных слуг Закона на Земле и всячески старалась изгнать Хаос из мира.

Он упал на колени рядом с ее кроватью.

А потом он вспомнил. Опустив голову, он протянул правую руку и коснулся пульсирующего камня, затем протянул левую руку и положил ее на пупок Мишеллы. И запел на древнем языке, который звучал еще до того, как нога человека ощутила под собой землю...

— Элрик!

Мунглам ворвался в комнату, и Элрик очнулся от транса.

— Элрик! Нас атакуют! Головные всадники уже в замке...

— Что?

— Они ворвались в замок, их около дюжины. Я их отогнал и преградил им путь в эту башню, но они уже ломают дверь. Их, видимо, послали, чтобы уничтожить Мишеллу, если им это удастся. Они удивились, увидев здесь меня.

Элрик поднялся и внимательно посмотрел на Мишеллу. Он закончил руну и почти успел повторить ее, когда появился Мунглам. Мишелла так и не шелохнулась.

— Телеб К'аарна колдовал на расстоянии,— сказал Мунглам.— Так он подавлял сопротивление Мишеллы. Но он не брал в расчет нас.

Они с Элриком поспешили из комнаты вниз по лестнице туда, где под напором вооруженных людей прогибалась и трескалась дверь.

— Отойди в сторону, Мунглам.

Элрик вытащил застонавший меч, поднял его над головой и ударил им по двери.

Дверь раскололась, а вместе с ней и два странной формы черепа.

Остальные атакующие отпрянули назад, издав крики изумления и ужаса при виде белолицего воина с огромным мечом, который выпил души двух убитых, распевая свою странную, замысловатую песню.

Под напором Элрика они бросились вниз по лестнице в зал, где сгрудились, изготовившись защищаться от демона с его мечом, выкованным в аду.

А Элрик смеялся.

И от этого смеха их охватывал ужас.

И оружие дрожало в их руках.

— Значит, вы и есть могущественные келмаины,— с издевкой сказал Элрик.— Неудивительно, что вам нужно колдовство в помощь, ведь вы так трусливы. Неужели вы там, за Краем Мира, не слышали об Элрике Братоубийце?

Но келмаины явно не понимали его речей, что само по себе было необычно, поскольку говорил он на общем языке, известном всем людям.

У келмаинов были золотистая кожа и почти квадратные глазницы. Их лица были словно вырублены из камня — всюду прямые углы, ровные поверхности, а их доспехи имели не закругленную форму, а угловатую.

Элрик оскалился в усмешке, и келмаины сбились еще плотнее.

И тогда Элрик рассмеялся жутким смехом, и Мунглам отошел в сторону, чтобы не видеть того, что должно произойти.

Рунный меч рассекал воздух. Головы и конечности падали на пол. Хлестала из ран кровь. Выпивались души. По выражению на мертвых лицах келмаинов было ясно, что перед тем, как жизнь покинула их, они узнали правду о своей ужасающей судьбе.

А Буревестник пил и пил, потому что Буревестника постоянно мучила жажда.

И Элрик чувствовал, что его больные вены наполняются энергией, какой он не чувствовал, даже когда убивал демона Телеба К'аарны.

Зал дрожал от безумного хохота Элрика, который, перешагнув через мертвые тела, вышел в открытые ворота, где в ожидании остановилось бесчисленное воинство.

И прокричал он имя:

— Телеб К'аарна! Телеб К'аарна!

Следом за ним выбежал Мунглам, призывавший Элрика остановиться, но Элрик не слышал его. Элрик шел по снегу, оставляя за собой алый след.

Келмаины под холодным солнцем наступали на замок, называвшийся Канелун, а им навстречу шел Элрик.

Во главе воинства ехал на лошади одетый в просторные одежды темнолицый колдун из Пан-Танга. Рядом с ним скакал полководец келмаинского воинства, принц Умбда, весь закованный в доспехи, со странными перьями, торчащими из шлема, и с торжествующей улыбкой на необычном угловатом лице.

За ними воины тащили ни на что не похожие орудия войны, которые, несмотря на всю свою экзотичность, производили впечатление огромной силы, способной победить все, что мог выставить Лормир.

Когда появилась эта одинокая фигура, направившаяся от стен замка Канелун навстречу воинству, Телеб К'аарна поднял руку и остановил войско. Он натянул поводья своего коня и рассмеялся:

— Да ведь это же мелнибонийский шакал, клянусь всеми богами Хаоса. Наконец-то он признал своего хозяина и идет отдаться мне на милость.

Элрик подошел ближе, а Телеб К'аарна продолжал смеяться.

— Элрик, упади передо мной на колени!

Элрик не замедлил шага, он словно бы не слышал слов пантангианца.

В глазах принца Умбды появилось тревожное выражение, он сказал что-то на неизвестном Элрику языке, и Телеб К'аарна, хмыкнув, ответил ему на том же языке.

А альбинос продолжал свое движение по снегу навстречу огромному воинству.

— Заклинаю Чардросом, Элрик! Остановись! — воскликнул Телеб К'аарна. Его конь под ним нервно забил копытом.— Если ты пришел торговаться со мной, то ты просто глупец. Канелун и его хозяйка должны погибнуть, а потом нам будет принадлежать весь Лормир, и в том, что он будет нашим, нет никаких сомнений!

И тогда Элрик и в самом деле остановился и вперил горящий взгляд в колдуна. На его бледных губах гуляла ледяная улыбка.

Телеб К'аарна попытался было ответить на взгляд Элрика, но не смог. Когда он заговорил снова, в голосе его слышалась дрожь:

— Ты не в силах победить все келмаинское воинство!

— Даже не собираюсь. Твоя жизнь — вот все, что мне нужно.

Лицо колдуна перекосилось.

— Ты ее не получишь! Эй, воины Келмаина, возьмите его!

Он отступил и спрятался за рядами воинов, повторив свой приказ на их языке.

Из ворот замка появилась еще одна фигура и ринулась на помощь Элрику.

Это был Мунглам из Элвера. В каждой руке он держал по мечу.

Элрик чуть повернул голову.

— Элрик! Мы умрем вместе!

— Оставайся там, Мунглам!

Мунглам заколебался.

— Оставайся там, если я тебе дорог!

Мунглам неохотно вернулся в замок.

Келмаинские всадники ринулись вперед, подняв свои широкие мечи. Элрик тут же оказался в кольце воинов.

Воины надеялись, что альбинос, поняв безвыходность своего положения, положит меч и сдастся. Но Элрик улыбнулся.

Буревестник начал свою песню. Элрик взял меч в две руки, согнул руки в локтях, а потом неожиданно выставил клинок перед собой.

Он начал вращаться, как танцор-таркешит — круг за кругом. Казалось, что меч раскручивает его все быстрее и быстрее, дробя, калеча и обезглавливая келмаинских всадников.

Они подались назад, оставив своих мертвых товарищей, которые грудой лежали вокруг альбиноса, но тут принц Умбда, переговорив о чем-то с Телебом К'аарной, приказал своим воинам продолжить наступление на Элрика.

Элрик снова взмахнул своим мечом, но на сей раз от него пало меньше воинов Келмаина.

Одно тело в доспехах падало на другое, кровь перемешивалась с кровью, кони волокли тела по снегу, а Элрик оставался стоять, но что-то начало происходить с ним.

И тут его неистовствующий разум начал понимать, что по какой-то причине меч насытился. Энергия по-прежнему пульсировала в его металле, но он больше ничего не передавал своему хозяину. А энергия, похищенная прежде, стала истощаться.

— Будь ты проклят, Буревестник! Дай мне твою силу!

На него обрушилось множество мечей, а он дрался, отражал и наносил удары.

— Дай мне силу!

Он все еще был сильнее, чем обычно, и гораздо сильнее любого обыкновенного смертного, но часть его бешеного неистовства покинула его, и он испытывал что-то вроде недоумения, когда новые келмаинцы набросились на него.

Он начал пробуждаться от кровавого сна.

Он потряс головой и набрал полную грудь воздуха. Спина его болела.

— Дай мне их силу, Черный Меч!

Он бил по ногам, рукам, туловищам, лицам, он был с головы до ног залит кровью нападающих.

Но теперь мертвые досаждали ему больше живых, потому что их тела были повсюду, и он несколько раз чуть было не потерял равновесия, споткнувшись о трупы.

— Что мешает тебе, рунный меч? Ты отказываешься мне помогать? Ты не хочешь сражаться с ними, потому что они, как и ты, принадлежат Хаосу?

Нет, дело было наверняка не в этом. Просто мечу больше не требовалось энергии, а потому он и не передавал ее Элрику.

Он сражался еще час, и наконец его рука, держащая меч, стала ослабевать, и один из всадников, обезумевший от страха, ударил его по голове. Шлем уберег Элрика, но удар оглушил его и отбросил на скопище мертвых тел. Он попытался подняться, но получил еще один удар и потерял сознание.

Глава восьмая

ВОПЛЬ ВЕЛИКОГО ВОИНСТВА

— Это даже больше, чем я рассчитывал,— удовлетворенно пробормотал Телеб К'аарна.— Мы взяли его живым!

Элрик открыл глаза и с ненавистью посмотрел на колдуна, который поглаживал свою черную бородку клинышком и явно был доволен собой.

Элрик едва помнил события, в результате которых он оказался здесь, во власти колдуна. Он помнил море крови, помнил смех и смерть, но очень неотчетливо, словно все это происходило с ним во сне.

— Ну что ж, предатель, твоя глупость была невероятна. Мне даже казалось, что за тобой стоит целая армия. Но нет сомнений, ты просто потерял разум от страха. Но я не собираюсь предаваться размышлениям о причинах моих побед. Я могу много чего выторговать у обитателей других измерений за твою душу. Но твое тело я оставлю при себе — чтобы показать королеве Йишане, что я сделал с ее любовником, прежде чем он умер...

Элрик издал короткий смешок и оглянулся, не обращая внимания на слова Телеба К'аарны.

Келмаины ожидали приказаний. Они еще не заняли Канелуна. Солнце стояло низко над горизонтом. Элрик увидел груду мертвых тел за собой. Он увидел ненависть и страх в глазах золотокожих воинов и улыбнулся.

— Я не люблю Йишану,— сухо сказал он, словно не замечая Телеба К'аарну.— Эти мысли навеяло тебе твое ревнивое сердце. Я оставил Йишану, чтобы найти тебя. Элриком из Мелнибонэ никогда не движет любовь, колдун. Им движет только ненависть.

— Я тебе не верю,— хихикнул Телеб К'аарна.— Когда передо мной и моими товарищами падет весь Юг, тогда я предложу Йишане стать королевой всего Запада и всего Юга. Объединив наши силы, мы будем владычествовать над всем миром!

— Вы, пантангианцы, всегда были ненадежным племенем, всегда планировали захваты ради захватов, всегда пытались нарушить равновесие, существовавшее в Молодых королевствах.

— Придет день,— ухмыльнулся Телеб К'аарна,— и Пан-Танг станет империей, перед которой померкнет даже Сияющая империя. Но я делаю это вовсе не ради славы Пан-Танга...

— Ради Йишаны? Клянусь богами, колдун, я счастлив, что меня ведет по жизни ненависть, а не любовь, потому что вред, который я приношу миру, никак не может сравниться с вредом, который приносят те, кто руководствуется любовью...

— Я брошу Юг к ногам Йишаны, и пусть она делает с ним что захочет.

— Я устал от этого. И что же ты намерен со мной делать?

— Сначала я искалечу твое тело. Я буду калечить его изощренно, чтобы боль нарастала постепенно, приводя тебя в нужное мне расположение духа. Потом я спрошу у Владык Высших Миров — кто из них готов заплатить больше за твою душу.

— А что насчет Канелуна?

— С Канелуном разберутся келмаины. Чтобы перерезать горло Мишеллы во сне, нужен всего один нож.

— Она защищена.

Выражение лица Телеба К'аарны помрачнело, но ненадолго. Он снова рассмеялся:

— Да, но ворота скоро будут сломаны и твой маленький рыжеволосый друг погибнет так же, как и Мишелла.

Он перебирал пальцами намасленные колечки бороды.

— Сейчас я по просьбе принца Умбды даю келмаинам небольшую передышку перед штурмом замка. Но до наступления ночи Канелун будет полыхать огнем.

Элрик оглянулся на замок за примятым снегом. Его руны явно не смогли пересилить чары Телеба К'аарны.

— Я бы...— начал было он, но остановился.

На зубчатой стене он увидел мелькание золота и серебра, и какая-то еще не сформировавшаяся мысль проникла в его голову и заставила замолчать.

— Что? — резко спросил его Телеб К'аарна.

— Ничего. Просто я подумал — где мой меч.

Колдун пожал плечами.

— Там, где тебе его не достать. Мы его оставили там, где ты его уронил. Нам этот адский клинок ни к чему. А теперь и тебе не будет от него пользы...

Элрик спрашивал себя: что произойдет, если он напрямую обратится к мечу? Сам он добраться до меча не мог, потому что Телеб К'аарна связал его прочными шелковыми веревками, но если Элрик позовет меч...

Элрик поднялся на ноги.

— Ты хочешь попытаться бежать, Белый Волк? — Телеб К'аарна нервно следил за ним.

Элрик снова улыбнулся.

— Мне хотелось получше видеть, как падет Канелун. Только и всего.

Колдун вытащил кривой нож.

Элрика качнуло. Полузакрыв глаза, он начал вполголоса произносить одно имя.

Телеб К'аарна прыгнул вперед, он обхватил рукой Элрика за шею и приставил нож к его горлу.

— Замолчи, шакал!

Но Элрик знал, что у него нет другого способа спастись, и, хотя план его возник от отчаяния, он пробормотал это слово еще раз, молясь о том, чтобы стремление Телеба К'аарны предать его медленной мучительной смерти остановило руку колдуна.

Телеб К'аарна выругался, пытаясь зажать рукой рот Элрика.

— Первое, что я сделаю, это вырежу твой проклятый язык.

Элрик укусил колдуна за палец и сплюнул, почувствовав его кровь на губах. Телеб К'аарна закричал от боли.

— Клянусь Чардросом, если бы я не хотел лицезреть, как ты будешь медленно умирать на протяжении многих месяцев, то я бы...

И тут раздался какой-то звук — издали его келмаины.

Это был стон удивления, исходивший из всех разверстых ртов.

Телеб К'аарна повернулся, и из его сжатых зубов вырвалось шипение.

В сумерках возникли очертания чего-то черного. Это был меч, Буревестник.

Его вызвал Элрик.

Он крикнул что было силы:

— Буревестник! Буревестник! Ко мне!

Телеб К'аарна отшвырнул Элрика, чтобы тот оказался на пути меча, а сам ринулся в безопасное пространство за рядами келмаинов.

— Буревестник!

Черный меч парил в воздухе над Элриком.

И тут келмаины издали еще один крик. Со стены замка Канелун поднялась какая-то тень.

Телеб К'аарна истерически закричал:

— Принц Умбда! Готовь своих воинов к атаке! Я чувствую, что нам грозит опасность!

Умбда не понял слов колдуна, и тому пришлось перевести их.

— Нельзя позволить мечу добраться до него! — кричал колдун. Он прокричал то же самое на языке келмаинов, и несколько воинов бросились вперед, намереваясь схватить меч, прежде чем тот доберется до своего хозяина альбиноса.

Но меч нанес стремительный удар, и келмаины упали мертвыми, после чего никто не осмеливался подойти к нему.

Буревестник медленно приближался к Элрику.

— Слушай меня, Элрик,— крикнул Телеб К'аарна,— если тебе удастся уйти от меня сегодня, я клянусь, что все равно непременно найду тебя.

— А если ты уйдешь от меня,— крикнул в ответ Элрик,— то я тебя обязательно найду, Телеб К'аарна. Можешь в этом не сомневаться.

Тень, поднявшаяся со стены замка Канелун, была покрыта серебряными и золотыми перьями. Она взлетела высоко над воинством и несколько мгновений парила там, прежде чем направиться к одному из краев этой орды. Элрик видел тень

неотчетливо, но он знал, что это такое. Потому-то он и призвал к себе меч, решив, что Мунглам оседлал гигантскую птицу и попытается спасти своего друга.

— Не позволяйте ей приземлиться! Она прилетела, чтобы спасти альбиноса! — завопил Телеб К'аарна.

Но келмаины не поняли его. Они под руководством принца Умбды готовились к нападению на замок.

Телеб К'аарна повторил свой приказ на их языке, но уже было ясно, что они испытывают к нему недоверие и не видят необходимости беспокоиться из-за какого-то одного человека и странной металлической птицы. Это не могло остановить их военные приготовления. Как не мог этого сделать и сам колдун.

— Буревестник,— прошептал Элрик после того, как меч осторожно разрезал путы и устроился у него в руке.

Элрик был свободен, но келмаины, хотя и не придавали ему такого значения, как Телеб К'аарна, явно не собирались его отпустить теперь, когда меч был в его руке, а не двигался сам по себе.

Принц Умбда прокричал что-то.

Огромная толпа воинов тут же ринулась на Элрика, но мелнибониец даже не попытался атаковать. Он решил лишь обороняться до тех пор, пока Мунглам не спустится на птице и не придет ему на выручку.

Но птица была от него далеко. Она словно бы облетала воинство, равнодушная к бедственному положению Элрика.

Неужели он обманулся?

Он отражал десятки ударов, заставляя келмаинов громоздиться друг на друга и таким образом препятствовать собственным действиям. Он почти потерял из виду птицу из серебра и золота.

И Телеб К'аарна — где он сейчас?

Элрик попытался найти колдуна, но тот скрылся где-то в глубине воинства келмаинов.

Элрик убил золотокожего воина, распоров ему горло острием своего меча. Он почувствовал новый приток сил. Он убил еще одного келмаина, сделав движение рукой вбок и разрубив ему плечо. Но его сопротивление было бессмысленно, если

только Мунглам не спустится к нему на птице из золота и серебра.

Птица словно бы изменила направление своего движения и полетела в сторону Канелуна. Может быть, она просто ждала указаний от своей спящей хозяйки? Или отказывалась подчиняться приказам Мунглама?

Элрик отступил по скользкому, пропитанному кровью снегу, и груда тел оказалась у него за спиной. Он продолжал сражаться, но надежды его таяли.

Птица пролетела мимо где-то далеко справа от него.

Элрик с горечью подумал, что он совершенно неверно истолковал взлет птицы со стены замка и, выбрав неудачное время для принятия решения, лишь приблизил свою гибель, а может быть, и смерть Мишеллы и Мунглама.

Канелун был обречен. Мишелла была обречена, Лормир и, возможно, все Молодые королевства были обречены.

И он, Элрик, тоже был обречен.

Именно в этот момент какая-то тень упала на сражающихся, и келмаины закричали и отпрянули назад, когда сильный шум прорезал воздух.

Элрик с облегчением поднял глаза — он слышал хлопанье металлических крыльев птицы. Он ожидал увидеть в седле Мунглама, но перед ним оказалось напряженное лицо самой Мишеллы, ее волосы развевались вокруг головы, спутанные порывами ветра, который подняли металлические крылья.

— Скорее, Элрик, пока они не опомнились!

Элрик сунул рунный меч в ножны и запрыгнул в седло, устроившись за Темной дамой Канелуна. Они сразу же поднялись в воздух, а вокруг них засвистели стрелы, отскакивавшие от металлических крыльев птицы.

— Еще один круг, и мы вернемся в замок,— сказала она.— Твоя руна и Нанорион победили колдовство Телеба К'аарны, но на это ушло больше времени, чем всем нам хотелось бы. Ты видишь, принц Умбда уже отдает приказ своим людям садиться на коней и атаковать замок Канелун. А в Канелуне теперь только один защитник — Мунглам.

— К чему эти облеты воинства Умбды?

— Увидишь. По крайней мере, я надеюсь, что ты это увидишь.

Она запела. Это была странная, тревожная песня на языке, чем-то похожем на высокое наречие Мелнибонэ, но в то же время другом — Элрик смог разобрать лишь несколько слов, потому что интонации речи были необычными, ни на что не похожими.

Они облетели лагерь. Элрик увидел, что келмаины строятся в боевой порядок. Несомненно, Умбда и Телеб К'аарна решили атаковать самым эффективным способом.

Огромная птица вернулась в замок, села на зубчатую стену, и Элрик с Мишеллой выпрыгнули из седла. Взволнованный Мунглам подбежал к ним.

Они подошли к краю стены посмотреть, что делают келмаины.

И они увидели, что келмаины наступают.

— Что ты сделала...— начал было Элрик, но Мишелла подняла руку.

— Может быть, ничего. Может быть, из этого колдовства ничего не выйдет.

— А что ты?..

— Я разбрасывала содержимое той сумки, что ты принес. Я разбрасывала его над этой армией. Смотри...

— А если ничего не получится...— пробормотал было Мунглам. Он замолчал, вглядываясь в сумерки.— Что это там такое?

Голос Мишеллы хотя и прозвучал удовлетворенно, но в нем послышалось какое-то отвращение.

— Это Петля Плоти.

Что-то вырастало из снега. Что-то розоватое, дрожащее. Что-то огромное. Огромная масса поднялась со всех сторон воинства, отчего их кони встали на дыбы и заржали.

Келмаины издали жуткий вопль.

То, что возникало из снега, было похоже на плоть. Оно скоро достигло такой высоты, что воинство келмаинов скрылось из виду. Слышались какие-то звуки — это они пытались привести в действие боевые машины, с помощью которых хотели прорубиться сквозь это вещество. Слышались крики. Но ни один всадник не смог прорваться за Петлю Плоти.

Потом она стала смыкаться над келмаинами, и Элрик услышал звук, не похожий ни на что.

Это был голос.

Голос сотен тысяч человек, объятых невыносимым ужасом и умирающих одинаковой смертью.

Это был стон отчаяния, безнадежности, страха.

Но это был стон такой силы, что стены замка Канелун содрогнулись.

— Это не смерть для воина,— пробормотал Мунглам, отвернувшись.

— Но у нас не было другого оружия,— сказала Мишелла.— Я владела этим средством много лет, но никогда прежде у меня не возникало потребности в нем.

— Из всех только Телеб К'аарна заслужил такую смерть,— сказал Элрик.

Опустилась ночь, и Петля Плоти сомкнулась над воинством Келмаина, уничтожив всех, кроме нескольких лошадей, которые оказались за пределами этого круга смерти.

Раздавлен был и принц Умбда, который говорил на языке, неизвестном в Молодых королевствах, который говорил на языке, неизвестном древним, который пришел из-за Края Мира завоевывать новые земли.

Петля Плоти раздавила Телеба К'аарну, который ради любви распутной королевы пытался покорить мир, призвав себе на помощь Хаос.

Она раздавила всех воинов этого получеловеческого народа — келмаинов. Она раздавила всех, не оставив никого, кто мог бы рассказать наблюдавшим со стены замка, кто такие келмаины и откуда они родом.

Она поглотила их всех, а потом, сверкнув, распалась, снова превратившись в прах.

Не осталось ни малой частицы плоти — человеческой или лошадиной. Однако снег был покрыт разбросанными повсюду, насколько хватало глаз, одеждой, оружием, доспехами, осадными машинами, конской сбруей, монетами, ременными пряжками.

Мишелла кивнула.

— Это была Петля Плоти,— сказала она.— Я благодарю тебя, Элрик, за то, что ты доставил мне ее. Я благодарю тебя и за то, что ты нашел камень, который вывел меня из сна. Я благодарю тебя за спасение Лормира.

— Да,— сказал Элрик.— Благодари меня.— В нем чувствовалась усталость. Он отвернулся, по его телу пробежала дрожь.

Снова пошел снег.

— Не надо меня благодарить, госпожа Мишелла. То, что я сделал, я сделал для удовлетворения собственных темных порывов, чтобы удовлетворить свою жажду мести. Я уничтожил Телеба К'аарну. Мне безразличен Лормир, Молодые королевства или любое из тех дел, что важны для тебя...

Мунглам увидел, что Мишелла поглядывает на Элрика скептически, а на ее губах гуляет улыбка.

Элрик вошел в замок и начал спускаться по лестнице в зал.

— Постой,— сказала Мишелла.— Этот замок волшебный. Он отражает желания всех, кто входит в него... если этого хочу я.

Элрик потер глаза.

— Тогда у нас, несомненно, нет никаких желаний. Сейчас, когда Телеб К'аарна уничтожен, мои желания удовлетворены. Теперь я покину это место, госпожа.

— У тебя нет никаких желаний? — спросила она.

Он посмотрел ей прямо в глаза и нахмурился.

— Сожаление порождает слабость. Сожаление напоминает болезнь, которая поражает внутренние органы и в конце концов уничтожает...

— И у тебя нет никаких желаний?

Он помедлил.

— Я тебя понимаю. Должен признать, что твоя внешность...— Он пожал плечами.— Но ведь ты?..

Она распростерла руки.

— Не задавай слишком много вопросов обо мне.— Она сделала еще одно движение.— Ну, ты видишь? Этот замок становится тем, что ты желаешь более всего. А в нем — то, что ты желаешь более всего!

Элрик оглянулся, глаза его расширились, и он зарыдал.

Он в ужасе упал на колени. Он устремил на нее умоляющий взор.

— Нет, Мишелла! Нет! Я не хочу этого.

Она поспешно сделала еще одно движение.

Мунглам помог другу подняться на ноги.

— Что это было? Что ты видел?

Элрик выпрямился и положил руку на меч. Тихим горьким голосом сказал он Мишелле:

— Госпожа, я мог бы убить тебя за это, если бы не понимал, что ты поступаешь так из лучших побуждений.

Он несколько мгновений стоял, опустив взгляд в землю, а потом продолжил:

— Знай же! Элрик не может получить того, чего он желает больше всего. То, чего он желает, не существует. То, чего он желает, умерло. Все, что есть у Элрика, это скорбь, вина, злоба, ненависть. Это все, чего он заслуживает, и все, чего он когда-либо будет желать.

Она закрыла лицо руками и убежала в свою комнату — туда, где он впервые увидел ее. Элрик последовал за ней.

Мунглам хотел было пойти следом, но вдруг остановился и остался там, где стоял.

Он видел, как они вошли в комнату, видел, как закрылась за ними дверь.

Он вернулся на стену и уставился с нее в темноту. Он увидел крылья из золота с серебром — они мелькали в лунном свете, становясь все меньше и меньше, пока наконец полностью не исчезли из виду.

Он вздохнул. Было холодно.

Он вернулся в замок и, пристроившись спиной к колонне, приготовился спать.

Но немного спустя он услышал смех, доносящийся до него из самой высокой башни.

И, услышав этот смех, он бросился бежать по коридорам, через большой зал, где погас очаг, выбежал в дверь и в ночь. Он бросился к конюшням, где чувствовал себя в большей безопасности.

Но в ту ночь он не смог уснуть, потому что далекий смех преследовал его.

И смех этот продолжался до самого утра.

Часть вторая

ЛОВУШКА ДЛЯ АЛЬБИНОСА

...Но лишь в Надсокоре, городе нищих, нашел Элрик старого друга и узнал кое-что о старом враге...

Хроника Черного Меча

Глава первая

ДВОР НИЩИХ

Надсокор, город нищих, пользовался дурной славой во всех Молодых королевствах. Надсокор лежал на берегах буйной реки Варкалк недалеко от королевства Орг, где рос ужасный Трооссский лес, страшное зловоние которого распространялось на многие мили вокруг. Редкие путники заглядывали в Надсокор.

Из этого малопривлекательного места отправлялись по миру его обитатели: где можно — нищенствовали, где можно — воровали, а по возвращении в Надсокор половину прибылей отдавали своему королю, который за это обещал им защиту.

Их король властвовал много лет. Звали его Юриш Семипалый, потому что у него было четыре пальца на правой руке и три — на левой. Вены проступали на его когда-то красивом лице, которое ныне обрамляли грязные, населенные паразитами волосы. Его нездоровое лицо к тому же избороздили тысячи

морщин, оставленных годами и пороками. Эта развалина взирала на окружающих пронзительными бледными глазами.

Символом власти Юриша был топор, который назывался Мясник. Топор этот всегда был под рукой у короля. Грубоватая поверхность королевского трона, вырезанного из черного дуба, была украшена кусочками необработанного золота, костями и полудрагоценными камнями. Под троном размещалась сокровищница Юриша — сундук, заглядывать в который не разрешалось никому.

Большую часть дня Юриш бездельничал на троне в мрачном, зловонном зале, где восседали его придворные — шайка негодяев, отличавшихся такими мерзкими внешностью и нравом, что нигде в другом месте их просто не приняли бы.

Обогревался и освещался зал постоянно горевшими жаровнями, в которых сжигался мусор, издававший такую вонь, что она заглушала естественное зловоние придворных.

И вот к королю Юришу явился посетитель.

Он стоял перед тронным возвышением и время от времени подносил свой сильно надушенный платок к красным толстым губам.

Его обычно темное лицо отливало серым, а в глазах, когда он переводил взгляд с грязного нищего на кучи мусора перед жаровнями, появлялось какое-то загнанное, мучительное выражение. Одетый в мешковатые парчовые одежды, какие носили жители Пан-Танга, этот посетитель отличался черными глазами, огромным крючковатым носом, иссиня-черными колечками волос и вьющейся бородкой. Подойдя к трону Юриша, он, не отнимая платка ото рта, поклонился.

Выражение на лице короля Юриша, как и всегда, являло собой смесь алчности, слабости и коварства; он рассматривал незнакомца, о прибытии которого только что объявил один из его придворных.

Юриш, вспомнив это имя, подумал, что знает причину, которая привела сюда пантангианца.

— А мне сообщали, что ты мертв, Телеб К'аарна, убит где-то на Краю Мира.— Юриш ухмыльнулся, обнажив черные пеньки — гниющие остатки своих зубов.

Телеб К'аарна отнял платок от губ и заговорил; поначалу его голос звучал приглушенно, но постепенно — по мере того как он вспоминал зло, причиненное ему за последнее время,— набирал силу.

— Мое колдовство не так уж слабо, а потому я смог вырваться из кольца. Я ушел под землю, когда Петля Плоти Мишеллы сомкнулась вокруг келмаинского воинства.

Отвратительная ухмылка Юриша стала еще шире.

— Значит, ты забрался в нору?

Глаза колдуна яростно сверкнули.

— Я не собираюсь обсуждать свои колдовские способности с...

Он внезапно замолчал и глубоко вздохнул, о чем тут же пожалел. Он огляделся — эти жалкие придворные, живущие в грязи и мерзости, позволяют себе смеяться над ним. Нищие Надсокора знали силу бедности и болезни, которых так боятся те, кто к ним непривычен. Таким образом, уже одно их убожество защищало их от врагов.

Внезапно короля Юриша охватил приступ мерзкого кашля, который вполне мог оказаться смехом.

— И здесь ты тоже оказался благодаря своему колдовству? — Его тело сотрясалось, но его налитые кровью глаза продолжали внимательно разглядывать колдуна.

— Чтобы попасть сюда, мне пришлось пересечь море и весь Вилмир,— сказал Телеб К'аарна.— Я пришел сюда, потому что мне известно, что есть кое-кто, кого ты ненавидишь, как ни одного другого...

— Мы *все* ненавидим других — всех, кто не нищие,— напомнил ему Юриш. Король рассмеялся, и этот смех снова перешел в горловой, конвульсивный кашель.

— Но больше всех ты ненавидишь Элрика из Мелнибонэ.

— Да. Это верно. Прежде чем приобрести славу братоубийцы и предателя Имррира, он прибыл в Надсокор, чтобы обмануть нас. Он прикинулся прокаженным, который, нищенствуя, пробирается из Восточных Земель в Карлаак. Он неприличным образом обманул меня и украл кое-что из моей сокровищницы. А моя сокровищница священна, я никому не позволяю даже посмотреть на нее!

— Я слышал, он украл у тебя свиток,— сказал Телеб К'аарна,— с записью заклинания; этот свиток принадлежал его кузену Йиркуну. Йиркун хотел избавиться от Элрика и уверил его, что это заклинание позволит вывести Симорил из ее волшебного сна...

— Да. Йиркун дал этот свиток одному из наших граждан, когда тот отправился попрошайничать к воротам Имррира. Потом он сказал об этом Элрику. Элрик явился сюда, выдавая себя за прокаженного. С помощью колдовства он получил доступ к моей сокровищнице — моей священной сокровищнице — и выкрал у меня свиток...

Телеб К'аарна посмотрел на короля нищих.

— Кое-кто сказал бы, что это не вина Элрика, что во всем был виноват Йиркун. Он обманул вас обоих. Ведь это заклинание так и не помогло разбудить Симорил?

— Нет. Но в Надсокоре существует закон.— Юриш поднял свой огромный топор Мясник и продемонстрировал его зазубренное ржавое лезвие. Невзирая на свой невзрачный вид, топор был устрашающим оружием.— И этот закон говорит, что любой, кто посмотрит на священную сокровищницу короля Юриша, должен умереть, и умереть страшной смертью — от рук Пылающего бога.

— И никто из твоих странствующих подданных так пока и не смог отомстить ему?

— Я должен лично привести в исполнение этот приговор. А Элрик должен прийти в Надсокор, потому что только здесь сможет он узнать свою судьбу.

Телеб К'аарна сказал:

— Я не испытываю ни малейшей любви к Элрику.

Юриш снова издал звук, который можно было принять как за смех, так и за мучительный кашель.

— Да, я слышал, он гонял тебя по всем Молодым королевствам, и, какое бы сильное колдовство ты ни использовал против него, каждый раз он выходил победителем.

Телеб К'аарна нахмурился.

— Помилосердствуй, король Юриш. Мне просто не везло, но я по-прежнему остаюсь величайшим колдуном Пан-Танга.

— Но ты тратишь без толку свои силы и слишком многого просишь от Владык Хаоса. Когда-нибудь они устанут помогать тебе и найдут кого-нибудь другого, кто станет делать их работу.— Король Юриш сомкнул жирные губы, и черные пеньки зубов исчезли за ними. Он немигающим взором бледных глаз изучал Телеба К'аарну.

В зале возникло движение — нищие придворные придвинулись ближе: скрип костыля, стук посоха, шарканье вывихнутой ноги. Телебу К'аарне показалось, что ему угрожает даже вонючий дым жаровен, неохотно плывущий к крыше.

Король Юриш положил одну руку на Мясника, другой взялся за подбородок. Сломанные ногти гладили небритую щетину. Где-то за спиной Телеба К'аарны нищенка издала неприличный звук и хихикнула.

Колдун чуть ли не демонстративно приложил платок к носу и рту. Он был готов отразить нападение, если таковое последует.

— Но, как я вижу, ты еще сохранил силы,— неожиданно сказал Юриш, снимая возникшее напряжение,— иначе бы тебя здесь не было.

— Мои силы растут.

— Возможно, ненадолго.

— Мои силы...

— Я так думаю, что ты пришел с планом, как уничтожить Элрика,— небрежно продолжил Юриш. Нищие расслабились. Теперь только один Телеб К'аарна демонстрировал некоторые признаки беспокойства. Пронзительные, налитые кровью глаза Юриша иронически смотрели на Телеба К'аарну.— И ты ищешь нашей помощи, потому что знаешь — мы ненавидим этого белолицего разрушителя Мелнибонэ.

Телеб К'аарна кивнул.

— Хочешь узнать детали моего плана?

Юриш пожал плечами.

— Почему бы и нет? По крайней мере, это может быть занимательно.

Телеб К'аарна с несчастным видом оглянулся на мерзкую хихикающую толпу. Он пожалел, что не знает заклинания, с помощью которого можно было бы рассеять зловоние.

Он глубоко вдохнул воздух через платок и заговорил...

Глава вторая

УКРАДЕННОЕ КОЛЬЦО

В другом углу таверны молодой франт делал вид, что заказывает еще один мех с вином, тогда как на самом деле он осторожно поглядывал туда, где сидит Элрик.

Потом щеголь наклонился к своим соседям — купцам и молодым аристократам, представителям нескольких народов,— и продолжил шепотком свои россказни.

Альбинос знал, что предметом его болтовни был он, Элрик. Обычно такое поведение не вызывало у него ничего, кроме пренебрежения, но сегодня он испытывал усталость и с нетерпением ждал возвращения Мунглама. Он с трудом подавил в себе желание приказать молодому франту замолчать.

Элрик уже начал сожалеть о своем решении посетить Старый Гролмар.

Этот богатый город был излюбленным местом встречи для всех не лишенных воображения обитателей Молодых королевств. Сюда съезжались землепроходцы, искатели приключений, наемники, ремесленники, купцы, художники и поэты, поскольку при правлении герцога Авана Астрана этот вилмирский город-государство заметно изменился.

Герцог Аван побывал во всех частях света и привез в Старый Гролмар огромные богатства и знания. Пышность и интеллектуальная жизнь Старого Гролмара привлекали в него новые богатства и новых интеллектуалов, а потому город благоденствовал.

Но там, где богатства и интеллектуалы, там процветают и слухи, потому что если кто и склонен распускать слухи больше, чем купцы и моряки, так это поэты и художники. И вполне естественно, много слухов ходило о гонимом роком альбиносе Элрике, который уже стал героем нескольких баллад, сочиненных поэтами, не лишенными таланта.

Элрик позволил уговорить себя отправиться в этот город, так как Мунглам сказал, что это лучшее место, где можно найти деньги. Беспечность Элрика в финансовых делах довела их — и уже не в первый раз — чуть ли не до нищенства, а им требовались свежие лошади и провизия.

Элрик предпочел бы обогнуть Старый Гролмар и двинуться в Танелорн, куда они решили отправиться, но Мунглам убедил его, что им нужны лошади получше, а также требуется пополнить запас провизии и снаряжения для долгого пути по долинам Вилмира и Илмиоры до границы Вздыхающей пустыни — туда, где расположен таинственный Танелорн. И Элрик в конце концов согласился, хотя после встречи с Мишеллой и присутствия при гибели келмаинского воинства в Петле Плоти он чувствовал усталость и искал покоя, который мог найти в Танелорне.

Хуже всего было то, что таверна хорошо освещалась, а еду здесь, на вкус Элрика, подавали слишком уж хорошую. Он бы предпочел что-нибудь похуже, где цены были бы пониже, а посетители не лезли бы со своими вопросами и поменьше сплетничали. Но Мунглам решил, что их последние средства лучше потратить на хорошую гостиницу — мало ли какие там могут представиться возможности...

Элрик денежными вопросами не занимался, оставив их Мунгламу, который, без всяких сомнений, намеревался раздобыть нужные им средства воровством или мошенничеством, но альбиноса это не волновало.

Он вздыхал и терпел взгляды, которые украдкой бросали на него другие посетители, и старался не слушать, что там говорит молодой щеголь. Он попивал вино и ковырял мясо с тарелки — Мунглам, прежде чем уйти, заказал ему какую-то холодную дичь. Он поднял высокий воротник своего черного плаща, но от этого его мертвенно-бледное лицо и молочного цвета волосы стали только заметнее. Он оглянулся — в таверне происходил круговорот шелков, мехов, накидок, хозяева которых переходили от столика к столику. Он всем сердцем жаждал поскорее отправиться в Танелорн, где люди говорят мало, потому что много пережили.

— ...Убил мать и отца... а еще, говорят, любовника матери...

— А еще говорят, он не прочь переспать с мертвым телом...

— ...А потому Владыки Высших Миров прокляли его, наградив лицом трупа...

— Инцест, ты говоришь? Один человек, которому довелось плавать с ним, сказал мне...

— ...А его мать занималась любовью с самим Ариохом, вот и родилось...

— Да, видок у него мрачноватый. Он не из тех, кто улыбнется хорошей шутке...

Смех.

Элрик заставил себя расслабиться и еще раз приложился к кубку с вином. Однако разговоры не прекращались.

— А еще говорят, что он самозванец. Говорят, что настоящий Элрик погиб в Имррире...

— Настоящий владыка Мелнибонэ не стал бы одеваться так по-нищенски. Он бы...

Новый взрыв смеха.

Элрик встал и откинул плащ, чтобы во всей красе был виден меч, висящий у него на боку. Большинство людей в Старом Гролмаре знали о рунном мече Буревестнике и его страшной силе.

Элрик подошел к столу, за которым сидел молодой франт.

— Господа, я предлагаю вам развлечение получше! Вы можете заняться кое-чем поинтереснее, потому что перед вами тот, в чьих силах представить вам доказательства того, о чем вы говорите. Ну, например, как насчет его склонности к особого рода вампиризму? Я не слышал, чтобы вы коснулись этого вопроса в ваших разговорах.

Молодой франт откашлялся и нервно пошевелил плечом.

— Так что же? — Элрик напустил на лицо невинное выражение.— Могу я вам помочь?

Шепоток в таверне смолк, все делали вид, что поглощены едой и питьем.

Элрик улыбнулся улыбкой, от которой у них задрожали руки.

— Мне бы только хотелось узнать, господа, чему же вы хотите быть свидетелями? И тогда я продемонстрирую вам, что я и в самом деле тот, кого вы называете Элриком Братоубийцей.

Купцы и аристократы подоткнули свои богатые одеяния и, избегая встречаться с Элриком взглядом, поднялись. Молодой франт опрометью бросился к выходу — вся его храбрость оказалась показной.

Теперь хохотал уже Элрик, он стоял в дверях, загораживая выход и положив ладонь на рукоять Буревестника.

— Не хотите ли быть моими гостями, господа? Представьте, как бы вы потом рассказывали друзьям о нашей встрече...

— О боги, какая невоспитанность,— едва слышно промолвил молодой франт и задрожал от страха.

— Мой господин, мы не хотели тебя ничем обидеть,— хрипловато сказал толстый шазаарец, торговец скотом.

— Мы говорили о другом человеке,— сказал молодой аристократ, у которого почти не было подбородка, зато росли пышные усы. Он улыбнулся натужной, просительной улыбкой.

— Мы говорили, что восхищаемся тобой...— пробормотал вилмирский рыцарь, чьи глаза перекосило от ужаса, а лицо стало белее Элрикова.

Купец в темной таркешской парче облизнул красные губы и попытался вести себя с большим достоинством, чем его друзья.

— Мой господин, Старый Гролмар — цивилизованный город. Здесь уважаемые господа не устраивают скандалов и потасовок...

— Они предпочитают сплетничать, как базарные торговки,— сказал Элрик.

— Да,— сказал молодой человек с пышными усами.— То есть нет...

Франт поправил на себе плащ и уставился в пол.

Элрик отошел в сторону. Таркешский купец неуверенно сделал шаг вперед, а потом ринулся в темноту улицы. Его компаньоны, спотыкаясь, последовали за ним. Элрик услышал их торопливые шаги по камням мостовой и рассмеялся. При звуках его смеха шаги стали еще торопливее, и скоро вся компания уже была у пристани, где посверкивала вода. Потом они свернули за угол и исчезли из виду.

Элрик улыбнулся и поднял глаза на небо и звезды — линия горизонта в Старом Гролмаре была весьма причудливой. В этот момент с другой стороны улицы послышались приближа-

ющиеся шаги. Элрик повернулся и увидел новых людей, оказавшихся в полосе света из окна какого-то заведения неподалеку.

Это был Мунглам, возвращавшийся в компании двух женщин, щеголявших одеждой, которая мало что на них закрывала, и обильной косметикой. Без всяких сомнений, это были вилмирские шлюхи с другого конца города. Мунглам обнимал обеих за талии и неразборчиво напевал какую-то непристойную балладу. Компания постоянно останавливалась, чтобы одна из смеющихся девиц могла промочить горло вином. У обеих шлюх в свободных руках были большие глиняные фляжки, и они не отставали от Мунглама, который все время прикладывался к фляжке, зажатой в его руке.

Подойдя на нетвердых ногах поближе, Мунглам узнал Элрика и, подмигнув ему, сказал:

— Ну, владыка Мелнибонэ, как видишь, я тебя не забыл. Одна из этих красоток — для тебя.

Элрик отвесил нарочито низкий поклон.

— Ты так добр ко мне. Но я думал, ты отправился раздобыть нам золота. Разве не для этого мы прибыли в Старый Гролмар?

— Да! — Мунглам поцеловал девиц в щеки. Они прыснули со смеху.— Точно! Это и есть золото, а то, может, и почище. Я спас этих молодых дам из рук жестокого хозяина на другом конце города. Я обещал продать их доброму хозяину, и они мне благодарны.

— Ты украл этих рабынь?

— Можно и так сказать... Я украл их. Ну да, я их украл. Я украл их моим клинком и освободил от жизни, полной унижений. Я совершил благородный поступок. Их несчастья закончились! Они могут смотреть вперед без...

— Их несчастья закончились, в отличие от наших, которые начнутся, когда их хозяин обнаружит преступление и сообщит властям. Как ты нашел этих дам?

— Это они меня нашли. Я предложил свой меч одному старому купцу, приехавшему в этот город из других земель. Я должен был сопровождать его по опасным районам Старого Гролмара в обмен на увесистый кошелек с золотом — я полагаю,

более увесистый, чем он собирался мне вручить. Пока он там развратничал себе наверху, я пропустил стаканчик-другой внизу в зале. Я понравился двум этим красоткам, и они рассказали мне, как они несчастны. Для меня этого было достаточно. Я их спас.

— Хитрый план,— иронически сказал Элрик.

— Это не мой план — их. У них, помимо всего остального, есть еще и мозги.

— Я помогу тебе отвести их к хозяину, прежде чем за нас возьмутся власти.

— Но Элрик!

— Но сначала...

Элрик подхватил своего друга, забросил его себе на плечо и пошел вместе с ним к пристани в конце улицы. Крепко ухватив Мунглама за воротник, он резко опустил его в зловонную воду. Потом он вытащил его и поставил на ноги. Мунглама трясло. Он грустно поглядывал на Элрика.

— Я часто подхватываю простуды, ты же знаешь.

— И часто берешься за исполнение планов, навеянных выпивкой! Нас здесь не очень-то любят, Мунглам. Властям нужен самый маленький предлог, и они напустятся на нас. В лучшем случае мы покинем город, не закончив нашего дела. А в худшем нас обезоружат, посадят в тюрьму, а может быть, и убьют.

Они направились назад, туда, где все еще стояли две девицы. Вдруг одна из них бросилась вперед, упала на колени перед Элриком, прижалась губами к его ноге.

— Хозяин, у меня для тебя послание...

Элрик нагнулся, чтобы поднять ее на ноги.

Она вскрикнула. Ее накрашенные глаза расширились. Он посмотрел на нее в изумлении, а потом, проследив направление ее взгляда, повернулся и увидел нескольких головорезов, которые, тайком выйдя из-за угла, неслись на него и на Мунглама. Элрику показалось, что за головорезами мелькнула фигура молодого щеголя, которого он прогнал из таверны. Щеголь жаждал мести. В темноте блеснули кинжалы. На их владельцах были капюшоны, какие носят наемные убийцы. Их

было не меньше дюжины. Видимо, молодой щеголь был очень богат, поскольку нанять убийцу в Старом Гролмаре стоило недешево.

Мунглам уже обнажил оба своих меча и схватился с вожаком. Элрик оттолкнул испуганную девушку за свою спину и ухватился за рукоять Буревестника. Огромный рунный меч, словно по собственной воле, выскочил из ножен, его клинок сверкнул черным сиянием, раздалась странная боевая песня меча.

Он услышал, как один из убийц крикнул: «Элрик!» — и понял, что щеголь не сообщил убийцам, с кем им придется иметь дело. Он отразил удар тонкого меча и нанес изощренный встречный удар — по запястью нападавшего. Запястье вместе с мечом отлетело в сторону, а нападавший с криком попятился назад.

Последовали новые удары, холодные глаза разглядывали Элрика из-под черных капюшонов. Буревестник пел свою странную песню — крик то ли скорби, то ли победы. Лицо Элрика выражало упоение боем; он рубил мечом направо и налево, а его малиновые глаза сверкали на мертвенно-бледном лице.

Крики, проклятия, вопли женщин и стоны раненых, скрежет металла о металл, шлепанье подошв по мостовой, звуки вонзающейся в плоть стали, хруст кости, перерубаемой клинком. В пылу схватки Элрик, разя врагов мечом, который он держал двумя руками, потерял из виду Мунглама и теперь только молился о том, чтобы его друг остался в живых. Время от времени ему попадалась на глаза одна из девиц, и он спрашивал себя, почему она не убежит куда-нибудь в безопасное место.

Тела нескольких наемных убийц уже лежали на камнях мостовой, а оставшиеся начали отступать под напором Элрика. Они знали силу его меча и что он делает с теми, кто попадается на его пути. Они видели лица своих товарищей в те мгновения, когда адский меч выпивал их души. С каждым убитым Элрик становился сильнее, а черное сияние меча, казалось, становилось все яростнее. Альбинос расхохотался.

Его смех разнесся над крышами Старого Гролмара, и те, кто лежал в постелях, закрыли руками уши — им почудилось, что их мучает какой-то ночной кошмар.

— Ко мне, друзья, мой меч еще не насытился!

Один из наемных убийц пытался защититься от удара снизу, но Элрик сделал выпад Черным Мечом сверху. Защищающийся поднял свой меч, чтобы закрыть голову, но Элрик нанес сокрушительный удар, который пробил сталь, рассек капюшон, голову, шею, раскроил нагрудник. Убийца был рассечен на две части, и меч какое-то время задержался в теле мертвеца, допивая остатки этой темной души. И тут остальные бросились наутек.

Элрик глубоко вздохнул, избегая смотреть на того, кто был убит его мечом последним. Он вложил меч в ножны и повернулся, ища взглядом Мунглама.

В этот момент он и получил удар по шее. Он ощутил, как тошнота подступает к горлу, и попытался стряхнуть с себя это ощущение. Затем он почувствовал укол в запястье и в тумане увидел фигуру, которую принял за Мунглама. Но это была другая фигура — похоже, женская. Она тащила его за левую руку. Куда она влекла его?

Колени его подогнулись, и он стал падать на камни. Он попытался крикнуть, но голос отказал ему. Женщина продолжала тянуть его за руку, словно хотела утащить его в безопасное место. Но он не мог последовать за ней. Он упал на плечо, потом оказался на спине, небо качнулось в его глазах...

...А потом над безумными шпилями Старого Гролмара забрезжил рассвет, и Элрик понял, что с того времени, как он сражался с наемными убийцами, прошло несколько часов.

Появилось лицо Мунглама. Оно было полно сочувствия.

— Мунглам?

— Благодарение добрым богам Элвера! Я думал, этот отравленный клинок убил тебя.

Элрик быстро приходил в себя. Он сел.

— На меня напали сзади. Как это?..

У Мунглама был смущенный вид.

— Боюсь, что эти девицы оказались не совсем теми, за кого себя выдавали.

Элрик вспомнил женщину, которая тащила его за левую руку, и вытянул пальцы.

— Мунглам! У меня с пальца исчезло кольцо Королей! Акториос похищен!

Кольцо Королей на протяжении многих веков носили предки Элрика. Оно было символом их власти, источником большей части их сверхъестественной силы.

Лицо Мунглама опечалилось.

— Я думал, что это я украл девиц. А ворами оказались они. Они собирались обокрасть нас. Старый трюк.

— Это еще не все, Мунглам. Ничего другого они не украли — только кольцо Королей. У меня в кошельке осталось еще немного золота.— Он позвенел своей поясной сумкой и поднялся на ноги.

Мунглам указал пальцем на дальнюю стену улицы. Там лежала одна из девиц, ее платье было все перепачкано грязью и кровью.

— Она попалась под руку одному из убийц, пока мы сражались. Она умирала всю ночь и при этом произносила твое имя. Но я ведь не говорил ей, как тебя зовут. Поэтому боюсь, что ты прав. Их послали, чтобы они украли у тебя это кольцо. Они меня провели.

Элрик быстро пошел туда, где лежала девица. Он легонько прикоснулся к ее щеке. Она открыла веки и уставилась на него стекленеющим взором. Ее губы произнесли его имя.

— Почему ты хотела обокрасть меня? Кто твой хозяин?

— Юриш...— сказала она голосом, тихим, как шорох ветра в траве.— Укради кольцо... принеси его в Надсокор...

Мунглам стоял по другую сторону умирающей. Он нашел одну из фляжек с вином и нагнулся, чтобы дать ей глотнуть. Она попыталась отхлебнуть вина, но не смогла. Оно побежало по ее маленькому подбородку, по тонкой шее, к ране на ее груди.

— Ты — одна из надсокорских нищенок? — спросил Мунглам.

Она слабо кивнула.

— Юриш всегда был моим врагом,— сказал Элрик.— Както раз я возвратил себе кой-какую собственность, которая попала в его руки, и он мне этого так никогда и не простил. Может быть, он хотел получить Акториос в возмещение? — Он перевел взгляд на девушку.— Твоя подружка — она что, вернулась в Надсокор?

И снова девушка вроде бы кивнула. А потом осмысленное выражение исчезло из ее глаз, веки закрылись, дыхание затихло.

Элрик выпрямился. Он хмурился, потирая палец, на котором прежде было кольцо Королей.

— Пусть остается у них,— с надеждой в голосе сказал Мунглам.— Он удовольствуется этим.

Элрик отрицательно покачал головой.

Мунглам откашлялся.

— Через неделю из Джадмара уходит караван. Его ведет Ракхир из Танелорна. Они пока закупают провизию. Если мы сядем на корабль, то скоро окажемся в Джадмаре, где сможем присоединиться к Ракхиру и отправиться в Танелорн в хорошей компании. Тебе, наверное, известно, что жители Танелорна редко совершают такие путешествия. Нам повезло, потому что...

— Нет,— тихим голосом сказал Элрик.— Пока мы должны забыть о Танелорне. Кольцо Королей — это моя связь с предками. Больше того, оно помогает моему колдовству и не раз уже спасало наши жизни. Мы едем в Надсокор. Я должен попытаться догнать эту девицу, прежде чем она доберется до города нищих. Если это не удастся, я должен войти в город и вернуть себе кольцо.

Мунглам вздрогнул.

— Это было бы глупее любого моего плана, Элрик. Юриш убьет нас.

— И все же я должен отправиться в Надсокор.

Мунглам наклонился и начал снимать с мертвого тела девушки драгоценности.

— Нам понадобится много денег, если мы хотим приобрести более или менее приличных лошадей для нашего путешествия,— объяснил он.

Глава третья

ЛЕДЯНЫЕ УПЫРИ

На фоне алого заката Надсокор с этого расстояния казался скорее неухоженным кладбищем, чем городом. Башни покосились, дома полуразрушены, стены пробиты.

Элрик и Мунглам добрались до вершины горы на своих быстрых шазаарских конях, за которых им пришлось отдать все, что у них было,— и увидели Надсокор. Хуже того — они учуяли его. От этого убогого города исходило жуткое зловоние, и оба путника, заткнув себе рты и носы, повернули коней и спустились назад в долину.

— Мы передохнем здесь немного — до полуночи,— сказал Элрик.— А потом войдем в Надсокор.

— Элрик, я не уверен, что смогу выдержать эту вонь. В какие бы одежды мы ни нарядились, наше отвращение выдаст нас.

Элрик улыбнулся и полез в свою сумку. Он вытащил две маленькие таблетки и протянул одну Мунгламу. Тот подозрительно посмотрел на таблетку.

— Это что такое?

— Одно средство. Я уже принимал такое прежде, когда посещал Надсокор. Эта таблетка полностью убивает у тебя обоняние. К несчастью, вкус пищи ты тоже не сможешь ощущать...

Мунглам рассмеялся:

— Я не собирался вкушать никаких деликатесов в городе нищих! — Он проглотил таблетку. То же самое сделал и Элрик.

Мунглам почти сразу же почувствовал, как вонь, исходящая от города, уменьшилась. Позднее, жуя черствый хлеб — последние остатки своей провизии, Мунглам сказал:

— Я ничего не чувствую. Твое средство действует.

Элрик кивнул. Он хмурился, поглядывая на вершину горы в направлении города. Приближалась ночь.

Мунглам вытащил свои мечи и начал затачивать их маленьким камнем, который возил с собой специально для этой

цели. Занимаясь мечами, он поглядывал на лицо Элрика, стараясь проникнуть в его мысли.

Наконец альбинос заговорил:

— Нам, конечно же, придется оставить лошадей здесь, потому что большинство нищих предпочитают передвигаться пешком.

— Они гордятся своей извращенностью,— пробормотал Мунглам.

— Да. И нам понадобится то тряпье, что мы взяли с собой.

— Наши мечи будут бросаться в глаза.

— Нет, не будут, если мы наденем сверху эти балахоны. Нам при этом придется ходить гусиным шажком, но для нищих это неудивительно.

Мунглам неохотно вытащил из седельных мешков тряпье.

И вот грязная парочка (один хромой горбун, другой — коротышка с иссохшей рукой) направилась к пробоине в стене, а затем поплелась по мусору, которого в Надсокоре было по колено.

За несколько сотен лет до этого Надсокор был покинут народом, который спасался от поветрия — особо страшной разновидности оспы, поразившей большинство их соотечественников. Вскоре после этого в городе поселились первые нищие. Они палец о палец не ударили, чтобы сохранить городские оборонительные сооружения, но грязь, которая окружала город, стала не менее действенной обороной, чем любая стена.

Никто не обратил внимания на две фигуры, перебравшиеся через кучи мусора и ступившие на темные, полные смердящих нечистот улицы города нищих. Огромные крысы поднимались на задние лапы и наблюдали за путниками, направившимися к тому, что прежде было зданием сената Надсокора, а теперь — дворцом Юриша. Костлявые собаки, у которых из пастей свисали вонючие объедки, осторожно прятались в тень. Однажды им попалась колонна слепых — они шли друг за дружкой, положив правую руку на плечо идущего впереди. Слепые шли сквозь ночь, пересекали ту самую улицу, на которой находились Мунглам и Элрик. Из полуразвалившихся зданий доносилось погогатывание и хихиканье — это калека

бражничал с убогим, а слабоумный и уродливый совокуплялся со старой каргой. Когда переодетая пара приблизилась к тому, что прежде было центральной площадью Надсокора, из-за одной из разбитых дверей раздался крик, и оттуда появилась девушка, едва вышедшая из детского возраста. За ней выскочил чудовищно толстый нищий, который с удивительной скоростью передвигался на своих костылях. Его багровые культи, заканчивающиеся у коленей, совершали движения как при беге. Мунглам напрягся, но Элрик удержал его, и жирный калека догнал свою жертву, отбросил в сторону костыли, которые загрохотали на разбитой мостовой, и набросился на девочку.

Мунглам попытался освободиться, но крепко державший его Элрик прошептал:

— Пускай. В Надсокоре не выносят тех, кто не болен, не искалечен и душевно здоров.

В глазах Мунглама, смотревшего на своего друга, стояли слезы.

— Твой цинизм так же отвратителен, как и их поступки!

— Не сомневаюсь. Но мы здесь с одной целью — вернуть мое кольцо Королей. Мы здесь будем заниматься только этим и ничем другим.

— Какое значение имеет твое кольцо, когда?..

Но Элрик пошел дальше в направлении центральной площади, и Мунглам, немного поколебавшись, последовал за ним.

Они оказались на площади в противоположном конце от дворца Юриша. Некоторые колонны дворца упали, но лишь на этом здании, единственном во всем городе, были видны следы каких-то работ — его пытались ремонтировать и украшать. На арке центрального входа была намалевана сцена под названием «Искусство попрошайничества и вымогательства». К деревянной двери были приколочены образцы монет всех Молодых королевств, а над ними — возможно, не без иронии — были прибиты в виде перекрещенных мечей костыли, указывающие на то, что оружие нищего — это способность ужасать и вызывать отвращение у тех, кто удачливее или богаче его.

Элрик смотрел сквозь сумерки на это здание, на его лице было сосредоточенное выражение, он что-то прикидывал.

— Стражников здесь нет,— сказал он Мунгламу.

— Зачем они нужны? Что тут охранять?

— Когда я был в Надсокоре в прошлый раз, стражники тут были. Юриш хранит свою сокровищницу как зеницу ока. Он опасается не столько чужаков, сколько своих собственных презренных подданных.

— Может, он перестал их опасаться?

Элрик улыбнулся.

— Такой тип, как король Юриш, боится всего. Нам нужно быть поосмотрительнее, когда мы войдем в зал. Держи свои мечи наготове и доставай их, если только почувствуешь, что мы оказались в ловушке.

— Но Юриш вряд ли подозревает, что мы знаем, откуда эта девушка.

— Да, то, что мы все же узнали об этом,— чистая случайность, однако мы не должны сбрасывать со счетов хитрость Юриша.

— Он бы не захотел такого гостя, как ты,— с Черным Мечом на боку.

— Возможно...

Они начали пересекать площадь, на которой было очень темно и очень тихо. Откуда-то издалека изредка доносился крик, смех или неприличный звук.

Они дошли до дверей и остановились под скрещенными костылями.

Элрик нащупал под своим балахоном эфес Буревестника, а левой рукой толкнул дверь. Они скрипнула и чуть-чуть приоткрылась. Они оглянулись — не слышал ли кто скрипа, но на площади все оставалось по-прежнему.

Они надавили на дверь еще. Дверь снова скрипнула. Теперь они смогли протиснуться сквозь образовавшуюся щель.

Они оказались в зале Юриша. Жаровни с мусором испускали слабый свет. К стропилам устремлялся желтоватый дым. Они увидели неясные очертания тронного возвышения, в глубине которого расположился огромный аляповатый трон Юри-

ша. Казалось, что в зале никого нет, но Элрик не снимал руки с эфеса Черного Меча.

Услышав какой-то звук, он остановился, но это по полу пробежала огромная трусливая крыса.

Снова наступила тишина.

Элрик осторожно продвигался вперед по осклизлому полу, Мунглам держался позади него.

По мере приближения к трону возбуждение Элрика нарастало. Может быть, Юриш слишком уж уверился в своей силе и утратил бдительность. Элрик откроет сундук под троном, возьмет свое кольцо, и они покинут город, а с рассветом уже будут далеко, поскачут по равнине и присоединятся к каравану Ракхира Красного Лучника, собирающегося в Танелорн.

Элрик слегка расслабился, но шел по-прежнему осторожно. Мунглам помедлил, наклонил голову, словно прислушиваясь.

Элрик повернулся.

— Ты что-то услышал?

— Может, и ничего. А может, это одна из тех огромных крыс, что мы видели раньше. Просто...

Серебристо-голубоватое сияние вспыхнуло за странным троном, и Элрик левой рукой прикрыл глаза от слепящего света, а правой попытался вытащить из-под балахона свой меч.

Мунглам закричал и бросился к двери, а Элрик, даже повернувшись к свету спиной, ничего не видел. Буревестник стонал в ножнах, словно впав в приступ ярости. Элрик пытался вытащить его, но чувствовал, как слабеют его мышцы. За его спиной раздался смех, и Элрик сразу же узнал его. Потом засмеялся еще один человек — горловым смехом вперемешку с кашлем.

Зрение вернулось к Элрику, но его держали липкие руки, и он, увидев тех, кто его схватил, содрогнулся. Это были темные существа, обитатели ада, упыри, вызванные колдовством. Их мертвые лица ухмылялись, но их мертвые глаза оставались мертвыми. Элрик чувствовал, что силы и энергия уходят из его тела, словно упыри высасывали его жизненные соки. Это ощущение было почти что реальным — его жизненная сила перетекала в них.

Он снова рассмеялся. Он поднял глаза на трон и увидел за ним высокую мрачную фигуру Телеба К'аарны, который должен был умереть у замка Канелун несколько месяцев назад. Телеб К'аарна ухмыльнулся в свою кудрявую бороду, глядя на Элрика, пытающегося вырваться из рук упырей. Из-за другой стороны трона появилась грязная фигура Юриша Семипалого, на левой своей руке он, как ребенка, нес Мясника.

Элрик настолько ослабел, что едва держал голову, но продолжал улыбаться собственной глупости. Он был прав, когда подозревал ловушку, но ошибся, совершенно не подготовившись к ней.

А что с Мунгламом? Неужели Мунглам бросил его? Его маленького друга нигде не было видно.

Юриш с важным видом обошел трон и опустил на него свое мерзкое тело. Мясника он держал у себя на руках. Его бледные глаза-бусинки внимательно изучали Элрика.

Телеб К'аарна остался стоять сбоку от трона, но в его глазах, словно похоронные огни Имррира, сияло торжество.

— Добро пожаловать назад в Надсокор,— прошипел Юриш, скребя себя между ног.— Я так понимаю, что ты вернулся принести свои извинения.

Элрика трясло — его кости леденели от холода. Буревестник шевелился у него на боку, но помочь ему был не в силах — сначала Элрик должен был своей рукой извлечь его из ножен. Альбинос понял, что умирает.

— Я пришел вернуть себе то, что мне принадлежит,— сказал он, пересиливая дрожь.— Мое кольцо.

— Ах да! Кольцо Королей. Значит, это было твое кольцо? Моя девушка что-то об этом говорила.

— Ты послал ее, чтобы она украла у меня это кольцо!

Юриш ухмыльнулся:

— Не буду отрицать. Но я никак не ждал, что Белый Волк Имррира так легко попадется в мою ловушку.

— Он ни за что не попался бы, если бы тебе не помогал этот самодеятельный колдунишка.

Телеб К'аарна нахмурился, но потом его лицо прояснилось.

— Неужели мои упыри доставляют тебе неудобство?

Последнее тепло покидало Элрика. Стоять он не мог — висел в руках мертвых тварей. Вероятно, Телеб К'аарна давно вынашивал этот план, потому что вызвать этих исчадий ада на землю можно было только с помощью множества заклинаний и заключения договора со стражей Лимба.

— Ну что ж, значит, я умру,— пробормотал Элрик.— Кажется, меня это не очень волнует...

Юриш изобразил на своем гниющем лице нечто похожее на высокомерие.

— Нет, Элрик из Мелнибонэ, ты умрешь не сразу. Приговор тебе еще не вынесен! Нужно соблюсти формальности. Клянусь моим мудрым Мясником, я должен осудить тебя за твои преступления против Надсокора и против священной сокровищницы короля Юриша.

Элрик едва слышал его, потому что ноги под ним подогнулись, а упыри лишь тверже ухватились за него.

Он как в тумане увидел толпу оборванцев, наводнивших зал. Они явно ждали этого момента. Неужели Мунглам погиб от их рук, когда попытался бежать из зала?

— Приподнимите ему голову! — сказал Телеб К'аарна своим мертвым слугам.— Пусть он видит, как Юриш, король всех нищих, выносит свой приговор!

Элрик почувствовал ледяную руку у себя под подбородком, ему подняли голову, чтобы он мог затуманенными глазами видеть, как Юриш встал, взял в свою четырехпалую руку Мясника и поднял его к затянутому дымом потолку.

— Элрик из Мелнибонэ, ты приговариваешься за многие преступления против нижайшего из низких, то есть меня, короля Юриша Надсокорского. К тому же ты нанес оскорбление другу короля Юриша, этому самому наимерзейшему из негодяев Телебу К'аарне...

Услышав это, Телеб К'аарна сложил губы трубочкой, но вмешиваться не стал.

— ...к тому же ты во второй раз явился в город нищих, намереваясь повторить свое преступление. Символом моего достоинства и власти, этим великим топором по имени Мясник, я приговариваю тебя к наказанию Пылающим богом!

Со всех сторон зала послышались редкие хлопки придворных. Элрик вспомнил надсокорскую легенду. Когда исконных жителей города поразила болезнь, они обратились за помощью к Хаосу, умоляя его очистить город от поветрия, если понадобится, то и огнем. Хаос сыграл шутку с этим народом — послал Пылающего бога, который сжег все, что у них оставалось. Тогда жители обратились за помощью к Закону, и Владыка Закона Донбласс заточил Пылающего бога в городе. Оставшиеся в живых жители больше не захотели иметь никаких дел с Владыками Высших Миров — они просто ушли из города. Но неужели Пылающий бог все еще находился в Надсокоре?

Элрик словно бы издалека слышал голос Юриша:

— Отведите его в лабиринт и отдайте Пылающему богу.

Тут заговорил Телеб К'аарна, но Элрик уже не слышал его слов, хотя ответ Юриша и донесся до него:

— Его меч? Как он поможет ему против одного из Владык Хаоса? И потом, если извлечь меч из ножен, то кто знает, что может случиться.

Судя по его тону, Телебу К'аарне это явно не понравилось, но он все же согласился с Юришем.

В голосе Телеба К'аарны послышались властные нотки:

— Силы Лимба, отпустите его! Вы в вознаграждение получили его жизненные силы! А теперь исчезните!

Элрик упал в грязь на плиты пола, но сил у него не осталось, и нищие, собравшись в кружок, подняли его.

Глаза его закрылись, чувства оставили его. Его понесли из зала, и он издалека услышал голоса пантангианского колдуна и короля нищих, торжествующих победу.

Глава четвертая

НАКАЗАНИЕ ПЫЛАЮЩИМ БОГОМ

— Клянусь испражнениями Нарджхана, он холоден как лед!

Элрик услышал скрипучий голос одного из нищих, что несли его. Он все еще был слаб, но часть тепла этих людей передалась ему, и лед в его костях стал не таким убийственным.

— Вот и вход!

Элрик заставил себя открыть глаза.

Несли его головой вниз, но все же он мог, хотя и плохо, видеть то, что впереди.

Иногда там что-то мелькало.

Впечатление было такое, словно светящуюся шкуру какого-то неземного животного натянули поперек туннеля.

Он отпрянул назад, когда нищие раскачали его тело и швырнули в направлении мерцающей шкуры.

Он ударился об нее.

Она оказалась липкой.

Она вцепилась в него, и он почувствовал, как эта шкура затягивает его. Он попытался сопротивляться, но все еще был слишком слаб. Он был уверен, что его убивают.

Но прошло несколько томительных минут, его затянуло внутрь, и он, хватая ртом воздух, упал на каменный пол темного как ночь туннеля.

Наверное, это лабиринт, о котором говорил Юриш, подумал Элрик.

Дрожа, он попытался подняться, опираясь на ножны меча. У него ушло на это некоторое время, но наконец он встал и прислонился к кривой стене.

Он был удивлен. Камни показались ему горячими. Может быть, это ему только кажется, потому что его тело закоченело от холода, и камни туннеля на самом деле имеют обычную температуру.

Даже эти размышления, казалось, лишали его сил. Какова бы ни была природа этого тепла, Элрик радовался ему. Он еще сильнее прижался спиной к стене туннеля.

По мере того как тепло медленно перетекало в его тело, он стал испытывать какое-то чувство, близкое к восторгу. Он набрал в грудь побольше воздуха. Силы медленно возвращались к нему.

— О боги,— пробормотал он,— даже снега лормирской степи были теплее.

Он еще раз вдохнул поглубже и закашлялся.

И тут он понял, что действие таблетки, которую он проглотил, перед тем как войти в город, заканчивается.

Он отер рот тыльной стороной руки и сплюнул, ощутив зловоние Надсокора.

На нетвердых ногах он поплелся к входу в туннель. Та мерцающая шкура была на своем месте. Он прижал к ней руку, она подалась, но не пропустила его. Он надавил на нее всем своим весом, она подалась еще больше, но проникнуть через нее было невозможно. Она напоминала очень прочную перепонку, но состоящую не из плоти, а из какого-то другого материала. Может, Владыки Закона этим материалом запечатали выход из туннеля, чтобы наружу не смог выйти их враг — Владыка Хаоса? Единственным источником света в туннеле была эта мембрана.

— Клянусь Ариохом, я отомщу королю нищих,— пробормотал Элрик.

Он сбросил с себя драный балахон и взялся за рукоять Буревестника. Клинок замурлыкал, как мурлычет кот. Элрик извлек меч из ножен, и тот запел тихую, довольную песню. Элрик почувствовал, как сила от меча через руку вливается в его тело. Буревестник давал Элрику силу, но Элрик знал, что Буревестник скоро потребует воздаяния, захочет вкусить крови и душ и таким образом пополнить свою энергию. Он нанес огромной силы удар по мерцающей шкуре.

— Я разрушу эту препону и выпущу Пылающего бога на Надсокор! Бей во всю мочь, Буревестник! Пусть пламя поглотит всю грязь, накопившуюся в этом городе!

Но Буревестник только взвыл, ударив по мембране,— пробить ее он не мог. Элрику пришлось напрячь все свои силы, чтобы вытащить меч из этого вязкого материала. Он отошел, тяжело дыша.

— Эта преграда возводилась, чтобы противостоять самому Хаосу,— пробормотал Элрик.— Мой меч бессилен против нее. А потому если я не могу вернуться назад, то должен идти вперед.

Он развернулся и, держа Буревестник в руке, пошел по туннелю. Он сделал один поворот, потом другой, потом третий и теперь двигался в полной темноте — свет мембраны не достигал сюда. Он сунул было руку в сумку, где у него хранились

кремень и трут, но нищие срезали ее, пока несли его сюда. Он решил вернуться, но понял, что заблудился и не может найти мембрану, загораживавшую выход.

«К мембране мне не вернуться, но, кажется, никакого бога тут нет. Может, отсюда существует какой-нибудь другой выход. А если он перекрыт деревянной дверью, то Буревестник проложит мне путь к свободе».

И он пошел дальше в лабиринт, делая сотни поворотов в темноте. Наконец он снова остановился.

Он обратил внимание на то, что в туннеле становится все жарче. Вместо жуткого холода, который он испытал перед этим, Элрик чувствовал удушающую жару. С него начал течь пот. Он сбросил с себя верхние тряпки и остался в собственной рубахе и штанах. Его начала мучить жажда.

Еще один поворот, и впереди он увидел свет.

«Ну что ж, Буревестник, может быть, мы снова свободны!»

Он побежал к источнику света. Однако оказалось, что это не дневной свет. И не мерцающая перегородка была впереди. Это был огонь, может быть, свет факелов.

В этом свете он неплохо видел стены туннеля. В отличие от домов в Надсокоре, на этих стенах не было слизи — чистый серый камень, освещенный красным сиянием.

Источник света находился за следующим поворотом. Но жар стал еще сильнее, и кожу Элрика стянуло от сухости.

— АГА!

Мощный голос внезапно наполнил туннель, как только Элрик завернул за угол и увидел пламя, мерцающее не далее чем в тридцати ярдах от него.

— АГА! НАКОНЕЦ!

Голос исходил из пламени.

И Элрик понял, что нашел Пылающего бога.

— Я не ссорился с тобой, Владыка Хаоса! — выкрикнул он.— Я тоже служу Хаосу.

— Но я должен есть,— послышался голос.— ЧЕКАЛАХ ДОЛЖЕН ЕСТЬ!

— Я плохая еда для такого, как ты,— попытался воззвать к логике Элрик; он положил обе руки на эфес Буревестника и сделал шаг назад.

— Это точно, нищий, еда ты плохая, но ты единственная еда — другой они не прислали!

— Я не нищий!

— Нищий ты или нет, Чекалах проглотит тебя!

Пламя затрепетало и начало приобретать какую-то форму — человеческую, но состоящую исключительно из огня. Дрожащие огненные руки потянулись к Элрику.

И Элрик развернулся.

И Элрик побежал.

И Чекалах, Пылающий бог, понесся за ним со скоростью пламени.

Элрик почувствовал боль в плече, в нос ему ударил запах горящей ткани. Он увеличил скорость, не имея ни малейшего представления о том, куда бежит.

Но Пылающий бог продолжал преследовать его.

— Стой, смертный! Это бесполезно! Тебе не удастся уйти от Чекалаха, Владыки Хаоса!

С юмором висельника Элрик прокричал в ответ:

— Я не буду ничьей жареной закуской! — Ноги у него начали подкашиваться.— Даже бога!

Ответ Чекалаха прозвучал, как порыв пламени в дымоходной трубе:

— Не смей мне противиться, смертный. Быть съеденным богом — большая честь!

Жара и усталость брали свое — Элрик был на последнем издыхании. Когда он только увидел Пылающего бога, у него в голове стал созревать план. Поэтому-то он и бросился бежать, надеясь додумать на бегу. Но теперь, когда Чекалах почти догнал его, Элрик вынужден был повернуться.

— Что-то ты слабоват для всемогущего Владыки Хаоса,— сказал он, переводя дыхание и поднимая меч.

— Долгое пребывание здесь ослабило меня,— ответил Чекалах.— Иначе я бы сразу же схватил тебя! Но я тебя все равно схвачу! И непременно проглочу.

Буревестник простонал, выказывая свое недовольство ослабленным богом Хаоса, и нанес удар по пылающей голове, распоров при этом правую щеку бога. В этом месте пламя стало

бледнее, и что-то заструилось по черному клинку через руку Элрика прямо в его сердце. Он задрожал, испытывая одновременно ужас и радость, когда часть жизненной силы Пылающего бога проникла в него.

Огненные глаза уставились на Черный Меч, а потом — на Элрика. Огненные брови нахмурились, Чекалах остановился.

— Да, верно, ты не обычный нищий!

— Я — Элрик из Мелнибонэ, я владею Черным Мечом. Мой повелитель — Владыка Ариох, он сильнее тебя, Владыка Чекалах.

Огненная наружность бога приняла несколько обиженное выражение.

— Да, есть много тех, кто будет сильнее меня, Элрик из Мелнибонэ.

Элрик отер пот с лица. Он вдохнул в грудь горячий воздух.

— Почему же тогда... почему бы нам не объединить наши усилия? Вместе мы сокрушим мембрану и отомстим тем, кто составил заговор, чтобы натравить нас друг на друга.

Чекалах покачал головой, и с нее упали маленькие язычки пламени.

— Эта дверь откроется, только когда я буду мертв. Так было постановлено, когда Владыка Закона Донблас заточил меня сюда. Даже если бы мы смогли снести ту мембрану, это привело бы к моей смерти. Поэтому, сильнейший из смертных, я должен сразиться с тобой и съесть тебя.

И Элрик снова пустился бежать во всю мочь в поисках мембраны, зная, что, кроме света Пылающего бога в лабиринте, он может увидеть только свет мембраны. Даже если он и победит бога, он все равно останется пленником лабиринта.

И тут он увидел его. Он вернулся к тому месту, где попал в лабиринт через мембрану.

— В мою тюрьму можно попасть через этот вход, но выйти из нее здесь невозможно! — крикнул Чекалах.

— Знаю! — Элрик взял Буревестник в обе руки и повернулся лицом к огненному существу.

Размахивая мечом и отражая любые попытки Пылающего бога схватить его, Элрик чувствовал, как растет в нем симпатия к этому существу. Он пришел в ответ на призыв смертных, а за свои труды был заключен в эту тюрьму.

Одежда на Элрике начала тлеть, и, хотя при каждом ударе по Чекалаху Буревестник пополнял запас энергии Элрика, жара становилась невыносимой для него. Он уже не потел. Кожа его высохла и вот-вот была готова треснуть. Белые руки покрылись пузырями. Скоро он не сможет держать меч...

— Ариох,— выдохнул Элрик.— Хотя это существо — также Владыка Хаоса, помоги мне победить его.

Но Ариох не отозвался. Элрик уже знал от своего демона-покровителя, что на Земле и над ней планируются вещи куда как более важные и у Ариоха нет времени даже для своего фаворита среди смертных.

Но Элрик, размахивая мечом, все еще по привычке шептал имя Ариоха. Ему удалось попасть сначала по пылающим рукам, а потом по пылающему плечу — в Элрика влилась новая порция энергии бога.

Элрику начало казаться, что даже Буревестник страдает от жары; боль в обожженных руках альбиноса была так велика, что затмевала все остальные страдания. Он отступил к мерцающей мембране и спиной почувствовал ее похожую на плоть структуру. Концы его длинных волос начали дымиться, а обугленных пятен на его одежде становилось все больше.

Но Чекалах — он, кажется, тоже терял силы? Пламя его было уже не таким ярким, и на его огненном лице стало появляться выражение смирения.

Элрик опирался на свою боль как на единственный источник силы, и эта боль заставила его поднять меч повыше и сильнейшим ударом обрушить Буревестник на голову бога.

И сразу же, как только удар достиг цели, огонь стал стихать, и Элрик ощутил огромный поток энергии, хлынувшей в его тело. Поток отбросил его назад, альбинос выронил меч, чувствуя, что тело не выдерживает такого чудовищного напора энергии. Он со стоном покатился по полу, вздымая покрытые пузырями руки к своду туннеля, словно умоляя какое-то высшее существо прекратить то, что происходит с ним, с Элриком. В его глазах не было слез, казалось, даже сама его кровь словно начала выкипать из тела.

— Ариох! Спаси меня! — Он кричал, и тело его сотрясалось.— Ариох! Избавь меня от этого!

Энергия бога переполняла его, но смертная оболочка не могла вместить такую силу.

— А-а-а-а! Освободи меня!

И вдруг прекрасное, полное спокойствия лицо склонилось над ним. Он увидел высокого человека — гораздо выше его — и понял, что это лицо не смертного, а бога.

— Все кончилось,— сказал чистый, мягкий голос.

И хотя это существо не шелохнулось, Элрику показалось, будто нежные руки ласкают его; боль его стала стихать, а голос продолжал говорить:

— Много столетий назад я, Владыка Донблас, Вершитель Справедливости, пришел в Надсокор освободить его от власти Хаоса. Но я пришел слишком поздно. Зло приносило еще большее зло, как это и свойственно злу, а я не мог особо вмешиваться в дела смертных, потому что мы, принадлежащие Закону, поклялись позволить человечеству самому определять свою судьбу, если только это возможно. Но Космическое Равновесие раскачивается, как маятник часов со сломанной пружиной, и на земле действуют страшные силы. Ты, Элрик,— слуга Хаоса, но ты не раз служил и Закону. Говорят, что судьба человечества зависит от тебя, и, возможно, эти слова справедливы. Поэтому я помогу тебе, хотя и нарушаю свою клятву, делая это...

Элрик закрыл глаза и впервые за долгое время почувствовал покой в душе.

Боль прошла, но он по-прежнему был полон огромной энергии. Когда он снова открыл глаза, красивое лицо исчезло, как и мерцающая мембрана, перекрывавшая вход. Рядом с ним лежал Буревестник, и Элрик, вскочив на ноги, поднял его и вложил в ножны. Он увидел, что ожоги сошли с его рук, а одежда его снова была целехонька.

Может быть, ему приснилось все это? Или большая часть этого?

Он потряс головой. Он был свободен. Он был силен. С ним был его меч. Теперь он вернется в зал короля Юриша и отомстит правителю Надсокора и Телебу К'аарне.

Он услышал чьи-то шаги и отступил в тень. Из отверстия в своде в туннель проник свет, и Элрик понял, что поверхность здесь близко. Появилась фигура, которую он сразу же узнал.

— Мунглам!

Его маленький друг с облегчением улыбнулся и вложил мечи в ножны.

— Я пришел сюда помочь тебе, если удастся, но я вижу, тебе не нужна моя помощь!

— Здесь уже не нужна. Пылающего бога больше нет. Я тебе расскажу об этом потом. А что случилось с тобой?

— Поняв, что мы оказались в ловушке, я бросился к двери — я подумал, что будет лучше, если один из нас останется на свободе, к тому же я знал, что нужен им ты, а не я. Но тут я увидел, что дверь открывается, и понял: они все это время ждали нас.— Мунглам повел носом и отряхнул тряпье, которое все еще было на нем.— Так я оказался в самом низу одной из мусорных куч, каких немало во дворце Юриша. Я нырнул в нее и оставался там, слушая, что происходит. Как только мне удалось выбраться оттуда, я нашел этот туннель, собираясь помочь тебе, чем только можно.

— А где Юриш и Телеб К'аарна?

— Кажется, они никак не могут договориться между собой, какую плату следует дать Телебу К'аарне. Юриш не очень-то приветствовал его план заманить тебя сюда, поскольку опасался твоей силы...

— И не без оснований! Что еще?

— Вроде бы Юришу стало известно то, что известно нам,— об этом караване на Танелорн. Юриш знает что-то о Танелорне, хотя и немного, мне кажется. Он питает необъяснимую ненависть к этому месту, может быть, потому, что Танелорн — полная противоположность Надсокору.

— Они собираются напасть на караван Ракхира?

— Да... И Телеб К'аарна намерен призвать каких-то существ из ада, чтобы обеспечить успех этого нападения. Ракхир, насколько мне известно, не владеет колдовством.

— Когда-то он служил Хаосу, но теперь это в прошлом. Те, кто живет в Танелорне, не могут иметь покровителей в Высших Мирах.

— Я это понял из их разговора.

— И когда они намерены совершить это нападение?

— Они уже в пути — отправились почти сразу же, как разделались с тобой. Юриш просто сгорал от нетерпения.

— Что-то это не похоже на нищих — они никогда не нападают на караваны в открытую.

— У них не всегда есть такой мощный союзник, как коварный колдун.

— Это верно.— Элрик нахмурился.— Мои собственные колдовские возможности ограничены без кольца Королей. По этому кольцу во мне признают истинного представителя королевского рода Мелнибонэ — рода, который заключил немало сделок с элементалями. Сначала я должен вернуть мое кольцо, и тогда мы сразу же отправимся на помощь Ракхиру.

Мунглам опустил глаза.

— Они что-то говорили об охране сокровищницы Юриши в его отсутствие. В зале может находиться стража.

Элрик улыбнулся.

— Теперь мы готовы, и теперь во мне сила Пылающего бога. Мы, пожалуй, сможем справиться с целой армией.

Лицо Мунглама прояснилось.

— Тогда я проведу тебя назад в зал. Идем. По этому туннелю мы выйдем к дверям, которые находятся в зале рядом с троном.

Они побежали по туннелю и вскоре оказались у дверей, о которых говорил Мунглам. Элрик, не останавливаясь, вытащил меч и распахнул дверь. Он остановился, только войдя в зал. Дневной свет слегка рассеивал мрак зала, в котором снова никого не было. Их тут не встречали нищие, вооруженные мечами.

Но на троне Юриша сидело жирное чешуйчатое существо желто-зелено-черного цвета. С его ухмыляющегося рыла капала коричневатая желчь.

Существо это в издевательском приветствии подняло одну из множества своих лап.

— Приветствую,— прошипело существо.— И поберегитесь, потому что я охраняю сокровища Юриша.

— Это обитатель Ада,— сказал Элрик.— Демон, вызванный Телебом К'аарной. Я так думаю, что он неплохо поднаторел в колдовстве, если может повелевать таким числом нечистых слуг.— Он нахмурился и взвесил в руке Буревестник, но меч, как это ни странно, вовсе не выказывал жажды битвы.

— Я тебя предупреждаю,— прошипел демон.— Меня не убить мечом, даже этим мечом. Таков мой охранный договор...

— Это кто такой? — прошептал Мунглам, подозрительно поглядывая на демона.

— Он принадлежит к тому роду демонов, которым пользуются все, наделенные колдовской силой. Он демон-стражник. Они не нападают, если не нападают на них. Они практически неуязвимы для обычного оружия смертных, а этот конкретный демон неуязвим для мечей — обычных или волшебных. Если мы попытаемся убить его нашими мечами, он нанесет ответный удар всеми силами Ада. И мы тогда вряд ли выживем.

— Но ведь ты победил бога! Что такое демон рядом с богом?

— Я победил ослабевшего бога,— напомнил ему Элрик.— А это сильный демон, поскольку он представляет всех демонов, которые придут ему на помощь, чтобы обеспечить соблюдение его договора.

— И мы никак не сможем его одолеть?

— Если мы хотим помочь Ракхиру, то не стоит и пробовать. Мы должны поскорее добраться до наших лошадей и попытаться предупредить караван. А позднее мы, вероятно, сможем вернуться и придумать какое-нибудь заклинание против этого демона.— Элрик, поклонившись, издевательски ответил на приветствие демона: — Прощай, мерзейший. Пусть твой хозяин никогда не вернется к тебе и ты вечно будешь обречен сидеть в этом грязном зале.

У демона от злости потекли слюни.

— Мой хозяин — Телеб К'аарна, один из самых сильных колдунов среди твоего вида.

— Не моего.— Элрик покачал головой.— Я скоро убью его, и ты останешься сидеть здесь, пока я не найду способа покончить и с тобой.

Демон не без раздражения сложил многочисленные лапы и закрыл глаза.

Элрик и Мунглам по заваленному грязью полу направились к двери.

С трудом подавляя тошноту, добрались они до ступенек, ведущих на площадь. Таблетки, что были у Элрика, пропали вместе с его сумкой, и сейчас у них не было защиты от зловония. Мунглам, выходя, сплюнул на ступеньки и, окинув площадь взглядом, вытащил два меча и скрестил их перед собой.

— Элрик!

На них неслись около дюжины нищих с дубинками, топорами и ножами в руках.

Элрик рассмеялся:

— Вот тебе лакомый кусочек, Буревестник!

Он вытащил свой меч и принялся вращать у себя над головой этим воющим клинком, неумолимо наступая на нищих. Почти сразу же двое из них бросились наутек, но остальные продолжали стремительно наступать.

Элрик снизил плоскость вращения меча, который снес голову одного из нищих и глубоко вонзился в плечо другого — еще до того, как начала хлестать первая кровь.

Мунглам с двумя своими тонкими мечами вступил в схватку сразу с двумя нищими. Элрик нанес удар еще одному, и тот закричал и заплясал на месте, цепляясь руками за клинок, который безжалостно выпивал его жизнь и душу.

Теперь Буревестник пел ироническую песню, и три оставшихся в живых нищих бросили оружие и пустились бежать прочь через площадь.

Мунглам поразил двух противников одновременно прямо в сердце, а Элрик прикончил остальных, которые кричали и молили о пощаде.

Элрик вложил Буревестник в ножны и бросил взгляд на алые куски плоти — результат его трудов. Он отер губы, как это делает гурман, отведавший какого-нибудь деликатеса, отчего Мунглама пробрала дрожь. Элрик хлопнул друга по плечу.

— Давай скорее — на помощь Ракхиру!

Мунглам, следуя за альбиносом, думал, что Элрик в лабиринте взял нечто большее, чем жизнь Пылающего бога. Он был сегодня бездушен, как и все Владыки Хаоса.

В этот день Элрик был истинным воином древнего Мелнибонэ.

Глава пятая

ОНИ НЕ ЖЕНЩИНЫ

Нищие были слишком заняты — они торжествовали свою победу над альбиносом и готовились к нападению на караван, направляющийся в Танелорн, а потому даже не подумали поискать коней, на которых Элрик и Мунглам прибыли в Надсокор.

Элрик и Мунглам нашли коней там, где и оставили их предыдущим вечером. Превосходные шазаарские жеребцы пощипывали траву так, словно прождали своих хозяев всего несколько минут.

Путники сели в седла и скоро уже гнали коней во весь опор на северо-северо-восток к тому месту, где, по их расчетам, они должны были пересечься с караваном.

Вскоре после полудня они увидели его — растянувшуюся по долине колонну телег и лошадей, навесы из ярких роскошных шелков, богатую конскую упряжь. Со всех сторон караван был окружен убогой разнородной армией нищих надсокорского короля Юриша.

Элрик и Мунглам, достигнув вершины холма, остановили лошадей, чтобы получше разобраться в происходящем.

Телеба К'аарну и Юриша Элрик увидел не сразу — они оказались на противоположном холме. Судя по тому, как колдун воздевал к голубым небесам руки, он призывал помощь, которую обещал королю Юришу.

Внизу мелькнуло что-то красное, и Элрик догадался, что это алое одеяние Красного Лучника. Приглядевшись, он узнал еще несколько фигур — светловолосого гиганта Брута из Лашмара, чей конь под ним казался карликом, Каркана, который

тоже был родом из Пан-Танга, но сменил одежду на клетчатый плащ и меховую шапку, какие носят варвары в южной Илмиоре. Сам Ракхир был воином-жрецом родом из земель, лежащих за Плачущей пустошью. Все эти люди отреклись от своих богов ради мирной жизни в Танелорне, куда, как считалось, не могли попасть даже самые сильные Владыки Высших Миров,— в вечном Танелорне, который уже простоял бессчетное число циклов и должен был пережить даже Землю.

Ничего не зная о планах Телеба К'аарны, Ракхир не очень обеспокоился, увидев армию нищих, вооруженных так же плохо, как и те вояки, с которыми Элрик и Мунглам сразились в Надсокоре.

— Мы должны пробиться через их армию к Ракхиру,— сказал Мунглам.

Элрик кивнул, но не двинулся с места. Он наблюдал за холмом вдалеке, где Телеб К'аарна продолжал заклинания. Элрик надеялся разгадать, кого призывает себе на помощь колдун.

Мгновение спустя Элрик вскрикнул и галопом пустил коня вниз по склону холма. Мунглам, удивившись такому его поступку не меньше нищих, припустил за другом в самую гущу оборванцев, прорубаясь сквозь них длинным мечом.

Буревестник испускал черное сияние, оставляя за собой кровавую тропу, на которую падали расчлененные тела, внутренности и мертвые, исполненные ужаса глаза.

Конь Мунглама был забрызган кровью до самой холки, он храпел и артачился, не желая следовать за белокожим демоном с воющим черным клинком, однако Мунглам, опасаясь, как бы вокруг него не сомкнулись ряды нищих, погонял коня. Наконец они прорвались и теперь уже оба скакали в направлении каравана, где кто-то выкрикивал имя Элрика.

Это был Ракхир Красный Лучник, одетый в красное с головы до пят, он держал в руке красный костяной лук, а за спиной у него висел красный колчан стрел с красным оперением. На его голове была алая ермолка, украшенная единственным алым пером. У него было худое — кожа да кости — лицо человека, закаленного всеми непогодами. Он рука об руку

сражался с Элриком до падения Имррира, и вместе они нашли Черные Мечи. Ракхир отправился на поиски Танелорна и в конце концов нашел его.

С тех пор Элрик не видел Ракхира. Он отметил завидное душевное спокойствие в глазах лучника. Когда-то Ракхир был воином-жрецом и служил Хаосу, теперь же он не служил никому, кроме мирного Танелорна.

— Элрик! Неужели ты пришел помочь нам отправить Юриша и его нищих туда, откуда они явились? — Ракхир смеялся, он явно был рад видеть старого друга.— С тобой еще и Мунглам? Где же вы познакомились? Я не видел тебя с тех самых пор, как оставил Восточные земли.

Мунглам ухмыльнулся.

— Много чего случилось с тех пор, Ракхир.

Ракхир потер свой орлиный нос.

— Да, я слышал.

Элрик быстро спешился.

— Сейчас не время для воспоминаний, Ракхир. Тебе грозит гораздо большая опасность, чем ты думаешь.

— Что? Да какая опасность может грозить от этой надсокорской швали? Ты посмотри, как они вооружены.

— С ними один колдун — Телеб К'аарна из Пан-Танга. Видишь — вон он на том холме.

Ракхир нахмурился.

— Колдун? У меня от них почти нет защиты. Он сильный колдун?

— Один из самых сильных в Пан-Танге.

— А пантангианские колдуны почти равны своим искусством вашим, мелнибонийским.

— Боюсь, что в настоящий момент он даже сильнее меня, ведь мое кольцо с Акториосом украл Юриш.

Ракхир недоуменно посмотрел на Элрика, отметив про себя, что за время, прошедшее с того дня, когда они расстались, лицо альбиноса заметно изменилось.

— Ну что ж,— сказал он,— будем защищаться как умеем...

— Если ты распряжешь всех лошадей, что тащат телеги, и посадишь на них своих людей, то мы, возможно, успеем

уйти до того, как Телеб К'аарна вызовет себе потустороннюю подмогу.— Элрик кивнул подъехавшему к ним улыбающемуся гиганту — Бруту из Лашмара. Брут, перед тем как обесчестить себя, был героем Лашмара.

Ракхир покачал головой.

— Танелорну необходима провизия, которую мы везем.

— Смотрите,— тихо сказал Мунглам.

На холме, где только что стоял Телеб К'аарна, появилось дымящееся красное облако, словно вода, разбавленная кровью.

— Ему удалось,— пробормотал Ракхир.— Брут, пусть все садятся на коней. У нас нет времени готовиться к обороне, но по крайней мере у нас будет то преимущество, что мы встретим врага верхом.

Брут громоподобным голосом отдал приказ танелорнцам. Они начали выпрягать лошадей из телег и готовить оружие.

Красное облако наверху начало растекаться, в нем стали возникать какие-то фигуры. Элрик попытался разглядеть их, но на таком расстоянии это было невозможно. Он снова запрыгнул в седло, а всадники Танелорна стали тем временем строиться в группы, которые, когда последует нападение, должны были прорваться сквозь ряды пеших нищих, быстро нанести удар и вернуться назад. Ракхир махнул Элрику и присоединился к одной из этих групп. Элрик и Мунглам оказались во главе дюжины воинов, вооруженных топорами, пиками и копьями.

И тут над повисшей в воздухе тишиной раздался голос Юриша:

— Вперед, мои нищие! Они обречены!

Ряды оборванцев по краям долины пришли в движение. Ракхир поднял меч, давая знак своим воинам. И тогда первая группа всадников отделилась от каравана и направилась на наступающих нищих.

Ракхир вложил в ножны меч и взялся за лук. Прямо из седла он начал посылать стрелу за стрелой в ряды нищих.

Отовсюду стали раздаваться крики — это воины перешли в атаку на врага, со всех сторон вклиниваясь в массу нищих.

Элрик увидел клетчатый плащ Каркана среди драного тряпья, грязных тел, дубинок и ножей. Он увидел светлоголового Брута, возвышающегося над морем человеческих нечистот.

И тогда Мунглам сказал:

— Такие существа не подходят для того, чтобы драться с воинами Танелорна.

Элрик твердой рукой указал на холм:

— Может, этот новый противник понравится им больше.

Мунглам от удивления открыл рот.

— Это женщины!

Элрик извлек из ножен Буревестника.

— Это не женщины. Это элеоины. Они родом из восьмой плоскости и не принадлежат к роду человеческому. Ты сейчас увидишь.

— Ты их знаешь?

— Мои предки когда-то сражались против них.

Их ушей достиг странный пронзительный вопль. Он доносился со склона холма, на котором снова появилась фигура Телеба К'аарны. Издавали его фигуры, которых Мунглам принял за женщин. Наготу этих женщин прикрывали только рыжие волосы, доходящие им чуть ли не до колен. Они неслись по склону к окруженному каравану, вращая у себя над головами мечами, длина которых, по всей видимости, превышала пять футов.

— Телеб К'аарна хитер,— пробормотал Элрик.— Воины Танелорна хорошенько подумают, прежде чем ударить женщину. А пока они будут размышлять, элеоины разрубят их в клочья.

Ракхиру доводилось видеть элеоинов раньше, и он тоже узнал их.

— Не обманитесь, воины! — крикнул он.— Эти существа — демоны! — Он бросил взгляд на Элрика, на его лице была написана готовность встретить судьбу. Он знал силу элеоинов. Он пришпорил коня, направив его в сторону альбиноса.— Что мы можем предпринять, Элрик?

Элрик вздохнул.

— Что могут смертные против элеоинов?

— И ты не знаешь никакого заклинания?

— Будь при мне кольцо Королей, я, наверное, смог бы призвать грахлуков. Они с древних времен враждуют с элеоинами. А Телеб К'аарна уже открыл проход из восьмой плоскости.

— А ты не можешь попытаться призвать грахлуков? — спросил Ракхир.

— Пока я буду пытаться их вызвать, мой меч будет оставаться не у дел. Мне думается, что сегодня больше пользы от Буревестника, чем от заклинаний.

Ракхир, содрогнувшись, повернул коня и поскакал прочь, чтобы приказать своим людям перестроить ряды. Он теперь знал, что все они погибнут.

Тем временем нищие откатились назад — элеоины испугали их не меньше, чем танелорнцев.

Продолжая издавать пронзительный вой, элеоины опустили мечи и рассыпались по склону холма, у каждого на лице гуляла улыбка.

— Как они могут?..— И тут Мунглам увидел их глаза — огромные оранжевые звериные глаза.— О боги! — И тут он увидел их зубы — длинные, заостренные зубы сверкали металлическим блеском.

Всадники Танелорна неровной линией отступили к телегам. На всех лицах, кроме Элрикова, были ужас, отчаяние, безнадежность. На лице Элрика застыло выражение мрачного гнева. Меч его лежал на луке седла, а его малиновые глаза пылали, разглядывая этих женщин-демонов — элеоинов.

Их песня стала еще громче — от нее боль вонзалась в уши, наизнанку выворачивались желудки. Элеоины подняли тонкие руки и снова начали раскручивать над головами свои длинные мечи. Они смотрели на танелорнцев своими звериными, бездушными глазами — злобными, немигающими.

И тогда Каркан из Пан-Танга, заломив набок меховую шапку, издал сдавленный крик и погнал на них своего тяжелого коня. Он тоже размахивал мечом, а его клетчатый плащ развевался за ним на ветру.

— Назад, демоны! Назад, исчадия ада!

— А-а-а! — издали вопль счастливого предвкушения элеоины.— И-и-и! — запели они.

И Каркан внезапно оказался среди дюжины тонких смертоносных мечей, и через мгновение он и его конь были разрублены на мелкие части, кровавыми комьями легшие под ноги элеоинов. Смех женоподобных тварей заполнил долину, когда некоторые из них нагнулись и принялись запихивать в свои клыкастые рты куски плоти.

Стон ужаса и ненависти прошел по рядам танелорнцев, и новые воины с истерическими криками страха и отвращения стали бросаться на размахивающих своими острыми мечами элеоинов, которые от этого приходили в еще большее веселье.

Буревестник начал приборматывать, видимо, услышав звук сражения, но Элрик не шевельнулся — он во все глаза смотрел на то, что происходит перед ним. Он знал, элеоины убьют всех, как они только что убили Каркана.

Мунглам застонал:

— Элрик, наверное, все же есть какое-то колдовство против них!

— Есть! Но я не могу вызвать грахлуков! — Грудь Элрика тяжело поднималась и опускалась, ум его пребывал в смятении.— Я не могу, Мунглам!

— Ради Танелорна! Ты должен попробовать!

И тогда Элрик ринулся вперед. Буревестник завыл в его руке, а Элрик скакал на элеоинов, выкрикивая имя Ариоха, как это делали его предки со времен основания Имррира.

— Ариох! Ариох! Кровь и души для моего повелителя Ариоха!

Он отразил удар одного элеоина и заглянул в глаза этой твари в тот момент, когда его тело сотряслось от удара. И он сам нанес удар, в свою очередь отраженный демоном, который не был женщиной. Рыжие волосы обвились вокруг его шеи. Он нанес удар по голому телу, и бестия отскочила в сторону. Еще один замах длинного, тонкого меча, и Элрик отпрянул назад, избегая удара. Это движение выбило его из седла, но он, упав, тут же вскочил на ноги, отражая новую атаку. Элрик ухватил Буревестник двумя руками, шагнул вперед и вонзил клинок в гладкий живот. Элеоин завизжал в гневе, и из раны хлынули зеленые нечистоты. Элеоин упал, все еще

сверля Элрика глазами, все еще хрипя, все еще оставаясь живым. Элрик нанес удар по шее твари, и голова эленоина покатилась, волосы хлестнули по ногам альбиноса. Элрик наклонился, подобрал голову и побежал вверх по холму — туда, где собрались нищие, наблюдавшие за уничтожением воинов Танелорна. При его приближении толпа нищих распалась, они бросились врассыпную, но одного он успел ударить мечом по спине. Тот упал, попытался ползти, но вывернутые колени не держали его, и он рухнул на испачканную кровью траву. Элрик поднял несчастного, закинул его себе на плечо и побежал вниз по склону к каравану.

Воины Танелорна сражались славно, но половина их уже погибла от рук эленоинов. Это было невероятно, но несколько тел эленоинов тоже лежали на траве.

Элрик увидел Мунглама, сражавшегося двумя мечами. Он увидел Ракхира — тот все еще был в седле, отдавал приказы своим воинам. Он увидел Брута из Лашмара в самой гуще сражения. Но он продолжал бежать, пока не остановился перед одной из телег, где бросил две свои кровавые ноши на землю. Своим мечом он рассек дергающееся тело нищего и, приподняв голову эленоина за волосы, обмакнул ее в человеческую кровь.

После этого он выпрямился, повернулся на запад и встал, держа Буревестник в одной руке, окровавленную голову — в другой. Он поднял повыше меч и голову и заговорил на высоком наречии Мелнибонэ.

Обращенные на запад и пропитанные в крови врага волосы эленоина должны были вызвать врагов эленоинов — грахлуков. Он вспомнил слова, что читал когда-то в древнем фолианте, принадлежавшем его отцу.

И зазвучали слова заклинания:

Грахлук, выйди! Грахлук, в бой!
Врага повергни древнего!
Победа — за тобой!

Силы Пылающего бога покидали Элрика — всю свою энергию вкладывал он в это заклинание. И возможно, без кольца Королей он расходовал силы напрасно.

Грахлук, в бой спеши, не стой!
Врага повергни древнего!
Отмщенье — за тобой!*

Это заклинание было гораздо менее сложным, чем те, которыми он пользовался прежде, но энергии оно требовало от него не меньше, чем все другие.

— Грахлук, я призываю тебя! Грахлук, здесь ты сможешь отомстить врагам!

За много циклов до этого эленоины выгнали грахлуков из их земель в восьмой плоскости, и грахлуки с тех пор искали возможность отомстить.

Воздух вокруг Элрика задрожал, стал коричневым, потом зеленым, потом черным.

— Грахлук! Приди, чтобы убить эленоина! — Голос Элрика слабел.

— Грахлук, врата открыты!

И задрожала земля, и в пропитанных кровью волосах засвистел воздух. И воздух сгустился и приобрел алый цвет, а Элрик упал на колени, все еще продолжая произносить заклинание.

— Грахлук...

Послышался шаркающий звук. Раздалось какое-то ворчание. Донеслось зловоние чего-то не передаваемого словами.

И тут появились грахлуки. Это были обезьяноподобные существа — твари наподобие эленоинов. При них были сети, веревки и щиты. Считалось, что когда-то грахлуки и эленоины были разумными существами и принадлежали к одному виду, который потом распался и разделился.

Они возникли из алого тумана, и было их великое множество, и стояли они, глядя на Элрика, который все еще не поднимался с колен. Альбинос указал туда, где еще остававшиеся в живых воины Танелорна сражались с эленоинами.

— Там...

Грахлуки зарычали в предвкушении битвы и бросились на эленоинов. Эленоины увидели грахлуков, и их пронзительные

* Перевод Р. Адрианова.

голоса изменили тональность. Они начали отступать вверх по склону холма.

Элрик с трудом поднялся на ноги и крикнул:

— Ракхир! Отводи своих воинов. Грахлуки доделают работу за них...

— Тебе все же удалось нам помочь! — крикнул Ракхир, поворачивая своего коня.

Одежда на нем была вся изодрана в клочья, на теле виднелись десятки ран.

Они смотрели, как сети и петли грахлуков полетели на кричащих элеоинов, чьи мечи оказались бессильны против грахлукских щитов. Они смотрели, как грахлуки, эти ворчащие обезьяноподобные демоны, смяли, раздавили элеоинов и стали пожирать их внутренности.

И когда последний элеоин был мертв, грахлуки подобрали валявшиеся на земле мечи и пронзили себя.

Ракхир спросил:

— Почему они убили себя? Зачем?

— Они живут только для того, чтобы уничтожать элеоинов. А когда элеоины мертвы, у грахлуков не остается никакой цели для существования.

Элрик пошатнулся, и Ракхир с Мунгламом поддержали его, не дав упасть.

— Смотрите,— рассмеялся Мунглам.— Нищие бегут!

— Телеб К'аарна...— пробормотал Элрик.— Мы должны поймать Телеба К'аарну...

— Он наверняка бежал вместе с Юришем в Надсокор,— сказал Мунглам.

— Я должен... должен вернуть себе кольцо Королей.

— Но ты вполне можешь колдовать и без него,— сказал Ракхир.

— Ты считаешь, что могу?

Элрик повернул лицо к Ракхиру, который пристыженно опустил глаза и кивнул.

— Мы поможем тебе вернуть это кольцо,— тихо сказал Ракхир.— Нищие больше не доставят нам проблем. Мы поедем с тобой в Надсокор.

— Я на это очень рассчитывал.— Элрик с трудом поднялся в седло оставшегося в живых коня и повернул его к городу нищих.— Может быть, твои стрелы сделают то, что не по силам моему мечу...

— Я тебя не понимаю,— сказал Ракхир.

Мунглам тоже устроился в седле.

— Мы тебе расскажем по дороге.

Глава шестая

ДЕМОН, КОТОРЫЙ НЕ ПРОЧЬ ПОШУТИТЬ

По покрытым мусором улицам Надсокора пробирались воины Танелорна.

Возглавляли шествие Элрик, Мунглам и Ракхир, но в их поведении не было торжества победителей. Всадники не смотрели ни направо, ни налево, а нищие более не являли собой угрозу и не отваживались нападать — они жались в тень.

Снадобье, которое нашлось у Ракхира, помогло Элрику частично восстановить силы, и он уже больше не падал на шею своего коня, а сидел прямо. Они пересекли площадь и оказались перед дворцом короля нищих.

Элрик, не останавливаясь, направил своего коня на ступени и внутрь — в мрачный зал.

— Телеб К'аарна! — закричал Элрик.

Его голос эхом разнесся по залу, но Телеб К'аарна не ответил.

Жаровни с мусором дымили на сквозняке из открытой двери и едва освещали тронное возвышение в конце зала.

— Телеб К'аарна!

Но на коленях там стоял не Телеб К'аарна. Это была жалкая фигура в тряпье, распростертая перед троном. Фигура рыдала, умоляла, хныкала, обращаясь к чему-то, восседающему на троне.

Элрик проехал еще немного по залу верхом, и ему стало видно то, что занимало трон.

На огромном стуле черного дуба развалился тот самый демон, которого они уже видели. Руки демона были сложены, глаза закрыты, а сам он не без некоторой театральности не обращал внимания на мольбы существа, стоящего на коленях у его ног.

Спутники Элрика, тоже на конях, уже были в зале; все вместе они подъехали к тронному возвышению и остановились.

Фигура, стоящая на коленях, повернула голову — это оказался Юриш. Челюсть у него отвисла, когда он увидел Элрика. Юриш протянул свою четырехпалую руку к топору, лежащему поблизости. Элрик вздохнул.

— Не бойся меня, Юриш. Я устал от кровопролития. Мне не нужна твоя жизнь.

Демон открыл глаза.

— Принц Элрик, ты вернулся,— сказал демон.

Тон его изменился, хотя сказать, в чем заключалось это изменение, было затруднительно.

— Да. Где твой хозяин?

— Боюсь, что он оставил Надсокор навсегда.

— И оставил тебя навечно сидеть здесь.

Демон наклонил голову.

Юриш прикоснулся грязной рукой к ноге Элрика.

— Элрик, помоги мне! Я должен получить мою сокровищницу! Она для меня все! Уничтожь этого демона, и я верну тебе кольцо Королей.

Элрик улыбнулся.

— Как ты щедр, король Юриш.

По грязному, мерзкому лицу Юриша потекли слезы.

— Пожалуйста, Элрик, умоляю тебя...

— Я собираюсь уничтожить этого демона.

Юриш нервно оглянулся.

— И что еще?

— Это решать танелорнцам — ты собирался их ограбить и стал причиной того, что многие их товарищи были убиты самым мерзким способом.

— Это не я, это Телеб К'аарна!

— А где Телеб К'аарна?

— Когда ты выпустил тех обезьян на элеионов, он бросился бежать. Он направился к реке Варкалк — к Троосу.

Элрик, не поворачиваясь, сказал:

— Ракхир, ты опробуешь свои стрелы?

Послышалось пение спущенной тетивы, и стрела, вонзившись демону в грудь, завибрировала. Демон с интересом посмотрел на стрелу, а потом глубоко вздохнул. Вместе с его вдохом стрела втянулась в него и исчезла.

— А-а-а! — Юриш ринулся к своему топору.— Из этого ничего не выйдет!

Вторая стрела вылетела из алого лука Ракхира и тоже в конечном счете оказалась втянутой в демона, как и третья.

Юриш что-то неразборчиво тараторил, размахивая своим топором.

Элрик предупредил его:

— Его не берут мечи, король Юриш!

Демон загремел своей чешуей.

— А разве у него меч?

Юриш помедлил. Слюна сочилась у него по подбородку, его красные глаза вращались в глазницах.

— Демон — исчезни! Верни мне мою сокровищницу! Она моя!

Демон иронически поглядывал на него.

Издав вопль ужаса и муки, Юриш бросился на демона, яростно взмахнув Мясником. Лезвие топора опустилось на голову этого исчадия ада, послышался звук как при ударе молнии о металл, и топор разлетелся на куски. Юриш стоял, глядя на демона и трясясь от страха. Демон небрежно протянул свои четыре руки и схватил его. Челюсти его открылись больше, чем это казалось возможным, туловище демона внезапно увеличилось в два раза относительно своего первоначального размера. Он поднес брыкающегося короля нищих к своей пасти, и тут же от короля остались лишь ноги, болтающиеся в воздухе. Потом демон мощно глотнул, и от короля Юриша Надсокорского не осталось ничего.

Элрик пожал плечами.

— Твоя защита довольно действенная.

Демон улыбнулся.

— Да, милый Элрик.

Теперь этот голос показался альбиносу очень знакомым. Элрик пристально посмотрел на демона.

— Ты не просто демон...

— Надеюсь на это, мой любимейший из смертных.

Конь Элрика встал на дыбы, когда форма демона стала изменяться. Послышалось какое-то жужжание, черный дым заклубился над троном, и вот уже на нем оказалась другая фигура, сидевшая скрестив ноги. По форме фигура напоминала человека, но была куда прекраснее любого смертного. Перед Элриком сидело существо невыносимой и величественной красоты — неземной красоты.

— Ариох! — Элрик склонил голову перед Владыкой Хаоса.

— Да, Элрик. Пока тебя не было, я занял место демона.

— Но ты отказывался мне помогать...

— Я тебе говорил, что дела поважнее требуют моего участия. Скоро Хаос вступит в схватку с Законом, и такие, как Донблас, будут навечно отправлены в ад.

— Ты знал, что Донблас говорил со мной в лабиринте Пылающего бога?

— Как не знать. Поэтому-то я и выделил время, чтобы посетить твое измерение. Я не могу позволить, чтобы тебе покровительствовал Донблас Вершитель Справедливости и его скучнейшие сподвижники. Я почувствовал себя оскорбленным. И я продемонстрировал тебе, что я сильнее Закона.— Ариох устремил взгляд за Элрика — на Ракхира, Брута, Мунглама и остальных, которые прикрывали глаза руками, защищаясь от его красоты.— Может быть, вы, танелорнские глупцы, понимаете теперь, что лучше служить Хаосу, чем Закону!

Ракхир мрачно сказал:

— Я не служу ни Хаосу, ни Закону.

— В один прекрасный день ты узнаешь, предатель, что нейтралитет опаснее, чем заключение союзов.— В голосе слышались чуть ли не злобные нотки.

— Ты не в силах мне повредить,— сказал Ракхир.— И если Элрик отправится с нами в Танелорн, то и он тоже сможет избавиться от твоего злого влияния!

— Элрик — мелнибониец. Народ Мелнибонэ всегда служил Хаосу, за что они и получали неплохое вознаграждение. Иначе как еще можно было бы освободить этот трон от демона Телеба К'аарны?

— Может быть, в Танелорне Элрику не понадобилось бы его кольцо Королей,— ровным голосом ответил Ракхир.

Послышался звук, напоминающий шум водопада, раздался удар грома, и Ариох стал увеличиваться в размерах. Но при этом его тело стало терять плотность, и скоро в зале ничего не осталось, кроме зловония, исходящего от мусорных куч и жаровен.

Элрик спешился и подбежал к трону. Он вытащил из-под него сундук убитого короля Юриша и ударом Буревестника раскрыл его. Меч забормотал, словно отказываясь выполнять низкую работу. Драгоценные камни, золото, другие сокровища летели в грязь — Элрик искал свое кольцо.

Наконец он нашел его, поднял, торжествуя, и надел на палец. К своему коню он вернулся более легким шагом.

Мунглам тем временем спешился и выискивал на полу самые ценные камни, складывая их в сумку. Он подмигнул Ракхиру, который улыбнулся ему в ответ.

— А теперь,— сказал Элрик,— я отправляюсь в Троос — искать там Телеба К'аарну. За мной все еще остается долг ему.

— Пусть он сгниет в зловонном Трооссском лесу,— сказал Мунглам.

Ракхир положил руку на плечо Элрика.

— Если Телеб К'аарна так тебя ненавидит, то он непременно снова сам найдет тебя. Зачем тратить время на его поиски?

Элрик едва заметно улыбнулся старому другу.

— Очень логичный аргумент, Ракхир. Ты прав — я устал. За то короткое время, что прошло после моего появления в Надсокоре, мой меч пронзал как богов, так и демонов.

— Идем с нами. Отдохнешь в Танелорне — в мирном Танелорне, куда без разрешения не могут прийти даже сильнейшие из Владык Высших Миров.

Элрик посмотрел на кольцо на своем пальце.

— Но я поклялся, что Телеб К'аарна умрет...

— У тебя еще будет время сдержать клятву.

Элрик провел рукой по своим молочного цвета волосам, и его друзьям показалось, что в малиновых глазах сверкнули слезы.

— Да,— сказал он.— Да. Время будет...

И они выехали из Надсокора, оставив нищих копаться в грязи и зловонии и сожалеть о том, что они связались с колдовством и Элриком из Мелнибонэ.

Они ехали в вечный Танелорн. Танелорн, который приглашал и готов был принимать у себя всех скитальцев с больной душой. Всех, кроме одного.

Гонимый роком, исполненный чувства вины, печали, отчаяния, Элрик из Мелнибонэ молился о том, чтобы на сей раз Танелорн принял и его...

Часть третья

ТРИ ГЕРОЯ С ЕДИНОЙ ЦЕЛЬЮ

Элрику, единственному из всех воплощений Вечного воителя, было суждено без труда найти Танелорн. И из всех этих воплощений он единственный решил покинуть этот город бесчисленных инкарнаций...

Хроника Черного Меча

Глава первая

ВЕЧНЫЙ ТАНЕЛОРН

Танелорн за время своего бесконечного существования приобретал самые разные формы, и все эти формы, кроме одной, были прекрасны.

Сейчас он был прекрасен — мягкий солнечный свет играл на его пастельного цвета башнях, стройных колоннах и изящных куполах. На его шпилях развевались знамена, но не боевые стяги, потому что воины, нашедшие Танелорн и оставшиеся здесь, покончили с битвами.

Этот город был всегда. Никто не знал, когда построили Танелорн, но некоторым было известно, что этот город существовал до начала времен, а потому его называли — вечный Танелорн.

Этот город играл важную роль в борьбе многих героев и многих богов, а поскольку существовал он вне времени, Вла-

дыки Хаоса ненавидели его и не раз пытались уничтожить. К югу от города простирались холмистые долины Илмиоры — земли, в которой, как было известно, торжествовала справедливость, а к северу лежала Вздыхающая пустыня, бесконечная пустошь, над которой постоянно свистел ветер. Если Илмиора символизировала собой Закон, то Вздыхающая пустыня, безусловно, являла нечто близкое к полному торжеству окончательного Хаоса. Жители Танелорна не служили ни Хаосу, ни Закону, они решили не участвовать в космической борьбе, непрерывно продолжавшейся между Владыками Высших Миров. В Танелорне не было ни руководителей, ни руководимых, граждане Танелорна жили в согласии друг с другом, хотя многие, перед тем как обосноваться здесь, были великими воинами. Одним из самых почитаемых граждан Танелорна, к которому часто приходили за советом другие, был Ракхир. Это сейчас он вел аскетический образ жизни, а раньше был непримиримым воином-жрецом из Фума, где его прозвали Красным Лучником, потому что он был искуснейшим стрелком и одевался в красное. Его мастерство и одеяния остались такими, как были прежде, но с тех пор, как он поселился в Танелорне, желание сражаться оставило его.

Вблизи низкой западной стены города посреди лужайки, поросшей дикими цветами, стоял двухэтажный дом. Он был сложен из розового и желтого мрамора и, в отличие от большинства домов Танелорна, имел высокую, заостренную крышу. Это был дом Ракхира, и сейчас Ракхир сидел перед ним на простой деревянной скамье и смотрел, как его гость мерит лужайку шагами. Гостем был его старый друг — гонимый роком альбинос, владыка Мелнибонэ.

На Элрике была простая белая рубашка и штаны из плотного черного шелка. Лентой того же черного шелка была повязана и грива его молочно-белых волос, откинутых за спину. Малиновые глаза альбиноса были опущены, и, шагая взад-вперед по лужайке, он ни разу не поднял взгляд на Ракхира.

Ракхир не желал вторгаться в воспоминания Элрика, но ему тяжело было смотреть на друга, когда тот пребывал в таком состоянии. Он надеялся, что альбинос найдет покой в Танелорне, забудет здесь о призраках и сомнениях, которые не

дают ему покоя, но, казалось, даже Танелорн не может принести Элрику успокоения.

Наконец Ракхир прервал молчание:

— Ты уже месяц как в Танелорне, мой друг, но прошлое никак не отпускает тебя.

Элрик поднял взор, на его губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Да, не отпускает. Прости меня, Ракхир. Я плохой гость.

— Что занимает твои мысли?

— Ничего конкретного. Мне кажется, что я среди всего этого покоя никак не могу забыться. Только насилие помогает мне рассеять мое мрачное настроение. Я не рожден для жизни в Танелорне, Ракхир.

— Но насилие — или, возможно, его последствия — в свою очередь порождает мрачное настроение. Разве нет?

— Верно. С этим мне и приходится постоянно жить. С этим я живу со дня уничтожения Имррира, а может быть, жил и раньше.

— Такие мысли, видимо, известны всем людям,— сказал Ракхир.— В той или иной мере.

— Да... размышления о том, какова цель твоего существования и каков смысл этой цели, если тебе все же удалось ее обнаружить.

— В Танелорне эти вопросы кажутся мне бессмысленными,— сказал ему Ракхир.— Я надеялся, что и тебе удастся выбросить их из головы. Так ты собираешься остаться в Танелорне?

— У меня нет никаких других планов. Я все еще хочу отомстить Телебу К'аарне, но я понятия не имею, где он находится. Но вы с Мунгламом утверждаете, что он сам рано или поздно непременно отыщет меня. Я помню, что ты, когда только нашел Танелорн, предлагал мне приехать сюда с Симорил и забыть Мелнибонэ. Жаль, что я не послушался тебя тогда, потому что теперь я жил бы в мире и мертвое лицо Симорил не преследовало бы меня по ночам.

— Ты говорил об этой волшебнице, которая похожа на Симорил...

— Мишелла? Та, которую называют Императрицей Рассвета? Впервые я увидел ее, когда она спала, а когда мы расстались, то спал уже я. Мы служили друг другу, чтобы достичь общей цели. Больше я не увижу ее никогда.

— Но если она...

— Больше я не увижу ее никогда, Ракхир.

— Как скажешь.

И снова друзья погрузились в молчание, и в воздухе были слышны только птичьи песни и плеск фонтанов, а Элрик снова принялся мерить шагами лужайку.

Некоторое время спустя он неожиданно развернулся и прошел в дом. Ракхир проводил его встревоженным взглядом.

Когда Элрик вышел, на нем был широкий пояс, к которому крепились ножны с рунным мечом Буревестником. На плечах альбиноса был плащ белого шелка, на ногах — высокие сапоги.

— Я возьму коня,— сказал он,— и поеду во Вздыхающую пустыню. Буду скакать до полного изнеможения. Может быть, все, что мне надо,— это усталость, которая не дает думать.

— Будь осторожен в пустыне, мой друг,— предупредил его Ракхир.— Это зловещая и предательская земля.

— Я буду осторожен.

— Возьми большую золотистую кобылу. Она привычна к пустыне, а об ее выносливости ходят легенды.

— Спасибо. Увидимся утром, если я не вернусь раньше.

— Счастливо, Элрик. Надеюсь, такое лечение поможет тебе, и твое дурное настроение пройдет.

Тревожное выражение не сходило с лица Ракхира, когда он смотрел, как его друг идет в ближайшую конюшню и плащ развевается за ним на ветру, как внезапно опустившийся морской туман.

Потом он услышал стук копыт лошади по камням мостовой. Ракхир поднялся, чтобы посмотреть, как альбинос понукает золотистую кобылу, переводя ее в галоп и направляя к северной стене, за которой простиралась не знающая границ желтизна Вздыхающей пустыни.

Из дома вышел Мунглам с большим яблоком в руке и свитком под мышкой.

— Куда отправился Элрик?

— Он ищет мира в пустыне.

Мунглам нахмурился и задумчиво надкусил яблоко.

— Где он только не искал мира, но я боюсь, что он и в пустыне не найдет его.

Ракхир согласно кивнул.

— Но я предчувствую, он найдет там кое-что другое, потому что Элрик не всегда руководствуется своими желаниями — иногда эти желания возникают в нем под воздействием сил, которые направляются роком.

— Ты думаешь, так случилось и в этот раз?

— Вполне возможно.

Глава вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛШЕБНИЦЫ

Ветер гнал по пустыне песок, отчего дюны становились похожи на волны почти окаменевшего моря. То здесь, то там из песка, словно убийственные клыки, торчали скалы — остатки гор, выветренных за многие века. Слышались скорбные вздохи, словно песок помнил те времена, когда он был скалой, камнем в фундаменте дома, костью человека или животного, и теперь тосковал по прежнему своему состоянию и вздыхал, вспоминая о своей смерти.

Элрик натянул капюшон на голову, чтобы защититься от нещадно палящего солнца, висевшего в серо-синем небе.

«Когда-нибудь и я познаю этот покой смерти,— подумал он.— Возможно, тогда и я пожалею о прошлом».

Он пустил золотистую кобылу в неторопливую рысь и отпил глоток воды из одной из своих фляжек.

Его со всех сторон окружала пустыня, казавшаяся бесконечной. Здесь ничего не росло. Здесь не обитало ни одного животного. В небе не было ни одной птицы.

Элрика непонятно почему пробрала дрожь. Им вдруг овладело предчувствие — альбинос увидел себя в будущем, когда он, как и сейчас, будет один, но в мире еще более бесплодном, чем этот, и даже коня не будет у него для компании. Он

стряхнул с себя эту мысль, но она так поразила его, что на какое-то время он добился желаемого — прекратил размышлять о своей судьбе и жизни. Ветер стих, и вздохи пустыни стали едва слышны — перешли в шепот.

Элрик, ошеломленный, нащупал рукоять своего оружия — Буревестника, Черного Меча,— потому что с ним связывал свое предчувствие, только не мог объяснить почему. И ему показалось, что в шелесте ветра слышится какая-то ироническая нотка. Или этот звук исходил от самого меча? Он наклонил голову, прислушиваясь, но шум этот стал еще менее различимым, словно поняв, что его пытаются распознать.

Золотистая кобыла стала подниматься по пологому склону дюны. Она споткнулась, когда нога ее увязла в рыхлом песке. Элрик направил ее туда, где песок был потверже.

Добравшись до вершины дюны, он натянул поводья. Дюны простирались далеко в бесконечность, и только кое-где этот пейзаж нарушался торчащими из песка остриями скал. Ему пришло в голову, что он должен гнать кобылу все дальше и дальше, чтобы возвращение в Танелорн стало невозможным, чтобы и кобыла и он погибли от усталости и их поглотил бы песок. Он откинул на спину капюшон и отер пот со лба.

«А почему бы и нет?» — спросил он себя. Жизнь была невыносима. Так почему бы не попробовать смерть?

Но может быть, смерть не примет его? Может быть, он обречен жить? Иногда так ему и казалось.

Потом он подумал о кобыле. Было бы несправедливо приносить ее в жертву возникшему у него желанию. Он неторопливо спешился.

Ветер стал сильнее, и вздохи сделались громче. Песок обтекал обутые в сапоги ноги Элрика. Горячий ветер трепал его широкий белый плащ. Кобыла нервно заржала.

Элрик посмотрел на северо-восток, в направлении Края Мира.

Он тронулся с места и пошел.

Кобыла вопросительно заржала ему вслед, когда он не позвал ее за собой, но он никак не прореагировал на это, и скоро она осталась далеко позади. Он даже не побеспокоился о

том, чтобы взять с собою воду. Он откинул капюшон, предоставив солнцу со всей яростью опалять его голову. Шел он ровно, целеустремленно, так, словно за ним двигалась целая армия.

Может быть, он и в самом деле чувствовал за собой армию — армию мертвецов, всех тех друзей и врагов, которых он убил в безуспешных поисках смысла бытия.

Но все же один из его врагов оставался жив. Враг даже еще более коварный, чем Телеб К'аарна: этим врагом была темная часть его души, та сторона его природы, символом которой был разумный меч, висевший у него на боку. Когда он, Элрик, умрет, этот враг умрет вместе с ним. Сила, приводящая в движение зло, исчезнет из этого мира.

Несколько часов шел Элрик из Мелнибонэ по Вздыхающей пустыне, и наконец, как он и надеялся, ощущение собственного «я» начало покидать его. Ему уже стало казаться, что он — одно целое и с этим ветром, и с этим песком, что он соединился с этим миром, который отвергал его и отвергался им.

Наступил вечер, но он не заметил, как зашло солнце. Опустилась ночь, но он продолжал идти, не чувствуя холода. Он уже начал слабеть. Он наслаждался слабостью так же, как раньше наслаждался силой, которую обретал посредством Черного Меча.

Около полуночи, когда на небе светила бледная луна, ноги у Элрика подогнулись, он упал на песок и остался бездвижен, и вскоре остатки чувств покинули его.

— Принц Элрик?

Голос был низкий, полный жизни, чуть ли не насмешливый. Это был голос женщины, и Элрик узнал его. Он не шелохнулся.

— Элрик из Мелнибонэ.

Он почувствовал прикосновение чьей-то руки. Она пыталась поднять его. Он не хотел, чтобы его тащили, и поднялся сам, не без труда приняв сидячее положение. Он попытался заговорить, но поначалу язык не слушался его — иссохший рот был набит песком. Она стояла перед ним, а за ней зани-

мался рассвет, игравший в длинных черных волосах, обрамлявших ее прекрасное лицо. Она была одета в свободное платье голубого, зеленого и золотистого цветов, на лице сияла улыбка.

Выплюнув песок изо рта, он тряхнул головой и наконец сумел произнести:

— Если я и умер, то призраки и иллюзии продолжают преследовать меня.

— Я такая же иллюзия, как и все остальное в этом мире. Ты не умер.

— Значит, ты забрела очень далеко от замка Канелун, госпожа. Ты пришла с другой стороны мира, пройдя от одного края до другого.

— Я искала тебя, Элрик.

— Тогда ты нарушила свое слово, Мишелла, потому что, когда мы расставались, ты сказала, что никогда не увидишь меня, что наши судьбы больше никак не связаны.

— Тогда я думала, что Телеб К'аарна мертв, что наш общий враг погиб в Петле Плоти.— Волшебница широко распростерла руки, словно призывая своим жестом солнце, которое в этот миг и появилось вдруг на горизонте.— Зачем ты зашел так глубоко в пустыню?

— Я искал смерти.

— Ты же знаешь, что тебе не суждено вот так умереть.

— Мне об этом говорили, но я не знаю этого наверняка, госпожа Мишелла. И тем не менее,— он с трудом встал на ноги, его слегка покачивало,— я начинаю верить, что так оно и есть.

Она подошла к нему, достала кубок из-под своего платья. Он был до краев полон прохладной серебристой жидкостью.

— Выпей,— сказала она.

Он не протянул руки к кубку.

— Я не рад видеть тебя, Мишелла.

— Почему? Потому что боишься полюбить меня?

— Если тебе льстит так думать — пусть так оно и будет.

— Мне это не льстит. Я знаю, что напоминаю тебе Симорил, что я совершила ошибку, позволив Канелуну стать таким, каким хотелось тебе... Только потом я поняла, что в таком виде он вызывает у тебя еще и ужас.

Он опустил голову.

— Замолчи!

— Прости меня. Приношу свои извинения. Нам вместе удалось ненадолго прогнать желание и ужас, ведь так?

Он поднял глаза — она внимательно заглянула в них.

— Ведь так?

— Да, так.— Он глубоко вздохнул и протянул руку к кубку.— Это питье подавит мою волю и заставит действовать в твоих интересах?

— Ни одно питье не способно на это. Просто оно вернет тебя к жизни, только и всего.

Он отхлебнул жидкости, и сразу же жажда перестала мучить его, в голове прояснилось. Он осушил кубок и почувствовал приток сил во всем теле.

— Ты все еще хочешь умереть? — спросила она, принимая у него кубок и пряча у себя под одеждой.

— Если смерть принесет мне покой.

— Не принесет... Если ты умрешь сейчас. Это мне известно наверняка.

— Как ты нашла меня здесь?

— О, у меня есть много способов, некоторые из них связаны с колдовством. Но сюда меня принесла моя птица.— Она вытянула правую руку, показывая куда-то ему за спину.

Он повернулся и увидел птицу из серебра, золота и меди, на которой летал когда-то и сам, выполняя поручение Мишеллы. Огромные металлические крылья были сложены, но ее умные изумрудные глаза смотрели на хозяйку в ожидании приказаний.

— Так ты пришла, чтобы вернуть меня в Танелорн?

Она отрицательно покачала головой.

— Пока еще нет. Я пришла тебе сказать, где можно найти нашего общего врага Телеба К'аарну.

Он улыбнулся.

— Колдун снова угрожает тебе?

— Не напрямую.

Элрик стряхнул песок с плаща.

— Я хорошо знаю тебя, Мишелла. Ты бы не стала вмешиваться в мою судьбу, если бы она каким-то образом опять не переплелась с твоей. Видимо, так оно и есть, потому что мне кажется, что я боюсь полюбить женщину. Но ты используешь любовь — мужчины, которым ты даешь свою любовь, одновременно служат твоей цели.

— Не стану это отрицать. Я люблю только героев... и только тех героев, которые трудятся ради того, чтобы в этом измерении нашей Земли воцарилась власть Закона...

— Мне все равно, кто победит — Закон или Хаос. Даже моя ненависть к Телебу К'аарне стала ослабевать, а ведь то была личная ненависть, никак не связанная с каким-либо делом.

— А что, если я тебе скажу, что Телеб К'аарна снова угрожает народу Танелорна?

— Это невозможно. Танелорн вечен.

— Танелорн — да, но не его жители. Я это знаю. Не раз несчастья обрушивались на головы тех, кто обитает в Танелорне. И Владыки Хаоса ненавидят Танелорн, хотя и не могут напасть на него напрямую. Но они готовы помочь любому смертному, который решит, что в его силах уничтожить тех, кого Хаос считает предателями.

Элрик нахмурился. Он знал, какую ненависть питают Владыки Хаоса к Танелорну. Он слышал, что они не раз пользовались смертными, чтобы напасть на этот город.

— И ты говоришь, что Телеб К'аарна собирается уничтожить жителей Танелорна? С помощью Хаоса?

— Да. Ты помешал его планам, связанным с Надсокором и караваном Ракхира, и теперь он распространил свою ненависть на всех обитателей Танелорна. Он нашел в Троосе какие-то древние рукописи, сохранившиеся со времен Обреченного народа.

— Как это может быть? Они существовали на целый цикл раньше Мелнибонэ?!

— Да, это так. Но и сам Троос сохранился со времен Обреченного народа, который сделал много великих открытий и нашел способ сохранить свою мудрость...

— Ну хорошо. Может быть, Телеб К'аарна и нашел эти рукописи. И что же он в них прочел?

— Из них он узнал, как вызвать нарушения в барьере, который отделяет одно измерение Земли от другого. Эти знания других измерений остаются для нас тайной, даже твои предки только догадывались о разнообразии форм существования в том, что древние называли «мультивселенной». И мне известно лишь немногим больше, чем тебе. Владыки Высших Миров могут иногда свободно перемещаться между этими временными и пространственными слоями, но смертным это недоступно... по крайней мере, не в этом цикле бытия.

— И что же сделал Телеб К'аарна? Чтобы вызвать нарушения, о которых ты говоришь, нужна огромная сила. Он такой не владеет.

— Это верно. Но у него есть могущественные союзники среди Владык Хаоса. С ним объединились Повелители Энтропии. Они готовы объединиться с любым, кто пожелает стать средством уничтожения обитателей Танелорна. В Троосском лесу он нашел не только рукописи. Он нашел там захороненные устройства, созданные Обреченным народом,— те самые, которые в конечном счете и привели к их уничтожению. Эти устройства, конечно же, ничего не говорили ему, но потом Владыки Хаоса научили его пользоваться ими, применяя сами силы творения в качестве их движителя.

— И он привел эти устройства в действие? Где?

— Он принес нужное ему устройство сюда, потому что ему для работы необходимо такое место, где, как он думает, его не обнаружат такие, как я.

— Так он во Вздыхающей пустыне?

— Да. Если бы ты и дальше скакал на своей кобыле, то уже обнаружил бы его. Или он обнаружил бы тебя. Я думаю, именно это и позвало тебя в пустыню — стремление найти его.

— У меня не было никаких стремлений, кроме стремления умереть! — Элрик с трудом сдерживал гнев.

Она снова улыбнулась.

— Ну, как тебе будет угодно.

— Ты хочешь сказать, что судьба настолько управляет мной, что я даже не могу умереть по своему желанию?

— Задай этот вопрос себе.

Отчаяние и недоумение омрачили чело Элрика.

— Значит, судьба руководит мной? Но с какой целью?

— Ты должен сам узнать это.

— Ты хочешь, чтобы я пошел против Хаоса? Но Хаос мне помогает, и я дал клятву Ариоху.

— Но ты смертен, а Ариох в последнее время не спешит помогать тебе, возможно, потому, что знает будущее.

— А что тебе известно о будущем?

— Немного... но и об этом немногом я не могу тебе сказать. Смертный может сам выбирать, кому ему служить.

— Я уже выбрал. Я выбрал Хаос.

— Но твоя меланхолия во многом объясняется тем, что ты разрываешься между двумя крайностями.

— И это тоже верно.

— И потом, борясь с Телебом К'аарной, ты будешь сражаться не ради Закона. Ты просто будешь сражаться с одним из тех, кому помогает Хаос, а ведь представители Хаоса нередко борются друг с другом. Разве не так?

— Так. К тому же хорошо известно, что я ненавижу Телеба К'аарну и намерен уничтожить его, кому бы он ни служил — Закону или Хаосу.

— А потому ты не вызовешь неудовольствия тех, кому ты остаешься предан, хотя помогать тебе они, вероятно, и не пожелают.

— Расскажи мне побольше о планах Телеба К'аарны.

— Ты должен все увидеть сам. Вот твоя лошадь.— Она снова сделала указующий жест рукой, и Элрик увидел, как из-за гребня дюны появилась золотистая кобыла.— Двигайся на северо-восток, как и раньше, но только будь осторожнее, чтобы Телеб К'аарна не догадался о твоем присутствии и не заманил тебя в ловушку.

— А что, если я просто вернусь в Танелорн? Или снова попытаюсь умереть?

— Ты этого не сделаешь, Элрик. Ты предан своим друзьям и в глубине души желаешь служить тому, что представляю здесь я. И ты ненавидишь Телеба К'аарну. Не думаю, что ты еще раз захочешь умереть.

Он нахмурился.

— Опять меня нагружают обязанностями, которых я не хотел, и подкрепляют это логикой, расходящейся с моими желаниями. Опять я попадаюсь в капкан эмоций, а ведь нас в Мелнибонэ с детства учат презирать чувства. Хорошо, Мишелла, я поеду туда. Я сделаю то, что ты хочешь.

— Будь осторожен, Элрик. Телеб К'аарна владеет силой, о которой тебе ничего не известно. Тебе будет трудно противостоять ей.

Она посмотрела на него пытливым взглядом, и он внезапно сделал шаг вперед и, обняв ее, поцеловал. Слезы полились по его лицу, перемешиваясь с ее слезами.

Потом он смотрел, как она уселась в свое ониксовое седло и выкрикнула слова команды. Металлические крылья звонко ударили по воздуху, изумрудные глаза повернулись, усаженный драгоценными камнями клюв приоткрылся.

— Прощай, Элрик,— сказала птица.

Но Мишелла не сказала ничего. И не оглянулась.

Скоро металлическая птица стала песчинкой света в синем небе, и Элрик повернул кобылу на северо-восток.

Глава третья

БАРЬЕР УНИЧТОЖЕН

Элрик остановил кобылу под прикрытием утеса. Он обнаружил лагерь Телеба К'аарны. Под защитой нависающей скалы был установлен большой шатер желтого шелка. Эта скала была частью каменистого образования, естественным амфитеатром разлегшегося среди дюн пустыни. Рядом с шатром стояли две лошади и телега, но над всем этим возвышалось металлическое сооружение, находившееся в центре площадки. Это сооружение было помещено в огромную емкость из чистого стекла. Емкость имела почти шарообразную конфигурацию с узким отверстием наверху. Само сооружение имело странную асимметричную форму и состояло из множества искривленных и угловых поверхностей, в которых видны были мириады

частично сформированных лиц, фигур животных и очертаний зданий, неясных конструкций, которые появлялись и исчезали под взглядом Элрика. Это изделие явилось плодом воображения, еще более изощренного, чем воображение предков альбиноса. Амальгамированные металлы и другие вещества были слиты здесь воедино, что противоречило всякой логике. Творение Хаоса, дававшее ключ к объяснению того, как Обреченный народ пришел к самоуничтожению. И это сооружение жило. В его глубинах что-то пульсировало — словно слабо билось сердце умирающей птички. Элрик видел немало непотребств в своей жизни, и лишь немногие трогали его, но это сооружение, хотя на первый взгляд и казавшееся гораздо безвреднее всего предыдущего, почему-то вызвало у него острый приступ неприязни. Невзирая на одолевавшее его отвращение, он остался стоять где стоял, очарованный этой машиной. Вдруг клапан желтого шатра отошел в сторону, и появился Телеб К'аарна.

Колдун из Пан-Танга стал бледнее и похудел по сравнению с тем, каким он был, когда Элрик видел его в последний раз — перед самым сражением между нищими Надсокора и воинами Танелорна. Но какая-то нездоровая энергия разрумянила его щеки и горела в темных глазах, придавая нервную резвость его движениям. Телеб К'аарна направился к стеклянной емкости.

Когда колдун подошел поближе, Элрик услышал, как он бормочет себе под нос:

— Уже скоро, уже скоро, уже скоро. Еще чуть-чуть, и Элрик умрет, а вместе с ним и все его союзники. Этот альбинос проклянет день, когда он разбудил во мне ненависть и превратил меня из ученого в того, кем я стал сегодня. А когда он умрет, королева Йишана поймет свою ошибку и вернется ко мне. Как может она предпочитать этого белолицего выродка человеку моих великих талантов? Как?!

Элрик почти забыл, что Телеб К'аарна одержим страстью к джаркорской королеве Йишане, женщине, которая покорила колдуна сильнее любого заклинания. Именно ревность Телеба К'аарны к Элрику и превратила этого сравнительно тихого собирателя знаний темных искусств в мстительного колдуна, готового на самые страшные преступления.

Он смотрел, как Телеб К'аарна пальцем начал выводить сложный рисунок на прозрачной поверхности стекла. С каждой законченной руной пульсация в машине усиливалась. Странной окраски свет начал возникать в разных секциях, возрождая их к жизни. Из горловины емкости донесся звук сильного удара, и ноздрей Элрика начало достигать зловоние. Сердцевина света стала ярче и крупнее, машина словно изменяла свою форму, иногда явно переходя в жидкость и обтекая стенки емкости изнутри.

Золотистая кобыла фыркнула и начала беспокойно перебирать ногами. Элрик потрепал ее по шее, чтобы успокоить. Телеб К'аарна сейчас был всего лишь силуэтом на фоне быстро меняющегося света внутри стекла. Он продолжал бормотать что-то себе под нос, но его слова тонули в пульсациях, которые эхом разносились среди окружающих скал. Правая рука Телеба К'аарны продолжала рисовать новые невидимые знаки на стеклянной поверхности.

Небо, казалось, начало темнеть, хотя до заката было еще далеко. Элрик поднял глаза. Над его головой небеса были по-прежнему сини, золотое солнце сияло, но воздух вокруг потемнел, словно какая-то туча опустилась на то место, где стоял Элрик.

Телеб К'аарна на нетвердых ногах сделал несколько шагов назад, лицо его было залито странным светом, исходящим из емкости, глаза его стали огромными и безумными.

— Приди! — закричал он.— Приди! Преграды сломаны!

И тогда Элрик увидел тень за стеклянной емкостью. Размеры этой тени намного превосходили размеры огромной машины. Что-то заревело. Оно было чешуйчатым. Оно громыхало. Оно поднимало громадную голову непонятной формы. Оно напомнило Элрику дракона из его пещер, но было крупнее, и на его исполинской спине виднелись два ряда острых костных наростов. Оно открывало пасть, в которой виднелись многочисленные ряды зубов. Земля сотряслась, когда эта тварь вышла из-за стеклянной емкости. Она остановилась, глядя на крохотную фигурку колдуна глупыми и злобными глазами. Потом из-за емкости появилась еще одна такая же тварь — огром-

ные рептилии из другой земной эпохи. А следом появились те, кто управлял ими.

Кобыла Элрика заржала, поднялась на дыбы, отчаянно попыталась вырваться и убежать, но Элрику удалось успокоить ее. Он смотрел на фигуры, возложившие свои руки на послушные головы монстров. Эти фигуры имели еще более устрашающий вид, чем сами рептилии, потому что, хотя и передвигались на двух ногах и имели своеобразные руки, они тоже были рептилиями. Они чем-то напоминали драконов, а размером во много раз превосходили человека. В руках у них были странного вида предметы — наверняка какое-нибудь оружие. Эти предметы были закреплены в их руках с помощью спиралей из золотистого металла. Черно-зеленые головы драконообразных рептилий были укрыты капюшоном из кожи, и с их затененных лиц яростно взирали красные глаза.

Телеб К'аарна рассмеялся.

— Я сделал это. Я уничтожил барьер между измерениями. И благодаря Владыкам Хаоса нашел союзников, которых не сможет уничтожить колдовство Элрика, поскольку они не подчиняются колдовским правилам этого мира! Они неуязвимы, они неуничтожимы и подчиняются только мне, Телебу К'аарне!

Рептилии вместе со своими погонщиками издавали шумные фырканья и крики.

— Теперь мы двинемся на Танелорн! — закричал Телеб К'аарна.— А с такой силой я смогу вернуться в Джаркор, и переменчивая Йишана снова станет моей!

Элрик в этот момент даже почувствовал некоторую симпатию к Телебу К'аарне. Одним своим колдовством без помощи Владык Хаоса он не смог бы добиться этого. Он отдал себя им, стал одним из их инструментов, и все из-за безумной любви к стареющей королеве Джаркора. Элрик знал, что бессилен против этих монстров и их погонщиков. Он должен поторопиться в Танелорн и предупредить своих друзей, чтобы они покинули город в надежде, что он, Элрик, все же найдет средство вернуть этих жутких пришельцев в их исконное измерение.

Но тут его кобыла внезапно громко заржала и встала на дыбы, обезумев от вида, звуков и запахов того, что было перед

ней. Это ржание прозвучало в полной тишине. Вставшая на дыбы лошадь обнаружила их присутствие, и Телеб К'аарна повернул свои безумные глаза в направлении Элрика.

Элрик знал, что ему не уйти от этих монстров. Он знал, что их оружие легко может уничтожить его на расстоянии. Он извлек черный Буревестник из ножен, и освободившийся меч закричал. Элрик вонзил шпоры в бока лошади и направил ее прямо к стеклянному резервуару, пока Телеб К'аарна не пришел в себя и не успел отдать приказ своим новым союзникам. Его единственная надежда состояла в том, что он сможет уничтожить сооружение или, по крайней мере, какую-либо его важную часть, после чего монстры вернутся в свое измерение.

Высоко занеся меч, он проскакал мимо Телеба К'аарны и нанес мощнейший удар по стеклу, защищавшему машину.

Черный меч соприкоснулся со стеклом и погрузился в него. Элрика по инерции выкинуло из седла, и он тоже прошел сквозь стекло, даже не разбив его. Перед ним мелькнули жуткие плоскости и кривые машины, изобретенной Обреченным народом. Его тело ударилось о поверхность этого сооружения. Ему показалось, что все его тело распадается...

Придя в себя, он увидел, что лежит на свежей траве, что здесь нет ни пустыни, ни Телеба К'аарны, ни пульсирующей машины, ни жутких бестий, ни их устрашающих погонщиков — только листва, трепещущая на ветру, и голос.

— Буря — она прошла. А ты? Тебя зовут Элрик из Мелнибонэ?

Поднявшись, альбинос обернулся. Перед ним стоял высокий человек. На нем был конический серебряный шлем и кольчуга до колен, тоже из серебра. Частично кольчугу прикрывал плащ с длинными рукавами. На боку у человека висел длинный меч в ножнах. На ногах у него были штаны из мягкой кожи и сапоги из замши. Но внимание Элрика в первую очередь привлекли черты лица этого человека (он скорее походил на мелнибонийца, чем на представителя человеческого племени) и то, что на левой руке у него была шестипалая кольчужная перчатка, украшенная темными драгоценны-

ми камнями. На правом глазу у него была повязка, тоже украшенная драгоценными камнями — такими же, как на перчатке. Другой глаз был большой, миндалевидный с желтым зрачком и алым глазным яблоком.

— Да, я — Элрик из Мелнибонэ,— подтвердил альбинос.— Значит, я тебя должен благодарить за спасение от монстров, вызванных Телебом К'аарной?

Высокий человек отрицательно покачал головой.

— Да, вызвал тебя я, но я не знаю никакого Телеба К'аарну. Мне было сказано, что у меня есть единственная возможность получить твою помощь и что вызвать тебя я должен в определенном месте и в определенное время. Меня зовут Корум Джаелен Ирсеи — Принц в Алой Мантии. У меня чрезвычайно важная миссия.

Элрик нахмурился. Это имя показалось ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где он его слышал. На память ему пришел старый, полузабытый сон.

— Этот лес, в котором я сейчас нахожусь,— где он? — спросил Элрик, вкладывая меч в ножны.

— Это не твой мир и не твоя эпоха. Я вызвал тебя, чтобы ты помог мне в борьбе против Владык Хаоса. Я уже способствовал уничтожению двух Повелителей Мечей — Ариоха и Ксиомбарг, но остался третий, самый сильный...

— Ты уничтожил Ариоха и Ксиомбарг — двух самых могущественных Владык Хаоса? Но не прошло и месяца, как я говорил с Ариохом. Он мой покровитель. Он...

— Существует множество плоскостей мироздания,— терпеливо сказал ему Корум.— В некоторых измерениях Владыки Хаоса сильны, в некоторых — слабы. В некоторых, насколько мне доводилось слышать, их нет вообще. Ты должен принять это как данность: Ариох и Ксиомбарг были изгнаны отсюда столь действенно, что в этом мире они больше не существуют. Сейчас нам угрожает только третий из Повелителей Мечей, могущественнейший из всех,— король Мабелод.

Элрик нахмурился.

— В моем мире Мабелод не сильнее Ариоха и Ксиомбарг. То, что ты говоришь, меняет все мои представления...

— Я постараюсь объяснить то, что смогу,— сказал принц Корум.— По какой-то причине судьбе было угодно сделать из меня героя, который должен изгнать Хаос из Пятнадцати Плоскостей Земли. Сейчас я ищу город, который называется Танелорн, где рассчитываю найти помощь. Но мой проводник заточен в замке, расположенном неподалеку, и, прежде чем продолжать путь, я должен спасти его. Мне объяснили, как я могу вызвать подмогу для спасения моего проводника, и я воспользовался заклинанием, чтобы призвать тебя. Я должен сказать тебе: если ты поможешь мне, то тем самым поможешь и себе, если я добьюсь успеха, то и ты получишь нечто, что облегчит твою задачу...

— Кто тебе это сказал?

— Один мудрый человек.

Элрик сел на ствол упавшего дерева, опустив голову на руки.

— Ты вызвал меня в самый неподходящий момент,— сказал он.— Хочется верить, что ты говоришь мне правду, принц Корум.— Он вдруг поднял глаза.— Удивительно, что ты вообще говоришь... или, точнее, что я тебя понимаю. Как такое возможно?

— Мне сказали, что мы сможем общаться свободно, потому что мы «части одного целого». Не проси у меня никаких дальнейших объяснений, принц Элрик, потому что больше я ничего не знаю.

Элрик пожал плечами.

— Что ж, это может быть иллюзией. Может быть, я убил себя или меня переварила эта машина Телеба К'аарны. Но, очевидно, у меня нет иного выбора — только согласиться с тобой и надеяться на то, что и я получу помощь.

Принц Корум покинул поляну, но скоро вернулся с двумя лошадьми — черной и белой. Он подал Элрику вожжи черной.

Элрик запрыгнул в седло.

— Ты говорил о Танелорне. Так вот, именно ради Танелорна я и проник в этот твой иллюзорный мир.

На лице принца Корума появилось пытливое выражение.

— Ты знаешь, где находится Танелорн?

— В моем мире — знаю. Но откуда ему взяться в этом мире?

— Танелорн есть во всех плоскостях, хотя и имеет повсюду разные обличья. Есть один Танелорн, и он вечен во множестве своих форм.

Они скакали по узкой тропинке, идущей через тихий лес.

Элрик принял то, что сказал ему Корум. Его пребывание здесь было чем-то сродни сновидению, и он решил, что должен смотреть на все происходящие здесь события, как он смотрит на события, происходящие во сне.

— Куда мы направляемся? — небрежно спросил он.— В замок?

Корум отрицательно покачал головой.

— Сначала нам нужен третий — Герой со Множеством Имен.

— И его ты тоже призовешь с помощью колдовства?

— Мне сказали, что это не нужно. Мне сказали, что он встретит нас. Он будет призван из своей эпохи, чтобы мы могли стать Троими, которые Одно.

— И что значат эти слова? Что такое Трое, которые Одно?

— Я знаю немногим больше тебя, друг Элрик. Могу только сказать, что для победы над тем, кто держит в плену моего проводника, нужны все мы — все трое.

— Понятно,— с чувством пробормотал Элрик.— Но этого будет мало, чтобы спасти мой Танелорн от рептилий Телеба К'аарны. Они, должно быть, уже сейчас направляются к городу.

Глава четвертая

ИСЧЕЗАЮЩАЯ БАШНЯ

Дорога расширилась и вышла из леса, петляя среди вересковых кустов высокой болотистой местности. Далеко на западе видны были утесы, а за ними — темно-синие воды океана. В широком небе кружили несколько птиц. Мир этот казался необыкновенно мирным, и Элрику даже не верилось, что на него нападают силы Хаоса. Корум объяснил ему, что его кольчужная перчатка и не перчатка вовсе, а кисть руки древнего

бога, сращенная с его собственной рукой. Точно так же и его глаз — это глаз бога, и он может видеть ужасный потусторонний мир, из которого Корум, в случае необходимости, мог бы призвать помощь.

— В сравнении с тем, что ты мне говоришь, все сложное колдовство и космология моего мира становятся детскими играми.

— То, о чем я тебе говорю, кажется сложным, потому что оно необычно,— сказал Корум.— Твой мир наверняка показался бы мне непонятным, если бы я неожиданно попал в него. И потом,— рассмеялся он,— эта плоскость тоже не мой мир, хотя она и похожа на него больше, чем многие другие. У нас есть кое-что общее, Элрик. Мы с тобой оба обречены играть какую-то роль в неутихающей борьбе Владык Высших Миров, но мы никогда не поймем, для чего ведется эта борьба и почему она бесконечна. Мы сражаемся, наши умы и души агонизируют, но мы никогда не можем быть уверены в том, что наши страдания стоят того.

— Ты прав,— с чувством сказал Элрик.— У нас с тобой много общего, Корум. У меня и у тебя.

Корум хотел было ответить, но тут увидел что-то впереди на дороге. Это был конный воин. Он сидел абсолютно без движения, словно ждал их.

— Может быть, это и есть тот третий, о котором говорил Болорхиаг.

Они осторожно поехали дальше.

Человек, к которому они приблизились, задумчиво смотрел на них. Он был такого же роста, как они, но крупнее. Кожа у него была иссиня-черная, а голову и плечи закрывала шкура оскалившегося медведя. Его доспехи также были черны, не имели никаких знаков, говорящих об их хозяине, а на боку у него висел меч с черной рукоятью в черных ножнах. Сидел он на крепком чалом жеребце, а сзади к седлу был приторочен круглый тяжелый щит. Когда Элрик и Корум приблизились, красивые негроидные черты приняли удивленное выражение, и человек с ужасом в голосе вскричал:

— Я вас знаю! Я знаю вас обоих!

Элрик тоже чувствовал, что он узнал этого человека, точно так же он заметил какие-то знакомые черты в Коруме.

— Друг, как ты оказался здесь, в болотах Балвина? — спросил его Корум.

Человек оглянулся, словно в недоумении.

— Болота Балвина? Это болота Балвина? Я здесь всего несколько мгновений. А перед этим я был... я был... Ах, память снова подводит меня.— Он приложил свою большую руку ко лбу.— Имя... другое имя. Не помню! Элрик! Корум! Но я... я знаю...

— Откуда тебе известны наши имена? — спросил его Элрик.

Альбиноса охватил страх. Он знал, что не должен задавать эти вопросы, что не должен знать ответы на них.

— Потому что... как же ты не понимаешь? Я — Элрик, я — Корум, о, какое это мучение... Или по крайней мере я уже был или еще буду Элриком или Корумом...

— А как зовут тебя, мой господин? — снова спросил Корум.

— У меня тысяча имен. Я был тысячью героев. Я... я — Джон Дейкер... Эрекозе... Урлик и многие, многие другие... Воспоминания, сновидения, существования.— Внезапно он посмотрел на них полными печали глазами.— Неужели вы не понимаете? Неужели я единственный обречен понимать? Я — тот, кого прозвали Вечный воитель... я — герой, который существовал вечно... и я — Элрик из Мелнибонэ, принц Корум Джаелен Ирсеи, я — это и ты. Мы трое — одно существо и к тому же мириад других существ. Мы трое — одно, мы обречены вечно сражаться и никогда не знать ради чего. Ах, моя голова! Какая боль! Кто же так мучает меня? Кто?

У Элрика пересохло в горле.

— Ты говоришь, что ты — иная инкарнация *меня!*

— Если ты это так называешь! Это вы оба — мои инкарнации.

— Так вот, значит, что имел в виду Болорхиаг, когда говорил о Троих, которые Одно,— сказал Корум.— Мы — инкарнации одного человека, но мы утроили наши силы, потому что пришли из разных эпох. Только эта сила может победить Войлодиона Гхагнасдиака из Исчезающей башни.

— Ты говоришь о том замке, в котором заточен твой проводник? — спросил Элрик, бросая сочувственный взгляд на стонущего чернокожего.

— Да. Исчезающая башня перемещается из одного измерения в другое, из одного века в другой. На одном месте она остается лишь несколько мгновений. Но поскольку мы три разные инкарнации одного героя, то мы, вероятно, сможем прибегнуть к какому-нибудь колдовству, которое позволит нам догнать башню и атаковать ее. И тогда, если мы освободим моего проводника, мы сможем продолжить наш путь в Танелорн...

— Танелорн? — Чернокожий посмотрел на Корума, и в его глазах внезапно засветилась надежда.— Я тоже ищу Танелорн. Только там смогу я обрести избавление от моей ужасной судьбы — знать все предыдущие инкарнации и переходить без всякой системы из одного существования в другое! Танелорн! Я должен найти этот город!

— И я тоже должен найти Танелорн,— сказал ему Элрик,— потому что в моем мире его жители подвергаются страшной опасности.

— Значит, у нас не только одна личность, но и одна цель,— сказал Корум.— Поэтому мы будем сражаться вместе. Сначала мы должны освободить моего проводника, а потом отправимся в Танелорн.

— Я охотно помогу вам,— сказал черный гигант.

— И как же нам называть тебя — тебя, который есть мы сами? — спросил Корум.

— Называйте меня Эрекозе... хотя мне приходит на ум другое имя. Но именно будучи Эрекозе я ближе всего подошел к забвению и познал счастье любви.

— Тогда тебе можно позавидовать, Эрекозе,— многозначительно сказал Элрик.— Ведь ты так близко подошел к забвению...

— Ты не имеешь представления о том, что я должен забыть,— сказал ему черный гигант. Он поднял поводья.— Ну что ж, Корум, веди нас к Исчезающей башне.

— Нас туда выведет эта дорога. Сейчас мы, кажется, двигаемся по направлению к Темной долине.

Разум Элрика едва мог переварить смысл того, что он услышал. Из этих слов вытекало, что вселенная — или мультивселенная, как называла ее Мишелла — разделена на бесконечные слои существования, что время является фактически бессмысленным представлением, за исключением случая, когда речь идет о жизни одного человека или об одном коротком историческом периоде. Что есть уровни существования, на которых Космическое Равновесие вообще неизвестно — по крайней мере, это следовало из слов Корума,— и что есть другие измерения, где Владыки Высших Миров имеют гораздо больше власти, чем в его собственном мире. У него возникло искушение забыть о Телебе К'аарне, Мишелле, Танелорне и всех остальных и посвятить себя исследованию всех этих бесконечных миров. Но он тут же понял, что это невозможно, потому что если Эрекозе говорил правду, то он, Элрик,— или то, что было им,— уже существует на всех этих планах. Та сила, которую он называл судьбой, впустила его в этот мир для исполнения определенной миссии. А миссия эта, затрагивающая судьбы тысячи измерений, наверняка очень важна, если она свела вместе три разные инкарнации.

Он с любопытством посмотрел на черного гиганта, едущего слева, на изувеченного человека с бриллиантовыми рукой и глазом справа от него. Неужели эти двое — он сам?

Теперь он представил себе, что чувствует часть того отчаяния, которое испытывает Эрекозе: помнить все эти другие инкарнации, все эти ошибки, все эти бессмысленные конфликты и никогда не знать их цели, если только у них была какая-то цель.

— Темная долина,— сказал Корум, показывая вниз по склону холма.

Дорога резко убегала вниз и исчезала в сумерках, пройдя между двумя скалами. Это место казалось каким-то особенно мрачным.

— Мне сказали, что когда-то здесь была деревня,— сообщил им Корум.— Не очень привлекательное местечко, правда, братья?

— Я видел и похуже,— пробормотал Эрекозе.— Ну что ж, давайте покончим с...— Он пришпорил своего чалого жеребца

и, обгоняя других, галопом понесся вниз по склону. Остальные последовали за ним; скоро они проскакали между двумя скалами, и дорога впереди стала почти не видна — потерялась в сумерках.

И тогда Элрик разглядел руины, прилепившиеся к скалам по обе стороны дороги. Руины эти имели странный вид и явно не были следствием военных действий. И не время превратило эти сооружения в развалины, которые представляли собой нечто искореженное, расплавленное, словно Хаос, проходя по долине, прикоснулся к ним.

Корум, внимательно изучив руины, хлестнул коня.

— Вон она,— сказал он.— Яма. Здесь мы и должны ждать.

Элрик посмотрел на яму. Она была неровная и глубокая, а земля в ней, казалось, была недавно перевернута, словно эту яму вырыли недавно.

— И чего мы должны здесь ждать, друг Корум?

— Башню,— сказал принц Корум.— Я так думаю, что, попадая в эту плоскость, она появляется именно здесь.

— И когда же она появится?

— Время неизвестно. Мы должны ждать. А потом, как только мы ее увидим, мы попытаемся проникнуть в нее, прежде чем она снова исчезнет, переместившись в соседнее измерение.

Эрекозе с невозмутимым лицом спешился и сел на землю, прислонившись спиной к камню, который когда-то был частью дома.

— Кажется, ты, Эрекозе, терпеливее меня,— сказал Элрик.

— Я научился терпению, потому что живу с начала времен и буду жить до конца времен.

Элрик спрыгнул со своего черного коня и ослабил подпругу. Корум тем временем ходил по кромке ямы.

— А кто тебе сказал, что башня появится здесь? — спросил его Элрик.

— Колдун, который, так же как и я, несомненно, служит Закону, поскольку я — смертный, обреченный сражаться с Хаосом.

— Как и я,— сказал Эрекозе,— Вечный воитель.

— Как и я,— сказал Элрик из Мелнибонэ,— хотя я и поклялся служить ему.

Элрик посмотрел на двух своих спутников и в этот момент и в самом деле почувствовал, что эти двое вполне могут быть его инкарнациями. Их жизни, их борьба, их личности до некоторой степени были очень похожи.

— А зачем ты ищешь Танелорн, Эрекозе? — спросил он.

— Мне сказали, что там я могу найти покой и мудрость, средство вернуться в мир элдренов, где живет женщина, которую я люблю. Так как Танелорн существует во всех измерениях и во все времена, то человеку, который живет там, легче перемещаться между мирами и найти тот, который ему нужен. А что влечет тебя в Танелорн, принц Элрик?

— Я знаю Танелорн и уверен, что ты поступаешь правильно, пытаясь его найти. Моя миссия, кажется, состоит в защите этого города в моей плоскости. Но, может быть, уже сейчас моих друзей там уничтожает то, что было вызвано против них. Я молюсь, чтобы Корум оказался прав и в Исчезающей башне я нашел средство, с помощью которого смогу победить монстров Телеба К'аарны и их хозяев.

Корум поднес свою бриллиантовую руку к бриллиантовому глазу.

— Я ищу Танелорн, потому что этот город, как мне говорили, может помочь в моей борьбе против Хаоса.

— Но Танелорн не сражается ни с Законом, ни с Хаосом, поэтому-то он и существует вечно,— сказал Элрик.

— Я знаю. Как и Эрекозе, я ищу не мечей, а мудрости.

Пришла ночь, а вместе с ней на Темную долину опустился еще больший мрак. Пока остальные наблюдали за ямой, Элрик попытался уснуть, но слишком велика была его тревога за Танелорн. Попытается ли Мишелла защитить город? Погибнут ли Ракхир и Мунглам? Что он сможет найти в Исчезающей башне? Поможет ли ему то, что он там найдет? Он слушал приглушенный разговор двух его других «я» — они обсуждали, как возникла Темная долина.

— Я слышал, что когда-то Хаос напал на этот город, который в те времена располагался в тихой долине,— говорил Корум Эрекозе.— Тогда эта башня принадлежала одному рыцарю, который дал убежище тому, кого ненавидел Хаос. И тогда против Темной долины были высланы огромные силы — самые

разные существа пришли и уничтожили горные стены, окружающие долину, но рыцарь обратился за помощью к Закону, который помог ему перенести башню в другое измерение. И тогда Хаос постановил, что башня должна перемещаться вечно и никогда не оставаться в одном измерении дольше чем на несколько мгновений. В конце концов рыцарь и беглец сошли с ума и убили друг друга. Потом эту башню нашел Войлодион Гхагнасдиак и поселился в ней. Он слишком поздно осознал свою ошибку, когда переместился из своего мира в другой, враждебный ему. Он с тех пор боится покидать башню, но очень страдает от одиночества. Он взял в привычку брать в плен всех, кто к нему попадает; он вынуждает их составлять ему компанию в Исчезающей башне и держит их до тех пор, пока они не наскучат ему. А тех, кто ему наскучил, он убивает.

— И он в скором времени может убить твоего проводника? А что за существо этот Войлодион Гхагнасдиак?

— Он злобное создание, наделенное огромной разрушительной силой. Это все, что мне известно.

— Вот почему боги сочли необходимым созвать три воплощения меня для атаки на Исчезающую башню,— сказал Эрекозе.— Для них это, вероятно, важно.

— Это важно для меня,— сказал Корум,— потому что этот проводник к тому же и мой друг, и если мне не удастся в ближайшее время найти Танелорн, то само существование Пятнадцати измерений будет поставлено под угрозу.

Элрик услышал горький смех Эрекозе.

— Ну почему я... мы... всегда сталкиваемся с какими-то космическими задачами, а не с маленькими, домашними? Почему мы навечно связаны с судьбой вселенной?

Корум ответил, когда Элрика уже стал одолевать сон:

— Может быть, домашние проблемы еще хуже. Кто знает?

Глава пятая

ДЖЕРИ-А-КОНЕЛ

— Она здесь! Скорей, Элрик!

Элрик вскочил на ноги.

Светало. Ночью он уже отстоял свою стражу.

Он извлек Черный Меч из ножен, не без удивления отметив, что Эрекозе уже держит в руке свой, который как две капли воды похож на меч Элрика.

Перед ними была Исчезающая башня.

Корум уже бежал к ней.

Башня на самом деле представляла собой небольшой замок серого плотного камня, но на его зубчатых стенах играли огни, а его очертания в некоторых частях стены были довольно расплывчатыми.

Элрик бежал бок о бок с Эрекозе.

— Он держит двери открытыми, чтобы заманить к себе «гостей»,— на бегу проговорил черный гигант.— Я думаю, это наше единственное преимущество.

Башня начала мерцать.

— Скорее! — снова прокричал Корум и ринулся в черноту дверного проема.

— Скорее!

Они вбежали в небольшую прихожую, освещенную огромной масляной лампой, свисавшей на цепях с потолка.

Дверь за ними неожиданно закрылась.

Элрик взглянул на Эрекозе — на его черном лице застыло напряженное выражение, потом — на Корума. Все они держали мечи наготове. В помещении царила полная тишина. Не произнося ни слова, Корум указал в разрез окна. Вид за окном изменился. Теперь там плескалось синее море.

— Джери! — позвал Корум.— Джери-а-Конел!

Послышался слабый звук. Может быть, это был ответ, а может, этот звук издала крыса где-то в стенах замка.

— Джери! — снова воскликнул Корум.— Войлодион Гхагнасдиак? Ты еще здесь? Хочешь попробовать остановить меня?

— Я здесь. Что тебе нужно от меня? — Голос доносился из соседней комнаты.

Три героя, которые были одним героем, осторожно пошли вперед.

В комнате мелькнуло что-то вроде молнии, и в ее призрачном свете Элрик увидел Войлодиона Гхагнасдиака.

Это был карлик, закутанный с головы до ног в многоцветные шелка, меха и парчу. В руке он держал крохотный меч.

Голова его была слишком велика для его тела, но это была красивая голова с густыми, сросшимися над переносицей бровями. Он улыбнулся.

— Наконец-то кто-то новый скрасит мою тоску. Но положите ваши мечи, господа, прошу вас. Ведь вы мои гости.

— Я знаю, какая судьба ждет твоих гостей,— сказал Корум.— Послушай, Войлодион Гхагнасдиак, мы пришли освободить Джери-а-Конела, которого ты удерживаешь пленником. Отдай нам его, и мы не причиним тебе вреда.

На красивом лице карлика при этих словах появилась веселая ухмылка.

— Однако ведь я силен. Победить меня вам не по силам. Смотрите.

Он взмахнул своим мечом, и в комнате снова сверкнула молния. Элрик приподнял меч, чтобы отразить ее, но она прошла мимо. Он сердито сделал шаг к карлику.

— Послушай, Войлодион Гхагнасдиак, меня зовут Элрик из Мелнибонэ и силы мне не занимать. Я владею Черным Мечом, и он жаждет выпить твою душу, если ты не выпустишь друга принца Корума.

Карлик снова рассмеялся.

— Мечи? Какая в них может быть сила?

— У нас необычные мечи,— сказал Эрекозе.— И мы перенесены сюда силами, которых тебе не понять. Мы извлечены из своих эпох силой самих богов и доставлены сюда для того, чтобы потребовать от тебя освобождения Джери-а-Конела.

— Вас ввели в заблуждение,— сказал Войлодион Гхагнасдиак,— или вы пытаетесь ввести в заблуждение меня. Этот Джери, должен согласиться, неглупый парень, но зачем он мог понадобиться богам?

Элрик поднял Буревестник. Черный Меч застонал, предвкушая кровопролитие.

И тут карлик извлек откуда-то маленький желтый шарик и швырнул его в Элрика. Шарик ударил Элрика по лбу и отскочил назад. Буревестник выпал из его руки. Голова у Элрика закружилась. Он попытался поднять меч, потянулся к нему, но силы покинули его. Он попытался было обратиться за помощью к Ариоху, но потом вспомнил, что Ариох изгнан из

этого мира. Тут он не мог призвать себе на помощь могущественных союзников — у него не было здесь ничего, кроме меча, но Элрик не мог его поднять.

Эрекозе отскочил назад и подтолкнул Черный Меч в направлении Элрика. Как только рука альбиноса взялась за эфес, силы стали возвращаться к нему, но это были обычные для смертного силы. Элрик поднялся на ноги.

Корум остался стоять где стоял. Карлик продолжал смеяться. В его руке появился новый шарик. Он снова швырнул его в Элрика, но Элрик на сей раз успел отразить его своим мечом. Шарик запрыгал по комнате и взорвался у дальней стены. Из огня возникло что-то черное.

— Уничтожать сферы опасно,— невозмутимо сказал Войлодион Гхагнасдиак,— потому как то, что заключено в них, уничтожит тебя.

Чернота, появившаяся из шара, стала расти. Пламя погасло.

— Я свободен,— раздался голос.

— Да,— весело произнес Войлодион Гхагнасдиак.— Свободен убить этих глупцов, которые отвергают мое гостеприимство.

— Свободен быть убитым,— ответил Элрик, смотревший, как эта чернота приобретает очертания.

Поначалу казалось, что она состоит из развевающихся волос, которые постепенно сжались и образовали существо с мощным телом гориллы, но со шкурой плотной и покрытой бородавками, как у носорога. За его спиной виднелись очертания огромных черных крыльев, а на плечах сидела рычащая тигриная голова. В волосатых руках это существо держало длинное оружие, напоминающее косу. Тигриная голова зарычала, и коса совершила резкое движение — Элрику едва удалось уклониться от него.

Эрекозе и Корум ринулись на помощь Элрику. Элрик услышал крик Корума:

— Мой глаз — он не видит в потустороннем мире. Я не могу вызвать помощь!

В этом измерении колдовские возможности Корума тоже были ограниченны.

И тут Войлодион Гхагнасдиак бросил желтый шарик в черного гиганта и другой — в бледного человека с бриллиантовой

рукой. Обоим им с трудом удалось отразить эти снаряды, которые тут же взорвались. Немедленно из них возникла чернота, материализовавшаяся в еще двух крылатых монстров с тигриными головами, и союзники Элрика были вынуждены перейти к самозащите.

Увернувшись от еще одного удара косой, Элрик попытался вспомнить какую-нибудь руну, которая могла бы вызвать ему подмогу, но ни одна из тех, что сработала бы в этом измерении, не приходила ему в голову. Он нанес удар человеку-тигру, но его удар был отражен косой. Его противник был наделен огромной силой и проворством. Захлопали черные крылья, и рычащая тварь поднялась к потолку. Несколько мгновений она парила в воздухе, а потом ринулась на Элрика, вращая косой. Ее клыкастая пасть издала пронзительный вопль, ее желтые глаза сверкали.

Элрик был близок к панике. Буревестник не снабжал его энергией, на которую он рассчитывал. Сила меча в этом мире уменьшилась. Ему едва удалось избежать нового удара косой, при этом он воткнул меч в незащищенную ногу твари. Но кровь не хлынула. Тигрочеловек, казалось, не заметил раны. Он снова взмыл к потолку.

Элрик увидел, что его товарищи находятся в таком же бедственном положении. На лице Корума было такое выражение, будто он рассчитывал на легкую победу, а теперь не сомневался в гибели.

Войлодион Гхагнасдиак тем временем продолжал весело хихикать и расшвыривать по комнате новые шарики. Со взрывом каждого появлялся новый крылатый монстр с тигриной головой. Комната была полна ими. Элрик, Эрекозе и Корум, оглушенные биением гигантских крыльев и пронзительными воплями ненависти, отошли к дальней стене — монстры наступали на них.

— Боюсь, что на вашу погибель призвал я вас двоих! — прокричал Корум, переводя дыхание.— Я и понятия не имел, что наши силы здесь будут так ограниченны. Башня перемещается так быстро, что даже обычные законы колдовства в этих стенах не действуют.

— Но, похоже, они прекрасно действуют для карлика! — выкрикнул Элрик, отражая мечом удар одной косы и сразу же — другой.— Если бы мне удалось прикончить хотя бы одного...

Он вплотную прижимался спиной к земле. Коса царапнула по его щеке, из ранки потекла кровь, другая порвала его плащ, третья рассекла предплечье. Тигриные физиономии ухмылялись, смыкаясь вокруг него.

Элрик нанес удар по голове ближайшего монстра, ему удалось отсечь ему ухо, и тот завопил от боли. Буревестник застонал в ответ и ткнулся в горло твари.

Однако меч почти не вошел в плоть — от этого удара тигрочеловек лишь слегка покачнулся.

Но в этот момент Элрик выбил косу из рук монстра и направил оружие против его хозяина — нанес удар по груди тигрочеловека. Тот вскрикнул, из раны хлынула кровь.

— Я был прав,— закричал другим Элрик.— Их можно победить только их оружием! — Он перешел в наступление, держа в одной руке Буревестник, а в другой — косу. Тигролюди стали отступать, а потом взмыли под потолок.

Элрик бросился к Войлодиону Гхагнасдиаку. Карлик издал вопль ужаса и выскочил в дверь, которая была слишком мала для Элрика. В этот момент тигролюди снова опустились, хлопая крыльями.

На этот раз двое товарищей Элрика попытались раздобыть оружие своих противников. Наступая на монстра, напавшего на него, Элрик изловчился нанести удар сзади по тигрочеловеку, атакующему Корума. Монстр упал с отсеченной головой. Корум сунул в ножны свой длинный меч, подобрал косу и почти сразу же убил третьего тигрочеловека. Упавшую косу он отбросил в направлении Эрекозе. В зловонном воздухе летали черные перья. Плитка на полу стала скользкой от крови. Три героя, прорубившись через монстров, вернулись в меньшую комнату, недавно оставленную ими. Однако тигролюди продолжали наступать, хотя сейчас им проходилось проникать через дверь, а защищать этот вход было легче.

Элрик оглянулся и увидел у себя за спиной узкое окно башни. Пейзаж за ним постоянно менялся — Исчезающая башня продолжала свое хаотическое движение в измерениях бытия.

Трое воинов стали уставать, у всех у них были легкие раны, и они потеряли какое-то количество крови. Битва продолжалась — коса сходилась с косой, громко хлопали крылья, рычащие морды извергали на них слюну и произносили слова, которые почти невозможно было разобрать. Элрик быстро терял силы — его выкованный в аду меч не пополнял его тело энергией. Дважды он чуть было не упал, но другие поддержали его. Неужели ему суждено умереть в чужом мире и друзья никогда не узнают о том, как он погиб? Но тут он вспомнил, что его друзья в опасности, что на них надвигаются рептилии, которых Телеб К'аарна наслал на Танелорн, и они тоже скоро будут мертвы. Эта мысль придала ему сил, и он вонзил косу в живот очередного монстра.

Через пустое пространство, образовавшееся в рядах наступающих, он увидел небольшую дверь в другой стене комнаты. В дверях стоял Войлодион Гхагнасдиак, швырявший новые желтые сферы. На место убитых тигролюдей приходили новые.

Но тут Элрик услышал, как Войлодион Гхагнасдиак издал крик, потом что-то упало на лицо карлика. Это было черно-белое животное с маленькими черными крыльями, молотившими воздух. Что это было — какое-то порождение тех монстров, с которыми они сражались? Элрик не мог разобрать этого. Но Войлодиона Гхагнасдиака это существо явно вогнало в ужас, карлик пытался стащить его со своего лица.

За спиной карлика появилась еще одна фигура. С умного лица, обрамленного длинными черными волосами, смотрели проницательные глаза. Одета эта фигура была так же пышно, как и карлик, но оружия при ней не было. Она что-то кричала Элрику, и он напрягался, пытаясь разобрать слова, хотя в этот момент на него наступал другой тигрочеловек.

Наконец новоприбывшего увидел и Корум.

— Джери! — крикнул он.

— Это тот, кого мы пришли спасти? — спросил Элрик.

— Да.

Элрик решил было пробиться к Джери, но тот замахал руками и закричал:

— Нет-нет, оставайтесь там!

Элрик нахмурился, хотел было спросить почему, но тут на него напали два новых тигромонстра, и ему пришлось отступить, размахивая косой.

— Возьмитесь за руки! — крикнул Джери-а-Конел.— Корум в центре, а вы двое вытащите ваши мечи!

Элрик задыхался. Он прикончил еще одного монстра и почувствовал, как боль пронзила его ногу. Из голени хлынула кровь.

Войлодион Гхагнасдиак все еще боролся с существом, вцепившимся в его лицо.

— Скорее! — крикнул Джери-а-Конел.— Это ваш единственный шанс! И мой тоже!

Элрик взглянул на Корума.

— Он мудр, друзья,— сказал Корум.— Он знает многое, что неведомо нам. Я встану в центре.

Эрекозе взял мускулистой рукой руку Корума, Элрик сделал то же самое, встав с другой стороны. Эрекозе левой рукой вытащил меч, а Элрик правой извлек Буревестник.

И тут что-то начало происходить. Ощущение силы вернулось, затем возникло чувство физического благополучия. Элрик посмотрел на товарищей и рассмеялся. Впечатление было такое, будто, соединив силы, они стали в четыре раза сильнее, словно они стали одной сущностью.

Какое-то особое чувство торжества переполнило Элрика, и он понял, что Эрекозе говорил правду: они трое — три воплощения одного существа.

— Покончим же с ними,— закричал он и увидел, что они прокричали те же слова. Смеясь, соединенная тройка шагнула в комнату, и два меча теперь разили с первого удара — убивали быстро и пополняли запасы энергии их владельцев.

Крылатые тигролюди обезумели, они, хлопая крыльями, носились по комнате, а Трое, которые Одно, преследовали их. Все трое были в крови — как в своей собственной, так и врагов, все трое смеялись, неуязвимые, действуя как одно существо.

По мере их продвижения сама комната стала сотрясаться. Они услышали вопль Войлодиона Гхагнасдиака:

— Башня! Башня! Это уничтожит башню!

Зарубив последнего монстра, Элрик поднял голову. Башня и в самом деле бешено раскачивалась из стороны в сторону, как корабль в бурю.

Джери-а-Конел метнулся мимо карлика и вошел в комнату смерти. Вид, открывшийся ему, вызвал у него приступ тошноты, но он взял себя в руки.

— Это правда. Колдовство, которое мы сотворили сегодня, должно привести к такому результату. Мурлыка, ко мне!

Существо, сидевшее на лице карлика, взмыло в воздух и приземлилось на плече Джери. Элрик увидел, что это маленький черно-белый кот, совершенно обыкновенный, если не считать крыльев, которые в этот момент он складывал у себя за спиной.

Войлодион Гхагнасдиак сидел, сгорбившись, в дверях, и слезы текли у него из глаз. Это были кровавые слезы.

Элрик, разорвав связь с Корумом, бросился в соседнюю комнату. Он выглянул в узкое окно, но не увидел ничего, кроме безумного круговращения розовато-лиловых и пурпурных облаков.

— Мы в Лимбе! — вырвалось у него.

В комнате воцарилась тишина. Башня по-прежнему раскачивалась. Огни погасли, потому что по башне гулял какой-то странный ветер и свет поступал только снаружи, где продолжал клубиться туман.

Джери-а-Конел подошел к Элрику, стоящему у окна, и нахмурился.

— Откуда ты знал, что нам нужно делать? — спросил его Элрик.

— Я знал, потому что знаю тебя, Элрик из Мелнибонэ, как я знаю Эрекозе, потому что я путешествую по разным эпохам и разным мирам. Поэтому меня иногда называют спутником воителей. Я должен найти свой меч и сумку... и еще шляпу. Все это наверняка в подвале Войлодиона вместе с другими его трофеями.

— А башня? Если она погибнет, разве мы не погибнем вместе с ней?

— Это возможно. Идем, друг Элрик, поможешь мне искать мою шляпу.

— Ты в такое время собираешься искать шляпу?

— Да.— Джери-а-Конел вернулся в большую комнату, поглаживая черно-белого кота. Войлодион Гхагнасдиак был все еще там, он продолжал плакать.— Принц Корум, Эрекозе, пойдемте со мной.

Корум и черный гигант присоединились к Элрику. Они протиснулись в узкий проход, по которому с трудом продвигались вперед, пока он не расширился, и они увидели перед собой лестницу, ведущую вниз. Башня снова стала сотрясаться. Джери зажег факел и вытащил его из держателя на стене. Он начал спускаться, три героя следовали за ним.

С крыши вывалился кусок кладки и рухнул на ступени перед самым носом у Элрика.

— Я бы поискал какой-нибудь способ выбраться из башни,— сказал он Джери-а-Конелу.— Если она сейчас рухнет, то мы будем погребены под обломками.

— Доверься мне, принц Элрик.— Кроме этого, Джери ничего не сказал.

Но поскольку Джери уже продемонстрировал свои немалые знания, Элрик позволил этому франту и дальше вести их в чрево башни. Наконец они оказались в помещении круглой формы, в стене которого была огромная металлическая дверь.

— Подвал Войлодиона Гхагнасдиака,— сказал им Джери.— Здесь вы найдете все, что ищете. А я надеюсь найти здесь свою шляпу. Эта шляпа была сделана специально для меня, и, кроме нее, к моей одежде ничего не подходит...

— А как мы откроем такую дверь? — спросил Эрекозе.— Она ведь наверняка из стали.— Он поднял черный клинок, который так и не выпускал из левой руки.

— Если вы снова возьметесь за руки, друзья,— сказал Джери, выказывая полушутливое почтение к героям,— то я вам покажу, как можно открыть эту дверь.

И снова Элрик, Корум и Эрекозе схватились за руки. И опять их тела налились сверхъестественной силой, и они рассмеялись друг другу, зная, что они — часть одного и того же существа.

Голос Джери слабо донесся до ушей Элрика.

— Принц Корум, если ты ударишь ногой по двери...

Они подошли к двери. Та их часть, которая была Корумом, ударила ногой по двери, и дверь ввалилась внутрь, словно была сделана из тонкого картона.

На этот раз Элрику гораздо меньше хотелось разрывать соединение, делавшее их одним существом. Однако он все же разъединился с Корумом и Эрекозе, когда Джери, шагнув в подвал, усмехнулся чему-то про себя.

Башня накренилась. Все трое ввалились следом за Джери в подвал Войлодиона Гхагнасдиака. Элрик больно ударился об огромный золотой стул вроде тех, что используются в слоновьих седлах. Он оглянулся. В подвале было полно ценных вещей, одежды, обуви, оружия. Тошнота подступила к горлу, когда он подумал о том, что все это принадлежало людям, которых Войлодион Гхагнасдиак называл своими гостями.

Из-под кипы мехов Джери вытащил какой-то сверток.

— Взгляни, принц Элрик. Тебе это понадобится в Танелорне.— Это была связка длинных палочек, обернутых в тонкие металлические листы.

Элрик взял тяжелую связку.

— Что это?

— Это бронзовые знамена и кварцевые стрелы. Полезное оружие против людей-рептилий Пио и их скакунов.

— Ты знаешь об этих рептилиях? Ты и Телеба К'аарну знаешь?

— Пантангианского колдуна? Знаю.

Элрик чуть ли не с подозрением посмотрел на Джери-а-Конела.

— Откуда тебе все это известно?

— Я тебе уже сказал. Я прожил много жизней как друг героев. Развяжи эту связку, когда вернешься в Танелорн. Кварцевыми стрелами пользуйся как копьями. А чтобы использовать бронзовые знамена, просто разверни их. Вот она! — Джери протянул руку и из-за мешка с драгоценностями вытащил довольно пыльную шляпу. Он стряхнул пыль и надел шляпу на голову.— Ух ты! — Он снова наклонился, поднял кубок и предложил его принцу Коруму.— Держи, в хозяйстве пригодится.

Из другого угла Джери извлек небольшой мешок и закинул его на плечо. Потом, словно спохватившись, порылся в сун-

дуке с драгоценностями и вытащил сверкающее кольцо из какого-то необыкновенного металла и с неизвестным камнем.

— Это твое вознаграждение, Эрекозе, за то, что помог освободить меня из заточения.

Эрекозе улыбнулся.

— У меня такое чувство, что никакая помощь тебе была не нужна, молодой человек.

— Ты ошибаешься, друг Эрекозе. Я думаю, что никогда еще не подвергался такой опасности.

Он оглядел подвал и едва сохранил равновесие, когда пол угрожающе накренился.

Элрик сказал:

— Нам нужно выбираться отсюда.

— Именно.— Джери-а-Конел опрометью метнулся к дальнему углу подвала.— Последнее. Войлодион Гхагнасдиак в своей гордыне показывал мне свои сокровища, но он не знал ценности многих из них.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Принц в Алой Мантии.

— Он убил путешественника, у которого было с собой вот это. Путешественник был прав, считая, что у него есть средство, с помощью которого можно предотвратить исчезновение башни, только он не успел им воспользоваться — Войлодион Гхагнасдиак убил его.— Джери поднял небольшой жезл цвета блеклой охры.— Вот он. Рунный Посох. Он был у Хоукмуна, когда я вместе с ним отправился в Темную империю...

Увидев недоумение на лицах троих, Джери-а-Конел, спутник воителей, извинился:

— Прошу прощения. Я иногда забываю, что не все мы помним другие жизни...

— Что такое Рунный Посох? — спросил Корум.

— Я помню одно описание, но я плохо умею объяснять...

— Я это уже успел заметить,— с улыбкой сказал Элрик.

— Это предмет, который может существовать только в условиях определенных пространственных и временных законов. Чтобы продолжать существование, он должен создавать вокруг себя поле, в котором он и может сохраняться. Это поле должно согласовываться с этими законами — кстати, теми же, что наиболее благоприятны для нашего выживания.

Упал еще один кусок кладки.

— Башня разрушается! — проворчал Эрекозе.

Джери погладил жезл цвета блеклой охры.

— Прошу вас, подойдите ко мне поближе, друзья.

Три героя встали вокруг него. В этот момент обрушилась крыша. Но она не упала на них, потому что они неожиданно оказались на твердой земле и на чистом воздухе. Но вокруг них царила чернота.

— Не выходите за пределы этой области,— предупредил их Джери,— иначе вы будете обречены. Пусть Рунный Посох найдет то, что ищем мы.

Они увидели, как земля изменила окраску, воздух стал теплее, потом холоднее. Они словно бы перемещались по мультивселенной из измерения в измерение, но видели не больше нескольких футов земли у себя под ногами.

Вдруг они ощутили горячий песок пустыни, и Джери закричал:

— Сейчас!

Все вместе они ринулись в окружающую черноту и тут же оказались на солнечном свету под небом цвета кованого металла.

— Пустыня,— пробормотал Эрекозе.— Бескрайняя пустыня...

Джери улыбнулся.

— Ты ее узнаешь, друг Элрик?

— Это Вздыхающая пустыня?

— Прислушайся.

И Элрик услышал знакомый звук ветра, который скорбно обходил свои пустынные владения. Немного в стороне он увидел Рунный Посох — там, где они его оставили. Потом он исчез.

— Вы все пойдете со мной защищать Танелорн? — спросил он у Джери.

Джери отрицательно покачал головой.

— Нет. Мы поступим иначе. Мы должны отыскать машину, которую с помощью Владык Хаоса привел в действие Телеб К'аарна. Где она?

Элрик попытался сориентироваться. Он неуверенно показал направление.

— Мне кажется, там.

— Тогда пойдем туда.

— Но я должен попытаться помочь Танелорну.

— Ты должен уничтожить эту машину, после того как мы ею воспользуемся, друг Элрик. Иначе Телеб К'аарна или кто-нибудь другой, подобный ему, попытается употребить ее в своих целях.

— Но Танелорн...

— Я думаю, что Телеб К'аарна и его рептилии еще не добрались до города.

— Не добрались? Но ведь прошло столько времени!

— Меньше дня.

Элрик потер лицо. Неохотно он сказал:

— Ну, хорошо, я отведу вас к этой машине.

— Но если Танелорн так близко, зачем искать его где-то в другом месте? — сказал Корум Джери.

— Это не тот Танелорн, что мы ищем,— ответил ему Джери.

— Меня он устроит,— сказал Эрекозе.— Я останусь с Элриком. А потом, может быть...

Гримаса страха исказила Джери лицо. Он с печалью в голосе сказал:

— Мой друг... уничтожение уже угрожает большой части времени и пространства. Извечные барьеры могут скоро пасть... ткань мультивселенной может разрушиться. Ты не понимаешь. То, что произошло в Исчезающей башне, может произойти только раз или два на протяжении вечности, но даже и тогда оно опасно для всех участников событий. Ты должен делать то, что говорю я. Я обещаю тебе, что у тебя будет неплохой шанс найти Танелорн и в том месте, куда я тебя отведу. Твои возможности связаны с будущим Элрика.

Эрекозе опустил голову.

— Хорошо.

— Идем,— нетерпеливо сказал Элрик, направляясь на северо-восток.— Сколько бы ты ни говорил о времени, у меня его осталось совсем немного.

Глава шестая

КРИК БЕЛОГО ВЛАДЫКИ ПОД СОЛНЦЕМ

Машина в стеклянном резервуаре оставалась там, где Элрик видел ее в последний раз, перед тем как попытался ее разбить и оказался в мире Корума. Казалось, что Джери прекрасно знает, как обращаться с этой машиной, и скоро ее сердце начало сильно биться. Он подозвал двух других поближе и сказал им, чтобы они встали спиной к кристаллу. Потом он протянул что-то Элрику. Это был флакон.

— Когда нас здесь не будет,— сказал он,— кинь это в емкость, потом садись на своего коня, которого я вижу вон там, и гони во всю прыть в Танелорн. Строго следуй этим инструкциям, и ты послужишь всем нам.

Элрик взял флакон.

— Хорошо.

— И передай мой привет моему брату Мунгламу,— сказал Джери, присоединяясь к двум другим.

— Что? Ты знаешь его?

— Прощай, Элрик! Мы непременно встретимся, и еще не раз, хотя, возможно, и не узнаем друг друга.

Пульсации машины в резервуаре стали громче, земля затряслась, странная темнота окутала емкость, и тут три фигуры исчезли. Элрик подбросил склянку вверх, чтобы она попала в горловину, и побежал к своей золотистой кобыле. Он вскочил в седло, держа под мышкой связку, которую ему вручил Джери, и во весь опор поскакал к Танелорну.

За его спиной пульсации неожиданно прекратились, и повисла напряженная тишина. Потом Элрик услышал что-то вроде вздоха гиганта, и пустыню заполнил ослепляющий синий свет. Он оглянулся. Исчез не только стеклянный резервуар с машиной — исчезли даже скалы, которые были вокруг.

Наконец он догнал их — они были уже у самых стен Танелорна. На стенах Элрик увидел воинов.

Огромные рептилии несли на своих спинах не менее отвратительных погонщиков, их ноги оставляли глубокие следы в

песке. Впереди на гнедом жеребце скакал Телеб К'аарна, и поперек его седла лежало что-то, укрытое куском материи.

Потом над головой Элрика появилась какая-то тень, и он посмотрел вверх. Это была металлическая птица, но Мишеллы он на ней не увидел. Птица кружила над неуклюже двигающимися рептилиями, чьи погонщики поднимали свое странное оружие и пускали в нее шипящие огненные стрелы, но птица, избегая их, поднималась все выше и выше. Что здесь делала птица и куда девалась Мишелла? Из металлического горла снова и снова вырывался характерный крик, и Элрик понял, что он напоминает,— так кричит птичья самка, когда ее дети находятся в опасности.

Элрик впился глазами в тюк, лежащий на седле Телеба К'аарны, и тут его осенило. Да ведь это же Мишелла! Она, несомненно, решила, что Элрик погиб, и попыталась противостоять Телебу К'аарне, но, конечно же, потерпела поражение.

Гнев закипел в альбиносе. Вся его ненависть к колдуну загорелась в нем с новой силой, и рука его ухватилась за эфес меча. Но потом он снова взглянул на уязвимые стены Танелорна, на своих храбрых товарищей наверху, и понял, что первым делом обязан помочь им.

Но как ему попасть на стену — ведь Телеб К'аарна увидит его и уничтожит, прежде чем он успеет доставить бронзовые знамена своим друзьям. Он приготовился дать шпоры своей кобыле и прорваться к городу, надеясь, что ему повезет. Над его головой снова мелькнула тень, и он увидел, что металлическая птица опустилась совсем низко, а в ее изумрудных глазах застыла боль. Он услышал ее голос:

— Принц Элрик, мы должны спасти ее.

Птица села на песок. Элрик покачал головой и сказал:

— Сначала я должен спасти Танелорн.

— Я помогу тебе,— сказала птица из золота, серебра и меди.— Забирайся в мое седло.

Элрик бросил взгляд на монстров вдалеке. Их внимание было целиком поглощено городом, который они намеревались уничтожить. Он соскочил с лошади и тут же запрыгнул в ониксовое седло на спине птицы. Взмах крыльев — и птица, взмыв в воздух, направилась к Танелорну.

Когда они приблизились к городу, вокруг них зашипели огненные стрелы, но птица, умело маневрируя, смогла их избежать. Они стали спускаться к благородному городу, и вскоре птица села на стену.

— Элрик! — По стене к Элрику бежал Мунглам.— Нам сказали, что ты мертв!

— Кто сказал?

— Мишелла и Телеб К'аарна, когда он требовал, чтобы мы сдались.

— Они только так думали,— сказал Элрик, разделяя палки, на которые были намотаны тонкие бронзовые листы.— Берите эти штуки. Мне сказали, что они способны защитить от рептилий Пио. Разверните их вдоль стены. Привет, Ракхир.— Он протянул одно из знамен изумленному лучнику.

— Ты не останешься, чтобы сражаться с нами? — спросил Ракхир.

Элрик посмотрел на двенадцать тонких стрел у себя в руке. Каждая была вырезана из многоцветного кварца с таким искусством, что даже оперение казалось настоящим.

— Нет,— сказал он.— Я должен спасти Мишеллу из рук Телеба К'аарны. И потом, лучше я воспользуюсь этими стрелами с воздуха.

— Мишелла обезумела, когда узнала, что ты умер,— сказал ему Ракхир.— Она попыталась использовать разные заклинания против Телеба К'аарны, но он сумел противостоять им. И тогда она бросилась на него прямо из седла этой птицы — бросилась, вооруженная одним только ножом. Но он оказался сильнее и теперь грозится покончить с ней, если мы не позволим убить себя без всякого сопротивления. Я уверен, что он так или иначе убьет Мишеллу. Я не представляю, что делать...

— Надеюсь, я представляю,— сказал Элрик, погладив металлическую шею птицы.— Полетели, мой друг. И помни, Ракхир,— знамена должны быть развернуты вдоль стен, как только я наберу достаточную высоту.

Красный лучник кивнул, хотя выражение у него на лице было при этом недоуменным. А Элрик снова поднялся в воздух, сжимая в левой руке кварцевые стрелы.

Он услыхал смех Телеба К'аарны внизу. Он увидел, как чудовищные рептилии неумолимо надвигаются на город. Внезапно ворота в городской стене открылись, и из них появилась группа всадников. Они, судя по всему, решили пожертвовать собой, чтобы попытаться спасти Танелорн, а Ракхир не успел им сообщить о появлении Элрика.

Всадники, размахивая мечами и копьями, галопом поскакали на чудовищных рептилий Пио. Их крики достигали ушей Элрика высоко в небесах. Монстры зарычали и разинули огромные пасти, их погонщики подняли свои хитроумные орудия и нацелили на защитников Танелорна. Из раструбов вырвалось пламя, всадники пронзительно закричали, и огонь поглотил их.

Элрик, объятый ужасом, направил металлическую птицу вниз. И тут Телеб К'аарна увидел его и дал шпоры своему коню. Его глаза расширились от гнева и страха.

— Ты мертв! Ты мертв!

Огромные крылья били воздух — птица повисла над головой Телеба К'аарны.

— Я жив, Телеб К'аарна, и я пришел, чтобы наконец-то уничтожить тебя! Отдай мне Мишеллу!

На лице колдуна появилось коварное выражение.

— Нет! Уничтожь меня — и она тоже погибнет. Создания Пио, обрушьтесь всей силой на Танелорн! Сметите его с лица земли и покажите этому глупцу, на что мы способны!

Каждый из погонщиков рептилий направил свое странное орудие на Танелорн, на стене которого ждали Ракхир, Мунглам и остальные защитники города.

— Нет! — закричал Элрик.— Ты не посмеешь...

На стене что-то засверкало. Защитники разворачивали бронзовые знамена, и каждое, развернувшись, начинало испускать чистое золотое сияние, и наконец образовалась огромная стена света, протянувшаяся вдоль всей черты города. Из-за этого света были не видны ни знамена, ни люди, их державшие. Исчадия Пио нацелили свои орудия и выпустили огненные струи, но световая стена тут же отразила их.

Лицо Телеба К'аарны от гнева стало багровым.

— Это что такое? Ни одно земное колдовство не может выстоять против мощи Пио!

Элрик улыбнулся безумной улыбкой.

— Это не наше колдовство — оно из другого мира, и оно *может* противостоять Пио! А теперь, Телеб К'аарна, отпусти Мишеллу!

— Нет. Если Танелорн и защищен, то ты — нет. Создания Пио, уничтожьте его!

Когда Элрик увидел, что огненные орудия нацеливаются на него, он метнул первую из кварцевых стрел. Она полетела прямо в лицо погонщику первой рептилии. Из горла погонщика вырвался высокий визг, он поднял свои перепончатые лапы к стреле, вонзившейся ему в глаз. Тварь, на которой сидел погонщик, поднялась на дыбы — стало понятно, что она почти перестала повиноваться наезднику. Она отвернулась от ослепляющего света, от Танелорна и, сотрясая землю, поскакала в пустыню, а мертвый наездник свалился с ее спины. Огненная струя прошла рядом с Элриком, и он был вынужден поднять птицу повыше. Он метнул еще одну стрелу и увидел, как она поразила погонщика прямо в сердце. И эта рептилия тоже, потеряв наездника, последовала в пустыню за предыдущей. Но оставалось еще десять всадников, и все они обратили свое оружие против Элрика. Однако вести прицельный огонь им было затруднительно, поскольку монстры под ними стали проявлять беспокойство, они явно желали последовать в пустыню за двумя первыми рептилиями. Элрик предоставил металлической птице самой маневрировать между лучами огня, затем метнул еще одну стрелу, а за ней еще. Его волосы и одежда были опалены, и он вспомнил, как на этой же птице летел над Кипящим морем. Часть нижнего оперения на правом крыле птицы расплавилась, и ее полет стал неустойчивым. Но она продолжала то набирать высоту, то пикировать, а Элрик продолжал метать кварцевые стрелы в ряды созданий Пио. Наконец остались только две твари, которые предпочли обратиться в бегство, потому что там, где прежде стоял Телеб К'аарна, возникло облако неприятного синего дыма. Элрик метнул две оставшиеся стрелы в рептилий Пио и поразил погонщиков в спины. Теперь на песке остались только мертвые тела.

Синий дым рассеялся, и Элрик увидел лошадь Телеба К'аарны. И он увидел еще одно тело. Это было тело Мишеллы, Императрицы Рассвета. У нее было перерезано горло. Телеб К'аарна исчез, явно прибегнув к колдовству.

Опечаленный Элрик спустился на металлической птице. Сияние на стенах Танелорна погасло. Элрик спрыгнул на землю и увидел, что из изумрудных глаз птицы текут темные слезы. Он встал на колени подле Мишеллы.

Обычный смертный не смог бы этого сделать, но она открыла губы и заговорила, хотя кровь текла из ее рта, а слова, что она произносила, было трудно разобрать.

— Элрик...

— Ты выживешь? — спросил ее Элрик.— У тебя остались силы, чтобы...

— Я не выживу. Я убита. Я мертва уже сейчас. Но тебя немного утешит, если я тебе скажу, что Телеб К'аарна вызвал недовольство великих Владык Хаоса. Они больше никогда не будут помогать ему, как помогали в этот раз. В их глазах он показал свою несостоятельность.

— Куда он исчез? Я отправлюсь за ним в погоню. В следующий раз я его прикончу, клянусь!

— Я тоже так думаю. Но я не знаю, куда он направился. Элрик, я мертва, и дело моей жизни под угрозой. Я много веков сражалась с Хаосом, но сейчас, думаю, Хаос будет наращивать свои силы. Скоро произойдет великое сражение между Владыками Закона и Владыками Энтропии. Нити судьбы перепутались между собой... сама структура мультивселенной, кажется, созрела для изменений. Ты сыграешь в этом свою роль... свою роль... Прощай, Элрик!

— Мишелла!

— Она умерла? — раздался печальный голос металлической птицы.

— Да.— Элрик с трудом выдавил из себя это слово.

— Тогда я должна отнести ее назад в Канелун.

Элрик осторожно поднял окровавленное тело Мишеллы, поддерживая рукой голову, почти отделенную от тела. Он положил мертвую волшебницу на ониксовое седло.

Птица сказала:

— Больше мы не увидим друг друга, принц Элрик, потому что моя смерть последует вскоре за смертью моей хозяйки Мишеллы.

Элрик опустил голову.

Птица расправила свои сияющие крылья, раздались звуки, напоминающие удары цимбал, и птица поднялась в воздух.

Элрик смотрел, как это прекрасное существо сделало круг по небу, потом повернулось и полетело на юг к Краю Мира.

Элрик спрятал лицо в ладони, но слез у него не было. Неужели судьбой всех женщин, которых он имел несчастье полюбить, становится смерть? Осталась бы Мишелла жить, если бы позволила ему умереть, как он того хотел? В нем не было гнева, только отчаяние бессилия.

Он почувствовал чью-то руку на своем плече и повернулся. У него за спиной стоял Мунглам, а рядом с ним — Ракхир. Они выехали за стены Танелорна, чтобы найти Элрика.

— Знамена исчезли,— сказал ему Ракхир.— И стрелы тоже. Остались только тела этих существ. Мы их закопаем. Ты вернешься с нами в Танелорн?

— Танелорн не принесет мне покоя, Ракхир.

— Пожалуй, ты прав. Но у меня дома есть снадобье, которое притупит некоторые из твоих воспоминаний, поможет тебе забыть часть того, что ты пережил за последнее время.

— Я буду тебе благодарен за него, хотя и сомневаюсь...

— Оно подействует. Я тебе обещаю. Кто-нибудь другой, отведав его, забыл бы все, но ты можешь надеяться лишь на то, чтобы забыть хотя бы немногое.

Элрик вспомнил о Коруме, Эрекозе и Джери-а-Конелле, об их общей судьбе и подумал, что даже если и умрет, то родится в новой инкарнации, чтобы снова сражаться и страдать. Вечность борьбы и боли. Если бы он смог забыть это знание, то и этого было бы достаточно. У него возникло желание как можно скорее оставить Танелорн, уехать как можно дальше от него и посвятить себя каким-нибудь мелочным человеческим заботам.

— Я так устал от богов и их борьбы,— пробормотал он, садясь на золотистую кобылу.

Мунглам устремил взгляд в бесконечную пустыню.

— Интересно, устанут ли когда-нибудь боги от своей борьбы? — сказал он.— Если это произойдет, то вот будет счастливый день для человека. Возможно, все наши сражения, все наши страдания и неурядицы — всего лишь способ избавления от скуки Владык Высших Миров. Может быть, именно поэтому они создали нас несовершенными.

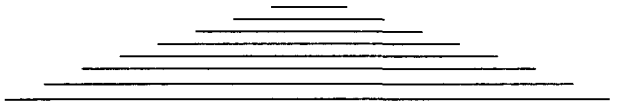
Они направились в сторону Танелорна, а ветер печально застонал в песках пустыни. Песок уже начал засыпать тела тех, кто хотел развязать войну против вечности и неизбежно открыл для себя иную вечность, которая зовется смертью.

Некоторое время Элрик скакал бок о бок с остальными. С его губ готово было сорваться имя, но так и осталось непроизнесенным.

И вдруг он, вытащив из ножен рунный меч, пустил кобылу галопом к Танелорну. Меч затянул свою песню, а Элрик угрожающе размахивал им, обращаясь к безразличным небесам. Кобыла встала на дыбы, колотя копытами воздух, а Элрик кричал и кричал голосом, полным отчаяния и гнева:

— Будьте вы прокляты! Прокляты! Прокляты!

Но те, кто его слышал,— а возможно, среди них были и боги, к которым он обращался,— знали, что на самом-то деле проклят именно он, Элрик из Мелнибонэ.



Месть Розы

Посвящается Кристоферу Ли —
Ариох тебя забери!

Джонни и Эдгару Уинтерам —
танцуйте свой рок

Энтони Скину — с благодарностью

...Недолго Элрик наслаждался покоем Танелорна. Вскоре он вновь был вынужден двинуться в путь. На сей раз — на восток, в землю, известную как Валедерианские Директораты, где, как ему говорили, находится некий шар, способный показывать будущее. С помощью этого шара он надеялся узнать собственную судьбу. Но в пути альбиноса схватили дикари хаган'иины и подвергли пыткам. Бежав из плена, Элрик примкнул к анакхазанской знати и сражался с ними против варваров...

Хроника Черного Меча

Часть первая

О СУДЬБАХ ИМПЕРИЙ

Что? Нашему народу срок отмерен, жребий уготован?
Мой друг, ты чересчур жесток к дню этому.
День нынче — новый.
Ты в нас увидел самомненье эгоизма? Беспомощную спесь?
Но ты не прав: смех над собой и мудрость долгой жизни —
Вот все, что встретишь здесь!

Уэлдрейк. «Византийские беседы»

Глава первая

О ЛЮБВИ, СМЕРТИ, СРАЖЕНИИ И ИЗГНАНИИ; ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО НАСТИГАЮТ БЕЛОГО ВОЛКА, И ОН НЕ ТАК УЖ ЭТИМ И ОГОРЧЕН

Оставив позади мирный Танелорн, из Бас'лка, Ниш-вальни-Осса и Валедерии, спешит на восток мелнибонийский Белый Волк, ужасен его кровожадный и жуткий вой, спешит он туда, где можно будет еще раз вкусить сладость крови...

...Кончено.

Принц-альбинос сгорбился в седле, словно неутоленная жажда битвы душит его, словно он стыдится видеть кровавые последствия жуткой бойни.

Никто из всей огромной хаган'иинской орды не прожил и часа после того, как они заранее отпраздновали победу, в которой были абсолютно уверены. Да и как они могли сомневаться в победе, когда армия принца Элрика была много меньше их воинства?

Мелнибониец больше не держит на них зла, но и сочувствия к ним у него нет. Уж слишком были кичливы эти дикари, а потому не захотели видеть всей колдовской силы Элрика. Им не хватило воображения. А ведь он предупреждал... но они лишь хохотали в ответ, насмехаясь над физической немощью своего пленника. Такие жестокие, тупые твари заслуживали лишь отстраненной жалости, какую вызывают все несчастные души.

Белый Волк потягивается, разминает затекшие бледные руки. Поправляет черный шлем. Вкладывает насытившийся адский клинок в обитые бархатом ножны. Меч довольно мурлычет. Альбинос оборачивается на шум за спиной. Усталый взгляд малиновых глаз упирается в лицо всадницы, остановившейся рядом с ним. И женщина, и ее скакун наделены необычной дикой статью, оба возбуждены нежданной победой, оба прекрасны.

Альбинос целует ей руку.

— Мы победили, графиня.

Улыбка его внушает женщине страх и вместе с тем восхищение.

— Ты прав, принц Элрик! — Она натягивает перчатку и усмиряет заплясавшего жеребца.— Если бы не твоя магия и не отвага моих воинов, мы бы все стали сегодня поживой Хаосу. Воистину, мы бы тогда мечтали о смерти!

Он со вздохом кивает.

— Больше орда не будет разорять чужие земли,— довольным голосом говорит она.— А их жены в домах-деревьях — вынашивать жаждущих крови чудовищ.— Она поправляет тяжелый плащ и откидывает за спину щит. Вечернее солнце играет в ее волосах, волнами струящихся по плечам; она смеется, но синие глаза полны слез, ибо еще утром она уповала лишь на скорую смерть.— Мы в долгу перед тобой. В неоплатном долгу. По всему Анакхазану тебя прославят как героя.

В улыбке Элрика нет и тени благодарности.

— Мы действовали каждый в своих интересах, моя госпожа. Я всего лишь должен был отплатить своим тюремщикам.

— Существуют и другие способы отдавать долги, мой господин. И все же, повторяю, мы многим обязаны тебе.

— Не за что меня благодарить. Мною двигала отнюдь не бескорыстная любовь к человечеству,— возражает он.— Это несвойственно моей натуре.

Он смотрит в сторону горизонта, куда закатывается солнце. Небеса рассечены багровым рубцом.

— Я думаю иначе,— говорит она тихо, потому что на поле опустилась тишина.

Легкий ветерок треплет потускневшие волосы, шевелит залитые кровью одежды. На поле битвы остались дорогое оружие и драгоценности, в особенности там, где хаган'иинская знать пыталась пробиться из окружения, но ни один из наемников или свободных анакхазанцев графини Гайи не тронул этой добычи. Усталые воины стараются как можно быстрее оставить место сражения. Их командиры ни о чем не спрашивают у них и не пытаются их остановить.

— И все же мне кажется, что ты служишь каким-то принципам или правому делу.

Он встряхивает головой, его поза в седле выражает нетерпение.

— У меня нет ни хозяина, ни нравственных убеждений. Я — сам за себя. То, что ты, госпожа, со всем своим пылом спешишь принять за верность какому-то человеку или какой-то цели, есть по сути своей лишь твердая и — пусть так! — *принципиальная* решимость держать ответ только за себя самого и за свои действия.

Она смотрит на него по-детски недоуменно, потом отворачивается, и на губах ее расцветает по-женски понимающая улыбка.

— Дождя сегодня не будет.— Она поднимает темную золотистую руку к вечереющим небесам.— Скоро здесь будет невозможно находиться — столько трупов... Лучше поспешим прочь, пока не налетели мухи.

Заслышав хлопанье крыльев, оба оборачиваются. Это вороны спешат на кровавый пир, присаживаются среди бесформенных останков, расклевывают полные смертной муки глаза, искаженные в последнем крике рты... Умирая, они молили о пощаде, в которой им было со смехом отказано,— Герцог Ада Ариох, покровитель Элрика, помогал своему любимому сыну.

Элрик оставил своего друга Мунглама в Танелорне и отправился на поиски страны, хоть немного похожей на его родные края, где он мог бы обосноваться — но ни одна земля, населенная людьми, даже сравниться не могла с Мелнибонэ.

Он уже давно понял, что потеря невосполнима, и, лишившись женщины, которую он любил, родины, которую он предал, и той единственной разновидности чести, что была известна ему, он утратил и часть себя самого, утратил ощущение цели и смысла пребывания на земле.

По иронии судьбы именно эти потери, именно эти душевные муки отличали его от прочих мелнибонийцев — жестоких существ, которые жаждали власти ради самой власти, а потому расстались с теми немногочисленными достоинствами, которые были присущи им прежде, желая получить взамен возможность управлять не только физическим, но и сверхъестественным миром. Они могли бы стать владыками мультивселенной, если бы только знали, как этого достичь; но все же они не были богами. На это некоторые могли бы возразить, что уж, по крайней мере, одного полубога они все же породили. Стремление к владычеству привело их к упадку и разорению, как это случалось и со всеми прочими империями, которые стремились к богатству или завоеваниям или были одержимы другими устремлениями, насытить которые невозможно, но подкармливать необходимо.

Однако и по сей день Мелнибонэ могло бы существовать, пусть одряхлевшее и слабое, если бы собственный владыка не предал его.

И сколько бы Элрик ни твердил себе, что Сияющая империя была обречена и без него, в глубине души он знал, что лишь его неуемная жажда мести и любовь к Симорил низвергли башни Иррира и сделали мелнибонийцев бродягами в мире, которым они правили прежде.

Это часть его горького бремени — знать, что Мелнибонэ пало жертвой не принципов, но слепой страсти...

Элрик намеревался проститься со своей временной союзницей, но что-то в ее озорных глазах привлекло его, и, когда она попросила проводить ее до лагеря, он согласился; после чего графиня предложила отведать вина у нее в шатре.

— Хотелось бы еще пофилософствовать,— сказала она.— Мне так недостает умного собеседника.

И он провел с ней эту ночь и еще много ночей. От тех дней ему осталась память о беспричинной радости и красоте зеленых холмов, поросших кипарисами и тополями, во владениях Гайи, в Западной провинции Анакхазана.

Однако когда оба они отдохнули и стали искать способа удовлетворить свои духовные устремления, стало очевидно, что потребности Элрика и графини различны, и потому он распрощался с ней и ее друзьями и отправился в путь на прекрасном коне, ведя на привязи еще двух вьючных лошадей. Он держал путь в Элвер и дальше — на Неведомый Восток, в неисследованные земли, надеясь обрести душевный покой в том краю, что не напоминал бы ему о безвозвратно утраченном прошлом.

Он тосковал по башням, изысканным творениям из камня, упиравшимся, точно острые пальцы, в пылающее небо Имррира; он скучал по живости ума и небрежной, веселой свирепости соплеменников, их понятливости и непроизвольной жестокости, которые казались ему вполне нормальными в те времена, когда он еще не стал человеком.

Он тосковал, хотя его дух и взбунтовался и поставил под сомнение право Сияющей империи править этими полудикарями, человеческими существами, которые, словно саранча, расселились повсюду на Севере и Западе, на землях, именуемых ныне Молодыми королевствами, и даже со своим жалким колдовством и жалким воинством осмелились бросить вызов императорам-чародеям, чьим последним потомком он был.

Он тосковал, хотя и ненавидел надменность и гордыню своего народа, его готовность прибегнуть к самым невероятным жестокостям ради власти над миром.

Он тосковал, хотя его и сжигал стыд — чувство, неведомое его расе... Душа его тосковала по дому и всему тому, что он так любил или, вернее, ненавидел — ибо в этом Элрик был похож на людей, среди которых жил в настоящее время: он скорее готов был держаться за привычное и знакомое, хоть оно и тяготило его, нежели принять нечто новое, пусть даже обещавшее свободу от наследства, которое сковывало его по рукам и ногам и в конечном счете должно было уничтожить.

Тоска эта усиливалась в его душе, питаемая одиночеством, и альбинос поспешил оставить позади Гайи, истаявшее воспоминание, и отправился в направлении неизвестного Элвера, на родину своего друга, где доселе ему еще не довелось побывать.

Вдали виднелись холмы, именуемые в этих краях Зубами Шенкха, местного демона-бога, и Элрик по караванному пути направился к нескольким домишкам, окруженным стеной из бревен и глины; место это называлось великий город Туму-Каг-Санапет Нерушимого Храма, столица Беззакония и Несчитанных богатств,— именно так его назвали Элрику. Вдруг мелнибониец услышал за спиной протестующий возглас и, обернувшись, с удивлением увидел, как с ближайшего холма кто-то летит вверх тормашками, а впереди из невесть откуда взявшейся грозовой тучи несутся серебряные стрелы молний. Лошади альбиноса заржали и в страхе попятились. Золотисто-алое сияние разлилось по небосводу, словно наступил рассвет,— но тут же померкло; взвихрились синие и бурые смерчи, стаей спугнутых птиц разлетевшиеся по сторонам... а затем и они исчезли, оставив лишь пару облачков в уныло обыденном небе.

Решив, что явление это достаточно необычно и заслуживает большего, чем обычное его рассеянное внимание, Элрик подъехал к невысокому рыжеволосому человечку, с трудом выбиравшемуся из канавы на краю серебристо-зеленого поля. С опаской посмотрев на небо, незнакомец попытался запахнуться в потрепанный плащ. Плащ, однако, не сходился на нем, но не потому, что был мал,— все карманы его, наружные и внутренние, были битком набиты книгами. На человеке были серые клетчатые штаны и высокие черные ботинки на шнурках; когда он согнул ногу, чтобы рассмотреть прореху на колене, оказалось, что у него носки ярко-красного цвета. Лицо с жидкой бородкой было бледным и веснушчатым, но

на нем горели голубые глаза, внимательные и по-птичьи настороженные. Похожий на клюв нос придавал ему сходство с огромным и необыкновенно серьезным зябликом. При виде Элрика он поспешил отряхнуться и с беззаботным видом двинулся к альбиносу.

— Как ты полагаешь, господин, соберется ли дождь? Я вроде как только что слышал удар грома. Меня даже с ног сбило.— Незнакомец немного помолчал, оглядываясь в недоумении.— Кажется, я держал в руке кружку эля.— Он почесал взъерошенную голову.— Ну да, сидел себе на скамейке у «Зеленого друга» и пил эль... А глядя на тебя, сэр, я бы не сказал, что ты свой в Патни.— Человек опустился на поросшую травой кочку.— Боже правый! Похоже, я опять переместился! — Он взглянул на Элрика и, похоже, узнал его.— По-моему, сэр, мы где-то встречались. Или ты просто был темой моих стихов?

— Боюсь, я не совсем тебя понимаю,— отозвался альбинос, спешившись. Чем-то этот странный, похожий на птицу человечек привлекал его.— Меня зовут Элрик из Мелнибонэ, и я просто скиталец.

— Мое имя Уэлдрейк, сэр. Эрнест Уэлдрейк. Я тоже немало попутешествовал, хотя и не по своей воле: покинул Альбион, прибыл в викторианскую Англию, где ухитрился даже прославиться, затем оказался в елизаветинской эпохе. Понемногу начинаю привыкать к этим внезапным перемещениям. Но кто же ты такой, господин Элрик, если не из театрального мира?

Едва понимая половину из того, что наговорил незнакомец, альбинос тряхнул головой.

— Я вот уже некоторое время как наемник. А чем занимаешься ты?

— Я — поэт! — Уэлдрейк напыжился, принялся рыться по карманам в поисках какого-то тома, а не найдя, развел руками, словно показывая, что не нуждается в верительных грамотах, и сложил на груди тощие руки.— Я был поэтом и воспевал и двор, и сточные канавы, это известно всем. И до сих пор жил бы при дворе, когда бы доктор Ди не возжелал продемонстрировать мне наше греческое прошлое. Что, как я потом узнал, было невозможно.

— Так ты даже не представляешь, каким образом оказался здесь?

— Весьма смутно, сэр. Ага, я тебя вспомнил.— Он щелкнул длинными пальцами.— Ну конечно — я про тебя писал!..

Элрик потерял интерес к этому разговору.

— Я направляюсь вон в тот городишко. Если желаешь, идем со мной, я почту за честь предоставить тебе одну из моих вьючных лошадей. Если же у тебя нет денег, буду рад заплатить за твой ужин и ночлег.

— Весьма признателен, сэр. Благодарю.— И поэт поспешил забраться на коня. Он устроился среди мешков с припасами, взятыми Элриком, который не знал, сколько времени проведет в пути.— Я боялся, что пойдет дождь,— в последнее время меня мучают простуды...

Элрик продолжил путь по узкой извилистой дороге к разбитым улицам и грязным стенам Туму-Каг-Санапета Нерушимого Храма, а Уэлдрейк высоким, но удивительно красивым, похожим на птичью трель голосом принялся декламировать стихи, как видно, собственного сочинения:

> Ярость сердце его охватила, и он, меч сжимая,
> недвижен.
> И честь в нем противится мести, жестокости, хладу.
> Древняя ночь и Новое Время сражаются в нем:
> вся древняя сила, вся новая.
> Но все ж не кончается бойня...

Там еще много чего, мой господин. Он думает, будто победил себя самого и свой меч. Он кричит: «Взгляните, Владыки! Своей воле подчинил я этот адский клинок, он больше не послужит Хаосу! Истинная цель восторжествует, и Справедливость воцарится в Гармонии с Любовью в этом самом совершенном из миров». На этом заканчивалась моя драма, сэр. Скажи, это похоже на твою историю? Хотя бы немного?

— Ну разве что немного. Надеюсь, скоро ты сможешь вернуться в тот мир демонов, откуда явился.

— Ты оскорблен, мой господин. Но в моих стихах я изобразил тебя героем! Уверяю тебя, мне эту историю рассказала одна дама, достойная всяческого доверия. К сожалению, назвать ее имя я не могу из рыцарских соображений. Ах, сэр! Сэр!

Что за восхитительный миг, когда метафоры вдруг обретают плоть и обыденная жизнь сливается с мифом и фантазией...

Едва слушая болтовню этого странного человечка, Элрик продолжал путь.

— Сэр, что за странная вмятина там, на поле! — воскликнул внезапно Уэлдрейк, обрывая на полуслове свою мысль.— Видишь? Такое впечатление, что колосья втоптало в землю какое-то огромное животное. Интересно, часто ли подобное встречается в этих местах?

Взглянув в ту сторону, Элрик также исполнился недоумения. Трава была сильно примята, и, судя по всему, причиной тому был не человек. Нахмурившись, он натянул поводья.

— Я тоже здесь впервые. Возможно, тут происходят какие-то обряды, потому колосья и притоптаны...

Но внезапно послышался какой-то храп, от которого у них заложило уши. Земля под их ногами содрогнулась. Казалось, само поле вдруг обрело голос.

— Тебе это не кажется странным, мой господин? — Уэлдрейк потер пальцами подбородок.— По-моему, все это весьма удивительно.

Рука Элрика непроизвольно потянулась к мечу. Он вдруг ощутил резкий запах, показавшийся ему смутно знакомым.

Затем раздался оглушительный треск, словно вдалеке прогремел гром, а за ним послышался вздох, который, вероятно, был слышен даже в городе. И тут Элрик внезапно понял, каким образом Уэлдрейк оказался в этом мире. Альбинос понял это, увидев существо, появление которого и сопровождалось серебряными молниями, невольно затянувшими за собой Уэлдрейка. Он стал свидетелем некоего сверхъестественного явления — прорыва через измерения.

Лошади заплясали и принялись испуганно ржать. Кобыла под Уэлдрейком встала на дыбы, отчего рыжеволосый человечек опять полетел кувырком на землю. А среди поля незрелой пшеницы, словно некое разумное воплощение самой земли, раскидывая в стороны почву и камни, маковые соцветия и вообще половину поля и всего, что было на нем, возникал, поднимаясь все выше и выше, гигантский дракон, стряхивавший с себя все, из-под чего появился. Это была огромная рептилия с узкой мордой, отливающей алым и зеленым. Ядовитая слюна, капая на землю с бритвенно-острых зубов, выжигала ее, из раздувающихся ноздрей вырывался дым. Длинный чешуйчатый хвост лупил по земле, уничтожая остатки пшеницы, на которой зиждилось благополучие города. Вновь раздался звук, похожий на удар грома,— и кожистое крыло развернулось в воздухе, а затем опустилось с шумом, который был переносим не более, чем сопровождающее эти движения зловоние. Поднялось второе крыло — и тоже опустилось. Казалось, дракона кто-то выталкивает из огромного земляного чрева — выталкивает через все измерения, сквозь стены физические и сверхъестественные. Дракон изо всех сил рвался на свободу. Подняв до странности изящную голову, тварь вновь испустила вопль, а затем — тяжело вздохнула. Ее узкие когти, острее и длиннее любого меча, засверкали в лучах заходящего солнца.

Кое-как поднявшись на ноги, Уэлдрейк бросился в сторону города, и Элрику ничего другого не оставалось, как отпустить своих вьючных лошадей следом за ним. Альбинос остался один на один с чудовищем, не испытывая ни малейших сомнений, на ком эта тварь собирается выместить свое дурное настроение. Гибкое тело изогнулось с чудовищной грацией, и огромные глаза уставились на Элрика. Внезапное движение — и мелнибониец полетел на землю, а его обезглавленная лошадь рухнула рядом, обливаясь кровью. Альбинос мгновенно вскочил, Буревестник зашептал, забормотал в его руке и окутался черным мерцанием. Дракон чуть попятился, не сводя с него глаз, в которых теперь появилось настороженное выражение. Лошадиная голова хрустнула в огромных зубах, и тварь сглотнула. У Элрика не оставалось выбора. Он бросился на своего огромного врага. Чудовищные глаза пытались уследить за бегущим среди колосьев пшеницы человеком, из пасти стекали струйки яда, выжигая и убивая все, на что они попадали. Но Элрик вырос среди драконов и знал не только их силу, но и слабые стороны. Если ему удастся подобраться вплотную, он сумеет отыскать уязвимые места и хотя бы ранить рептилию. Это был его единственный шанс.

Чудовище повернуло голову, потеряв его из виду. Клыки его клацали, из горла и ноздрей вырывалось горячее дыхание.

Элрик незаметно подскочил и рубанул по шее, в том единственном месте приблизительно посредине ее длины, где чешуя, по крайней мере у мелнибонийских драконов, была мягче всего. Но дракон, словно предвидя удар, отпрянул, взрывая поле когтями, словно чудовищной косой, и Элрик отлетел назад, сбитый огромным комком земли.

На миг рептилия как-то по-особому повернула голову, свет упал на ее кожистые веки, и сердце альбиноса дрогнуло во внезапной надежде.

Смутные видения прошлого проносились перед его мысленным взором, но пока еще никак не оформились. С языка Элрика вот-вот готовы были слететь слова на высоком мелнибонийском слоге, и слова эти были: «кровный друг». Он начал проговаривать древние слова, которыми призывали драконов, воспроизводить ритмы, мелодии, на которые эти животные отзывались, если у них было на то желание.

В памяти его зазвучала мелодия, образ речи, затем вновь всплыло слово. Этот звук был подобен ветру в ветвях ивы, журчанию ручья среди камней.

Имя.

Заслышав его, дракон с шумом захлопнул челюсти и повел головой в поисках источника голоса. Встопорщенные иглы на шее и хвосте опустились, и по краям пасти перестал кипеть яд.

Элрик осторожно поднялся на ноги, стряхивая с себя комья влажной земли. Буревестник в его руке, как всегда, был готов к действию. Альбинос сделал шаг назад.

— Госпожа Шрамоликая! Я твой родич, я — Котенок. Твой хранитель и проводник, госпожа Шрамоликая, узнай меня!

Золотисто-зеленая морда с длинным, давно зажившим шрамом под нижней челюстью вопросительно зашипела.

Вложив в ножны недовольно ворчащий меч, альбинос принялся исполнять сложные приветственные жесты родства, которым в свое время обучил отец наследника — будущего верховного Владыку Драконов Имррира, императора драконов всего мира.

Драконица как будто нахмурилась, тяжелые кожистые веки опустились, прикрыв холодные глаза — глаза зверя, более

древнего, чем любое смертное существо, и, возможно, более древнего, чем сами боги...

Огромные ноздри, в которых легко поместился бы Элрик, дрогнули, затрепетали, принюхиваясь; мелькнул язык — огромный, влажный и кожистый, длинный и раздвоенный на конце. Он чуть не коснулся лица Элрика, затем лизнул его тело, а потом зверь отвел назад голову, и глаза уставились на альбиноса в яростном недоумении. На какое-то время чудовище успокоилось.

Элрик, вошедший в состояние транса, потому что старые заклинания потоком хлынули в его мозг, стоял, раскачиваясь, перед драконицей. Вскоре и ее голова закачалась его движениям в такт.

И внезапно дракон с утробным урчанием изогнулся и вытянулся на земле, среди вытоптанных колосьев. Глаза следили за Элриком, который приблизился, затянув приветственную песнь — ту, самую первую, которой его обучил отец, когда наследнику исполнилось одиннадцать лет и он впервые отправился в Драконьи пещеры, где спали гигантские рептилии. За каждый день бодрствования дракон должен был отсыпаться не менее века, дабы восполнить запасы горючей слюны, способной сжигать целые города.

Каким образом могла пробудиться эта драконица и как она попала сюда, оставалось загадкой. Должно быть, здесь не обошлось без колдовства. Но были ли какие-то причины для ее появления, или же, как и Уэлдрейк, она появилась здесь совершенно случайно?

Впрочем, сейчас Элрику было не до этих размышлений — короткими ритуальными шажками он приблизился к тому месту на теле дракона, где крыло соединялось с плечом. Там, на загривке рептилии, обычно помещалось седло, но Элрик в юности летал на драконах без всякой экипировки и без седла, единственно пользуясь своим умением и доброй волей дракона.

Долгие годы и впечатляющие сочетания событий привели его к этому моменту, когда менялся весь мир, когда он не доверял даже собственным воспоминаниям... Дракон теперь по-

чти звал его, отвечал довольным урчанием, ждал его следующей команды, словно мать, мирящаяся с забавами сына.

— Шрамоликая, сестра, Шрамоликая, мой родич, твоя кровь течет в наших жилах, и наша в твоих, мы едины, мы одно, дракон и всадник, у нас одно стремление, одна мечта. Сестра драконов, мать драконов, гордость драконов, честь драконов...

Слова высокого слога катились, звенели и щелкали у него на устах, слетая с языка без усилий, без малейших колебаний, почти бессознательно, ибо кровь узнавала кровь, и все остальное было естественно. Естественно вскарабкаться на загривок дракону и запеть древние радостные песни-команды, сложные драконьи баллады его далеких предков, которые умели сочетать высокое искусство и практические потребности. Элрик вспоминал все лучшее и благородное в своем народе и в себе, но и в этом торжестве он стыдился того, что они, его соплеменники, превратились в эгоистичных существ, для которых власть была только инструментом сохранения власти — а это, по его мнению, и было настоящим падением...

И вот гибкая шея рептилии постепенно поднимается, раскачиваясь, как кобра перед заклинателем змей, и ее морда задирается к солнцу. Длинный ее язык пробует воздух, а слюна ее теперь течет медленнее, выжигая почву под лапами. Она испускает тяжелый вздох, похожий на вздох удовлетворения, она шевелит одной задней лапой, потом другой, раскачиваясь и наклоняясь, как корабль в шторм. Элрик же цепляется за нее изо всех сил, тело его швыряет то в одну, то в другую сторону. Наконец Шрамоликая замирает, когти ее вцепляются в землю, она начинает распрямлять задние лапы. Драконица словно бы замирает на секунду. Потом она подбирает передние лапы под мягкую кожу подбрюшья и снова пробует воздух.

Задние ее лапы отталкиваются от земли. Массивные крылья с оглушающим звуком рассекают воздух. Драконица балансирует хвостом, чтобы выровнять положение своего огромного тела, она взлетела — и вот уже плывет в воздухе, набирая высоту, поднимается в синее совершенство предвечернего неба, оставив внизу облака, похожие на белые, тихие холмы и долины, где, может быть, находят покой безобидные мертвецы.

Элрику все равно, куда полетит дракон. Он просто счастлив лететь, как летал в юности, когда делил радость со своим крылатым товарищем, потому что союз предков Элрика и этих созданий был воистину обоюдоискренним, этот союз существовал всегда, а его корни находили объяснение только в неправдоподобных легендах. С помощью этого симбиоза, который поначалу был просто естественным и беззаботным, мелнибонийцы научились защищаться от потенциальных завоевателей, а позднее и сами стали завоевателями; с помощью этого союза они побеждали своих противников. Потом их обуяла жадность, союзники в одном только физическом мире перестали их устраивать, они стали искать союзников в сверхъестественных мирах и таким образом пришли к соглашению с Хаосом, с самим Герцогом Ариохом. И, опираясь на помощь Хаоса, они владычествовали над миром десять тысяч лет, постоянно изощряясь в своих жестокостях и ни на йоту не делаясь милосердней.

До этого, думает Элрик, мой народ никогда не помышлял о войне или власти. И он знает, что именно уважение, которое проявляли мелнибонийцы к любым формам жизни, и послужило основой союза между мелнибонийцами и драконами. И, лежа на этой естественной луке — выступе за холкой драконицы,— он плачет от счастья и удивления перед внезапно вновь обретенной чистотой, которую считал навсегда утраченной, как и все остальное, и это внезапное обретение вселяет в него на короткий миг веру в то, что и остальное, потерянное, тоже можно вернуть...

Он свободен! Летит! Он — часть невероятного существа, чьи крылья несут эту громадину так, словно она легче птичьего пуха, несут по этим темнеющим небесам, кожа ее испускает аромат, подобный аромату лаванды, а голова приняла положение, которое почти повторяет положение головы Элрика. Она делает повороты, ныряет вниз, набирает высоту, описывает круги, а Элрик без всякого напряжения сидит на ее спине и распевает дикие старинные песни своих предков — они странствовали между мирами, но обосновались в этом и, как говорят, встретили еще более древнюю расу. Впоследствии они

вытеснили этот древний народ, но кровь его с тех пор текла в жилах владык Мелнибонэ.

Вверх устремляется Шрамоликая, туда, где атмосфера разрежена настолько, что уже едва может удерживать ее вес, и Элрик начинает дрожать от холода, хотя и тепло одет. Он ловит ртом воздух, и драконица камнем устремляется вниз. Но затем внезапно останавливает падение, словно приземлившись на облако, потом меняет направление полета и оказывается между облаками, словно в освещенном лунном свете туннеле, по которому снова ныряет вниз. Следом бьет молния, слышится удар грома, и они опускаются в неестественный холод, и по всему телу Элрика бегут мурашки, мороз пробирает его до самых костей, но альбинос не боится, потому что не боится дракон.

Облака над ними исчезли. Синеватое бархатное небо становится еще мягче в желтоватом лунном свете, отбрасывающем их длинные тени на луга, над которыми они мчатся. Затем на горизонте возникает мерцание — это светится полночное море, а небо, словно бриллиантами, заполнено звездами,— и только теперь, когда Элрик узнает местность внизу, сердце его наполняется страхом.

Драконица принесла его назад — к руинам его снов, к его прошлому, его любви, его амбициям, его надежде.

Принесла его в Мелнибонэ.

Принесла его домой.

Глава вторая

О ПРОТИВОРЕЧИВЫХ РОДСТВЕННЫХ ЧУВСТВАХ И НЕЗВАНЫХ ПРИЗРАКАХ; О КРОВНЫХ СВЯЗЯХ И СУДЬБЕ

Теперь Элрик забыл о радости, которая только что переполняла его существо, и помнил только о боли. Он спрашивал себя, случайно ли это, или же драконица намеренно была послана, чтобы доставить его сюда? Неужели оставшиеся в живых соплеменники нашли средство пленить его, чтобы насладиться зрелищем медленной и мучительной смерти пре-

давшего их владыки? Или же это сами драконы потребовали его вернуть?

Скоро знакомые холмы внизу сменились долиной Имррира, и Элрик увидел впереди город — неровные очертания сгоревших и разрушенных зданий. Неужели это город, где он родился, Грезящий город, разрушенный им и его союзниками-пиратами?

Они подлетели еще ближе, и тогда Элрик понял, что он не узнаёт этих зданий. Поначалу он решил было, что огонь и сокрушительное сражение изменили их, но теперь он видел, что даже материал этих развалин ему незнаком. И он посмеялся над собой. Он изумлялся подспудному своему желанию, застившему ему зрение: он поверил, что драконица принесла его в Мелнибонэ.

А затем он узнал горы и лес, и линию берега за городом. Шрамоликая устремилась вниз, и Элрик, увидев впереди полмили знакомых поросших травой холмов, уже был твердо уверен, что перед ним не Имррир Прекрасный, величайший из всех городов, а город, который его соплеменники называли Х'хаи'шан, что на высоком мелнибонийском слоге означает Островной город. Это был город, в одночасье уничтоженный единственной гражданской войной, разразившейся в Мелнибонэ, когда властители королевства перессорились между собой: одни выступали за союз с Хаосом, тогда как другие предпочитали сохранить преданность Равновесию. Эта война продолжалась три дня, после чего над Мелнибонэ целый месяц висел густой маслянистый дым. Когда дым рассеялся, под ним обнаружились руины, но всех, кто рассчитывал в этот период слабости одержать над Мелнибонэ победу, ждало разочарование: союз с Ариохом был надежной защитой, и, если возникала потребность, Владыка Хаоса демонстрировал мощное разнообразие имевшихся в его распоряжении средств. По мере того как Мелнибонэ одерживал свои бесчестные победы, некоторые его жители лишили себя жизни, а иные бежали в другие миры. Остались самые жестокие — они-то и держали в своих властных руках империю, которая распространила свое влияние на весь мир.

Такой была одна из легенд его народа, почерпнутая, как утверждалось, из Книги Мертвых Богов.

Элрик понял, что Шрамоликая принесла его в далекое прошлое. Но как драконица могла так свободно перемещаться между сферами? И снова он спрашивал себя: зачем он оказался здесь?

В надежде, что Шрамоликая сама изберет какой-нибудь дальнейший образ действий, Элрик остался сидеть на спине монстра, однако вскоре стало понятно, что дракон не собирается никуда двигаться. Тогда Элрик неохотно спешился, пропев: «Буду тебе благодарен за помощь и в дальнейшем»,— и, поскольку ничего другого ему не оставалось, направился к руинам былой славы его народа.

«О, Х'хаи'шан, Островной город, если бы я смог оказаться здесь неделей раньше, чтобы предупредить тебя о последствиях твоего союза. Но это ни в коей мере не устроило бы моего покровителя Ариоха — он не терпит, когда кто-то нарушает его планы».

Элрик невесело улыбнулся при этой мысли, улыбнулся, подумав о собственном насущном желании: заставить прошлое изменить настоящее, чтобы бремя его вины не было так невыносимо тяжело.

«Может быть, вся наша история написана Ариохом».

Согласно сделке с Владыкой Хаоса, Элрик за помощь Ариоха расплачивался с ним кровью и душами: все, что забирал рунный меч, принадлежало Герцогу Ариоху — хотя в некоторых древних легендах говорилось, что меч и его демон-покровитель суть одно и то же. И Элрик редко скрывал свое недовольство этим договором, хотя даже ему недоставало мужества разорвать его. Впрочем, покровителю его, Ариоху, было наплевать на его мысли, пока Элрик выполнял условия. В чем в чем, а в этом Элрик не сомневался ни на мгновение.

Дерн был пересечен дорожками, по которым Элрик бегал в детстве. Он шел по ним с той же уверенностью, с какой делал это, когда его отец, отъехав подальше на своем боевом коне, приказывал кому-нибудь из рабов отпустить мальчонку — пусть идет сам,— но находиться поблизости, чтобы ничего не случилось. Наследник должен знать все тропинки Мелнибонэ, потому что по ним, по этим стежкам-дорожкам, по этим путям проходила их история, в них содержалась геометрия их мудрости, ключ к самым их сокровенным тайнам.

Элрик запомнил все эти тропы, так же как и тропы в иные миры, заучил их по мере необходимости с сопутствующими им песнями и ритуальными жестами. Он был мастером-чародеем в длинном ряду мастеров-чародеев и гордился своим призванием, хотя его и беспокоили цели, ради которых он наряду с другими пользовался колдовской силой. Он мог прочесть тысячу смыслов в ветвях единственного дерева, но он никак не мог разобраться в муках собственного сознания, понять причины своего нравственного кризиса, поэтому-то он и отправился странствовать по миру.

Темное колдовство и чары, образы, имеющие ужасающие последствия, заполняли разум и иногда, когда Элрик спал, угрожали овладеть им и погрузить его в вечное безумие. Темные воспоминания. Темные жестокости. Элрик приблизился к руинам, и мороз продрал его по коже — эти деревянные и кирпичные башни хоть и были разрушены, но даже в лунном свете сохраняли какой-то живописный и почти гостеприимный вид.

Он перебрался через обгоревшие остатки стены и оказался на улице, которая на уровне земли все еще сохраняла следы того, чем она когда-то была. Он ощущал запах гари в воздухе, земля под ногами все еще была горяча. То здесь, то там в направлении центра города по-прежнему полыхали пожары, все вокруг было покрыто пеплом. Элрик чувствовал, как этот пепел покрывает и его кожу, закупоривает его ноздри, забирается под одежду — пепел его далеких предков, чьи почерневшие от огня тела заполняли дома, словно продолжая жить, как и жили; этот пепел грозил засыпать Элрика с головой. Но альбинос продолжал идти, ошеломленный этой возможностью заглянуть в свое прошлое в самый критический момент истории его народа. Он заходил в покои, когда-то занятые их обитателями, их домашними любимцами, игрушками, инструментами, он проходил по площадям, где прежде били фонтаны, он заглядывал в храмы и общественные здания, где встречались его соплеменники, чтобы обсудить насущные вопросы, когда императоры еще не забрали власть в свои руки, а Мел-

нибонэ не зависело от рабов, запрятанных подальше, чтобы своим видом не оскорбляли они Имррира Прекрасного. Он остановился в какой-то мастерской, в лавке башмачника. Он скорбел по этим мертвецам, ушедшим в мир иной более десяти тысяч лет назад.

Эти руины затронули в нем какое-то ностальгическое чувство, и Элрик вдруг понял, что в нем проснулось новое желание — желание вернуться в то прошлое, когда одержимое страхом Мелнибонэ не заключило эту сделку, дававшую ему силу завоевать мир.

Башни и фронтоны, почерневшие крыши и обрушенные стропила, груды битого камня и кирпича, кормушки для скота и самая обычная домашняя утварь, выброшенная из домов на улицы, наполняли все существо Элрика какой-то сладкой печалью. Он останавливался, чтобы взглянуть на колыбельку или веретено, молчаливых свидетелей тех черт натуры гордых мелнибонийцев, которые были ему неизвестны, но которые он чувствовал и понимал.

Слезы стояли в его глазах, когда он шел по этим улицам, всей душой надеясь, что найдет хоть одну живую душу, кроме себя самого, но он знал, что город после трагедии еще сто лет оставался необитаемым.

«О, если бы я мог, разрушив Имррир, возродить Х'хаи'шан!»

Он стоял на площади в окружении разбитых статуй и упавших стен, глядя на огромную луну, которая висела теперь точно над его головой, отчего его тень словно спряталась в руинах у Элрика под ногами. И он стащил с себя шлем и тряхнул головой, разметав длинные молочно-белые волосы. Он протянул руки к городу, словно моля его о прощении, а потом опустился на каменную плиту, покрытую резьбой. Изящный и сложный узор, какой могла сотворить только рука гениального мастера, покрывала грубая корка запекшейся крови. Элрик уронил голову на руки, вдыхая запах пепла, которым была покрыта его рубаха; плечи его затряслись в рыданиях, и он застонал, жалуясь на судьбу, которая повела его путем таким мучительных испытаний...

И тут за его спиной послышался голос, словно бы пришедший из далеких катакомб, отделенных от него миллионами

лет. Этот голос звучал как Драконьи водопады, на которых умер один из предков Элрика (говорили, что погиб он, сражаясь с самим собой), звучал не менее впечатляюще, чем долгая роковая история королевского рода, к которому принадлежал Элрик. Он узнал этот голос, хотя давно уже лелеял надежду, что больше ему не придется его услышать.

Снова Элрик спросил себя: уж не сошел ли он с ума? Этот голос, вне всяких сомнений, принадлежал его отцу, Садрику Восемьдесят шестому, с которым так редко доводилось ему общаться при жизни.

— Вижу я, ты плачешь, Элрик. Ты сын своей матери, а потому я люблю тебя, как память о ней. Но ты убийца единственной из женщин, которую я любил, и за это я ненавижу тебя неправедной ненавистью.

— Отец?

Элрик опустил руку и повернул свое белое лицо в ту сторону, где рядом с упавшей колонной стоял стройный, хрупкий призрак Садрика. На губах его гуляла страшная в своем спокойствии улыбка.

Элрик недоверчиво посмотрел на лицо, которое было точно таким, каким он видел его в последний раз, когда отец лежал мертвый.

— Нет для неправедной ненависти выхода иного, нежели чрез покой смерти. А здесь, как видишь, нет мне этого покоя.

— Ты мне снился, отец; во сне я видел, как ты разочарован мною. Хотел бы я стать таким сыном, какого ты ждал...

— У тебя не было такой возможности, Элрик, после того, что ты сделал. Само твое рождение стало для нее роковым. Столько знамений предупреждало нас об этом, но мы бессильны были изменить эту ужасную судьбу...

Глаза его полнились ненавистью, которую был в силах понять только не нашедший успокоения мертвый.

— Как ты здесь оказался, отец? Я считал, что тебя забрал Хаос, что ты служишь нашему покровителю Ариоху.

— Ариох не смог забрать меня, ибо я заключил иной договор — с графом Машабаком. Ариох мне более не покровитель.— С его губ сорвалось какое-то подобие смеха.

— Твоя душа принадлежит Машабаку из Хаоса?

— Но Ариох это оспаривает. Моя душа — заложник их соперничества... Или была заложником. Мне еще доступно кое-какое колдовство, и благодаря нему я здесь — в самом начале нашей долгой истории. Здесь у меня нечто вроде временного убежища.

— Ты что — прячешься, отец? Прячешься от Владык Хаоса?

— Я получил некоторую отсрочку, пока они спорят меж собой. А здесь я могу воспользоваться заклинанием, последним моим великим заклинанием, которое освободит меня и позволит присоединиться к твоей матери в Лесу Душ, где она ожидает меня.

— Ты знаешь, как попасть в Лес Душ? Я думал — это всего лишь легенды,— сказал Элрик, отирая холодный пот со лба.

— Я отправил туда твою мать, дабы она дождалась меня. Я дал ей надежное средство — Свиток Мертвых, и она пребывает в безопасности в той благодатной вечности, которую ищут многие души, но обретают лишь единицы. Я поклялся, что сделаю все возможное, чтобы воссоединиться с нею.

Тень, словно сомнамбула, сделала шаг вперед и протянула руку, чтобы прикоснуться к лицу Элрика. Было в этом жесте что-то похожее на любовь, но, когда рука упала, в неумерших глазах старика была только мука.

Элрик ощутил нечто вроде сочувствия.

— Неужели здесь больше никого нет, отец?

— Только ты, сын мой. Ты и я, мы оба призраки этих руин.

— И я тоже — пленник этого места? — вздрогнув, спросил альбинос.

— Да — по моей прихоти. Теперь, когда я коснулся тебя, мы связаны узами, покинешь ты это место или нет, ибо такова судьба таких, как я,— быть навечно соединенным с первым живым смертным, на которого я возложу свою руку. Мы — одно целое, Элрик. Или станем единым целым.

И Элрик содрогнулся, услышав в безрадостном до этого голосе отца ненависть и удовлетворение.

— А я не могу тебя освободить, отец? Я был в Р'лин К'рен А'а — там начала нашей истории в этом мире. Я нашел там наше прошлое. Я могу рассказать об этом...

— Наше прошлое в нашей крови. Оно всегда с нами. Эти отродья с Р'лин К'рен А'а никогда не были нашими истинными предками. Они смешались с людьми и исчезли. Не они основали и сохранили великий Мелнибонэ...

— Есть столько всяких разных историй, отец. Много легенд, которые противоречат друг другу...— Элрик жаждал продолжения разговора с отцом. Таких возможностей у него при жизни Садрика практически не было.

— Мертвым дано различать правду и ложь. Это знание искони присуще им. И мне ведома истина. Мы происходим не из Р'лин К'рен А'а. В таких поисках и догадках нет нужды. Нам доподлинно известны наши корни. Ты был бы глупцом, сын мой, если бы стал оспаривать нашу историю, возражать против ее правды. Не этому я тебя учил.

Элрик предпочел промолчать.

— Силой колдовства призвал я сюда драконицу из пещеры — ту из них, призвать которую у меня хватило могущества. Она явилась, и вот я послал ее за тобой. Это последние чары, которые у меня остались. И это первое и важнейшее колдовство нашего народа, самое чистое колдовство — драконья магия. Но я не смог объяснить ей, что надо сделать. Я послал ее за тобой, понимая, что она либо узнает тебя, либо убьет. И то и другое, в конечном счете, соединило бы нас.

Призрак криво усмехнулся.

— Тебя заботит только это, отец?

— Только это я и мог сделать. Я жажду воссоединиться с твоей матерью. Мы родились для того, чтобы вечно пребывать вместе. Ты должен помочь мне добраться до нее, Элрик, и должен сделать это как можно скорее, ибо мои силы иссякают и мои чары слабеют — скоро Ариох или Машабак предъявят свои права на меня. Или навеки уничтожат меня в своем противостоянии!

— И других средств уйти от них у тебя нет?

Элрик почувствовал, как независимо от его воли подрагивает его левая нога. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть эту дрожь. Он вспомнил, что давно не подкреплялся своими снадобьями и травами, которые давали ему силы.

— Почти нет. Если я останусь связан с тобой, сын мой, с тобой — предметом моей неправедной ненависти,— то моя душа сможет скрыться в твоей, займет твою плоть, которая суть продолжение моей плоти, замаскируется твоей кровью, которая суть моя кровь. И никогда они не найдут меня там!

И снова Элрика охватило чувство невыносимого холода, словно смерть уже предъявила свои права на него. Он пытался взять себя в руки, все его чувства были в смятении, и он молился о том, чтобы с восходом солнца призрак его отца исчез.

— Солнце не всходит здесь, Элрик. Только не здесь. Оно появится, только когда мы освободимся или же погибнем. Вот почему мы здесь.

— Но неужели Ариох не возражает против этого? Он ведь по-прежнему остается моим покровителем!

Элрик вгляделся в лицо своего отца, ожидая увидеть там следы какой-нибудь новой безумной мысли, но ничего не увидел.

— У него другие дела, и он не смог прийти сюда, дабы помочь тебе или наказать тебя. Его целиком занимают свары с графом Машабаком. Вот почему ты и можешь послужить мне — выполнить задачу, которую я не смог выполнить при жизни. Ты сделаешь это для меня, сын мой? Для отца, который тебя всегда ненавидел, но не пренебрегал своим долгом по отношению к тебе?

— Если я сделаю то, о чем ты просишь, я буду свободен от тебя?

Садрик кивнул.

Элрик положил дрожащую руку на эфес меча и откинул назад голову, отчего его длинные белые волосы образовали в воздухе нечто вроде ореола в свете лунных лучей. Его беспокойные глаза заглянули в лицо мертвого короля.

Он вздохнул. Невзирая на ужас, обуявший его, частичка Элриковой души была готова исполнить желание отца. Однако ему хотелось иметь возможность выбора. Но предоставлять возможность выбора было не в обычае мелнибонийцев. Даже родственники должны быть связаны больше чем узами крови.

— Расскажи, что я должен делать, отец.

— Ты должен отыскать мою душу, Элрик.

— Твою душу?..

— Моя душа не здесь.— Казалось, что тень отца с трудом удерживается на ногах.— Сейчас я живу лишь благодаря своей воле и древнему колдовству. Свою душу я спрятал, дабы она могла воссоединиться с твоей матерью, но, спасаясь от гнева Машабака и Ариоха, потерял хранилище, в которое она была заключена. Найди ее для меня, Элрик.

— Как я узнаю ее?

— Она пребывает в ларце. Но в ларце не простом — он изготовлен из розового дерева, и на нем вырезаны розы. И пахнет он всегда розами. Этот ларец принадлежал твоей матери.

— И как же ты потерял такую ценную вещь, отец?

— Когда Машабак, а следом за ним — Ариох явились за моей душой, я провел их, создав ложную душу — с помощью заклинания из «Посмертных чар», которому я учил тебя. Эта квазидуша на какое-то время и стала предметом их раздора, а моя настоящая душа была в том самом ларце перенесена в безопасное место. Это сделал Диавон Слар, мой старый слуга, который обязался, соблюдая строжайшую тайну, сохранить ее для меня.

— Он сохранил твою тайну, отец.

— О да. И бежал, сочтя, что в ларце сокровище, решив, что, владея этим ларцом, он может манипулировать мною. Он бежал в Пан-Танг с тем, что считал моим плененным духом — наслушался детских сказок,— но был разочарован, когда понял, что нет никакого духа, подчиняющегося его повелениям. И тогда он решил продать украденное теократу. Но он так никогда и не добрался до Пан-Танга — его захватили пираты из Пурпурных городов. Ларец они присовокупили к своей случайной добыче. Моя душа была воистину потеряна.— Все это Садрик рассказал не без прежней своей иронии, едва заметно улыбаясь.

— Пираты?

— Я знаю о них только то, что рассказал мне Диавон Слар, когда он получал от меня причитающееся — месть, о которой я его предупреждал. Они, должно быть, вернулись в Мений, где продали то, что им удалось захватить. И вот тогда-то ларец с моей душой окончательно исчез из нашего мира.— Сад-

рик внезапно пошевелился, и Элрику показалось, будто бесплотная тень двинулась в лунном свете.— Я все еще чувствую ее. Я знаю, она переместилась между мирами и оказалась там, куда может добраться только драконица. Вот это-то и приостановило мои дальнейшие действия. Ибо попасть туда у меня не было никакой возможности, пока я не вызвал тебя. Я связан с этим местом, а теперь еще и с тобой. Ты должен вернуть ларец с моей душой, чтобы я мог воссоединиться с твоей матерью и избавиться от неправедной ненависти. И, сделав это, ты сможешь избавиться от меня.

Элрик заговорил наконец, дрожа от противоречивых чувств.

— Отец, я думаю, эта задача невыполнима. Мне кажется, ты отправляешь меня в эти поиски только из чувства ненависти ко мне.

— Из ненависти, да, но не только. Я должен воссоединиться с твоей матерью, Элрик! Я должен! Должен!

Зная неизменную одержимость отца любовью к жене, Элрик понял, что призрак говорит правду.

— Не подведи меня, сын мой.

— А если я выполню твое задание — что ждет нас тогда, отец?

— Принеси мне мою душу, и мы оба станем свободны.

— А если я не найду твою душу?

— Тогда она покинет узилище и войдет в тебя. Мы будем соединены до твоей смерти. Я со своей неправедной ненавистью буду связан с ее объектом, а ты будешь обременен всем тем, что ты больше всего ненавидишь в гордом Мелнибонэ.— Он помолчал, чуть ли не наслаждаясь этой мыслью.— И это станет мне утешением.

— Но не мне.

Садрик кивнул — его мертвая голова в безмолвном согласии наклонилась, и с губ сорвался тихий, никак не вяжущийся с его обликом смешок.

— Вот уж точно.

— И ничем более ты не сможешь помочь мне, отец? Каким-нибудь колдовством или заклинанием?

— Только тем, что ты встретишь на своем пути, сын мой. Принеси ларец розового дерева, и мы оба сможем идти своими

путями. Но ежели тебе не удастся выполнить мою просьбу, наши судьбы и души будут соединены навеки! Ты никогда не сможешь освободиться от меня, от твоего прошлого, от Мелнибонэ. Но ведь ты сделаешь то, о чем я прошу тебя, да?

Тело Элрика, зависимое от его снадобий, начало дрожать. Схватка с драконицей и эта встреча ослабили его, а душ, которыми мог бы подкормиться его меч, здесь не было.

— Мне худо, отец. Я должен вернуться туда, откуда был взят драконицей. Снадобья, которые поддерживают во мне жизнь, находятся в поклаже с моими вьючными лошадьми.

Садрик повел плечами.

— Тебе нужно всего лишь найти источник душ для твоего меча. Тебе предстоит немало убийств. И еще кое-что предвижу я, но пока смутно...— Он нахмурился.— Ступай.

Элрик помедлил. Подчиняясь какому-то душевному порыву, он хотел сказать отцу, что больше не убивает походя, чтобы удовлетворять свои капризы. Как и любой мелнибониец, Садрик не считал убийство обычных людей, живущих в империи, чем-то зазорным. Садрик видел в рунном мече Элрика всего лишь полезный инструмент — что-то вроде костыля для калеки. Хотя его отец и был колдуном-интриганом, затевавшим сложные игры против богов, он тем не менее безусловно полагал, что если хочешь выжить, то следует демонстрировать преданность тому или иному богу.

Представления Элрика о некой гармоничной власти, о месте, подобном Танелорну, которое не подчиняется ни Закону, ни Хаосу, а только себе самому, были ересью для его отца, чьи религия и философия — как и у его королевских предков на протяжении тысячелетий — основывалась на соглашениях, и эти соглашения заменили собой все остальные добродетели и стали основой их веры. Элрику хотелось сказать отцу, что есть и другие идеи, другие жизненные пути, не требующие ни чрезмерного насилия, ни жестокости, ни колдовства, ни завоеваний, и он узнал об этом не только в Молодых королевствах, но и из истории его собственного народа.

Но Элрик не сомневался, что слова его будут бесполезны. Садрик даже сейчас все свои немалые силы отдавал тому, что-

бы вернуть прошлое. Он не знал другого образа жизни, как не знал и другого образа смерти.

Принц-альбинос отвернулся, и на какое-то мгновение ему показалось, что такой скорби не испытывал он даже тогда, когда от его меча погибла Симорил, даже когда горел Имррир, даже когда он понял, что обречен на скитальческое будущее, на смерть в одиночестве.

— Я буду искать твой ларец, отец. Но откуда мне начать поиски?

— Драконица знает. Она отнесет тебя в мир, где спрятан ларец. Больше я ничего не могу предсказать. Предсказывать становится все труднее. Силы мои на исходе. Быть может, тебе придется убивать, дабы заполучить ларец. Убивай столько, сколько потребуется.— Голос отца звучал тихо, словно скрип сухих веток на ветру.— Или будет хуже.

Элрик вдруг почувствовал, что ноги его подкашиваются. Он совсем ослабел.

— Отец, я совсем обессилел.

— *Драконий яд...*— И отец исчез, оставив после себя только некое ощущение его призрачного пребывания здесь.

Элрик с трудом передвигал ноги. Теперь любая обрушившаяся стена казалась ему непреодолимым препятствием. Он медленно шел по руинам, снова перебирался через груды камней и проломы в стенах, через маленькие ручейки, карабкался по поросшим травой уступам холмов. Усилием воли заставляя себя продвигаться вперед — что давно вошло у него в привычку,— он поднялся на последний холм, на котором его ждала Шрамоликая, чьи очертания он увидел на фоне огромной заходящей луны. Крылья ее были сложены, длинная морда поднята, язык пробовал ветер.

Он вспомнил последние слова отца. Эти слова, в свою очередь, навели его на мысль о старинном травнике, в котором говорилось о действии драконьего яда, о том, что он придает мужество слабым и умение сильным, о том, что человек, принявший его, может сражаться кряду пять дней и ночей, не зная усталости и не чувствуя боли. И еще он вспомнил, что говорилось о том, как принимать яд. И вот, прежде чем оседлать драконицу, он снял с себя шлем и, подставив его под драконью пасть, поймал небольшую каплю яда, которая, как ему было известно, должна остыть и, затвердев, превратиться в пастообразное вещество. Одну-две крохи этого вещества, не более, он может принять, но делать это нужно осторожно и запить большим количеством жидкости.

Пока Элрик терпит боль и борется со своей слабостью, дракон несет его сквозь негостеприимную черноту, лежащую выше луны. И единственный ленивый луч серебряного света прорезает темноту, и единственный резкий удар грома нарушает жуткую тишину небес, и драконица поднимает голову, и бьет своими огромными крыльями, и издает рев, бросая вызов разбушевавшимся стихиям...

Элрик тем временем напевает древнюю песню Владык Драконов, и в этом чувственном единении с огромной рептилией выныривает из ночи и погружается в ослепляющее величие летнего полудня.

Глава третья

ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИИ НЕИЗВЕСТНОГО МИРА; ВСТРЕЧА ПУТНИКОВ. О СМЫСЛЕ СВОБОДЫ

Словно чувствуя нарастающую слабость наездника, драконица летела, неторопливо, но мощно взмахивая крыльями, с осторожным изяществом скользя сквозь бледно-голубые небеса. Она снизилась чуть ли не до самых древесных крон, чья листва была столь темной, что казалась темно-зеленым облаком. Затем древний лес сменился поросшими травой холмами и полями, по которым стремила свои воды широкая река. И снова этот приятный для глаза ландшафт показался Элрику знакомым, хотя на сей раз он и не вызвал у него никакого ощущения опасности.

Скоро впереди показался город, стоящий по обоим берегам реки. Туманная дымка над ним застилала небеса. Каменный, кирпичный и деревянный, черепичный и соломенный, состоящий из тысяч перемешавшихся запахов и шумов, город был полон статуй, рынков, памятников, над которыми стала

закладывать неторопливые круги драконица. Внизу в страхе и любопытстве жители бежали кто куда в зависимости от своего характера — кто получше разглядеть это чудо, кто в укрытие. Но Шрамоликая взмахнула крыльями и величаво и властно вновь направила полет в небеса, словно, обследовав это место, она сочла его не очень-то подходящим.

Летний день продолжался. Огромная драконица не раз собиралась садиться — то в лесу, то в деревне, то на болоте, то на озере, то в поле. Но в конечном счете Шрамоликая отказывалась от своего намерения и, недовольная, летела дальше.

Элрик принял меры предосторожности, привязав себя длинным шелковым шарфом к спинному рогу дракона, но силы с каждым мгновением оставляли его. Теперь у него как никогда раньше были основания не торопить смерть. Навечно воссоединиться с отцом — худшей муки Элрик и придумать себе не мог. Надежда забрезжила перед Элриком, только когда драконица пролетала сквозь дождевую тучу и альбиносу удалось набрать немного воды в свой шлем. Он бросил туда крошку затвердевшего драконьего яда и одним глотком выпил этот отвратительный по вкусу раствор. Но когда жидкость наполнила каждую его жилку огнем, жар которого заставил его возненавидеть собственную плоть, он был готов разодрать эти доставляющие ему такие мучения артерии, мышцы, кожу. Уж не выбрал ли он самый страшный из способов навечно воссоединиться с Садриком? Каждый нерв его был натянут, как тетива, и он молил только об одном — поскорее умереть и избавиться от этой невыносимой агонии.

Но и испытывая эту боль, Элрик чувствовал, как растут его силы. И наконец он смог опереться на них и постепенно вытеснить или перестать замечать боль, и она исчезла, и он почувствовал приток свежей, бодрящей энергии — более чистой, чем та, которую он получал от своего меча.

Драконица летела вечереющим небом, а Элрик снова ощущал себя здоровым. Его наполнило какое-то необыкновенное веселье. Он принялся распевать древние драконьи песни — глубокие, причудливые, озорные песни его народа, который, несмотря на всю свою жестокость, использовал любую воз-

можность наслаждаться жизнью, и эта жажда жизни передалась и альбиносу, хотя кровь его и была слаба.

Ему и в самом деле казалось, что в его крови есть нечто, компенсирующее болезнь,— он жил в мире почти непереносимой чувственности и яркости, в мире таких сильных чувств, что они подчас грозили уничтожить не только его, но и тех, кто был рядом. И то была одна из причин, по которым он мирился с одиночеством.

Уже не имело значения, как далеко собирается лететь Шрамоликая. Ее яд придал ему силы. Их слияние было почти полным. Все дальше и дальше без всякого отдыха летела драконица. Наконец под золотым предзакатным солнцем, на котором почти созревший урожай пшеницы сверкал, как надраенная медь, где испуганный крестьянин в заостренном белом колпаке издал восторженный крик, увидев их, и туча скворцов внезапно поднялась вверх, чертя в полете в нежно-голубом воздухе какую-то знакомую фигуру и оставляя за собой внезапную тишину, Шрамоликая распростерла свои огромные перепончатые крылья и по спирали спланировала к тому, что поначалу показалось Элрику дорогой, замощенной базальтом или какой-то другой породой. Потом Элрик увидел, что эта полоса шириной в милю, проходящая по пшеничному полю, слишком ровная, безлюдная и большая для дороги. Назначение этой полосы было невозможно определить. Вид у нее был такой, словно появилась она только сегодня,— по обеим ее сторонам тянулись неухоженные насыпи, на которых росли сорняки и полевые цветы, а по ней прыгали, скакали и ползали падальщики самых разных пород и видов. Драконица опустилась ниже, и Элрик ощутил зловоние, от которого у него перехватило дыхание. Нос его подтверждал то, что видели глаза,— горы отходов, костей, отбросов, обломки мебели и помятую утварь. Это были бескрайние насыпи всевозможного хлама, простиравшиеся по обе стороны ровной дороги от горизонта до горизонта, и не было ни малейшего намека на то, где они начинались и где кончались.

Элрик пропел драконице, чтобы она унесла его подальше от этого запустения на свежий воздух высокого летнего неба, но она не послушала, заложила вираж на север, потом на юг

и наконец стала снижаться прямо посередине этой ровной огромной ленты, отливавшей коричневато-розовым цветом, напоминающим загорелую кожу. Драконица без каких-либо трудностей приземлилась в самом центре полосы.

Затем Шрамоликая сложила крылья и твердо встала когтистыми лапами на землю, тем самым ясно давая понять, что полет закончен. Элрик неохотно спустился с ее спины, развязал потрепанный шарф и обвязался им вокруг пояса, словно тот мог защитить его от опасностей этого места. Потом он пропел прощальную песню благодарности и родства. Когда он произносил завершающие слова, огромная драконица подняла свою красивую ящериную голову и протрубила последние ноты в унисон с ним. Ее голос был похож на голос самого времени.

Потом ее челюсти со щелчком сомкнулись, а глаза обратились на альбиноса. Из-под полуопущенных век они смотрели чуть ли не с любовью. Потом ее язык опять попробовал вечерний воздух, драконица развела крылья, подпрыгнула дважды, отчего земля вздрогнула так, словно была готова расколоться, и взмыла в воздух, устремляясь в высоту. Ее грациозное тело струилось волной, когда крылья несли драконицу к восточному горизонту. Заходящее солнце отбрасывало длинную страшную тень на поле, а когда драконица приблизилась к горизонту, Элрик по одинокой серебряной вспышке понял, что Шрамоликая вернулась в свое измерение. Он поднял прощальным жестом свой шлем, словно благодаря ее за яд и терпение.

Самым насущным желанием Элрика было выбраться с этой неестественной гати. Хотя она и сверкала, как полированный мрамор, но представляла собой всего лишь укатанную грязь — отходы, спрессованные с землей до плотности камня. Неужели все это было одним лишь мусором? По какой-то причине эта мысль растревожила его, и он быстрым шагом направился к южной кромке. Отирая со лба пот, он снова и снова спрашивал себя: каково назначение этого места? Со всех сторон его окружали мухи, а пожиратели падали посматривали на Элрика как на возможного претендента на их добычу. Он опять закашлялся от зловония, но другого пути у него не было —

ему предстояло взобраться на очередную кучу, чтобы вдохнуть целительный воздух пшеничных полей.

— Счастливого тебе полета к родной пещере, госпожа Шрамоликая,— говорил он на ходу.— Кажется, я обязан тебе и жизнью, и смертью. Но я не желаю тебе зла.

Элрик обмотал шарфом нос и рот и начал взбираться по шевелящимся под его ногами отбросам, тревожа каждым своим движением и мусор, и падальщиков. Он поднимался медленно, а на него шипели летучие крысы и птицы. И снова он задавался вопросом: какое существо проделало здесь эту тропу, если только это была тропа. Он не сомневался, что это не творение рук человеческих, а потому стремился как можно скорее добраться до пшеничного поля, такого ясного, такого понятного, не вызывающего никаких вопросов.

Он добрался до гребня и продолжал двигаться вдоль него, рассчитывая найти более твердую почву под ногами. Пиная гнилье и злобно зыркающих на него грызунов, он спрашивал себя, какая же это цивилизация свезла отбросы своей жизнедеятельности к дороге, сооруженной каким-то сверхъестественным существом. Потом ему показалось, что внизу, неподалеку от пшеничного поля что-то движется, но сумерки уже почти окутали землю, и он приписал это игре своего воображения. Может быть, этот мусор — нечто вроде пожертвования? Может быть, люди, обитающие в этом царстве, почитают бога, который перемещается от поселения к поселению, приняв облик гигантской змеи?

Он спустился на несколько футов и остановился на какой-то старой канистре, и тут ему снова почудилось движение внизу. Он увидел мягкую фетровую шляпу, возвышающуюся над кипой тряпья, и уставившееся на него с недоуменным выражением птичье лицо.

— Господи милосердный, сэр! Это не может быть простым совпадением! Как по-твоему, какую цель преследует судьба, вторично соединяя нас? — Это был Уэлдрейк, карабкающийся вверх от пшеничного поля.— Что там за тобой, сэр? Неужели то, что за этим мусором, такое же однообразное, как это поле? Там еще одно поле? Господи милосердный, сэр, мы попали в царство пшеницы.

— Пшеницы и мусора у какой-то сумасшедшей дороги непонятного назначения, прорезающей эти пространства с востока на запад. И выглядит она довольно зловеще.

— И поэтому ты идешь в другом направлении?

— Да. Я не хочу встречаться с тем неприятным созданием Хаоса, которое проложило эту дорогу и лакомится этими подношениями. Я полагаю, что мои лошади остались в другом измерении?

— Мне это неведомо, сэр. Я ведь думал, тебя сожрали. Но у этой рептилии оказалась сентиментальная слабость к героям, да?

— Что-то в этом роде.— Элрик улыбнулся; он был странным образом благодарен рыжему стихотворцу за его иронию. Рассуждения этого человека были куда как предпочтительнее его недавнего разговора с отцом. Он стряхнул с себя пыль и какую-то налипшую на одежду дрянь, в которой копошились личинки, и обнял маленького человечка, которого их воссоединение привело в настоящий восторг.

— Мой дорогой господин.

И они пошли рука об руку вниз к освежающей пшенице в направлении реки, которую Элрик разглядел со спины дракона. Он видел город на этой реке, добраться до которого, по его расчетам, можно было меньше чем за один день. Он сказал об этом Уэлдрейку, добавив, что у них, как это ни печально, нет никакой провизии, ни средств для ее добычи. И единственное, что им остается,— это жевать незрелые пшеничные зерна.

— Ах, где вы, мои браконьерские денечки в Нортумберленде! Хотя постойте — когда-то, еще мальчишкой, я довольно ловко управлялся с силками и ружьем. Поскольку шарф ваш и без того пришел в негодное состояние, может быть, вы не будете возражать, если я еще немного расплету его? Возможно, я вспомню мои прежние навыки.

Сделав дружеский жест, Элрик протянул похожему на птицу поэту свой шарф и принялся смотреть, как ловко работают маленькие пальцы, расплетая материю, развязывая узлы, пока в руках поэта не оказалась довольно длинная нитка.

— Вечер приближается, сэр, а потому мне лучше сразу же приняться за работу.

К этому времени они уже достаточно удалились от горы мусора и теперь вдыхали густые, успокаивающие ароматы летнего поля. Элрик прилег среди колосьев, а Уэлдрейк занялся делом — он очень быстро расчистил довольно большой участок и поставил силки, в которые скоро угодил молодой кролик. Готовя крольчатину, они размышляли о природе этого странного мира, в котором были такие огромные поля, но отсутствовали земледельцы и поселения. Глядя на тушку кролика, крутящуюся на вертеле, Элрик сказал, что, при всех своих колдовских знаниях, ему были незнакомы обычаи тех краев, где, похоже, Уэлдрейк чувствовал себя как рыба в воде.

— Уверяю тебя, мой господин, это не был добровольный выбор. Я обвиняю некоего доктора Ди, с которым я консультировался по поводу греков. Это было связано с метром. Вопрос метрики. Я полагал, что мне нужно услышать язык Платона. Ну, это длинная история и не особенно новая для тех из нас, кто путешествует, вольно или невольно, по мультивселенной, но я провел некоторое время в одном из миров, хотя и смещаясь во времени (но не в пространстве) — до тех пор, пока, в этом я абсолютно уверен, не оказался в Патни.

— И ты собираешься вернуться туда, господин Уэлдрейк?

— Несомненно, сэр. Что-то я подустал от этих приключений в разных мирах, я ведь по природе домосед, так что мне нелегко приходится, и я скучаю без своих друзей.

— Я надеюсь, мой друг, ты скоро снова их обретешь.

— И тебе, сэр, я тоже желаю скорейшего обретения того, что ты ищешь. Хотя мне кажется, что ты принадлежишь к тем личностям, которые вечно ищут чего-то возвышенного.

— Возможно,— сухо сказал Элрик, жуя нежную крольчатину.— Правда, я полагаю, что возвышенный характер того, что я ищу в настоящее время, привел бы тебя в недоумение...

Уэлдрейк хотел было уточнить, о чем это говорит его собеседник, но передумал и не без гордости уставился на свои вертел и добычу.

Тревоги и заботы Элрика отошли на второй план благодаря присутствию здесь этого человека и свойствам его характера.

И вот господин Уэлдрейк, после долгих поисков найдя в своих карманах нужный ему том и запалив от костра свечу, чи-

тает последнему владыке Мелнибонэ рассказ о некоем полубоге, обитавшем в измерении Уэлдрейка и претендовавшем на королевский трон, и в это время слышится звук — по полю неспешно пробирается чья-то лошадь. Через каждые несколько осторожных шагов она останавливается, словно ведомая опытным наездником.

Элрик окликает его:

— Приветствую тебя, всадник. Раздели с нами нашу трапезу.

Следует пауза, и приглушенный голос издалека вежливо отвечает:

— Я разделю с вами тепло костра, господин. Мне ужасно холодно.

Лошадь продолжает двигаться к ним с той же неспешностью, она все так же время от времени останавливается, и наконец в свете костра они видят и ее, и фигуру спешивающегося всадника, который неслышными шагами направляется к ним. Фигура всадника вызывает некоторое беспокойство своим необычным видом: это крупный человек, с ног до головы закованный в броню, сверкающую золотом, серебром, иногда синевато-серыми бликами. На шлеме его ярко-желтое перо, а на нагруднике — черно-желтый герб Хаоса, герб покорного слуги Владык Хаоса: восемь стрел, исходящих из одного центра и символизирующих собой разнообразие и множественность Хаоса. Боевой конь, следующий за всадником, укрыт попоной из блестящего черного и серебристого шелка, на коне высокое седло из слоновой кости и черного дерева и серебряная упряжь, украшенная золотом.

Элрик встал, готовясь отразить возможное нападение, но в первую очередь потому, что был поражен внешним видом пришельца. Шлем у него был без забрала, изготовленный от шеи до маковки из одного куска металла. Только отверстия для глаз вносили какое-то разнообразие в сверкание стали, словно бы удерживающей живую материю под своей полированной поверхностью — текучую, движущуюся, угрожающую материю. Через отверстия смотрели два глаза, в которых Элрик увидел понятные ему чувства — гнев и боль. Когда незнакомец подошел к костру и выставил руки в боевых рукавицах

над теплом огня, Элрик испытал какое-то смутное чувство родства с ним. В свете костра у него вновь появилось ощущение, что в этой стали есть что-то живое, что в ней заперта огромная энергия, такая мощная, что ее можно видеть сквозь металл. И тем не менее пальцы сгибались и разгибались, как и любые человеческие пальцы из плоти, циркуляция крови в них восстанавливалась, и скоро незнакомец испустил вздох облегчения.

— Не хочешь ли крольчатины, господин? — Уэлдрейк показал рукой на заячью тушку.

— Нет, благодарю.

— Сними с себя шлем и присядь с нами. Тебе здесь ничего не грозит.

— Я вам верю, господа. Но пока я не могу снять с себя этот шлем, и если уж быть откровенным, то я уже давно не питаюсь человеческой пищей.

Рыжеватая бровь Уэлдрейка поползла вверх.

— Неужели Хаос теперь делает из своих слуг каннибалов?

— У Хаоса немало слуг-каннибалов,— сказал закованный в латы человек, поворачиваясь спиной к огню,— но я не принадлежу к их числу. Я не ел мяса, фруктов или овощей вот уже около двух тысяч лет. А может, и больше. Я уже давно сбился со счета. Есть измерения, в которых всегда стоит ночь, а есть миры вечного дня, а есть и такие, где ночь и день сменяют друг друга с такой скоростью, что наше восприятие не успевает за этим уследить.

— Ты дал что-то вроде обета? — неуверенно спросил Уэлдрейк.— Ты преследуешь какие-то священные цели?

— Я пребываю в поиске, но ищу нечто гораздо более простое, чем вы думаете.

— И чего же ты ищешь, сэр? Похищенную невесту?

— Ты проницателен, мой господин.

— Просто я хорошо начитан. Но ведь это еще не все?

— Я не ищу ничего, кроме смерти, мой господин. На такую несчастную судьбу обрекло меня Равновесие, когда я предал его эти бессчетные тысячи лет назад. И еще моя судьба — сражаться с теми, кто служит Равновесию, хотя я и люблю Равновесие с яростью, которая никогда не ослабевает. Было пред-

сказано — хотя у меня и нет никаких оснований доверять этому оракулу,— что я обрету покой от руки слуги Равновесия, от такого, каким когда-то был и я сам.

— И каким же вы были, сэр? — спросил Уэлдрейк, который следил за словами незнакомца внимательнее, чем альбинос.

— Когда-то я был принцем Равновесия, слугой и доверенным лицом могущественнейшей силы, снисходящей к любому проявлению жизни. Сила эта почитает и поддерживает любую жизнь в мультивселенной, и в то же время и Закон, и Хаос с радостью уничтожили бы ее, если бы могли это сделать. Но однажды, во время Великого пересечения сфер, которое объединило ключевые измерения и дало начало новому развитию миров, где Равновесию могло больше не найтись места, я решился на эксперимент. Я не мог оставаться в стороне от происходящего. Любопытство и глупость, самомнение и гордыня привели меня к убеждению, что мое деяние послужит интересам Равновесия. А за успех или неудачу я должен был заплатить одинаковую цену. И вот эту цену я и плачу.

— Но это не вся твоя история, сэр.— Уэлдрейк был увлечен.— Если ты захочешь украсить свой рассказ подробностями, то меня этим нисколько не утомишь.

— Не могу. Я сказал все, что мне позволено сказать. Остальное должно оставаться при мне, пока не настанет время моего освобождения, и только тогда я смогу это рассказать.

— Под освобождением ты подразумеваешь смерть? Но тогда, я полагаю, возникнут некоторые трудности с продолжением рассказа.

— Такие вещи, несомненно, будет решать Равновесие,— совершенно серьезно сказал незнакомец.

— Значит, ты главным образом ищешь смерти? Или у смерти есть какое-то имя? — Голос Элрика звучал тихо, не без сочувствия.

— Я ищу трех сестер. Думаю, они проходили здесь несколько дней назад. Не встречали ли вы их? Они должны были ехать верхом.

— Сожалею, господин, но мы совсем недавно попали в это измерение. К тому же это произошло не по нашей воле. Так

что у нас нет ни карт, ни представления о том, где мы находимся.— Элрик пожал плечами.— Я надеялся, что ты сможешь нам рассказать об этом месте.

— Это место здешние маги называют Девятимиллионным Кольцом. Оно существует в пространстве, которое, по их представлениям, является мирами Центра Важности. Этот мир и в самом деле имеет необычные свойства, которые мне еще предстоит узнать. Центр Важности не является истинным, поскольку истинный центр располагается в мире Равновесия. Я бы назвал его квазицентром. Вы уж простите мою профессиональную терминологию, господа. На протяжении нескольких поколений я был алхимиком в Праге.

— В Праге! — восклицает Уэлдрейк, в голосе которого при звуках этого знакомого ему имени города появляется довольная нотка.— Ах, эти колокола и башни, сэр. Может быть, ты бывал и в Майренбурге? Он еще прекраснее!

— Эти воспоминания, несомненно, приятны,— говорит закованный в латы человек,— поскольку они остаются за пределами моей памяти. Я полагаю, что вы здесь тоже заняты поисками?

— Нет, сэр, я не занят поисками,— отвечает Уэлдрейк.— Разве что вот ищу, где Патни и мои потерянные полпинты эля.

— А я и в самом деле ищу кое-что,— осторожно подтвердил Элрик. Он хотел узнать побольше о географических особенностях места, в котором они оказались, а не о мистической и астрологической атрибуции этого мира.— Я — Элрик из Мелнибонэ.

Его имя ничего не сказало закованному в латы человеку.

— А меня зовут Гейнор, когда-то я был одним из принцев Равновесия, а теперь меня называют Проклятый. Возможно, мы встречались? Но тогда у нас были другие имена и другие лица. В каких-то других инкарнациях.

— К счастью, я не наделен способностью помнить другие жизни,— тихо говорит Элрик, которого предположения Гейнора выводят из равновесия.— Я плохо понимаю тебя. Я наемный воин, который ищет себе нового покровителя. Что же касается вопросов сверхъестественных, то я в них почти не ориентируюсь.

Элрик был благодарен стоявшему за спиной Гейнора Уэлдрейку за то, что хотя брови его и взметнулись при этом вверх, но сам поэт не сказал ни слова. Элрик не отдавал себе отчета в том, зачем прибегает к таким хитростям, просто Гейнор, которому, как и ему, покровительствовал Хаос, вызывал у него не только симпатию, но и безотчетное опасение. У Гейнора не было никаких оснований желать ему вреда, и Элрик чувствовал, что Гейнор не стал бы растрачивать себя на бессмысленные ссоры или убийства, но тем не менее альбинос предпочитал оставаться немногословным, словно и ему Равновесие запретило говорить о его жизни. Наконец они улеглись спать — три странные фигуры среди казавшегося бесконечным пшеничного поля.

Ранним утром следующего дня Гейнор уже был в седле.

— Спасибо за компанию, господа. Если вы проследуете в том направлении, то найдете там довольно милое поселение. Там живут торговцы, которые всегда рады чужеземцам. Они относятся к гостям с необычайным уважением. А я отправляюсь дальше. Мне сказали, что мои сестры находятся на пути к тем, кого называют цыганским народом. Вам что-нибудь о нем известно?

— К сожалению, сэр, мы новички в этом мире,— сказал Уэлдрейк, вытирая руки огромным красным платком.— Мы здесь невинны, как дети. Мы в трудном положении, поскольку лишь недавно прибыли в этот мир и не имеем понятия ни о его народе, ни о его богах. Ты уж извини меня за навязчивость, но я осмелюсь высказать предположение, что ты сам божественного или полубожественного происхождения.

Казалось, что отзвук смеха, раздавшегося в ответ, никогда не умолкнет, словно шлем принца соединялся с какой-то бездонной пропастью. Этот смех был далеким и в то же время на удивление сердечным.

— Я уже говорил, господин Уэлдрейк, что был одним из принцев Равновесия. Но это в прошлом. Что же касается настоящего, то я могу тебя уверить, мой господин, что в Гейноре Проклятом нет ни капли божественного.

Пробормотав, что он не понимает значения титула принца, Уэлдрейк начал:

— Если требуется какая-то помощь, сэр...

— Что это за женщины, которых вы ищете? — перебил его Элрик.

— Это три сестры, внешне похожие друг на друга. Они ищут что-то крайне для них важное. Думаю, это какой-то потерявшийся соотечественник или даже, возможно, брат. Они спрашивают о цыганском народе, где его искать. Когда люди узнают, что они ищут, им указывают направление, но на том прекращают всякое с ними общение. Поэтому, мой вам совет, избегайте подобного вопроса, пока люди сами не заведут разговор. Более того, я подозреваю, что если вы встретите эту банду кочевников, то у вас будет очень мало шансов уйти от них живыми.

— Я тебе благодарен за совет, принц Гейнор,— сказал Элрик.— А ты не знаешь, кто это выращивает столько пшеницы и для каких целей?

— Их называют прикрепленными жителями, а когда я задал тот же вопрос, что и ты, мне ответили невеселой шуткой, что этим здесь кормят саранчу. Хотя мне знакомы еще более странные обычаи. Видимо, местные жители не очень ладят с цыганами. Когда затрагиваешь такие темы, они начинают нервничать и замолкают. Они называют этот мир Салиш-Квунн, а это, если помните, название города из Книги Слоновой Кости. Странная ирония. Меня это позабавило.— При этих словах он повернул коня, словно погрузившись в свои размышления, и медленно поехал к виднеющейся вдалеке котловине, к навалам мусора, над которыми, подобно завесам дыма, кружились вороны, коршуны и роились мухи.

— Ученый,— сказал Уэлдрейк.— Хотя говорит как-то таинственно. Ты понимаешь его лучше, чем я, принц Элрик. Но я бы хотел, чтобы он остался с нами. Что ты о нем думаешь?

Альбинос теребил пряжку ремня, выбирая слова.

— Я его боюсь,— сказал он наконец.— Боюсь, как не боялся еще ни одного человеческого существа, смертного или бессмертного. Его судьба и в самом деле ужасна, потому как он познал Равновесие, о котором я могу лишь мечтать. Добиться этого — а потом потерять...

— Да нет, сэр. Ты преувеличиваешь. Он, конечно, странноват, но, кажется, довольно любезен. С учетом всех обстоятельств.

Элрика пробрала дрожь — он был рад, что принца Гейнора нет больше с ними.

— И все же я боюсь его, как никого другого.

— Возможно, так же, как самого себя, мой господин? — С этими словами Уэлдрейк бросил взгляд на своего нового друга.— Прости меня, сэр, если мои слова показались тебе вдруг неучтивыми.

— Ты слишком проницателен, господин Уэлдрейк. Твой поэтический глаз видит больше, чем мне хотелось бы.

— Это всего лишь чутье и случай, уверяю тебя, сэр. Я не понимаю ничего, но говорю обо всем на свете. В этом-то и состоит мой рок. Может быть, не такой величественный, как у некоторых, но мой язык в равных пропорциях и мой друг, и мой враг.

Сказав это, Уэлдрейк смотрит на погасший костер, разламывает вертел и с сожалением бросает его, подбирает силки и засовывает их в карман рядом с книгой без переплета, набрасывает на плечо плащ и направляется следом за Элриком сквозь пшеничные колосья.

— Я уже читал тебе, сэр, мою эпическую поэму о любви и смерти сэра Танкреда и дамы Марии? Она написана в форме нортумберлендской баллады — именно таким было первое услышанное мной поэтическое произведение. Дом моих родителей стоял в безлюдном месте, но я не чувствовал себя одиноким.

Его голос звенел и вибрировал, следуя мелодике примитивного плача. Рыжеволосый стихоплет подпрыгивал и переходил на бег, чтобы поспеть за высоким альбиносом.

Через четыре часа они добрались до широкой, неторопливой реки и на живописных утесах, поднимающихся над водой, увидели город, который искал Элрик. Уэлдрейк тем временем кончил декламировать балладу и, казалось, был не меньше Элрика этому рад.

Город был словно высечен изобретательными каменщиками из сверкающего известняка утесов, а вела к нему довольно

узкая дорога, местами явно искусственного происхождения, которая вилась над скалами и пенящейся водой далеко внизу. Дорога плавно поднималась, чтобы в конце концов перейти в главную улицу города и снова начать извиваться между высокими многоэтажными домами и складами, причудливыми общественными зданиями и скульптурами, фигурно подстриженными и изысканными клумбами и газонами, а потом терялась в лабиринте улочек и проулков, раскинувшихся у подножия древнего замка, стены которого были увиты плющом. Замок этот возвышался над городом и тринадцатипролетным мостом, перекинутым через реку в самом узком ее месте и ведущим к меньшему поселению, в котором, судя по всему, обитали зажиточные горожане, построившие для себя светлые виллы.

Над городом витал дух довольства и процветания, и Элрик с оптимизмом отметил, что вокруг поселения нет оборонительных стен — значит, обитателям вот уже много лет не нужно было защищать себя от нападений. Несколько местных жителей в ярких, разукрашенных одеждах, ничуть не похожих на одеяния Элрика или Уэлдрейка, сердечно и открыто приветствовали их, как то обычно водится у людей, уверенных в своей безопасности и привычных к встречам с чужеземцами.

— Если они оказали гостеприимство Гейнору,— сказал Уэлдрейк,— то, я думаю, и к нам они не отнесутся враждебно. У этого города очень французский вид. Он напоминает мне некоторые городки на Луаре, хотя типичный для них собор отсутствует. Какая у них здесь, на твой взгляд, религия?

— Может быть, у них нет никакой религии,— сказал Элрик.— Я слышал о таких народах.

Однако Уэлдрейк явно не поверил ему.

— Религия есть даже у французов!

Они миновали первые дома, стоящие вдоль дороги. Дома эти располагались на каменных террасах, поднимающихся по склонам, и при каждом были самые роскошные клумбы, какие только доводилось Элрику видеть. До них доносились ароматы, к которым примешивались едва ощутимые запахи краски и кухни, и оба путника с улыбкой и облегчением поглядывали на людей, которые приветствовали их. Наконец Элрик

остановился на мгновение и спросил у молодой женщины в красно-белом платье, как называется этот город.

— Это же Агнеш-Вал, мой господин. А на другой стороне реки — Агнеш-Нал. Как вы здесь оказались, господа? Уж не разбилась ли ваша лодка на порогах Форли? Вам тогда нужно пройти в Дом терпящих бедствие путников, что в Пятигрошовом переулке. Это чуть ниже переулка Соленого Пирога. Они хотя бы покормят вас. У вас есть значок Гильдии страховщиков?

— Увы, нет, моя госпожа.

— Жаль. В таком случае вы сможете рассчитывать только на наше гостеприимство.

— Оно мне представляется более чем щедрым,— сказал Уэлдрейк, подмигивая ей, что смотрелось довольно неуместно, а затем вприпрыжку пустился за своим другом.

Петляя по вымощенным булыжником улочкам, добрались они наконец до Дома терпящих бедствие путников — довольно древнего сооружения с остроконечной крышей, покосившегося в нескольких местах и напоминавшего пьяницу, который если и может стоять, то только опираясь на соседние дома. Балки и стены были погнуты и перекошены так, что Элрик решил: без вмешательства Хаоса здесь точно не обошлось.

В дверях этого заведения стояло существо, как нельзя больше подходящее для этих стен и осанкой, и возрастом. Согбенный и на тощих ногах, с трясущимися руками, с головой, наклоненной в одну сторону, и шляпой на голове — в другую, с зубом, торчащим в одну сторону, и трубкой, торчащей в противоположную, он был необыкновенно худ и долговяз, а его печальный взгляд так потряс Элрика, что альбинос извинился и спросил, туда ли они попали.

— Милостью Всевидящего Владыки, это то самое место, которое вы искали, мой господин. Вы ищете подаяния? Подаяния и совета?

— Нам предлагали гостеприимство, сэр! — В голосе Уэлдрейка слышалось оскорбленное достоинство.— Но не подаяние! — Он был похож на разгневанного тетерева.

— Мне безразлично, в какие красивые слова облачается деяние, мои добрые господа.— С этими словами существо начало подниматься — далось это ему не без труда, но в конечном счете оно выпрямилось.— Я называю это подаянием! — Крохотные искорки сверкали в его глубоко посаженных глазницах, а промеж дряблых губ клацали торчащие в разные стороны зубы.— Мне безразлично, каким опасностям вы подвергались, какие невыносимые потери понесли, какими вы были богатыми в прошлом и какими бедными стали теперь. Если бы вы не брали в расчет весь этот риск, то никогда не добрались бы сюда и не осмелились пересечь Рубеж! Таким образом, кроме вас самих, вам некого винить в своих несчастьях.

— Нам сказали, что мы можем найти в этом доме еду,— ровным голосом сказал Элрик,— а не злобную ругань и неучтивое обхождение.

— Они лицемеры и потому солгали вам. Дом закрыт на ремонт. Его переоборудуют в ресторан. Если повезет, скоро он начнет приносить прибыль.

— Понимаешь, мой господин, мы давно расстались с такими узкими понятиями, как расчетливость,— мы оставили их в нашем мире,— сказал Уэлдрейк.— И тем не менее я приношу извинения за беспокойство. Нас неправильно информировали, как ты сам сказал.

— Твоя дерзость выводит меня из себя...— Элрик, непривычный к такому поведению и в душе остающийся мелнибонийским аристократом, инстинктивно положил руку на эфес своего меча.

Но тут Уэлдрейк тронул Элрика за плечо, и тот мгновенно погасил свой порыв.

— Старик врет! Он врет! Врет! — Из-за их спин, поднявшись по склону холма, появился человек с большим ключом в руке. Это был грузный мужчина лет пятидесяти, из-под его бархатной шапочки выбивались седые волосы, борода его была спутана, одежда помята, словно он одевался в спешке, вскочив неведомо с чьей постели.— Он врет, мои добрые господа. Врет. (Убирайся отсюда, Рет'чат, позорь какое-нибудь другое заведение!) Этот человек — настоящее ископаемое из тех далеких веков, о которых большинство из нас могли только читать. Он хочет нас судить по нашему богатству и нашей военной славе,

а не по доброй воле и спокойствию духа. Доброе утро, господа, доброе утро. Надеюсь, вы зашли сюда перекусить?

— Благотворительный хлеб черств и безвкусен,— проворчало ископаемое, направляясь на негнущихся ногах в сторону играющих на улице детей. Но ему не удалось спугнуть их своей тощей рукой.— Расчетливость и самодостаточность! Они уничтожат наш народ. Мы все погибнем. Помяните мои слова — мы все плохо кончим!

Тут он свернул под арку Старого музея и исчез из виду среди рядов лавчонок, продемонстрировав напоследок еще раз свою удивительную угловатость.

Приветливый человек помахал ключом, а потом вставил его в скважину древней двери.

— Он может говорить только за себя. Таких нытиков хватает в любом городе. Я полагаю, наши друзья цыгане взыскали с вас «пошлину»? Что вы собирались предложить нам?

— Главным образом золото,— сказал Элрик, освоивший наконец манеру поведения и готовность лгать, свойственные наемнику и вору.— И драгоценные камни.

— Вы мужественные люди, если решились на такой шаг. Они вас нашли по эту сторону Рубежа?

— Похоже, по эту.

— И отобрали у вас все. Вам еще повезло — у вас остались одежда и оружие. Хорошо еще, что они не поймали вас, когда вы пересекали Рубеж.

— Мы долго выжидали, прежде чем рискнуть.— Эти слова были сказаны Уэлдрейком, который проникся духом этой детской игры. На его широких губах гуляла ироническая улыбка.

— Ну, другие ждали и подольше.— Дверь тихо открылась, и они вошли в коридор, освещенный мерцающими желтыми лампами. Стены здесь, внутри, были такие же перекошенные, как и снаружи, в самых неподходящих местах вдруг возникали лестницы, уходящие неизвестно куда. Проходы и помещения являлись внезапно и неизменно имели какие-то необыкновенные размеры и формы, иногда они были освещены свечами, иногда погружены в темноту. Хозяин вел их все глубже и глубже в дом, и наконец они оказались в большом приветливом зале, в центре которого стоял огромный дубовый стол, а рядом с ним скамьи. Места в помещении было достаточно, чтобы расположиться двум десяткам голодных путников. Но здесь кроме них находился только один гость, который накладывал себе ароматное тушеное мясо из котла над очагом. Гостем этим была женщина, одетая в простые одежды желтовато-коричневого и зеленого цветов, на боку у нее висел тонкий меч, а с другой стороны — кинжал. Женщина была мускулистая, широкобедрая, широкоплечая, лицо ее под гривой рыжевато-золотых волос было задумчивым и красивым. Она кивнула вошедшим, снова села на скамью и начала есть, явно демонстрируя, что она не желает вступать в беседу.

— Насколько мне известно,— хозяин понизил голос,— эта госпожа путешественница — ваш товарищ по несчастью. Она выразила пожелание не участвовать сегодня ни в каких разговорах. Здесь вы найдете все, что вам нужно, господа. Здесь где-то есть слуга, который поможет вам удовлетворить какие-то конкретные нужды, а я вернусь через час-другой — на случай, если вам понадобится что-то еще. Мы в Агнеш-Вале никогда не отговариваем неудачников от новых попыток, потому что иначе наша торговля умрет. Наша политика состоит в том, чтобы помогать неудачникам по мере того, как мы получаем прибыль от тех, чьи попытки увенчиваются успехом. Эти меры представляются нам как справедливыми, так и благоразумными.

— Так оно и есть на самом деле,— одобрительно сказал Уэлдрейк.— Вы, видимо, придерживаетесь либеральных убеждений. Нынче слышишь столько разговоров о консерватизме, когда путешествуешь по реаль... по миру, я хотел сказать.

— Мы верим в просвещенный эгоизм, мой господин, как и все цивилизованные люди, насколько мне известно. В интересах как узких, так и широких слоев общества обеспечить, чтобы все надлежащим и удобоваримым образом получили возможность стать тем, чем они хотят. Вы будете есть, господа? Есть вы будете?

Элрик чувствовал, что переменчивые глаза женщины поглядывали на них во время этого разговора, и отметил про се-

бя, что со дня смерти Симорил не видел лица более красивого, более решительного. Она медленно пережевывала пищу, пряча от всех свои мысли, а ее большие голубые глаза смотрели немигающе и с достоинством. И вдруг она улыбнулась, а после полностью погрузилась в свою трапезу. Элрик, заметивший это, впал в еще большее недоумение.

Положив на глубокие тарелки тушеное мясо, распространявшее восхитительный запах, они уселись за стол и некоторое время вкушали молча. Наконец женщина заговорила. В ее голосе неожиданным образом слышались теплота и некоторая сердечность, показавшиеся Элрику привлекательными.

— Какая ложь купила вам этот бесплатный обед, друзья?

— Скорее недоразумение, чем ложь, моя госпожа,— дипломатично сказал Уэлдрейк, облизывая ложку и размышляя, не предпринять ли ему второй поход к кастрюле.

— Вы такие же торговцы, как и я,— сказала она.

— Это и было главное недоразумение. Они здесь явно не могут себе представить никаких других путешественников.

— Судя по всему, так оно и есть. Вы недавно прибыли в этот мир? И конечно же, по реке?

— Я не понимаю значения твоих слов,— осторожно сказал Элрик.

— Но вы оба, конечно же, ищете трех сестер.

— Похоже, тут все их ищут,— ответил Элрик, подумав про себя: пусть верит в то, во что ей хочется верить.— Я Элрик из Мелнибонэ, а это мой друг и поэт, господин Уэлдрейк.

— О господине Уэлдрейке я наслышана.— В голосе женщины прозвучала восторженная нотка.— Что же касается тебя, то, боюсь, твое имя мне неизвестно. Меня зовут Роза. Мой меч именуется Быстрый Шип, а мой кинжал — Малый Шип.— Говорила она с гордостью и одновременно с вызовом, и двум путникам стало ясно, что в словах ее содержится предупреждение, хотя Элрику и было непонятно, почему она их опасается.— Я путешествую по потокам времени в поисках возможности отмщения.— Она улыбнулась, глядя в свою пустую тарелку, словно смутившись своего признания, в котором услышала что-то постыдное.

— А что три сестры значат для вас, мадам? — спросил Уэлдрейк. В его негромком голосе послышались вкрадчивые нотки.

— Они значат для меня все. Они обладают средствами, которые могут меня привести к тому, ради чего я и живу, во имя чего я дала клятву,— к разрешению моей проблемы. Они дадут мне возможность удовлетворения, господин Уэлдрейк. Ведь ты тот самый Уэлдрейк, который написал «Восточные грезы»?

— Тот самый, моя госпожа,— с некоторой долей смущения ответил поэт.— Я тогда только-только появился в новой эпохе. Мне нужно было заново утверждать свою репутацию. А восток был тогда в моде. Но, однако, будучи зрелой работой...

— Она слишком сентиментальна, господин Уэлдрейк, но все же подарила мне парочку приятных часов. И я до сих пор получаю от нее удовольствие. После этого была «Песнь Иананта», безусловно, твое лучшее творение.

— Но, Господи милосердный, мадам, я ведь ее еще не закончил! Это набросок, не больше. Я сделал его в Патни.

— Превосходная вещь, мой господин. Но больше я о ней ничего не скажу.

— Я тебе чрезвычайно признателен, госпожа. И,— он поднялся,— благодарю за похвалу. Я и сам питаю слабость к периоду моего увлечения Востоком. Может быть, ты читала мой недавно опубликованный роман — «Манфред, или Джентльмен страны гурий»?

— Когда я в последний раз имела возможность интересоваться новинками, этот роман еще не числился в библиографии твоих сочинений, мой господин.

Пока эти двое говорили о поэзии, Элрик задремал, уронив голову на руки. Проснулся он, услышав слова Уэлдрейка:

— И почему же этих цыган никто не накажет? Неужели нет никаких властей, чтобы призвать их к порядку?

— Я только знаю, что этот народ не сидит на месте,— тихо сказала Роза.— Возможно, это некая большая кочевая орда. Называют они себя свободными путешественниками или людьми дороги, и нет никаких сомнений, что они достаточно силь-

ны и наводят страх на местное население. У меня есть предположение, что сестры решили присоединиться к народу цыган. А потому и я тоже к ним присоединюсь.

И тут Элрик вспомнил широкую дорогу из спрессованной грязи и подумал, уж не имеет ли она отношения к народу цыган? Неужели они вступили в союз со сверхъестественными силами? Его любопытство возросло.

— Мы все втроем находимся в невыгодном положении,— сказала Роза.— Ведь мы дали понять нашему хозяину, что стали жертвами цыган. Это означает, что мы лишены возможности задавать прямые вопросы и лишь можем пытаться понять то, что удастся увидеть или услышать. Если только мы не признаем свой обман.

— Мне кажется, что такое признание лишит нас гостеприимства этих людей. Они гордятся своим покровительством торговцам. Что же касается не торговцев, то нам об этом ничего не известно. Может быть, их судьба не особо радостна.— Элрик вздохнул.— Для меня это не имеет значения. Но если ты не возражаешь против нашей компании, госпожа, то давай искать сестер вместе.

— Что ж, пока я не вижу никакого вреда от такого союза,— задумчиво сказала она.— Вам что-нибудь известно о них?

— Не больше, чем тебе,— откровенно признался Элрик.

И тут он услышал голос, вещающий в его голове. Альбинос попытался заглушить голос, но тот продолжал звучать — это был голос его отца.

«Сестры. Найди их. Ларец у них».

Затем голос стал слабеть. Что это было — иллюзия? Обман? Но выбора у Элрика не было, и потому он решил, что попробует идти этим путем и, возможно, найдет ларец из розового дерева с похищенной душой его отца. И потом, общество этой женщины вызывало в нем такие необычные чувства — он подспудно знал, что ни в ком другом не найдет он такого легкого, взвешенного понимания, которое, несмотря на всю его осторожность, порождало в нем желание поделиться с ней всеми тайнами, всеми надеждами, страхами и устремлениями, рассказать ей о всех утратах. Нет, он не намеревался возложить на нее груз своих забот — он просто хотел предложить ей то,

что она, возможно, захочет разделить с ним. Он чувствовал, что у них есть и другие общие черты.

Иными словами, он чувствовал, что нашел сестру. И он знал, что она тоже питает к нему что-то вроде родственного чувства, хотя он и был мелнибонийцем, а она — нет. Все это приводило его в недоумение, потому что и прежде он испытывал чувство некоторого родства, например к Гейнору, но здесь было совсем по-другому.

Когда Роза оставила их, сказав, что не спала вот уже тридцать шесть часов, Уэлдрейк не стал скрывать своих чувств.

— Вот это женщина, сэр! Я таких женщин еще не встречал. Она великолепна! Юнона во плоти! Диана!

— Мне неизвестны ваши местные божества,— мягко сказал Элрик, но тем не менее согласился с Уэлдрейком в том, что они познакомились с исключительной личностью. Он принялся размышлять об этой особой тяге, возникающей между отцами и сыновьями, квазибратьями и квазисестрами. Он спрашивал себя: уж не маячит ли за всем этим рука Равновесия, или же, что более вероятно, тут присутствует влияние Владык Хаоса или Закона — поскольку не так давно ему стало ясно, что Повелители Энтропии и Владыки Неизменности когда-нибудь сойдутся в такой яростной схватке, каких еще не знала мультивселенная. Это наводило его на определенные мысли и в некоторой мере объясняло предчувствие каких-то катаклизмов — предчувствие, о котором пытался сказать ему отец, хотя он и был мертв и не имел души. Не был ли этот неторопливый поток событий, в который он, кажется, оказался втянут, отражением какого-то гораздо более значительного космического хода вещей? На мгновение перед ним мелькнула мультивселенная во всем ее разнообразии, во всей ее сложности, со всеми ее реалиями и еще не реализованными возможностями. А возможности эти были неисчерпаемы — чудеса и ужасы, красота и уродство,— мультивселенная безгранична и не поддается определению, во всем стремясь к бесконечности.

Когда седоволосый, одевшись чуть-чуть получше и приведя себя в порядок, вернулся, Элрик спросил его, почему они не опасаются прямого нападения со стороны так называемого народа цыган.

— Насколько мне известно, у них на сей счет существуют свои правила. Есть, видите ли, некий статус-кво. Конечно, вам от этого нисколько не легче.

— Вы ведете с ними переговоры?

— В некотором смысле. У нас с ними существуют соглашения и все такое. Мы не опасаемся за Агнеш-Вал. Мы боимся за тех, кто пожелает торговать с нами...— Он снова сделал извиняющийся жест.— Понимаете, у цыган свои традиции. Нам они кажутся странными, и я бы, пожалуй, не стал потакать им напрямую, но мы в их силе должны видеть как положительные, так и отрицательные стороны.

— И я полагаю, они совершенно свободны,— сказал Уэлдрейк.— Об этом замечательно сказано в «Цыганском хлебе».

— Возможно,— сказал хозяин, но на его лице появилось выражение неуверенности.— Я не знаю, что вы имеете в виду. Это какая-то пьеса?

— Это рассказ о радостях открытых дорог.

— Наверное, это цыганское произведение. Извините, но мы не покупаем их книг. Я не знаю, захотите ли вы, господа, воспользоваться тем, что мы предлагаем попавшим в беду путникам, в рассрочку или по цене издержек. Если у вас нет денег, мы можем взять натурой. Ну вот, например, одну из книг господина Уэлдрейка за лошадь.

— Книгу за лошадь? Ну вы и скажете!

— А за две лошади? К сожалению, я понятия не имею о рыночной стоимости книг. Мы здесь плохие читатели. Может быть, это и стыдно, но мы предпочитаем тихие радости вечернего времяпрепровождения.

— А, скажем, если вы добавите к лошадям еще провизии на несколько дней? — предложил Элрик.

— Если тебе это представляется справедливым, мой господин.

— Мои книги,— сказал Уэлдрейк сквозь сжатые зубы. Его нос, казалось, заострился больше обычного.— Мои книги — это мое «я», сэр. Они определяют мое лицо. Я их защитник. И потом, в силу разницы восприятия, дарованного нам всем, мы все можем понимать язык, но не все можем его читать. Тебе это известно, мой господин? Каждому по его способностям.

Я думаю, в некотором смысле это логично. Нет, сэр, я не расстанусь ни с единой страницей.

Но тут Элрик напомнил, что одна из имеющихся у поэта книг написана на языке, неизвестном даже ее владельцу, и высказал предположение, что от того, приобретут они лошадей или нет, могут зависеть их жизни, и что без лошадей они не смогут присоединиться к Розе, у которой уже есть лошадь. Только тогда Уэлдрейк скрепя сердце согласился расстаться с Омаром Хайямом, которого рассчитывал когда-нибудь прочитать.

И вот Элрик, Уэлдрейк и Роза втроем направились назад по белой дороге вдоль реки к тому месту, где они вышли на эту самую дорогу предыдущим днем, только на этот раз они не стали с нее сходить, а неспешно двинулись по этому петляющему пути на юг параллельно ленивой реке. Уэлдрейк читал очарованной Розе свою «Песнь Равии», Элрик же двигался чуть впереди них, спрашивая себя, уж не во сне ли это все происходит, и опасаясь, что никогда не найдет душу отца.

Они были уже на участке дороги, который Элрик хоть и не помнил, но знал, что это неподалеку от того места, где пролетала драконица, направляясь на юг в сторону от петляющей реки. И тут его чуткий слух уловил отдаленный шум, который он не смог опознать. Он сказал об этом шуме своим спутникам, но те ничего не слышали. Только по прошествии еще получаса Роза приложила ладонь к уху и нахмурилась.

— Какой-то поток. Что-то похожее на рев.

— Я его тоже слышу,— сказал Уэлдрейк, которого весьма задело, что у него, поэта, слух хуже, чем у остальных.— Я поначалу думал, что вы о чем-то другом говорите, а не об этом реве или потоке. Я думал, что это просто вода.— После этого он зарделся от смущения, пожал плечами и озаботился тем, что имелось у него на кончике носа.

Прошло еще два часа, прежде чем они увидели, что водный поток теперь струится и бьет с огромной силой. Река устремлялась вниз по порогам, преодолеть которые не смог бы даже самый искусный гребец. Свист, шум и рев при этом стояли такие, что казалось, это какое-то живое существо выражает свое яростное неудовольствие. Дорога стала скользкой от брызг, а

за шумом они почти не слышали друг друга. Видеть дальше чем в двух шагах от себя они тоже не могли, а из запахов остался только запах свирепой воды. Но потом дорога вдруг свернула от реки в ложбину, где шум воды сразу же стал едва слышен.

Скалы вокруг них все еще были мокрые от воды — от реки сюда долетали брызги,— но почти полная тишина, в которую они погрузились, стала для них настоящим отдохновением.

Уэлдрейк поскакал вперед, а вернувшись, сообщил, что дорога вроде бы огибает утес. Возможно, они добрались до океана.

Потом они вышли из лощины и снова оказались на открытой дороге. Вокруг росла высокая трава, простиравшаяся до горизонта, откуда по-прежнему доносился рев и где серебряной стеной поднимались облака брызг. Дорога вывела их к краю утеса, откуда им открылась бездна, такая глубокая, что ее дно терялось в темноте. Именно в эту пучину и устремлялась вода с такой неуемной радостью.

Элрик поднял взгляд, и у него вырвался вздох изумления. Только теперь увидел он наверху дорогу — дорогу, которая вилась от восточного, сильно изгибающего утеса к западному. Он был уверен, что это та самая дорога, которую он видел раньше. Но она явно была образована не утоптанной грязью. Это огромное пространство в виде моста представляло собой скопище веток, костей и кусков металла, образующих опору для поверхности, которая была выстлана тысячами звериных шкур, положенных друг на друга и склеенных зловонным костным клеем. Дорога эта, как показалось Элрику, с одной стороны, была абсолютной дикостью, но с другой, являла собой образец высокого строительного искусства. Когда-то и его народ был не менее изобретателен — до того, как магия заменила им все. Он восхищался, глядя на это необыкновенное сооружение. И тут раздался голос Уэлдрейка:

— Неудивительно, друг Элрик, что никто не спускается по реке ниже того места, которое они здесь называют Рубежом. А я уверен, что это и есть Рубеж.

Элрик улыбнулся иронии этих слов.

— Как вы думаете, эта странная дорога ведет к народу цыган?

Ведет туда, где смерть и мрак ночей;
Ведет туда, где подлый Крэй! —

продекламировал Уэлдрейк. Услужливая память поэта подсказывала ему строки одного из собственных опусов.

И вот сталь Быстрого Клинка
Вздымает Улрика рука,
Чтоб справедливость ясных дней,
Закон суровый ясных дней,
Познал злодей — граф Гвендит Крэй.

Даже склонная к проявлению восторгов Роза не захлопала в ладоши и не сочла эти стихи подходящими для данного весьма щекотливого момента: по одну сторону от них ревела река, а по другую — утес обрывался в пропасть. А над ними больше чем на милю от утеса к утесу простиралась огромная примитивная дорога, до которой не долетали брызги реки. А на некотором расстоянии от них виднелись спокойные воды бухты, задумчиво переливавшиеся на солнце синевато-зеленым цветом. Элрика потянуло к этому покою, хотя он и подозревал, что покой может оказаться обманчивым.

— Смотрите, господа,— произносит Роза, пуская свою лошадь галопом,— там впереди какое-то поселение. Может, повезет и мы найдем там гостиницу?

— Это место кажется мне подходящим только для одного, мадам. Нечто подобное я видел в Лендс-Энде, в своем последнем путешествии...— весело говорит Уэлдрейк.

Небо тем временем затянули тучи, темные и не предвещающие ничего хорошего, а солнце светило только над далекой гладью воды. Из пропасти до них стали доноситься неприятные рокочущие звуки, похожие на недовольные человеческие голоса — голоса голодных дикарей. Все трое отпустили какие-то невеселые шутки в связи с этой переменой в настроении ландшафта, сказали, что им куда как милее были неторопливая леность реки и пшеничные просторы и они туда с удовольствием бы вернулись.

На одном из некрашеных ветхих сооружений, двухэтажном доме с покосившимися фронтонами, окруженном дюжиной полуразвалившихся сараев, и в самом деле обнаружилась вывеска: прибитое к доске тело вороны. Непонятная надпись, похоже, являла собой название места.

— «Дохлая ворона», я думаю,— говорит Уэлдрейк, которому постоялый двор, кажется, сейчас нужнее, чем двум другим.— Место встречи пиратов и заключения грязных сделок. Что скажете?

— Я склонна согласиться с этим.— Роза встряхивает светло-рыжими кудрями.— Я бы предпочла обойти его стороной, но ничего другого здесь, видимо, нет. Давайте заглянем, а вдруг мы сможем получить здесь хоть какие-то сведения.

Под сенью странной дороги, на краю бездны три случайных попутчика не без опаски поручили своих лошадей конюху — тот хоть и был грязен, но приветствовал их довольно радушно. Затем они вошли в «Дохлую ворону» и с удивлением обнаружили внутри шестерых крепкого сложения мужчин и женщин, уже пользовавшихся гостеприимством этого заведения.

— Приветствую вас, господа,— произнес один из них, приподняв шляпу, очертания которой терялись среди множества перьев, лент, драгоценных камней и других украшений. Вся эта компания была облачена в кружева, бархат, атлас и являла собой весьма пестрое сборище. На них были шляпы, шляпки, шлемы самых причудливых стилей, темные намасленные кудри у мужчин переходили в черные, отливающие синевой бороды, а у женщин ниспадали на оливковые плечи. Все они были вооружены до зубов и явно настроены подкрепить любой аргумент силой клинка.— Вы, видать, проделали немалый путь?

— Немалый для одного дня,— сказал Элрик, снимая перчатки и плащ и направляясь к очагу.— А вы, мои друзья, тоже, видать, проделали путь немалый?

— Мы — попутчики на бесконечной дороге,— отвечает одна из женщин.— Мы всегда в пути. Мы обречены на странствия. Мы идем туда, куда ведет нас дорога. Мы свободные помощники цыган, чистокровные цыгане Южной пустыни,

наши предки странствовали по миру, когда еще не было никаких народов.

— Тогда я рад с вами познакомиться, мадам.— Уэлдрейк стряхнул капли со своей шляпы в очаг, и огонь зашипел в ответ.— Потому что как раз цыган-то мы и разыскиваем.

— Цыганский народ вовсе не нужно искать,— сказал самый высокий из мужчин в красном и белом бархате.— Цыгане сами всегда вас находят. А вам нужно только подождать. Повесьте знак на своей двери и ждите. Сезон почти закончился. Скоро начнется сезон нашего перехода. И тогда вы увидите переправу через мост Договора, где проложена наша древняя дорога.

— Этот мост принадлежит вам? И дорога? — озадаченно спросил Уэлдрейк.— Неужели цыгане могут владеть всем этим и оставаться цыганами?

— Я чую блевотину ума! — Одна из женщин поднялась, угрожающе положив руку на эфес своего кинжала.— Я чую помет ученой птицы. В воздухе носится чушь, а это место вовсе не предназначено для чуши.

Встав между Уэлдрейком и женщиной, Элрик снял возникшую напряженность.

— Мы пришли сюда для мирных переговоров и, возможно, торговли,— сказал он, потому что ему в голову не приходило никакого другого извинения, которое приняли бы эти люди.

— Для торговли?

Эти слова вызвали у цыган усмешку.

— Что ж, господа, в народе цыган рады всем. Всем, кто склонен к скитаниям.

— И вы отведете нас к вашим?

И снова эти слова вроде бы позабавили их, ведь, насколько понимал Элрик, лишь немногие из обитателей этого измерения отваживались путешествовать с цыганами.

Элрику было ясно, что Роза с подозрением относится к этой шестерке головорезов и вовсе не уверена, что хочет с ними идти, но в то же время она была полна решимости найти трех сестер и была готова рискнуть.

— Тут нас обогнали наши друзья,— сказал Уэлдрейк, который всегда в подобных ситуациях соображал быстрее дру-

гих.— Три молодые женщины, похожие друг на друга. Вам они случайно не встретились?

— Мы — цыгане Южной пустыни и обычно не заводим пустых разговоров с диддикойимами.

— Вот как! — воскликнул Уэлдрейк.— Какой высокомерный народ! Все повторяется в этой мультивселенной. А мы не перестаем удивляться этому...

— Сейчас не время для обобщений, господин Уэлдрейк,— оборвала его Роза.

— Мадам, для этого всегда есть время. Иначе мы всего лишь животные.— Уэлдрейк чувствует себя оскорбленным. Он подмигивает высокому цыгану и начинает тихонько напевать: — «Пойду гулять с цыганом диким, дитя родится смуглоликим!..» Вам знакома эта песня, друзья?

Ему удается очаровать их, и они усаживаются поудобнее на своих скамьях и начинают отпускать снисходительные шутки о народах, не принадлежащих к их племени, включая народ Уэлдрейка. Необычная наружность Элрика дает им повод выдумать для него прозвище — Горностай, которое он принимает с таким же хладнокровием, с каким принимает и все другие прозвища, выдуманные для него людьми, которые считают его необычным и пугающим. Он выжидает благоприятного момента с терпением, которое становится чуть ли не ощутимым — словно он завернулся в некий кокон ожидания. Он знает, что стоит ему вытащить Буревестник, как шестеро цыган, лишенные душ и жизней, упадут на дощатый пол гостиницы. Но он знает, что при этом могут умереть и Роза с Уэлдрейком, потому что Буревестник не всегда удовлетворяется жизнями одних только врагов. А поскольку он знает себе цену и никто другой здесь, на этом ревущем конце мира, и не догадывается о его силе, он потихоньку улыбается себе под нос. И ему все равно, что там цыгане говорят, а они говорят, что он, мол, такой худой, вполне может истребить целый садок кроликов. Он — Элрик из Мелнибонэ, владыка руин, последний в роду, и он ищет вместилище души его мертвого отца. Он мелнибониец, и он питает эту атавистическую гордость за всю ту силу, что можно почерпнуть из этого факта. Он вспоминает ту почти чувственную радость, которую испытывал, осознавая свое превосходство над всеми другими существами, обычными и сверхъестественными. Это чувство защищает его, хотя и несет с собой боль других воспоминаний.

А Уэлдрейк тем временем учит четырех цыган песне с шумным и вульгарным припевом. Роза беседует с хозяином на тему меню. Он предлагает кускус с крольчатиной. Ничего другого у него нет. Хозяин принимает заказ, и они едят столько, сколько могут вместить их желудки, а потом удаляются на зловонный чердак, где спят постольку, поскольку это удается — на чердаке полно клопов и всевозможных мелких паразитов, которые обследуют их тела: не удастся ли найти чего питательного. Но их поиски большей частью тщетны. Насекомым кровь Элрика не по вкусу.

На следующее утро еще до пробуждения своих спутников Элрик потихоньку спускается на кухню, находит там воду, бросает в кружку крупицу драконьего яда. Он едва сдерживает крик, когда боль терзает каждую его клеточку, каждый атом его существа, но зато потом его сила и высокомерие возвращаются. За его спиной словно вырастают крылья, которые поднимают его в небеса, где его ждут братья-драконы. С губ его рвется драконья песня, но он подавляет и ее. Он хочет наблюдать, а не привлекать к себе внимание. Только так сможет он найти душу отца.

Поэт и Роза, спустившись, находят своего спутника в хорошем расположении духа, он улыбается шутке цыган о голодном хорьке и кролике — эти буколические зверьки постоянно присутствуют в их разговорах, давая пищу для множества шуток.

Однако попытки Элрика включиться в их разговор с подобными же шутками вызывают у них недоумение, но, когда к ним присоединяется Уэлдрейк со своими историями об овцах и ботфортах, лед наконец-то ломается. К тому времени, когда они пускаются к западному утесу и дороге, цыгане приходят к выводу, что у них вполне приемлемые попутчики, и заверяют их, что им будут более чем рады в среде цыган.

— Внимаю, внимаю собачьему лаю,— щебечет Уэлдрейк, все еще держа в руке кружку с вином, которое подавали на завтрак. Он вальяжно расселся в седле, восхищаясь великоле-

пием пейзажа.— Говоря откровенно, принц Элрик, мне стало скучновато в Патни. Хотя уже и возникали разговоры о переезде в Барнс.

— Там что, так уж плохо? — спрашивает Элрик, который рад этому пустому разговору на ходу.— Там множество злобных колдунов и еще чего-нибудь в том же духе?

— Хуже,— отвечает Уэлдрейк.— Это место к югу от Реки. Я думаю, что слишком много занимался сочинительством в последнее время. В Патни практически больше нечего делать. На мой взгляд, истинный источник творчества — это кризис. А в Патни ты можешь быть уверен, что тебя не подстерегают никакие кризисы.

Вежливо внимая, как внимают кому-либо из друзей, рассуждающему о тех или иных темных или неприятных вопросах веры, Элрик слушал слова поэта, воспринимая их как своего рода колыбельную. Слова Уэлдрейка слегка усмиряли его боль. Элрик теперь понимал, что организм не вырабатывает привыкания к яду, но при этом он, по крайней мере, чувствовал в себе силы без особого труда расправиться с цыганами, если те окажутся предателями. Он не без презрения относился к мнению местных жителей. Возможно, эти негодяи терроризировали здешних фермеров, но против настоящих бойцов им было не выстоять. Еще он знал, что в любой ситуации может положиться на Розу, но вот Уэлдрейк в бою будет абсолютно бесполезен. В нем чувствовалась какая-то неуклюжесть, по которой было ясно, что, возьми он в руки меч, это не столько напугает, сколько развеселит противника.

Время от времени он обменивался взглядами со своими друзьями, но по ним было видно, что у них нет никаких особенных предложений. Поскольку те, кого они искали, отправились на поиски народа цыган, то у них были все основания хотя бы выяснить, что собой представляет этот самый народ.

Элрик смотрел, как Роза, явно чтобы избавиться от снедавшей ее тревоги, внезапно пустила лошадь в галоп по узкой дорожке над бездной, в которую срывались из-под копыт камни и комья глины и дерна — срывались и летели в темноту навстречу реву невидимой реки. Следом за Розой с бесшабашной удалью пустили один за другим своих коней в галоп и цыгане.

Они гикали, подпрыгивая в седлах, наклоняясь, делая нырки, словно это было совершенно естественным для них делом, и Элрик весело рассмеялся, видя их радость. Уэлдрейк хлопал в ладоши и свистел, как мальчишка в цирке. А потом они оказались перед огромной горой мусора, которая была выше всего, что Элрик видел прежде. Там они встретили других цыган, ждавших у прохода, который они проделали в этой горе. Они самым сердечным образом приветствовали своих соплеменников, а Элрика, Уэлдрейка и Розу смерили такими же небрежно-презрительными взглядами, какими они удостаивали всех, кто был не из их племени.

— Они хотят присоединиться к нашему свободному табору,— сказал высокий цыган в красно-белом одеянии.— Я им сказал, что мы никогда не отказываем желающим.— Он расхохотался, приняв слегка перезревший персик, предложенный ему одним из цыган.— Запастись, как всегда, почти нечем. В конце сезона это обычное дело. Как и в начале.— Внезапно он склонил набок голову.— Но сезон наступит довольно скоро. Мы отправимся ему навстречу.

Элрику показалось, что земля под ним чуть подрагивает, что он слышит словно бы звук рожка вдалеке, барабанный бой, голос волынки. Может быть, их бог ползет по своей дороге от одной своей берлоги к другой? Может быть, его и его товарищей собираются принести в жертву этому богу? Может быть, именно над этим и смеются цыгане?

— Какой сезон? — спросила Роза, в голосе ее послышалась тревога, ее длинные пальцы нервно теребили волосы.

— Сезон нашего ухода. Хотя, если говорить точнее, сезоны нашего ухода,— сказала женщина, выплевывая сливовые косточки в пепельную грязь дороги.

Потом она запрыгнула в седло и повела их по проходу к мясистой плоти огромной дороги, которая подрагивала и тряслась, словно откликаясь на далекое землетрясение, случившееся на востоке. Элрик посмотрел на эту дорогу шириной в милю и увидел движение, услышал новый шум и тут понял, что в этот самый момент им навстречу устремляется нечто.

— Великий боже! — закричал Уэлдрейк, в недоумении снимая шляпу.— Что же это такое?

Они видели какую-то темноту, мелькание тяжелых теней, редкие вспышки света. Нарастала тряска, от которой кучи мусора раскачивались, а крылатые падальщики, пронзительно крича, взмывали вверх, образуя вихри из плоти и перьев. Все это пока еще происходило за много миль от них.

Цыганам это явление было так хорошо знакомо, что они не обращали на него ни малейшего внимания, но Элрик, Уэлдрейк и Роза напряженно всматривались в даль.

Колебание усиливалось. Источником этого ритмического движения явно был пролет дороги, повисший над бухтой. Затем движение перешло в мелкую непрекращающуюся качку, словно рука великана раскачивала их в какой-то странной колыбели. Тень на горизонте становилась крупнее и крупнее, заполняя собой все пространство дороги.

— Мы свободные люди. Мы идем по дороге, и у нас нет хозяина! — скандировала одна из женщин.

— Верно! Верно! — верещит Уэлдрейк.— Да здравствует свободная дорога! — Но его голос срывается, когда они начинают понимать, что за нечто приближается к ним. Причем нечто — это одно из многих.

Оно похоже на корабль. Это огромная деревянная платформа, ширина которой вполне соответствует размерам какого-нибудь поселения, у нее огромные колеса на гигантских осях, и на них она медленно движется вперед. С платформы свисает что-то вроде кожаного занавеса, а на платформе имеется частокол, за которым видны крыши и шпили города, медленно, но неуклонно движущегося на платформе вместе с жилищами всех его обитателей.

Это только одна из сотен таких платформ.

За первой движется следующая платформа со своим собственным поселением, собственными домами и собственными флагами. А следом за ней — еще. Дорога заполнена этими платформами, они громыхают и скрипят и с черепашьей скоростью неизменно продвигаются вперед, вминая мусор в землю, еще больше выравнивая и без того ровную дорогу.

— Бог ты мой,— шепчет Уэлдрейк.— Это настоящий кошмар с картины Брейгеля. Так Блейк представляет себе Апокалипсис!

— Да, такое кого угодно выведет из равновесия.— Роза затягивает ремень у себя на поясе чуть потуже и хмурится.— Вот уж воистину кочевой народ.

— Похоже, вы вполне самодостаточны,— говорит Уэлдрейк одному из цыган, который снисходительно соглашается с ним.— И сколько же поселений у вас передвигается таким образом?

Цыган пожимает плечами и трясет головой. Он не уверен.

— Тысячи две,— говорит он.— Но не все двигаются так быстро. Есть города второго сезона, которые следуют за этими, а потом еще и третьего сезона.

— А четвертого?

— Ты же знаешь, что у нас нет четвертого сезона. Его мы оставляем для вас.— Цыган смеется, словно разговаривает с недоумком.— Иначе у нас не было бы пшеницы.

Элрик прислушивается к гомону и шуму, несущимся с огромных платформ, видит людей, которые забираются на стены, перевешиваются через них, что-то кричат друг другу. Он вдыхает запахи — такие же, как в обычном городе, слышит обычные звуки и удивляется тому, что видит: все там сделано из дерева, скреплено железными заклепками, схвачено медными, латунными или стальными скобами. Дерево такое древнее, что видом своим похоже на камень, колеса такие огромные, что раздавят человека, словно муравья, попавшего под колесо тележки. Он видит стираное белье, которое сушится на веревках, видит вывески разных лавочек и мастерских. Скоро двигающиеся платформы подходят так близко, что он чувствует себя карликом и ему приходится задирать голову, чтобы увидеть поблескивание смазанных маслом осей, старых, обитых железом колес, каждая спица которых по высоте не уступает имррирским башням. Он вдыхает запах — насыщенный запах жизни во всем ее изобилии. А высоко над его головой гогочут гуси, собаки поднимаются на задние лапы, лают и рычат, высовывая головы поверх стен. Дети смотрят на чужестранцев со стен и стараются плюнуть так, чтобы попасть им на головы, выкрикивают обидные словечки и детские остроты в адрес находящихся внизу. Родители награждают их затрещинами, но и сами в свою очередь отпускают замечания,

глядя на необычных чужестранцев, и вовсе не исполняются радости, видя, что их рядов прибыло. Теперь по обе стороны от них скрипят колеса, из-под которых вылетают помои и экскременты, образуя справа и слева валы. За платформами идут мужчины, женщины и дети, в руках у них метлы, которыми они сгребают отходы в кучи, тревожа недовольных стервятников. Над ними поднимается пыль, роятся тучи мух. Иногда они останавливаются и начинают спорить и тузить друг друга из-за какой-нибудь понравившейся им вещицы, обнаруженной в мусоре.

— Вот уж помойка так помойка,— говорит Уэлдрейк, прижимая к лицу свой огромный красный платок и громко кашляя.— Прошу вас, скажите мне, куда ведет эта огромная дорога?

— Ведет? — недоуменно спрашивает цыган, тряся головой.— Она ведет в никуда и куда угодно. Это наша дорога. Дорога свободных путников. Она ведет сама за собой, маленький поэт. Она опоясывает мир!

Глава четвертая

ВМЕСТЕ С ЦЫГАНАМИ. НЕКОТОРЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРИРОДЫ СВОБОДЫ

И вот, бродя в изумлении между крутящихся колес, Элрик и его спутники увидели, что за первым рядом двигающихся поселений идет огромная масса людей. Мужчины, женщины, дети всех возрастов, всех классов и самого разного облика, они разговаривали, спорили и играли на ходу в разные игры. Некоторые из них шли среди этих скрежещущих ободов с видом беззаботным, у других вид был необъяснимо несчастный, и они плакали, держа в руках шляпы. С ними шли их собаки и другие домашние животные, которые сопровождают кочевых людей. Потом появились конные цыгане, они присоединились к своим соплеменникам, не обратив ни малейшего внимания на трех чужаков.

Уэлдрейк свесился со своей лошади и обратился к приветливого вида женщине, принадлежащей к тому типу, который

нередко проявлял к нему интерес. Он снял со своей рыжей гривы шляпу, его маленькие куриные глаза сверкали.

— Прошу простить меня за назойливость, мадам. Мы новички среди вашего народа, и мы полагали бы разумным снестись с вашими властями...

— У нас, у цыган, нет никаких властей, петушок,— рассмеялась она, услышав столь глупое предположение.— Мы здесь все свободны. У нас есть совет, но соберется он не раньше следующего сезона. Если вы присоединитесь к нам, что вы, судя по всему, уже сделали, то вы должны будете найти деревню, которая примет вас. Если не найдете, то вам придется уйти.— Она, не останавливаясь, сделала жест рукой куда-то назад.— Попробуйте лучше там. Передние деревни полны чистокровных, а они не очень-то приветливы. Но кто-нибудь непременно вас возьмет.

— Мы вам признательны, мадам.

— Не за что, всадник,— сказала она и добавила, словно поговорку: — Нет никого свободнее цыгана на коне.

И вот вместе с этой огромной колонной, занявшей всю дорогу от одной осклизлой насыпи до другой, двинулись на своих конях Элрик, Уэлдрейк и Роза. Иногда они приветствовали тех, кто шел пешком, иногда слышали приветствия в ответ. В этом шествии чувствовалась какая-то праздничная атмосфера. То там, то здесь слышались песни. Иногда под шарманку, звучавшую на манер скрипки, возникал танец. А в других местах в ритм шагам люди хором распевали популярный, видно, куплет:

Мы даем обет цыган —
Соблюдать закон цыган.
Всем ослушавшимся — смерть!
Всем ослушавшимся — смерть!

Уэлдрейк по причинам нравственного, этического, эстетического и метрического характера к этому пению отнесся неодобрительно:

— Я не против примитивизма, друг Элрик, но только примитивизма более утонченного. А это чистой воды ксенофобия. Не годится для национального эпоса...

Однако Роза сочла это пение очаровательным.

В это время Элрик, по-драконьи поднимающий голову и принюхивающийся к ветру, увидел мальчика, который стремглав выскочил из-под колеса одной из гигантских платформ и бросился к мусорному валу, пополняемому проезжающими мимо поселениями. Мальчишка попытался взобраться на этот вал; к ногам и рукам у него были прикреплены дощечки, которые должны были бы способствовать этому, но на самом деле только затрудняли его продвижение.

Он совсем обезумел от ужаса и громко кричал, но толпа с песней шла мимо, словно его и не существовало. Мальчишка попытался было спуститься назад на дорогу, но доски затягивали его глубже и глубже в мусор. И снова над толпой двигающихся с песней цыган раздался его жалобный крик. Потом откуда-то вылетела стрела с черным оперением и пронзила мальчишке горло, оборвав крик. Кровь заструилась между его перекошенных губ. Мальчик умирал. Но никто даже и глазом не повел.

Роза проталкивалась сквозь толпу, крича на людей, обвиняя их в черствости, пытаясь добраться до мальчика, чьи предсмертные судороги приводили к тому, что он еще глубже погружался в кучу отбросов. Когда Элрик, Уэлдрейк и Роза добрались до него, он был уже мертв. Элрик протянул руку к телу, но тут прилетела еще одна стрела с черным оперением и вонзилась мальчику в сердце.

Элрик в гневе поднял голову, и лишь совместными усилиями Уэлдрейку и Розе удалось удержать его, иначе он вытащил бы из ножен свой меч и бросился искать лучника.

— Гнусная трусость! Гнусная трусость!

— Может быть, преступление этого мальчика было еще хуже,— осторожно предположила Роза. Она взяла Элрика за руку, для чего ей пришлось свеситься с седла.— Успокойся, альбинос. Мы здесь для того, чтобы узнать то, что могут сообщить нам эти люди, а не оспаривать их обычаи.

Элрик согласился с этой мудростью. Он был свидетелем деяний куда более жестоких, деяний, совершенных его соплеменниками, и прекрасно знал, что даже самая жестокая пытка может кому-то казаться делом совершенно справедливым. Он

взял себя в руки, но теперь с еще большей настороженностью оглядывал толпу. Роза повела их к следующему ряду двигающихся деревень, которые с невероятной медлительностью поскрипывали колесами своих платформ, перемещаясь со стариковской скоростью по телесного цвета дороге. Длинные кожаные фартуки, свисающие с платформ, мели землю по мере их продвижения, и все это очень напоминало дородных вдов, вышедших на вечернюю прогулку.

— Какое колдовство движет эти платформы? — пробормотала Роза, когда им наконец удалось протиснуться сквозь толпу.— И как нам подняться на какую-нибудь из них? Эти люди не хотят с нами разговаривать. Они чего-то боятся...

— Несомненно, госпожа.

Элрик оглянулся, чтобы посмотреть на то место, где умер мальчик. На куче мусора все еще было видно его распростертое тело.

— Свободное общество вроде этого не собирает налогов, а значит, им нечем заплатить тем, кто выступил бы в роли полицейских. А потому семья и кровная месть становятся важнейшими инструментами правосудия и порядка,— сказал Уэлдрейк, который все еще был обескуражен произошедшим.— Они — единственное прибежище. Я думаю, мальчик заплатил своей жизнью за грех кого-нибудь из родичей, а может, и за свой собственный. «Кровь за кровь! — проревел царь пустынь,— глаз за глаз — клянусь! На заре, лишь прольется свет на Омдурман, погибнет назарей!» Нет-нет, это сочинил не я,— поспешно добавил он.— Это, как мне сказали, написал популярнейший среди обитателей Патни М. О'Крук, прославившийся в искусстве пантомимы...

Полагая, что коротышка-поэт просто бормочет что-то себе под нос, сам себя таким образом утешая, Элрик и Роза не обращали на него внимания. Роза приветственно махала ближайшей гигантской платформе, чей фартук со скрежетом и шипением скользил по земле. Из отверстия в кожаном занавесе вышел человек, одетый в ярко-зеленый бархатный костюм с алой оторочкой. В ухе у него красовалась золотая серьга, на руках были золотые браслеты, на шее — ожерелье, на поясе — цепочка, тоже золотая. Он оглядел их своими темными глазами

и вернулся туда, откуда пришел. Уэлдрейк хотел было последовать за ним, но передумал.

— Интересно, какую плату потребуют они с нас за разрешение войти?

— Войдем — и узнаем,— сказала Роза, откидывая с лица волосы. С этими словами она направилась к следующей неторопливо двигающейся платформе, из-за фартука которой высунулась женская голова в красной шапочке, посмотрела на них без всякого любопытства, а потом исчезла. Затем выглянула еще одна голова, потом еще. Какой-то человек в раскрашенной кожаной куртке и медном шлеме выказал больше интереса к их лошадям, чем к ним, но в конечном счете выставил большой палец, словно говоря: убирайтесь вон. Увидев это, Элрик пробормотал, что больше не собирается иметь дело с такими грубиянами, а найдет другой способ вести свои поиски.

Следующая деревня выслала им навстречу состоятельного старого цыгана в головном платке и вышитом камзоле. Его черные штаны были заправлены в белые носки.

— Нам нужны ваши лошади,— сказал он.— Но что-то у вас больно умный вид. Только смутьянов нам в нашей деревне не хватало. Так что лучше я распрощаюсь с вами.

— Ни наш внешний вид, ни наши мозги их не устраивают,— сказал, усмехаясь, Уэлдрейк.— Единственное, к чему они еще проявляют какой-то интерес, так это к нашим лошадям.

— Настойчивость и упорство, господин Уэлдрейк,— мрачно сказала Роза.— Мы должны найти наших сестер, а мне кажется, что деревня, которая выразила готовность их принять, не откажет в гостеприимстве и нам.

На взгляд альбиноса, это была ущербная логика, но тем не менее хоть какая-то логика, тогда как он ничего другого предложить не мог.

Их подвергли осмотру и не приняли еще пять деревень. Наконец из деревни, которая казалась меньше других и чуть более ухоженной, чем большинство проехавших ранее, ленивой походкой вышел высокий человек, чья несколько пугающая наружность смягчалась парой любопытных голубых глаз. Его

шикарная одежда свидетельствовала о том, что он любит пожить себе в удовольствие, что несколько противоречило суровому выражению его лица.

— Добрый вам вечер, господа,— сказал он музыкальным и чуть манерным голосом.— Меня зовут Амарин Гудул. В вас есть что-то необыкновенное. Вы, случайно, не художники? А может быть, вы рассказчики? Или вы разыгрываете свою собственную историю? Как видите, наша жизнь в Троллоне скучновата.

— Я Уэлдрейк, поэт.— Маленький фат вышел вперед, ни слова не говоря о своих спутниках.— И я писал стихи для королей, королев и простолюдинов. Кроме того, мои стихи издавались в разные времена, и я оставался поэтом на протяжении нескольких инкарнаций. Я чувствую ритм, сэр. И этому завидуют все — пэры и прочие высшие по положению. А еще у меня дар импровизации. Вот. В Троллоне, дивном и неспешном, жил Амарин Гудул, известный нарядом и умом. Друзья Гудула так ценили, что берегли...

— А меня зовут Роза. Я отправилась в путь в поисках отмщения. Я уже побывала в самых разных мирах.

— Ага! — воскликнул Амарин Гудул.— Значит, ты плыла по мегапотоку! Ты разрушила стены между мирами! Ты пересекла невидимые границы мультивселенной! А ты, мой господин? Ты, мой бледный друг? Каким даром обладаешь ты?

— У себя дома, в моем маленьком тихом городке, у меня репутация фокусника и философа,— кротко сказал Элрик.

— Замечательно, мой господин. Но ты бы не оказался в этой компании, если бы тебе нечего было нам предложить. Возможно, философия, которую ты исповедуешь, необычна?

— Должен признать, она абсолютно традиционна.

— И тем не менее. Тем не менее. У тебя есть лошадь. Входи. Добро пожаловать в Троллон. Я не сомневаюсь, вы найдете здесь людей, близких вам по духу. Мы в Троллоне все немного не от мира сего! — И, издав дружелюбный гогот, он тряхнул головой.

Он повел их в поселение на колесах, в его сумрачную темноту, лишь едва освещаемую слабыми лампадами, так что поначалу они могли разглядеть лишь самые общие контуры пред-

метов, которые здесь находились. Им показалось, что они попали в огромную конюшню с таким множеством стойл, что их ряды терялись где-то вдалеке. Элрик чувствовал запах лошадей и человеческого пота. Они шли по центральному проходу, и он видел сверкающие от пота спины мужчин, женщин, юношей, которые изо всех сил упирались в шесты-весла, дюйм за дюймом двигая вперед гигантское сооружение. В другом месте рядами стояли лошади в упряжи; упираясь мощными ногами в землю, они тащили платформу за мощные канаты, прикрепленные к стропилам крыши.

— Оставьте ваших лошадей этому парню,— сказал Амарин Гудул, указывая на одетого в тряпье мальчишку, который протягивал руку в надежде заполучить монетку, а наконец ее получив, расплылся в ухмылке.— Вы получите расписку, не волнуйтесь. Вы можете расслабиться по меньшей мере на два сезона. А если проявите себя с лучшей стороны, то, возможно, и навсегда. Как я, например. Конечно же,— тут он понизил голос,— вы должны будете взять на себя и кое-какие обязательства.

По длинной винтовой лестнице они поднялись наверх и оказались на узенькой улочке. Из окон домов, не прерывая своих разговоров, лениво посматривали люди. Эта картина была настолько обычной, что входила в явное противоречие с тем, что они видели внизу.

— И что же те люди, сэр,— они рабы? — поинтересовался Уэлдрейк.

— Рабы? Ни в коем случае! Это свободные цыганские души, как и я. Они свободно бредут по огромной дороге, опоясывающей мир, и дышат воздухом свободы. Просто они по очереди занимают свои места в маршевых отделениях, что всем нам приходится делать время от времени. Они исполняют свой гражданский долг, мой господин.

— А если они не захотят исполнять свой гражданский долг? — тихо спросил Элрик.

— Я вижу, мой господин, что ты и в самом деле философ. Но боюсь, что вопросы столь невразумительные вне моей компетенции. Правда, в Троллоне найдутся люди, которые с удовольствием будут обсуждать с тобой такие отвлеченные пред-

меты.— Он дружески похлопал Элрика по плечу.— У меня есть несколько друзей, которые с радостью вас примут.

— Ваш Троллон — процветающее место.— Роза сквозь пространства между домами посмотрела туда, где с такой же неспешностью двигались другие платформы.

— Да, мы поддерживаем определенные стандарты, моя госпожа. Я сейчас распоряжусь о расписках.

— Не думаю, что мы продадим вам наших лошадей,— сказал Элрик.— Мы не можем двигаться со скоростью пешехода.

— Вы уже так двигаетесь, мой господин. Движение у нас в крови. Но мы должны приставить ваших лошадей к делу. Иначе, мой господин,— усмехнулся он,— мы далеко не уйдем.

И снова взгляд Розы охладил пыл Элрика. Но его раздражение росло, когда он вспоминал о своем мертвом отце и угрозе, нависшей над ними обоими.

— Мы будем счастливы воспользоваться вашим гостеприимством,— дипломатично сказала Роза.— А кроме нас в последние дни никто больше не был принят в Троллоне?

— Кто-то из ваших друзей опередил вас, моя госпожа?

— Как насчет трех сестер? — сказал Уэлдрейк.

— Трех сестер? — Он покачал головой.— Если бы я их видел, то наверняка бы запомнил. Но я узнаю в соседних деревнях. Если вы голодны, то я буду счастлив предоставить вам кредит. У нас в Троллоне превосходная кухня.

Было очевидно, что нищих в Троллоне нет. Краска всюду была свежей, стекла сверкали, улицы были аккуратные и чистые — Элрик, пожалуй, таких и не видел нигде.

— Похоже, что все язвы и печали скрыты внизу,— прошептал Уэлдрейк.— Я буду рад, когда покину это место, принц Элрик.

— Думаю, с этим возникнут трудности.— Роза говорила тихо, чтобы никто чужой ее не услышал.— Уж не хотят ли они превратить нас в рабов, как тех несчастных внизу?

— На мой взгляд, в ближайшем будущем они не собираются отправлять нас туда,— сказал Элрик.— Но у меня нет сомнений — им нужны наши мускулы и наши лошади, но отнюдь не наша компания. Я не собираюсь здесь задерживаться, если мне не удастся быстро обнаружить хоть какой-нибудь ключик

к тому, что я ищу. У меня мало времени.— К нему возвращалось его прежнее высокомерие и прежняя раздражительность.

Он пытался подавить их в себе, так как понимал, что они — симптомы той болезни, которая привела его к нынешнему затруднительному положению. Он ненавидел собственную кровь, свою зависимость от рунного меча и прочих сверхъестественных средств, которые были необходимы ему для поддержания жизни. И когда Амарин Гудул привел их на центральную площадь, застроенную далеко не новыми магазинами, общественными зданиями и домами, для встречи с приемным комитетом, Элрик пребывал отнюдь не в радужном настроении, хотя и знал, что сейчас им более всего требуются ложь, лицемерие и обман. Его попытка улыбнуться не вызвала ответной любезности.

— Пливет вам, пливет! — воскликнул призрак в зеленых одеяниях с маленькой заостренной бородкой и шляпой, угрожающей поглотить всю его голову и половину туловища.— От имени мужей и дев Тлоллона, говолю вам, что наши селдца наполняются счастьем пли виде вас. Или, говоля плостым языком, считайте нас всех своими блатьями и сестлами. Меня зовут Филиглип Нант, я один из театлальных...

Он принялся представлять разных людей с необычно звучащими именами, странным выговором и неестественным цветом кожи. Уэлдрейк глядел на них с ужасом — словно их внешний вид был ему знаком.

— Похоже на Общество изящных искусств Патни,— пробормотал он.— А может, и того хуже — на Коллегию поэтоведов в Сурбитоне. Я с большой неохотой посещал то и другое. И еще много им подобных собраний. В Илкли, помнится, было худшее.

Он погрузился в мрачное созерцание этой картины, с улыбкой, не более убедительной, чем улыбка альбиноса, слушая имена, пользующиеся здесь известностью. Наконец он задрал свой острый нос к небесам, на которых все еще висели дождевые тучи, и начал в качестве самозащиты декламировать что-то себе под нос. Но его тут же окружили зеленые, черные и алые костюмы, шуршащая парча и романтические кружева,

источавшие ароматы сотен садовых цветов и трав,— цыганская пишущая братия — и унесли его прочь.

У Розы и Элрика тоже появились свои временные почитатели. Несомненно, они попали в состоятельную деревню, жаждавшую новизны.

— Мы здесь, в Троллоне, космополиты. Как и большинство поселений диддикайимов — ха-ха! — наши деревни почти целиком населены чужаками. Да что там говорить, я ведь и сама чужак. Из другого, видите ли, мира. Если хотите знать, из Хеешигроуинааза. Вам знакомо это название?..— Размалеванная женщина средних лет в замысловатом парике взяла Элрика под руку.— Меня зовут Парафа Фоз, а мужа, конечно же, Баррибан Фоз. Я тебя не утомила?

— У меня такое чувство,— вполголоса сказала Роза, на которую тоже наседала толпа поклонников,— что это самое трудное наше испытание...

Но Элрику показалось, что она получает от этого удовольствие, в особенности от выражения, которое застыло на его лице.

И он с иронией склонился перед неизбежностью.

Затем последовало несколько ритуалов посвящения, с которыми Элрик не был знаком. Но Уэлдрейк этого страшился, поскольку ему-то они были известны слишком хорошо. Роза приняла их так, будто когда-то прежде была знакома с ними гораздо лучше.

Была подана еда, произносились речи, устраивались представления и экскурсии в старейшие и необычнейшие части деревни, читались небольшие лекции о ее истории и архитектуре, о том, как замечательно она была восстановлена.

Наконец Элрику, которому не давали покоя мысли о похищенной душе его отца, стало невмоготу. Он всем сердцем желал, чтобы все эти люди превратились в нечто ему понятное и знакомое, с чем ему легче иметь дело, например в скачущих, скользких, слюнявых демонов Хаоса или в какого-нибудь безрассудного полубога. Подчас ему очень хотелось вытащить свой меч, чтобы пресечь эту болтовню, замешанную на предрассудках, невежестве, снобизме и предвзятости, чтобы заставить замолчать эти громкие, надменные голоса, настолько уверен-

ные в увиденном и прочитанном ими, что они даже прониклись убеждением в собственной неоспоримой и неуязвимой власти над реальностью...

И все это время Элрик думал и о тех несчастных внизу, что, напрягаясь из последних сил, непрестанно, дюйм за дюймом, двигают эту деревню вместе со всеми другими свободными цыганскими деревнями вокруг мира.

Элрику привычнее было добывать требовавшуюся ему информацию с помощью пытки, а потому он предоставил Розе выведать то, что ей удастся, и наконец, когда они остались вдвоем — Уэлдрейк был взят в качестве трофея на какой-то званый обед,— она позволила себе расслабиться. Им были предоставлены соседние комнаты в лучшей, как их заверили, гостинице деревень второго ряда. Завтра, сказали им, им покажут апартаменты, которые будут предоставлены в их постоянное пользование.

— Думаю, первый день мы провели неплохо,— сказала она, усевшись на сундук и снимая сапоги из оленьей кожи.— Они сочли нас занятными, а потому нам сохранили жизни, мы пользуемся относительной свободой, а самое, на мой взгляд, главное, это то, что нам оставили оружие...

— Значит, ты им совершенно не веришь? — Альбинос с любопытством поглядел на Розу; она встряхнула светло-рыжими волосами и стянула с себя куртку, под которой оказалась темно-желтая блуза.— Я таких, как они, прежде никогда не встречал.

— Если не считать, что они собрались сюда со всех концов света, то они мало чем отличаются от тех, которых я оставила давным-давно. Это тот самый тип людей, с каким бедняга Уэлдрейк хотел бы больше никогда не встречаться. Сестры добрались до народа цыган за неделю до нас. Женщина, которая мне об этом сказала, узнала эту новость от своей знакомой из соседней деревни. Но сестер приняла деревня первого ряда.

— И мы сможем их там найти? — Элрик испытал такое облегчение, что только сейчас понял всю меру своего отчаяния.

— Это будет не очень-то легко. У нас нет приглашения посетить ту деревню. Нужно соблюсти определенные формальности, прежде чем мы получим такое приглашение. Но еще

я узнала, что Гейнор, о котором ты говорил, тоже здесь, хотя он исчез почти сразу же, как появился, и никто не знает, где он находится.

— А он не ушел отсюда?

— Кажется, это не так-то легко сделать. Даже для таких, как Гейнор.— В ее голосе была слышна изрядная доля горечи.

— Это запрещено?

— Ничто не запрещено в народе цыган,— иронически сказала она.— Если только это не влечет за собой какие-либо перемены.

— А почему убили мальчика?

— Они мне сказали, что это им неизвестно. Они сказали, что, может быть, я ошиблась. На их взгляд, говорят они, это отвратительно — разглядывать груды мусора и думать, что в них кто-то скрывается. Короче говоря, послушать их, так никто никакого мальчика и не убивал.

— И тем не менее он пытался бежать. Мы с тобой это видели. От чего он хотел убежать?

— Они нам об этом не скажут, принц Элрик. Похоже, тут есть темы, говорить на которые считается дурным тоном. Такое наблюдается во многих обществах — там темы, затрагивающие основы их существования, находятся под строжайшим запретом. Что это за страх такой перед реальным миром, преследующий душу человека?

— В настоящий момент я не ищу ответа на такие вопросы,— сказал Элрик, которого после всей сегодняшней болтовни даже размышления Розы выводили из себя.— Я считаю, что мы должны покинуть Троллон и найти деревню, которая приняла сестер. Они знают название этой деревни?

— Дунтроллин. Странно, что сестер приняли туда. Эта деревня, насколько я поняла,— что-то вроде военного ордена, призванного защищать дорогу и путников на ней. Народ цыган включает тысячи таких подвижных округов, и у каждого своя функция в этом едином целом. Кто-то мог бы это счесть воплощенной мечтой демократического совершенства.

— Если бы не те несчастные внизу,— сказал Элрик, которому не давала покоя мысль о том, что, пока он здесь собирается отдохнуть, огромная платформа, на которой существует

все это, движется вперед усилиями изможденных мужчин, женщин и детей.

Спал он в ту ночь плохо, хотя привычные ночные кошмары и не преследовали его. И он был благодарен судьбе за эту малую толику милосердия.

Завтракали они в общем зале, свободном от каких бы то ни было простолюдинов. Обслуживали их молодые женщины в крестьянских платьях, которые ничуть не тяготились своей работой, а действовали как играющие дети. Трое друзей снова делились теми крохами сведений, которые им удалось выяснить.

— Они постоянно находятся в движении,— сказал Уэлдрейк.— Одна мысль об остановке кажется им ужасной. Они полагают, что все их общество погибнет, если этот огромный караван остановится. И потому их *хои полои,* так они называют здесь рабочую силу, двигают эти платформы вперед с помощью или без помощи лошадей. Толпа, идущая по дороге, состоит из должников, бродяг, банкротов и нарушителей порядка. Это, так сказать, среднее звено изгоев общества, чьи проступки не привели к серьезным последствиям. Все боятся того, что им придется присоединиться к тем, кто двигает платформы, а значит, потерять свой статус и какую-либо возможность его восстановить. Их этика и законы построены, так сказать, на фундаменте постоянного движения. Мальчик, насколько я понимаю, хотел остановиться, а в таких ситуациях действует одно правило: иди или умри. И всегда двигайся вперед. Я жил в эпоху Глорианы, Виктории и Елизаветы, но я нигде не встречал таких поразительных и своеобразных лицемеров.

— И не существует никаких исключений? Все постоянно должны двигаться?

— Никаких исключений.— Уэлдрейк угощался блюдом из разных сортов мяса и сыра.— Должен сказать, что у них великолепная кухня. Это не может не вызывать чувства благодарности. Если бы вам довелось оказаться, ну, скажем, в Рипоне и вам бы не понравился их пирог, вам пришлось бы умирать с голоду.— Он налили себе немного светлого пива.— Итак, наши сестры нашлись. И возможно, Гейнор находится с ними. Я полагаю, нам теперь нужно получить приглашение из Дунтроллина. А это наводит меня на следующий вопрос: почему они не попросили вас сдать оружие? Я здесь не видел ни одного вооруженного человека.

— Я так думаю, что наше оружие дает нам основание надеяться, что мы еще сезон-другой не будем отправлены вниз,— сказал Элрик, который тоже задавал себе этот вопрос.— Им незачем просить нас отдать им оружие. Они рассчитывают вскоре и так получить его как плату за жилье, за пищу — за что угодно, что, на их взгляд, люди всегда ценят превыше свободы...— Задумчиво жуя хлеб, он устремил взгляд в никуда, забывшись в грустных воспоминаниях.

> Так на бесчинстве глубоком бесчестный покоится трон;
> Так под пятою набожной лени старый молчит Альбион,—

напевно произнес грустным голосом маленький поэт.— Есть ли хоть где-нибудь роскошь, которая не была бы создана за счет несчастья других? — вопрошал он.— Есть ли где-нибудь место, где все были бы равны?

— Есть-есть,— живо сказала Роза.— Не сомневайся. Это мой собственный мир.— Она сразу же замолчала — видимо, пожалев о своей несдержанности, и занялась поданной ей кашей.

У двух других разговор, однако, не клеился.

Наконец Элрик сказал:

— И почему же, интересно, они не хотят, чтобы мы покинули этот рай? Каким образом цыгане оправдывают свои правила?

— Я не сомневаюсь, друг Элрик, у них для этого находятся тысячи подобных аргументов. Вне всяких сомнений, что-нибудь туманное и подходящее для любого случая. Если путешествуешь по мультивселенной, то недостатка в метафорах никогда не испытываешь.

— Видимо, да, господин Уэлдрейк. Но возможно, только такими туманными аргументами мы и оправдываем свое существование.

— О да, сэр. Вполне вероятно.

Наконец в разговор снова вступила Роза, которая вполголоса напомнила Уэлдрейку, что они пришли сюда не как исследователи абстракций — они здесь ищут трех сестер, которые владеют известными предметами, дающими силу... Или, по крайней мере, владеют знанием того, где найти эти предметы. Уэлдрейк, зная свою слабость к подобного рода измышлениям, принес свои извинения. Но прежде чем они возобновили разговор о том, как им покинуть Троллон и каким-либо образом попасть в Дунтроллин, двери зала распахнулись, и в них появилась величественная фигура мужчины в шелках и кружевах. На голове его красовался огромный парик, а его аристократическое лицо было размалевано, как у наложницы из Джаркора.

— Прошу простить, что прерываю ваш завтрак. Меня зовут Вайладез Ренч. К вашим услугам. Я пришел сюда, дорогие друзья, предложить вам дом на ваш выбор, чтобы вы смогли начать как можно скорее вливаться в наше сообщество. Я полагаю, у вас есть средства, чтобы обосноваться в более пристойном жилище?

Поскольку они не хотели раньше времени вызвать подозрение у троллонских жителей, то у них не было выбора, и они покорно последовали за высоким и утонченным Вайладезом Ренчем, который повел их по аккуратным, вылизанным дорожкам этого живописного городка. А цыганский народ тем временем дюйм за дюймом катил по дороге, наезженной за многие века, создавая инерцию, которая должна была сохраняться любой ценой, и вечно возвращаясь в исходную точку.

Им показали дом на краю платформы, из окон которого над частоколом вдалеке видны были пешие люди и другие поселения, ползущие черепашьим шагом. Потом им показали апартаменты в странного вида домах с остроконечными крышами, переоборудованных из складов или лавок. Наконец Вайладез Ренч, разговор которого, как шарманка, неизменно возвращался к теме собственности, ее желательности и ее ценности, привел их к маленькому домику с небольшим садиком. Стены его были увиты ползучими чайными розами и великолепными нуншабитами, отливающими алым и золотым цветами. Окна сияли чистотой и имели резные карнизы, а в воз-

духе стоял запах весенней свежести и ароматов, источаемый цветочными клумбами. Роза всплеснула руками, и стало понятно, что дом с остроконечной и почерневшей от времени крышей ей понравился. Ее душа всегда склонялась к такой простой красоте и уюту. Элрик увидел, как изменилось выражение ее лица. Она отвернулась и сказала:

— Хорошенький домик. Может быть, мы все сможем в нем поселиться?

— О да. В нем живет семья. Довольно большая. Но у них, видите ли, были неприятности, и теперь они должны уйти.— Вайладез Ренч вздохнул, потом усмехнулся и погрозил Розе пальцем.— Ты выбрала самый дорогой. У тебя прекрасный вкус, моя дорогая госпожа.

Уэлдрейк, у которого этот апологет собственности вызывал неприязнь, отпустил несколько непристойных замечаний, но другие — каждый по своим причинам — предпочли не заметить их. Он сунул свой нос в заросли роскошных пионов:

— Это они так пахнут?

Вайладез Ренч постучал в дверь, открыть которую не смог.

— Им были выписаны документы. Они уже должны отбыть. Случилось какое-то недоразумение... Что ж, мы должны быть милосердны и благодарить звезды за то, что пока не скатываемся в нижнюю часть платформы и к вечному бродяжничеству.

Дверь резко распахнулась, и они увидели растрепанного, круглоглазого, краснолицего человека, ростом почти не уступавшего Элрику, с пером в одной руке и чернильницей в другой.

— Мой господин. Мой господин, помилосердствуй, прошу тебя! Я в этот самый момент пишу письмо родственнику. Деньги не проблема. Ты сам прекрасно знаешь, как долго теперь идут письма между деревнями.— Он поскреб пером свои нечесаные, соломенного цвета волосы, отчего у него по лбу потекла струйка зеленых чернил, а сам он стал похож на слабоумного дикаря-индейца, ступившего на тропу войны. Его голубые глаза перебегали с одного из пришедших на другого, а губы взывали к ним.— У меня такие клиенты! Ты же знаешь, что мертвецы не платят по счетам. И разочарованные тоже

не платят. Я ясновидящий. Это моя профессия. Моя дорогая матушка тоже ясновидящая, как и мои братья и сестры, а самое главное — мой благородный сын Коропит. Мой дядюшка Грет был знаменит в народе и за его пределами. Но мы сами были еще знаменитее до нашего падения...

— До вашего падения, сэр? — спросил Уэлдрейк, у которого этот человек вызвал любопытство и сочувствие.— Ты имеешь в виду ваши долги?

— Долги, мой господин, преследуют нас по всей мультивселенной. Это некая постоянная, мой господин. По крайней мере, наша семейная постоянная. Я говорю о другом нашем падении — о том, когда мы были лишены милостей короля в той стране, которую наша семья считала своей и где надеялась обосноваться. Она называлась Салгарафад и располагалась в ободочной сфере, давно забытой старым садовником. А чего еще можно было ждать? Но смерть — не наша вина, мой господин. Отнюдь. Мы смерти — друзья, но вовсе не ее слуги. А король решил, что это мы вызвали чуму, предсказав ее. И потому мы были вынуждены бежать. Я так думаю, что в этом деле большую роль сыграла политика. Но нас не допускают на совет кормчих, я уж не говорю о совете Владык Высших Миров, которым мы по-своему служим. Я говорю о себе и своей семье, мой господин.— Завершив эту речь, он перевел дыхание, уперся испачканной чернилами рукой в пояс, а вторую, из которой не выпускал чернильницы, прижал к груди.— Деньги придут по почте,— продолжал гнуть он свое.

— Ну, тогда тебя будет легко найти, дорогой мой господин, и ты снова поселишься здесь. Или, может быть, в другом месте. Но позволь напомнить тебе, что предоставленные вашему семейству кредиты основывались на определенных услугах, которые твоя сестра и твой дядюшка оказывали сообществу. Однако они больше здесь не живут.

— Вы отправили их вниз! — воскликнул испуганный обитатель дома.— Они теперь двигают платформу! Признайте это!

— Я не осведомлен о таких делах. А в настоящий момент возникла потребность в этой собственности. Вот новые арендаторы...

— Нет,— говорит Роза,— ни в коем случае. Я не хочу, чтобы этот человек и его семья по моей вине теряли жилье.

— Сантименты! Глупые сантименты! — Вайладез Ренч разразился смехом, который звучал крайне оскорбительно, крайне насмешливо и бездушно.— Моя дорогая госпожа, эта семья занимает дом, за который не в состоянии платить. Но вы-то заплатить за него в состоянии. Это простое, естественное правило, мои господа. На этом стоит мир.— Последнее предложение было обращено к должнику: — А ну-ка пропусти нас. Пропусти. Мы придерживаемся нашего освященного временем права осмотра!

С этими словами он оттолкнул несчастного письмописателя в сторону и провел недоумевающую тройку внутрь, в темный коридор, переходивший в лестницу. С лестничной площадки смотрели чьи-то яркие, как у горностая, глаза, а с лестницы другая пара глаз сжигала их взглядом, полным ненависти. Они вошли в большую неопрятную комнату, заставленную старой мебелью и заваленную грудами бумаг. В кресле-каталке из слоновой кости и кабаньего дерева расположилась, сгорбившись, крохотная фигурка. И в ней жили, казалось, только глаза — черные, пронзительные глаза, в которых почти не светился разум.

— Мама, они нас выкидывают! — воскликнул изгоняемый арендатор.— Мой господин, неужели тебе хватит жестокости так несправедливо поступить со старой больной женщиной?! Она же не может идти, мой господин. Посмотри — как она будет идти?

— Ее можно катить в кресле, господин Фаллогард. Она будет двигаться, как все мы — всегда вперед и только вперед. К светлому будущему, господин Фаллогард. Вы ведь знаете, что мы работаем ради этого.— Вайладез Ренч нагнулся, чтобы заглянуть в глаза старухе.— Таким образом мы и сохраняем целостность нашего великого народа.

— Я где-то читал,— тихо сказал Уэлдрейк, делая шажок в комнату и оглядывая ее, словно и в самом деле собираясь здесь обосноваться,— что у общества, которое думает только о сохранении своего прошлого, скоро не будет для продажи ни-

чего, кроме своего прошлого. Почему бы не остановить деревню, господин Ренч, чтобы старой даме не нужно было двигаться?

— Возможно, в ваших краях и ценятся подобные непристойности, мой господин, но только не здесь.— Вайладез Ренч посмотрел на кончик своего длинного носа, как аист, которому досаждает назойливая муха.— Платформы должны двигаться постоянно. Народ должен двигаться постоянно. Никакие остановки на пути цыган невозможны. И любой, кто встанет на нашем пути, станет нашим врагом. Любой, кто без приглашения окажется на нашей дороге и попытается бросить вызов нашим законам, станет нашим смертельным врагом, потому что он представляет тех, кто хочет воспрепятствовать нам и остановить народ цыган, который обогнул мир уже больше тысячи раз по земле и по суше, по дороге, построенной им самим. Свободная дорога свободного народа цыган!

— Меня тоже кормили в школе всякого рода литаниями, объясняющими все глупости, совершенные моей страной,— сказал, отворачиваясь, Уэлдрейк.— Я не собираюсь ссориться с такой ущербной душой, как твоя, которая обязана для защиты от неизвестности повторять всякие глупости. Я в своих путешествиях по мультивселенной пришел к убеждению, что это общее у всех смертных — полагаться на подобные тезисы. У миллионов различных племен есть своя правда, которую они защищают со всей своей яростью.

— Браво, мой господин! — восклицает Фаллогарт Пфатт, взмахнув своим щедрым пером и оросив каплями чернил свою мать, книги и бумаги.— Только должен вас предупредить: не развивайте здесь эти мысли. Хотя мы разделяем ваши чувства. Это мысли моей семьи, но здесь они запрещены, как и во многих других мирах. Нельзя здесь говорить так откровенно, мой господин, иначе ты отправишься за моим дядюшкой и моей сестрой вниз, по долгой дороге забвения.

— Еретик! Ты не имеешь права на такую великолепную собственность! — Мрачные черты Вайладеза Ренча искажает гримаса отвращения, его изысканная косметика светится жаром его собственной оскорбленной крови, словно какой-то экзотический райский фрукт созрел и сразу же обрел голос.—

Сюда будут присланы приставы, и тебе, Фаллогарт Пфатт, и твоей семье тогда очень не поздоровится!

— Что от нее осталось, от моей семьи? — ворчит Пфатт, внезапно опуская руки, словно он всегда предвидел это свое поражение.— У меня дюжина будущих жизней. Какую выбрать? — И он закрывает глаза, лицо его искажается гримасой, словно и он тоже отведал растворенного драконьего яда. Он испускает громкий вопль, крик обманутой души, звучит отчаянный голос существа, которое внезапно видит в справедливости химеру, а во всех ее проявлениях всего лишь словесную шелуху.— Дюжина жизней, но все равно никакой справедливости для простого человека! Где же он — этот Танелорн, этот рай?

Вряд ли Пфатт когда-либо встретит кого-нибудь другого, кроме Элрика, кто мог бы сказать ему правду о Танелорне, но Элрик молчит, потому что, как и все, кто обретал защиту и покой в этом городе, дал клятву молчать. Только воистину страждущий мира и покоя найдет Танелорн, потому что Танелорн — это тайна, которую носит в сердце своем каждый смертный. И Танелорн существует только там, где смертные собираются в совместной решимости служить всеобщему добру и сами творят вокруг себя райский уголок.

— Мне говорили,— прошептал альбинос,— что каждый человек способен обрести Танелорн в самом себе.

Фаллогард Пфатт убрал перо и бумагу, поднял мешок, в который он уже, как выяснилось, уложил все ему необходимое, и, опустив глаза, покатил кресло со старухой-матерью из комнаты, зовя за собой других членов семьи.

Вайладез Ренч смотрел, как они уходят со своими тюками и пожитками, потом удовлетворенно вздохнул, оглядел дом и сказал:

— Немного краски, и эта собственность станет повеселее. А весь этот хлам мы, конечно же, отсюда уберем и используем его с максимальной эффективностью. Думаю, вы согласитесь, если я скажу, что мы навсегда избавились от этой семейки Пфаттов, закосневшей в своей болезненной мнительности!

Элрик уже с трудом сдерживал себя, и если бы не Роза, которая не сводила с него глаз, если бы не Уэлдрейк с его мрачным и яростным молчанием, то уж он бы высказал все, что у него накипело. Роза одобрила дом, договорилась о цене, приняла ключи из ухоженных пальцев этого султана софистики, вежливо дала понять, что он им больше не нужен, а потом повела двоих своих друзей следом за изгнанными должниками. Те как раз медленно приближались к ведущей вниз лестнице.

Элрик увидел, как она догнала Фаллогарда Пфатта, положила утешительным жестом руку на плечо юной девице, шепнула словечко на ушко матери, потрепала по волосам мальчугана и повела их всех, недоумевающих, назад.

— Они будут жить с нами, или, по крайней мере, на наши средства. Я думаю, этим мы не сильно пойдем вразрез с законами цыганского народа, хотя они у них довольно специфические.

Элрик поглядывал на эту плохо одетую группку не без тревоги, не имея ни малейшего желания брать на себя ответственность за семью, в особенности такую беспомощную. Он бросил взгляд на темноволосую девушку, капризную в своей расцветающей красоте. С ее лица не сходило выражение почти постоянного презрения ко всему, на что она ни смотрела; мальчик, которому было около десяти лет, глядел на них своими черными глазами — они заметили их на лестнице, когда входили в дом, эти глаза горностая, к которым так подходило узкое, заостренное лицо и все остальное. Его длинные светлые волосы были прилизаны, руки с короткими пальчиками все время нервно двигались, нос постоянно принюхивался, словно чуял врага. А когда он улыбнулся, благодаря Розу за ее доброту, обнажились два ряда маленьких острых зубов, отливавших белизной на фоне влажной красноты губ.

— Твои поиски скоро закончатся, госпожа,— сказал он.— Кровь и сок снова перемешаются, как бы Хаос ни хотел изменить это предсказание. Между мирами есть дорога, которая ведет к месту получше, чем то, по которому мы двигаемся. Ты должна идти по бесконечному пути, госпожа, в конце которого тебя ждет разрешение твоих проблем.

Роза, услышав эти слова, не проявила ни недоумения, ни страха, она улыбнулась и, наклонившись, поцеловала мальчика.

— Вы все ясновидящие? — спросила она.

— Это основное занятие семейства Пфаттов,— с достоинством сказал Фаллогарт Пфатт.— Мы всегда умели гадать по картам, видеть сквозь кристалл и знать будущее настолько, насколько его можно предсказать. И поэтому-то, узнав, что нам предстоит присоединиться к народу цыган, мы ничуть не расстроились, напротив, мы были рады. Но потом обнаружили, что у них нет настоящего ясновидения, они просто владеют набором мошеннических трюков, которые позволяют им производить впечатление на других и манипулировать ими. Когда-то этот народ обладал огромными способностями, но он растерял их в этом бессмысленном кружении по миру. Они, видите ли, растратили свои способности на обеспечение безопасности, а теперь и мы не знаем, как эти наши способности применить...— Он вздохнул и поскреб себя в нескольких местах, одновременно поправляя пуговицы, петли, завязки, словно только сейчас осознал, что пребывает в растрепанном виде.— Что нам делать? Если мы перейдем в разряд пеших, то неминуемо закончим свои дни внизу, среди тех, кто толкает эту платформу вперед.

— Мы соединим наши усилия,— услышал Элрик голос Розы и с удивлением посмотрел на нее.— Мы можем помочь вам в вашей борьбе с крючкотворством народа цыган. А вы можете помочь нам найти то, что мы ищем. Мы должны найти трех сестер. Может быть, с ними находится и некто четвертый — закованный в латы человек, никогда не открывающий своего лица.

— Об этом вы должны спросить мою мать,— с отсутствующим видом сказал Фаллогард Пфатт, взвесив ее слова.— И мою племянницу. Я думаю, Чарион обладает всеми способностями своей бабки, хотя ей еще и предстоит набраться ума...

Девушка посмотрела на него испепеляющим взглядом, хотя и было видно, что она польщена его словами.

— Но самый выдающийся из всех Пфаттов — это мой сын, Коропит Пфатт,— сказал отец, гордым и несколько собствен-

ническим жестом возлагая руку на голову ребенка, чьи маленькие черные глазки смотрели на родителя с любовью и некоторой долей сочувствия.— Еще не было ни одного Пфатта, чьи таланты могли бы сравниться с талантами Коропита. Он просто-таки гений ясновидения!

— Тогда мы с ним должны как можно скорее заняться делом,— сказала Роза.— Потому что уже близко время, когда мы должны будем выйти на дорогу между мирами. Сможете ли вы вывести нас туда, куда нам надо, если мы вас освободим?

— Да, я наделен такими способностями,— сказал Фаллогард Пфатт,— и с радостью помогу вам, насколько это в моих силах. Но мой мальчик находил такие дороги между мирами, о каких я даже и не слышал. А девушка может отыскать человека в любой из плоскостей мультивселенной. Она настоящая ищейка. Терьер. Она просто-таки спаниель...

Прерывая этот поток собачьих сравнений, Уэлдрейк нашел в одном из своих карманов книгу и театральным жестом достал ее.

— Я вспомнил, что она у меня есть! Вот она! — Они в вежливом ожидании смотрели на него, а он вытащил из кармана несколько монет и сунул их в руки мальчика.— Держи, юный Коропит. Отправляйся со своей кузиной на рынок! Я дам тебе список того, что нужно купить. Сегодня я собираюсь приготовить для нас еду, которая поможет нам пережить грядущие события.— Он помахал в воздухе алого цвета книжицей.— Мы с миссис Битон состряпаем сегодня такой ужин, какого вы целый год не ели!

Глава пятая

БЕСЕДЫ С ЯСНОВИДЯЩИМИ О ПРИРОДЕ МУЛЬТИВСЕЛЕННОЙ И О ПРОЧЕМ. ОТЧАЯННЫЕ МЕТОДЫ БЕГСТВА

По завершении великолепного и изысканного пиршества даже Элрик, приведенный в благодушное настроение отличнейшими сонетами, смог немного отвлечься от преследующих его мыслей о мертвом отце, который ждет его в мертвом городе.

— Мы, Пфатты, на протяжении многих поколений жили своим умом...— Бокал Фаллогарда Пфатта был почти пуст.

Даже его мать прикладывалась сморщенными губами к бокалу с вином и время от времени похихикивала. Его сын и племянница либо уже улеглись спать, либо были не видны в тени лестницы. Уэлдрейк наполнил бокал матушки Пфатт. Одна только Роза молча сидела на своем стуле, полностью погруженная в размышления о насущных вопросах их нынешней ситуации. Вина она не пила, но, казалось, ее устраивало, что другие немного расслабились. Рядом с ней Элрик потягивал темный сине-черный напиток, желая почувствовать его действие. Не без иронии думал он о том, что после драконьего яда большинство напитков кажутся ему слабоватыми.

— ...Есть всего несколько специалистов, но и они исследовали лишь малую часть мультивселенной,— разглагольствовал Фаллогард Пфатт.— Но должен сказать, что Пфатты зашли в этом смысле дальше других. Вот моя матушка, например, знает не менее двух тысяч маршрутов между почти что пятью тысячами миров. В последнее время ее чутье слегка притупилось, но зато наша племянница быстро учится. У нее такой же талант.

— Значит, вы целенаправленно вышли в это измерение? — внезапно спросила Роза, словно эти слова совпали с ее собственными мыслями.

Этот вопрос вызвал у Фаллогарда Пфатта безумный взрыв смеха, который грозил разорвать его аккуратно застегнутый жилет, копна волос вокруг его головы тряслась, лицо покраснело.

— Нет, моя госпожа, в этом-то вся и штука. Лишь немногие приходили сюда, потому что знали о народе цыган и пожелали здесь оказаться. Но этот народ создал собственное особое поле, некую экстрасенсорную гравитацию, притягивающую сюда многих, кто иначе оказался бы в Лимбе. Это поле действует — духовно, но в то же время и материально — как некий псевдо-Лимб, мир потерянных душ.

— Потерянных душ? — Элрик насторожился.— Ты говоришь о потерянных душах, господин Пфатт?

— И тел тоже, конечно же. По большей части.— Фаллогард Пфатт сделал пьяное движение рукой, затем замер, словно услышав что-то, а потом неожиданно осмысленным взглядом уставился в малиновые глаза альбиноса.— Да, мой господин,— сказал он, понизив голос,— это воистину потерянные души!

И Элрик в течение нескольких мгновений ощущал присутствие в себе какого-то кроткого существа, сочувствующего и даже, возможно, покровительствующего ему. Это ощущение быстро прошло. Пфатт уже спорил с Уэлдрейком о каких-то немыслимых абстракциях, и разговор этот возбуждал их обоих, но в выражении лица Розы прибавилось задумчивости. Она переводила взгляд с Пфатта на Элрика, поглядывала на матушку Пфатт, которая двумя руками сжимала бокал с вином, кивала и улыбалась. Она вряд ли следила за разговором, который, видимо, и не интересовал ее. Но в то же время происходящее вроде бы удовлетворяло ее, и она на какой-то свой таинственный манер была все время начеку.

— Мне, сэр, это трудно представить,— сказал Уэлдрейк.— И меня немного пугает созерцание такого безбрежного пространства. Столько миров, столько племен, и каждое по-своему понимает природу реальности! Миллиарды, сэр! Миллиарды и миллиарды — бесконечное число возможностей и альтернатив! А Закон и Хаос сражаются между собой, чтобы контролировать все это?

— Эта война в настоящее время ведется скрытно,— сказал Пфатт.— Происходят стычки местного значения, сражения за тот или иной мир, за то или иное измерение. Но грядет всеобщая битва, после которой Владыки Высших Миров собираются установить свою власть над сферами. Каждая сфера содержит в себе вселенную, и считается, что всего их не меньше миллиона. Это будет событие космического масштаба!

— Они сражаются за власть над бесконечностью! — На Уэлдрейка сказанное произвело впечатление.

— В строгом смысле мультивселенная не бесконечна...— начал Пфатт, но его прервала мать, которая вдруг раздраженно вскрикнула:

— Бесконечность? Бессмысленная болтовня. Множественная вселенная конечна. Она имеет пределы и измерения, которые может время от времени воспринимать только Бог, но они тем не менее остаются пределами и измерениями! Иначе в этом нет никакого смысла!

— В чем, матушка? — Эта тирада удивила даже Фаллогарда.— В чем?

— В семье Пфаттов, конечно же. Мы твердо уверены в том, что в один прекрасный день...— Она предоставила своему сыну закончить то, что, несомненно, являло собой кредо их семейства.

— ...мы узнаем устройство всей мультивселенной и будем по своему желанию перемещаться из сферы в сферу, из измерения в измерение, из мира в мир, будем путешествовать через огромные скопления смещающихся многоцветных звезд, мечущихся планет во всей их миллионной бесчисленности, через галактики, роящиеся, как мошкара в летнем саду, через реки света... Слава за славой... Лунными дорогами между странствующими звездами... Неужели вы никогда не останавливались на мгновение перед видениями? Неужели вы не помните те мгновения, когда вам даруются видения чуть ли не бесконечности, видения мультивселенной? Вы можете посмотреть на облако или горящее полено, вы можете заметить складку на одеяле или угол, под которым растет стебель травы,— это не имеет значения. Вы знаете то, что вы видели, и оно дает вам видение большего масштаба. Например, вчера?..— Он наклонил вопросительно голову, глядя на поэта, и, когда получил его одобрение, продолжил: — Например, вчера около полудня я поднял глаза на небеса. Серебряный свет, как вода, лился сквозь скопления облаков, которые напоминали огромных плывущих асимметричных морских животных, таких огромных, что они владычествуют над целыми народами другого вида, включая, конечно, и человека. Словно они окончательно вышли из своих стихий и готовятся снова погрузиться в глубины, столь же таинственные для тех, кто находится внизу, как и океаны — для тех, кто вверху.

Его лицо стало еще пунцовее от этого яркого воспоминания, глаза его словно уставились в эти самые облака, в эти

огромные естественные суда, похожие на поднятые обломки, которые, несмотря на прошедшие тысячелетия, имеют пугающе цельный вид; их враждебность превосходит всякое воображение, превосходит любое стремление, которому может последовать смертный, душа каждого горит одним желанием — забыть о них, об этих до неприличия древних зверокораблях, потерявших материальность в их внезапной стихии, в этом сверкании солнца и неба. Постепенно их очертания теряют четкость, становятся серыми, сливаются друг с другом, и наконец остаются лишь солнце и небеса, свидетели их неоплаканного ухода.

— Сделались ли они невидимыми или исчезли навсегда, даже из странной памяти нашей крови, этой крохотной частички наследственного вещества, которая сообщается с объединенной душой нашего народа? Достаточно ли сказать, что они никогда не существовали и никогда не могли существовать? Многое существовало до того, как наши предки, выбравшись из воды, поставили свою перепончатую лапу на туманный берег...

Элрик улыбался, слушая это, потому что память его народа простиралась в прошлое гораздо глубже памяти людей. Во всяком случае, в его мире. Народ Элрика, его племя, которое было древнее человека, шел по разным мирам или изгонялся из них, став жертвой страшной катастрофы, возможно, им самим же и спровоцированной.

Воспоминание следует за воспоминанием, воспоминание побеждает воспоминание, кое-что изгоняется в царства наших богатых фантазий, но это не значит, что оно не существует, или не может, или не будет существовать. Оно существует! Существует!

Последний мелнибониец думает об истории своего народа и его легендах и рассказывает своим друзьям людям то, что ему известно, и когда-нибудь человеческая рука вынет из памяти и запишет эти слова, которые, в свою очередь, станут основой для целого свода мифов, для томов легенд и суеверий, и таким образом крупица за крупицей дочеловеческих воспоминаний доходит до нас, кровь к крови, жизнь к жизни. Все эти циклы кру-

тятся, вращаются, пересекаются в непредсказуемых точках, порождая бесконечное число возможностей, парадоксов, соединений, одна история переходит в другую, один эпизод, соединяясь с другим, составляет целую эпопею. Так мы влияем на прошлое, настоящее и будущее и на все их возможности. Так каждый становится ответственным за каждого в мириадах измерений времени и пространства, которые и являют собой мультивселенную...

— Человеческая любовь,— говорит Фаллогард Пфатт, отводя свой взор от возникшего перед ним видения,— вот наше единственное оружие против энтропии...

— Если Хаос и Закон не будут уравновешены,— говорит Уэлдрейк, протягивая руку за кусочком сыра и лениво размышляя, какой из погруженных в страх регионов, расположенных вблизи дороги, заплатил эту дань,— мы тем самым будем лишены возможности выбора. Это главнейший парадокс в конфликте между Высшими Мирами. Если возобладает один, то половина из того, что мы имеем, будет утрачена. Иногда я не могу не чувствовать, что наша судьба находится в руках существ ничуть не более разумных, чем земляные черви.

— Разум и сила — абсолютно разные вещи,— бормочет Роза, которая на мгновение оставила собственные мысли.— Нередко жажда власти — это не более чем порыв недалекой личности, которая никак не может понять, почему Фортуна так неблагосклонна к ней. Разве можно обвинять этих животных? Они подчиняются непредсказуемой природе. Может быть, и эти боги чувствуют то же самое? Может быть, они вынуждают нас проходить через все эти испытания, потому что знают: на самом-то деле мы превосходим их? Может быть, они погрязли в слабоумии и забыли, зачем заключали свои перемирия?

— В одном смысле ты права, госпожа,— сказал Элрик.— Природа наделяет властью без всякого разбора, как она наделяет красотой или богатством.

— И вот почему,— сказал Уэлдрейк, раскрывая кое-что из своего прошлого,— долг человечества исправлять такие ошибки, совершенные природой. Вот почему мы должны заботить-

ся о тех, кого бесчувственная природа создает бедными, больными или обиженными иным образом. Если мы этого не делаем, то, я думаю, мы не исполняем своих естественных функций. Я говорю,— поспешно добавил он,— как агностик. Я закоренелый радикал, не заблуждайтесь на сей счет. И тем не менее мне кажется, что Парацельс дошел до этого, когда предлагал...

Но тут Роза, которой все ловчее и ловчее удавались такие вещи, прервала этот поток абстракций, громко спросив у матушки Пфатт, не хочет ли она еще сыра.

— Хватит на сегодня сыра,— загадочно сказала старушка, однако улыбка ее была дружелюбной.— Вечное движение. Вечное движение. С пятки на носочек, за шажком шажочек. С пятки на носочек, с пятки на носочек. Все они идут, моя дорогая, надеясь избежать своего проклятия. Никаких перемен. Поколение за поколением. Несправедливость за несправедливостью, подпираемая новой несправедливостью. С пятки на носочек, за шажком шажочек. Вечное движение. Вечное движение...— И она чуть ли не с благодарностью погрузилась в разверзшуюся тишину.

— Это такое бесстыдное общество, мои господа,— говорит ее сын, глубокомысленно кивая и одобрительно взмахнув бисквитом в руке.— Бесстыдное. Это ложь, мои господа. Этот «свободный народ» — великий обман, который не прекращается. Никаких перемен не происходит. Разве это не есть настоящий упадок, мои господа?

— Не такая ли судьба ожидает и Англию? — задумчиво сказал Уэлдрейк, вспомнив одно из своих потерянных отечеств.— Может быть, такова судьба всех империй, построенных на несправедливости? Я опасаюсь за будущее этой страны!

— Именно такая судьба и стала единственным будущим моей страны,— произнес Элрик с ухмылкой, которая говорила больше, чем должна была скрыть.— Вот почему Мелнибонэ рухнуло, словно червь сожрал все его нутро, рухнуло от одного-единственного толчка...

— Ну а теперь,— сказала Роза,— давайте о деле.

Она делится с ними планом, как ночью пробраться между колесами и найти Дунтроллин, там незаметно пройти понизу

до ближайшей лестницы, а далее их ищейкой станет Фаллогард Пфатт, его ясновидение поможет им найти трех сестер.

— Но нам нужно обсудить детали,— говорит она,— поскольку могут возникнуть обстоятельства, господин Пфатт, которые я не предусмотрела.

— Таковые и в самом деле имеются, моя госпожа.

Пфатт вежливо перечислил их: входы на платформы будут охраняться. Воинственные обитатели Дунтроллина будут почти наверняка готовы к такой попытке. Он никогда не видел сестер, а потому его способность к ясновидению будет ограничена. Но более того, даже если они и найдут сестер, кто знает, как сестры отнесутся к их появлению. И потом, как они смогут покинуть цыган? Перебраться через горы мусора практически невозможно, а охранники всегда начеку. И вообще для семейства Пфаттов не имеет смысла рассматривать такие варианты, поскольку их удерживает особая форма экстрасенсорного тяготения, которая привлекла на эту дорогу столько несчастных душ, обреченных навечно оставаться на ней или под ней.

— Всех нас держат тут не только стрелы с черным оперением и груды мусора,— продолжил он.— Народ цыган управляет этим миром, мои друзья. Он использует частичку Хаоса в своих целях. Поэтому-то, я думаю, они и боятся останавливаться. Все для них зависит от этого постоянного движения.

— Тогда мы должны остановить движение народа цыган,— просто сказала Роза.

— Это невозможно, моя госпожа.— Фаллогард Пфатт печально покачал головой.— Он существует, чтобы двигаться. Он двигается, чтобы существовать. Вот почему эта дорога никогда не меняется, она лишь перестраивается, когда земля проваливается, как в бухте, которую мы скоро будем пересекать. Они не могут изменить дорогу. Я сказал им об этом, когда мы только тут появились. Они мне ответили, что это слишком дорого, что общество не может себе это позволить. Но факт состоит в том, что они не могут изменить свою орбиту, как не может планета изменить свой маршрут вокруг Солнца. И если бы мы попытались бежать, то это было бы похоже на камушек, пытающийся преодолеть гравитацию. Нам сказали, что наша

основная задача здесь — стараться остаться в поселении и не оказаться под ним.

— Это настоящая тюрьма,— говорит Уэлдрейк, продолжая клевать сыр,— а не страна. Это какое-то мерзкое нарушение порядка вещей. Она мертва и поддерживается за счет смерти. Она несправедлива и поддерживается за счет несправедливости. Жестока и поддерживается за счет жестокости. И тем не менее, как мы видели, жители Троллона довольны своей жизнью, своей человечностью, своей добротой, своими изящными манерами, а в это время мертвецы корчатся у них под ногами, поддерживая их в этом самообмане. Вот вам настоящая пародия на прогресс!

Старая голова матушки Пфатт повернулась к Уэлдрейку. Она фыркнула ему в лицо, но по-доброму, без издевки.

— Мой брат то же самое им говорил и продолжал говорить, хотя его не слушали. Но он тем не менее умер внизу. Я была с ним. Я чувствовала, как он умирает.

— Ай-ай,— сказал Уэлдрейк, словно разделяя с ней горе.— Это дурная пародия на свободу и справедливость! Это самая бесчестная ложь! Пока хоть одна душа в их мире страдает так же, как сейчас страдают тысячи, а может, миллионы, они виновны.

— Обитатели Троллона — замечательные ребята,— иронически сказал Фаллогард Пфатт.— Они наделены милосердием и доброй волей. Они гордятся своей мудростью и своей беспристрастностью...

— Нет,— говорит Уэлдрейк, зло встряхивая своим огненным хохолком.— Они могут думать, что им везет, но не могут же они считать себя умными или добрыми. Ведь они готовы пойти на что угодно, лишь бы за ними остались их привилегии и легкость существования, а таким образом и сохранить своих правителей, избирая которых они не стесняются демонстрировать демократическое и республиканское усердие. Вот тут в чем дело. И они никогда не спрашивают себя, есть ли в этом несправедливость. А потому они лицемеры до мозга костей. Что касается меня, то я бы взял да остановил всю эту мерзкую катавасию!

— Остановить движение народа цыган?! — Фаллогард Пфатт весело рассмеялся и добавил с напускной весомостью: — Будь осторожен, мой господин. Здесь ты среди друзей, но для других такие слова — ересь чистой воды. Держи язык за зубами, мой господин. Ради своего же здоровья!

— Держи язык за зубами! Да ведь это же вечное требование тирании. Тирания кричит: «Держи язык за зубами!» Кричит под вопли своих жертв, под жалостливые стоны, завывания и причитания своих угнетенных миллионов. Мы едины, сэр, или же мы падаль, которая по милости червей сохраняет видимость жизни, тела которых дрожат и извиваются под мириадами личинок, прогнившая видимость господства идеальной свободы. Свободный народ цыган — беспардонная ложь. Движение, мой господин, это не свобода! — Уэлдрейк, произнеся эту тираду, надулся.

Уголком глаза Элрик увидел, как Роза поднялась со своего стула и вышла из комнаты. Он понял, что ее эти дебаты утомили.

— Колесо времени стонет и крутит миллионы шестеренок, которые в свою очередь крутят миллионы шестеренок, и так далее и так далее до бесконечности или почти до бесконечности,— сказал Пфатт, кинув взгляд на свою матушку, которая снова закрыла глаза.— Все смертные — его пленники или слуги. Такова непреложная истина.

— Можно смотреть истине в глаза, а можно пытаться обмануть ее,— сказал Элрик.— Кое-кто даже пытается ее изменить...

Уэлдрейк внезапно приложился к своему бокалу.

— Я родился в мире, мой господин, где истина не столь податлива, а реальность не зависит от ваших желаний. Мне трудно выслушивать подобные мнения. Могу вам сказать больше — они меня тревожат. И дело не в том, что мне не удается увидеть в них изюминку или оптимизм, каковой вы по-своему выражаете. Но я родился там, где доверяют определенным чувствам и пестуют их, где считают, что суть вселенной — великая непреходящая красота, набор естественных законов, которые, так сказать, тонко согласуются с огромной машиной — сложной и хитроумной, но бесконечно рациональной.

И вот этой-то Природе, мой господин, я поклонялся, ее я почитал как божество. А твои предложения кажутся мне, мой господин, шагом назад. Они стоят ближе к уже давно дискредитированным представлениям алхимиков.

Этот разговор продолжался, пока все они не устали от звуков собственных голосов и желание отправиться спать не превысило все остальные.

Элрик, поднимаясь по лестнице — его лампа отбрасывала на выбеленные стены огромные тени,— спрашивал себя, почему Роза так внезапно вышла из комнаты. Он надеялся, что ничем не обидел ее. Обычно такие проблемы мало волновали его, но к этой женщине он испытывал уважение, которое выходило за рамки простого преклонения перед ее умом и красотой. Было в ней еще и какое-то спокойствие, которое странным образом напоминало ему о времени, проведенном в Танелорне. Трудно было поверить, что женщина такой очевидной целостности и ума руководствовалась соображениями какой-то кровной вражды.

Он стал готовиться ко сну в узенькой комнате, которую выбрал для себя,— представляла она собой чуть ли не чулан с койкой. Семья Пфаттов удобно устроила гостей, при этом не особо утруждая себя, и согласилась использовать свои сверхъестественные возможности, чтобы помочь в поисках, которые вела Роза. Альбинос лег отдохнуть. Он устал и тосковал по миру, который уже никогда не будет его миром. По миру, который он сам уничтожил.

И вот альбинос спит, а его стройное бледное тело ворочается на постели. С его больших чувственных губ срывается стон, малиновые глаза распахиваются, с ужасом вглядываясь в темноту.

«Элрик,— говорит голос, полный древней ярости и такой скорби, что эти качества фактически стали его постоянной составляющей,— сын мой, ты нашел мою душу? Мне здесь так тяжело. Здесь холодно. Здесь одиноко. Скоро, хочу я того или нет, мне придется присоединиться к тебе. Мне придется войти в твое тело и навсегда стать частью тебя...»

И Элрик просыпается с криком, который словно бы заполняет пустоту, в которой он пребывает, и крик этот не замирает в его ушах, он порождает новый крик, и оба звучат в унисон, а Элрик смотрит на лик своего отца, но это кричит не Садрик...

Это старуха, мудрая и умеющая себя вести, исполненная необычных знаний, она кричит как полоумная, словно ее подвергают самой мучительной пытке. Она кричит: «НЕТ!», она кричит: «ОСТАНОВИТЕСЬ!», она кричит: «ОНИ ПАДАЮТ, О АСТАРТА, ОНИ ПАДАЮТ!»

Кричит матушка Пфатт. У матушки Пфатт видение такое невыносимое, что ее крик не в силах унять боль, которую она чувствует. И она замолкает.

Как и Элрик.

Как и мир, который тоже погружается в тишину, нарушаемую лишь неторопливым поскрипыванием чудовищных колес и непрестанным отдаленным звуком идущих ног, никогда не прекращающих своего движения вокруг мира.

«ОСТАНОВИТЕСЬ!» — кричит принц-альбинос, но не знает, кому он это кричит. Перед ним мелькнули сцены видения, представшего матушке Пфатт...

Теперь за дверями слышны обычные звуки. Он слышит, как Фаллогард Пфатт зовет свою мать, слышит, как рыдает Чарион Пфатт, и понимает, что вот-вот грядут события страшные...

С лампой в руке, накинув на себя первое, что попалось под руку, Элрик выскакивает на лестницу. Через открытую дверь он видит матушку Пфатт — та сидит в кровати, на ее старых губах пена, глаза уставлены вперед — невидящие, испуганные.

— Они падают! — стонет она.— Ах, как они падают. Это не должно так кончиться. Бедные души! Бедные души!

Чарион Пфатт обнимает бабушку и чуть баюкает ее, словно пытается утешить ребенка, разбуженного ночным кошмаром.

— Нет, бабушка, нет! Нет, бабушка, нет!

Но по выражению ее лица ясно, что и она видела нечто ужасное. А ее дядюшка, потный, красный, в смятении, в страхе сжимает свою растрепанную голову руками, словно защищая ее от ударов, и кричит:

— Нет! Этого не может быть! Она украла ребенка!

— Нет-нет,— говорит Чарион, тряся головой.— Он сам пошел. Поэтому-то ты и не почувствовал никакой опасности. Он не поверил в опасность.

— Так вот что она задумала? — стонет выведенный из себя и недоумевающий Фаллогард Пфатт.— *Такую* смерть она задумала?

— Верните ее,— резко говорит матушка Пфатт, ее глаза все еще не видят окружающего мира.— Быстро верните ее назад. Найдите ее, и вы спасете его.

— Они отправились в Дунтроллин на поиски сестер,— говорит Чарион.— Они их нашли, но там был другой... Схватка? Я в такой сумятице ничего не могу разобрать. Ах, дядя Фаллогард, их нужно остановить.— Лицо ее перекошено мучительной гримасой боли, она хватается за голову.— Ах, дядя, тут такие экстрасенсорные искажения!

Фаллогарда Пфатта тоже трясет боль. Элрик вместе с Уэлдрейком пытаются выяснить, чего они так боятся.

— Это ветер, завывающий в мультивселенной,— говорит Пфатт.— Черный ветер, завывающий в множественной вселенной! Это работа Хаоса. Кто мог это предвидеть?

— Нет,— говорит матушка Пфатт,— она не служит Хаосу и не призывает его! И все же...

— Остановите их! — кричит Чарион.

Фаллогард Пфатт воздевает к небу руки в безысходном отчаянии.

— Слишком поздно. Мы теперь можем только присутствовать при гибели!

— Нет, не поздно,— говорит матушка Пфатт.— Еще не поздно. Еще есть время... Но оно так сильно...

Элрик больше не стал утруждать себя размышлениями. Розе угрожала опасность. Альбинос поспешно вернулся в свою комнату, оделся, пристегнул меч. Вместе с ним из дома вышел и Уэлдрейк, и вдвоем они побежали по деревянным улицам Троллона, путаясь в темноте. Наконец они нашли ведущую вниз лестницу, и Элрик, который так никогда и не научился осторожности, вытащил из ножен Буревестник, и черный клинок засверкал ужасающей чернотой, руны зашевелились

по всей его длине, и он принялся убивать тех, кто вставал на его пути.

Уэлдрейк, видя лица поверженных, содрогался и не знал, держаться ли ему поближе к альбиносу или же отойти на безопасное расстояние. За ними пытались следовать Фаллогард Пфатт и то, что осталось от его семейства. Старушку они толкали в кресле-каталке.

Элрик знал только одно: Розе грозит опасность. Наконец терпение покинуло его, и он чуть ли не испытал облегчение от того, что его адский меч наконец получил свою долю крови и душ. В то же время огромная, всепроникающая энергия стала наполнять его, и он принялся выкрикивать невозможные имена невероятных богов. Он рассек упряжь, которой были привязаны лошади, рубанул по цепям, которыми были скованы те, кто приводил платформу в движение, а потом вскочил на огромного черного жеребца, который заржал от радости, почуяв свободу. Элрик, вцепившись в гриву, поднял его на дыбы. Конь ударил по воздуху своими массивными копытами и поскакал к выходу.

Откуда-то добавился новый звук — звук человеческих голосов, обуянных безотчетной паникой. Еще громче стали рыдания матушки Пфатт:

— Слишком поздно! Слишком поздно!

Уэлдрейк попытался было вскочить на одну из лошадей, но та вырвалась от него. Он оставил дальнейшие попытки найти себе скакуна и бросился за Элриком следом. Фаллогард Пфатт спустил наконец на землю коляску с матерью, которая продолжала кричать в ужасе. Его племянница, зажав уши руками, бежала рядом.

Они спешили в ночь, а Элрик тенью возмездия мчался впереди них мимо огромных колес никогда не останавливающихся деревень, неумолимо двигающихся вперед, в холодный ветер с дождем, в дикую ночь, освещенную лампадами и свечами пеших и еще огнями деревень первого ряда. Дорога под ними теперь приобрела некоторую упругость — видимо, они приближались к мосту, переброшенному через бухту.

Уэлдрейк услыхал обрывки песни. Он не замедлил бега, напротив, заставил себя ускорить его, дыша размеренно, как

его когда-то учили. Он услышал смех, чьи-то разговоры и на мгновение даже подумал — уж не сон ли все это, ведь в происходящих событиях, как и во сне, не было никакой последовательности. Но впереди послышались другие голоса — крики и проклятия. Это Элрик гнал своего коня между идущими. Такая большая толпа затрудняла его продвижение, но он не хотел использовать меч против безоружных людей.

За ним все тише становились выкрики матушки Пфатт, зато все громче рыдания ее внучки.

Уэлдрейк и Пфатты каким-то образом умудрялись не отставать от Элрика, они даже сумели приблизиться к нему, когда он пробирался сквозь толпу. Матушка Пфатт кричала: «Стойте! Вы должны остановиться!» Но вся эта толпа свободного народа цыган, слыша еретические речи из уст старухи, брезгливо, с отвращением отшатывалась от нее.

Неразбериха возрастала. Уэлдрейк задавал себе вопрос: может быть, их действия были неразумны и не стоило слушать бред впавшей в слабоумие старухи? Все колеса продолжали крутиться, все ноги продолжали двигаться — все было так, как и должно быть на великой дороге, опоясывающей мир. Когда они миновали основную массу людей и смогли двигаться свободнее, Элрик замедлил коня, удивленный тем, что за ним не следует стража Троллона. Уэлдрейк проявил осторожность и, прежде чем присоединиться к альбиносу, дождался, когда тот уберет в ножны свой меч.

— Что ты видел, принц Элрик?

— Только то, что Роза в опасности. Может быть, что-то еще. Мы должны как можно скорее найти Дунтроллин. Она совершила глупость, пойдя на этот шаг. Я думал, она благоразумнее. Ведь она-то в первую очередь и призывала нас к осторожности.

Ветер стал дуть сильнее, и флаги народа цыган бились и трепетали под его напором.

— Скоро начнет светать,— сказал Уэлдрейк.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Пфаттов — на трех лицах была все та же печать всепоглощающего ужаса, который не позволял им видеть, что происходит вокруг. Матушка Пфатт, плачущая, завывающая, выкрикивающая предупреждения, задавала тон этому невыразимому отчаянию, этой боли. Остальные пешие предусмотрительно держались подальше от этой троицы, время от времени бросая на них неодобрительные взгляды.

Неуклонно продолжается движение народа цыган, колеса вращаются с неумолимой медлительностью, приводимые в действие не смыкающими глаз миллионами, двигаются и двигаются вокруг мира...

Но что-то случилось... что-то не заладилось впереди, и матушка Пфатт уже видит это, Чарион слышит, а Фаллогард Пфатт стремится предотвратить всей своей душой.

И только когда на них опускается рассвет, озаряя небеса розовым, голубым и золотистым цветами и освещая дорогу впереди неярким водянистым светом, Элрик начинает понимать, почему кричит матушка Пфатт, почему Чарион зажимает руками уши, почему лицо Фаллогарда Пфатта превратилось в маску невыносимой муки.

Свет устремляется вперед по огромному пространству дороги, и становятся видны сонные поселения, бредущие тысячи, дымок и мерцание ламп, обычные бытовые подробности дня, но впереди... Впереди то, что видели ясновидящие...

Переброшенный через залив мост шириной в милю, это удивительное создание одержимого бродяжничеством народа, словно перерублен гигантским мечом, расколот одним ударом.

И две его половины медленно поднимаются и опускаются, словно вибрируя после катастрофы. Огромный мост из человеческих костей и шкур животных, опирающийся на все спрессованные мыслимые отходы человеческой деятельности, дрожит, как задетая ветка дерева, качается вверх и вниз. Близ берега кипящие воды беснуются со всей яростью, на какую способны, а наверху над ними в пелене брызг виднеется радуга.

С ужасающей размеренностью деревни цыган одна за другой подползают к краю и падают в пропасть.

Остановка непристойна. Они не могут остановиться. Они могут только умирать.

Начинает кричать и Элрик, погоняя своего коня. Но он знает, что кричит на кажущуюся неизбежность человеческой глупо-

сти, на людей, которые могут уничтожить себя ради какого-то принципа и привычки, давно потерявших всякий практический смысл. Они умирают потому, что готовы скорее следовать привычке, чем изменить ее.

Деревни приближаются к обрыву и падают в забвение, а Элрик думает о Мелнибонэ, о том, что и его народ отказался от перемен, и еще он думает о себе.

Они не остановятся.

Они не могут остановиться.

Неразбериха продолжается. Растет испуг. Растет паника в деревнях. Но они не остановятся.

Элрик скачет сквозь туман и кричит, чтобы они повернули. Он оказывается у самой кромки обрыва, и его конь замирает и ржет в ужасе. Народ цыган падает не в океан далеко внизу, а в огромную цветущую массу красного и желтого, чья пасть раскрывается, как экзотические лепестки, и чья горячая сердцевина пульсирует, поглощая деревню за деревней. И Элрик наконец понимает, что видит творение Хаоса!

Он поворачивает черного жеребца прочь от пропасти и скачет назад сквозь эту обреченную толпу, туда, где матушка Пфатт кричит, сидя в своем кресле: «Нет! Нет! Роза? Где Роза?»

Элрик спешивается и трясет Фаллогарда Пфатта за узкие дрожащие плечи.

— Где она? Ты знаешь? Какая из этих деревень Дунтроллин?

Но Фаллогард Пфатт лишь качает головой в ответ, губы его безмолвно двигаются — они только и могут, что повторять имя Розы.

— Она не должна была делать это! — кричит Чарион.— Это нельзя было делать.

Даже Элрик не мог смириться с тем, что происходит, хотя он не особенно ценил человеческую жизнь. Однако теперь он хотел воззвать к Хаосу, чтобы остановить это чудовищное уничтожение. Но Хаос уже был призван сюда, чтобы совершить свое жуткое деяние, и не услышал бы его, Элрика. Он не хотел верить, что Роза могла призвать таких ужасных союзников, он не мог смириться с мыслью, что она позволила истребление тысяч и тысяч живых существ, которые исчезали в

пропасти. Их жуткие крики наполняли воздух, а впереди в пелене белых брызг сияла радуга.

Потом, услышав знакомый голос, он повернулся и увидел юного Коропита Пфатта, который бежал к ним,— одежда на нем была разорвана, из царапин на теле сочилась кровь.

— Ах, что же она сделала! — воскликнул Уэлдрейк.— Эта женщина — настоящее чудовище!

Но Коропит, задыхаясь, показывает назад — туда, где в такой же разодранной одежде и такая же окровавленная, как он, с мокрыми от пота волосами, хромая, идет Роза. Быстрый Шип — в ее правой руке, Малый Шип — в левой, на ее изможденном лице бриллиантами сверкают слезы.

Уэлдрейк первым обратился к ней. Он тоже плакал:

— Зачем ты сделала это? Такое убийство не может быть оправдано ничем!

Она посмотрела на него недоуменно-усталым взглядом — его слова не сразу дошли до нее. Потом она повернулась к нему спиной и вложила свое оружие в ножны.

— Ты обо мне дурно думаешь, мой господин. Это деяние Хаоса. И ничем другим и быть не могло. У принца Гейнора есть союзник. Колдовство было очень сильным. Гораздо сильнее, чем я могла представить. Похоже, ему все равно, кого и скольких он убьет в своих отчаянных поисках смерти...

— Так это сделал Гейнор? — Уэлдрейк протянул руку, чтобы она могла опереться о нее, но она отказалась от его помощи.— Где же он сам?

— Там, где я, как он думает, не смогу его найти,— сказала она.— Но я должна его найти.— В голосе этой женщины слышалась усталая решимость, и Элрик увидел, что Коропит Пфатт вовсе не собирается обвинять ее в выпавших на его долю испытаниях — мальчик сунул свою ладошку в руку Розы, пытаясь утешить ее.

— Мы найдем его еще раз, моя госпожа,— сказал мальчик. Он повел ее назад — туда, откуда они пришли.

Однако Фаллогард Пфатт остановил их.

— Дунтроллин погиб?

Роза пожала плечами.

— Нет сомнения.

— А сестры? — пожелал узнать Уэлдрейк.— Гейнор нашел их?

— Он их нашел. Как и мы — благодаря Коропиту и его ясновидению. Но Гейнор... Гейнор как-то умеет влиять на них. Мы вступили в схватку. Он уже призвал Хаос на помощь. Он, несомненно, спланировал все до мельчайших деталей. Он дождался того момента, когда народ приблизится к мосту...

— Так он бежал? Куда? — Элрик уже предвидит ответ, и она подтверждает то, что он подозревал.

Она сделала движение рукой с выставленным большим пальцем в направлении края.

— Вниз,— сказала она.

— Значит, он в конечном счете нашел там смерть.— Уэлдрейк нахмурился.— Вот только в небытие он пожелал отправиться в максимально большой компании.

— Кто может знать, куда он отправился? — Роза повернулась и медленно возвратилась к краю, на котором сейчас зависла деревня; ее обитатели кричали и карабкались прочь от бездны, но никаких настоящих попыток спастись не предпринимали. Потом все это сооружение исчезло, провалившись в огнедышащее проявление Хаоса, которое вобрало в себя, поглотило его.— Я так думаю, что это знает только он.

За ней последовал Элрик, ведя за собой коня. В руке Розы все еще была ладошка Коропита. Элрик услышал, как мальчик сказал:

— Они все еще здесь, моя госпожа. Все они. Я могу их найти, госпожа. Я их чувствую. Идем.

Теперь мальчик вел ее, вел к самой кромке обрушившейся дороги, где они остановились, глядя в бездну.

— Мы найдем для тебя путь, моя госпожа,— пообещал объятый внезапным ужасом Фаллогард Пфатт.— Ты не можешь...

Но было уже слишком поздно, потому что женщина и мальчик без всякого предупреждения бросились в пропасть, в пульсирующую, сверкающую пасть, которая казалась такой голодной, такой охочей до душ, которые сотнями и тысячами падали в нее — в самое чрево Хаоса!

Матушка Пфатт снова закричала. Она издала долгий мучительный вопль — но на этот раз не обо всех гибнущих. Теперь это был крик личной боли.

Элрик подбежал к краю пропасти и увидел две падающие фигуры — они уменьшались в размерах, исчезая в жуткой красоте этого прожорливого чудища.

Пораженный смелостью и отчаянием, которые, казалось, превосходили его собственные, он сделал шаг назад, от удивления лишившись дара речи...

И он не смог предвидеть то, что сделает Фаллогард Пфатт, который, издав один долгий рев мучительного отчаяния, подтолкнул кресло-каталку со своей матерью к самой кромке пропасти, помедлил какую-то долю секунды, а потом вместе с цепляющейся за фалды его пальто племянницей прыгнул вслед за своим исчезающим сыном. Еще три фигуры, вращаясь в этих пульсирующих голодных красках, устремились в пламя Хаоса.

Элрик, едва сдерживая ужас, какого он еще не знал, вытащил из ножен Буревестника.

Уэлдрейк встал рядом с ним.

— Она погибла, Элрик. Они все погибли. Здесь тебе не с кем сражаться.

Элрик медленно кивнул, соглашаясь с ним. Он вытянул руку с клинком перед собой, потом поднес к своей вздымающейся груди и поместил вторую руку у кончика меча, на котором сверкали и мерцали руны.

— У меня нет выбора,— сказал он.— Я готов к любым испытаниям, лишь бы уйти от судьбы, которую мне обещал мой отец...

И с этими словами он выкрикнул имя своего покровителя — Герцога Ада — и вместе с боевым мечом прыгнул в эту адскую бездну; на его бескровных белых губах замерла немыслимая, безумная песня...

Уэлдрейк увидел напоследок только малиновые глаза своего друга, в которых светилось какое-то жуткое спокойствие, а потом император-чародей с безжалостной неизбежностью исчез в разверстой огненной пасти этой адовой пропасти...

Часть вторая

ЭСБЕРН СНАР, СЕВЕРНЫЙ ОБОРОТЕНЬ

О церковном тролле поются руны
На зеландском бреге в сиянье лунном;
По сей день в холме, час от часу злее,
Тролль ульшойский спорит с женой своею.

А на том холме, помня день вчерашний,
Смотрит в море церкви Калуннборгской башня.
Там в алтарной нише венчали пару:
Хельву из Несвека и Эсберна Снара.

Уэлдрейк. «Норвежские песни»

Глава первая

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕПРОДУМАННОГО СОГЛАШЕНИЯ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМ; НЕКОТОРЫЕ НЕУДОБСТВА НЕЧЕСТИВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Элрик падал через столетия боли, через тысячелетия человеческих несчастий и ошибок, но и в падении в нем не было ни капли смирения. Меч, зажатый в его руке, был как маяк и вызов Хаосу, в цветистое сердце которого он летел. А вокруг него царило смятение, какофония звуков оглушала, мелькали лица, города, целые миры, искаженные и обезумевшие, перекошенные и меняющие форму — в неуправляемом Хаосе все претерпевало постоянные изменения.

Он был один.

Вдруг все остановилось. Его ноги коснулись твердой почвы, хотя она и представляла собой всего лишь каменную площадку, плавающую в огненном свете квазибесконечности — вселенные, громоздясь на вселенные, перемешались друг с другом, каждая отражала свет своего спектра, каждая грань являла собой отдельную реальность. Он словно бы стоял в центре кристалла невообразимо сложной структуры, и его глаза, не желая видеть то, что было перед ними, в конечном счете стали слепы ко всему, кроме этого яркого, смещающегося света, чьи цвета были ему незнакомы, но чьи запахи были полны чего-то знакомого, чьи голоса звучали до невыносимости страшно и до невыносимости утешительно, но не были голосами смертного. И тогда принц-альбинос разрыдался, он чувствовал себя побежденным и беспомощным — все силы оставили его, меч, оттягивающий его руку, превратился в обыкновенный кусок железа, и откуда-то из-за огней до него донеслась тихая насмешливая песня, а затем он стал различать слова:

— Ах, сколько же в тебе мужества, милейший из моих рабов! Неугомонный воитель изменчивости, где душа твоего отца?

— Я не знаю, господин Ариох.

Элрик почувствовал, что его собственная душа замерла и может вот-вот исчезнуть, и тогда будет навсегда уничтожено то, кем он был и кем мог бы стать, не останется даже воспоминания. Но Ариох понял, что Элрик не лжет. Смертельный холод отступил. Элрик вздохнул свободнее...

Еще никогда его покровитель, Герцог Ада, не проявлял по отношению к Элрику такой нетерпимости.

«Что же так встревожило богов?» — спрашивал себя альбинос.

— Смертное ничтожество, ты мой самый дорогой и возлюбленный, мой сладкий...

Элрик, которому была знакома переменчивость Ариоха, слушал зачарованно и с замиранием сердца. Большая его часть любой ценой желала заслужить одобрение Герцога Ада. Большая его часть хотела только одного — навсегда отдаться на милость Ариоха, какова бы уж ни была эта милость, принять все те мучения, что определит ему покровитель,— такова была

сила воздействия на Элрика этого божества, которое подчиняло его себе, улещивало, хвалило или благословляло, владея абсолютной властью над жизнью и смертью его вечной души. И тем не менее в самых потаенных глубинах своего мозга Элрик ощущал решимость в один прекрасный день избавиться от этого мира богов — если только его жизнь не будет отнята у него в следующее мгновение в соответствии с нынешним настроением его покровителя. Здесь, в своей родной стихии, Ариох был полным властелином, и любой договор, когда-либо заключенный им с каким-либо смертным, становился бессмысленным. Здесь было его царство, здесь он не нуждался ни в каких союзниках, не соблюдал никаких соглашений и под угрозой муки или уничтожения требовал безусловного подчинения от всех своих рабов, смертных и сверхъестественных.

— Говори, мой сладкий, что привело тебя в мое царство?

— Я думаю, простая случайность, владыка Ариох. Я упал...

— Ах, ты упал! — В этом слове было заключено нечто большее, чем его обычное значение.— Ты *упал*.

— ...в бездну между мирами, которую мог сотворить только один из Владык Высших Миров.

— Да. Ты упал. ЭТО БЫЛ МАШАБАК!

Элрик сразу испытал облегчение, почувствовав, что гнев Ариоха теперь направлен в другую сторону. И он понял наконец, что же произошло. Гейнор Проклятый служил заклятому врагу Ариоха — графу Машабаку...

— Народ цыган служил тебе, повелитель?

— Он принадлежал мне, этот шальной народец. Полезный инструмент — многие хотели контролировать это племя. Но Машабак, которому не удалось его подчинить себе, решил его уничтожить...

— По своему капризу, мой властелин?

— Нет, он послужил мелким целям одного существа, кажется...

— Его зовут Гейнор, повелитель.

— А, Гейнор. Так, значит, он в этом участвует?

Элрик почувствовал, насколько гнетущей была наступившая тишина — его покровитель погрузился в размышления. Элрик не знал, сколько времени прошло — год, или час, или миг,

но наконец Герцог Ада, чье настроение изменилось к лучшему, пробормотал:

— Ладно, мой сладкий, ступай своим путем. Но помни, что ты принадлежишь мне и душа твоего отца принадлежит мне. И то и другое принадлежит мне. И то и другое, согласно древнему договору, должно быть доставлено мне.

— Куда мне идти, повелитель?

— В Улшинир, куда же еще,— там бежали от своего пленителя три сестры, и, возможно, они уже на пути домой.

— В Улшинир?

— Не бойся, ты отправишься в путь со всеми удобствами. Я пошлю вслед за тобой твоего раба.

Владыка Высших Миров отвлекся на другие дела. Не в природе Владыки Хаоса было подолгу задерживаться на одном вопросе, если только этот вопрос не был чрезвычайно важным.

Огни погасли.

Элрик стоял без движения на каменной площадке, но теперь она была вершиной большого холма, с которой он мог видеть неровную долину с торчащими там и здесь камнями, поросшую тощей травой. Над долиной змеилась снежная пороша. Воздух был морозный, промозглый, и Элрик с удовольствием вдыхал его, хотя ему и было холодно. Он принялся ожесточенно тереть свои голые руки и лицо, чтобы соскрести с них копоть ада. У его ног послышалось какое-то бормотание — он посмотрел вниз и увидел свой рунный меч там, куда он уронил его во время разговора с Ариохом. И снова подумал он об огромной власти своего покровителя, которую вынужден был признать даже Буревестник. Он чуть ли не с любовью поднял меч, держа его, как маленького ребенка.

— Мы с тобой нужны друг другу,— сказал Элрик.

Он убрал меч в ножны и снова посмотрел на долину. Ему показалось, что из-за ближайшего к нему холма поднимается струйка дыма. Отсюда он может начать поиски Улшинира.

Хорошо, что он надел сапоги, перед тем как броситься за Розой, потому что они очень пригодились ему — без них он бы не смог ступать по острым камням и предательской траве на склоне холма. Холоду он противопоставил энергию драконьего яда, который вызвал у Элрика привычные теперь для

него мучения, и меньше чем через час он уже шел по узенькой тропке к небольшому каменному домику с крышей из торфа и соломы. От домика исходил запах земли, ощущение тепла и уюта. Это был первый в ряду нескольких подобных жилищ, составлявших неотъемлемую часть ландшафта.

В ответ на вежливый стук Элрика в выщербленную дубовую дверь появилась светлокожая молодая женщина. Она неуверенно улыбнулась ему, взирая на него с любопытством, которое пыталась скрыть. Она зарделась, показывая ему дорогу на Улшинир, и сообщила, что до города три часа ходьбы в направлении к морю.

Пологие холмы и неглубокие долины, дорога, выстланная белым известняком и идущая через сочную зелень, медь и красноту трав и вереска. Элрик шел с удовольствием. Ему хотелось на ясную голову подумать о требованиях Ариоха, поразмышлять, каким образом Гейнор потерял этих трех таинственных сестер. Еще он спрашивал себя — как ему найти Улшинир.

И еще он задавал себе вопрос — жива ли Роза.

Он с удивлением отметил про себя, что его волнует ее судьба. Он объяснил это себе тем, что хочет узнать до конца ее историю.

Улшинир был портовым городом, застроенным домами с крутыми крышами и тонкими шпилями. Они были припорошены снежком, и запах дыма от очагов, плывущий в осеннем воздухе, немного успокоил Элрика.

В поясе у него все еще оставалось несколько золотых монет, которые давно уже всучил ему Мунглам, и Элрику оставалось только надеяться, что в Улшинире золото имеет хождение. У города был явно знакомый вид, он походил на любой из северных городов Молодых королевств, и Элрик подумал, что эта плоскость мироздания находится недалеко от его родной, по меньшей мере является частью той же сферы, а возможно, даже и того же мира. И это тоже слегка утешило его. Тем немногим жителям, которых он встретил на вымощенных булыжником улицах, его наружность казалась странной, но настроены они были миролюбиво и с удовольствием показывали ему, как пройти к гостинице. Гостиница была скром-

ной — этим она напоминала подобные заведения в его собственном мире,— но теплой и чистой. Он с удовольствием выпил крепкого, сваренного с пряностями эля, съел пирог, запил его бульоном. За постель он заплатил вперед, и, пока хозяйка отсчитывала ему сдачу — изрядную сумму серебром, он спросил, не слыхала ли она о других гостях в городе, а точнее, о трех сестрах.

— Темноволосые, белокожие красавицы с такими замечательными глазами — по форме, как твои, мой господин, хотя у них они такие синие-синие, чуть ли не черные. А уж какие одежды, какие вещи! В Улшинире нет ни одной женщины, которая не приходила бы посмотреть на них хотя бы мельком. Они вчера сели на корабль, а куда отправились — об этом мы только можем гадать.— Она снисходительно улыбнулась своим собственным слабостям.— Легенды говорят, что они пришли из-за нашего Тяжелого моря. Ты их друг? Или родственник?

— У них есть одна вещь, принадлежавшая моему отцу,— небрежно сказал Элрик.— Они случайно взяли ее с собой. Я даже не уверен, знают ли они, что эта вещица у них. Так они сели на корабль, ты говоришь?

— Да, в порту.— Она указала в окно на серую полосу воды между двумя длинными пристанями, каждая из которых заканчивалась маяком. Там на якорях стояли одни рыбацкие лодки.— Этот корабль называется «Онна Пирсон». Он регулярно сюда заходит с грузом всякой галантереи, как правило, из Шамфирда. Капитан Гнарех пассажиров обычно не берет, но сестры, насколько нам известно, предложили ему столько, что он был бы глупцом, если бы отказался. Но вот куда они направились...

— А капитан Гнарех вернется?

— На следующий год — точно вернется.

— А что лежит за этими берегами, моя госпожа?

Она покачала головой и рассмеялась так, будто никогда не слыхала подобных шуток.

— Сначала островные рифы, а за ними — Тяжелое море. А есть ли что на другой стороне Тяжелого моря — если только у него есть другая сторона,— об этом нам неведомо. Ты до-

вольно невежествен, мой господин, если позволишь мне так сказать.

— Позволяю, моя госпожа, и извиняю тебя. Меня недавно немного заколдовали, и у меня до сих пор в голове туман.

— Тогда тебе нужно отдохнуть, мой господин, а не отправляться на край света.

— На какой же остров могли они отправиться?

— На любой, мой господин. Если хочешь, я найду тебе старую карту — она у нас должна где-то быть.

Элрик с благодарностью принял ее предложение, и скоро карта была уже в его комнате. Он склонился над ней, надеясь, что чутье привлечет его внимание к нужному острову. Проведя в таких размышлениях полчаса, он не стал ни на йоту умнее и уже собирался было улечься спать, когда услышал внизу чей-то громкий голос, показавшийся ему знакомым.

Душа Элрика, который думал, что никогда больше не увидит этого человека, возрадовалась, он бросился на лестничную площадку, чтобы выглянуть в главный вестибюль гостиницы, где маленький рыжеволосый поэт в сюртуке и брюках, жилетке и галстуке, у которых вид был такой, словно они побывали в огне, декламировал какую-то оду, надеясь купить этим себе возможность переночевать или хотя бы заработать тарелку супа.

Гвинед украсил златом косы Гвиневейр.
А щеки — кораллами, очи — сияньем морей.
А слезы — хрустальностью снежных вершин.
А губы — сладостью бургундских красных вин.
Капризной Гвиневейр дары принесены.
Трагичной расплатой они обернуться должны.

— Великий боже! — воскликнул Уэлдрейк, заметив своего потерянного попутчика.— Мой дорогой сэр, я думал, ты уже год назад, а то и больше, как отправился в страну забвения. Как я рад тебя видеть, сэр! Теперь-то у меня будет возможность окончательно доделать поэму, посвященную твоей памяти. А то у меня слишком мало деталей. Хотя, опасаюсь, она тебе не понравится. Насколько мне помнится, ты не любишь подобный стиль. Он тяготеет, должен признать, к героическому. А форма баллады многими считается чересчур вычурной.—

Он принялся рыться в карманах в поисках рукописи.— Боюсь, что поэма сама по себе вдруг приняла форму триолета. Или рондели:

Лорд Элрик дом свой покидает,
Прощаясь с невестой любимой своей.
Мы видим, как стоит он у дверей.
Как слезы по щекам ее стекают.

Да, мой дорогой друг, признаю, это потакание низким вкусам. Но такие пустячки нравятся публике, а такой герой, как ты, привлечет ее. Я надеялся обессмертить тебя, но... Ага, вот она. Нет, это об одном хьюгнитце, которого я встретил на прошлой неделе. Ты, наверное, скажешь, что рондель — неподходящая форма для эпоса, но эпос в наши времена нужно украшать, смягчать его, так сказать. Несколько безобидных строф — и нате вам, цель достигнута. У меня, как видишь, нет денег, сэр...

У маленького человека вид при этом стал весьма грустный. Он уселся на скамью, сгорбился, даже его рыжий чуб сиротливо свесился на лицо, а пальцы перебирали листы бумаги в некой подсознательной пантомиме самобичевания.

— Ну что ж, придется поискать тебе работу,— сказал Элрик, спускаясь по лестнице. Он дружески похлопал по плечу маленького поэта.— Ведь ты когда-то сам мне говорил, что единственное стоящее занятие для владыки — это покровительствовать искусствам.

Услышав это, Уэлдрейк улыбнулся — он был рад возобновить дружбу, которую считал навсегда утраченной.

— Должен признать, мне нелегко пришлось в последнее время, мой господин.— В глазах Уэлдрейка отразился недавно пережитый им ужас, и Элрик не стал расспрашивать его о случившемся. Он понимал, что в настоящий момент Уэлдрейку нужно как можно скорее отделаться от этих воспоминаний. Поэт разгладил помятый лист бумаги.— Да, «Баллада памяти» — так она, кажется, называлась... Пожалуй, форма не самая подходящая. Зато для пародии лучше формы не подберешь!

Где смерти оскал,
Там воин скакал:
Не знал он печальней пути...

И опять попытка зажечься от старой искры оказалась неудачной. Я давно не ел, сэр, и не пил, оттого мой дар и изменяет мне. Это первое человеческое поселение, которое я вижу за несколько месяцев.

И тогда Элрик не без удовольствия заказал еду и эль для своего друга и смотрел, как тот постепенно становится таким, каким альбинос знал его раньше.

— Что бы там ни говорили, сэр, а ни один поэт не создал ничего ценного на голодный желудок, хотя поэт и может, когда творит, начисто забыть о еде, это я тебе точно говорю. Но это вещи разные.— Он устроился поудобнее на скамье, поискав наилучшее место для своего тощего зада, потом тихонько рыгнул и вздохнул с облегчением, словно только сейчас позволив себе поверить, что фортуна повернулась к нему лицом.— Как же я рад тебя видеть, принц Элрик. И я рад твоему аристократическому восприятию мира. Но я надеюсь, ты позволишь мне обсудить с тобой детали твоего предложения утром? Насколько мне помнится, сэр, ты питаешь лишь самый мимолетный интерес к искусству стихосложения, а потому вопросы размера, рифмы, поэтических вольностей, метафоры и тому подобных специфических дел тебя не волнуют.

— Я положусь на твой совет в этих вопросах, мой друг.— Элрик сам удивлялся тому расположению, какое вызывал в нем этот странный, умный человек, настолько погруженный в свои собственные мысли, что, казалось, он навечно обречен оставаться среди единственных реалий, которые у него были,— реалий поэтического ремесла.— К тому же никакой спешки нет. Я буду рад твоей компании в том путешествии, которое меня ждет. А оно состоится, как только подвернется корабль. Если же корабля не будет, то я буду вынужден прибегнуть к колдовству...

— Но только в качестве самого последнего средства, умоляю тебя. Я так наелся волшебством за последнее время, что с меня пока хватит.— Уэлдрейк отхлебнул последний глоток эля из своей кружки.— Но я вроде бы помню, что для тебя, принц Элрик, это такое же обыкновенное дело, как для меня пекхэмский омнибус, так что я предпочту связать свою судьбу с кем-нибудь наподобие тебя, кто по крайней мере имеет представление, что такое Хаос и его причуды. А потому я принимаю и твое предложение, и твою компанию. Я так рад снова тебя видеть, сэр.— Произнеся эти слова, он уронил голову на руки и заснул.

И тогда принц-альбинос поднял маленького поэта, как ребенка, на руки и отнес Уэлдрейка в его номер, затем вернулся к себе и снова занялся созерцанием карты — островов большого рифа и того, что находилось за ними. А за ними был мрак, невероятный океан, неестественный и непроходимый для судов, который назывался Тяжелым морем. Смирившись с тем, что ему придется нанять лодку и один за другим обследовать острова, он погрузился в глубокий сон. Разбудили его стук в дверь и голос горничной, извещавшей о том, что время перевалило за одну тысячу пятнадцатый час (самая большая единица годового времени в Улшинире) и если он немедленно не проснется, то не получит завтрака.

Завтрак его мало интересовал, но ему было нужно поговорить с Уэлдрейком о трех сестрах, и он был несколько удивлен, когда, одевшись и умывшись, обнаружил, что поэт декламирует стихи как раз на эту тему. Во всяком случае, Элрику так показалось.

Лорд Сулис — коварный волшебник.
Он жадный старец-лгун.
Тех, кто к нему в лапы попался,
Не пощадит колдун.
Под дланью своей он три замка собрал,
Сей древний старец-маг:
Восток впереди, закат — позади,
Меж них — пустыни мрак.
Под дланью своей он держит трех дев,
Красивей нет на свете;
Одна — Аннет, а другая — Жанет,
И Марджори — имя третьей.
У первой — златой венец на челе,
У второй — златое кольцо;
У третьей без злата душа богата
И нежность красит лицо.
У первой — прекрасная роза в руке,
У второй — нарциссовый цвет;
У третьей же — самый чудесный цветок,
Которому равных нет.

Гостиничная служанка, хозяйка и ее дочь зачарованно слушали распевную декламацию Уэлдрейка. Но Элрика больше всего привлекли слова...

— Доброе утро, господин Уэлдрейк. Таким языком изъясняются у тебя на родине?

— Да, сэр.— Уэлдрейк поцеловал ручки дамам и с прежним энтузиазмом поскакал по комнате навстречу своему другу.— Кажется, это из баллад приграничья или чего-то в этом роде...

— Так это не твои стихи?

— Я не могу ответить тебе честно, принц Элрик.— Уэлдрейк сел на скамью против Элрика, который принялся за блюдо из тушеной зелени.— Добавьте туда немного меда.— Уэлдрейк пододвинул к альбиносу горшочек с медом.— Будет вкуснее. Есть вещи, про которые я не помню — я ли их написал, слышал ли их где-то или позаимствовал у какого-нибудь поэта, хотя я сомневаюсь, что кто-нибудь может сравниться со мной в искусстве стихосложения (я не говорю, что я — гений, но утверждаю, что — мастер) — я ведь написал очень много. Такова моя природа, и, может быть, таков мой рок. Если бы я умер после первого или второго тома моих стихов, я бы уже покоился в Вестминстерском аббатстве.

Не желая задавать вопросов, за которыми последовало бы длительное и невразумительное объяснение природы сей Вальхаллы, Элрик, как уже вошло в его привычку, просто пропустил незнакомые слова мимо ушей.

— А этот лорд Сулис — кто он такой?

— Насколько мне известно, он просто выдумка. Я вспомнил о балладе, глядя на этих вот трех дам, но, конечно же, наши неуловимые три сестры тоже сыграли свою роль. Если я вспомню, что там дальше, то непременно скажу. Но я думаю, это всего лишь совпадение, принц Элрик. В мультивселенной полно различных цифровых значений силы и тому подобного, а тройка особенно популярна среди поэтов, поскольку три имени всегда являются превосходным средством поворота сюжета в длинном произведении, а природа повествовательной поэмы именно такова. Но она нынче выходит из моды. Художнику слава безразлична, но вот его кошельку — нет. Сегодня ночью в гавань, кажется, зашел корабль?

Элрик не видел никаких кораблей. Он поставил свою чашу и вместе с Уэлдрейком прошел к окну, где все еще стояли хозяйка с дочерью, разглядывая корабль, корпус которого отливал чернотой и желтизной, а на носу красовалась эмблема Хаоса. На мачте развевался черно-красный флаг, в центре которого виднелась вязь какого-то непонятного алфавита. На баке корабля находилось высокое квадратное сооружение, затянутое черной парусиной. Сооружение это занимало почти всю носовую часть палубы — корабль под его грузом странно накренился на нос, а корма поднялась так, что стал виден руль. Время от времени сооружение сотрясали мощные конвульсии, затем все вновь успокаивалось. Догадаться, что скрывалось под парусиной, было невозможно.

Элрик разглядывал корабль, когда из каюты под носовой палубой появилась фигура, постояла несколько мгновений на надраенных досках и вроде бы посмотрела прямо на альбиноса. Элрик никак не мог ответить на этот взгляд, поскольку из-за расстояния на шлеме смотревшего на него с палубы человека не видно было глазниц. Это был Гейнор Проклятый, а флаг, как теперь догадался Элрик, обозначал принадлежность корабля графу Машабаку. Похоже, он, Элрик, и Гейнор были соперниками, служа разным покровителям.

Гейнор вернулся в свою каюту, а потом из стоявшей на якоре галеры на пристань был спущен трап. Матросы работали быстро и споро, почти как обезьяны. Они закрепили трап, и на нем тут же появился парнишка лет пятнадцати, одетый в живописный, красочный наряд пирата. На поясе у него с одной стороны висела абордажная сабля, с другой — меч. Он направился в город с уверенным видом победителя.

Только когда фигура приблизилась к гостинице, Элрик узнал ее и снова подивился природе вращающихся сфер мультивселенной, поразился необычному сочетанию событий и миров, находящихся как в измерениях времени, так и вне их, сочетанию, возможному в пределах неопределяемых параметров квазибесконечности.

Но в то же время внутренний голос говорил ему, что он, возможно, видит иллюзию, а то и того хуже. Возможно, перед

ним тот, кто был поглощен иллюзией, кто целиком отдал себя Хаосу и был всего лишь марионеткой в Гейноровых руках.

Но по ее походке и по тому, как она поглядывала вокруг — весело и настороженно,— Элрик никак не мог поверить, что она стала прислужницей Гейнора. Он отошел от окна и направился встречать ее к двери, которую уже открывал Уэлдрейк. Ярко-голубые глаза поэта распахнулись во все лицо, и он прокричал с радостным недоумением:

— Да это же Чарион Пфатт, одетая мальчиком! Я влюблен! Как ты выросла!

Глава вторая

В КОТОРОЙ ВОЗОБНОВЛЯЮТСЯ СТАРЫЕ ЗНАКОМСТВА И ДОСТИГАЮТСЯ НОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

За время, прошедшее после их последней встречи, Чарион Пфатт преобразилась в настоящую женщину; в ней была какая-то твердость, основанная на уверенности в себе, и отсутствовала всяческая бравада. Она почти не удивилась, увидев Уэлдрейка, но однако же, пока она приветственно ему улыбалась, глаза ее шарили по комнате, пока не остановились на Элрике.

— Я принесла вам, господа, приглашение от хозяина корабля на сегодняшний вечер,— пробормотала она.

— И давно ты служишь принцу Гейнору, госпожа Пфатт? — спросил Элрик, стараясь говорить нейтральным тоном.

— Довольно давно, принц Элрик, приблизительно с того времени, когда я в последний раз видела тебя — тем утром на цыганском мосту...

— А твоя семья?

Она поправила каштановые волосы, ниспадающие на кружева и шелк ее одежды. Веки девушки на мгновение опустились.

— Моя семья? Дело в том, что именно ради них я и заключила союз с принцем Гейнором. Мы их ищем — ищем с тех самых пор, когда произошло то великое разрушение.

Она вкратце рассказала, что Гейнор освободил ее из темницы в одном из дальних миров, где ее посчитали ведьмой.

Гейнор сказал, что он тоже ищет ее дядюшку и бабушку, поскольку, по его мнению, только они и могут с уверенностью преодолевать границы между измерениями и вывести их к трем сестрам.

— Ты уверена, что они живы? — тихо спросил Уэлдрейк.

— По меньшей мере, я уверена, что живы дядя и бабушка,— сказала она.— Но вот маленький Коропит находится где-то дальше, чем они, а возможно, он каким-то образом скрыт от меня.

После этого она удалилась — сказала, что идет в город купить несколько драгоценных безделок.

— Я и в самом деле влюбился,— признался Уэлдрейк своему другу, который воздержался от комментариев, касающихся разницы в возрасте. Уэлдрейку было, судя по всему, под пятьдесят, а молодой женщине не больше восемнадцати.

— Такие вещи не имеют значения, когда сердца бьются в такт,— восторженно сказал он, и Элрик не понял, то ли он цитирует себя самого, то ли какого-то им почитаемого поэта.

Элрик погрузился в молчание, не обращая внимания на излияния своего друга. Элрик размышлял о капризах мультивселенной, той среды, которую он до сего времени понимал только в символическом плане.

Он размышляет о символике Равновесия, о том устойчивом состоянии, за достижение которого боролись все философы, пока из соображений целесообразности или из-за угроз их жизням и душам не стали заключать сделок — кто с Законом, а большинство с Хаосом, который является стихией, чья природа близка большинству колдунов. И таким образом пришли они к тому, что достижение цели, ради которой они столько готовились, стало невозможно. Некоторые из них были рождены для этой цели, а некоторые — обречены на ее поиски. Те, кто был обречен на эти поиски, поняли, что произошел великий обман, они в полной мере познали, что было потеряно ими.

Гейнор, один из бывших принцев Равновесия, понимал это лучше кого-либо другого, поскольку он прежде уже знал совершенство, но утратил его.

И в тот день, закрывая дверь самой обычной гостиницы, Элрик понимает, что его ужас обратился в нечто другое, в некую решимость. В некое холодное безумие. Он поставил на карту судьбу не только своей души, не только души отца, но нечто гораздо большее. Он уже не хочет идти на поводу у событий, он не хочет быть их заложником, он решает ввязаться в игру, которую ведут между собой боги, и довести ее до конца, выиграть ее ради себя и своих смертных друзей, еще живых и любимых им существ, ради Танелорна. Это не больше чем обещание, которое он дает себе, оно еще не сформулировано, не оформлено, но оно станет основой будущих его действий — этот отказ принять тиранию рока, капризы какого-то полуживотного-полубожка, который желает управлять его, Элрика, судьбой и чье право на это зиждется лишь на том, что в распоряжении этого полубожка больше силы, чем у Элрика. Эту реальность принимал его отец, хотя и пытался тонко и осторожно играть свою игру, поставив на карту свою жизнь и свою душу. Но Элрик не желает больше подчиняться этой реальности...

А еще в нем созрел холодный гнев на того, кто мог походя уничтожить столько живых существ, подобных ему, Элрику. Но гнев этот Элрик питал не только по отношению к Гейнору, но и по отношению к себе самому. Может быть, именно поэтому он и боится так Гейнора, ведь они очень похожи. Если верить некоторым философским теориям, то Элрик и Гейнор вполне могут быть двумя сторонами одного и того же существа. В Элрике шевелятся какие-то глубинные воспоминания, но он гонит их прочь. Он их гонит, но они возвращаются, будто твари с какой-то неимоверной глубины, твари, наводящие страх на все, что попадается им на пути, но и сами не выносящие света...

Другая часть Элрика, мелнибонийская часть, обвиняет его в глупости, говорит ему, что он попусту теряет время на эти мелочные рассуждения, подбрасываемые ему совестью, говорит, что союз с Гейнором может быть ему полезен, что вместе они смогут бросить вызов той силе, которой он не желает больше покоряться, и, возможно, победить.

И даже временное перемирие между ними принесет ему очевидные выгоды. Да, но что потом, спрашивает его другое «я». Что произойдет, когда Ариох потребует себе все, что он позволил найти Элрику? Можно ли обмануть Герцога Ада? Одержать над ним победу? Может ли смертный изгнать его из того или иного измерения?

Элрик понимает, что именно такие мысли и привели его отца в нынешнюю его нелегкую ситуацию, и с иронической улыбкой возвращается к прерванному завтраку.

Он отложит все решения до вечера, когда будет обедать с Гейнором на корабле.

Уэлдрейк бросает еще один взгляд вслед уходящей красавице, вытаскивает пергамент из одного кармана, перо из другого, из кармана жилета — чернильницу и приступает. Сначала он пишет секстину, потом переходит на песню с припевом, потом на вилланель, но потом все же снова возвращается к секстине...

Восторг не удержать, что в сердце у меня;
Но силы дарит мне для радости шальной
Не лучезарный свет сияющего дня,
Но тайный лунный путь. Неведомой тропой,
Ночными грезами сжигая и пьяня,
В Любовь и Жизнь зовет полночной тишиной.

Слыша это, владыка руин погружается в свои карты и свои проблемы, а Уэлдрейк замолкает, вздыхает и предпринимает попытку передать свои чувства сонетом...

— А может, попытаться написать оду? Что-нибудь вроде тех строк, которые я написал в Патни:

В золотых волнах востока колыбель ее качалась:
Там, чело венчая звоном, песня дивная поется,
Вея щедрым ароматом тех морей, где укрывалась
Тайна всех благословений,
данных правом первородства,
Мягких, нежных и свободных. И она, взлетев,
смеялась,
В клевер облаков поднявшись,
чтоб обнять руками солнце!

Добрый вечер, принц Гейнор. Полагаю, у тебя найдется объяснение, почему ты уничтожил целый народ? Я думаю, что послушать тебя будет по меньшей мере занимательно.— Маленький поэт посмотрел на таинственный шлем, уперев руки в

бока. Его лицо выражает осуждение, а сам он ничуть не трепещет перед силой Гейнора. Не могут остановить Уэлдрейка и правила приличия, требующие уважительного отношения к хозяину корабля, на борт которого он взошел.

Элрик же почти ничего не говорил, предпочитая держаться на некотором расстоянии от других, что в прежние времена было для него, наследника правителей Мелнибонэ, делом само собой разумеющимся. Эта отстраненность Элрика была нова для Уэлдрейка, но не была тайной для Мунглама, где уж он там теперь пребывал — в Танелорне или других местах. Элрик принял эту манеру поведения, когда обстоятельства снова потребовали от него такого рода надменности, к которой примешивались качества, не поддающиеся ни определению, ни описанию. Его рука с длинными белыми пальцами опиралась на эфес огромного рунного меча, голова была чуть склонена набок, а задумчивые малиновые глаза светились иронией, которую иногда находили опасной даже Владыки Высших Миров. И тем не менее он поклонился. Сделал жест свободной рукой. Заглянул настойчивым взглядом в глаза за металлом шлема — в глаза, которые дымились, сверкали огнями ада.

— Добрый вечер, принц Гейнор.— В голосе Элрика слышались одновременно мягкость и стальная резкость, что напомнило Уэлдрейку о кошачьих когтях, спрятанных в мягких лапках.

Бывший принц Равновесия слегка наклонил голову — возможно, это был иронический жест — и заговорил тем мелодичным голосом, который столько веков служил Хаосу в качестве приманки.

— Рад тебя видеть, господин Уэлдрейк. Я только недавно узнал, что мы будем иметь возможность наслаждаться твоей компанией. А вот про тебя, Элрик, один наш общий друг сказал мне, что ты будешь в Улшинире.— Он заранее отмел вопрос, который мог возникнуть.— Похоже, нам начинает везти, хотя, возможно, ты бы и сказал об этом иначе. А может, мы всего-навсего простые компоненты? Яйца, из которых какой-то сумасшедший бог собирается приготовить омлет? Кстати, мой корабельный повар выше всяких похвал. По крайней мере, так мне все говорят.

Тут появилась Чарион Пфатт в черно-белом бархате и кружевах, ее юная красота сияла, как бриллиант, извлеченный из шкатулки.

Уэлдрейк в полуобморочном состоянии оказывал ей изощренные знаки внимания, которые она принимала с недоуменным доброжелательством. Он не отставал от нее, пока вся их компания направлялась к каюте мимо таинственной громады необычного груза, от которой исходили какие-то неясные звуки. Принц Гейнор и Чарион прошли мимо этой укрытой парусиной махины так, словно там ничего и не было.

Затем был обед. Элрик, который обычно был безразличен к поварским изыскам, обнаружил, что еда великолепна, как и обещал Гейнор. Проклятый принц рассказал историю его путешествия в Арманди и страну Мальвы, куда он отправился на поиски Хсеременифа Блюхе, главного повара Волофара. Они точно так же могли бы обедать и среди богатых интеллектуалов Троллона, забыв обо всех необычных обстоятельствах, обо всех воюющих богах, украденных душах, потерянных ясновидцах и тому подобном, и вести неторопливую беседу о достоинствах того или иного мусса.

Принц Гейнор в резном черном кресле во главе стола, покрытого темно-алой скатертью, обратил свой загадочный шлем на Элрика и сказал, что он всегда поддерживает определенные стандарты, даже в сражении или командуя дикарями, что нередко случается в последние дни. Он не без некоторого лукавства добавил, что нынче не выбираешь, кем повелевать, в особенности теперь, когда в связи с грядущим Пересечением сфер судьба стала совершенно неуправляемой.

Элрику все эти разговоры были не новы, и он нетерпеливо заерзал на месте, отодвигая от себя блюда и приборы.

— Скажи нам, принц Гейнор, зачем ты пригласил нас сюда?

— Только если ты, Элрик, скажешь мне, почему ты меня боишься,— шепотом ответил вдруг Гейнор, и на душу альбиноса дохнуло холодом Лимба.

Но Элрик устоял — он понимал, что Гейнор испытывает его.

— Я тебя боюсь, потому что ты готов на все ради того, чтобы добиться собственной смерти. А поскольку жизнь не имеет

для тебя никакой цены, тебя нужно бояться, как боятся всех подобных тебе животных. Потому что ты ищешь власти ради самой эгоистичной из всех целей, а потому не знаешь меры в своих стремлениях. Вот почему я боюсь тебя, Гейнор Проклятый. И вот почему ты действительно проклят.

Безликое существо запрокинуло закованную в сталь голову и разразилось смехом, при этом краски за металлом задрожали и замерцали.

— А я боюсь тебя, Элрик, потому что ты тоже проклят, но ведешь себя так, будто не знаешь этого...

— Я не заключал таких сделок, какие заключал ты, принц.

— Весь твой народ заключил сделку! И он платит за это свою цену. Уже сейчас, рядом, в мире, который ты называешь своим домом, последние из твоих соплеменников призываются в армию Хаоса. И хотя время последней решающей битвы еще не наступило, мы готовимся к ней. Переживешь ли ты ее, Элрик? Или будешь уничтожен, вычеркнут даже из памяти человеческой... окажешься еще менее жизнестойким, чем вирши господина Уэлдрейка...

— Сэр, ты уже успел зарекомендовать себя непроходимым негодяем! Не забывай хотя бы, что ты джентльмен! — сказал Уэлдрейк, и глаза его вновь повернулись к его возлюбленной.

— По силам ли тебе, Элрик, перспектива вечной смерти? Тебе, который любит жизнь не меньше, чем я ее ненавижу? Мы оба можем реализовать наши самые сокровенные желания...

— Я думаю, ты боишься меня, принц Гейнор, потому что я не иду на окончательный компромисс,— сказал Элрик.— Я боюсь тебя, потому что ты целиком принадлежишь Хаосу. Но ты меня боишься, потому что я-то Хаосу не принадлежу.

Из-за шлема раздался раздраженный шум, похожий на хрюканье космической свиньи. Затем вошли три моряка с тамбурином, флейтой и музыкальной пилой. Они затянули какую-то скорбную песню, но Гейнор, ко всеобщему облегчению, тут же отпустил их.

— Ну что ж, мой господин,— сказал Гейнор, видимо восстановив свое душевное спокойствие,— могу я сделать тебе скромное предложение?

— Если ты хочешь объединить усилия по поиску сестер, то я рассмотрю твое предложение,— сказал Элрик.— Но больше, мне кажется, нам говорить не о чем.

— Но именно о сестрах я и говорю, Элрик. Нам, судя по всему, от этих сестер нужно разное, и причина, по которой наши поиски в мультивселенной сопровождаются такими потрясениями, состоит в том, что тут затронуты интересы нескольких Владык Высших Миров. Вы согласны с этим, господа?

Вопрос был обращен и к Уэлдрейку. Чарион Пфатт сидела на своем стуле и, видимо, была уже знакома с планом своего союзника.

Они согласно кивнули.

— В некотором смысле мы вроде бы противники,— продолжал Гейнор,— но в другом мы вовсе не враждуем. И я вижу, вы согласны со мной. Так давайте же вместе отправимся на поиски сестер и семейства Пфатт или того, что от него осталось. Давайте же объединимся, по крайней мере объединим наши усилия, пока это не противоречит нашим интересам.

Таким образом Элрик Мелнибонийский и поэт Эрнест Уэлдрейк приняли логику Проклятого принца и согласились отправиться на поиски сестер на его корабле следующим утром, когда он найдет еще одного-двух моряков для своей команды среди самых отважных или отчаянных морских волков Улшинира.

— Но ты, принц Гейнор, не сообщил нам, куда направляешься,— сказал Элрик, когда они собрались вернуться в гостиницу. На палубе тем временем происходило какое-то движение, какая-то суета, а время от времени впереди мелькал свет.— Мы должны довериться тебе или ты сообщишь нам название острова, на котором обосновались сестры?

— Острова? — Шлем Гейнора потемнел, словно бы от недоумения, и на его ровной, иногда совершенно непроницаемой поверхности заиграли черные и синие блики.— Острова? Мы не идем ни на какие острова.

— А где же тогда находятся сестры?

— Там, куда мы направимся, хотя найти их, боюсь, будет нелегко.

— А куда же мы направимся, сэр? — с понятным раздражением спросил Уэлдрейк.

Шлем снова слегка наклонился, и опять словно в недоумении, а потом мелодичный голос самодовольно изрек:

— Я думал, господин Уэлдрейк, вы уже догадались. Завтра мы берем курс на Тяжелое море.

Глава третья

НЕОБЫЧНЫЕ СПОСОБЫ МОРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ; РАЗОЧАРОВАНИЯ ПИРАТСТВА. АДСКИЙ МЕЧ НЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ

И только когда Улшинир скрылся за горизонтом, а рифы впереди все еще оставались невидимыми, Гейнор Проклятый отдал приказ «дать бедному ящеру немного света». Моряки подчинились с некоторой неохотой. Они стащили черную парусину, под которой обнаружились стальные прутья большой клетки; в клетке оказалось какое-то пресмыкающееся с шишковатой головой и двумя огромными глазами. Глаза моргали время от времени, затягиваясь зеленоватыми веками. Ноздри твари раздувались, а выступающая алая пасть то и дело открывалась, обнажая розоватый подвижный язык. Немалая масса этого чешуйчатого тела покоилась на перепончатых лапах — толстых, как стволы вяза. С каждым вздохом тело существа содрогалось.

Глаза, подобные темным полудрагоценным камням, нашли Гейнора и замерли на нем — он стоял внизу и смотрел на клетку. Красные пористые губы открылись и закрылись, чудище издало низкий стон. Не сразу, но Элрик все же разобрал слова:

— Я недоволен, хозяин. Я хочу есть.

— Скоро тебе будет позволено поесть, мой красавчик. Очень скоро.— Гейнор усмехнулся. Он поднялся по трапу, взялся за прутья клетки руками в боевых рукавицах и уставился на гигантского ящера, который по весу и размерам в пять раз превышал его самого.

У Уэлдрейка никакого желания приближаться к клетке не появлялось. Он отошел к Чарион Пфатт, которую позабавила его нерешительность. Девушка подошла к ящеру, который ответил на ее смех и воркование похрюкиванием и сопением.

— Что за жалкое создание,— сказал Элрик, не без сочувствия посмотрев на необычного ящера.— Где ты его взял? Уж не подарок ли это от графа Машабака — тварюга, которую даже Хаос не желает держать при себе?

— Хоргах — уроженец одного близлежащего мира, принц Элрик.— Гейнора явно забавляли эти вопросы.— Он поможет нам пересечь Тяжелое море.

— А что лежит за ним? — спросил Элрик, глядя, как Чарион Пфатт достала свой меч и почесала живот ящера, отчего тот захрюкал от удовольствия и вроде бы немного расслабился, хотя и давал понять всем своим видом, что голоден.— Хоргах — обитатель Тяжелого моря?

— Не совсем обитатель,— сказал Гейнор.— Но он знаком с этим необыкновенным морем. По крайней мере, меня в этом заверили. Я приобрел его у одних путешественников, с которыми мы встретились после того, как я потратил три года на его поиски. Я тогда плавал между островами в поисках Улшинира...

— В поисках тебя, Элрик,— пояснила Чарион.— Я знала, что ты здесь. А присутствие трех сестер я почувствовала позднее. Я думала, они следуют за тобой. Но ты тоже почувствовал их. Я не знала, что ты ясновидящий.

— Я не ясновидящий,— сказал Элрик.— По крайней мере, не в том смысле, в каком ты это понимаешь. Я прибыл сюда не по собственному выбору. Для тебя, как я вижу, со времени нашей последней встречи прошло несколько лет. Для меня же время как текло, так и течет, после того как я последовал за тобой в эту бездну Хаоса. Уэлдрейк странствовал не меньше года. А из этого вытекает, что. если мы найдем трех сестер или твою семью, Чарион, они к тому времени могут оказаться детьми или сморщенными старухами.

— Мне отнюдь не нравится вся эта кутерьма,— говорит Уэлдрейк.— Хаос никогда не был мне по вкусу, хотя мои критики и твердят обратное. Я воспитывался в убеждении, что

существуют некоторые всеобщие законы, которым подчиняются все. Но когда я узнаю, что у этой гиперреальности есть всего-навсего несколько фундаментальных правил, которые тоже могут меняться время от времени, меня это беспокоит.

— Это беспокоило и моего дядю,— сказала Чарион.— Поэтому-то он и предпочел вести тихую семейную жизнь. Но в конце концов ему не позволили сделать этот выбор. Он потерял мою мать, своего брата и его жену — все они погибли из-за происков Хаоса. Что касается меня, то я приняла неизбежное. Я отдаю себе отчет в том, что живу в мультивселенной, которая хотя и следует, как мне сказали, разным тенденциям и направлениям, но подчиняется великой и ненарушаемой логике и настолько огромна, настолько разнообразна, настолько многомерна, что может показаться, будто ею правит случай. А потому я соглашаюсь с тем, что моя жизнь подчинена не постоянству, предлагаемому Законом, а неопределенности, обещаемой Хаосом.

— Пессимистический взгляд на жизнь, моя прекрасная леди.— Уэлдрейк не мог поступиться принципами даже ради любви.— Разве не лучше жить, признавая наличие некой неизменной логики в нашем существовании?

— Не заблуждайся на мой счет, господин Уэлдрейк.— Она с чувством прикоснулась к нему.— Я подчинилась неизменной логике — это логика силы и завоевания.

— Она сделала тот же выбор, что и мои предки,— тихо сказал Элрик.— Они воспринимали мультивселенную как некий набор случайностей и создали философию, чтобы как-то упорядочить то, что видели. И поскольку их мир управлялся по капризам Владык Высших Миров, то, по их представлениям, выжить они могли, только став максимально сильными — по меньшей мере, не слабее некоторых малых божеств. Настолько сильными, чтобы Хаос считался с ними, а не угрожал им и не уничтожал их. Но что в результате дала им эта сила? Еще меньше, чем получил твой дядя, сделав свой выбор...

— Мой дядя глупец,— сказала Чарион, ставя точку в этом разговоре. Она опять занялась ящером, который снова успокоился, пока Чарион щекотала его огромную спину своим мечом, и задумчиво поглядывала на горизонт, где начали появ-

ляться темные зубчатые хребты — это были первые рифы, которые, согласно представлениям улшинирцев, разделяли обитаемый и необитаемый миры.

Теперь они слышали звук прибоя, видели, как волны накатываются на вулканическую породу, отчего та приобретает зловещий блеск.

— Я недоволен, хозяйка. Я хочу есть.— Ящер обратил свой взор на Чарион, и Уэлдрейк вдруг понял, что у него есть соперник. Он испытал странное чувство — смесь удивления, ревности и жуткого страха.

Элрик тоже заметил выражение ящера, когда тот поглядывал на Чарион, и нахмурился. Инстинкт предупреждал его о чем-то, но это предупреждение было пока еще неотчетливым. Он был согласен ждать, пока этот инстинкт не вызреет в нечто более определенное, пока не обретет словесную форму, не получит подтверждения, не станет мыслью. А пока он пошутил над Уэлдрейком и его заметным смущением:

— Не бойся, мой друг! Если тебе и недостает красоты этого парня и его специфического обаяния, то по уму ты его, несомненно, превосходишь.

— Беда только в том, мой господин,— не без самоиронии сказал Уэлдрейк,— что в делах любви ум не имеет ровно никакого значения! Еще не изобретена стихотворная форма, чтобы передать эту историю — о поэте, соперничающем с ящером. Ах, какая боль! Ах, какая неопределенность! Глупость!

Внезапно он замолчал: чудовищный ящер на его глазах повернулся к нему и взглянул так, словно понял все его слова. Потом он открыл пасть и медленно проговорил:

— Ты не получишь моего яйца...

— Именно, сэр. Именно об этом я и говорил моему другу.— Отвесив поклон, столь театральный и замысловатый, что даже Элрик не понял, какую роль играет поэт, Уэлдрейк отправился куда-то на корму, делая вид, что у него там дела.

Впередсмотрящий на мачте издал предупреждающий крик, выведя Гейнора из состояния полусна — он стоял, недвижно уставившись в море, словно его душа покинула тело.

— Что случилось? Ах да. Лоцман. Приведите лоцмана.

Наверх поднимается седой человек, кожа которого выдублена ветром и дождем, но не знала солнца, человек, чьи глаза боятся света, но в то же время и благодарны ему. Он потирает запястья, на которых еще видны следы веревки. Он вдыхает соленый ветер и усмехается про себя, вспоминая что-то.

— Лоцман, у тебя есть возможность обрести свободу,— говорит Гейнор, давая человеку знак идти на нос, который поднимается и опускается на волнах с элегантной резвостью. Ветер надувает парус, и корабль несется к скалистым берегам дюжины лежащих впереди островков, напоминающих коварные зубы в пасти, полной ревущей пены.

— Или убить нас всех и забрать с собой в ад,— беззаботно говорит лоцман. Ему лет сорок пять, его бородка поседела, как и шевелюра, а серо-зеленые глаза смотрят так пронзительно и странно, что сразу видно — он привык держать их в тени, потому что щурится под солнечными лучами, хотя они и светят ему в спину. Легкими движениями человека, который рад снова быть деятельным, он поднимается на палубу, проходит вплотную к клетке с ящером, словно каждый день встречается с такими животными, и становится рядом с Гейнором.— Я бы советовал тебе как можно скорее спустить этот парус,— говорит лоцман, стараясь перекричать усиливающийся ветер,— или поменять курс и подойти к островам с другой стороны. Еще несколько минут, и мы разобьемся об эти скалы.

Гейнор повернулся, крикнул слова команды, и Элрик с восхищением отметил сноровку, с которой работали матросы. Они развернули корабль так, что парус обвис на мачте, и сразу же опустили его, прежде чем ветер опять его наполнил. Лоцман похвалил моряков и отправил их на весла, потому что только так можно пройти между рифами на краю мира.

Теперь черно-белый корабль медленно двигался рядом с рифами, преодолевая сильное течение; несколько дюймов сюда, несколько — туда, иногда прикасаясь к рифу, но так легко, что удара никто и не чувствовал. Иногда казалось, что корабль протискивается между базальтовыми и обсидиановыми скалами, а ветер в это время завывал, прибой бурлил, а весь мир словно снова оказался во власти Хаоса. Лишь к полудню пересекли они первую полосу рифов и бросили якорь в спокойных водах между первой и второй полосами.

Лоцман распорядился хорошо накормить команду и дал ей отдохнуть. Преодолевать следующую преграду они будут только на другой день, сказал он.

На следующий день они снова предались бушующей стихии, а лоцман отдавал команды гребцам, и корабль двигался то в одну, то в другую сторону. Иногда лоцман несся по кораблю, чтобы самому встать у штурвала, иногда он забирался на мачту, чтобы освежить в памяти маршрут — было видно, что он не в первый раз проходит эти рифы.

Потом они оказались в спокойном океаническом потоке, струящемся над светлым песком, затем вышли на неподвижную воду, и лоцман дал команде отдохнуть до следующего утра.

Чтобы добраться до самой дальней гряды рифов, им понадобилось двенадцать дней. Они не без испуга смотрели на черные волны прибоя, которые маслянистой пленкой накатывали на массивный естественный барьер, созданный последней грядой островов, на берега, выстланные ровным вулканическим обсидианом. Волны Тяжелого моря двигались с размеренной точностью, они вздымались и опадали с мучительной медлительностью, а низкие звуки, возникавшие при этом, свидетельствовали о том, что голос этого моря по преимуществу не слышен человеческому уху, потому что над этими темными медленными водами висела гнетущая тишина.

— Мне это напоминает море холодного жидкого свинца,— сказал Уэлдрейк.— Оно противоречит всем законам природы! — Сделав это замечание, он, однако, пожал плечами, словно говоря: «А что им не противоречит?» — Как тут может плыть корабль? Мне кажется, поверхностное натяжение слишком уж велико...

Лоцман, который стоял опершись о фальшборт, поднял голову.

— По нему можно плыть,— сказал он.— Это проверено. Это море находится между мирами, но есть народ, которому эти воды знакомы ничуть не хуже, чем те, что остались у нас за спиной. Изобретательность смертного может найти средства, которые позволят двигаться где угодно.

— Но разве оно не опасно? — спросил Уэлдрейк, с отвращением глядя на эти воды.

— Опасно,— согласился лоцман.— Очень опасно.— Тон его ответа был беззаботным.— Хотя тут, я думаю, можно поспорить: а становится ли то, что нам уже знакомо, от этого менее опасным?

— Или более,— с чувством добавил Элрик.

Он еще раз окинул взглядом Тяжелое море и спустился в каюту, которую делил с Уэлдрейком. Тем вечером он не выходил оттуда — размышлял о вопросах, обсуждать которые с другими было невозможно, а Уэлдрейк присоединился к лоцману и команде, решившим отпраздновать успешный переход и выпить за удачу в будущем. Но если Уэлдрейк рассчитывал узнать о лоцмане что-нибудь еще, кроме того, что Гейнор взял его на борт всего за несколько дней до прибытия в Улшинир, то его ждало разочарование. Не увидел он там и своей возлюбленной Чарион. Что-то не дало ему вернуться в каюту — какое-то чутье,— и он остался на некоторое время на палубе, слушая, как ленивые волны набегают на отшлифованные водой обсидиановые скалы. Он размышлял о египетской Книге Мертвых и о погребальной ладье душ, о Чарион и о лодочнике богов Хароне. Ему эти воды и в самом деле казались водами загробного океана, омывающего берега Лимба.

Потом Уэлдрейк оказался у клетки, в которой спало чудовище — глаза его были закрыты, оно храпело, посапывало и шлепало своим дряблым губчатым ртом, и поэт в эти мгновения ощутил что-то вроде сочувствия к этому существу, которое, судя по всему, обманом было принуждено к какой-то сделке с Гейнором, как, впрочем, и все на этом корабле.

Он положил руку на резной фальшборт черного дерева, взглянул на луну, которая появилась из-за тучи,— ее лучи упали на чешуйчатые, кожистые складки плоти, почти прозрачные перепонки между огромными пальцами ящера, сидящего в клетке. Уэлдрейк задумался о том, как такая красота сосуществует с таким уродством. Потом он задумался о себе, ему пришла в голову фраза, некий ритмический куплет, и он принялся шарить по карманам в поисках чернильницы, пера и пергамента, а потом уселся творить в лунном свете, рассчитывая найти романтическую связь между поэтом Уэлдрейком и ящером Хоргахом, что было бы тем труднее, подумал он не без доли самодовольства, если пытаться сделать это, например, в форме двустопного хорея...

Оккультизм
Этих схизм,
Взвившись искрой
(Эвфемизм),
К героизму не зовет.

Он принялся строчить и остановился только утром, и тогда положил свою тоскующую голову на подушку в своей каюте и погрузился в сладчайший из снов о любви, какие он когда-либо видел...

На рассвете все, кроме Уэлдрейка, собрались на палубе. Они стояли, повернув головы к горизонту, где сгущались тучи, из которых моросил дождь. За ночь потеплело, и влажность была очень высокой. Элрику мешала одежда, он с удовольствием разделся бы донага. Чувствовал он себя так, будто его окунули в теплый мед. Лоцман находился на носу неподалеку от жабы, они словно бы совещались. Потом седой лоцман выпрямился и вернулся туда, где Элрик, Гейнор и Чарион стояли под навесом, по которому неустанно молотил дождь. Лоцман потер свой рукав.

— Эта гадость похожа на ртуть. Попробуйте немного — она вам не повредит, но сделать это почти невозможно, ее придется жевать. А теперь, принц Гейнор Проклятый, давай поговорим. Ты заключил со мной сделку, и первую часть нашего договора я выполнил. Ты говорил, что после этого вернешь мне то, что мне принадлежит. Ты согласился, что это произойдет прежде, чем мы пустимся в Тяжелое море.

Серо-зеленые глаза лоцмана застыли на шевелящемся шлеме. Это были глаза, почти не ведавшие страха.

— Верно,— сказал Гейнор,— такая сделка была заключена...— Он, казалось, помедлил, словно взвешивая последствия нарушения слова, потом решил, что ему выгоднее соблюсти договор.— И я, конечно же, буду придерживаться ее условий.

Он спускается с палубы вниз и скоро возвращается с небольшим свертком — возможно, это свернутый плащ — и пе-

редает его лоцману. На мгновение в этих странных глазах появляется блеск, губы искривляются в усмешке, а потом выражение лица седого снова становится безразличным. Взяв свёрток, он возвращается к ящеру, чтобы перекинуться с ним еще несколькими словами. Потом он командует: «Впередсмотрящий, на мачту!», и «Гребцы, на весла!», и «Поставить парус! Ветер слабый, но попробовать стоит». Лоцман снует по палубе черного с желтым корабля, это настоящий морской волк, человек, который набил себе немало шишек, приобретая жизненный опыт, человек недюжинного ума — именно таким и должен быть капитан корабля. Он всех воодушевляет, поддерживает, он кричит, свистит, шутит, даже с огромным старым ящером, который выбрался из клетки, открытой Чарион, и переполз понемногу на нос, где лег рядом со скрипящим бушпритом. А корабль двигается вперед, он идет узким каналом, где белая вода встречается с черной, где воздушная пена встречает свинцовые капли, висящие в вязком воздухе. Нос корабля — узкий и острый как бритва, на манер бакрасимов Вилмирского полуострова,— врезается в инертную массу, а ящер отдает команды, переводимые лоцманом для рулевого; так входят они в Тяжелое море, в темноту, где само небо кажется чем-то вроде шкуры, от которой отражаются все звуки, эти звуки возвращаются приглушенными и напоминают голоса смертных, подвергаемых мучениям, и все эти бесчисленные голоса проникают в терзаемые уши экипажа и пассажиров, которые не могут слышать ничего другого. Они уже готовы просить принца Гейнора, который сам встал теперь у руля, развернуть корабль, иначе они все погибнут от этого шума.

Но Гейнор Проклятый не стал бы их слушать. Его жуткий шлем возвышается над стихиями, его закованное в латы тело бросает вызов мультивселенной, оно не покоряется ни естественному, ни сверхъестественному — ничему, что могло бы угрожать ему. Ведь он не боится смерти.

Ящер ворчит и машет лапами, лоцман подает знаки руками, и Гейнор слегка поворачивает штурвал то в одну, то в другую сторону — работа тонкая, как за ткацким станком. Элрик стоит, зажав уши руками, ему хочется заткнуть их чем-нибудь,

чтобы избавиться от этой боли, которая вот-вот разорвет его мозг. На палубу призраком выходит Уэлдрейк...

...И звук прекращается. Над кораблем воцаряется тишина.

— И у вас то же самое,— с некоторым облегчением говорит Уэлдрейк.— Я думал, это действует вино, которое я вчера выпил. Или, возможно, поэзия...

Он с тревогой вглядывается в медленно двигающуюся черноту вокруг них, поднимает голову к серому небу, с которого по-прежнему лениво падает дождь, и, не сказав ни слова, на короткое время снова возвращается в свою каюту.

Корабль продолжает двигаться, Тяжелое море продолжает дыбиться, и по этому жидкому лабиринту пробирается порождение Хаоса. Ящер ворчит свои приказы, выкрикивает слова команды лоцман, а Гейнор чуть поворачивает штурвал на юг. Ящер взволнованно машет перепончатой лапой, штурвал еще поворачивается, и все глубже в неспешное море плывут Гейнор и его команда. На всех лицах, кроме Элрика и его друга, какое-то безумное, темное ликование, они вдыхают запах моря, которое пахнет страхом. Они вдыхают страх, как гончие вдыхают запах крови. Они вдыхают этот вязкий воздух, они вдыхают запах опасности и смерти, они пробуют ветер, как пробуют воздух. А ящер с ворчанием отдает команды, и его рот влажен от голода, он дышит тяжело, брюшным дыханием, он предчувствует близкую кормежку.

— Хозяин, я должен поесть!

Странные воды, как ртуть, накатываются на палубы корабля, который продвигается вперед и, кажется, вот-вот будет поглощен клейкими волнами. Наконец корабль останавливается вообще. Ящер берет буксир, привязанный к носу, сползает за борт впереди судна и, упираясь своими широкими лапами в воду, начинает тащить корабль за собой. От лап ящера в тяжелой воде остаются следы, но через мгновение они пропадают, и корабль потихоньку движется, преодолевая сопротивление воды. Наконец ящер проваливается и начинает плыть, он испускает довольное урчание, когда капли воды перекатываются по его чешуйкам. Он издает звуки — звуки наслаждения, звуки, отдающиеся где-то наверху отдаленным эхом, ко-

торое наводит на мысль, что все это происходит в огромной пещере, а может быть, и в еще каком-нибудь более органическом проявлении Хаоса. Наконец рокочущая песня ящера замолкает, и существо забирается на корабль, садится на носу в прежнем положении рядом с бушпритом, а лоцман снова забирается на мачту, и Гейнор опять становится у штурвала.

Элрик, зачарованный этими событиями, смотрит, как капли падают со сверкающего тела ящера и скатываются назад в море. Наверху в роящейся темноте внезапно вспыхивают сполохи алого и темно-синего цветов, словно это солнце, которое вдруг обожгло их, не похоже на то, что они знали прежде. Даже воздух делается таким густым, что им приходится глотать его, как рыбам, вытащенным из воды. Один из членов команды падает в обморок на палубу, но Гейнор не снимает руку в боевой рукавице со штурвала и не делает ни малейшего движения головой, из которого следовало бы, что они должны остановиться. Да и никто его больше не просит остановиться. Элрик понимает, что они словно бы единомышленники, которые уже перенесли столько, что уже не страшатся боли, которая может ждать их впереди. В отличие от Гейнора, эти люди не ищут смерти с такой, как он, непримиримостью. Это люди, которые убили бы себя, если бы не верили, что жизнь чуточку интереснее смерти. Элрик узнал в них свои собственные чувства — жуткую, невыносимую скуку со всеми прочими качествами людской породы, включая корысть и глупость. Но в нем вдобавок ко всему этому было и особенное чувство — воспоминание о его народе до основания Мелнибонэ, когда они не были такими жестокими и уживались с существующими реалиями, а не пытались навязать миру их собственные; было в нем и воспоминание о справедливости и совершенстве. Он подошел к фальшборту и посмотрел на неторопливые воды Тяжелого моря, спрашивая себя: где же в этой ленивой черноте могут находиться три сестры? И при них ли все еще тот ларец розового дерева? И находится ли все еще в ней душа его отца?

Появился Уэлдрейк с Чарион Пфатт, он напевал ей какие-то стихи, ритм которых почти гипнотизировал своей простотой, потом вдруг покраснел и замолк.

— Что-нибудь вроде этого было бы полезно для гребцов,— сказала госпожа Пфатт.— Им необходим четкий ритм. И уверяю тебя, господин Уэлдрейк, у меня нет ни малейших намерений выходить замуж за ящера. У меня вообще нет намерений выходить замуж. Я думаю, тебе известны мои взгляды на злосчастья, таящиеся в супружестве.

— Безнадежная любовь! — чуть ли не с восторгом простонал Уэлдрейк.

Он выкинул клочок бумаги за борт, и тот, упав на воду, принялся раскачиваться на ней, словно получил от нее искру жизненной энергии.

— Как тебе будет угодно.— Она весело подмигнула Элрику.

— Для человека, который отправился в такое путешествие, ты, кажется, пребываешь в слишком хорошем настроении,— сказал альбинос.

— Я чувствую сестер,— сказала она.— Я уже сказала об этом принцу Гейнору. Я почувствовала их около часа назад. И я чувствую их сейчас. Они вернулись в это измерение. А если они здесь, то скоро их найдут мои дядюшка и бабушка, а возможно, и мой кузен.

— Ты рассчитываешь, что сестры воссоединят тебя с твоей семьей? И это единственная причина, по которой ты их ищешь?

— Я верю, что если они живы, то мы неизбежно встретимся, и, вероятнее всего, посредством сестер.

— Но ведь Роза и мальчик мертвы.

— Я сказала, что не знаю, где они, но не говорила, что они мертвы...— Было ясно, что она опасается худшего, но не желает признавать это.

Элрик не стал углубляться в эту тему. Он знал, что это такое — скорбь.

Все дальше и дальше уходил корабль Хаоса в неторопливую тишину Тяжелого моря. Ворчание ящера и крики лоцмана были единственными звуками, разрывавшими плотный воздух.

В ту ночь они бросили якорь, и все, кроме Гейнора, отправились отдыхать. Проклятый принц мерил шагами палубу, и стук его подошв почти совпадал с ударами неторопливых волн, и время от времени Элрик, который никак не мог заснуть, но

присоединяться к Гейнору на палубе не желал, слышал, как тот вскрикивает, словно в испуге: «Кто там?»

Элрик спрашивал себя: кто же населяет Тяжелое море? Есть ли в нем существа, подобные этому ящеру, но только злобного нрава?

Когда Гейнор вскрикнул в третий раз, Элрик встал, оделся, взял в руки ножны с мечом. Уэлдрейк тоже проснулся, но только приподнял голову и пробормотал что-то вопросительное.

Элрик поднялся на палубу в солоноватые испарения, намереваясь найти источник тревоги Гейнора. И тут над левым бортом он увидел очертания того, что могло было быть только еще одним кораблем,— высокое деревянное сооружение, похожее на башню замка, с которой сползали с полдюжины фигур. Все они были вооружены длинными варварскими пиками и топориками — оружием хотя и примитивным, но эффективным в абордажных схватках.

«Но не эффективнее,— улыбнулся про себя Элрик,— Черного Меча».

С этой мыслью он извлек рунный меч из ножен и босиком побежал по палубе встретить первых пиратов, спустившихся на корабль.

Над ними на носовой части палубы на мгновение появился лоцман, он взглянул вверх и длинными прыжками пустился обратно по реям на мачту.

— Это драмиановские охотники за ящерами! — крикнул он Элрику.— Они пришли за нашим проводником! Без ящера нам конец!

После этого лоцман снова исчез, и первый охотник бросился на альбиноса, выставив вперед свою пику...

Охотник умер, даже не поняв, что случилось. Пока его душа выпивалась мечом, он извивался, как разрезанная рыба...

Буревестник, казалось, заурчал от удовольствия. Песня меча становилась громче, алчнее, по мере того как один за другим охотники падали замертво.

Элрик, привычный к противникам из сверхъестественных миров, стоял среди растущей груды тел, словно фермер, занятый косьбой в хороший летний день, а разделываться с теми, кто отчаянно пытался вернуться на свой корабль, он предоставлял Чарион и команде...

Затем Элрик пришел им на помощь: он вскарабкался по корабельному канату — один из охотников отчаянно пытался перебить его своей пикой, но альбинос убил охотника, прежде чем тот перебил канат. Вонзив меч глубоко в грудь врага, Элрик смотрел, как тот корчится в агонии. Охотник пытался сам добраться до каната, потом схватился обеими руками за меч, который со страстью выпивал его душу. Охотник пытался сняться с меча и броситься в темные воды, которые лежали между двумя кораблями, и Элрик, поддавшись порыву, отпустил рукоять Буревестника и с полным спокойствием смотрел, как меч и его жертва полетели вниз. Он без оружия продолжал подниматься по канату, потом, оттолкнувшись, перелетел на башню вражеского корабля и обнаружил, что это громоздкое сооружение было возведено на чрезвычайно тонком корпусе. Корабль специально предназначался для плавания по этому необычному океану. Элрик видел большие утлегари, похожие на конечности каких-то огромных водных насекомых, уходящие в темноту.

И тут из строения на палубе появились новые охотники. Все они были вооружены топориками и ухмылялись, предвидя легкую поживу. Элрик, проклиная собственную глупость, попытался найти путь к отступлению.

У охотников был вид людей, которые собираются получить наслаждение от своей работы. Первый на пробу замахнулся своим топориком. Широкое, искривленное лезвие рассекло вязкий воздух.

Они уже были готовы расправиться с альбиносом, когда тот услышал ворчание где-то у себя над головой и решил, что туда наверх незаметно пробрался ящер. Но он увидел не ящера, а огромного рычащего пса, поблескивавшего в темноте зубами, нацелившегося на горло ближайшего охотника и вмиг превратившего его в окровавленный кусок мяса. Пес торжествующе раздул ноздри, когда остальные охотники бросились прочь. В этот момент Элрика не интересовало, откуда взялся пес. Он просто поблагодарил животное и бросил взгляд на палубу — как там дела у его товарищей. Он увидел, как прикан-

чивает противника Чарион, как она поднимает голову и издает победный клич.

Несколько оставшихся в живых охотников в слепой панике бросились к бортам, и через правый борт, шлепая губами и сверкая глазами, уже перевалился неторопливо посапывающий ящер, которого они собирались поймать. Пес исчез.

Хоргах помедлил, его тело замерло, накрыв собою часть фальшборта и некоторые люки, он вопросительно наклонил голову.

Откуда-то с этого корабля Хаоса раздался голос Гейнора — торжествующий и полный необычного возбуждения:

— Теперь можно, ящер! Теперь, мой дорогой, можешь поесть!

Позднее, когда останки охотников и их корабля догорали во мраке Тяжелого моря, когда Хоргах в своей клетке спал, похрапывая и положив огромные лапы на раздувшийся живот, а Чарион, скрестив ноги, сидела рядом с ним, словно огромная сила этой твари доставляла ей удовольствие, Элрик неторопливо пошел вдоль борта в поисках своего меча.

Он ни на мгновение не подумал, что избавился от меча, когда выпустил его из рук и тот вместе с жертвой упал за борт. В прошлом каждый раз, когда он пытался избавиться от Буревестника, тот непременно возвращался к нему. Теперь он корил себя за глупость. Меч ему скоро понадобится. В волнении он продолжал свои поиски, спрашивая себя, уж не похищен ли его меч какой-нибудь сверхъестественной силой.

Он искал повсюду на корабле. Он знал, что этот клинок не желает с ним расставаться. Он с полным на то основанием ожидал возвращения меча. Но пропали и ножны, что наводило его на мысли о краже. Он искал также и пса, который пришел к нему на помощь и так неожиданно исчез. У кого на борту мог быть такой пес? Или он принадлежал охотникам и, как и ящер, отомстил своим угнетателям?

Проходя над каютой под носовой палубой, он услыхал знакомые звуки. Они доносились из каюты Гейнора — низкие характерные стоны. Он удивился и встревожился еще больше, подумав о силе, которой владеет Проклятый принц. Ни один

смертный не мог взять в руки этот обнаженный меч и остаться в живых, в особенности после того, как клинок напитался душами.

Элрик тихонько подошел к двери Гейнора. Теперь из каюты не доносилось ни звука.

Дверь была не заперта. Гейнор не боялся покушений на свою жизнь со стороны смертных.

Элрик помедлил немного, а потом распахнул дверь, из-за которой на него внезапно хлынул яркий свет, раздались визг и шипение, а потом перед ним встал Гейнор, поправляющий свой шлем облаченной в металлическую рукавицу рукой. В другой руке он держал рунный меч. Руны на клинке вибрировали и постанывали, словно сам меч осознавал невероятность происходящего. Элрик обратил внимание, что Гейнор дрожит, что ему пришлось второй рукой взяться за эфес меча, чтобы удержать оружие, хотя его поза и оставалась небрежной.

Элрик протянул раскрытую ладонь к мечу.

— Даже ты, Проклятый принц, не смог безнаказанно овладеть моим рунным мечом. Разве ты не понимаешь, что мы с этим клинком едины? И что у нас есть и другая родня, которую мы при необходимости можем призвать на помощь, когда это нужно? Неужели тебе ничего не известно о свойствах этого боевого меча?

— Только то, что говорится в легендах,— вздохнул в своем шлеме Гейнор.— Я бы хотел сам испытать его. Не одолжишь ли ты мне свой меч, принц Элрик?

— Мне легче было бы одолжить тебе руку или ногу. Верни мне его.

Гейнор явно не желал отдавать оружие. Он рассматривал руны, взвешивал меч в руках. Наконец он поднял меч двумя облаченными в сталь руками.

— Я не боюсь, что этот меч убьет меня, Элрик.

— Вряд ли у него есть силы, чтобы тебя убить, Гейнор. А ты бы хотел, чтобы он сделал это? Он может взять твою душу. Это могло бы изменить тебя. Но я сомневаюсь, что он выполнит твое желание.

Прежде чем отдать меч, Гейнор положил стальной палец на клинок.

— Может быть, он наделен силой противоравновесия?

— Я не слыхал о такой силе,— сказал Элрик. Он повесил ножны на свой пояс.

— Говорят, что эта сила превосходит даже возможности Владык Высших Миров. Она опаснее, она более жестокая и более эффективная, чем все известное в мультивселенной. Говорят, что сила противоравновесия способна одним ударом изменить саму природу мультивселенной.

— Я только знаю, что нас — этот меч и меня — соединил рок,— сказал Элрик.— Наши судьбы едины.— Он оглядел почти пустую каюту Гейнора.— Я не испытываю никакого интереса к устройству космоса, принц Гейнор. Мои желания гораздо менее амбициозны, чем у большинства известных мне людей. Мне только нужно найти ответы на некоторые вопросы, что я задаю себе. Я бы с удовольствием освободился от всех Владык Высших Миров и их претензий. Даже от самого Равновесия.

Гейнор отвернулся от него.

— Ты странное существо, Элрик из Мелнибонэ. Мне кажется, ты не годишься для того, чтобы служить Хаосу.

— Я много для чего не гожусь,— сказал Элрик.— А служение Хаосу — это всего лишь наша семейная традиция.

Шлем Гейнора снова повернулся и задумчиво уставился на Элрика.

— Ты полагаешь, что можно полностью уничтожить Закон и Хаос — изгнать их напрочь из мультивселенной?

— В этом я не уверен. Но я слышал, что есть места, где ни Закон, ни Хаос не имеют власти.— Элрик был осторожен и не стал упоминать Танелорн.— Я слышал о мирах, где Равновесие правит единовластно...

— Мне тоже известны такие миры. Я сам когда-то жил в таком...— Стальной шлем задрожал, и из-под него раздался пугающий смешок. Потом последовала пауза — Проклятый принц медленно перешел в дальний угол каюты и встал перед иллюминатором.

Последние слова он произнес с такой невыносимой яростью, что Элрик, совершенно к этому не готовый, отшатнулся, словно от удара — словно холодная сталь коснулась его души.

— Элрик, я ненавижу тебя лютой ненавистью! Я ненавижу тебя за твою ненасытную жажду жизни! Ненавижу за то, что ты — такой, каким я был когда-то и каким мог стать! Но больше всего я ненавижу тебя за то, к чему ты стремишься...

Закрывая дверь, альбинос бросил взгляд на фигуру Гейнора и подумал, что латы, в которые был закован Проклятый принц, давно уже перестали защищать его от того, чего Гейнор действительно боялся. Его доспехи сделались всего лишь тюрьмой.

— А что касается меня, Гейнор Проклятый,— мягко сказал Элрик,— то я сочувствую тебе всей душой.

Глава четвертая

НАКОНЕЦ-ТО ЗЕМЛЯ! КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИКАНТРОПИИ

— В моем мире, мой дорогой сэр, человеческие предрассудки могут сравниться разве что с человеческой глупостью. Но ни одна живая душа не заявляет о своих предрассудках, точно так же, как никто не желает объявлять себя глупцом...— Эрнест Уэлдрейк адресовал эту тираду седому лоцману.

Они сидели и завтракали на палубе, глядя, как под свинцовыми небесами с кажущейся неестественной медлительностью поднимаются и опадают черные волны Тяжелого моря.

Элрик, жуя кусок почти безвкусной соленой говядины, заметил, что, похоже, таковы привычки всех обитателей мультивселенной.

Лоцман взглянул своими проницательными серо-зелеными глазами на альбиноса, и, когда он заговорил, его лицо озарилось веселой улыбкой:

— Мне были известны целые сферы, где разум и мягкость, уважение к себе и другим прекрасно уживались с кипучими интеллектуальными и художественными поисками и где мир сверхъестественного был всего лишь метафорой...

Услышав это, Уэлдрейк улыбнулся:

— Даже в моей Англии, сэр, редко можно найти такое совершенство.

— Я не сказал, что совершенство — вещь обычная,— пробормотал седой человек, поднимая свое гибкое старое тело со скамьи. Он встал, уставившись в зелено-черное небо и потягиваясь, облизнул тонкие губы, вдохнул воздух и повернулся к носу корабля и ящеру, чей храп для проснувшихся пассажиров был подобен гневному реву.— Там появилась комета! — Он воздел к небу скрюченный палец.— Это означает, что умер какой-нибудь владыка.— Он прислушивался в течение нескольких мгновений, а затем, удовлетворившись услышанным, отправился исполнять свои обязанности.

— Там, где когда-то жил я,— послышался загробный голос Гейнора Проклятого, наконец вышедшего из своей каюты,— говорили, что комета появляется, когда умирает поэт.— Он похлопал сверкающей рукавицей по закоченевшему плечу Уэлдрейка.— А в твоем отечестве, господин Уэлдрейк, есть такая примета?

— Ты сегодня с утра не в духе, сэр,— мягко ответил Уэлдрейк, чей холодный гнев оказался сильнее страха.— Может быть, на тебя воздействует несварение твоего ящера?

Гейнор убрал руку с плеча Уэлдрейка, принимая тем самым полученное предостережение.

— Да, да, господин, просто некоторые принцы жаждут смерти сильнее других. А поэты, как мы знаем, жаждут жизни. Госпожа Чарион.— Он поклонился, отчего весь его шлем залился гневным огнем.— Принц Элрик. А-а, и господин Снар.

Назад со своего поста уже бежал седой лоцман.

— Я искал тебя, принц Гейнор. Мы с тобой заключили соглашение.

— Тебе не на что надеяться,— сказал Гейнор Проклятый, и в голосе его послышалось сочувствие.— Она мертва. Она умерла, когда рухнула церковь. Теперь ищи свою невесту в Лимбе, Эсберн Снар.

— Ты обещал, что скажешь мне...

— Я обещал сказать тебе правду. А правда такова, как я тебе только что сказал. Она мертва. Ее душа ждет тебя.

Седой лоцман тряхнул своей нечесаной шевелюрой.

— Ты же знаешь, я не могу с ней соединиться! Я лишился права на загробную жизнь. А за это — о боги, помогите мне! —

я стал нелюдем, существом, неподвластным смерти.— После этой внезапной вспышки Эсберн Снар бросился назад на свой пост, взобрался на рею, чтобы оттуда разглядывать бурлящий горизонт.

В глубине шлема Гейнора Проклятого раздался звук, похожий на вздох, и Элрик понял, что роднило между собой лоцмана и бессмертного принца.

Но Уэлдрейка переполняла радость, и он ударил по столу руками, отчего похлебка из тарелок чуть не выплеснулась на скатерть.

— Бог ты мой, сэр, это же Эсбьорн Снорре, правда? Теперь я понял особенности вашего произношения и, должен добавить, его произношения тоже. Я не предъявляю никаких претензий. Мы в конечном счете весьма благодарны за эту необыкновенную передачу мыслей на расстояние, которая нередко дает нам возможность выжить в суровом климате нашего общества. Но не будем гневаться на милостивую мать-природу за то, что она создала несколько диалектов, она этим немного облегчила себе свои непрекращающиеся бдения — ведь ей приходится наблюдать за нашим продолжающимся существованием. Если задуматься, это просто удивительно, сэр.

— Ты слышал что-нибудь о нашем лоцмане? — Чарион ухватила за фалды, так сказать, суть этой речи.

— Я слышал об Эсберне Снаре. Но у той истории был счастливый конец. Он хитростью заставил тролля построить ему и его невесте церковь, чтобы они могли там обвенчаться. Жена тролля выдала имя своего мужа и таким образом освободила Эсберна Снара от его обещания. Говорят, что под Ульшойским холмом до сих пор еще можно слышать стенания жены тролля. Я написал на эту тему что-то вроде баллады для моих «Норвежских песен». И конечно же, ее украл Уиттьер, но я на него не в обиде. Конечно же, ему нужны были деньги. И вообще, плагиат бесчестен только тогда, когда ты таким образом зарабатываешь денег меньше, чем можешь украсть.

И снова Чарион смело выхватила самое главное.

— Так ты говоришь, он счастливо женился? Но ведь ты слышал, что сказал ему Гейнор?

— Я думаю, это дополнение к оригинальной истории. Мне известно только об удавшейся хитрости. В преданиях моего времени последующая трагедия была забыта. Иногда, понимаете ли, мне вдруг кажется, что я вижу все это во сне, в котором все герои и злодеи моих поэм ожили и преследуют меня, хотят завязать со мной дружбу, превратить меня в одного из них. В конечном счете вряд ли стоит надеяться, что столкнешься с такой разноликой компанией в Патни...

— Значит, ты, господин Уэлдрейк, не знаешь, почему Эсберн Снар оказался на этом корабле?

— Не больше, чем ты, моя леди.

— А ты, принц Элрик? — Альбинос, чьи мысли витали где-то далеко, остановил на ней свой взгляд.— Ты знаешь эту историю?

Элрик отрицательно покачал головой.

— Я знаю только то, что он оборотень и является одной из самых проклятых душ. А к тому же он личность редкой доброты и здравомыслия. Трудно себе представить, какие муки он терпит.

Даже Уэлдрейк словно в почтении склонил голову. Поскольку нет судьбы ужаснее, чем судьба бессмертных, силой естественной логики разделенных с теми бессмертными душами, с которыми они были связаны в жизни. Они могут знать только боль смерти, но никогда — восторг вечной жизни. Все удовольствия и награды для них скоротечны, а мука — вечна.

А это навело Элрика на мысли об отце, пленнике древних руин. Его отец, жаждавший еще больше незаслуженной земной власти и ради этого готовый вступать в сделки со своим демоном-покровителем и даже обманывать его, тоже был разделен со своей единственной возлюбленной.

Альбинос погрузился в размышления о природе нечестивых сделок, о своей зависимости от Буревестника, о своей готовности обращаться к сверхъестественным силам за помощью и не думать при этом о духовных последствиях для себя и, возможно, самое главное, о своем *нежелании* найти способ излечиться от этой губительной привычки. Его странному разуму было свойственно любопытство — он с интересом наблюдал за перипетиями собственной судьбы, узнавал о катастрофи-

ческих событиях, припасенных для него; ему хотелось узнать, чем закончится эта история, узнать цену его страданий.

Элрик вдруг обнаружил, что оказался на носу корабля, а за спиной у него посапывает ящер. Он прислонился спиной к обитому медью бушприту и уставился на лоцмана, который неподвижно стоял на рее.

— Куда ты держишь путь, Эсберн Снар? — спросил он.

Седой человек наклонил голову, словно услышав далекий знакомый свист. Затем его бледные серо-зеленые глаза уставились в малиновые очи альбиноса, и у лоцмана вырвался вздох, на его щеке появилась слеза.

— Уже никуда,— сказал Эсберн Снар.— Теперь уже никуда.

— И ты останешься на службе у Гейнора? — спросил Элрик.— Даже когда на горизонте появится земля?

— Пока я не решусь на что-нибудь иное. Как ты сам в этом скоро убедишься, впереди земля. Не далее чем в миле от нас.

— И ты ее видишь? — удивленно спросил Элрик, вглядываясь в роящиеся испарения Тяжелого моря.

— Нет, не вижу,— сказал Эсберн Снар.— Но я ее чувствую.

Скоро и в самом деле показалась земля. Она поднималась над медленными жуткими водами Тяжелого моря. Эта земля была похожа на пробудившееся от сна чудовище, на рассерженную тень — повсюду острые скалы и голые камни, утесы черного мрамора, угольные берега и черные буруны, накатывающие, как дымы преисподней, на визжащие берега...

Земля эта выглядела такой негостеприимной, что смотревшие на нее путешественники прониклись одной и той же мыслью: Тяжелое море казалось им теперь куда как более радушным. И Уэлдрейк предложил плыть дальше, пока на их пути не окажется что-нибудь менее неприступное.

Но Гейнор покачал переливающимся разными цветами шлемом, и поднял сверкающий кулак, и положил стальную ладонь на хрупкое плечо Чарион Пфатт.

— Ты говоришь, дитя, что здесь находятся другие Пфатты. Они нашли сестер?

Молодая женщина медленно покачала головой. Лицо ее было печально, а глаза, казалось, смотрели в какую-то другую реальность.

— Они их не нашли.

— Но они... Сестры здесь?

— За этим... Да... Там.— В словах ее не было уверенности. Она подняла голову и указала на огромные утесы, омываемые черной пеной.— Да... Там... Они идут... Ой, дядя! Теперь я понимаю! Сестры едут. Но... дядя? И где бабушка? Сестры двигаются на восток. Такова их природа — всегда двигаться на восток. Они направляются домой.

— Хорошо,— удовлетворенно сказал Гейнор.— Мы должны найти место, где можно было бы причалить.

Уэлдрейк по секрету сообщил Элрику: ему кажется, что Гейнор вознамерился погубить их всех ради того, чтобы высадиться и продолжить свою погоню.

И тем не менее корабль в конце концов причалил к этому черному соленому берегу, на который лениво накатывал ущербный прилив и так же лениво отступал.

— Это похоже на какую-то патоку,— с отвращением сказал Уэлдрейк, ступая по мелководью на берег. Полы своего пальто он при этом завернул вокруг своей тощей груди.— Откуда оно берется, господин Снар?

Держа под мышкой свой сверток, Эсберн Снар ступал длинными ногами по жидкости.

— Это всего лишь незначительное искажение в ткани времени,— сказал он.— Таких мест в этой сфере достаточно много. В моей они были редкостью. Я встретил одно, очень небольшое, всего в несколько футов, около Северного полюса. Это было, я думаю, в начале твоего века, господин Уэлдрейк.

— Какого именно, сэр? Я родился сразу в нескольких. Я, так сказать, вне времени. Может быть, мне была дарована моя собственная ироническая судьба, ха-ха.

Эсберн Снар быстро зашагал по берегу к открывавшейся в мраморной стене расщелине, сквозь которую струился водянистый золотой свет.

— Кажется, мы нашли путь на вершину утеса,— сказал он.

Зажав котомку в зубах, он принялся карабкаться по утесу, его длинные конечности идеально подходили для избранного им маршрута от одного выступа к другому: огромный серый паук, ползущий по скале, находящий сначала одну опору, потом другую, намечая тем самым для остальных легкий путь от подножия до вершины утеса. Они один за другим поднялись на вершину, последним шел Элрик. По приказу Гейнора моряки уже поднимали парус и выводили корабль на морской простор, а с носа раздавались вопли и стоны только что проснувшегося ящера, который только теперь понял, что его возлюбленная уходит, и, возможно, навсегда.

Скоро они все стояли на вершине. Они попытались было посмотреть назад в океан, но дыбящееся черное облако уже заволокло Тяжелое море. Они могли слышать только зловещий звук прибоя, который, ослабевая, набегал на берег, отчего создавалось впечатление, будто море отступало все дальше от них, вниз, или утес поднимался все выше над берегом.

Элрик повернулся. Они поднялись выше облаков, и дышать здесь было легче. Перед ними простиралось плоское сверкающее нагорье, выстланное мрамором до самого горизонта. То там, то здесь виднелись огоньки, словно здесь обитали существа столь плотные, что могли жить в мраморе, как мы живем в кислороде, и были заняты своими делами под его толщей.

Эсберн Снар озвучил свои собственные страхи, связанные с особенностями местности.

— Похоже на страну троллей,— сказал он.— Неужели я проделал весь этот путь только для того, чтобы попользоваться гостеприимством Тролльхейма? Какая ирония судьбы!

— Если бы мы принялись размышлять здесь над особенностями каждой конкретной судьбы,— прервал его Гейнор,— то провели бы на этом утесе вечность. При том, что двое из нас бессмертны, это могло бы стать чрезвычайно утомительным. Я тебя прошу, Эсберн Снар, прекратить все скорбные плачи по собственной измученной душе.

Седой лоцман нахмурился. Возможно, он был слегка удивлен этим обвинением, которое в большей мере было применимо к самому обвинителю. Но Гейнор не желал в этом признаваться. Из всей этой разнородной компании он, казалось, единственный не желал распространять на других снисходительность, столь нужную ему самому, снисходительность, несущую в себе черты блистательной справедливости Косми-

ческого Равновесия, в которой ему давно уже было отказано. Он, казалось, все больше проникался страхом и нетерпением; возможно, причина этого заключалась в том, что у него были тайны, недоступные его спутникам,— знание о свойствах этой земли и ее обитателей. Он погрузился в молчание и больше не говорил с ними, пока бескомпромиссная твердость мрамора не сменилась землей, а потом и травой и нагорье не стало опускаться в удивительно привлекательную долину. Здесь текла река, а холмы густо поросли хвойным лесом. Но никаких следов жилья они не видели, а воздух становился все холоднее по мере того, как они спускались по склонам в долину. Наконец им пришлось натянуть на себя дополнительную одежду, которая была у них с собой.

Только Эсберн Снар не пожелал надевать на себя то, что было у него в свертке. Напротив, он лишь крепче прижал сверток к груди, словно защищая его от покушений. И снова Элрик испытал сочувствие к этому седому человеку, который сегодня потерял последнюю надежду.

В ту ночь они остановились в сосновой рощице, развели огромный костер, который ревел в холодном воздухе. Почти неожиданно в ясном зимнем небе появилась луна — огромная, серебристая, она образовывала тени среди деревьев, резко контрастирующие с прыгающими неспокойными тенями, образованными пламенем костра.

Скоро костер, подкармливаемый сухими ветками, заполыхал таким жаром, что Элрик, Чарион и Уэлдрейк вынуждены были отодвинуться подальше, чтобы их не поджарило, пока они будут спать. Только Эсберн Снар и Гейнор Проклятый остались вблизи огня — печальный седой человек и принц из мира не живых и не мертвых, два обреченных бессмертных, пытающихся отогреть свои души ото льда вечной ночи, существа, которые предпочли бы огонь Ада их нынешним страданиям. Оба они стремились к другой реальности — к той, что была когда-то известна им, где они не знали боли, где мужчины и женщины редко поддавались искушению пожертвовать спокойствием души ради дешевых сокровищ, ради преходящих радостей, обещанных темными силами.

Что за чудо чудес — крыльев бабочки блеск!
Вся щедрость природы — в цветении роз,—

сказала Чарион, словно прочтя мысли Элрика.— Вы знаете эти строки, господин Уэлдрейк?

Поэт признал, что они не входят в его репертуар. Он оценил размер. Подумал, что, возможно, это не лучший выбор для выражения подобных чувств.

— Я, пожалуй, посплю,— сказала она не без нотки сожаления в голосе.

— Сон — идеальная тема моих собственных сочинений,— сказал Уэлдрейк.— Есть сонет Дэниела, посвященный этому предмету, он превосходен. По крайней мере, с академической точки зрения.

Сон-чародей, сын соболиной Ночи,
Брат Смерти, что рожден во тьме ночной,
Верни мне радость и сомкни мне очи,
Заботы скрой за темной пеленой,
Чтоб мне хватило времени и строчек
Отпеть крушенье юности былой.

Он читал эти стихи, а холодный ветерок тем временем шумел в ветвях деревьев, и скоро похрапывание Уэлдрейка тихо и ненавязчиво слилось с храпом остальных.

С рассветом выпал снег. Большинство путников дрожали от холода и кляли злосчастную судьбу, лишь один Эсберн Снар, широко открыв рот, вдыхал морозный воздух, облизывал губы, чтобы почувствовать вкус снега, а походка его стала энергичной, пружинистой. Седовласый лоцман занялся приготовлением еды. Но ссора словно витала в воздухе.

— Ты что, забыла наш договор?! — вдруг воскликнул Гейнор.— Договор, который сама же и предложила?

— Но договор больше не действует. Я выполнила обещания. Теперь я снова свободна. Я привела тебя сюда, ищи здесь своих трех сестер, но уже без моей помощи!

— У нас одни и те же интересы! Глупо было бы разделиться сейчас! — Принц Гейнор положил руку на эфес своего меча, но гордость не позволила ему вытащить меч из ножен. До настоящего момента он полагал, что его внутренней силы достаточ-

но, чтобы убедить ее, и это было видно по всем его движениям, по его разочарованному тону.— Твоя семья найдет сестер. Они должны это сделать. Мы ищем одно и то же!

— Нет,— сказала Чарион.— Я не знаю, по каким причинам — я их не чувствую,— но сестры направились в одну сторону, а мой дядя в другую. И я должна идти за моим дядей!

— Ты согласилась искать сестер вместе со мной.

— Это было до того, как мне стало известно, что моим дяде и бабушке грозит опасность. Я пойду к ним. И ничто меня не остановит!

И с этими словами она направилась в лес, ни с кем не попрощавшись. На пути она задевала ветки, и с них обваливался снег, ее дыхание клубилось, а пружинистый шаг делался все быстрее, словно она не могла терять ни мгновения.

Уэлдрейк собирал свои книги и прочие пожитки и закричал ей вслед, чтобы она подождала — он пойдет с нею. Ей в ее поисках нужен мужчина, говорил он. Потом он быстро попрощался и пустился по следам своей возлюбленной, оставив после себя внезапную холодную тишину. А трое других — трое преследуемых роком — стояли над кострищем, неуверенно поглядывая друг на друга, словно спрашивая, насколько крепки связавшие их узы товарищества.

— Ты будешь искать со мной сестер, Элрик? — спросил наконец Гейнор. Голос его стал спокойнее, Гейнор взял себя в руки.

— Сестры владеют тем, что ищу я, а потому я должен их найти,— сказал Элрик.

— А ты, Эсберн Снар? — спросил Гейнор.— Ты остаешься с нами?

— Меня ваши неуловимые сестры не интересуют,— сказал Эсберн Снар,— если только у них нет ключа к моему освобождению.

— Похоже, у них при себе два ключа,— сказал Элрик, дружески кладя руку на плечо седовласого.— Может, найдется и третий — для тебя.

— Ну что ж,— сказал Эсберн Снар,— тогда я присоединяюсь к вам. Вы идете на восток?

— Всегда на восток. Как нам известно, сестры всегда идут на восток,— сказал Гейнор.

И вот втроем — три высокие фигуры, гибкие, как куницы зимой,— начали они путь на восток, вверх, по крутым склонам долины, по замерзшим подножиям, к хребту древних гор, обветренный гранит которых грозил обрушиться, как только на него ставили ногу. Снег теперь шел сильнее, и им, чтобы добыть воды, приходилось пробиваться через ледяную корку, и только в полдень слабое солнце разогревало мир достаточно, чтобы широкие серебряные струи побежали по сверкающим белым чешуйкам.

Гейнор пребывал в молчании, а Эсберн Снар, который большую часть времени быстро шел впереди, все больше и больше раскрепощался, словно почувствовав себя в родной стихии. И все это время сверток его, спал Эсберн Снар или ел, оставался при нем. И вот когда они с осторожностью пробирались над глубокой бездной, заполненной смерзшимся снегом вперемешку со льдом, под которыми слышался рев неукротимого потока, прорывающегося сквозь пещеры и туннели, проделанные им во льду, Элрик спросил седовласого, чем для него так ценна эта вещица. Может, она дорога ему как память?

Они вдвоем остановились перевести дыхание на узенькой тропе, на которой с трудом умещались их ноги, только Гейнор продолжал неутомимо двигаться вперед, явно даже не замечая ни глубины, ни крутизны пропасти.

— Это моя главная драгоценность,— пробормотал Эсберн Снар, издав невеселый смешок.— Я дорожу этим, как не дорожу больше ничем другим. Как я дорожу, если тебе угодно, собственной жизнью. Душа моя, боюсь, теперь немного стоит, а то я бы сравнил эту вещь с душой.

— Значит, она для тебя и в самом деле ценна,— сказал Элрик.

Говорил он главным образом для того, чтобы меньше переживать потерю Уэлдрейка, словно какая-то часть альбиноса — та часть, которой была небезразлична жизнь и человеческая любовь,— была запретна, закрыта для него самого. Ему казалось, что душа его застыла, словно ледник, по которому они шли, и лишь глубоко внутри струился поток, не находящий

выхода,— то была жажда простой человеческой любви и дружбы, недоступных ему. Может быть, ему не хватало умения высказаться, умения, необходимого для того, чтобы изменить и приспособить к окружающей среде его чувства, но в то же время он лучше других понимал, что речь сама по себе является совершенным и, возможно, единственным достойным средством заслужить право на уважение среди тех обитателей мира природы, которых и он сам, в свою очередь, тоже уважал. Но тем не менее он пытался осуществить свои незаявленные амбиции с помощью действий, а не с помощью слов. Бездумные действия, слепая любовь стали причиной того, что он уничтожил все, что любил, и он искал понимания, предпринимая только те действия, которые были подсказаны ему другими; как и другие лишившиеся родины мелнибонийские аристократы, он стал наемником — правда, наемником выдающимся и непревзойденным. И даже теперь он искал вовсе не то, что было нужно ему. В глубине души он понимал, что скоро ему придется искать каких-либо иных, более позитивных, средств достижения того, что он надеялся достичь уничтожением Грезящего города и разрушением Сияющей империи Мелнибонэ. До сего дня он главным образом оглядывался назад. Но ответов там не находил — только примеры, которые едва ли соответствовали его нынешнему положению.

Воцарилось долгое молчание. Двое стояли рядом на узкой тропе, глядя на другую сторону пропасти, на безжизненный ландшафт, где не видно было ни птицы, ни зайца,— словно время, замедленное Тяжелым морем, теперь почти совсем остановилось, и даже рев потока подо льдом словно бы затих, и остался только звук их ровного дыхания.

— Я любил ее,— сказал вдруг седоволосый, его грудь вздрогнула, будто бы по ней ударили чем-то тяжелым. Последовала еще одна пауза, он словно проглотил слезы, но потом его голос снова обрел уверенность.— Ее звали Хельва, она была дочерью правителя Несвека и самой прекрасной и женственной из всех смертных дочерей, рожденных под этим небом. Всем она выделялась — и умом, и чувством, и изяществом, и милосердием. А я... Я принадлежал к хорошей семье, но по богатству мы не могли сравниться с правителем Несвека, который заявил, что выдаст свою дочь только за того, кто будет самым достойным перед Господом. И насколько я понял, по представлениям правителя Несвека самыми достойными перед Господом были те, кто владел земными богатствами, и правитель считал, что таков и должен быть заведенный порядок вещей. И потому я знал, что не смогу получить руку моей Хельвы, хотя она уже и избрала меня. Я решил искать помощи сверхъестественных сил и заключил сделку с одним троллем; согласно нашему договору, этот тролль должен был построить мне превосходнейшую церковь — лучшую церковь в северных землях. По завершении строительства я должен был угадать имя зодчего, а если мне это не удастся, то отдать троллю мои глаза и сердце. Но по счастью, я случайно услышал, как жена тролля напевает колыбельную своему ребенку, говоря ему, что он не должен плакать, потому что скоро Файн, его отец, вернется домой и принесет ему человеческие глаза и сердце.

Так я достиг своей цели, а правитель Несвек, конечно же, не счел возможным отказать претенденту на руку дочери, который в состоянии построить такой великолепный монумент Богу и, безусловно, монументальной стоимости.

Тем временем взбешенный тролль регулярно избивал свою несчастную жену, которая стала невольным источником моего спасения, а я начал строить дом для нас приблизительно в миле от Калундборга, где я уже соорудил церковь и откуда — из башенки моего нового дома — мог бы видеть ее шпиль. Строительство шло хорошо даже без помощи тролля, и скоро уже был возведено главное здание с добротными хозяйственными пристройками и домиками для слуг на превосходных землях, полученных Хельвой в приданое. Казалось, все хорошо устроилось. Но следующей зимой в наши земли вторгся волк. Мы тогда долгими ночами коротали время развлечениями, занимательными историями и самыми разными праздниками, но не забывали и о нелегком труде — скот зимой нуждается в уходе. А из-за волка эта работа становилась еще тяжелее. Огромный зверь, раза в два больше сильного мужчины, этот волк убивал наших собак, коров, овец и даже убил одного ребенка. От жертв даже костей почти не оставалось, а если их и

находили, то они были разгрызены до самого мозга, словно волк кормился не только сам, но и кормил волчат. Нам это показалось странным — какие волчата в самый разгар зимы, хотя и было известно, что волки, случается, приносят больше одного помета в год, в особенности если предыдущая зима была мягкой, а весна — ранней. Потом волк убил беременную жену одного из моих слуг, от которой не осталось ничего, поскольку он уволок ее в нору, где, отдохнув, доел все, потому что ему нужны были силы, чтобы быстро спастись от нас. Потому что мы, конечно же, преследовали его.

Один за другим люди по разным причинам отказывались от погони, а мы со слугой любезно принимали их объяснения. И наконец из всех преследователей волка остались только двое — я и слуга. Мы загнали его в узкое, поросшее лесом ущелье, и как-то ночью волк перепрыгнул через разведенный нами костер, рядом с которым мы считали себя в безопасности. Волк убил моего слугу, а потом протащил его по горящим углям так, будто их и не было вовсе.

Должен признать, принц Элрик, что я от ужаса потерял голову. Хотя я и посылал стрелы вдогонку зверю и рубанул его мечом, но не причинил ему ни малейшего вреда. Раны на нем немедленно заживали. И лишь тогда я понял, что имею дело не с обычным зверем.

Прервав на этом свой рассказ, Эсберн Снар пошел неторопливо по тропе — нужно было двигаться, чтобы не замерзнуть, к тому же пора было искать место для ночевки. Когда они остановились передохнуть в следующий раз, он завершил свою историю.

— Я продолжал идти по следам зверя, хотя и полагал, что тот уже не опасается никаких преследований; возможно, он специально убил моего слугу: не потому, что был голоден, а просто хотел избавиться от нашей компании. И в самом деле, на следующий день я нашел тело слуги и был удивлен, увидев, что тот, кого я считал хищником, не побрезговал одеждой мертвеца, хотя она, судя по всему, и была окровавлена и порвана и толку от нее не было никакого.

Я так разозлился, так проникся жаждой мести, что больше не мог спать. Без отдыха, но и не уставая, я продолжал пре-

следование. И вот как-то ночью, когда на небо взошла луна в три четверти, я наткнулся на стоянку. На стоянке я увидел женщину. Я наблюдал за ней сквозь деревья, не желая обнаруживать себя, но в то же время будучи готов защитить женщину, если на нее нападет волк. Но тут, к моей вящей тревоге, я увидел, что у нее двое малых детей — мальчик и девочка, оба одетые в нелепое сочетание звериных шкур и всевозможных других нарядов. Дети ели суп из котла, который женщина подогрела на огне. У женщины был усталый вид, и я решил, что она бежала от жестокого мужа или ее деревня была уничтожена разбойниками, потому что мы находились на границе между северным народом и восточными племенами, чьи безжалостные кочевники не знают ни христианской религии, ни языческой честности. Но что-то продолжало сдерживать меня. Наконец я понял, что использую ее в качестве наживки — приманки для волка. Но волк не пришел, а я, наблюдая, брал на заметку все, что видел. Наконец я увидел огромную волчью шкуру, висевшую на дереве, под которым женщина спала с детьми, и я решил, что это нечто вроде талисмана, который отгоняет волка. Я наблюдал за стоянкой еще один день и еще одну ночь, потом последовал за женщиной в направлении дальних гор, где бродили свирепые кочевники востока. Я собирался предупредить ее об опасности, но мне постепенно становилось все яснее, что опасность угрожает вовсе не ей. Двигалась она уверенно, а о детях заботилась на манер человека, долго прожившего в глуши, вдали от всякой цивилизации. Я восхищался ею. Она была привлекательна, а ее движения заставили меня забыть о моей супружеской клятве. Может быть, я не прекращал присматривать за нею и по этой причине. Я начал исполняться каким-то ощущением власти, которую давало мне это наблюдение, мои тайные знания о ней. Теперь я знаю, что и в самом деле обладал властью, какой могли быть наделены только ее близкие, чьего присутствия она не могла чувствовать. Если бы со мной был кто-то еще, она бы почувствовала это сразу.

В ночь полной луны увидел я, как она взяла сложенную шкуру и надела себе на плечи, увидел, как встала она на четвереньки, и передо мной, ошеломленным, мгновение спустя

предстал огромный волк, который тихонько прорычал, предупреждая детей, чтобы не отходили далеко от костра. Но меня она не видела и не чуяла. Я оставался невидимым для ее нечеловеческого восприятия. Она отправилась в горы и вернулась в полдень следующего дня с добычей — мальчиком из кочевого племени и двумя ягнятами, которых она притащила, используя тело мальчика как волокушу. Человеческое тело она оставила себе, а принеся ягнят в лагерь, тут же приняла человеческий облик. Она приготовила ягнят для детей. Позднее тем же вечером, пока они ели наваристое мясо, она вернулась к телу мальчика и сожрала большую его часть, перекинувшись для этого в волка. Я был осторожен и держался от нее подальше.

К тому времени я уже, конечно, понял, что эта женщина — оборотень. Оборотень необыкновенной жестокости, поскольку ей нужно было выкармливать двух человеческих щенков. Эти маленькие существа были невинными детьми без каких-либо ликантропических наклонностей. Я предположил, что она стала вести такой образ жизни от отчаяния, чтобы ее дети не голодали. Но это означало, что для сохранения жизни ее чад голодать и умирать будут другие дети, поэтому моя симпатия к ней имела пределы. Как только она, наевшись, уснула в ту ночь, я набрался смелости, сумел незаметно пройти в лагерь, снял шкуру с дерева и унес ее с собой в лес.

Она проснулась почти сразу же, но теперь, когда я владел шкурой, с помощью которой она превращалась в неуязвимого зверя, я чувствовал себя в безопасности. Я заговорил с ней из лесной чащи:

— Госпожа, я взял ту жуткую вещь, с помощью которой ты убивала моих друзей и их семьи. Я сожгу ее перед церковью Калундборга, когда вернусь. Я не стану убивать мать перед ее детьми, а потому, пока ты с ними, ты в безопасности и можешь не бояться моей мести. Прощай.

Услышав это, несчастная начала выть и скулить — она тут же перестала быть той уверенной в себе матерью, которая выращивала своих детей в лесной глуши. Но я не слушал ее. Я знал, что она должна быть наказана. Но тогда я, конечно же, не знал, каким жестоким будет ее наказание.

— Ты понимаешь, что мне не выжить, если ты унесешь мою кожу? — спросила она.

— Да, госпожа, понимаю,— сказал я.— Но ты должна получить по заслугам. В твоем котле мяса достаточно на несколько дней, а еще немного осталось в лесу — рядом с твоим обиталищем, и я думаю, ты не побрезгуешь съесть его. А потому прощай. Эта шкура скоро будет гореть на христианском костре.

— Помилосердствуй,— сказала она.— Ведь мы с тобой одной крови. Немногие могут изменять обличье, как могу это делать я. Или ты. Только ты мог украсть эту шкуру. Я знала, что мне следует опасаться тебя. Но я тебя пощадила, потому что признала в тебе своего. Неужели же ты не проявишь милосердия к своей родне, неужели обречешь моих детей на неминуемую смерть?

Но я уже не слушал ее — я ушел. Я уходил, а она устроила страшный вой и рев, она кричала и умоляла меня о пощаде. Это были жуткие, звериные вопли, она просила меня вернуть ей ее единственное средство сохранить хоть какое-то человеческое достоинство. Такова ирония существования нелюдей — они цепляются за подобные остатки человеческой гордости, цепляются за память о том самом свойстве, которое они отдали ради того, чтобы стать тем, чем стали. И я подумал, что худшей судьбы для оборотня и не придумаешь. Но есть судьба и похуже, мой господин, есть страдание изощреннее. Я оставил эту женщину-оборотня, она выла и рыдала, она уже обезумела от горя. Было почти невозможно представить ее страдания, я уж не говорю о боли, которая ждала ее.

А дальше была обычная история человеческой глупости и прагматичности. Морозны зимы в наших бескрайних восточных просторах, и я решил воспользоваться волчьей шкурой. К тому времени, когда я вернулся в Калундборг, я сроднился с этой шкурой сильнее, чем с моей возлюбленной и женой, с моей Хельвой из Несвека. Я искал помощи у священников, но нашел лишь страх. И я был обречен скитаться по миру в поисках спасения, в поисках какого-нибудь средства вернуться в прошлое, воссоединиться с моей возлюбленной. Меня ждали все новые и новые путешествия из сферы в сферу, а потом я узнал, что тролль нашел способ мне отомстить —

обманул какого-то священника, заезжего епископа, заключил с ним сделку, и в результате большая часть церкви обрушилась и погребла под собой тех, кто был там, включая и мою жену, которая молилась о моей заблудшей душе...

Вот это-то и обещал поведать мне Гейнор — рассказать о судьбе моей жены. И вот почему я рыдаю сейчас, много времени спустя после ее кончины.

У Элрика в ответ не нашлось никаких слов утешения для этого доброго человека, чье проклятие было столь ужасным: в единственном своем воплощении он был зависим от этой страшной шкуры, вынужден был совершать самые бесчеловечные и дикие поступки или навечно отправиться в никуда, навсегда проститься с возможностью воссоединиться со своей утраченной любовью хотя бы и в смерти.

Может быть, поэтому не было ничего удивительного в том, что Элрик, трогая пальцами рукоятку адского меча, задумался о своих отношениях с этим клинком и в несчастном Эсберне Снаре увидел судьбу еще более страшную, чем его собственная.

Когда он в следующий раз протянул дружескую руку седовласому, который споткнулся в темноте, в этом жесте чувствовалась какая-то особая родственная приязнь. И эти двое, чьи жизни были так не похожи и чьи судьбы были так сходны, продолжили свой путь по узкой тропе над угрюмо шепчущим водным потоком, пробивающим себе путь в снегу ущелья.

Глава пятая

КАК УСЛЫШАТЬ НАМЕКИ ВЫСШИХ МИРОВ; ДОГОВОР МЕЖДУ ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЮЩИМ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕМЫМ. ЖЕРТВА ВО ИМЯ ЗДРАВОМЫСЛИЯ И ДОБРА

Принц Гейнор Проклятый помедлил на каменистом склоне последней горы, окидывая взглядом поля, простирающиеся до хребтов вдали и поросшие низкой травой.

— Кажется, в этой земле нет ничего, кроме гор,— сказал он.— Но не исключено, что это оконечность дальнего берега. Должно быть, сестры уже рядом. В этой пустой долине мы их никак не упустим.

Они доели остатки своих припасов. Ни летающей, ни бегающей дичи им так пока и не попадалось.

— Эти земли словно бы необитаемые,— сказал Эсберн Снар.— Вся жизнь словно бы исчезла из этой долины.

— Я видел такие пейзажи и прежде,— сказал ему Элрик.— Они вызывают у меня неприятное чувство, поскольку, возможно, свидетельствуют о том, что Закон подчинил себе все или что властвует Хаос, пока еще не проявивший себя.

Они сошлись на том, что у всех в прошлом были подобные ощущения.

Гейнор стал еще нетерпеливее, он подгонял их к виднеющемуся вдали хребту, «чтобы сестры не успели сесть на какой-нибудь корабль». Однако Эсберн Снар, которого не поддерживали ни силы ада, питавшие Гейнора, ни драконий яд, которым пользовался Элрик, проголодался и начал отставать. Он теребил пальцами свой сверток, и Элрику иногда казалось, что седовласый рычит и бормочет что-то про себя, а когда он как-то раз оглянулся, то увидел в глазах своего спутника невыносимое страдание.

Когда на следующее утро они сделали остановку, Эсберн Снар, Северный оборотень, исчез, поддавшись искушению, которое уже уничтожило последнюю искорку надежды, теплившуюся в нем. Дважды Элрику показалось, что он слышит скорбный вой; этот звук эхом отдавался в горах, а потому проследить его источник было невозможно. А потом опять наступала тишина.

Прошли день и ночь, и Гейнор и Элрик за это время не обменялись ни словом, а только упрямо шли вперед, словно в каком-то полусне,— вперед к горам. Однако на следующее утро они вдруг увидели, что долина начала слегка подниматься, переходя в невысокий холм, из-за которого, как им показалось, до них доносятся звуки какого-то поселения, а может быть, даже и целого городка.

Гейнор, пребывавший в хорошем расположении духа, похлопал Элрика по спине и чуть ли не весело сказал:

— Скоро, друг Элрик, мы оба получим то, что ищем!

Элрик ничего не ответил, спрашивая себя, а что предпримет Гейнор, если окажется, что оба они ищут одно и то же.

И это снова навело его на мысль о Розе, и он исполнился скорби, вспомнив, что потерял ее.

— Может быть, нам стоит сказать друг другу, что именно мы ищем,— сказал он.— Чтобы не было никаких неожиданностей, когда мы встретим сестер.

Гейнор пожал плечами. Он повернул свой шлем к Элрику, и глаза его, казалось, засветились меньшей печалью, чем в последнее время.

— Мы ищем не одно и то же, Элрик из Мелнибонэ, в этом ты можешь быть уверен.

— Я ищу ларец розового дерева,— прямо сказал Элрик.

— А я ищу цветок, который цветет с начала времен,— беззаботно сказал Гейнор.

Они уже были близко к кромке холма и почти достигли ее, когда земля внезапно затряслась от сильнейшего рева, который чуть не свалил их с ног. Затем опять послышался этот невыносимо громкий звук, словно кто-то ударил в огромный гонг, потом ударил еще раз. Элрик зажал уши руками, Гейнор упал на одно колено, словно гигантская рука прижала его к земле.

Этот огромный гонг прозвонил десять раз, но отзвуки этих ударов продолжались почти бессчетно, сотрясая утесы ближайших гор.

Наконец они смогли продолжить движение и вскоре оказались на вершине холма, откуда им открылся вид на огромное сооружение внизу, которого — они были в этом абсолютно уверены — еще мгновение назад там не было. И тем не менее перед ними во всей невообразимой сложности предстало нечто, состоящее из множества деревянных колес и чудовищных шестерен, все это скрипело, потрескивало и поворачивалось с неторопливой точностью, а где-то внутри стрекотал и поблескивал металл — медные, бронзовые и серебряные провода, рычаги и противовесы, образующие невозможные переплетения, странные сочленения, за которыми виднелись тысячи человеческих фигур, управляющих этим огромным механизмом. Они поворачивали рычаги, выполняли какие-то однообразные операции, несли по мосткам песок или ведра с водой, осторожно, вдоль разметки, призванной поддерживать какое-то тонкое внутреннее равновесие. И все это сооружение со-

трясалось так, будто готово было развалиться в любую минуту и погубить всех обнаженных мужчин, женщин и детей, которые постоянно работали на нем. На самой вершине этой башни располагался большой шар. Элрику сначала показалось, что это стекло, но потом он понял, что перед ним прочнейшая мембрана из эктоплазмы, и он сразу же понял, что заключено в этой мембране, поскольку не было на земле колдуна, который не пытался бы разгадать ее тайну...

Гейнор тоже понял, что находится в мембране, и стало ясно: он страшится того, что должно предстать перед ними, как только эти огромные часы отмерят полагающиеся мгновения. А потом они услышали насмешливый голос, раздавшийся из ниоткуда:

— Ну, мои драгоценные малыши, теперь вы видите, как Ариох привносит время в безвременный мир? Всего лишь одно из небольших преимуществ Хаоса. Это мой взнос в Космическое Равновесие.

В его смехе звучала пугающе беззаботная жестокость.

Огромные часы тикали и громыхали, скрипели и клацали, и вся эта структура подрагивала, вибрировала при каждом движении и, казалось, была готова развалиться в любой момент. А из шарообразной мембраны на вершине, которая поворачивалась и сотрясалась каждую секунду, время от времени выглядывал злобный глаз, в неестественной тишине появлялась клыкастая пасть, мелькали убийственные когти, пострашнее когтей любого дракона, однако они никому не приносили вреда, потому что это существо было заключено в самую мощную из тюрем в Высших Мирах и за их пределами. А единственными существами, для заточения которых требовалась такая надежная тюрьма, были Владыки Высших Миров!

Гейнор, догадавшись, что происходит, сделал шаг назад, оглянулся, словно ища, где бы спрятаться, но такого уголка не нашлось. Ариох, видя его смятение, рассмеялся еще громче.

— Да-да, крошка Гейнор, твои глупые происки ни к чему не привели. Когда же вы все поймете, что у вас нет ни силы, ни характера для того, чтобы играть против богов, даже таких мелких, как я и граф Машабак, который сидит вот здесь? — Смех его стал громче.

Именно этого и боялся Гейнор. Его хозяин, единственный, кто мог защитить его от Ариоха, проиграл сражение. А это означало и то, что попытка Садрика обмануть своих покровителей и лишить их вознаграждения тоже, видимо, закончилась неудачей.

Но Гейнор уже и без того потерял слишком много, слишком много знал страха, видел слишком много ужасных судеб, слишком много страдал и заставлял страдать других, а потому не желал демонстрировать того, что было у него на сердце. Он собрался, сложил руки на груди перед собой и чуть кивнул своим шлемом, признавая очевидное.

— Значит, теперь я тебя должен называть моим повелителем, владыка Ариох? — сказал он.

— О да! Я всегда был твоим настоящим повелителем. Повелителем, который заботится о своих рабах. Я проявляю большой интерес к делишкам моих маленьких человечков, ибо их амбиции и мечты во многом отражают амбиции и мечты богов. Ариох всегда был Герцогом Ада, к которому обращается большинство смертных, когда им требуется вмешательство Хаоса. И я люблю тебя. Но больше всего я люблю народ Мелнибонэ, а из них больше всего я люблю Садрика и Элрика.

Гейнор не двигался, его шлем по-прежнему был слегка наклонен вперед, словно он ожидал для себя какой-нибудь страшной и жестокой судьбы.

— Видишь, как я защищаю своих рабов,— продолжал Ариох, по-прежнему оставаясь невидимым. Голос его смещался из одной части долины в другую, но всегда оставался сердечным, всегда веселым.— Эти часы поддерживают их жизни. Если кто-либо из них, молодой или старый, не сможет выполнить в срок свою конкретную функцию, все сооружение обвалится. Так мои существа узнают истинную природу взаимозависимости. Окажись один зубчик не в том зацеплении, одно ведро воды не в той емкости, сделай кто-нибудь неверный шаг по мосткам, промедли с поворотом рычага — и все рухнет. Чтобы продолжать жить, они должны поддерживать ход часов, и каждое существо несет ответственность за жизни всех остальных. Мой друг граф Машабак при этом не претерпит, конечно, особых неудобств, но мне доставит удовольствие видеть, как его маленькая тюрьма катается среди руин. Ты видишь своего прежнего хозяина, Гейнор? Что он приказал тебе искать?

— Цветок, повелитель. Цветок, который прожил тысячи лет с того момента, как расцвел впервые.

— Странно, почему Машабак сам не сказал мне об этом? Я доволен тобой, Гейнор. Будешь ли ты служить мне?

— Как скажешь, повелитель.

— Мой милый раб, я снова тебя люблю. Милый, милый, послушный раб. Ах, как я тебя люблю!

— И я тебя люблю, повелитель,— горько сказал Гейнор; в его голосе звучали тысячелетия поражений и неосуществленных желаний.— Я — твой раб.

— О мой раб! Мой прекрасный раб! Не желаешь ли ты снять свой шлем и показать мне твое лицо?

— Я не могу, повелитель. Под шлемом ничего нет.

— У тебя тоже ничего нет, Гейнор, кроме той жизни, которую я подарил тебе. Кроме сил ада, которые движут тобой. Кроме всепоглощающей алчности, которая снедает тебя. Хочешь, я уничтожу тебя, Гейнор?

— Если на то будет твоя воля, повелитель.

— Я думаю, сначала ты должен немного поработать в часах. Послужишь мне там, Гейнор? Или ты желаешь продолжить свои поиски?

— Как тебе будет угодно, владыка Ариох.

Элрик с отвращением слушал этот разговор, испытывая какое-то особое презрение к себе. Может быть, и его судьба тоже состоит в том, чтобы так же беспрекословно, как Гейнор, служить Хаосу, теряя при этом остатки уважения к себе? Неужели такова окончательная цена, которую платишь за сделки с Хаосом? Но все же он знал, что его ждет другая судьба, что хотя он и проклят, но капля свободной воли у него еще оставалась. Или это всего лишь иллюзия, которой Ариох смягчает истину? Элрика передернуло.

— А ты, Элрик, не хочешь поработать при часах?

— Скорее я уничтожу тебя, владыка Ариох,— холодно сказал альбинос, держа руку на эфесе своего адского меча.— Мой договор с тобой основан на крови и древнем наследии. Я не

заключал с тобой сделок на свою душу. Другие души, мой господин, я посвящаю тебе.

Он чувствовал в себе какие-то силы, которые не мог уничтожить даже сам Герцог Ада — какая-то малая часть души Элрика все еще принадлежала ему самому. Но в то же время он видел будущее, где эти малые остатки целостности могут рассеяться и оставить его без всякой надежды и самоуважения, как Гейнора Проклятого...

Он смотрел на бывшего принца Равновесия без всякого презрения, только с пониманием; при этом он чувствовал родство с тем несчастным существом, в которое превратился Гейнор. Сам же Элрик находился всего лишь в шаге от этого полного бесчестия.

Из эктоплазматической тюрьмы послышалось какое-то слабое царапанье, словно граф Машабак получал удовольствие оттого, что его противник переживает неприятные мгновения.

— Ты мой раб, Элрик, не заблуждайся на этот счет,— промурлыкал Владыка Хаоса.— И навеки останешься моим рабом, как и все твои предки...

— Кроме одного, предшествовавшего мне,— твердо сказал Элрик.— Сделка была нарушена не мной, владыка Ариох. Я не получил ее в наследство. Я говорил тебе, мой господин, пока ты помогаешь, я собираю для тебя жатву душ, вроде тех, что работают в твоих часах. На души я не скуплюсь, Великий Герцог Ада, и приношу их тебе без числа. Как тебе известно, без моего вызова ни один Владыка Высших Миров не может явиться в мой мир, и я в этом мире — самый сильный из всех смертных колдунов. Только я обладаю способностью обращаться к тебе сквозь измерения мультивселенной и чародейством прокладывать тебе путь, по которому ты можешь прийти в этот мир. Тебе это известно. Потому я и живу. Потому ты и помогаешь мне. Я — тот ключ, которым Хаос рассчитывает воспользоваться в назначенный день, дабы открыть все двери непокоренной мультивселенной. В этом моя величайшая сила. И я могу пользоваться ею по своему усмотрению, владыка Ариох, я могу торговаться насчет того, применять мне ее или нет, и притом могу торговаться об этом с кем пожелаю и как пожелаю. В этом моя сила и моя защита от любой сверхъ-

естественной ярости и угрожающих требований. Я принимаю тебя как моего покровителя, благородный демон, но не как повелителя.

— Это всего лишь глупые слова, мой маленький Элрик. Лепестки одуванчика на летнем ветру. Вот ведь ты стоишь передо мной не по собственному желанию. И вот здесь стою я, принявший это решение, стою именно там, где мне нужно. Какая из свобод кажется тебе предпочтительней, мой бледненький зверек?

— Если ты спрашиваешь, владыка Ариох, на чьем месте я хотел бы быть — на твоем или на своем, то я тебе скажу: я предпочитаю оставаться на своем месте, поскольку вечный Хаос так же скучен, как и вечный Закон или любая другая постоянная. Это своего рода смерть. Я полагаю, что получаю больше удовольствия от мультивселенной, нежели ты, господин демон. Я все еще живу. Я все еще принадлежу к живым.

Из-под шлема принца Гейнора Проклятого раздался стон боли, потому что он, как и Эсберн Снар, не принадлежал ни к мертвым, ни к живым.

И тут на эктоплазматическом шаре, в котором был заключен мечущий громы и молнии Машабак, появился золотой обнаженный юноша блистательной красоты, воплощенная греза Аркадии, но при всей его кажущейся доброте его коварные глаза светились болезненной жестокостью, излучали вызывающую ложь, воплощавшую все нечистое и извращенное, что было в нем.

Ариох захихикал. Потом ухмыльнулся. Потом стал мочиться на раздувшуюся мембрану, в то время как его беспомощный соперник, усмиренный сверхъестественной энергией, равной энергии сотен солнц, бесился и кричал внутри — беспомощный, как куница в силках.

«Вот калеку с ног Джек Поркер сбил и что было сил потряс, душу выбил всю зараз... Жадный Поркер, Поркер жадный, цапни за живот громадный! Посиди спокойно, мой любезный граф, пока я справляю нужду, уж будь любезен. Ха-ха-ха, ты чувствуешь запах сыра, господин? Хочешь, на тебя положат кусочек льда, Джим? Хи-хи-хи...»

— Я, кажется, уже говорил,— сказал альбинос все еще замершему в ужасе Гейнору,— самые сильные существа не обя-

зательно самые умные, среди них встречаются сумасшедшие и плохо воспитанные. Чем больше узнаешь богов, тем лучше усваиваешь этот основополагающий закон...

Он повернулся спиной к Ариоху и его часам, надеясь, что его демон-покровитель не решится из блажи уничтожить его. Он знал, что, пока в нем остается эта искорка уважения к себе, ничто не может уничтожить его дух. Это принадлежало ему одному. Некоторые назвали бы это его бессмертной душой.

И все же с каждым словом и каждым движением он дрожал и терял силы, ему хотелось закричать, что он целиком принадлежит Ариоху, хотелось выполнять малейшие пожелания хозяина и получать вознаграждения от хозяйской щедрости. Но и в этом случае он должен будет покорно ждать наказаний при перемене настроений хозяина.

Одно Элрик знал наверняка: если поддаться силе, которая на тебя давит,— она тебя сломает. Самый здравый и логичный выбор всегда состоит в сопротивлении. Это знание придавало Элрику силы, оно укрепляло его неприятие несправедливости и неравенства, его веру, обретенную им после посещения Танелорна, в то, что можно жить в гармонии со смертными всех убеждений и оставаться полным жизненных сил и не терять связей с миром. Этих вещей он не продаст и не предложит на продажу, и, отказываясь полностью предаться Хаосу, он будет нести весь груз преступлений на своей совести и будет жить день за днем со знанием того, что или кого он убил или разрушил. Он понял, что Гейнор не выдержал именно этой тяжести — он же, Элрик, предпочтет нести эту ношу собственной вины, чем ту, которую выбрал для себя Гейнор.

Он снова повернулся, чтобы взглянуть на эти ужасные часы, на эту жестокую шутку, которую разыгрывал Ариох со своими рабами, со своим поверженным врагом. И вся его больная кровь восставала против этой небрежной несправедливости, против такого наслаждениями ужасом и несчастьями, обрушившимися на других людей, против такого презрения ко всему, что есть живого в мультивселенной, включая и себя самого, против такого космического цинизма.

— Ты принес мне душу своего отца, Элрик? Где то, что я велел тебе отыскать, мой милый?

— Я по-прежнему ищу ее, владыка Ариох.— Элрик знал, что Ариох еще не установил своего правления над всем этим миром, а его контроль над новой территорией был пока слаб. Это означало, что Ариох здесь не приобрел и малой части той власти, какой владел в своем измерении, где только самый безумный колдун мог бросить ему вызов.— А когда я ее найду, то отдам своему отцу. А там уж выясняйте отношения сами — ты и он.

— Ты такой храбрый маленький зверек, мой дорогой, здесь, но не в моем царстве. Но скоро и этот мир будет принадлежать мне. Весь целиком. Не серди меня, белокожий. Скоро настанет время, когда ты будешь покорен мне во всем.

— Возможно, Владыка Высшего Ада, но пока это время еще не пришло. Я не хочу торговаться. И я считаю, что ты предпочтешь соблюдать наши прежние договоры, чем вообще не иметь договоренностей со мной.

Гневный стон сорвался с губ Ариоха, постукивавшего кулаком по эктоплазменной тюрьме, внутри которой ликовал, заливаясь безумным смехом, граф Машабак. Герцог Ада бросил взгляд на тысячи людей, не прекращающих работу, от каждого из них зависели жизни всех остальных: сбейся один с четкого ритма — и всем конец. Ариох самодовольно ухмыльнулся, вытянул длинный золотой палец, грозя сбить с ног одну маленькую фигурку и таким образом вызвать обрушение всей конструкции.

Потом он посмотрел туда, где вот уже некоторое время неподвижно стоял Гейнор Проклятый.

— Найди мне этот цветок, и я сделаю тебя рыцарем Хаоса, бессмертным, принадлежащим к знати, ты от нашего имени будешь править тысячами миров.

— Я найду этот цветок, Великий Герцог,— сказал Гейнор.

— А тебя мы примерно покараем, Элрик,— сказал Ариох.— Немедленно. Покорив тебя, я смогу целиком и полностью утвердить Хаос в этом измерении.

И одна золотая рука начала вытягиваться, становиться все длиннее и больше и наконец оказалась перед лицом Элрика. Но альбинос извлек свой меч со всем мастерством, которое приобрел за прошедшие годы, и этот огромный клинок издал

угрожающий клич, бросая вызов всем мириадам обитателей Нижнего, Среднего и Высшего Миров: приходите и познакомьтесь, накормите меня и моего хозяина; ведь этот меч не был чьей-то собственностью — он стал независимой силой, преданной только самой себе, но в то же время настолько зависящей от мастерства Элрика, насколько сам Элрик зависел от его энергии, без которой вполне мог погибнуть. Именно эта сверхъестественная связь, которая была загадкой для мудрейших из философов, и сделала Элрика тем избранником судьбы, каким он стал, но в то же время лишила его счастья.

— Этого не должно быть! — Ариох убрал руку, едва скрывая свой гнев.— Сила не должна противиться силе! Не сейчас. Только не сейчас.

— В мультивселенной есть кое-что еще, помимо Закона и Хаоса, мой господин,— спокойно сказал Элрик, по-прежнему держа перед собой меч.— И жизнь не сводится к твоему противостоянию с одним только Законом. Не гневи меня слишком сильно.

— О самая отважная и опасная из моих душ, ты воистину как никто другой годишься на то, чтобы стать моим избранным смертным, возвышенным над всеми другими, править от моего имени и быть наделенным моей силой. Тебе будут принадлежать целые миры, целые сферы будут подчиняться малейшему твоему капризу. Ты испытаешь все возможные наслаждения. Ты ощутишь все. И будешь ощущать вечно. Не платя никакой цены и не боясь никаких последствий. Вечное наслаждение, Элрик!

— Я достаточно ясно выразился, мой повелитель, в том, что касается вечности. Может быть, когда-нибудь в будущем я решу, что моя судьба полностью связана с тобой. Но до тех пор...

— Я изменю твою память. Уж это-то мне по силам!

— Только в некоторой степени, владыка Ариох. Но над снами даже ты не властен. Во снах я вспоминаю все. Но с этими дурацкими прыжками из плоскости в плоскость, из сферы в сферу миры воспоминаний и снов перемешиваются с мирами реальности и сиюминутности. Да, ты можешь изменить мою память, мой господин. Но не воспоминания моей души.

От этих слов безумный граф Машабак снова зашелся в смехе.

— Гейнор! — Сумасшедшие глаза графа остановились на его бывшем слуге.— Освободи меня, и я награжу тебя в десять раз больше против того, что обещал.

— Смерть,— сказал вдруг Гейнор.— Смерть, смерть, смерть — вот все, чего я ищу. И ни один из вас не желает дать ее мне!

— Потому что мы ценим тебя, дражайший,— прочирикал, словно испуганная птичка, сладкоречивый юноша, подняв голову.— Я — Хаос. Я — все. Я властелин Нелинейного, вождь Хаотических Частиц и величайший сторонник Энтропии. Я ветер ниоткуда, и я потоки всех миров. Я владыка Бесконечных Возможностей! Ах, какие великолепные перемены грядут на лике мультивселенной, ах, какие невероятные и извращенные браки будут освящены жрецами ада, ах, какие чудеса и наслаждения будут в этом мире, Элрик! Ничто невозможно предсказать. Единственная истинная справедливость в мультивселенной, где все, включая богов, могут случайно появиться на свет и случайно быть уничтожены! Уничтожение планомерного развития, и вместо этого утверждение вечной революции. Мультивселенная в постоянном кризисе!

— Боюсь, я слишком много времени провел с более кротким народом, обитающим в Молодых королевствах,— тихо сказал Элрик,— а потому меня не привлекают твои обещания, мой господин. Да и угрозы твои меня не очень страшат. Мы с принцем Гейнором отправились на поиски того, что нам нужно. Если мы можем способствовать друг другу в наших поисках, то я думаю, ты должен отпустить нас, чтобы мы продолжили начатое.

Услышав это, Ариох передвинул свой изящный крестец по визжащему шару и капризно сказал:

— Проклятый может идти и дальше. Что же до тебя, мой непокорный слуга, то я не могу наказать тебя напрямую, но в моих силах замедлить твои поиски, пока этот слуга, на которого я могу положиться в большей степени, чем на тебя, не достигнет своей цели. После чего я обещаю ему больше, чем обещал Машабак. Я обещаю ему смерть без обмана.

Из-под необычного шлема Гейнора раздалось сдавленное рыдание, он упал на колени, словно в приступе благодарности.

После этого Ариох в каждую руку взял по золотому молотку, и его юное лицо озарилось радостью. Он ударил сначала одним, а потом другим молотком по податливой поверхности эктоплазменного чрева, и за каждым ударом следовал невероятный звон, словно ударяли по огромному гонгу, а внутри своей тюрьмы граф Машабак прижимал свои чешуйчатые лапы к асимметричным ушам и в зловещей тишине издавал вой, словно все вселенные страдали от боли.

— Время пришло! — воскликнул Ариох.— Время пришло!

Падает с криком Элрик, тоже прижав руки к ушам. Падает и Гейнор, он корчится и кричит таким высоким голосом, что крик слышен даже за звуком гонга.

Потом раздается тихий свист, и Элрик чувствует, как его тело куда-то засасывает — атом за атомом перемещается он из этого измерения в другое. Он пытается сопротивляться этой силе, которой может пользоваться только Герцог Ада, поскольку образующиеся при этом разрывы между разными плоскостями мироздания ведут к разрушению истории миров и народов, но он тут беспомощен, и даже его рунный меч не может ему помочь. Буревестник, кажется, с радостью покидает это безжизненное измерение. Он должен питаться живыми душами, а Ариох не предложил ему из своих запасов ни одной даже самой захудалой душонки.

На его глазах чудовищные часы начинают мерцать, подергиваются дымкой и исчезают из его поля зрения, даже таинственные доспехи Гейнора мутнеют на фоне бледнеющего пейзажа. Потом альбинос видит огромную серую тень, надвигающуюся на него, он видит огромный красный язык, серо-зеленые глаза, белые клыки, клацающие в свирепой пасти, и он понимает, что перед ним голодный оборотень, который так обезумел от голода, что его не страшит даже острие Буревестника.

Но потом оборотень отворачивается, сопит, с его ухмыляющейся пасти, с зубов падает слюна, уши укладываются сначала вперед, потом назад — и зверь одним прыжком взлетает в воздух, направляя свое тело туда, где ухмыляется владыка Ариох, который вскрикивает в искреннем изумлении, когда Эсберн Снар погружает свои клыки в горло одного из тех, в ком узнает своего мучителя.

Для Ариоха произошедшее было настолько неожиданно, что он не смог изменить своей формы. Но и в бегство он обратиться не пожелал, потому что не хотел оставлять своего плененного противника, которого в его отсутствие могли освободить, а одна мысль об этом была невыносима Ариоху. И он боролся на раскачивающихся часах, а проклятые души в безумной спешке пытались уравновесить каждое неожиданное движение сооружения. В последний раз мелькнул перед Элриком Эсберн Снар — его волчье тело горело ярким красно-золотым пламенем, словно он в самозабвенной радости отдавал последние всплески жизни.

Потом Элрик увидел, как эктоплазменный шар упал и полетел к земле, а Ариох и Эсберн Снар по-прежнему оставались сцепленными в схватке. Тут что-то вспыхнуло, а потом Элрик погрузился в темноту, которая поглотила его и безжалостно повлекла сквозь проломленные стены тысячи измерений, каждое из которых издавало свой отдельный вопль протеста, каждое взрывалось своим собственным рассерженным цветом. Элрик летел сквозь мультивселенную, движимый, возможно, последними остатками энергии, которые были в распоряжении Ариоха в этом измерении.

Именно это и предчувствовал Эсберн Снар, именно поэтому он и ждал возможности помочь своим товарищам. Потому что Эсберн Снар на самом деле был человеком выдающейся доброты. Он слишком долго жил в рабстве у злой силы. А из-за этого ему пришлось увидеть гибель всего, что он любил. И вот, хотя и не в силах вернуть себе свою бессмертную душу, решил он воздвигнуть себе хотя бы бессмертное воспоминание, предпринять такое действие, чтобы его имя и имя его возлюбленной, которую он не мог обрести вновь, были навечно связаны в легендах, что будут рассказывать в разных царствах и в разных будущих, лежащих впереди.

Так Эсберн Снар, Северный оборотень, спас если не свою душу, то свою честь.

Часть третья

РОЗА ОТМЩЕННАЯ; РОЗА ОЖИВШАЯ

Есть три меча у трех сестер:
Один — из кости: бел, остер;
Второй клинок — редким златом блестит;
А третий из них — колдовской гранит.

Один из них — Разящий Рог,
А второй носит имя Быстрый Клинок;
Третий, алчущий меч — сильнейший из всех:
Он Свободой зовется вовек.

Уэлдрейк. «Баллады Приграничья»

Глава первая

ОБ ОРУЖИИ, НАДЕЛЕННОМ ВОЛЕЙ; СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ; ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОИСКОВ

Элрик из всех сил пытался противиться гневу Ариоха — он вытянул левую руку, словно желая ухватиться за ткань времени и пространства и замедлить свой полет через измерения. Он крепко держал свой меч, который завывал в его правой руке; меч тоже обезумел от таинственной сверхъестественной ярости Герцога Ада, который истратил остатки своей временной энергии в этом измерении ради мелочной и преходящей мести. Ариох показал себя таким же капризным, как и любой другой обитатель Хаоса, готовым уничтожить любое будущее, на которое ты питал надежды, чтобы только удовлетворить

свою минутную прихоть. Поэтому-то Хаосу и можно было доверять не больше, чем Закону — который был склонен позволять себе подобные же действия, но только ради принципов, смысл и цель которых нередко были давно утрачены, и это приносило смертным не меньшие мучения во имя Рассудка, чем порождал Хаос во имя Чувства.

Такие мысли одолевали альбиноса, который несся, пробивая барьеры мультивселенной,— несся чуть ли не вечность, поскольку когда вечность ускользает от сознания, то вскоре все, известное сознанию, превращается в мучительную агонию ожидания, которому *никогда* не суждено сбыться. Вечность — это конец времени, конец страданиям ожидания. Это начало жизни, жизни безграничной! Так и Элрик пытался постичь красоту и сверхчувственное изящество этой обещанной идеальной мультивселенной, неизменно пребывающей в состоянии преображения между Жизнью и Смертью, между Законом и Хаосом, в состоянии, принимающем все, любящем все, защищающем все, в состоянии постоянно изменяющихся обществ, естественного разума, милостивой природы, эволюционирующих реальностей, извечно вкушающих различия между собой и другими, различия, пребывающие в гармоничной беспорядочности — беспорядочности естественного и известного мудрым состояния, в котором пребывают все существа, все миры; это состояние воспринимается некоторыми как некое всеведущее существо, как идеальная Сумма Вечности.

Вселенная за вселенной поглощали, а потом извергали его, и альбинос думал: человеческая любовь — вот наша единственная постоянная, единственное качество, посредством которого мы можем победить неуязвимую логику Энтропии. При этом меч задрожал в его руке и, казалось, попытался освободиться, словно испытывал отвращение перед таким сентиментальным альтруизмом. Но Элрик цеплялся за меч как за единственную свою реальность, единственное, что давало ему безопасность в этом безумии разорванного времени и пространства, где значение цвета приобретало все более глубокий смысл, а значение звука становилось неизмеримым.

Он все сильнее сжимал рукоятку Буревестника, поскольку его адский меч пытался двигаться своим собственным путем

через измерения. Именно в этот момент Элрик проникся уважением к необыкновенной силе, имевшейся в черном клинке, к силе, которая, казалось, была порождена Хаосом, но не подчинялась ни Хаосу, ни Закону, ни Равновесию, к силе, которая была настолько самодостаточной, что ей почти не требовалось никаких внешних проявлений. Но в то же время сила эта могла быть полной противоположностью всему, что ценил и пытался создать Элрик, словно эта ироническая связь между тоскующим идеалистом и циником-солипсистом символизировала какую-то непримиримую силу, которая, возможно, присутствует во всех мыслящих существах и нашла сверхдраматическое выражение в симбиозе между Буревестником и последним властителем Мелнибонэ...

Альбинос летел за мечом, который прорезал для себя путь, словно бы отвергая власть Ариоха, отказываясь задумываться о последствиях не из эмоций, которые мог бы понять Элрик, а для подтверждения некоего принципа, так же повсеместно поддерживаемого, как и любой из, возможно, менее мистических принципов Закона, словно пытаясь скорректировать некое до непристойности уродливое образование в ткани космоса, некоторое событие, которое он отказывался допустить...

Казалось, Элрик попал в некий ураган, который влек его между измерениями; в мозгу альбиноса, проживающего в этом урагане более десятка других жизней, одновременно возникали тысячи противоречивых мыслей, и он на мгновение становился тысячью других существ. Такая судьба лишь немногим отличалась от той, что была знакома ему, и мультивселенная стала такой громадной, такой невероятной, что Элрик начал сходить с ума, когда попытался понять хоть малую долю того, что совмещалось с его здравомыслием. Альбинос умолял меч остановиться, прервать этот безумный полет, пощадить его.

Но Элрик знал, что меч воспринимал его как нечто вторичное рядом со своей главной задачей: восстановить себя в той точке мультивселенной, которую он считал наиболее отвечающей его статусу... Возможно, это был порыв, не более осознанный, чем инстинкт...

Чувства Элрика множились и менялись.

Розы испускали томительно-сладостный звон, музыка его отца струилась по венам с изумленной печалью... с изнуряющим страхом... словно давая понять, что его время на исходе и скоро у Садрика не останется иного выхода, кроме как навеки соединиться душою с сыном...

Завывающий рунный меч содрогнулся, словно эта мысль нарушала его честолюбивые устремления и логику его собственной безрассудной решимости выжить, не идя ни с кем в мультивселенной ни на какие компромиссы, даже с Элриком, который должен быть уничтожен, как только он исполнит свое предназначение, в настоящий момент не известное никому, даже рунному мечу, который не жил ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, как их понимали обитатели Нижнего, Среднего или Высшего Миров; при этом он сплетал собственную ткань, призывая энергии куда как более мощные, чем все известные Элрику, чем те энергии, которые когда-либо приходилось использовать ему самому, чтобы воздать Элрику за души, не отданные Ариоху...

— Элрик!

— Отец, боюсь, что я потерял твою душу!..

— Мою душу тебе никогда не потерять, сын мой...

Яркая внезапная вспышка жесткого розовато-золотистого цвета ударила по глазам, морозный воздух хлестнул по коже, и послышался ритмический звук, такой знакомый, такой прекрасный, что глаза альбиноса сразу же наполнились горячими слезами, которые потекли по его обледеневшим щекам...

Вот к Кораблю, Который Был,
Принц Гейнор устремился.
И трех сестер смелых пленил он умело,
Чтоб Хаос в мир явился.

Одной сестре имя — Цветок ароматный,
Вторая — Долга Бутон,
А третья — тот Шип, что в грозу не погиб,
Ее дом на крови возведен.

И рыдающий Элрик упал в бережные руки Эрнеста Уэлдрейка, маленького поэта с большой душой.

— Мой дорогой, любезный мой сэр! Мой добрый старый друг! Приветствую тебя, принц Элрик. За тобой кто-то гонится? — спросил он, указывая туда, где за высокими снежными

насыпями, образующими как бы стены долины, виднелась пропаханная в снегу борозда, словно Элрик съехал с вершины утеса к его подножию.

— Я рад видеть тебя, господин Уэлдрейк.— Он отряхнул снег со своей одежды, уже не в первый раз спрашивая себя, а не приснилось ли ему все это путешествие через мультивселенную, или же причиной был драконий яд, затуманивший ему разум. Он бросил взгляд на свежевспаханный снег, на полянку в зимней березовой рощице, и увидел там Буревестника, который стоял вертикально, небрежно прислонясь к дереву. И на какое-то просветленное, на какое-то ясное мгновение Элрик испытал непреодолимую ненависть к мечу, к той части собственного «я», без которой он более не мог существовать, или — как продолжал нашептывать ему какой-то тихий голос — той его части, которую он желал сохранить, потому что только в ярости схватки со сверхъестественными силами мог он испытывать истинное облегчение, только в эти мгновения освобождалась от постоянного груза его совесть.

С намеренной медлительностью подошел он к дереву, взял меч и вложил его в ножны, как вкладывают в ножны самое обычное оружие; при этом он продолжал поглядывать на своего друга, который пребывал в весьма растрепанном состоянии.

— А как ты оказался здесь, господин Уэлдрейк? Тебе знакома эта плоскость?

— Достаточно знакома, принц Элрик. Да и тебе тоже, мне кажется. Мы остаемся в том мире, в котором струятся воды Тяжелого моря.

Наконец Элрик в точности понял, что совершил Черный Меч — увлек их обоих в тот самый мир, из которого хотел их изгнать Ариох. А это наводило на мысль о том, что у адского меча есть свои мотивы для того, чтобы оставаться здесь. Элрик ничего не сказал об этом Уэлдрейку, он выслушал рассказ друга о том, как Чарион Пфатт воссоединилась наконец со своими дядюшкой и бабушкой.

— Но пока не удается найти Коропита,— завершил свой рассказ поэт.— Однако Фаллогард твердо уверен, что его сын где-то неподалеку. И потому мы надеемся, мой дорогой принц, что в скором времени все выжившие Пфатты снова заживут в

семейном кругу.— Он понизил голос, переходя на заговорщицкий шепот.— Ходят слухи о свадьбе между мной и моей возлюбленной Чарион.

И прежде чем он успел вставить стихотворную цитату, заснеженные ветви леса раздвинулись, и оттуда появилась уверенная в себе Чарион Пфатт, державшая ручки носилок, на которых восседала сияющая и кивающая, как королева, матушка Пфатт. Ручки носилок сзади держал ее высокий, неряшливого вида сын, который весело улыбался альбиносу, как улыбаются, увидев в таверне знакомое лицо. Одну только Чарион, казалось, обеспокоило появление Элрика.

— Я почувствовала твою гибель год назад,— тихо сказала она, опустив носилки со своей бабушкой на землю.— Я почувствовала, что ты развоплотился. Как тебе удалось выжить? Может быть, ты — Гейнор или кто-то другой, умеющий изменять свою форму и принявший обличье Элрика?

— Уверяю тебя, госпожа Пфатт,— сказал Элрик, который тоже был взволнован,— я именно тот, кого ты знаешь. По какой-то причине судьба пока не хочет уничтожать меня. Скажу больше, пока что мне всякий раз удавалось пережить свою гибель вполне безболезненно.

Пожалуй, именно эта ирония окончательно убедила ее, и она расслабилась. Но все же было видно, что всеми своими чувствами она пытается определить в нем признаки самозванца.

— Ты и в самом деле удивительное создание, Элрик из Мелнибонэ,— сказала Чарион Пфатт и повернулась к своей бабушке.

— Я рада, что ты нас нашел, мой господин. У нас есть весьма перспективные прозрения относительно моего пропавшего сына,— весело заявил Фаллогард Пфатт, не обращая внимания на подозрения своей племянницы.— И вот мы постепенно воссоединяемся. Ты уже знаешь нареченного моей племянницы.

При этих словах Чарион Пфатт по-девичьи зарделась, к собственному невообразимому смущению, но в то же время она поглядывала на своего маленького ухажера взглядом, весьма похожим на тот, каким когда-то на нее саму смотрела жаба. Выбор, который делают влюбленные, всегда не лишен парадокса.

Открыла свой веселый красный зев рта, в котором еще оставалось несколько зубов, и матушка Пфатт. Она воскликнула:

— Динь-дон по шести глупцам! Динь-дон по красавцу звон! — Старушка, словно впадая в старческое слабоумие, несла всякий вздор. Тем не менее она одобрительно помахала своей внучке, а в том, как она подмигнула Элрику, было столько ума, что Элрик подмигнул ей в ответ; он был уверен, что она в ответ улыбнулась.— День тьмы — белокожему пареньку, день света — темному, злому врагу. Празднуй, добрый, празднуй, злой; праздник кончился, герой! Празднуй, дьявол, празднуй, Сын; белому — день тьмы один. А в лесу кувшинки цветут при луне; корабли океана идут по земле. Динь-дон по лилейному молодцу! Динь-дон по безумцу и мудрецу! Плыви в диких джунглях, сей в море горох; Хаос ликует над Землями Трех.

Но когда у нее стали спрашивать, есть ли какой смысл в ее рифмованных словах, она просто засмеялась и попросила подать ей чаю.

— Матушка Пфатт — жадная старушка,— доверительно сообщила она Элрику.— Но в прошлом она дело свое знала, викарий. Думаю, ты с этим согласишься. У матушки Пфатт возле древа дела: для Вечности пять сыновей родила.

— Значит, ты думаешь, что Коропит где-то поблизости,— обратился Элрик к Фаллогарду Пфатту.— Ты говоришь, что чувствуешь его, мой господин?

— Здесь слишком много Хаоса! — воскликнул высокий ясновидец, яростно кивнув.— Сквозь него трудно видеть, трудно звать. Трудно услышать ответ. Смутно, мой господин. Космос всегда смутен, когда за работу берется Хаос. Этот мир находится под угрозой, мой господин. Первые пришельцы уже здесь. Но что-то все же сдерживает их.

Элрик снова подумал о рунном мече — у него возникло подозрение, что меч не способствует и не противостоит потоку событий. Он просто сделал так, чтобы вернуться в то измерение, в котором должен быть в определенное время в течение определенных изменений в мультивселенной. Он был уверен, что с Хаосом здесь сражалась какая-то другая сила. И он задумался о трех сестрах и об их роли во всем этом. Знал он о них всего ничего — что они владеют сокровищами, которые

нужны ему и Гейнору. Правда, была еще и баллада Уэлдрейка, представлявшая собой главным образом плод фантазии поэта, а потому от нее было мало пользы в практических поисках. Существовали ли сестры вообще? Не были ли они целиком и полностью порождением барда из Патни? Почему же все следовали за химерой — изобретением воображения, в высшей степени романтического и склонного к преувеличениям?

К исходу трех месяцев серых, трех дней,
Тропа привела трех сестер в Рэдинглэй.
Найти три сокровища нужно им там,
Чтоб изгнан смеющийся был капитан.

— А ответь мне, господин поэт,— сказал Элрик, помогая развести костер; Пфатты решили сделать здесь привал еще до его внезапного появления,— эти твои строки не дают ключа к месту обитания трех сестер?

— Должен признаться, сэр, что я немного изменил эти стихи, ввел в них кое-что, ставшее мне известным, поэтому я — ненадежный источник информации. Ну, разве что в самом глубинном смысле. Большинство поэтов таковы, сэр. Что касается Гейнора, то у нас есть кой-какие прозрения на сей счет. А вот о господине Снаре мы не знаем ничего.

— Он принес себя в жертву,— напрямик сказал Элрик.— Я думаю, что он спас меня от ярости Ариоха. Насколько мне известно, именно он выдворил Ариоха из этого измерения. И он погиб, изгоняя Герцога Ада.

— Значит, ты потерял союзника?

— Я потерял союзника, господин Уэлдрейк, но я потерял и врага. А еще я, кажется, потерял целый год жизни. Однако я ничуть не оплакиваю потерю моего покровителя, князя Энтропии...

— Но Хаос далеко не побежден,— сказал Фаллогард Пфатт.— Этот мир весь пропитан Хаосом. Он здесь готовится к тому, чтобы поглотить мир целиком!

— А может быть, Хаос желает заполучить нас? — пожелала узнать Чарион Пфатт.

Ее дядя отрицательно покачал головой.

— Не нас, дитя. Ему нужны не мы. Я думаю, что в настоящий момент мы являемся только раздражителями для не-

го. Мы для него теперь бесполезны. Но он не прочь избавиться от нас.— Его тяжелые веки закрылись.— Он сердится все сильнее и сильнее. Я знаю это. А вот и Гейнор... Я его вижу... чувствую... ощущаю его присутствие... вот он скачет на коне... а вот он исчез... исчез. А вот опять скачет, я думаю, он все еще ищет сестер. Он близок к тому, чтобы их найти! Гейнор служит Хаосу и себе самому. Тонкая сила. Они желают овладеть ею. Без нее они никогда не смогут покорить этот мир. Сестры... наконец-то я чувствую сестер. Они кого-то ищут. Гейнора? Хаос? Что это? Союз? Они ищут... нет, я думаю, не Гейнора... Эта материя Хаоса, она слишком сильна... Снова туман. Туман неопределенности...— Он поднял голову и вдохнул холодный ночной воздух, словно готов был утонуть в этом паранормальном море, в котором он нередко был единственным странником.

— Гейнор отправился к восточным горам,— сказал Элрик.— Сестры все еще там?

— Нет,— сказал Фаллогард Пфатт, нахмурившись.— Они давно уже оставили Минс, и все же... Время... Гейнор наверстал время... Он получил в этом подмогу... Неужели это ловушка? Что это? Что? Я его не вижу!

— Мы должны тронуться в путь как можно раньше,— сказала Чарион, которая не утратила своей обычной практичности,— и попытаться найти сестер до Гейнора. Но наши главные обязательства — перед семьей. Где-то здесь Коропит.

— В этой плоскости мироздания? — спросил Элрик.

— Или в одном из миров, который с ней непосредственно пересекается.— Она отломала кусок засахаренной шкурки и предложила альбиносу, но тот отказался — ему не по вкусу были лакомства ее мира, в котором, по словам Уэлдрейка, вкусовые пристрастия были еще хуже, чем в его отечестве.— Интересно, кроме меня, кто-нибудь отдает себе отчет в том, что Гейнор преследует злые цели?

И она устремила взгляд в огонь, пряча глаза от остальных.

Утром пошел снежок, засыпавший оставленные ими следы и дорожки впереди, а мир стал холоден и погрузился в тишину. Они пробирались по заснеженному лесу, ориентируясь по очертаниям утесов наверху и по неярким солнечным лучам,

пробивающимся из-за туч. В то же время шли они довольно уверенно и упрямо, вперед и вперед, следуя интуитивным ощущениям в мире, где они казались единственными живыми существами. Изредка они останавливались отдохнуть, ублажить матушку Пфатт — заварить ей трав, которые собирались по ее указанию и вместе со сладким мясом были их единственной пищей. Потом они трогались дальше и шли там, где снег был не такой глубокий, и матушка Пфатт разглядывала мох и кору, по которым она сообщала им, что зима в этом царстве стоит уже больше года и это, вне всякого сомнения, дело рук Хаоса. Она бормотала что-то о Ледяных гигантах и народе Холода, рассказывала легенды народа, к которому принадлежала ее мать, народа, появившегося еще до человека, правившего Корнуоллом до того, как тот был назван человеческим языком. Когда-то, по ее словам, был некто — принц, принадлежавший к древней расе, но женщина, на которой он женился, принадлежала к новой. Дети этого союза были предками ее матери.

— Вот почему мы владеем великим даром второго зрения,— по секрету сообщила она Элрику, похлопав его по плечу, когда он встал рядом с ней на колени во время одного из коротких привалов. Она говорила с ним, как со своим любимым внуком.— И они, эти люди, были похожи на тебя внешне, вот только не были такие белые.

— Это были мелнибонийцы?

— Нет-нет-нет! Это слово не имеет смысла. То был великий народ вадагов, что жил еще до прихода мабденов. А потому мы с тобой, возможно, находимся в родстве, принц Элрик.

На мгновение она перестала скрывать свой здравый смысл, который хорошо дополнял ее юмор. И Элрик, заглядывая в это лицо, подумал, что он смотрит в лик самого времени.

— Так не течет ли в нас с тобой кровь героев? — спросила она его.

— Вполне вероятно, госпожа,— мягко сказал Элрик, едва понимая смысл ее слов, но довольный тем, что может облегчить тот груз, который лежит на ее душе и против которого она время от времени словно бы протестовала.

— И боюсь, что нам суждено нести слишком тяжелое бремя земных скорбей,— сказала она. И тут она снова начала сме-

яться и напевать: — Тилли-дилли-бом! Пим плюхнулся в бульон! Кровь прольет парнишки сердце, чтоб в звонкий Май открылась дверца! — При этом она начала выстукивать своей ложкой по тарелке какой-то варварский ритм.— Из вен врываясь в сердце наше, боль воспоминаний пляшет..

— Ах, матушка, ах, чресла, родившие меня! Когда туман Хаоса так густ, твои воспоминания о древнем варварстве еще больше туманят мой взор!

Фаллогард Пфатт умоляюще взмахнул руками.

— Они склевывают остатки мозгов бедной старушки.— Древняя матрона собрала все свое обаяние, чтобы очаровать сына, но тот остался непреклонен.

— Матушка, мы почти вышли на след Коропита, но видеть становится все труднее и труднее. Мы должны попридержать наши языки и прекратить разбрасывать заговоры и стихотворные перезвоны, иначе ты оставишь за нами такой ведовской след, что хоть армию за нами пускай. Это неблагоразумно.

— Благоразумием не засолишь крыс,— сказала матушка Пфатт, издав странный смешок, но подчинилась своему сыну, принимая его логику.

Элрик заметил, что воздух становится теплее, а лед на деревьях подтаивает. Снег же, ложившийся на болотистую почву, быстро ею поглощался. Днем, когда стало припекать солнце, они пересекли строй зверолюдей, закованных в необычную броню — в странные ледяные формы; лед этот был горяч на ощупь, и сквозь него они видели двигающиеся глаза, губы, пытающиеся заговорить, конечности, замершие в позе постоянной агонии. Фаллогард Пфатт согласился с Элриком, который сказал, что это какая-то армия Хаоса, которой было нанесено поражение неизвестным колдовством — возможно, с помощью Закона. Потом они увидели перед собой пустыню, пересеченную водным потоком явно искусственного происхождения, из которого они смогли напиться.

Пустыня кончилась на следующий день, и они увидели впереди огромный лесной массив, темный и густой; длина листьев на этих деревьях достигала человеческого роста, а стволы были стройные и жилистые, как человеческие тела. Эта великолепная листва имела разные цвета — темно-алый, темно-

желтый, пепельно-коричневатый и грязно-синий, в эти угрожающие оттенки были вплетены светло-розовые ленты и жилы багряного или серого, словно лес питался кровью.

— Я думаю, здесь мы и найдем нашего пропавшего путешественника! — с воодушевлением заявил Фаллогард Пфатт, хотя выражение лица его матери и исполнилось сомнения при виде этого жутковатого переплетения цветов и ветвей. Казалось, пройти сквозь этот лес невозможно.

Но Фаллогард Пфатт, который теперь возглавлял шествие, засеменил вперед, вынуждая свою невысокую племянницу ускорить шаг. В конечном счете, когда они оказались в густом, почти непроходимом лесу, она крикнула дядюшке, чтобы тот умерил пыл.

Элрик, который рад был оказаться в тени, почти что сел на подавшийся ствол. Ему показалось, что он опустился на чью-то мягкую плоть. Он выпрямился и перенес вес тела на ноги.

— Это, вне всякого сомнения,— дело рук Хаоса,— сказал он.— Я знаком с такими творениями, это — полуживотные-полурастения, именно они первыми появляются там, куда вторгается Хаос. Главным образом они представляют собой остатки неумелого колдовства. Ни один уважающий себя император Мелнибонэ не стал бы тратить время на такие глупости. Но у Хаоса, как вам уже, несомненно, известно, почти нет вкуса, тогда как у Закона его слишком много.

Идти по лесу оказалось гораздо легче, чем им представлялось поначалу, потому что мясистые ветви легко подавались, и только изредка какая-нибудь колючка вцеплялась в руку или в лицо, а в это время глянцевитый зеленый побег обвивал тело, словно рука любовницы. Однако эти существа были не слишком сильно наполнены энергией Хаоса, а потому Фаллогард Пфатт шел почти без остановок.

Но вдруг эти джунгли перестали быть органическими.

Они превратились в кристаллические.

Сквозь призмы лесной крыши просачивался бледный свет тысяч оттенков, который сверкал, отражался от ветвей и листьев, освещал стволы, проникая сквозь кроны, но Фаллогард Пфатт продолжал неустанное продвижение по джунглям, потому что кристаллы подавались так же легко, как и ветки.

— А это, вне сомнений, работа Закона? — спросила Чарион Пфатт у Элрика.— Эта вот стерильная красота?

— Пожалуй, что так...— сказал Элрик, изучая свет, который многоцветными плитками одна на другую падал на лесную почву, затопляя ее светом рубинов, изумрудов и темных аметистов. Путники шли, словно вброд, по колено в этом свете, который отражался и на их коже, отчего Элрик стал похож на своих друзей — все они с веселым недоумением смотрели на свои тела, выглядевшие пестрыми и разноцветными в мерцающих отблесках кристаллов. Наконец они дошли до огромной пещеры, из которой исходило прохладное серебряное сияние, а вдалеке слышался плеск воды о податливые берега. Войдя в эту пещеру, они почувствовали такое спокойствие, какое Элрик знал только в Танелорне.

И вот здесь-то Фаллогард Пфатт остановился и дал знак племяннице опустить носилки на пахнущий свежестью мох, выстилавший пол пещеры.

— Мы вошли на территорию, где не властны ни Хаос, ни Закон. Возможно, здесь правит Равновесие. Здесь мы найдем Коропита. Здесь мы будем искать трех сестер.

И вдруг откуда-то сверху, где потолок пещеры улавливал свет заходящего солнца и отражал его к ним, они услышали тонкий, сердитый крик, голос, зовущий из какой-то дальней галереи:

— Скорее, вы, глупцы! Сюда! Сюда! Гейнор здесь! Он взял сестер в плен!

Глава вторая

ВОССОЕДИНЕНИЕ С РОЗОЙ; ЕЩЕ НЕМНОГО СЕМЕЙНЫХ РАДОСТЕЙ; ПОХИЩЕНИЕ, ПРЕДПРИНЯТОЕ ГЕЙНОРОМ, ПРЕДОТВРАЩЕНО, И СЕСТРЫ НАКОНЕЦ НАЙДЕНЫ — ЕЩЕ ОДИН СТРАННЫЙ ПОВОРОТ КОЛЕСА СУДЬБЫ

— Коропит, радость моего сердца! Мой красавец! Плод моих чресел!

Фаллогард Пфатт, протягивая тонкие пальцы навстречу сыну, вглядывался вперед сквозь столбы пересекающегося света, сквозь галереи зеленой листвы и темной породы, сквозь цветы, испускающие насыщенный аромат.

— Быстрее, папа! Все вы! Сюда! Мы должны помешать ему!

В голосе мальчика, чистом, как горный ручей, звучало отчаяние.

Элрик увидел ступеньки, вырубленные в стене пещеры и поднимающиеся к своду. Не размышляя, он бросился по ним вверх, за ним последовали Фаллогард и Чарион Пфатт, которая оставила Уэлдрейка защищать матушку Пфатт.

Они поднимались сквозь холодное спокойствие этой высокой пещеры, и Фаллогард Пфатт, тяжело дыша, заметил, что это место чем-то похоже на естественный собор, словно «Бог поместил его сюда в виде примера для нас», и если бы не крики его сына, доносившиеся сверху, то он непременно остановился бы, чтобы насладиться этой красотой и подивиться.

— Вот он! Их там двое! — выкрикивает снизу загадочные слова Уэлдрейк.— Вы почти что добрались! Будь осторожна, любовь моя. Побереги ее, отец!

Чарион не нуждалась в помощи. Держа меч в руке, она уверенно шагала вперед следом за Элриком и обогнала бы его, если бы на ступенях было для этого место.

Они добрались до галереи, стена которой была образована густой живой изгородью, растущей прямо из утеса и явно предназначенной для защиты того, кто идет этой тропой. Элрика поразила искусность людей, живших здесь когда-то. Интересно, спрашивал он себя, пережил ли кто-нибудь из них вторжение Хаоса. А если пережил, то где они, эти люди?

Галерея расширилась и превратилась во вход в большой туннель.

И там стоял Коропит Пфатт — в ужасе от возникшей ситуации и в то же время счастливый оттого, что снова видит своих отца и кузину.

— Скорее, па, если мы не поторопимся, Гейнор уничтожит ее. Есть опасность, что он уничтожит их всех!

И он бросился вперед, останавливаясь, чтобы убедиться, что они следуют за ним. Он подрос за это время и, казалось, похудел, превратившись в тощего подростка, такого же нескладного, как его отец. Они бежали по галереям зеленого

света, через тихие помещения, через анфилады комнат, расположенные наверху окна которых выходили в огромное пространство пещеры. И во всех этих помещениях не было ничего, повсюду здесь царило запустение. Они мчались по винтовым лестницам и изящно-извилистым коридорам, по городу, который был дворцом, или по дворцу, который был большим городом, где когда-то во всеобщей гармонии обитали кроткие люди.

А потом до них донеслись звуки борьбы — двое сошлись в мистической, безумной, непримиримой схватке. Взрыв оранжевого света, разгоняющего темноту, вихрь неестественных красок, сопровождаемых звуками, похожими на низкое аритмичное сердцебиение...

...И Элрик первым вбегает в зал, который по своему изяществу и утонченной архитектурной изощренности соперничает с огромной пещерой внизу, словно возведенный в подражание ей.

...И на полу светло-голубого мрамора с прожилками тончайшего серебра распростерлось тело молодой женщины в коричневом и зеленом, рыже-золотистая грива волос не оставляет сомнений в том, кто она. Рядом с ее неподвижной правой рукой лежит меч, левая все еще сжимает кинжал.

— Нет! Нет! — кричит в отчаянии Коропит.— Она не может умереть!

Элрик, вложив Буревестник в ножны, опустился рядом с ней на колени и попытался нащупать пульс. Он ощутил слабое, но устойчивое биение на ее холодной шее, и в этот же миг она открыла свои прекрасные карие глаза и нахмурилась, глядя на него.

— Гейнор? — прошептала она.

— Похоже, он бежал,— сказал Элрик.— И наверное, вместе с ним и сестры.

— Нет, я была уверена, что защитила их! — Роза сделала слабое движение руками, попыталась подняться, но у нее это не получилось. За спиной Элрика стоял Коропит Пфатт, бормоча что-то и стеная в бессильной тревоге. Она ободряюще улыбнулась ему.— Я не ранена,— сказала она.— Просто устала...— Она дважды вздохнула.— Гейнору в этом, кажется, помогал Владыка Хаоса. Чтобы противостоять ему, мне пришлось использовать почти все амулеты, что я купила в Ойо. У меня почти ничего не осталось.

— Я и не знал, что ты не только воин, но еще и колдунья,— сказал Элрик, помогая ей сесть.

— Наше волшебство носит естественный характер,— сказала она,— только не все из нас его практикуют. У Хаоса против нас куда как меньше оружия, что послужило мне на пользу, хотя я и надеялась захватить Гейнора в плен и узнать от него кое-что.

— Я думаю, он все еще служит графу Машабаку,— сказал Элрик.

— Это мне известно,— тихо сказала Роза со смыслом, понятным только ей.

Только по прошествии некоторого времени, когда Коропит вернулся с Уэлдрейком и матушкой Пфатт по туннелям, более удобным, чем наружные ступени, Роза смогла рассказать им, что произошло после того, как она попала в эту пещеру («пробравшись сквозь измерения, как вор-форточник»). Она нашла здесь спрятанных сестер, которые и сами вели поиски, закончившиеся неудачей и заведшие их так далеко. Не в первый раз предлагала она им свою помощь, и они были рады принять ее, но Гейнор нашел какой-то проход в ткани мироздания, а его цитадель находилась милях в пятидесяти от этого места, и он вскоре прибыл с небольшой армией, чтобы захватить сестер и их сокровища. Он не ожидал встретить сопротивление, а уж тем более сопротивление в виде волшебства, использованного Розой, природа которого оказалась слишком тонка, чтобы ее мог понять Хаос.

— Мое волшебство подпитывается не Хаосом и не Законом,— сказала она,— а естественным миром. Иногда нашим колдовским чарам требуется до ста лет, чтобы удушить ту или иную тиранию, но зато если уж эта тирания мертва, то воскресить ее ничем невозможно. Наше призвание — отыскивать тирании и уничтожать их. Мы действовали так успешно, что это начало раздражать некоторых Владык Высших Миров, которые властвовали посредством таких людей.

— Вы — дочери Сада,— вставил Уэлдрейк и тут же замолчал, словно извиняясь.— О вас, кажется, рассказывает древняя персидская легенда. Или багдадская? Другое ваше имя — дочери Справедливости. Но ведь вас всех... замучили. Прошу меня простить, госпожа, но так говорит легенда.

Пришел граф Малкольм в этот Сад.
Огонь и сталь в руке блестят.
Дыхание — порока плеть:
Ищу Цветы из Бэннон Бри;
Несу им боль и смерть.

Мне иногда кажется, моя госпожа, что я попал в сети некоего огромного, бесконечного эпоса моего собственного сочинения!

— А ты помнишь окончание этой баллады, господин Уэлдрейк?

— Одно или два...— дипломатично сказал Уэлдрейк.

— Но ведь ты помнишь вполне конкретное, определенное, правда?

— Да, помню, госпожа,— с ужасом сказал Уэлдрейк.

— Да,— сказала Роза. Голос ее звучал устало, но проникновенно:

И все сгорели в Бэннон Бри;
Была жестокой смерть.
Один лишь уцелел цветок,
Чтоб о погибших спеть.

— Я и была тем единственным цветком,— продолжила Роза,— цветком, который не был срезан тем, кого баллада называет графом Малкольмом. Кому предшествовал Гейнор, который лгал нам, рассказывая о своей героической борьбе с силами Тьмы.— Она помолчала, словно сдерживая слезы.— Вот почему мы прозевали вторжение. Мы доверяли Гейнору. Ведь я же сама неоднократно беседовала с ним! Теперь я знаю, что он не слишком утруждал себя разнообразием своих выдуманных историй и всем рассказывал примерно одно и то же. Наша долина за несколько часов превратилась в пустыню. Можете представить, что произошло — ведь мы не были готовы к приходу Хаоса, который мог вторгнуться в наш мир

только через посредство смертного. Он провел всех нас, слепых глупцов...

— Прошу тебя,— снова говорит Уэлдрейк, протягивая дружескую руку, чтобы успокоить ее. Но успокоить ее было трудно.— Тот единственный цветок...

— Кроме одной,— сказала она.— Но и та обратилась к самому ужасному колдовству и умерла нечестивой смертью...

— Так, значит, сестры — не родня тебе? — пробормотал Фаллогард Пфатт.— А я-то думал...

— Мы сестры по духу, хотя у меня и у них разное призвание. Но враг у нас один, вот почему я помогала им до сего дня. Потому что у них, помимо всего прочего, есть ключ к решению моей собственной проблемы.

— А куда их увел Гейнор? — пожелала узнать Чарион Пфатт.— Ты говоришь, что его цитадель всего в нескольких десятках миль отсюда?

— И она окружена армией Хаоса, которая только и ждет его приказа, чтобы выступить против нас. Но я до сих пор не уверена, увел ли он сестер.

— А что еще могло с ними случиться?! Конечно, увел,— сказала Чарион Пфатт.

Но Роза отрицательно покачала головой. Она постепенно восстанавливала силы и уже могла идти без посторонней помощи.

— Я должна была укрыть их. У меня не оставалось времени. Я не могла спрятать с ними их сокровища. Не знаю, может быть, я была не слишком расторопна.

Было очевидно, что она не хочет больше никаких расспросов о случившемся, а потому они спросили у нее и Коропита, что произошло на цыганской дороге. Она рассказала, как нашла Гейнора и сестер в тот самый момент, когда Машабак собирался уничтожить мост. Призвал его, конечно же, Гейнор.

— Я попыталась остановить Машабака и спасти как можно больше жизней. Но при этом я упустила Гейнора, и он бежал, хотя и без сестер — они сумели от него освободиться. Я пыталась предупредить цыган, а когда из этого ничего не получилось, отправилась искать Гейнора или Машабака. Време-

нами мы с Коропитом были совсем рядом с ними, но теперь мы знаем, что они вернулись сюда, как и сестры. Хаос собирает силы. Этот мир почти принадлежит ему, если не считать сопротивления, которое оказываем мы и сестры.

— Не хотелось бы мне предстать перед двором Хаоса, моя госпожа,— медленно произнес Уэлдрейк,— но если я чем-нибудь в силах помочь, прошу тебя, используй меня, как сочтешь нужным.— Он с мрачным видом сделал небольшой поклон.

А Чарион, стоявшая рядом со своим суженым, предложила свои смекалку и меч.

Все это было с благодарностью принято с одной оговоркой.

— Пока мы не знаем, что нужно делать,— сказала Роза и поднялась на ноги.

Ее бархатный плащ волочился по мраморному полу. Потом она поднесла свою прекрасную руку к губам, сложила их трубочкой и свистнула.

Раздался стук лап по мраморному полу, послышалось горячее дыхание, словно Роза призвала на помощь ищеек из Ада, а потом появились три огромные собаки — великаны-волкодавы. Их красные языки свешивались из пастей, сверкавших здоровенными клыками,— белая собака, сине-серая и бледно-золотистая. Казалось, они были готовы сразиться с любым врагом, погнаться за любой добычей. Они встали подле Розы, заглядывая ей в лицо, готовые выполнить любую ее команду.

Но потом одна из собак увидела Элрика. Она сразу же занервничала и легонько зарычала, чтобы привлечь внимание двух других собак. Элрику вдруг пришло в голову, что эти псы — какие-нибудь близкие родственники Эсберна Снара, которые не одобряют поступка оборотня, принесшего себя в жертву ради Элрика.

Собаки двинулись к альбиносу. Их поведение оказалось неожиданностью для Розы, которая громко скомандовала им вернуться назад.

Но они не подчинились.

Элрик не боялся приближающихся к нему огромных собак. Напротив, что-то в них успокаивало его. Но он, однако же, был в полном недоумении.

Они подошли к нему, потерлись о его ноги, обнюхали, не переставая обмениваться тихими рыками. Наконец они, кажется, удовлетворились и вернулись к ногам Розы.

Роза не знала, что и подумать.

— Я собиралась сказать,— сообщила она,— почему мы не должны торопиться с дальнейшими действиями. Эти собаки и есть три сестры. Я заколдовала их, чтобы защитить от Гейнора и дать им средство обороняться, потому что они растратили все свои колдовские силы и мастерство. Их поиски закончились неудачей.

— А что они искали? — тихо спросил Элрик, с новым любопытством поглядывая на собак, которые в ответ смотрели на него с какой-то отвлеченной тоской во взгляде.

— Мы искали тебя,— сказала золотистая собака, которая вдруг в одно мгновение превратилась в женщину, облаченную в шелковое платье того самого цвета, какого была шкура собаки, и по ее удлиненному, тонкому лицу Элрик сразу же узнал соплеменницу. Серо-голубая шкура превратилась в серо-голубой шелк, белая — в белый, и вот уже все три сестры стояли перед ним — тонкие фигурки, но явно мелнибонийской породы.

— Мы искали тебя, о Элрик из Мелнибонэ,— снова сказали они.

Их тонкие черты обрамлялись, словно шлемами, черными волосами, у них были большие, чуть раскосые фиолетовые глаза, бледная кожа цвета самой светлой меди, идеальной формы губы...

...И говорили они только с ним. Они говорили на высоком мелнибонийском, который был недоступен даже Уэлдрейку.

Такой неожиданный поворот событий настолько застал Элрика врасплох, что он непроизвольно сделал шаг назад и чуть не упал. Однако он сохранил равновесие, поклонился и, несмотря на все зароки, какие давал себе, обратился к ним с древним приветствием правящей династии Сияющей империи.

— Я предан вам и вашим интересам...

— А мы — твоим, о Элрик из Мелнибонэ,— сказала золотистая женщина.— Я — принцесса Тайаратука, а это мои сестры, и они тоже принадлежат к Касте: принцесса Мишигуйа и

принцесса Шануг'а. Принц Элрик, мы ищем тебя уже целое тысячелетие во многих сотнях сфер.

— А я искал вас только несколько сотен лет и всего в нескольких десятках сфер,— скромно отозвался Элрик.— Но мне кажется, что я — хвост, который гонится за куницей...

— Когда сумасшедший Джек Поркер поставил на карту свою ногу! — воскликнула матушка Пфатт, развалившаяся на роскошных подушках дивана.— Значит, мы ходили друг за другом кругами? Понимаете? В этом была закономерность! Во всем всегда есть закономерность. Дин-мой-дон, паренек, где твой перезвон? Это та самая знаменитая гонка, видите ли. Поркер осужден по случаю. Его последний бросок был героизмом чистой воды. Все так говорили. Дамы и господа, наши ноги прибиты к полу. Это несправедливо! — Она вступила в какой-то комический диалог с самой собой, в котором она заново переживала свою юность на подмостках.— Буффало Билл и Вечный Жид! Это был наш непревзойденный финал. Последний штрих.

Три сестры выслушали этот монолог с бесконечным терпением и только потом продолжили.

— Мы искали тебя, дабы обратиться к тебе с просьбой,— сказала принцесса Тайаратука,— и взамен предложить дар.

— Вы можете полагаться на меня, как на собственные руки,— автоматически произнес Элрик.

— И ты на нас,— ответили сестры, также знакомые с этим ритуалом.

Потом принцесса Тайаратука опустилась на одно колено, подняла руки, взялась за его локти и опустила его рядом, и он оказался коленопреклоненным, как и она.

— Мой повелитель, твоя власть надо мной,— сказала она и подставила лоб для поцелуя.

Этот ритуал повторялся, пока все не произнесли требуемые слова и не получили своего поцелуя.

— Как могу я помочь вам, сестры? — спросил Элрик, когда они после этого обменялись тройным поцелуем родства. Старая мелнибонийская кровь кипела в нем, он испытывал невыносимую тоску по родной земле, по речи и обычаям его нечеловеческой расы. Эти женщины были его ровней, между ними существовало глубокое взаимопонимание, более прочное, чем родство, более прочное, чем любовь, но при этом ни в коей мере не обременительное или навязчивое. Он любил многих сильных женщин, включая его потерянную невесту Симорил и Шаариллу из Танцующего Тумана, волшебницу, которую он не так давно оставил, но если не говорить о Розе, то три принцессы, стоящие сейчас перед ним, были самыми удивительными из всех женщин, с которыми он встречался с тех пор, как сделал Имррир погребальным костром для тела его любимой.

— Я польщен, что вы искали меня, ваши величества,— сказал он, переходя на общий язык, чего требовали правила приличия.— Чем я могу вам помочь?

— Нам нужен твой меч, Элрик,— сказала принцесса Шануг'а.

— Ты его получишь, госпожа. Со мной в придачу.

Он говорил любезно, как того требовала честь, но он все еще страшился того, что призрак его отца витает где-то неподалеку, готовый при первой опасности вместить свою душу в тело сына, навсегда смешаться с ним... А разве Гейнор не хотел заполучить его Черный Меч?

— Ты не спрашиваешь, зачем нам нужен твой меч,— сказала принцесса Мишигуйа, усевшись рядом с Розой и угощаясь плодами, поставленными на подлокотник дивана.— Ты не будешь с нами торговаться?

— Я жду, что вы будете помогать мне так же, как я буду помогать вам,— сказал Элрик небрежным тоном.— Ведь я же дал клятву, как и вы. Поэтому мы — одно. У нас общие интересы.

— Но твою душу разъедает страх, Элрик,— сказала вдруг Чарион Пфатт.— Ты не сказал этим женщинам, чего ты боишься, если позволишь себе помогать им!

Она говорила, как это свойственно детям, ради справедливости, нимало не задумываясь о том, почему альбинос не хотел говорить о том, что его тревожит.

— Но они не говорят мне, чего опасаются, если я соглашусь помочь им,— спокойно ответил Элрик молодой женщи-

не.— Каждого из нас несет страх, госпожа Пфатт, и нам остается лишь крепче ухватиться за поводья.

Чарион Пфатт согласилась с этим и замолчала, хотя и бросила свирепый взгляд на Уэлдрейка, словно хотела, чтобы он встал на ее защиту. Но поэт остался дипломатом, будучи не уверен в правилах игры, которая разворачивалась перед ним, и в ставках, но тем не менее готовый пойти туда, куда укажет ему его почти суженая.

— Где я вам нужен с моим мечом? — еще раз спросил Элрик.

Принцесса Тайаратука бросила взгляд на своих сестер и только после этого продолжила.

— Нам нужен не ты,— тихо сказала она.— Мы говорим в буквальном смысле. Нам нужен на время твой рунный меч, принц Элрик. Я сейчас все объясню.

И она рассказала историю о мире, в котором все живут в гармонии с природой. В этом мире было мало городов в обычном понятии этого слова, а дома здесь строились так, чтобы их контуры отвечали очертаниям холмов и долин, гор и рек, чтобы они сливались с лесами, не уничтожая их, чтобы любой посещающий их измерение не видел никаких следов пребывания там населения. Но потом пришел Хаос, ведомый Гейнором Проклятым, который воспользовался их гостеприимством и обманул его, как обманывал он многие другие души на протяжении тысячелетий. Гейнор призвал своего покровителя, который сразу же прибрал эту землю к своим рукам, обозначив ее принадлежность Хаосу.

— Лишь о немногих из наших поселений знали потенциальные враги с других континентов, так хорошо были мы защищены Тяжелым морем, которое омывает наши земли. Так непроходимы были наши леса, широки и извилисты наши реки, что никто не хотел рисковать своими жизнями ради подтверждения или опровержения легенд, которые каким-то образом дошли до других частей света. Да, мы жили в раю. Но этот рай не был достигнут за чужой счет, считая и тех диких животных, рядом с которыми мы жили. И тем не менее за один или два дня все это исчезло, остались лишь немногие укрепленные пункты вроде этого, где мы с помощью колдовства сохраняем наш мир, каким он был до прихода Хаоса.

— И как долго вы были в осаде Хаоса, моя госпожа? — сочувственно спросил Фаллогард Пфатт и поднял брови в ожидании ответа.

— На протяжении приблизительно тысячи лет положение было хуже некуда, хотя ситуация и никак не изменялась. Большинство наших покинули этот мир и обосновались в других измерениях, но некоторые считали себя обязанными остаться и выступить против Хаоса. Мы — последние из них. Пока мы искали Элрика, многие из наших погибли в схватках с Хаосом, пытаясь атаковать его главную твердыню.

— Так почему же боевые действия приостановились? — спросил Элрик.

— Двое владык Ада занялись выяснением отношений между собой, в особенности после того, как Ариох пленил Машабака на территории, которую тот считал своей собственностью,— в нашем мире. Гейнору, лишенному демонической помощи, оставалось только надеяться, что сестры выведут его назад. Однако все это изменилось. Некоторое время назад произошло событие, которое положило конец передышке. Машабак вернулся сюда и скоро должен выслать против нас свои силы. Тот, кто нарушил это хрупкое равновесие, лишил нас времени, которое еще у нас оставалось...

Элрик не сказал ничего, вспомнив Эсберна Снара и его прыжок на Герцога Ада, вспомнив мужество Северного оборотня, который пытался спасти друга и ненароком нарушил баланс сил, позволивший сестрам получить передышку в их собственном дворце.

Гейнор, одержимый безумной решимостью, оставил Машабака и с боями прорвался сквозь измерения, поклявшись вернуть плоды своей победы, но не именем Машабака, а своим собственным! Он бросил вызов Хаосу, как когда-то бросил вызов Равновесию! Он больше не признавал никаких хозяев! Бывший принц Равновесия заблудился и был вынужден много времени затратить на поиски пути назад, в это измерение. Он прибегал ко всевозможным хитростям и уловкам, пребывая в ярости из-за того, что его всемогущий покровитель, по-видимому, предал его, но в то же время был исполнен решимости установить здесь свою власть. В конце концов он ре-

шил, что будет следовать за тремя сестрами, поскольку они должны были вернуться в свое измерение. Изначально на поиски его отправил Машабак, приказав следовать за убегающими сестрами и принести ему живую розу. Но когда Машабак перестал ему помогать, роза перестала быть для Гейнора первостепенной задачей. Он возжелал получить меч Элрика.

После этого он вернулся и продемонстрировал, что теперь может проникнуть во дворец. Он вошел в него и, угрожая сестрам мечом, потребовал от них три легендарных сокровища, которые те держали при себе, чтобы вернуть их владельцу. Гейнор планировал изгнать сестер из дворца в пещеру у восточного входа, где ждал отряд Хаоса, который сам никак не мог попасть в это невероятное место.

Когда Коропит Пфатт овладел умением разрывать пространство — к тому же это его умение было усилено опасностью, которая, как он чувствовал, угрожает сестрам,— Розе удалось наконец проникнуть в этот мир. Она едва успела колдовством защитить сестер и бросить вызов Гейнору, которого выгнала назад во дворец с помощью своего меча и волшебства. Но и он в свой черед нашел источник колдовства и в конце концов чуть не убил ее, а сам, когда появился Элрик и другие, бежал в свою цитадель.

— Мы уже приготовились к смерти,— сказала принцесса Шануг'а,— но все поменялось в последний момент. Интересно, что нас всех соединило? Тебе это известно, господин Пфатт? Уж не движет ли нами длань судьбы?

— Это Равновесие,— с уверенностью сказал Фаллогард Пфатт.

Но Элрик не сказал ничего. Он знал, что Буревестник не служит Равновесию, но если бы не меч, то его, Элрика, не было бы сейчас здесь и он не смог бы помогать сестрам. Но знал ли его меч, что нужно от него сестрам?

И вдруг Элрика поразила страшная мысль. А что, если он уже отслужил целям меча и Буревестнику больше не нужен их союз, от которого зависит жизнь альбиноса? От этой мысли в жилах Элрика буквально застыла кровь. Он клял себя за подневольность мечу. Он отстегнул ножны от пояса, добровольно делая для сестер то, в чем отказал Гейнору.

— Вот меч, который вы искали.

Он предложил свой меч, не ставя никаких условий, делая этот жест без каких-либо колебаний или видимого нежелания. Этого требовала от него честь.

Принцесса Тайаратука вышла вперед, поклонилась и взяла меч двумя маленькими руками. Мышцы ее напряглись от тяжести меча, но она не подала и виду, что ей тяжело. Она оказалась значительно сильнее, чем об этом можно было судить по внешнему виду.

— У нас есть наша Руна,— сказала она.— Она всегда была при нас. С тех самых пор, как наш народ пришел сюда и обосновался здесь. Даже когда ушли драконы, мы не боялись, потому что с нами была наша Руна. Руна Последней Надежды — так называют ее некоторые. Но у нас не было меча. А Руна Последней Надежды должна быть произнесена в ходе особого обряда, в присутствии предмета Силы. Необходимо, чтобы там был Черный Меч; затем владелец меча должен пропеть Руну с нами вместе. И еще надо знать имена сущностей, которых мы желаем призвать. И все это нужно собрать воедино. Таков узор, который нам необходимо создать. Он станет отражением узора, уже существующего, и их двойственность освободит жизненную силу мироздания. И лишь тогда, если все исполним в точности, мы сумеем пробудить союзников, что помогут нам против Хаоса — и изгонят Машабака, Гейнора и их орды из нашего измерения! Если нам это удастся, принц Элрик, мы предложим тебе любое из наших сокровищ...— Она бросила взгляд на Розу.

Но Уэлдрейк *не дал ей договорить, восторженно декламируя:*

Один из даров, что таит Рэдинглэй,—
Шкатулка с цветущею розой на ней;
Дар второй — цветок той вечной розы,
Что не страшится зноя и мороза;
И три из шиповника тонких кольца —
Из мира изгнать Ледяного Отца.

— Именно,— подтвердила принцесса Мишигуйа, чуть приподняв брови, словно недоумевая, как могла столь сокровенная тайна сделаться достоянием менестрелей.

— У него хорошая память на стихи.— Чарион Пфатт, кажется, стало неловко за своего суженого.

— Да,— вскинулся Уэлдрейк, уязвленный тем, что он счел за высокомерие.— Особенно на свои собственные. Осуждайте меня, если угодно. Я отдаюсь во власть рифм и размеров...— И он принялся бормотать себе под нос какие-то строки.

Принцесса Мишигуйа улыбнулась с извиняющимся видом.

Роза поспешила заступиться за поэта:

— Без помощи господина Уэлдрейка мы так никогда и не нашли бы друг друга. Его таланты были для нас неоценимы.

— Если все окончится удачно,— сказал Элрик,— я приму тот дар, что вы мне обещали. Ибо, признаюсь, моя собственная судьба во многом зависит от одного из тех предметов, что были у вас...

— Мы не знали, какой из трех ты примешь. Мы даже не знали, что ты — наш родственник, хотя и могли бы догадаться. Как это ни печально, но тех заимствованных даров у нас больше нет...

— Эти дары не утрачены! — сказала взволнованно Роза.— Мы спрятали их от Гейнора...

— Ты смогла защитить нас,— сказала принцесса Тайаратука,— но не наши сокровища. Гейнор украл их из тайника, прежде чем бежать на Корабль, Который Был. Те предметы Силы, моя госпожа, уже находятся во владении Хаоса. Я думала, тебе это известно.

Роза медленно опустилась на скамью. С ее губ сорвался звук, похожий на стон. Она махнула им рукой.

— А потому тем важнее становится для нас ваш ритуал...

И Элрик последовал за женщинами, которые понесли его меч в глубины дворца, где должен был состояться ритуал. Теперь он знал, что его душа и душа его отца обречены.

Глава третья

РИТУАЛЫ КРОВИ; РИТУАЛЫ ЖЕЛЕЗА. ТРИ СЕСТРЫ МЕЧА. ШЕСТЬ МЕЧЕЙ ПРОТИВ ХАОСА

Четверо шли под арками, выложенными розовой и красной мозаикой, по аллеям цветущих кустов, которые были освещены солнечными лучами, попадающими сюда со скрытых небес, мимо галерей с картинами и скульптурами.

— Здесь многое напоминает Мелнибонэ, но все же это не Мелнибонэ,— задумчиво сказал Элрик.

Принцесса Тайаратука чуть ли не оскорбленным тоном ответила:

— Надеюсь, что мы далеки от твоего Мелнибонэ. В нас нет ничего от этой воинственной расы. Мы из тех вадагов, которые бежали от мабденов, когда им помог Хаос...

— А мы, мелнибонийцы, решили больше никогда ни от кого не бежать,— тихо сказал Элрик.

Он мог понять своих предков, которые овладели военным искусством, чтобы больше никто не смог рассеять их по свету. Правда, эта логика очень даже просто привела к тому, чего он страшился.

— Я никого не хотела обидеть,— сказала принцесса.— Мы предпочитаем при необходимости пуститься в странствия, а не идти путем тех, кто намеревается нас уничтожить...

— Но сейчас,— сказала принцесса Шануг'а,— мы должны сразиться с Хаосом, чтобы защитить то, что нам принадлежит.

— Я не утверждала, что мы избегаем сражений,— твердо сказала ее сестра.— Я только сказала, что мы не собираемся больше создавать никаких империй. Это вещи разные.

— Я понимаю тебя, моя госпожа,— сказал альбинос.— И я принимаю это различие. Я не испытываю симпатий к склонности моего народа строить империи.

— Есть много других способов обеспечить свою безопасность,— загадочно, даже резковато сказала принцесса Мишигуйа. Они продолжали идти по прелестным помещениям и переходам этого великолепнейшего из поселений.

Меч по-прежнему несла принцесса Тайаратука, хотя это и давалось ей нелегко. Даже когда Элрик предложил ей помощь, она отказалась, словно ее долг состоял в том, чтобы нести этот меч.

Коридор переходил в еще одну треугольную аркаду, воздвигнутую над прохладным садом роз, открытым темно-синему небу наверху. В центре сада находился фонтан, основание которого было испещрено рисунками, изображающими небывалых существ, что несколько расходилось с общим стилем поселения. Цоколь переходил в трехстороннюю колонну, обра-

зовывавшую огромную чашу, на которой были высечены хитроумные изображения драконов и дев, танцующих какой-то загадочный танец. Из фонтана била серебряная струя, и Элрик подумал, что кощунственно приносить в такое мирное место Черный Меч.

— Это Рунный сад,— сказала принцесса Мишигуйа.— Он находится в самом центре нашего мира, в центре этого дворца. Это был первый сад, созданный вадагами, когда они пришли сюда.— Она так глубоко вдохнула древний аромат роз, словно делала это в последний раз.

Принцесса Тайаратука положила рунный меч в ножнах на скамью и, словно в поисках благословения, подставила руки под прохладные струи фонтана. Принцесса Шануг'а отправилась в дальний конец первой из трех галерей и почти сразу же вернулась, неся с собой цилиндр из светлого золота, украшенного рубинами. Она протянула цилиндр принцессе Мишигуйа, которая извлекла из него другой цилиндр из покрытой резными рисунками слоновой кости и отделанный золотом. Она протянула этот второй цилиндр принцессе Тайаратуке, которая в свою очередь вытащила из него жезл серого камня, испещренный темно-синими рунами, изогнутыми и перекрученными, словно живые. Точно такие же руны были и на Буревестнике. До этого Элрик видел подобные символы только однажды — на рунном мече Утешителе, которым владел его кузен и который приходился братом его Буревестнику. Смутно ему припоминались и другие предметы, покрытые рунами, но он был не силен в этой области. Есть ли у них общие свойства?

Теперь принцесса Тайаратука держала в руках каменный жезл, глядя на прыгающие руны так недоуменно, словно никогда прежде не видела их. Губы ее двигались, по мере того как она читала руническую вязь, образующую слова, которым ее научили еще до того, как она освоила обычный алфавит. Эта Руна Силы была ее наследием...

— Только трем девам, рожденным одновременно одной матерью от одного отца, позволено знать ритуал Руны,— прошептала Шануг'а.— Но ритуал не может быть завершен, пока мы не увидим рун Черного Меча и не прочтем их вслух в Рунном саду. Все это должно произойти в одно время. И тогда,

если мы правильно произнесем Руну и если ее магия не ослабела за века, прошедшие с момента ее создания, то, возможно, мы вернем то, с чем пришли на эту землю наши предки.

Принцесса Мишигуйа подошла к скамье, на которой почти что мирно покоился адский меч, взяла его и поднесла к фонтану, где ее ждала Шануг'а. Вода струилась вокруг нее, пропитывая ее шелковое платье. Шануг'а приняла от нее меч своими маленькими руками и постепенно стала вытаскивать лезвие из ножен. На черном металле засверкали злобные алые руны, и меч запел песню, какой Элрик не слышал никогда прежде. Оказавшись в чьих-нибудь чужих руках, включая и руки Гейнора, извлеченный из ножен адский меч начинал сопротивляться, оборачивался против того, кто пытался им завладеть, и почти наверняка убивал его. Чтобы усмирить Черный Меч хотя бы ненадолго, требовалось сильное колдовство. Но он пел такую странную и прекрасную песню, высокую и печальную, исполненную мечтаний и несбывшихся надежд, что Элрику стало страшно. Он никогда не подозревал таких качеств в своем мече.

Буревестник продолжал свою странную, невероятную песню, а принцесса Шануг'а подняла его повыше и направила острие на центр чаши со странным рисунком, и струя воды в фонтане сразу же иссякла, а над розовым садом моментально повисла тишина.

Замерли и небеса в вышине, словно их темно-синий свет окаменел. Тишина воцарилась в саду, словно все цветы и бутоны застыли в ожидании. Тишина воцарилась в этой странной аркаде, словно сами камни приготовились к какому-то важному событию.

Даже три сестры словно бы замерли в ритуальных позах.

Обескураженный этой сценой, Элрик почувствовал себя здесь чужаком и хотел было удалиться, чтобы не мешать происходящему, но тут принцесса Тайаратука повернулась к нему и улыбнулась — она протянула ему рунный жезл, который извивался и мерцал на ее ладони.

— Это должен прочесть ты,— сказала она.— Только ты из всех существ мультивселенной наделен этой силой. Вот почему мы так настойчиво искали тебя. Ты должен прочесть нашу

Руну, как мы читаем руны Черного Меча. Так мы начнем плетение могущественного заклинания. Именно этому нас учили чуть ли не с рождения. Ты должен верить нам, принц Элрик.

— Я принес клятву крови,— просто сказал Элрик.

Он был готов сделать все, что они просили, даже если бы это привело к его гибели, к порабощению его бессмертной души, к перспективе навечно оказаться в аду. Он безусловно доверял им.

Чудовищный боевой меч застыл в чаше, продолжая свою песню, руны по-прежнему мерцали на его светящемся клинке черного металла. Меч словно бы собирался заговорить, изменить свою форму, возможно, принять свой истинный облик. И Элрик почувствовал, как холод разлился по его жилам, и на мгновение ему показалось, что он заглядывает в будущее, видит свою предопределенную судьбу, своеобразная репетиция которой разыгрывается сейчас. Он взял себя в руки и сосредоточился на том, что предстояло ему теперь.

Сестры встали по трем сторонам колонны, устремив свои взгляды на меч. Их голоса принялись хором напевать заклинание, и вскоре их уже было невозможно отличить от голоса меча.

...Потом Элрик понял, что он двумя руками поднимает рунный жезл, вытягивает руки перед собой, а с его губ слетает прекрасная песня без слов.

Они искали его ради Черного Меча, но еще они искали его и потому, что он был наделен этим даром. Из всех смертных только Элрик из Мелнибонэ мог прочесть эти могущественные символы, озвучить их так, как их должно озвучить, чтобы каждая доля ноты соответствовала каждому нюансу руны. Эту руну сестры знали наизусть, но руны Черного Меча они должны были прочесть в первый раз. Таким образом они соединяли все свои знания, все свои таланты для чтения этой двойной руны, мощнейшей из всех Рун Силы.

Рунная песня становилась все громче и сложнее.

Четверо адептов сплетали руны, распространяя свои чары за пределы времени, перемещая голоса за пределы слышимого диапазона, отчего воздух дрожал и распадался на тысячи нитей, которые и сплетали воедино эти четверо.

Они сплетали руны в материю необыкновенной прочности, отчего сама атмосфера вокруг пузырилась и содрогалась, а кусты и цветы раскачивались, словно добавляя свои ритмы и напевы к рунному песнопению.

Все вокруг жило и наполнялось тысячами различных свойств, перемешивалось и разделялось, менялось, трансформировалось. Цвета струились в воздухе, как реки. Вокруг них происходили извержения неизвестных сил, а чаша, меч и жезл, казалось, оставались единственными постоянными в этом двойном треугольнике.

Элрик понял, что это место было огромным средоточием сверхъестественной энергии. Он чувствовал, что они отсюда черпали силы, позволявшие им до сего дня противостоять Хаосу, по крайней мере защитить несколько поселений вроде этого. Но теперь, когда к существующей добавилась энергия Черного Меча, Рунный сад становился гораздо могущественнее, чем мог бы стать сам по себе.

«...Разбить Алхимический Меч и сделать из Единой силы Три...»

Элрик понял, что он слышит историю, вплетенную в руны, почти что сопутствующую проводимому ими ритуалу. То была история о том, как этих людей вел через разные измерения дракон — дракон, который когда-то обитал в мече. Таких легенд немало было у его народа, и относились они, несомненно, к какому-то давно забытому эпизоду истории их скитаний. Руны рассказывали о том, как наконец они добрались до этой земли, на которой обитало человеческое племя. И они сделали эту землю своею, обустроили ее, повторяя естественные контуры ландшафта, его леса и реки. Но сначала они разбили Рунный сад. Потому что с помощью своих немалых колдовских талантов они изменили и спрятали ту силу, которая — принцессы в этом не сомневались — послужила средством спасения их самих и послужит спасению в будущем их потомков.

Рунная песня лилась. История продолжалась. В фонтан было встроено то, что в песне называлось «последние средства спасения». Предки принцесс передавали рунный жезл от ма-

тери к дочери, поскольку считали, что ни один мужчина не сможет сохранить этой тайны.

Эти «последние средства спасения» можно было использовать только против Хаоса, когда все остальные способы будут исчерпаны. Они могли быть использованы только в сочетании с другим великим предметом Силы. Заимствованные предметы Силы, находившиеся в распоряжении сестер, за которые они рассчитывали получить помощь Элрика, не зная, что он их близкий родич, были недостаточно сильны для таких действий.

Гейнор похитил эти предметы, зная, что Хаос хочет их заполучить и страшится их. Один из этих предметов уже был украден у Розы и возвращен ей удивительным путем. Остальные охранялись гораздо надежнее. Но ни один не обладал достаточной силой, чтобы его можно было использовать для ритуала в Саду.

И вот пока сестры искали Элрика и Черный Меч, другие, включая и Элрика, искали то, что имели при себе сестры. Круг был пройден. Все элементы этой сверхъестественной модели были на своем месте, и четверка, таким образом, получала астральные средства для свободного полета, их разум и души могли теперь выходить за пределы измерений, сфер, даже мультивселенной, они могли теперь вернуться в мультивселенную, приобретя новые знания, более глубокое понимание сложной геометрии, тайны которой были основой любого колдовства; формы которой были основой для всех стихов и песен; язык которой был основой любой мысли, а очертания которой — основой любой эстетики, красоты по любым меркам и любого уродства... Во все это и погрузились они вчетвером, сплетая из своих рунных песен новую и оригинальную экстрасенсорную ткань, которая могла залечивать раны и трещины в стенах времени и пространства, но одновременно создавая и огромную энергию, которая могла вдохнуть новую жизнь в три других древних предмета Силы.

Руны становились все более сложными, и они пели их своими телами, отсылали их в бесконечность журчащих радуг своими мыслями. Они проплывали сквозь собственные тела и

снова оказывались в мирах запустения, в тысячелетиях непрерывающихся радостей и обещаний той соблазнительной повседневности, в которой всегда должно покоиться человеческое сердце, но куда оно попадает так редко...

И вот эти существа нечеловеческой расы сплетали свою магию, заставляли руны проявлять свои обещания, противодействовали силе безнравственного колдовства, которое не знает другой преданности, кроме преданности себе.

Теперь магия развивалась и набирала силу по своему разумению, она извивалась и ползла, как гибкие ветки живой изгороди, которые прочно сцепляются между собой. Потом они начали формовать то, что сплели, придавая ему все новые и новые формы, разминая, переворачивая, бросая результатом своего плетения друг в дружку, прикасаясь к нему, пробуя на вкус, нюхая, гладя, пока та сила, что, возникнув от их совместных действий, витала над самим Черным Мечом, не приобрела идеальную метафизическую форму и не оказалась почти готова к освобождению.

Но песню нужно было продолжать, нужно было удерживать эту силу, направлять ее, обуздывать и смирять, придавать ей нравственность, принуждать делать выбор, поскольку это вещество, эта первичная материя сама по себе была неспособна на выбор, на нравственные поступки или на убеждения. А потому ее необходимо было принуждать...

Принуждать концентрацией нематериальной энергии, тренированной воли и нравственной силы, которая противилась любым покушениям на нее изнутри или снаружи и любым попыткам сбить ее с пути аргументами, примером или угрозой...

Принуждать силой четырех существ, настолько похожих друг на друга, что они были почти что одной плотью, а в данный момент, по сути, и одним разумом...

Принуждать силой Черного Меча, который хотя и не был вместилищем этой энергии, но являл собой совершенный и столь необходимый для нее проводник...

Принуждать силой живого камня, той каменной глыбы, из которой тысячи лет назад были высечены чаша, колонна и цоколь...

Преобразовать его в живую форму энергии, настолько сильную, что представить всю ее мощь не могли даже эти четверо; не могли они и понять, как можно управлять такой мощью.

И вот эта энергия, ослепительная, бурлящая, танцующая, радующаяся своему собственному невероятному существованию, присоединилась к песне сестер, альбиноса и рунного меча, образовался хор, который был слышен по всей мультивселенной плоскостей и измерений квазибесконечности. И отныне он всегда, пока существует мультивселенная, будет слышен там или здесь. Это была песня обещания, ответственности, праздника. Обещания гармонии, триумфа любви, праздника мультивселенной в равновесии. И именно посредством этой метафизической гармонии контролировали они эту силу, заставляли подчиняться, снова выпуская ее...

Направляя ее в три великих предмета Силы, которые обнаружились, когда иссякла струя фонтана, они окружили Черный Меч, оказавшийся в центре небольшого пруда.

Три меча, весом и длиной с Буревестник, но во всем остальном совершенно не похожие на него.

Первый меч был сделан из слоновой кости, и клинок его из слоновой кости казался до странности острым, а его эфес, его рукоять из слоновой кости были украшены золотом, которое словно вросло в слоновую кость.

Второй меч был сделан из золота, но был такой же острый, как и остальные, а украшен он был черным деревом.

Третий меч был из сине-серого гранита, отделанного серебром.

То были мечи, так хорошо сокрытые Руной и теперь напитанные энергией, не уступающей энергии самого Буревестника.

Принцесса Тайаратука в одеянии из струящегося золота протянула золотую руку к золотому мечу и с глубоким вздохом поднесла его к своей груди.

Ее сестра Мишигуйа в серо-синем шелковом одеянии протянула руку к гранитному мечу, ухватила за его рукоять и восторженно улыбнулась, радуясь успеху их действа.

И принцесса Шануг'а, в строгом белом платье, взяла меч слоновой кости и поцеловала его.

— Вот теперь,— сказала она, поворачиваясь к остальным,— мы готовы сразиться с Владыкой Хаоса.

Элрик, еще испытывавший слабость от плетения рун, подошел, чтобы взять свой меч. Из какого-то чувства уважения, из незапамятного ритуала, он на место меча положил каменный жезл с рунами, по которому читал начало этого великого волшебства.

«Элрик, сын мой, нашел ли ты ларец с моей душой? Отдали ли тебе его сестры?»

Голос отца. Напоминание о том, что его ждет, если его поиски не увенчаются успехом. А они, похоже, определенно не увенчались успехом...

«Элрик, время почти истекло. Мое колдовство уже скоро не сможет сдерживать меня. Я должен прийти к тебе, мой сын. Я должен прийти к тому, кого ненавижу больше всех в мультивселенной... Жить с ним вечно...»

— Я еще не нашел ларца с твоей душой, отец,— пробормотал Элрик, а потом, подняв взор, увидел, что сестры с любопытством смотрят на него.

В этот момент в аркаду неожиданно вбежал запыхавшийся Коропит Пфатт.

— Слава Небесам! Я думал, вы все погибли! Там было что-то вроде штурма. Но вы здесь. Они атаковали, откуда мы их не ждали.

— Гейнор? — спросил Элрик, вкладывая в ножны свой до странности спокойный меч.— Он что, вернулся?

— Это не Гейнор. По крайней мере, я так думаю. На нас надвигается армия Хаоса. Ах, принц, дорогие принцессы, они нас раздавят!

Они бегом бросились за мальчиком, который привел их к остальным в помещение, вырубленное в скале и скрытое от посторонних глаз листвой. С этого балкона они могли обозревать близлежащую территорию, кристаллические деревья, колеблющиеся и волнующиеся, по мере того как огромная река закованных в доспехи полулюдей надвигалась на их убежище.

Это была армия зверолюдей и человекозверей, некоторые в естественных панцирях, как гигантские жуки, все вооружены пиками и алебардами, дубинками и палашами, боевыми

топорами всех видов. Некоторые из них ехали один на другом. Некоторые волокли похрапывающих товарищей, некоторые двигались в каком-то таинственном соитии, некоторые останавливались, чтобы бросить игральные кости или выяснить отношения, но их тут же загоняли в строй командиры, на шлемах у которых красовались желтые гербы с восемью стрелами Хаоса.

Армия Хаоса, движимая единой целью, надвигалась, хрюкая и сопя, принюхиваясь и чихая, похрапывая, повизгивая и покрикивая, мыча, как быки на бойне.

Роза посмотрела испуганными глазами на своих друзей.

— Мы ничего не можем противопоставить этой армии,— сказала она.— Мы снова должны отступить, а потом?..

— Нет,— сказала принцесса Тайаратука,— нам нет нужды отступать.— Она стояла, опершись на меч, который по высоте не уступал ей самой, но тем не менее она обращалась с ним изящно, словно она была одно с этим мечом.

С такой же небрежностью обращались со своими мечами и ее сестры.

— Неужели эти мечи достаточно сильны, чтобы сражаться с Хаосом? — Уэлдрейк первым задал этот вопрос.— Бог ты мой, ваши величества, теперь я понимаю, как старые стихи оказывают плохую услугу истинной ценности эпоса. Я всегда об этом говорю, когда меня обвиняют в том, что мое воображение разыгралось сверх всякой меры! Я не могу начать описывать то, что и в самом деле происходит. То, что я вижу *на самом деле*.— Голос его от возбуждения срывался.— Что в *реальности* представляет собой мир вокруг нас. Будем ли мы наконец сражаться с Хаосом?

— Ты должен остаться здесь с матушкой Пфатт,— сказала Чарион.— Это твой долг, мой дорогой.

— Ты тоже должна остаться, дорогое дитя! — взволнованно воскликнул Фаллогард Пфатт.— Ты — не воин! Ты — ясновидящая.

— Теперь я и то и другое, дядя,— твердо сказала она.— У меня нет никакого особого меча, но есть мой незаурядный здравый смысл, который дает мне значительные преимущества против большинства моих противников. Я многому научилась,

дядя, пока была на службе у Гейнора Проклятого! Прошу вас, дамы, позвольте мне идти с вами.

— Хорошо,— сказала принцесса Мишигуйа.— Ты прекрасно подходишь для того, чтобы сражаться с Хаосом. Ты можешь идти с нами.

— Я тоже пойду с вами,— сказала Роза.— Мои способности к магии исчерпаны, но я много раз сражалась с Хаосом и, как вам известно, осталась в живых. Позвольте мне взять с собой в сражение мой Быстрый Шип и мой Малый Шип. Потому что, если нам суждено умереть, я предпочла бы погибнуть, исполняя свой долг.

— Пусть будет так,— сказала принцесса Шануг'а, вопросительно взглянув на своего соплеменника.— Пять мечей против Хаоса или шесть?

Элрик продолжал смотреть на ужасающую армию, в которой словно бы воплотилось все непристойное, злобное, жестокое, алчное, что есть в человеческой расе. Его передернуло, и он отвернулся.

— Конечно, шесть. Но чтобы победить их, нам потребуются все наши силы. Я подозреваю, что здесь мы не видим всего, посланного против нас Хаосом. Но и я тоже использовал еще не все...

Он поднес руку в кольчужной рукавице к губам, размышляя о том, что ему только что пришло в голову.

Потом он сказал:

— Остальные могут оставаться здесь и бежать в случае опасности. Я вручаю твоим, господин Уэлдрейк, заботам матушку Пфатт и Коропита Пфатта, а также Фаллогарда...

— Но, мой господин, я вполне способен и сам...— начал было этот неряшливый идеалист.

— Я ни в коем случае не ставлю под сомнения твои способности,— сказал Элрик,— но у тебя нет опыта в таких делах. Ты должен быть готов к бегству, поскольку у тебя нет средств защитить себя или своих близких. Твои способности помогут тебе найти путь для бегства, прежде чем Хаос обнаружит тебя. Послушайся меня, господин Пфатт: если ты увидишь, что мы терпим поражение, ты должен будешь бежать

из этого мира! Используй все свои возможности, чтобы найти средства для побега... И возьми с собой остальных.

— Я никуда не побегу, если Чарион останется здесь,— твердо сказал Уэлдрейк.

— Ты должен это сделать. Ради нас всех,— сказала Чарион.— Ты будешь нужен дяде Фаллогарду.

Но по поведению Уэлдрейка было ясно, что он принял решение на сей счет и не собирается его менять.

— Лошади для нас готовы — они внизу, в конюшне,— сказала принцесса Тайаратука.— Шесть лошадей из меди и серебра, как того требует сплетенная нами материя рун.

Уэлдрейк смотрел, как уходят его друзья. Та часть его «я», которая не нравилась ему, была благодарна за то, что ему не нужно идти с ними и сражаться с таким жутким врагом. Другая его часть рвалась в бой вместе с ними, жаждала принять участие в этой космической схватке, а не просто быть ее летописцем...

Чуть позднее, когда он стоял, опершись на перила балкона, и смотрел за медленным, жутким продвижением этой злобной, жестокой силы, уничтожающей все на своем пути и почти не получающей удовольствия от причиняемых ею разрушений, внизу в тени утеса мелькнули шесть фигур на гнедых с серебряными гривами лошадях — они без колебаний направились в кристаллический лес. Элрик, три сестры, Чарион Пфатт и Роза, прямо сидевшие в седлах, бок о бок поскакали навстречу битве с этим жестоким и коварным злом, навстречу битве за само свое будущее, за свою историю, за память о том, что они когда-то существовали в этой огромной мультивселенной...

Видя это, Уэлдрейк отложил свое легкое перо. Он не стал сочинять величественную поэму о подвиге этих шестерых отважных всадников, вместо этого он принялся страстно молиться за жизнь и души своих дорогих друзей.

Гордость за товарищей вместе со страхом за них лишили маленького поэта дара речи.

Он видел, как Роза отделилась от товарищей и поскакала впереди. Наконец она оказалась всего в нескольких ярдах от первых раскачивающихся паланкинов этих огромных боевых

животных, которые являли собой наполовину млекопитающих, наполовину рептилий. Именно таких постоянно использовал Хаос в своих сражениях. Они, учуяв что-то, поворачивали к ней свои глупые головы, их губы и ноздри поблескивали лимфатической жидкостью, которая капала из отверстий в их телах, оставляя склизкий след, по которому шли за ними другие. Они уже чуяли это чуждое им тело, к которому еще не прикоснулся Хаос, не искалечил его своей жестокой и небрежной изобретательностью.

Потом из переднего паланкина, увешанного человеческой кожей и другими чудовищными трофеями, высунулась голова и бросила взгляд на Розу, скачущую впереди.

Уэлдрейк сразу же узнал этот шлем.

Он принадлежал Гейнору, бывшему слуге Равновесия.

Ищущий смерти Гейнор прибыл лично, чтобы насладиться зрелищем агонии самых сильных своих врагов.

Глава четвертая

БИТВА В КРИСТАЛЛИЧЕСКОМ ЛЕСУ: ВОЗРОЖДЕННЫЙ ХАОС. ПЛЕТЕНАЯ ЖЕНЩИНА. НА КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ БЫЛ

— Принц Гейнор,— сказала Роза,— ты со своими воинами вторгся на эту землю.— Говорила она официальным тоном, в котором тем не менее звучало нескрываемое раздражение.— Мы приказываем тебе убраться отсюда. Мы здесь для того, чтобы изгнать Хаос из этого мира.

Гейнор холодно ответил:

— Прекрасная Роза, увидев, насколько велики наши силы, ты совсем потеряла разум. Ты должна прекратить всякое сопротивление, моя госпожа. Мы пришли сюда, чтобы навечно установить здесь власть Гейнора. Мы предлагаем тебе милосердие мгновенной смерти.

— Это милосердие — ложь,— сказала Чарион Пфатт с седла своей среброгривой лошади, стоявшей в ряду с другими.— Все твои слова — ложь. А если что и не ложь, то чистой воды тщеславие.

Таинственный шлем Гейнора медленно повернулся в сторону молодой женщины. Проклятый принц издал низкий самоуверенный смешок.

— Твоя смелость так наивна, дитя. Но она ни в коей мере не достаточна для оказания сопротивления той силе, что находится во власти Хаоса. Что находится в моей власти.

В голосе Гейнора слышались какие-то новые нотки, какая-то новая уверенность, и Элрик с беспокойством подумал о том, что может стоять за этим. Гейнор, казалось, верил, что его положение неуязвимо. Неужели за его спиной стояли еще какие-то Владыки Хаоса? Может быть, предстоящее сражение — начало великой войны между Законом и Хаосом, той самой войны, о наступлении которой на протяжении последних столетий так много говорили оракулы?

Элрик, увидев, как Роза приподнялась в седле и извлекла свой меч — Быстрый Шип, не мог не восхититься самообладанием этой женщины; ведь она стояла перед тем, кто предал ее и был причиной мучительной смерти всех ее соплеменников. Она стояла перед ним, но никак не демонстрировала своего презрения, своей ненависти к нему. И все же два раза он одержал верх над нею, хотя дело и не дошло до окончательного поражения, и это она давала ему понять теперь. Может быть, воспоминания об этих победах и были причиной его нынешней бравады? Может быть, он пытался убедить противника, что в его распоряжении гораздо больше силы, чем на самом деле?

Роза поскакала к своим товарищам, крикнув ему:

— Узнай, Гейнор Проклятый: то, чего ты страшишься больше всего, и ждет тебя после этого дня. Это я тебе обещаю.

В смехе, которым ответил Гейнор, не было ни грана веселости, одна лишь угроза.

— Нет такого наказания, которого я бы боялся, моя госпожа. Разве ты этого еще не знаешь? Поскольку роскошь смерти мне не разрешена, то я сам ищу ее, увлекая за собой миллионы. Каждая смерть, причиной которой я становлюсь, утешает меня на мгновение. Вместо меня умрешь ты. Вместо меня умрете все вы. Умрете ради меня.— Голос его ласкал, слова

его, словно улещивающая длань персонифицированного зла, любовно гладили ее спину.— Ради *меня,* госпожа.

Заняв свое место рядом с другими, Роза спокойным взглядом уставилась на шлем Гейнора, который испускал огонь и дым от мириад чувств, мучивших Проклятого принца. Роза сказала ему:

— Никто из нас не умрет, принц Гейнор. И уж никак не умрет ради тебя.

— Ах вы, мои заменители в смерти! — воскликнул Гейнор, рассмеявшись еще раз.— Мои жертвы! Идите навстречу своей окончательной смерти! Идите! Вы не понимаете, что я ваш благодетель!

Шестерка — с Элриком и Розой чуть впереди — уже скакала по мерцающему, звенящему лесу. Они держали свои мечи наготове, их гнедые среброгривые кони, выращенные в далекие века для войны и перенесенные сюда из некоего варварского царства сестрами, неслись вперед в предвкушении битвы. Их тяжелые упряжи бряцали в унисон с ломающимися ветвями кристаллических деревьев, их огромные головы нетерпеливо кивали, их ноздри раздувались, чуя запах крови, которая должна пролиться, они закатывали глаза, предчувствуя битву — ведь для этого-то они и были созданы и жили в полной мере лишь в самой гуще жестокой бойни.

Элрик с удовольствием ощущал под собой такого выращенного для войн жеребца, он понимал безумное упоение этих коней битвой. Он тоже знал эту ни на что не похожую радость, когда все твои чувства напряжены, когда ты весь — один сплошной нерв, когда жизнь представляется тебе желанной, а смерть — ужасающей, как никогда. Но в то же время он знал, что нельзя идти на поводу у этого ложного чувства, если не хочешь потерять себя в бездумном кровопролитии. Уже не в первый раз спрашивал он себя: неужели его судьба в том и состоит, чтобы выискивать такие вот сражения, словно и он, как и их кони, был специально выращен для такой судьбы? Хотя он и ненавидел захватывающие ощущения битвы, но с готовностью предавался им и, как только первые существа Хаоса оказались в пределах досягаемости его меча, отдался этому чувству.

Уэлдрейк, наблюдавший за происходящим с балкона, видел, как шестерка наступает на силы Хаоса, и ему показалось, что сейчас эти храбрецы будут уничтожены. Уже одного размера этих порождений Хаоса, их массы и чудовищной силы было достаточно, чтобы за мгновения раздавить шестерых бойцов.

Громадный столб колеблющегося света озарил всадников, которые сошлись с огромными чудищами, неумолимо надвигавшимися по мерцающему лесу. Уэлдрейк видел, как шесть клинков засверкали среди этой неуклюжей массы тел, конечностей, разверстых пастей. По темному сиянию он узнал Буревестника, два меча испускали обычный металлический блеск, один светился беловатым цветом слоновой кости, еще один сероватым — гранита, третий теплым светом древнего золота. Ослепленный мерцанием кристаллического леса, Уэлдрейк потерял на некоторое время мечи из виду, а когда зрение вернулось к нему, был поражен увиденным.

Четыре монстра агонизировали на сверкающих кристаллах, они с ревом перекатывались на спинах, давя паланкины.

Уэлдрейк увидел возбужденную фигуру Гейнора — этот разгневанный живой металл ринулся в гущу своей армии, чтобы оседлать там другую подобную тварь. Он в своей руке, облаченной в боевую рукавицу, держал меч, излучавший черное и желтое сияние. Этот клинок, казалось, метался между измерениями, хотя Проклятый и держал его крепко.

И тогда Уэлдрейк догадался, что не только три сестры плели великую руну и прибегали к другому могущественному колдовству,— меч в руке Гейнора был не похож ни на одно оружие, каким Проклятый владел прежде.

Повсюду чудища Хаоса падали перед узкой полосой света, которая врезалась в их ряды и косила их, как коса — пшеницу.

Элрик прикрыл глаза ладонью, чтобы видеть сквозь ослепляющие многоцветные лучи, испускаемые кристаллами и каким-то ужасным образом отражающие всю красоту мультивселенной. Он рубил своим огромным черным мечом направо и налево, встречая лишь слабое сопротивление,— изголодавшийся Буревестник с легкостью брал жизни и души этих чу-

довищных полузверей, которые прежде, до того как продали свои несчастные жизни Хаосу, были мужчинами и женщинами.

В этой резне не было удовлетворения, хотя сам факт сражения и приносил ему радостное чувство. Каждый из тех, кто сражался рядом с Элриком, понимал, что если бы не случай и не их твердость в достижении цели, то и они могли бы оказаться в этой армии проклятых душ — ведь Хаос не тот хозяин, которого с радостью сами выбирают себе смертные.

Но они должны были убивать, потому что иначе пали бы сами. Или стали бы свидетелями того, как целое царство погибло бы, покоренное Хаосом, который покорял мир за миром, чтобы окончательно и повсеместно утвердить свою победу.

С изяществом танцоров, с точностью хирургов, с печалью во взглядах три сестры, эти убийцы против воли, присоединились к сражению с теми, кто уже уничтожил большую часть их соплеменников.

Чарион Пфатт спешилась — ей показалось, что ее конь слишком медлителен,— и теперь носилась между чудовищами Хаоса, поражая их своим мечом в самые уязвимые места. Ее мистические способности позволяли ей предвидеть нападение и избегать опасности. Ее движения, как и движения сестер, были экономны и эффективны, и удовольствия от убийства она не получала.

Только Роза разделяла частично радость Элрика, потому что она, как и он, была воспитана для битвы — хотя ее враги и не походили на тех, с которыми сражался Элрик. Быстрый Шип поражал незащищенные органы ее противников, этих полулюдей, а быстрота и точность были основными защитниками Розы. Она направляла своего гнедого среброгривого коня в самую гущу армии Хаоса и так точно поражала цель, что монстры валились один на другого, суча в агонии тяжелыми лапами и таким образом убивая больше себе подобных, чем убивал противник.

С губ Элрика срывалась безумная боевая песня его предков. Он двигался за Розой в самый центр вражеской армии, а меч подпитывал его энергией, которой сам напитался уже

сверх всякой меры, и скоро глаза Элрика горели почти так же, как глаза Гейнора, отчего казалось, будто альбиноса сжигает адское пламя.

А Уэлдрейк с изумлением взирал, как шесть тонких игл сверкают среди этой бойни, он видел, что половина казавшейся непобедимой армии Хаоса пала, и масса разорванной плоти, чудовищных конечностей и не менее чудовищных голов корчится в муках нечестивой смерти.

По всему этому мясу, отталкивая тянущиеся к нему в мольбе когти и заклинающие лица, погружая свои стальные каблуки в вопящие рты и агонизирующие глаза, опираясь на все, что подворачивалось — отрубленную ли конечность, орган, кость, кусок плоти,— пробирался Гейнор Проклятый. Его светящиеся доспехи с гербом Хаоса были забрызганы кровью и потрохами его разбитой армии. Черно-желтый меч дергался и вибрировал в руке принца, словно живой флаг, а губы его шептали имена, имена — которые стали проклятиями, имена, которые стали синонимами всего, что он ненавидел, страшился и страстно желал...

Но эта ненависть находила выражение в беспорядочном и разрушительном насилии, в уничтожении; страх проявлялся в стремительнейших формах буйной агрессии; желание его было так сильно, и оно так долго — целую вечность — не находило выхода, что Гейнор ненавидел его лютой ненавистью как в себе самом, так и в других существах, встречавшихся на его пути.

И в первую очередь эта лютая ненависть Гейнора была направлена против Элрика из Мелнибонэ, который вполне мог бы быть его вторым «я», космическим оппонентом, который выбирал не самые легкие, а самые трудные пути. Ведь Элрик вполне мог стать тем, чем был когда-то Гейнор Проклятый и чем он никогда уже не станет.

В эти мгновения Гейнор был так насыщен воздухом Хаоса, что и сам превратился в полуживотное. Он рычал и визжал, перебираясь через тела своих мертвых воинов, он производил жуткие бессмысленные звуки, он ронял слюну, словно уже вкусил больной крови Элрика.

— Элрик! Элрик из Мелнибонэ! Сейчас я отправлю тебя в вечное рабство к твоему изгнанному хозяину! Элрик! Ариох ждет тебя... Я в знак примирения предлагаю ему душу его взбунтовавшегося раба...

Но Элрик не слышал своего врага. В его ушах звенела древняя боевая песня, он был целиком сосредоточен на противостоящих ему монстрах, которых убивал одного за другим, забирая их души себе.

Он не посвящал эти души Ариоху, потому что Ариох оказался слишком переменчивым покровителем и, как стало ясно, не имел власти в этом царстве. То, что осталось от Эсберна Снара, понесло Ариоха через все измерения в его собственное царство, где он должен был восстановить силы и сплести новые заговоры в своем вечном соперничестве с другими Владыками Хаоса.

Где-то рядом продолжали свое хирургическое избиение Чарион Пфатт и Роза, а мечи-сестры Буревестника, напевавшие свою сладкозвучную нездешнюю песню, были точны и опасны, как и три сестры, в чьих руках они находились. Прежде у Элрика никогда не было таких равных ему смертных товарищей. Он чувствовал их поблизости, и это наполняло его гордостью, а его упоение боем становилось еще исступленнее, по мере того как он продолжал свое колдовское истребление врага. И тут ему показалось, что он среди этого кровавого неистовства услышал, как кто-то назвал его имя.

Два воина Хаоса с доспехами, усеянными шипами и укрывавшими, подобно панцирям, часть их тела, напали на него одновременно, но оказались слишком медлительными для Элрика и его адского меча — их головы отлетели, как чурбаки, и одна из них шипом попала в глаз воина из следующей наступавшей на Элрика пары, отчего оба потеряли ориентацию и прикончили друг друга. Элрик тем временем подскакал к другой наступающей полурептилии, которая взгромоздилась на тело убитого товарища и пыталась атаковать Розу оттуда. Двумя точными ударами Элрик перерубил связки этой твари, отчего та рухнула на другие тела, рыча в бессильном гневе и безумном удивлении, с каким осознала собственную уязвимость.

Но знакомый звук этого слабого голоса становился все настойчивей...

— Элрик! Элрик! Хаос ждет тебя, Элрик! — Высокий страстный звук; мстительный вой ветра.

— Элрик! Скоро мы все станем свидетелями краха твоего оптимизма!

Вверх по горе нарубленного мяса Хаоса устремляется Элрик на своем боевом жеребце, оценивая результаты битвы...

Уэлдрейк со своего балкона увидел, как конь Элрика взбирается на этот холм из груды тел, увидел Черный Меч в облаченной в боевую рукавицу правой руке, увидел левую руку на фоне лучей, посылаемых во всех направлениях разломленными кристаллическими ветвями. Головокружительная смесь цвета и света придавала перспективу всей этой сцене, и Уэлдрейк увидел то, что не было видно Элрику, и взмолился снова...

Гейнор крался по груде уже начавших гнить тел, его доспехи почти полностью были забрызганы кровью, заляпаны останками его воинов. Он продолжал нашептывать имя Элрика, он был одержим одной лишь мыслью о мести.

— Элрик!

Тонкий звук, словно предупреждающий крик далекой птицы, и Элрик узнал голос Чарион Пфатт.

— Элрик, он уже рядом. Я чувствую его. У него больше силы, чем мы думали. Ты должен его каким-нибудь образом уничтожить. Или он уничтожит нас всех!

— ЭЛРИК! — В возгласе слышалось удовлетворение.

Гейнор пробрался наконец через груду мертвых тел и встал, глядя неподвижным взором на своего заклятого врага. В его руке сверкал черно-желтый зазубренный меч, похожий на лаву, вырвавшуюся из жерла вулкана.

— Я не думал, что мне сегодня понадобится эта моя новая сила. Но, видать, ошибался. Вот я, а вот — ты!

С этими словами Гейнор бросился на Элрика, но альбинос легко отбил его атаку Буревестником. Гейнор на это, к удивлению Элрика, только рассмеялся и на некоторое время застыл в позе своего несостоявшегося удара. И тут альбинос, поняв, что происходит, попытался отвести назад свой меч, извлечь его из присосавшегося к нему вражеского клинка, который словно выпивал из него жизнь. Элрик слышал о мечах, которые питались энергией других мечей, подобных Буревестнику. Эти мечи-паразиты были выкованы из неземного железа, обладавшего мистической силой.

— Кажется, ты прибег к очередному бесчестному колдовству, принц Гейнор.— Элрик знал, что в его мече все еще остается немало силы, но не мог рисковать, боясь растерять ее всю.

— Честь не принадлежит к моим достоинствам! — Гейнор говорил чуть ли не насмешливо, делая ложные выпады черно-желтым мечом-паразитом.— Но если бы я и числил ее среди своих прочих качеств, то я бы сказал, что тебе, принц Элрик, недостает смелости предстать перед врагом лицом к лицу, чтобы у каждого был меч, соответствующий его нуждам. Разве мы сражаемся не на равных, владыка руин?

— Может быть, может быть,— сказал Элрик, надеясь, что сестры поймут всю трудность положения, в котором они оказались. Он умело сделал ложный выпад, чуть отведя своего коня в сторону.

— Так ты боишься меня, Элрик? Ты боишься смерти?

— Не смерти,— ответил Элрик.— Не обычной смерти, которая всего лишь переход...

— А как насчет смерти, которая становится внезапным и вечным небытием?

— Я не страшусь ее,— сказал альбинос.— Хотя и не желаю ее.

— Как тебе известно, ее желаю я!

— Да, принц Гейнор. Но тебе она не дозволена. Ты никогда не получишь такого легкого освобождения.

— Может быть.— Гейнор Проклятый явно не желал говорить об этом. Он бросил взгляд назад через плечо и усмехнулся, увидев, что к ним скачет принцесса Тайаратука, а ее сестры и две другие женщины продолжают избиение тварей Ха-

оса.— Неужели в мультивселенной нет ничего постоянного, спрашиваю я себя. Неужели Равновесие — не более чем приятная безделушка, какой смертные утешают себя, надеясь на какой-то порядок? У нас нет никаких свидетельств этого.

— Мы можем создать такие свидетельства,— тихо сказал Элрик.— Это в наших силах. Мы можем создать порядок, справедливость, гармонию...

— Ты слишком много морализируешь. Это признак неуравновешенного ума. У тебя больная совесть.

— Мне не требуется снисходительности от таких, как ты, Гейнор.— Элрик сделал вид, что расслабился, придав лицу несерьезное выражение.— Совесть — это не всегда бремя.

— И это говоришь ты, убийца соплеменников и невесты? Разве можно питать что-то иное, кроме отвращения, к такой личности, как твоя?

Гейнор делал выпады словами, как своим мечом: и то и другое имело целью выбить альбиноса из колеи, лишить его веры в собственные силы, воли к жизни.

— Негодяев я убил больше, чем невиновных,— уверенно сказал Элрик, хотя ему и было ясно, что Гейнор знает, как ударить его побольнее.— Единственное, о чем я жалею, это о том, что не имел удовольствия прикончить тебя, несостоявшийся слуга Равновесия.

— Не заблуждайся на сей счет, Элрик: удовольствие это будет взаимным,— сказал Гейнор и нанес удар.

Элрику пришлось защищаться. И опять энергия из его меча была отобрана огромным глотком космической силы, отчего черно-желтый меч запульсировал грязноватым светом.

Элрик, не будучи готов встретиться с такой силой Гейнорова меча, отступил назад и чуть не был выбит из седла. Рунный меч без всякой пользы повис у него на запястье. Альбинос выровнялся в седле; хватая ртом воздух, он видел, что они в считанные мгновения теряют все завоеванное ими. Он увидел, что к ним приближается принцесса Тайаратука, и прохрипел ей, чтобы она бежала прочь, в любом случае избегая меча Гейнора, потому что теперь он был в два раза сильнее, чем вначале.

Но принцесса не слышала его. С изяществом, благодаря которому она казалась почти воздушной, надвигалась она на Гейнора Проклятого, золотой меч сверкал в ее правой руке, ее черные волосы развевались на ветру, ее фиолетовые глаза светились предчувствием возмездия Гейнору...

И опять Гейнор блокировал ее удар. И опять он рассмеялся. И опять принцесса Тайаратука с удивлением почувствовала, как энергия покидает и ее и меч.

Потом, чуть ли не небрежным движением, Гейнор вышиб ее из седла рукояткой своего меча, и она беспомощно упала на мертвую плоть и кости, а Гейнор вскочил на ее коня и поскакал туда, где сражались остальные, еще не зная о грозящей им опасности.

Принцесса Тайаратука подняла глаза на Элрика, который пытался выровняться в седле.

— Элрик, ты не знаешь никакого колдовства, чтобы спасти нас?

Элрик судорожно пытался вспомнить, что он читал в старых фолиантах, пытался вспомнить заклинания и слова, которые он заучивал ребенком, но ни одна из приходивших ему в голову мелодий не обладала необходимой силой...

— Элрик,— хриплым шепотом проговорила Тайаратука,— смотри, Гейнор выбил из седла Шануг'у — конь ее скачет без всадника... а теперь упала и Мишигуйа... Элрик, мы проиграли! Мы проиграли, невзирая на все наше колдовство!

И тут Элрику смутно припомнился древний союз его народа с некими сверхъестественными существами, помогавшими им при основании Мелнибонэ, но вспомнил он только их название...

— Плетеная женщина,— хрипло пробормотал он сухими губами. Ему казалось, что все его тело лишилось плоти и любое его движение разорвет его на десятки частей.— Роза знает...

— Вставай,— сказала Тайаратука, поднимаясь на ноги и цепляясь за уздечку своего коня.— Мы должны сказать им...

Но Элрику нечего было говорить, только воспоминание о воспоминании; был некогда в древности договор с каким-то природным духом, который не подчинялся ни Закону, ни Хаосу; мучительный намек на заклинание, какой-нибудь напев,

который он выучил еще ребенком, упражняясь в призывании сверхъестественных сил...

«Плетеная женщина».

Он не мог вспомнить, кто она такая.

Гейнор снова исчез — направился в гущу своей армии в поисках Чарион Пфатт и Розы, ведь теперь он был вооружен мечом в четыре раза более мощным, чем те, что противостояли ему, и он желал испытать свое оружие на обычной смертной плоти.

Уэлдрейк продолжал наблюдать и молиться, он все видел со своего балкона. Он видел, как принцесса Тайаратука вложила в ножны свой меч и повела коня Элрика туда, где стояли ее сестры, позы которых тоже свидетельствовали об их крайней усталости. Их кони ускакали по следам Гейнора.

Но Гейнор еще не нашел Розы, да и Чарион Пфатт, легко ускользнувшая от него, как уличный мальчишка на рынке от погони, вернулась к другим и оживленно говорила что-то лежащему на земле альбиносу...

Потом из-за горы тел появилась Роза; оценив ситуацию, в которой находятся ее друзья, она сразу же спешилась.

Потом и она опустилась на колени рядом с альбиносом и взяла его за руку...

— Есть одно заклинание,— сказал Элрик.— Я пытаюсь его вспомнить. Возможно, мне это удастся. Оно касается тебя, Роза, или кого-то из твоего народа.

— Все мои соплеменники, кроме меня, мертвы,— сказала Роза. Ее мягкая розоватая кожа разрумянилась в пылу сражения.— И мне кажется, что и я должна умереть.

— Нет! — Элрик с трудом поднялся на ноги. Он крепко держал рукоятку своего меча, а его конь нервно перебирал ногами, не понимая, почему он не может и дальше участвовать в схватке.— Ты должна помочь мне. Там что-то говорится о женщине, о Плетеной женщине...

Это имя было ей знакомо.

— Я знаю только вот это.— Нахмурив брови, она прочла на память несколько стихотворных строчек:

В дни, когда плелась впервые мира ткань,
В годы до начала времени, когда
Закон надменный с Хаосом лихим не враждовал,—
Жило существо из плоти и листвы,
Что мир стремилось вновь сплести
И свить цветочную постель —
Из куманики колыбель;
В ней песнь шиповника пропеть,
Чтоб дочь родить, и в танце рос
Колючий чтоб ребенок рос —
Прекраснейшей из роз.

Это написал Уэлдрейк. В юности, как он говорит.

И тут она поняла, что неведомым для себя образом сумела сообщить что-то бледнолицему властелину, потому что губы Элрика начали двигаться, а взгляд его устремился вверх в поисках иных миров, недоступных другим. С его губ стали срываться странные музыкальные звуки, даже три сестры не в состоянии были понять, что он говорит, потому что говорил он не на земном языке. Он говорил на языке темной глины и переплетающихся корней, старых гнезд в зарослях куманики, где, согласно легенде, когда-то резвились дикие вадаги, играли и рожали странных детей, частично состоявших из плоти, а частично из древесины, народ леса и забытых садов. Когда он сбивался, к нему в его песне присоединялась Роза, певшая на языке народа, к которому она не принадлежала, но чьи предки смешались с ее предками и чья кровь сегодня текла в ее жилах.

Они пели вместе, посылая свою песню через все измерения множественной вселенной туда, где спящее существо зашевелилось и подняло руки, сплетенные из миллионов кустов куманики, и повернуло лицо из розового дерева, повернуло его в направлении песни, которой оно не слышало сто тысяч лет. Песня словно воскресила это существо, придала какой-то смысл его жизни в тот момент, когда оно уже собралось умирать. И вот, словно по прихоти, как бы из любопытства, Плетеная женщина стала приподнимать свое куманиковое тело — каждую из своих рук, ног, голов, а потом с шуршанием, производимым ее лиственной оболочкой, она приняла форму, очень похожую на человеческую, хотя и гораздо крупнее.

Потом она небрежно сделала шаг сквозь время и пространство, которых еще не было, когда она улеглась спать, и оказалась в зловонной трясине гниющей плоти и костей, и это не понравилось ей. Но тут она почувствовала другой запах, в котором было что-то от нее самой, и она опустила свою массивную плетеную голову, голову из плотных шиповатых ветвей, глаза которой были вовсе не глазами, а цветами и листьями, потом она открыла свои шиповниковые губы и голосом таким низким, что от его звука сотряслась земля, спросила, для чего ее дочь вызвала ее.

На это Роза ответила на том же языке, а Элрик продолжал петь ей свою песню на мотив, который вызывал у нее отклик. Казалось, что она теснее сжала свои ветви и сурово взглянула на Гейнора и остатки наступающей армии Хаоса, которая остановилась при виде ее.

Сестры взялись за руки, они соединились и с Чарион, Элриком и Розой, они крепко держались друг за друга, чтобы обеспечить свою безопасность и усилить свою энергию, с помощью которой они общались с примитивной душой Плетеной женщины, направляли ее, и она согнулась и протянула свою состоящую из множества ветвей руку к Гейнору, который едва успел улизнуть, дав шпоры коню. Он проскакал под нею, без пользы хлестнув мечом по ее дереву, энергия которого была особого свойства — ее невозможно было украсть, так же как невозможно было оружием смертных повредить эту деревянную плоть, и на дереве от удара образовалась лишь едва заметная царапина, которая тут же затянулась.

И со спокойной медлительностью, словно она выполняла какую-то неприятную работу по дому, Плетеная женщина вытянула свои длинные пальцы, пронзая ими наступающие ряды Хаоса. Она не замечала ударов мечей и пик, их уколов и тычков. Она обхватила их своими пальцами, оплела, окрутила — все воины Хаоса, все его твари, еще остававшиеся в живых, оказались в ее куманиковой горсти.

Только одному удалось бежать — он мчался прочь от кровавых кристаллов этого поля боя, нахлестывая коня своим пресыщенным паразитом-мечом.

Плетеная женщина протянула тонкие щупальца к убегающему Гейнору, но в них почти не было силы — ее хватило только на то, чтобы тонкой зеленой веткой выбить меч из его руки, торжественно поднять его и зашвырнуть в лесную чащу, где сразу же возникла черная лужа, превращая окружающие кристаллы в уголь.

Когда меч-паразит исчез, они услышали яростные вопли Гейнора, который погонял своего потного жеребца вверх по склону холма, а потом, перевалив за его гребень, исчез из виду.

Плетеная женщина потеряла интерес к Гейнору. Она медленно освободила свою куманиковую руку от кровавых тел, нанизанных на шипы, от плоти, из которой была выдавлена жизнь,— ее жертвы встретили куда как более чистую смерть, чем та, которую предлагал им Элрик.

И Элрик наконец сел в седло. Остальные отвернулись, чтобы не видеть, как он добивает раненых, давая своему мечу возможность вновь набрать энергию. Элрик был исполнен решимости найти и наказать Гейнора за все зло, что он причинил. Он обходил эти еще живые тела, не обращая внимания на их вопли о пощаде.

— Я должен взять у вас то, что ваш хозяин взял у нас,— сказал он. И в этом убийстве не было ни чести, ни достоинства. Он делал только то, что было необходимо.

Когда он вернулся к своим товарищам, Плетеной женщины уже не было — она исчезла, взяв причитающуюся ей плату; все враги были повержены и мертвы.

— Армия Хаоса побеждена,— сказала принцесса Шануг'а.— Но Хаос не изгнан из нашего царства. У Гейнора здесь еще есть немалая сила. Он скоро снова выступит против нас.— Она вернула себе своего коня.

— Мы не должны позволить ему сделать это,— сказала Роза, отирая Быстрый Шип о свою атласную накидку.— Мы должны изгнать его назад в Ад, чтобы он больше никогда не смог угрожать вашему царству.

— Это верно,— сказал Элрик, одолеваемый собственными тяжелыми мыслями.— Мы должны загнать зверя назад в его нору и заточить его там, если его нельзя убить. Ты можешь найти дорогу к нему, Чарион Пфатт?

— Могу,— сказала она. У нее было несколько незначительных ран, и другие помогли ей забинтовать их, но в ее движениях присутствовала какая-то бесконечная радость, словно она все еще не могла прийти в себя после своего неожиданного спасения.— Он, вне всякого сомнения, вернулся на Корабль, Который Был.

— Это его цитадель...— пробормотала Роза.

— Там его силы должны быть особенно велики,— сказала принцесса Мишигуйа, устраиваясь в седле.

— Да, там он, несомненно, силен,— согласилась Чарион Пфатт, сдвинув брови,— гораздо сильнее, чем был здесь, на поле боя. Но я так до конца и не понимаю, почему он не воспользовался здесь всем, что было в его распоряжении.

— Возможно, он ждет нас,— сказал Элрик.— Возможно, он знает, что мы придем...

— Мы должны идти туда и вернуть сокровища Розы,— сказала принцесса Тайаратука.— Мы не можем допустить, чтобы принц Гейнор оставил их у себя.

— Верно,— с чувством сказал Элрик, к которому вернулось ощущение тревоги. Он вспомнил, что душа его отца остается во владении Гейнора и что очень скоро Ариох или какой-нибудь другой Владыка Хаоса постарается прибрать ее к рукам, а тогда она устремится к Элрику и спрячется в нем, и отец и сын таким образом воссоединятся навеки.

Элрик стянул черные кольчужные рукавицы и приложил ладони к мощному крупу коня, но ничто не могло изгнать холод, который проник во все его существо.

— А как быть с остальными? — спросила Чарион.— С моим дядей и бабушкой, с моим кузеном и женихом? Я думаю, их надо успокоить.

Они медленно поехали в город-пещеру, оставили в конюшне лошадей и стали подниматься по бесчисленным ступенькам и переходам, спрятанным в стенах. Наконец они добрались до балкона, где оставили всех, но нашли там только Уэлдрейка.

Он был в отчаянии. Его глаза были полны слез. Он обнял Чарион Пфатт, но это был жест утешения, а не радости.

— Их нет,— сказал он.— Они увидели, что вы проигрываете сражение. Или так им показалось. Фаллогард должен был

позаботиться о матери и сыне. Он не хотел уходить, но я его заставил. У него была возможность. Он мог бы взять с собой и меня, но времени уже не оставалось, к тому же я не хотел.

— Их нет? — переспросила Чарион, отстранившись от него.— Что значит нет, любовь моя?

— Матушка Пфатт открыла то, что она называет «складкой», и они все заползли туда и исчезли в тот самый момент, когда появилась эта огромная спасительная заросль. Но было уже поздно. Они бежали!

— От чего? — в гневе крикнула Чарион Пфатт.— И куда? Неужели нам снова нужно начинать все эти поиски?

— Похоже, что так,— кротко сказал Уэлдрейк.— Если мы собираемся получить благословение твоего дядюшки, как мы того хотели.

— Мы должны найти их,— твердо сказала она.

— Но сначала,— тихо сказала Роза,— мы должны побывать на Корабле, Который Был. Мне нужно выставить маленький счет Гейнору Проклятому и той компании, в которой, как я подозреваю, он находится.

Глава пятая

О ЗАХВАТЕ И ВЫКУПЕ НЕКОТОРЫХ ОККУЛЬТНЫХ АРТЕФАКТОВ: ПЕРЕМЕНЫ В ВЫСШИХ МИРАХ. РОЗА ДОБИВАЕТСЯ ОТМЩЕНИЯ. ДОСТИЖЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА

Маленький отряд остановился, добравшись до утесов. Оставшиеся у них кони, несшие теперь двойной груз, находились на грани полного изнеможения. Однако они нашли Тяжелое море, которое под медленным болезненным небом накатывало свои темные тягучие волны на берег, а потом волокло их обратно. Они посмотрели вниз — на узкий вход в бухту, где море казалось более спокойным. В высоких обсидиановых стенах лежал берег, покрытый необычно окрашенной галькой, состоящей из кусочков кварца и осколков известняка, из полудрагоценных камней и сверкающего кремня.

В бухте на якоре стоял корабль, и Элрик сразу же узнал его. Парус на нем был свернут, а нос слегка погрузился в воду под

тяжестью стоявшей на нем огромной, укрытой парусиной клетки. Корабль Гейнора и его экипаж вновь обрели хозяина. На дальнем конце возвышающейся над морем скалы, которая закрывала от них остальную часть берега, происходило какое-то движение, там виднелась чья-то фигура, а может, и две.

Они уже не торопили лошадей, которые, боясь сорваться вниз, осторожно ступали по скользкой узкой тропе, ведущей с утеса вниз, на берег. Наконец лошади почувствовали под копытами сверкающую гальку — она похрустывала, как лед. Теперь они увидели, что берег простирается далеко за скалы и по нему можно двигаться на лошадях.

Принцесса Тайаратука ехала чуть впереди, за нею — ее сестры, у которых была одна лошадь на двоих, за ними — Роза, потом Элрик и Чарион Пфатт, чью талию обвивали тонкие руки Уэлдрейка. Столь непохожих друг на друга членов этого отряда объединяли общие устремления.

Они обогнули мыс и вышли к Кораблю, Который Был.

Перед ними оказалось самое необычное из поселений, какие доводилось видеть Элрику.

Когда-то оно и в самом деле было кораблем. Кораблем, десятки палуб которого высились друг над другом, образуя огромный плавучий зиккурат, управляемый командой, составленной из громадных нечеловеческих существ. Этот корабль был достоин самого Хаоса. У него были очертания и внешность некой органической субстанции, которая внезапно окаменела, приняв в муках неестественную форму. Здесь и там виднелись какие-то подобия морд, конечностей, туловищ нездешних зверей и птиц, гигантских рыб и существ, являвших собой комбинацию всего этого. И Элрику показалось, что корабль состоит из той же субстанции, что и Тяжелое море, которое было подобно зеленому кварцу, обретшему текучесть; оно швыряло свою пену на эту мрачную полосу берега, по которой двигались мужчины, женщины и дети, облаченные в самые разные одеяния. Туфли на их ногах редко были одинаковыми. Здесь можно было увидеть тряпье и шелка, грязные собольи меха, принадлежавшие какому-нибудь убитому королю, куртки и штаны безымянных моряков, платья и нижнее белье, снятые с утопленников, шляпы, драгоценности, украшения, которыми когда-то мертвецы тешили свое тщеславие. Они ходили взад и вперед среди этих жутких бурунов, среди гниющей плоти и мусора, занесенных сюда приливом, среди отбросов, накопившихся за столетия. Найдя что-нибудь ценное, они неслись к кораблю, который лежал чуть под углом на берегу. Его правый борт зарылся в гальку, левый борт был выворочен, вероятно, ударом обвалившейся мачты.

Этот мертвый корпус был, как паразитами, населен людьми, точно так же мертвое тело какого-нибудь морского чудовища бывает населено червями. Одно их присутствие здесь порочило этот корабль, бесчестило его их убожеством, как кости павшего порочит и бесчестит помет воронья, питающегося гниющей плотью. На корабле постоянно происходило какое-то движение, создавая впечатление кишащей массы, которая не распадается на отдельные составляющие, наделенные своей жизнью, и эта масса не имела ни достоинства, ни уважения, ни чести — она извивалась, корчилась, суетилась, вздорила, дралась, визжала, рычала, скулила и шипела, словно подражая самому этому ужасному морю. Эти существа уже принадлежали Хаосу, но еще не были преобразованы им. Они, несомненно, не имели возможности выбирать себе хозяина, когда Гейнор принес в этот мир знамя графа Машабака. Теперь они были жалкими ничтожествами, у них оставался только их стыд. Они даже не подняли глаз, когда Элрик и его спутники подъехали к громаде Корабля, Который Был.

Они не отвечали на вопросы Элрика. Они не слушали, когда сестры пытались заговорить с ними. Стыд и ужас обуяли их. Они уже оставили всякую надежду, даже надежду на загробную жизнь, поскольку пришли к выводу, что несчастья, доставшиеся на их долю, явно свидетельствуют о том, что вся мультивселенная уже завоевана их мучителями.

— Мы пришли сюда для того, чтобы пленить Гейнора Проклятого и воздать ему по делам его,— сказал наконец Элрик.

Даже это никак не повлияло на них. Они привыкли к обманам Гейнора, к играм, которыми он развлекался, когда на него находила скука и он решал позабавиться их жизнями и чувствами. Для них любое слово было ложью.

Семеро спутников подъехали к некоему подобию разводного моста, вделанному в корпус упавшего корабля, и без колебаний проскакали внутрь, где оказались в жутком переплетении галерей и ходов, где в перегородках виднелись корявые двери, где повсюду висели обрывки сетей и канатов, валялись обломки каких-то приспособлений, сохли обрывки тряпья и потрепанной одежды, плохо выстиранного белья, где были возведены кособокие хибарки, стоявшие нередко на самом краю проломленной палубы. Что-то большое и сильное поразило этот корабль, прикончило его, разорвало все внутренности.

Сквозь иллюминатор с палубы на палубу лился грязноватый неприятный свет, создававший в чреве корабля решето из теней. От этого света еще призрачнее становились обитатели, которые корчились, крались по палубам, кашляли, чихали, хихикали. Их отчаяние было настолько велико, что они не могли смотреть на мир без того, чтобы не увеличить кошмар своего и так невыносимого положения. На палубах Корабля, Который Был они по колено вязли в человеческих экскрементах и всевозможном мусоре, даже для них не представлявшем никакой ценности.

Уэлдрейк приложил руку ко рту и соскочил с коня Чарион.

— Это еще хуже, чем помойки Патни. Я, пожалуй, подожду вас здесь — мне там нечего делать.

К некоторому удивлению Чарион, он вернулся в относительную чистоту темного берега.

— Это правда,— сказала Роза,— ни к каким практическим вещам он не пригоден. А вот его поэтическое вдохновение, когда он настраивается на гармонию мультивселенной, не знает себе равных...

— Это его самое восхитительное качество,— согласилась Чарион с воодушевлением влюбленной, радуясь тому, что ее тайные восторги находят подтверждение в мнениях других людей. Влюбленным всегда приятно слышать такое: это убеждает их в том, что они еще не сошли с ума — чего они зачастую втайне опасаются.

Элрик начал терять терпение, сталкиваясь с этим заговором молчания со стороны отчаявшихся и глухих. Он, сидя в седле ступающего по грязи коня, извлек из ножен меч, и черное сияние Буревестника затопило эти руины, раздалась убийственная песня, словно меч возжаждал души того, кто похищал его энергию.

Вдруг конь встал на дыбы, перебирая передними ногами в затхлом воздухе, и малиновые глаза альбиноса уставились в эти многослойные сумерки, и он выкрикнул имя того, кто доставил ему столько бед, кто создал все это, кто во зло использовал всю имеющуюся у него силу, кто презрел свои обязанности, свой долг, нарушал договоры и предавал не задумываясь.

— Гейнор! Гейнор Проклятый! Гейнор, ты, самая грязная из пешек Ада! Мы пришли воздать тебе за все.

Откуда-то сверху, из помещений, бывших некогда самыми глубинными частями корабля, где царила полная темнота, раздался далекий смешок, который мог производить лишь безлицый шлем.

— Ах, какая риторика, мой дорогой принц! Пустое бахвальство!

Элрик пробирался вверх среди теней, находя путь для себя и своего коня, шел по каютам, которые когда-то были местом отдыха моряков, а сейчас были забиты отходами жизни обитателей. Он разбрасывал в стороны кастрюли с кипящими супами и коптящие свечи, его не беспокоил ущерб, какой он мог нанести кораблю, поскольку он знал, что материал, из которого сработан этот корпус, не горит в огне, разведенном рукой смертного. Следом за ним двигалась Роза, призывавшая сестер и Чарион не отставать от них.

Они перемещались по галереям, в которых царила грязная темнота, где вдруг в трещине вспыхивали на мгновение испуганные глаза или в зловонные дыры запрыгивали сгорбленные фигуры. Они искали хозяина этого сборища отчаявшихся душ, чтобы освободить их от тирании. И Роза вскинула голову и запела чистую, прекрасную песню, которая своей мелодией говорила об утраченной любви, утраченных землях и несостоявшемся отмщении, о твердой решимости положить предел этой несправедливости, этому прискорбному нарушению порядка вещей в мультивселенной. Роза тоже вытащила свой Быстрый Шип и размахивала им как знаменем. А потом и

сестры вытащили мечи — слоновой кости, гранита и золота — и присоединились к двум первым в общем гневе. Только Чарион Пфатт не пела никаких песен. Она была плохой наездницей и потому отстала от других. Иногда она оглядывалась, надеясь, что Уэлдрейк решил последовать за ними.

Наконец они оказались перед створками массивных дверей, на которых была резьба настолько чуждая этому миру, что, каково бы ни было ее содержание, оно оставалось недоступным для смертных. Когда-то эти двери вели в помещение, где обитало то существо, что командовало кораблем. Прежде эта каюта размещалась в чреве судна, а теперь была под самой его крышей, за которой слышался монотонный плеск набегавших на берег тяжелых бурунов.

Снова послышался веселый голос Гейнора:

— Пожалуй, мне стоит вознаградить такую глупость. Я думал о том, как заманить вас сюда, милые принцессы, чтобы показать вам мое маленькое царство, но вы все отказывались. И вот вы явились сами, ведомые любопытством.

— На Корабль, Который Был нас привело не любопытство, принц Гейнор.— Принцесса Шануг'а спешилась с коня, на котором сидела вместе с сестрой, и подошла к одной из тяжелых створок. Она приоткрыла ее настолько, чтобы можно было пройти остальным, которые тоже спешились.— Мы пришли, чтобы покончить с твоим правлением в этом мире!

— Храбрые слова, моя госпожа. Если бы не примитивная земная магия, то вы бы уже были моими рабынями. Но вы так или иначе будете ими, и очень скоро.

Туманный воздух был наполнен горячими неестественными запахами от факелов, свет которых был едва ли ярче, чем слабое мерцание огромных желтых свечей; воск с шипением капал на то, что когда-то было потолком, украшенным тонкой резьбой. Теперь на нем, однако, лежал слой соломы и тряпья. Висевшая повсюду паутина свидетельствовала о том, что здесь обитают огромные пауки, а откуда-то из глубин доносился скрежет, который могли производить только крысы. Но Элрику подумалось, что все это только иллюзия, занавес, который сдвинули для него, потому что в поле его зрения оказались яркие, насыщенные, крутящиеся цвета Хаоса. Он увидел огромную сферу, содержание которой пребывало в постоянном движении, а рядом он разобрал темные очертания Гейнора Проклятого, который стоял перед подобием небольшого алтаря, на который он поместил какие-то небольшие предметы...

— Я так рад вам,— сказал Гейнор. Он пребывал в эйфории, поскольку был уверен, что скоро они признают его власть над собой.— Нет никакой необходимости в этих оскорблениях и вызовах, мои друзья, потому что я, конечно же, могу уладить все наши разногласия! — Шлем пульсировал алым огнем, пронизанным черными прожилками.— Давайте положим конец этому прискорбному насилию и уладим все наши дела, как это подобает умным людям.

— Я уже слышала твои убедительные речи, Гейнор,— презрительно сказала Роза.— Это было, когда ты пытался заставить моих сестер поторговаться за их жизни или их честь. Я не стану торговаться с тобой, как не торговались и они.

— К чему нам эти древние воспоминания, моя госпожа? Я уже давно забыл об этих пустяках. Советую сделать это и тебе. Это было вчера. Я тебе обещаю славное царствование завтра!

— Ты не можешь обещать нам ничего, что бы нас заинтересовало,— сказала Чарион Пфатт.— Твои действия я не могу объяснить, но я знаю, что ты лжешь нам. Ты потерял власть в этом царстве. Те силы, что тебе помогали, оставили тебя. Но ты хочешь вынудить их снова работать на тебя...

В это мгновение огромная пульсирующая эктоплазменная сфера за спиной Гейнора засветилась, засверкала, и на мгновение в ней проявились три гневных глаза, бивни, челюсти, с которых капала слюна, и свирепые когти. И тут Элрик, к своему ужасу, понял, что Машабак не на свободе, что Гейнор каким-то образом заполучил его тюрьму, что он делает вид, будто выполняет приказы графа Машабака, а на самом деле хочет обрести всю власть одного из Владык Хаоса.

Ариох был изгнан из этого мира, его своим последним отважным деянием протащил через измерения Эсберн Снар, а Гейнор оказался куда как смелее, чем кто-либо из них мог предполагать: Гейнор решил, что он должен занять место Ари-

оха и не освобождать своего хозяина. Но хотя он и держал одного из Владык Хаоса пленником, у него не было средств управлять энергией графа в своих собственных целях. Может быть, именно поэтому он и пытался похитить энергию Буревестника и его сестер-мечей?

— Да,— сказал Гейнор, читая мысли своего врага по выражению его лица.— Я планировал получить необходимую мне энергию другими средствами. Но я практически бессмертен, как ты уже, наверное, понял. Впрочем, если хочешь поторговаться, я с удовольствием заключу с тобой сделку.

— У тебя нет ничего такого, что могло бы понадобиться мне, Гейнор,— холодно сказал Элрик.

Но бывший принц Равновесия посмеивался, держа в руках один из предметов, которые он положил на свой алтарь.

— А это тебе разве не нужно, принц Элрик? Разве не это ты ищешь с таким упорством, путешествуя из одного мира в другой? Да еще с таким нетерпением?

Элрик увидел в руках Гейнора ларец из розового дерева, поверхность которого была испещрена изображениями роз. Даже на расстоянии он ощущал чудесный запах. Это был ларец, в котором находилась душа его отца.

Гейнор опять рассмеялся, на сей раз громче.

— Он был похищен одним из твоих предков-колдунов, попал к твоей матери, а потом к твоему отцу, который задумал необычайную хитрость, как только понял, что перед ним. А слуга твоего отца потерял ларец! В Мении он был куплен, кажется, всего за несколько монет. Пиратский аукцион. Я бы сказал, что судьба иронически ухмыльнулась...

И тут Роза внезапно закричала:

— Мы не позволим тебе торговаться с нами из-за этого ларца, Гейнор!

Элрик спрашивал себя, почему она стала агрессивнее, после того как они перешагнули порог этого помещения, словно она готовилась к этому моменту, словно точно знала, что ей придется сказать.

— Но я не могу иначе, моя госпожа, не могу! — Гейнор открыл ларец и извлек оттуда, держа двумя мерцающими пальцами, огромную, пышную кармазинную розу. Казалось, она

срезана всего мгновение назад.— Идеальная роза. Последнее живое существо в твоей стране, если не считать тебя, госпожа. Единственная выжившая после той необыкновенно сладостной победы. Как и ты, госпожа, она пережила все, что приготовил для нее Хаос. До сего дня...

— Она не принадлежит тебе,— сказала принцесса Тайаратука.— Ее дала нам Роза, когда узнала о наших трудностях. Этот цветок тогда принадлежал ей. И мы должны вернуть ей его. Вечная Роза.

— Ничего не поделаешь, моя госпожа, но теперь этот цветок принадлежит мне. И я могу торговаться из-за него, как того пожелаю,— сказал Гейнор, в голосе которого теперь явно слышалось высокомерное нетерпение, словно он разговаривал с ребенком, который никак не мог понять то, что ему объясняют.

— Ты не имеешь прав на эти сокровища,— сказала принцесса Мишигуйа.— Отдай мне шиповниковые кольца, которые я внесла как мою часть общего взноса.

— Но шиповниковые кольца тебе не принадлежат,— сказал Гейнор.— И тебе это прекрасно известно. Все эти сокровища были даны вам во временное пользование, чтобы вы могли перемещаться между мирами и искать Элрика.

— Верни их мне,— сказала Роза, выступая вперед.— Они принадлежали мне, и я была вольна распоряжаться ими по своему желанию. Это последние сокровища моей забытой земли. Я принесла их сюда, надеясь обрести покой и забыть мои мучения. Но потом пришел Хаос, и нужды моих хозяек оказались гораздо насущнее моих собственных. Но сейчас у них есть мечи, которые им были нужны. Им вовсе не пришлось торговаться с Элриком. Судьба еще раз иронически усмехнулась, принц. И мы пришли сюда, чтобы заявить наши права на эти сокровища. Верни их нам, принц Гейнор, или нам придется взять их силой.

— Ты говоришь «силой», моя госпожа? — Смех Гейнора стал еще более громким, хриплым.— У тебя нет никакой силы против меня. Против Машабака! Возможно, я пока еще не могу управлять им. Но я могу выпустить его. Я могу *выпустить* его в твой мир, моя госпожа, и он в одно мгновение

сожрет его, а вместе с ним и всех нас. Мне это доставит удовольствие, моя госпожа, ничуть не меньшее, чем контролировать такую силу. И разве не в результате *моих* действий одержит тогда победу необузданный Хаос? Этот волшебный терновый жезл может освободить его, стоит мне только ударить им по сфере.— При этих словах он продемонстрировал тоненькую черную веточку, оплетенную медью.— Я повторяю, моя госпожа, вы все бессильны против меня. Пока я остаюсь здесь и со мной мой жезл, мы тут в полной безопасности, по крайней мере не меньшей, чем был Ариох, когда соорудил эту клетку...

Внезапно из сферы раздались визг, рев, рычание, и непривлекательные черты неистовствующего графа Машабака запечатлелись на мгновение внутри, когда он услышал имя своего врага и в полной мере осознал свое незавидное положение: лишенный какой бы то ни было чести, он находился в плену у обычного полудемона. Так огромна и слепа была эта энергия ненависти, что Элрик с товарищами невольно отпрянули от сферы.

— А ты, принц Элрик,— Гейнор напрягал голос, чтобы перекричать эту какофонию звуков, безрассудно издаваемых плененным графом,— ты ведь тоже пришел сюда поторговаться. Разве нет? Разве ты не хочешь получить вот это? Шкуру, которую оставил твой друг? — И Гейнор поднял серую волчью шкуру — все, что осталось от несчастного северянина.

Но Элрик вовсе не стремился завладеть тем, что держал в руках Гейнор. Сброшенная волчья шкура означала, что Эсберн Снар умер свободным смертным.

— Для меня переживания моих друзей — не пустой звук,— сказал Элрик.— Я не торгуюсь с такими, как ты, Гейнор Проклятый. В тебе не осталось ни одной добродетели.

— Одно только зло, принц Элрик. Одно только зло, должен это признать. Но зато такое творческое зло, наделенное воображением. Разве нет? Но вы должны узнать, что я прошу у вас взамен. Мне нужны ваши мечи.

— Эти мечи принадлежат нам,— сказала принцесса Мишигуйа.— Они принадлежат нам по праву и по крови. Они принадлежат нам, чтобы одержать победу над тобой и изгнать тебя из этого мира. Ты их никогда не получишь, Гейнор Проклятый!

— Но я предлагаю вам сокровища, которые вы утратили. Буду говорить откровенно. Мне нужны четыре ваших меча. Здесь у меня *шесть* предметов Силы. Я их все отдаю за мечи! Разве это не щедрость? Может, даже глупая щедрость?

— Ты сошел с ума, Гейнор,— сказала принцесса Шануг'а.— Мечи — это наше наследство. Они — наш долг.

— Но разве не ваш долг, моя госпожа, вернуть то, что вы брали во временное пользование? Поразмышляйте об этом. А я хочу пока предложить Элрику душу его милого старика-отца.— Сталь его пальцев ласкающе прикоснулась к розовому дереву.

Элрик почти лишился дара речи от гнева на Ариоха, который раскрыл его тайну. Гейнор знал истинную цену ларца и что он значит для сына Садрика.

— Ты хочешь соединиться с ним или хочешь быть свободным? — спросил у него Гейнор, наслаждаясь каждым слогом, прекрасно понимая, *что* он предлагает альбиносу.

В слепой ярости Элрик бросился к алтарю, но Гейнор сделал движение терновым жезлом и почти прикоснулся им к эктоплазменной мембране, в которой рычал и показывал когти граф Машабак. Глаза графа горели так, что грозили прожечь стены узилища, и тогда он вырвался бы на свободу, чтобы сожрать этот мир, искалечить его, истерзать страшными муками и навсегда лишить жизни.

— Душу твоего отца в обмен на ваши мечи, принц Элрик. Ты ведь знаешь, что тебе нужнее? Брось, Элрик, тут ведь и думать не о чем. Соглашайся. Ты получишь свободу. Никакой рок тогда уже не будет страшен тебе, дорогой принц...

Элрик почувствовал, насколько заманчиво это предложение, испытал искушение навсегда получить свободу, забыть этот адский меч, этот нежеланный симбиоз, от которого он так зависел, расстаться с вечной угрозой соединения с душой отца, с необходимостью помогать отцу воссоединиться с матерью в Лесу Душ, где не властны ни Закон, ни Хаос, ни Космическое Равновесие.

— Душа твоего отца, Элрик, которая освободит тебя. Конец его и твоим страданиям. Тебе не нужен больше этот меч. Тебе не нужна была его сила, чтобы узнать это, чтобы вынес-

ти все эти и другие мучительные испытания. Отдай мне меч, Элрик, и ты получишь эти сокровища...

— Тебе нужен меч, чтобы можно было подчинить этого демона,— сказал Элрик.— У тебя есть заклинание, чтобы обрести такую силу? Может быть, и есть, принц Гейнор. Однако одного заклинания недостаточно. Тебе нужно еще что-то, чего боялся бы граф Машабак...

И снова гневный грохот, визг, скрежет, угрозы...

— И ты полагаешь, что, получив Буревестник, сможешь подчинить себе Машабака. Но тебе понадобится для этого еще кое-что, кроме Буревестника.— И снова Элрик задумался о безумной дерзости Гейнора Проклятого, который намеревался управлять одним из Герцогов Ада.

— Ты прав, дорогой принц.— Голос Гейнора снова стал мягче, в нем слышались беззаботные нотки.— Но у меня, к счастью, есть не только твой меч. Роза знает то заклинание, с помощью которого...

И тогда Роза подняла голову и плюнула в шлем, но на это Гейнор только рассмеялся еще веселее:

— Ах уж эти любовницы, как они сожалеют о своих маленьких секретах...

И тут Элрик все понял и проникся еще большим сочувствием к этой женщине, последней из своего племени, осознал всю тяжесть того бремени, которое она несет.

— Отдай мне меч, принц Элрик.— Гейнор протянул руку в кольчужной рукавице с ларцом. В правой руке он держал жезл, почти прикасаясь им к эктоплазменной мембране.— Терять тебе нечего.

— Пожалуй, я бы только выиграл,— сказал Элрик.

— Конечно. И кому бы от этого было плохо?

Элрик знал ответ на этот вопрос: плохо было бы его спутницам. Плохо было бы этому миру. Плохо было бы и многим другим, получи Гейнор власть над Машабаком. Альбинос не знал в точности, как Проклятый собирался использовать меч для подчинения Машабака, но ему было ясно, что такие возможности у Гейнора есть. Когда-то, давным-давно, Роза доверила ему эту тайну, сообщила о каком-то древнем могущественном заклинании.

— Или ты предпочтешь навечно соединиться со своим отцом, Элрик Мелнибонийский? — Голос из-под шлема стал звучать холоднее, даже угрожающе.— Я даже буду готов поделиться с тобой своей новой силой. Твой меч станет тем стрекалом, которым я буду погонять Машабака...

Элрик склонялся к тому, чтобы согласиться с Гейнором Проклятым. Если бы он был истинным мелнибонийцем, хотя бы таким, как его отец, он уже оставил бы все сомнения и отдал бы свой меч за ларец с душой отца. Но в силу неких своих особенностей, голоса крови и характера он не мог изменить своим товарищам, не мог предать на милость Хаоса ни одну живую душу.

И он отказался.

На это Гейнор ответил воплем гнева. Он кричал, что Элрик глупец, что он мог бы сохранить хотя бы часть этого царства, но теперь злобный Машабак поглотит его целиком...

Тут раздались скрежет и скрипы, посыпались во все стороны куски штукатурки и камня, полетели свечи и факелы, какая-то древняя дверь в переборке судна начала открываться, и сверху, из образовавшегося проема, раздалось вопросительное урчание.

Это был Хоргах, тот самый ящерообразный монстр, который вел корабль Гейнора по Тяжелому морю. Хоргах втянул воздух, покрутил головой. Он увидел Чарион, после чего издал удовлетворенное сопение и начал резво спускаться по резным стенам. Элрик воспользовался тем, что внимание Гейнора отвлек Хоргах, бросился вперед и выбил терновый жезл из руки Проклятого, а потом сделал выпад мечом. Однако Гейнор успел схватить свой собственный меч, чтобы нанести Элрику ответный удар.

Но Буревестник издал такой вопль, такой резкий звук, исполненный несравненной злости, что из-под шлема того, кто не ведал боли на протяжении тысячелетий, донесся стон, исполненный страдания. Гейнор поднял свой меч, чтобы отразить удар Буревестника, но ноги его подкашивались.

И тогда Элрик нацелил свой меч в то место, где под доспехами Гейнора должно было находиться сердце, и Проклятый издал жуткий вой: он болтался на острие Буревестника,

словно омар на гарпуне, мотая руками и ногами и выкрикивая проклятия — точно так же, как из сферы выкрикивал свои проклятия Машабак.

— Есть ли такой ад, в котором тебе можно было бы воздать должное, Гейнор Проклятый? — сказал Элрик, сжимая зубы.

А Роза тихо добавила:

— Я знаю такое место, Элрик. Ты должен призвать своего демона-покровителя. Призови в это измерение Ариоха!

— Ты сошла с ума!

— Доверься мне! Ариох здесь слаб. Он еще не успел набраться сил. Но ты должен поговорить с ним.

— Чем нам может помочь Ариох? Ты хочешь вернуть ему его пленника?

— Вызови его,— сказала она.— Именно так ты и должен поступить. Ты должен его вызвать, Элрик. Только так сможем мы снова достичь хоть какой-то гармонии.

И тогда Элрик, держа своего врага нанизанным, как паука на прутике, на кончике меча, выкрикнул имя своего покровителя, Герцога Ада, того, кто предал его, кто пытался уничтожить его навсегда.

— Ариох! Ариох! Приди к твоему слуге, владыка Ариох. Я прошу тебя.

Ящер тем временем спустился на пол и неторопливо двигался к Чарион, к своей потерянной любви, и на физиономии этой твари появилось выражение покорной преданности, когда Чарион Пфатт подошла к ней и принялась гладить огромные лапы, ласкать чешую.

Сверху раздался тонкий голос:

— Кажется, мы успели. Ящер нашел для нас этот вход.— И через пролом появилась голова Уэлдрейка, который озабоченно разглядывал их.— Я боялся, что мы опоздаем.

Чарион Пфатт гладила блаженную голову ящера и смеялась.

— Ты не сказал, что собираешься привести нам подмогу, любовь моя!

— Я решил, что лучше не давать пустых обещаний. Но у меня есть и еще одна хорошая новость.— Изучив путь, которым прошел ящер от одной резной розетки до другой, а оттуда — на пол, он покачал головой.— Я постараюсь добраться до вас как можно скорее.— Сказав это, он исчез.

— Ариох! — продолжал Элрик.— Приди ко мне, мой покровитель!

Но сегодня он не мог предложить ему кровь и души.

— Ариох!

И вдруг в углу этого импровизированного зала возникло что-то темное, дымчатое, оно свернулось кольцом, встряхнулось, что-то прорычало, а потом превратилось в юного красавца, великолепного в своем изяществе, но при этом недостаточно материального. Улыбка его была не лишена яда.

— Чего ты хочешь, мой любимый зверек, мой сладкий?..

Роза сказала:

— Это твой шанс, Элрик, получить от него то, что тебе надо. Что бы ты хотел получить от этого демона?

Элрик, переводя взор с Гейнора на Ариоха, заметил, что его покровитель разглядывает, как это делают близорукие, скачущую эктоплазменную сферу, корчащегося Гейнора.

— Только свободы для души моего отца,— сказал Элрик.

— Тогда попроси его об этом,— сказала Роза. Голос ее срывался.— Попроси его отказаться от этой души.

— Он не согласится,— сказал Элрик.

Невзирая на огромную энергию меча, Элрик начинал чувствовать усталость.

— Попроси его,— сказала она.

И Элрик, повернув голову, через плечо обратился к демону:

— Мой властелин Ариох. Мой покровитель, Герцог Ада. Откажись от души моего отца.

— Нет,— сказал Ариох. Голос его звучал недоуменно.— С какой стати? Она принадлежит мне. Как и твоя душа.

— Мы никогда не будем принадлежать тебе, если Машабак освободится,— сказал Элрик.— И тебе это известно, мой покровитель.

— Отдай его мне,— слабо сказал Ариох.— Отдай мне моего пленника, он принадлежит мне по праву, это я пленил его силой моих происков. Отдай мне Машабака, и я откажусь от своих претензий.

— Машабак не принадлежит мне, Владыка Ариох,— сказал Элрик, который наконец начал понимать ситуацию.— Но я могу отдать тебе Гейнора.

— Нет! — вскричал Проклятый принц.— Я не вынесу такого унижения!

Ариох улыбался.

— Конечно, вынесешь, мой милый бессмертный предатель, ты вынесешь это и вынесешь многое другое. Я придумал новые пытки, о которых ты пока даже не догадываешься, но ты будешь вспоминать о них с тоской, когда начнется твоя настоящая агония. Я тебя награжу всеми мучениями, которые я берег для Машабака...

При этих словах золотое тело потянулось к визжащему Гейнору, который умолял Элрика во имя всего, что свято для альбиноса, не отдавать его Герцогу Ада.

— Тебя нельзя убить, Гейнор Проклятый,— сказала Роза. Ее лицо светилось торжеством победы.— Но тебя можно покарать! Ариох накажет тебя, а ты будешь вспоминать о том, что причиной твоих мучений стала я, Роза, что это месть Розы за то, что ты уничтожил наш рай!

Элрик начал понимать, что не все из случившегося было просто совпадением, что многое стало следствием давно вынашиваемого плана Розы, которая не хотела, чтобы Гейнор предал еще кого-нибудь, как он предал ее и ее соплеменников. Потому-то она и вернулась сюда. Потому-то она и одолжила сестрам сокровища своей погибшей земли.

— Ступай, Гейнор! — Она смотрела, как золотая тень накрыла корчащегося Гейнора, словно бы поглотила его со всеми его доспехами, а потом вернулась в угол и оттуда устремилась по тому узкому туннелю в мультивселенной, который своим зовом создал Элрик.— Ступай, Гейнор, к вечному осознанию своей участи, ко всем этим ужасам, которые ты считал знакомыми...— В голосе ее слышалось удовлетворение.

Лицо графа Машабака прижалось на мгновение к мембране, клыки его клацали, с них стекала слюна, он пытался разглядеть своего соперника, глядя чуть ли не с благодарностью, как тот уносит в свое измерение свою добычу.

— Я отпускаю душу твоего отца, Элрик...

— А как же Машабак? — крикнул ему вслед Элрик. Он вдруг понял, какая огромная ответственность свалилась на всех них.— Как нам поступить с Машабаком?

Роза ответила ему мягкой улыбкой, полной мудрости.

— Мы знаем, как нам с ним поступить,— сказала она и, повернувшись к трем сестрам, что-то шепнула им.

Они взяли свои мечи — слоновой кости, золота и гранита — и осторожно надели по черному шиповниковому кольцу на острие каждого меча, которые от этого внезапно засветились ярким светом, спокойной энергией, демонстрируя, как энергия природы может уравновесить необузданную мощь Хаоса. И тогда они одновременно подняли свои мечи под этой вспученной мембраной космической тюрьмы, а потом легко прикоснулись к ее поверхности.

И граф Машабак угрожающе зарычал на языке, известном только ему одному. Сам факт его пленения сделал демона беспомощным, потому что прежде он был существом, обладавшим почти безграничными возможностями. Он не умел просить, торговаться или даже улещивать, как это делал Ариох, потому что Машабак был от природы более прямолинеен. Он наслаждался своей неограниченной силой. Он привык к тому, что может создавать что угодно по своему желанию и уничтожать все, что ему не приглянулось. Он кричал, требуя, чтобы его выпустили, он рычал, но понемногу утихал, а кончики мечей продолжали удерживать эктоплазменную сферу. Это был суровый, грубый полубог, он умел только угрожать.

Роза улыбнулась. Она достигла всего, о чем мечтала долгие годы.

— Его придется приручить, этого демона,— сказала она.

Если Элрик не верил в смелость Гейнора, то этим качеством Розы он восхищался.

— Ты ведь все время знала, как можно смирить Машабака,— сказал он.— Ты так манипулировала событиями, чтобы мы все оказались здесь в одно время...

Это было не обвинение, а только констатация факта, ставшего наконец понятным Элрику.

— Я взяла события, которые уже существовали,— просто сказала Роза.— Я внесла свою лепту в плетение. Но я так до конца и не была уверена в исходе, даже когда Гейнор торговался с тобой за душу твоего отца. Я все еще не уверена, Элрик. Вот смотри.

Она подошла к столу, на который Гейнор положил свои похищенные сокровища, взяла издающий восхитительный аромат ларец розового дерева и направилась к трем сестрам, державшим сферу на остриях своих мечей с такой осторожностью, словно это был мыльный пузырь. Каждая из этих женщин сосредоточилась на своей задаче, а по клинкам вдруг начала пульсировать шипучая энергия. По слоновой кости потекла дымчатая белизна, по граниту — сероватое вьющееся вещество, а золотой клинок горел цветом свежесрезанного ракитника. Все эти цвета перемешивались и образовывали спираль, завитки которой уходили вверх — в сферу.

Сестры по знаку Розы запели, обуздывая потоки жизненной силы мультивселенной, которые соединились мерцающей сетью светло-вишневого света, окружившего их.

Потом Роза крикнула Элрику:

— Давай скорей свой меч! Поспеши! Он снова должен стать проводником всей этой энергии!

Он откинула крышку ларца.

Альбинос сделал шаг вперед, его тело производило странные ритуальные движения, смысл которых был ему неизвестен.

Он поднял свой Черный Меч, хотя тот и испустил протестующий стон, поместил его между других мечей в самой вершине.

Роза медленно, расчетливыми движениями поднесла ларец к рукояти меча и воскликнула:

— Бей, Элрик, бей вверх, прямо в сердце демона!..

И альбинос вскрикнул от мучительной боли, когда дьявольская энергия после единственного удара устремилась в него от Владыки Хаоса. И нечистая демоническая душа Машабака хлынула черным сиянием, отчего Буревестник снова задрожал и застонал, а душа перетекла в ларец, который Роза держала открытым.

И только в этот момент понял Элрик, что он сделал под руководством Розы.

— Душа моего отца,— сказал он.— Ты соединила ее с душой этого демона! Ты уничтожила ее!

— Теперь мы его контролируем! — Розоватая кожа Розы сияла от радости.— Машабак в наших руках. Ни у одного смертного нет силы уничтожить его, но он наш пленник. И останется таким навсегда. Пока мы можем уничтожить его душу, он вынужден будет нам подчиняться. С его помощью мы возродим миры, которые он уничтожил.— Она захлопнула крышку.

— Каким образом ты сможешь контролировать его, если и Гейнору это было не по силам?

Элрик посмотрел туда, где до странности безразличный демон глазел на них из своей тюрьмы.

— Ведь мы владеем его душой,— сказала Роза.— Это моя месть и моя радость.

Из-за чешуйчатой спины соперника появился Уэлдрейк.

— Твоя месть не очень-то эффектна, моя госпожа.

— Мне нужно было облегчить мою скорбь,— сказала Роза.— А мы, мои сестры и я, поняли, что облегчение почти никогда не достигается путем уничтожения. И потом, этих двоих все равно никогда нельзя уничтожить. А пока они живы, мы можем использовать эту парочку для каких-нибудь благородных целей. Ничего другого мне и не нужно. Вершить добро в ответ на зло. Для таких, как я, это единственная форма мести.

А Элрик со все растущим ужасом смотрел на ларец и не мог ей ответить. Неужели он прошел через все это, чтобы в последний момент, когда успех, казалось, был так близок, все кончилось для него катастрофой?

Роза продолжала улыбаться, глядя на него. Ее теплые пальцы нежно прикоснулись к его лицу. Он посмотрел на нее, но не мог сказать ни слова.

Сестры опускали свои мечи. Вид у них был усталый, и сил едва хватило, чтобы вернуть оружие в ножны. Чарион Пфатт, оставив ящера и Уэлдрейка, отправилась помочь сестрам.

— Держи! — Роза подошла к столу, подняла живой бутон с розового ларца, в котором лежали три шиповниковых кольца силы, помогавшие обуздать душу демона. Она протянула ему цветок. Он увидел капли росы на листьях, словно цветок был только что сорван в саду.

— Благодарю тебя за подарок, госпожа,— тихо сказал он, но его душа была охвачена ужасом.

— Ты должен отдать это своему отцу,— сказала она.— Он будет ждать тебя на тех самых руинах, на которых твой народ заключил окончательное соглашение с Хаосом.

Элрику ее шутка вовсе не показалась смешной.

— Мне уже очень скоро предстоит разговор с отцом, госпожа,— сказал он. Глубоко вздохнув, он вложил в ножны свой боевой меч. Будущее отнюдь не казалось ему приятным...

Она рассмеялась.

— Элрик! Душа твоего отца никогда не была в этом ларце! По крайней мере, ларец не был для нее узилищем, как для души этого демона. Шиповниковые кольца связывают демонские души. Этот ларец был сделан для того, чтобы хранить души демонов. Но Вечная Роза — вещь слишком деликатная, она не может вмещать в себя демонскую душу. Она может вмещать только душу смертного, который любил кого-то больше себя. Этот цветок хранит душу твоего отца и питается от нее. Поэтому-то цветок и жив до сих пор. Его сохраняет все то хорошее, что было в Садрике. Отнеси его твоему отцу. Получив этот цветок, он сможет воссоединиться с твоей матерью — он давно уже стремится к этому. Ариох отказался от своих прав на него, а Машабак не имеет над ним никакой власти, потому что теперь вся власть Машабака принадлежит нам. Мы заставим этого Графа Ада восстановить все, что мы любили. И, обратив это зло в добро, мы возродим прошлое! Это единственный способ, каким мы, смертные, можем возрождать наше прошлое. Это единственная достойная месть. Возьми этот цветок.

— Я отнесу его отцу,— сказал Элрик.

— А потом,— сказала она,— ты можешь взять меня с собой в Танелорн.

Вдруг раздается крик Уэлдрейка:

— Ящер! Ящер!

Это тварь на своих массивных лапах выползает из дверей и двигается дальше по галереям и разрушенным палубам, по которым бегут все несчастные, освобожденные из Гейнорова рабства. Они выбегают из огромного корпуса, как кролики разбегаются из садка, а Уэлдрейк бежит следом за ящером и кричит:

— Стой! Дорогой Хоргах, стой! Мой милый соперник! Остановись ради нашей общей любви, я умоляю тебя!

Но ящер уже у входа на Корабль, Который Был, он поворачивается, чтобы бросить взгляд на Уэлдрейка, на Чарион

Пфатт, которая тоже следует за ним, и замирает, словно дожидаясь их. Но когда они приближаются, ящер вываливается из корпуса на свет дня, вокруг него, как вши, суетятся люди, разбегаются, возвращаются в землю, где больше не хозяйничает Хаос. А потом он приседает и дожидается их...

...Там, где матушку Пфатт в неустойчивом кресле несут вдоль берега ее сын и внук. Эти двое чуть не валятся с ног от усталости, а она покрикивает на них, поторапливает, потом видит внучку и Уэлдрейка и кричит своим носильщикам, чтобы они остановились.

— Мои голубчики, мои зайчики, моя радость, мой хороший мальчик! — Она бросает потрепанный зонтик, которым защищала от солнца свою умную старую голову, и облизывает губы, глядя на него влюбленными глазами.— Мой леденчик! Мой словопряд! Ах, как счастлива будет моя Чарион! Ах, как была бы счастлива я, знай я тогда, что ты в Патни! Поставьте меня. Поставьте меня, мальчики. Мы добрались. Я вам говорила, что они в безопасности! Я же вам говорила, что она знает кой-какие приемы, знает складку в космической ткани, маленькое ровное пространство на сморщенных рукавах. Ах ты, маленький фат! Собиратель рифм! А ну-ка, идем со мной, поищем Край Времени!

— Насколько мне помнится, это не очень приятное место,— говорит Уэлдрейк, но он наслаждается ее словами, ее похвалой, ее удовольствием видеть всю семью снова вместе.

— Я же тебе говорил, что не нужно уходить далеко, папа! — несколько самодовольно заявил Коропит Пфатт, отчего Фаллогард Пфатт смотрит на него укоризненным взглядом.— Хотя и ты тоже, конечно, был прав, когда узнал этот берег.

Навстречу друзьям вышли три сестры и Роза, несли они с собой ларец, внутри которого находился скованный колдовством граф Ада. У него теперь была возможность поразмыслить о своей судьбе, которая вынуждала его восстанавливать все, что было противно его существу. В левой руке Роза несла — вернее, волочила по гальке — серую волчью шкуру, которой завладел Гейнор, не понимая, что она является в известном смысле символом того, что Эсберн Снар сумел сбросить с себя тяжелое бремя, долгие годы давившее его.

— Что это? — немного удивленный, сказал Уэлдрейк.— Ты взяла это в качестве трофея, госпожа?

Но Роза в ответ покачала головой.

— Когда-то эта шкура принадлежала моей сестре,— сказала она.— Она была единственной, кроме меня, кто пережил предательство Гейнора...

И только теперь Элрик в полной мере оценил смысл того, что плела Роза, смысл ее удивительных манипуляций с тканью множественной вселенной.

Матушка Пфатт недоуменно смотрела на нее.

— Значит, ты добилась своего, моя дорогая?

— В полной мере,— согласилась Роза.

— Ты служишь чему-то очень сильному,— сказала старушка, выбираясь из своих шатких носилок и шлепая по гальке. Ее красное лицо лучилось гаммой самых разнообразных радостных чувств.— Ты случайно не называешь это что-то Равновесием?

Роза взяла матушку Пфатт под руку и помогла ей добраться до перевернутой бадейки, посадила на нее старушку и сказала:

— Давай просто сойдемся на том, что я противостою тирании в любой ее форме, будь то Закон, Хаос или любая другая сила...

— Тогда ты служишь самой судьбе,— твердо сказала старушка.— Ты сплела мощную ткань, дитя. Она создала новую реальность в мультивселенной. Она исправила нарушения, которые так сильно расстроили нас. А теперь мы можем продолжить наш путь.

— Куда же вы направляетесь, матушка Пфатт? — спросил Элрик.— Где вы сможете найти безопасность, которую ищете?

— Будущий муж моей племянницы убедил нас, что мы найдем мирную жизнь в месте, которое он называет «Патни»,— сказал Фаллогард Пфатт с какой-то неуверенной задушевностью.— И потому мы все отправляемся с ним на поиски этого места. Он говорит, что у него есть неоконченная эпическая поэма об отважном воине его народа. Он оставил эту свою поэму в Патни. Так что мы должны начать оттуда. Мы теперь все одна семья, и мы больше не хотим разделяться.

— Я пойду с ними, моя госпожа,— сказал Коропит Пфатт, быстро схватив руку Розы и словно бы в смущении целуя ее.— Мы сядем на этот корабль, возьмем с собой ящера и снова пересечем Тяжелое море. Оттуда мы направимся по путям между царствами, а там уж неизбежно доберемся до Патни.

— Я желаю вам безопасного и легкого пути,— сказала Роза. Затем и она поцеловала его руки.— Мне будет недоставать тебя, дорогой Пфатт, и твоего умения находить пути в мультивселенной. Я еще не знала такого славного и умелого проводника!

Принц Элрик покинул брег роковой.
Надежда вперед звала,
Рожденная запахом розы той,
Что лишь для него цвела,—

продекламировал рыжеволосый поэт, а потом, словно извиняясь, пожал плечами:

— Я сегодня вовсе не был готов к эпилогам. Я надеялся только на достойную смерть. Идем, ящер! Идем, Чарион! Идем, семья! Мы снова поплывем по Тяжелому морю! К далекому Патни и золотому счастью семейной жизни.

И гордый владыка руин, прощаясь со своими друзьями, вдруг почувствовал, что какая-то его часть не прочь забыть обо всех этих героических приключениях и предаться радостям, которые сулит домашний очаг.

Потом он повернулся к Розе, к этой таинственной женщине, умевшей манипулировать судьбами, и поклонился ей.

— Идем, госпожа,— сказал он.— Нам еще предстоит вызвать дракона и совершить путешествие. Мой отец наверняка уже начал волноваться — что там происходит с его заложенной-перезаложенной душой.

Эпилог

В КОТОРОМ ВЛАДЫКА РУИН ДЕРЖИТ СЛОВО

В час полной луны Шрамоликая подняла свою великолепную голову и попробовала ветер, взмахнула крыльями и взяла курс прочь от той вечной ночи, где скрывался дух Садрика.

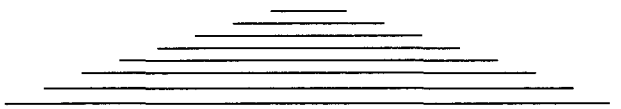
Элрик вложил живую розу в бледную руку отца. Он видел, как роза наконец завяла и умерла — то, что таилось внутри нее, больше не поддерживало в ней жизнь. И тогда Садрик вздохнул.

— Больше я не могу ненавидеть тебя, сын твоей матери,— сказал он.— Я не надеялся, что ты принесешь мне мою душу.— И отец, подчиняясь минутному порыву, неожиданно теплыми губами поцеловал его в щеку, чего никогда не делал при жизни.— Я буду ждать тебя, сын мой, там, где твоя мать ждет меня,— в Лесу Душ.

Элрик увидел, как призрак растаял в воздухе, словно шепоток на ветру, и, подняв голову, понял, что время уже не стоит на месте и кровавая история Мелнибонэ, история десяти тысяч лет ее владычества, жестокости, безжалостных завоеваний, только начинается.

Несколько мгновений он размышлял — не предпринять ли ему каких-либо действий, чтобы изменить ход истории, изменить судьбу Сияющей империи на века вперед, сделать свой народ не таким жестоким, более благородным. Но потом он покачал головой и повернулся спиной к Х'хаи'шану, к своему прошлому, ко всем этим размышлениям о том, что могло бы быть, устроился поудобнее в естественном седле за плечами дракона и уверенно приказал Шрамоликой поднять его в воздух.

И они взмыли вверх, в вихрящиеся облака, они неслись в звездное безмолвие мелнибонийской ночи, в будущее, где на одном из перекрестков на краю времен ждала его Роза. Потому что он обещал ей, что впервые Танелорн она увидит со спины летящего дракона.



Похититель Душ

Недолго Роза оставалась с Элриком в Танелорне, наконец пришло время прощания. Вскоре после ее ухода Элрик и Мунглам решили, что пора снова отправиться в странствия.

Глава первая

Как-то вечером в городе Бакшаан, который роскошью своей затмевал все другие города северо-востока, в таверне с высокими башнями, Элрик, властелин дымящихся руин Мелнибонэ, улыбаясь, как акула, вел полушутливую беседу с четырьмя влиятельными торговцами, которых собирался через денек-другой ограбить.

Мунглам Чужеземец, друг Элрика, поглядывал на высокого альбиноса и с восхищением, и с тревогой: Элрик редко шутил, и уж если он позволял себе это с представителями славного купеческого цеха, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Мунглам гордился дружбой с Элриком и спрашивал себя, к чему может привести эта встреча. Ведь Элрик, как всегда, не посвятил Мунглама в свои планы.

— Нам нужны твои способности воина и чародея, владыка Элрик, и мы, конечно же, неплохо заплатим тебе.— Костлявый Пилармо, эксцентричный и пышно разодетый, говорил от имени всех четверых.

— И как же вы собираетесь оплатить мои услуги? — вежливо спросил Элрик, не переставая улыбаться.

Спутники Пилармо подняли брови, и даже сам он не скрывал удивления. Он помахал рукой в прокуренном воздухе таверны, где, кроме них шестерых, никого не было.

— Золотом... драгоценными камнями,— ответил Пилармо.

— То есть — цепями,— сказал Элрик.— Но нам, свободным путешественникам, не нужны цепи такого рода.

Мунглам подался вперед из тени, где сидел. По его лицу было видно, что он совсем не одобряет заявление Элрика.

Пилармо и другие купцы тоже были разочарованы.

— А что же ты хочешь от нас получить?

— Я еще подумаю об этом,— улыбнулся Элрик.— Для таких разговоров время пока не наступило. Что потребуется от меня?

Пилармо кашлянул и переглянулся со своими спутниками. Те кивнули. Пилармо понизил голос и заговорил, произнося каждое слово медленно и раздельно:

— Тебе известно, что соперничество между торговцами в этом городе очень сильно, владыка Элрик. Многие купцы соперничают друг с другом, чтобы привлечь как можно больше клиентов. Бакшаан — богатый город, и его население процветает.

— Это всем известно,— сказал Элрик. Он тайком уподоблял богатых жителей Бакшаана овцам, а себя — волку, который собирается наведаться в отару. Из-за этих-то мыслей и светились весельем его алые глаза. Мунглам хорошо знал, каким жестоким и циничным может быть юмор Элрика.

— В городе есть один купец, которому принадлежит больше складов и лавок, чем другим,— продолжал Пилармо.— Его караваны всегда велики и всегда хорошо охраняются, а потому он привозит в Бакшаан больше товаров, чем другие, и может продавать их по низким ценам. По сути он — вор, он разорит нас всех своими нечестными приемами.— Пилармо выглядел искренне уязвленным.

— Ты говоришь о Никорне из Илмара? — спросил из-за спины Элрика Мунглам.

Пилармо молча кивнул.

Элрик нахмурился:

— Этот человек сам водит свои караваны — он бросает вызов опасностям пустыни, леса и гор. Он сам всего добился в жизни.

— Дело вовсе не в этом,— отрезал толстый Тормиел. Он был весь в кольцах и пудре, а его жирное тело сотрясалось при каждом слове.

— Конечно.— Сладкоголосый Келос утешительно похлопал товарища по руке.— Мы все восхищаемся его смелостью.

Купцы покивали. Молчаливый Дейнстаф, последний из четверки, кашлянул и покачал косматой головой. Он поло-

жил дряблые пальцы на усыпанный драгоценностями эфес дорогого, практически бесполезного кинжала и распрямил плечи.

— Но,— продолжал Келос, взглянув на Дейнстафа,— Никорн ничем не рискует, продавая товары дешево. Он разоряет нас низкими ценами.

— Никорн у нас как заноза в теле,— без всякой нужды уточнил Пилармо.

— И вы, господа, хотите, чтобы мы с моим другом вытащили эту занозу? — сказал Элрик.

— Коротко говоря, да.

Пилармо обильно потел. Казалось, улыбка альбиноса вызывает у него нешуточную тревогу. Об Элрике, о его великих и ужасных подвигах ходило множество удивительных легенд. Они искали помощи Элрика только потому, что положение было отчаянным. Им нужен был кто-то, одинаково искушенный как в колдовской науке, так и во владении мечом. Появление Элрика в Бакшаане сулило спасение.

— Мы хотим уничтожить могущество Никорна,— продолжил Пилармо.— А если это означает и уничтожение самого Никорна, что ж...— Он пожал плечами и улыбнулся едва заметной улыбкой, не спуская глаз с лица Элрика.

— Нанять в Бакшаане обычного убийцу не так уж трудно,— заметил Элрик.

— Это верно,— согласился Пилармо.— Но Никорн пользуется услугами чародея. И у него есть собственная армия. Чародей защищает и самого купца, и его дворец силами магии. А стража, набранная из жителей пустыни, обеспечивает безопасность обычными методами на тот случай, если магия окажется бессильной. Наемные убийцы уже пытались устранить Никорна, но, к несчастью, им не повезло.

Элрик рассмеялся.

— Прискорбно, друзья мои. Но ведь наемные убийцы — отбросы нашего мира. Что уж их жалеть. Возможно, их души услаждают какого-нибудь демона, который иначе преследовал бы более порядочных людей.

Купцы натужно рассмеялись, да и Мунглам на своем месте, в тени, ухмыльнулся, услышав такое.

Элрик налил всем вина. Это вино находилось под запретом в Бакшаане. Тому, кто выпьет его в достаточно большом количестве, грозило сумасшествие. Однако Элрик выпил уже немало, а на нем это никак не сказывалось. Воин-чародей поднес к губам очередную чашу с золотистым напитком, осушил ее — и удовлетворенно вздохнул, когда вино попало в желудок. Другие отхлебнули лишь чуть-чуть. Купцы уже сожалели, что поспешили обратиться к альбиносу: в них росла уверенность, что легенды не просто говорили правду — они еще и преуменьшали возможности этого человека со странными глазами, которого они намеревались использовать.

Элрик плеснул себе еще желтого вина. Его руки чуть подрагивали, а сухой язык быстро облизнул губы. Дыхание его участилось, когда он пригубил чашу и напиток полился в горло. Выпитого им с избытком хватило бы, чтобы превратить любого другого в слюнявого идиота. На Элрика же вино почти не действовало.

Это вино предназначалось для тех, кто хотел видеть сны о нереальных мирах. Элрик же пил его для того, чтобы не видеть никаких снов — хотя бы одну ночь.

Он спросил:

— И кто же этот могущественный чародей, господин Пилармо?

— Его зовут Телеб К'аарна,— нервно ответил Пилармо.

Глаза Элрика сузились.

— Чародей с Пан-Танга?

— Да, он с этого острова.

Элрик поставил на стол чашу, поднялся, трогая пальцами черную сталь рунного меча по имени Буревестник, и твердо сказал:

— Я помогу вам, господа.

Он принял решение не грабить этих купцов. В голове у него созревал новый, куда более важный план.

«Вот, значит, где ты устроил себе нору, Телеб К'аарна. В Бакшаане, да?» — медленно произнес он про себя.

Телеб К'аарна хихикнул. Для столь могущественного чародея подобные звуки были просто неприличны. Смешок этот никак не отвечал и его мрачной наружности — черной бороде, высокой фигуре, алому одеянию. Не к лицу такое поведение было и человеку его острого ума.

Телеб К'аарна снова хихикнул и перевел мечтательный взгляд на лежащую рядом женщину. Он нашептывал ей на ухо пошлые слова, а она снисходительно улыбалась, поглаживая его длинные черные волосы — так она гладила бы собаку.

— Телеб К'аарна, ты настоящий глупец, несмотря на всю свою ученость,— пробормотала она. Ее полуприкрытые глаза разглядывали ярко-зеленые и оранжевые гобелены за его спиной, украшавшие стену спальни. Она предавалась ленивым мыслям о том, что глупо не пользоваться выгодами, которые она получает, когда мужчины попадают под ее чары.

— Йишана, ты стерва,— глуповато выдохнул Телеб К'аарна.— Вся ученость мира — ничто рядом с любовью. Я тебя люблю.

Говорил он просто, искренне, совсем не понимая женщину, которая лежала рядом с ним. Он углублялся в самые черные глубины ада, но возвращался оттуда в здравом уме, знал тайны, от которых мозг обычного человека превратился бы в студень. Но в некоторых областях он оставался столь же неискушен, сколь и самый юный из его учеников. Искусство любви было одной из этих областей.

— Я люблю тебя,— повторил он, спрашивая себя, почему она игнорирует его слова.

Йишана, королева Джаркора, оттолкнула от себя чародея и резко поднялась, скинув с дивана прекрасные ноги. Она была красавицей с волосами столь же черными, как и ее душа. Хотя юность ее уже прошла, было в ней что-то такое, что одновременно привлекало и отталкивало мужчин. Она красиво несла на себе многоцветные шелка, и они изящно колыхались, когда она легко шла к зарешеченному окну комнаты. Подойдя, она уставилась в неспокойную темень ночи. Чародей смотрел на нее, недоуменно прищурив глаза. Он был разочарован ее неожиданным порывом.

— Что случилось?

Королева продолжала смотреть в ночь. Огромное черное облако, похожее на хищного монстра, быстро неслось по разорванному ветром небу. Ночь гневалась на Бакшаан, была полна зловещих предзнаменований.

Телеб К'аарна повторил свой вопрос, но снова не получил ответа. Он рассерженно поднялся, подошел к окну и встал рядом с ней.

— Уйдем сейчас, Йишана, пока еще не поздно. Если Элрик узнает, что мы в Бакшаане, нам обоим будет худо.

Она не ответила. Но грудь ее поднялась под тонкой тканью, а губы сжались.

Чародей, схватив ее за руку, прорычал:

— Забудь ты об этом наемнике-предателе. У тебя есть я. И я для тебя могу сделать гораздо больше, чем любой размахивающий мечом безумец из погибшей древней империи.

Неприятно рассмеявшись, Йишана повернулась к любовнику.

— Ты глуп, Телеб К'аарна. А как мужчина ты не идешь ни в какое сравнение с Элриком. Три года я страдаю, после того как он покинул меня, ушел в ночь, преследуя тебя, и оставил меня тосковать по нему. Но я до сих пор помню его неистовые поцелуи, его безумные ласки. Боги! Жаль, что ему нет равных. С тех пор как он ушел, я так и не смогла найти никого подобного, хотя многие пытались, многие, гораздо лучшие чем ты. А потом ты вернулся — и чарами разогнал или перебил их всех.— Она издевательски ухмыльнулась.— Ты слишком много времени провел среди пыльных фолиантов — любовник из тебя никакой.

Мышцы лицо у чародея напряглись под загорелой кожей, он осклабился.

— Тогда почему же ты не прогонишь меня? Я могу приготовить снадобье, выпив которое ты станешь моей рабой. И тебе это известно!

— Но ты этого никогда не сделаешь, а потому это ты — мой раб, могучий волшебник. Когда Элрик угрожал вытеснить тебя из моего сердца, ты вызвал демона, и Элрику пришлось сражаться с ним. Он победил, ты это прекрасно помнишь, но в своей гордости не принял никаких компромиссов. Ты бежал, а он отправился за тобой и оставил меня. Вот что ты сделал! Ты влюблен, Телеб К'аарна! — Она рассмеялась ему в лицо.— И твоя любовь не позволяет тебе использовать против меня твое искусство. Ты его используешь только против моих бывших любовников. Я мирюсь с тобой, потому что иногда ты бываешь полезен. Но если вернется Элрик...

Телеб К'аарна отвернулся, в раздражении пощипывая бороду. Йишана сказала:

— Да, я ненавижу Элрика — отчасти. Но это все же лучше, чем отчасти любить тебя!

Чародей проворчал:

— Почему же тогда ты приехала ко мне в Бакшаан? Почему оставила сына своего брата регентом на троне и явилась сюда? Я послал тебе письмо — и ты явилась... Если бы ты меня не любила, то не сделала бы этого.

Йишана снова рассмеялась.

— Мне стало известно, что по северо-востоку странствует белолицый чародей с малиновыми глазами и поющим рунным мечом. Вот почему я здесь, Телеб К'аарна.

Лицо Телеба К'аарны исказилось от гнева. Он наклонился и схватил женщину за плечо когтистой рукой.

— Ты что, забыла — этот самый белолицый чародей был причиной смерти твоего брата! — выкрикнул он.— Ты ложишься в постель с человеком, который убил и свою, и твою родню. А когда Владыки драконов нанесли ответный удар, он бросил флот, который привел на разорение своей земли. Твой брат Дхармит был на одном из этих кораблей, а ныне его обугленное тело гниет на океанском дне.

Йишана устало покачала головой.

— Ты всегда напоминаешь мне об этом, надеясь пристыдить меня. Да, я принимала того, кто фактически был убийцей моего брата... Но на совести Элрика преступления и пострашнее, а я все равно люблю его, несмотря на это — а может, именно за это. Твои слова напрасны, Телеб К'аарна. А сейчас оставь меня, я хочу спать одна.

Когти чародея все еще вонзались в кожу Йишаны. Наконец он ослабил хватку.

— Извини,— сказал он срывающимся голосом.— Позволь мне остаться.

— Ступай,— тихим голосом сказала она.

И Телеб К'аарна, чародей из Пан-Танга, ушел, терзаемый мыслью о собственной слабости. Элрик из Мелнибонэ находился в Бакшаане, и Элрик несколько раз в разных обстоя-

тельствах клялся отомстить Телебу К'аарне — в Лормире, Надсокоре, Танелорне, а еще в Джаркоре. И в сердце своем чернобородый чародей знал, кто одержит победу в любой их схватке.

Глава вторая

Четверо купцов ушли, кутаясь в черные плащи: пусть уж лучше никто не знает о разговоре с Элриком. А Элрик остался размышлять над чашей желтого вина. Он знал, что для захвата замка Никорна ему понадобится особая, мощная поддержка. Взять штурмом этот замок практически невозможно, к тому же он находится под колдовской защитой Телеба К'аарны, а значит, Элрику не обойтись без самой сильной магии. Он знал, что в колдовском искусстве ничуть не уступает Телебу К'аарне, но если он все силы потратит на нейтрализацию чародея, то не сможет пробиться через ряды стражников — воинов пустыни, чьими услугами пользовался купец.

Ему нужна была помощь. Он знал, что в лесах к югу от Бакшаана можно найти людей, которые могут ему помочь. Но вот захотят ли? Он решил обсудить ситуацию с Мунгламом.

— Я слышал, что отряд моих соотечественников недавно пришел сюда с юга, из Вилмира, где они ограбили несколько городов,— сообщил Элрик другу.— После великого имррирского сражения мелнибонийцы с Драконьего острова рассеялись по всему миру, стали наемниками и разбойниками. А ведь причиной падения Имррира был я, и им это известно. Но если я предложу им богатую добычу, они, возможно, помогут мне.

Мунглам сухо усмехнулся.

— Я бы на это не рассчитывал, Элрик,— сказал он.— То, что ты совершил, вряд ли может быть забыто, уж прости мне мою откровенность. Твои соотечественники, жители разоренного города, старейшего и величайшего из городов мира, стали скитальцами против воли. Когда Имррир Прекрасный пал, думаю, среди имррирцев было немало таких, кто призывал все несчастья на твою голову.

Элрик издал короткий смешок.

— Возможно,— согласился он.— Но это мои соплеменники, и я знаю их. Мы, мелнибонийцы, древняя и мудрая раса. Мы редко позволяем эмоциям брать верх над разумом, если это идет во вред нашему благосостоянию.

Мунглам поднял брови в иронической ухмылке, и Элрик правильно понял, что тот имеет в виду.

— Я некоторое время был исключением,— сказал он.— Но ныне Симорил и мой кузен спят в развалинах Имррира мертвым сном, и мои собственные страдания мстят мне за то зло, что я принес соплеменникам. Думаю, они понимают это.

Мунглам вздохнул:

— Надеюсь, ты прав, Элрик. И кто же стоит во главе этого отряда?

— Мой старый друг,— ответил Элрик.— Он был Владыкой драконов и возглавил атаку на пиратский флот, разоривший Имррир. Его зовут Дивим Твар, прежде он был Повелителем Драконьих пещер.

— А что теперь с этими тварями? Где они?

— Снова спят в пещерах. Их нельзя будить часто — им нужны многие годы, чтобы восстановить силы и запас яда. Если бы не это, Владыки драконов давно правили бы миром.

— Тебе повезло, что дела обстоят именно так, а не иначе,— прокомментировал Мунглам.

Элрик медленно проговорил:

— Кто знает? Если их поведу я, возможно, они еще станут хозяевами мира. Во всяком случае, мы могли бы создать новую империю в этом мире, как это сделали наши предки.

Мунглам ничего не ответил. Он подумал, что завоевать Молодые королевства было бы нелегко. Мелнибонийцы были древними, жестокими и мудрыми, но приходящая со временем болезнь мягкости подточила даже их жестокость. Им не хватало жизненных сил того варварского народа, каким были их предки, строители Имррира и других давно забытых городов. На смену жизненным силам пришла снисходительность — снисходительность, свойственная старости, свойственная тем, у кого дни славы остались в прошлом...

— Утром мы поговорим с Дивимом Тваром,— сказал Элрик.— И я надеюсь, то, что он сделал с пиратским флотом, а

еще моя больная совесть, которая заставляет меня страдать, послужат тому, чтобы он разумно воспринял мое предложение.

— Я, пожалуй, посплю,— сказал Мунглам.— Нужно выспаться. К тому же девчонка, что меня ждет, уже проявляет нетерпение.

Элрик пожал плечами.

— Как хочешь. Я, пожалуй, выпью еще вина, а спать пойду попозже.

Черные тучи, что собрались над Бакшааном прошлой ночью, к утру не рассеялись. Над ними встало солнце, но горожане его не увидели. Оно взошло, никого об этом не извещая, а Элрик с Мунгламом уже ехали узкими улицами под моросящим дождем, направляясь к Южным воротам и лесу за ними.

Элрик вместо обычного одеяния надел простую куртку из крашенной в зеленый цвет кожи, на которой был герб королевского рода Мелнибонэ: алый дракон, стоящий на задних лапах на золотом поле. На его пальце было Кольцо Королей, украшенное Актериосом — драгоценным камнем в серебре, испещренном рунами. Это кольцо на протяжении многих веков носили могущественные предки Элрика. На плечах у него был короткий плащ, а синего цвета лосины уходили в высокие черные ездовые сапоги. На боку у Элрика висел Буревестник.

Между ним и мечом существовала неразрывная связь. Без меча ему не хватало жизненной силы и он терял остроту зрения. Меч, в свою очередь, без Элрика не получал ни души, ни крови, которые были необходимы для его существования. Они жили бок о бок, меч и человек, и никто не мог сказать, кто из них хозяин.

Мунглам, которому плохая погода досаждала больше, чем его другу, кутался в плащ с высоким воротником и время от времени клял капризы стихий.

До опушки леса они добрались приблизительно через час. Пока по Бакшаану ходили только слухи о нашествии имррирских разбойников. Раз или два в одной из третьеразрядных таверн у южной стены видели какого-нибудь высокого чужеземца; это появление не оставалось незамеченным, но бакшаанцы чувствовали себя в безопасности в богатстве и силе, а

потому убежденно говорили, что Бакшаан может противостоять нападениям куда более яростным, чем те, в результате которых пали более слабые вилмирские города. Элрик понятия не имел, почему его соотечественники прошли такой путь на север до самого Бакшаана. Возможно, они собирались здесь только отдохнуть и на местных базарах превратить награбленное в припасы.

Дым от нескольких костров подсказал Элрику и Мунгламу, где расположились мелнибонийцы. Переведя коней на шаг, они направили их в ту сторону. Мокрые ветки хлестали по лицам, а ноздри щекотали запахи леса, освобожденные жизнетворным дождем. С чувством облегчения увидел Элрик часового, который, неожиданно появившись из кустов, преградил им путь.

Имррирец был облачен в меха и сталь. Из-под забрала тонко сработанного шлема на Элрика смотрели настороженные глаза. Забрало ухудшало обзор, к тому же по шлему текли капли дождя, а потому он не сразу узнал Элрика.

— Стойте! Что вам здесь надо?

Элрик нетерпеливо сказал:

— Пропусти нас. Я Элрик — твой повелитель, твой император.

Часовой испуганно открыл рот и опустил копье с длинным широким наконечником. Он откинул забрало и посмотрел на стоящего перед ним. Все смешанные чувства, одолевавшие часового — недоумение, почтение, ненависть,— легко читались на его лице.

Он холодно поклонился.

— Тебе здесь не место, мой господин. Ты отказался от своего народа и предал его четыре года назад, и хотя я и признаю кровь королей, которая течет в твоих жилах, я не могу подчиняться тебе и оказывать тебе знаки уважения, которых ты был бы вправе ожидать в другой ситуации.

— Конечно,— гордо сказал Элрик, осаживая коня.— Однако пусть твой командир — мой друг детства Дивим Твар — судит, как ему поступить со мной. Отведи меня к нему поскорее, и помни, что мой спутник не причинил вам никакого вреда, а потому относись к нему со всем уважением — как к другу императора Мелнибонэ.

Часовой снова поклонился и взял уздечку коня Элрика. Он повел двоих приезжих по тропинке на большую поляну, на которой стояли шатры имррирцев. В центре огромного круга, образованного шатрами, горели костры, на которых готовилась еда, а вокруг них сидели мелнибонийские воины — люди с тонкими чертами лица — и тихо разговаривали. Даже в свете сумеречного дня ткань шатров казалась веселой и яркой. Тона были типично мелнибонийскими — сочный зеленый, лазурный, охра, золото, темно-синий. Цвета эти плавно перетекали друг в друга, смешиваясь между собой. Элрик почувствовал ностальгию по многоцветным башням Имррира Прекрасного, которые он так давно не видел.

Когда два спутника и сопровождающий приблизились, удивленные взгляды сидевших обратились к ним, и звук разговоров сменился каким-то бормотанием.

— Оставайся здесь,— сказал часовой Элрику.— Я сообщу о тебе Дивиму Твару.

Элрик кивнул и твердо уселся в седле, чувствуя на себе взгляды собравшихся воинов. Никто не подошел к нему, а некоторые из тех, кого Элрик прежде знал лично, не скрывали смущения. Они не смотрели на него, а отводили глаза, подбрасывали ветки в костер или вдруг обнаруживали, что их сверкающее оружие нуждается в полировке. Некоторые что-то сердито ворчали, но они оставались в явном меньшинстве. Большинство воинов были откровенно потрясены, но вместе с тем и недоумевали. Что понадобилось в лагере этому человеку, их королю, предавшему их?

Наверху самого большого, золотого с алым, шатра было установлено знамя с изображением спящего дракона, синего на белом фоне. Это был шатер Дивима Твара, и из него вышел Владыка драконов, на ходу пристегивая меч; его умные глаза смотрели настороженно и недоуменно.

Дивим Твар, чья мать, принцесса, приходилась кузиной матери Элрика, был чуть старше альбиноса и обладал чертами лица типичного мелнибонийского аристократа. У него были высокие точеные скулы, чуть раскосые глаза, узкий череп, еще более сужающийся к челюсти. Как и у Элрика, у него были тонкие, почти без мочек, уши, заостренные книзу. Пальцы рук (левая сейчас покоилась на рукояти меча) были длинные

и белые, как и все его тело, хотя и не такие мертвенно-бледные, как у альбиноса. Подойдя к сидящему в седле императору Мелнибонэ, он уже успел взять себя в руки. В пяти футах от Элрика он неторопливо поклонился, наклонив голову и скрыв лицо. Когда он поднял голову, его глаза встретили взгляд Элрика и остались неподвижными.

— Дивим Твар, Повелитель Драконьих пещер, приветствует Элрика, властителя Мелнибонэ, толкователя тайных искусств.— Владыка драконов с мрачным видом произнес освященное столетиями ритуальное приветствие.

Голос Элрика звучал не так уверенно:

— Элрик, властитель Мелнибонэ, приветствует своего верного подданного и согласен дать аудиенцию Дивиму Твару.

По древним мелнибонийским правилам король не должен просить аудиенции у одного из подданных, и Владыка драконов знал это. Он ответил:

— Окажи мне честь, повелитель, и позволь мне проводить тебя в мой шатер.

Элрик спешился и пошел следом за Дивимом Тваром. Мунглам тоже спешился и хотел было идти за Элриком, но тот сделал ему знак рукой — оставайся. Два имррирских аристократа вошли в шатер.

Внутри горела маленькая масляная лампа, помогая тусклому дневному свету. Обстановка в шатре была простая: жесткая солдатская койка, стол, несколько резных деревянных стульев. Дивим Твар поклонился и показал на один из стульев. Элрик сел.

Несколько мгновений они молчали. Ни один не позволил себе проявить эмоции. Они просто сидели и смотрели друг на друга. Наконец Элрик сказал:

— Ты считаешь меня предателем, вором, убийцей соплеменников и родни. Так, Владыка драконов?

Дивим Твар кивнул.

— Если мой господин позволит, то я соглашусь с ним.

— В прошлые времена мы, оставаясь наедине друг с другом, забывали о формальностях,— сказал Элрик.— Давай забудем ритуалы и традиции — Мелнибонэ погибло, его сыновья разбрелись по свету. Мы встречаемся, как прежде — равными. Только теперь мы и в самом деле равны. *Совершенно* равны.

Рубиновый трон лежит среди руин Имррира, и ни один император уже не сядет на него.

Дивим Твар вздохнул:

— Это так, Элрик... Но зачем ты здесь? Мы хотели забыть тебя. Даже когда желание мести было еще свежо, мы не делали попыток отыскать тебя. Ты пришел, чтобы посмеяться над нами?

— Ты знаешь, я бы никогда не сделал этого, Дивим Твар. Я мало сплю, а если все же засыпаю, то мне хочется как можно скорее проснуться. Ты ведь знаешь — то, что я сделал, меня вынудил сделать Йиркун, во второй раз захвативший трон, когда я назначил его регентом, и второй раз наславший на свою сестру волшебный сон. У меня не было иного способа заставить его исправить содеянное им зло и снять чары с Симорил, как только помочь пиратам. Меня вела месть, но убил Симорил не я, а мой меч — Буревестник.

— Это мне известно.— Дивим Твар снова вздохнул и потер лицо рукой, на пальцах которой сверкали драгоценные камни.— Но это никак не объясняет, почему ты здесь. Между тобой и твоими соплеменниками не должно быть никаких дел. Мы не доверяем тебе, Элрик. Если бы мы позволили тебе вести нас, то ты пошел бы про́клятым путем и погубил бы нас. У нас с тобой нет общего будущего.

— Согласен. Но мне нужна ваша помощь. Всего один раз. А потом наши пути снова разойдутся.

— Нам следовало бы убить тебя, Элрик. Но что стало бы бо́льшим преступлением — наша неспособность восстановить справедливость и покончить с предателем или убийство собственного императора? Ты добавил к моим немалым проблемам еще одну. Стоит ли мне пытаться разрешить ее?

— Я всего лишь сыграл свою роль в истории,— серьезно сказал Элрик.— Если бы не я, это же рано или поздно сделало бы само время. Я просто приблизил эти события, спровоцировал их, когда и ты, и наш народ сохраняли еще достаточно гибкости, чтобы принять новый образ жизни.

Дивим Твар иронически улыбнулся.

— Это только твоя точка зрения, хотя и в ней есть правда. Но как сказать об этом людям, которые из-за тебя потеряли дом

и родных? Скажи об этом воинам, у которых на руках остались искалеченные друзья, братья, отцы, скажи об этом мужьям, чьи жены, дочери и сестры — эти гордые мелнибонийки — были обесчещены варварами.

— Да.— Элрик опустил глаза. Когда он заговорил снова, голос его звучал спокойно.— Я не могу возместить то, что они потеряли, как бы я ни старался. Я часто тоскую по Имрриру, по его женщинам, по его винам и развлечениям. Но я могу предложить неплохую добычу — самый богатый дворец в Бакшаане. Забудь старые обиды и помоги мне в этот раз.

— Тебе нужны богатства Бакшаана, Элрик? Тебя никогда не интересовали драгоценности! Зачем тебе это нужно?

Элрик провел руками по своим белым волосам. В его красных глазах блеснула тревога.

— Это месть. Снова месть, Дивим Твар. У меня должок одному чародею из Пан-Танга — Телебу К'аарне. Возможно, ты слышал о нем — это довольно сильный колдун, хотя и принадлежит к относительно молодому народу.

— Что ж, в таком случае мы поможем тебе, Элрик,— мрачно сказал Дивим Твар.— Ты не единственный мелнибониец, который хочет отдать долг Телебу К'аарне. Год назад один из наших людей погиб страшной и отвратительной смертью из-за этой стервы, королевы Йишаны из Джаркора. Его убил Телеб К'аарна, потому что Йишана, искавшая замену тебе, приняла его в свои объятия. Мы можем объединить наши усилия, чтобы отомстить за эту кровь, король Элрик. И эта цель будет подобающим извинением для тех, кто хотел бы пустить кровь тебе.

Элрик не испытывал радости. Он вдруг почувствовал, что это счастливое совпадение будет иметь мрачные и непредсказуемые последствия. И все же он улыбнулся.

Глава третья

В дымящейся бездне где-то за границами времени и пространства зашевелилось некое существо. Вокруг него двигались тени. Это были тени человеческих душ, и эти тени, двигав-

шиеся сквозь сияющую тьму, были хозяевами зашевелившегося существа. Оно позволяло теням командовать им, пока они платили за это оговоренную цену. На языке людей у этого существа было имя. Его звали Кваолнаргн, и оно отзывалось на это имя.

И вот оно зашевелилось. Оно услышало свое имя, проникшее сквозь барьеры, которые обычно препятствовали прохождению звука. Когда это имя было названо, в непроницаемых барьерах образовался временный проход. Существо снова зашевелилось, когда во второй раз услышало имя. Существо не знало ни зачем его зовут, ни куда. Оно лишь смутно осознавало сам зов. Когда путь был открыт, оно могло питаться. Оно не ело плоть и не пило кровь. Оно питалось умами и душами взрослых мужчин и женщин. Время от времени оно позволяло себе закуску — лакомые частички невинной жизненной силы,— которую высасывало из детей. Оно не интересовалось животными, потому что те не обладали сознанием. Существо это, несмотря на всю его глупость, было ценителем и гурманом.

И вот оно услышало имя в третий раз. Оно шевельнулось и потекло. Приближалось время, когда оно снова могло *покормиться...*

Телеб К'аарна содрогался от ужаса. Он считал себя мирным человеком. И не его вина в том, что беспредельная любовь к Йишане превратила его в безумца. Не его вина, что в его власти были несколько сильных злобных демонов, которые в благодарность за рабов и пленников, что скармливал им Телеб К'аарна, защищали дворец купца Никорна. Он искренне верил, что все это не его вина. Обстоятельства сделали его таким. Он проклинал день, когда встретил Йишану, он хотел бы больше никогда не возвращаться к ней после того прискорбного эпизода у стен Танелорна. Ужас пробирал его, когда он, стоя в центре магической фигуры, вызывал Кваолнаргна. Врожденный дар предвидения позволил ему заглянуть в ближайшее будущее, и он знал, что Элрик готовится к сражению с ним. И теперь Телеб К'аарна использовал все возможности, чтобы вызвать помощь. Нужно послать Кваолнаргна, чтобы

он убил Элрика до того, как тот доберется до замка. Телеб К'аарна был рад, что сохранил прядь белых волос — это и позволило ему в прошлом выслать другого, ныне уже мертвого демона против Элрика.

Кваолнаргн знал, что приближается к хозяину. Он неторопливо продвигался вперед, ощущая боль по мере вхождения в чуждый ему мир. Кваолнаргн знал, что хозяин где-то рядом, но по какой-то причине остается недостижимым. Что-то упало перед Кваолнаргном, он принюхался и понял, что должен делать. Это была часть его нового блюда. Кваолнаргн благодарно поплыл прочь, намереваясь найти свою жертву, прежде чем боль, неизбежное следствие длительного нахождения в чужом измерении, станет слишком сильной.

Элрик ехал во главе отряда соотечественников. Справа от него скакал Дивим Твар, Владыка драконов, слева — Мунглам из Элвера. Следом ехали две сотни воинов, а за ними — повозки с награбленным, военные машины и рабы.

Над отрядом развевались гордые знамена, всадники были вооружены имррирскими копьями с характерными удлиненными наконечниками. Воины были облачены в стальные доспехи с длинными наколенниками, в шлемы, наплечники. Нагрудники были отполированы и сверкали, когда распахивались одетые поверх них меховые куртки. Поверх курток воины носили яркие плащи из имррирской ткани, переливавшейся в свете дня.

Сразу за Элриком ехали стрелки, вооруженные луками огромной силы, управляться с которыми умели только мелнибонийцы. Тетива на луках пока была ненатянута, а за спинами у них висели колчаны, заполненные стрелами с черным оперением. Далее, наклонив сверкающие копья, чтобы не задевать ими низкие ветви деревьев, следовали копейщики. За ними следовала основная ударная сила — имррирские воины; каждый был вооружен мечом и еще одним колющим оружием — слишком коротким, чтобы называться мечом, и слишком длинным, чтобы называться кинжалом.

Отряд двигался в обход Бакшаана, потому что дворец Никорна лежал на севере города. Они ехали молча. Им нечего

было сказать. Элрик, их король, вел свой народ в бой впервые за пять лет.

Буревестник, Черный Меч, слегка вибрировал под рукой Элрика, предвкушая битву. Мунглам нервничал, побаиваясь грядущей битвы, которая, как он понимал, будет включать черное колдовство. Он испытывал неприязнь к колдовскому искусству и к существам, которых оно порождало,— элверец считал, что мужчины должны сражаться, не прибегая к помощи сверхъестественных сил.

В таком нервном напряжении отряд ехал дальше и дальше.

Буревестник задрожал на боку у Элрика. Металл издал слабый стон — это было предупреждение. Элрик поднял руку, и отряд остановился.

— Что-то движется нам навстречу, и справиться с этим могу только я,— сказал он воинам.— Я поеду вперед.

Элрик дал шпоры коню, переведя его в осторожный галоп. Он внимательно смотрел вперед. Голос Буревестника стал громче, резче, наконец меч издал приглушенный вопль. Лошадь дрожала, нервы Элрика тоже были на взводе. Он не ожидал нападения так скоро и молился, чтобы зло, притаившееся в лесу, поджидало не его.

— Ариох, будь со мной,— выдохнул он.— Помоги мне сейчас, и я посвящу тебе дюжину воинов. Помоги мне, Ариох.

Ужасное зловоние ударило в ноздри Элрику. Он закашлялся и закрыл рот руками, пытаясь глазами отыскать источник запаха. Конь его заржал. Элрик выпрыгнул из седла и хлопнул коня по крупу, отправляя его назад. Теперь он держал Буревестник в руке и медленно двигался вперед; черный металл вибрировал от рукояти до острия.

Прежде чем увидеть *это* глазами, он почувствовал его шестым чувством, которым обладали его предки. Он узнал его форму. Он сам был одним из его хозяев. Но сейчас Кваолнаргн не подчинялся ему, поскольку не Элрик стоял в центре магической фигуры, и единственной защитой ему были его меч и его разум. Ему была известна сила Кваолнаргна, при мысли о которой его пробирала дрожь. Как он сможет в одиночку одолеть такую силу?

— Ариох! Ариох! Помоги мне! — Это был крик отчаяния — высокий, надрывный.— Ариох!

Времени, чтобы сотворить заклинание, у него не было. Кваолнаргн был уже прямо перед ним — огромное зеленое существо, похожее на рептилию. Он передвигался по тропе громадными прыжками, подвывая от боли, которую испытывал на чужой ему земле. Сейчас он возвышался над Элриком, который оказался в его тени, когда чудовище было еще в десяти футах от него. Элрик быстро выдохнул и крикнул еще раз:

— Ариох! Кровь и души, если ты поможешь мне теперь!

Похожий на рептилию демон прыгнул.

Элрик отскочил в сторону, но его все же зацепила когтистая лапа, и он от удара отлетел в кусты. Кваолнаргн неуклюже повернулся и открыл свою голодную нечистую пасть. Элрик увидел беззубую полость, из которой исходило зловоние.

— Ариох!

В своей неистребимой алчности существо не узнало имени столь сильного бога-демона. Да и невозможно было испугать Кваолнаргна — с ним следовало сражаться.

Когда он во второй раз приблизился к Элрику, тучи изрыгнули дождь, который хлестал теперь по деревьям.

Полуослепленный струями, бьющими ему в лицо, Элрик встал за деревом, держа рунный меч наготове. Кваолнаргн не обладал зрением в обычном понимании этого слова. Он не мог видеть ни Элрика, ни лес. Он не чувствовал дождя. Он лишь мог чуять людские души — то, чем он питался. Демон протопал мимо него, и Элрик, высоко подпрыгнув, двумя руками вонзил меч по рукоять в мягкую подрагивающую спину чудовища. Плоть — или то, что образовывало тело демона,— тошнотворно хлюпнула. Элрик налегал на эфес, и меч рассекал спину адской твари вдоль позвоночника, только вот позвоночника-то у нее и не было. Кваолнаргн взвыл от боли. Голос у него был тонкий и пронзительный. Он нанес ответный удар.

Элрик почувствовал вдруг, как онемел его мозг, а потом голова наполнилась болью, которая никак не могла быть естественной. Он даже закричать не мог. Глаза его расширились от ужаса, когда он понял, что с ним происходит. Из него вытягивали душу. Он это знал. Он не чувствовал физической слабости, он только осознавал, что смотрит вовне...

Но даже это сознание начало увядать в нем. В нем увядало все, даже боль, даже эта жуткая, рожденная самим адом боль.

— Ариох! — прохрипел Элрик.

И вдруг он почувствовал прилив энергии. Он зачерпнул ее не в себе, даже не в Буревестнике — он сам не знал где. Наконец что-то помогало ему, давало ему силу — достаточно силы, чтобы сделать то, что он должен был сделать.

Он извлек меч из спины демона. Он стоял рядом с Кваолнаргном. Нет, над ним. Он плавал в чем-то, но не в земном воздухе. Он просто плыл над демоном.

Он определил место в черепе демона — единственное, как он чувствовал, куда Буревестник может нанести смертельный удар. Медленно и осторожно опустил он Буревестник и вонзил его в череп Кваолнаргна.

Отвратительная тварь завизжала, рухнула наземь — и исчезла.

Элрик лежал, распростершись, на лесной траве. Все его тело дрожало от боли. Он медленно поднялся. В нем почти не осталось энергии. Казалось, жизненные силы ушли и из Буревестника, но Элрик знал, что меч восстановит свою энергию и поможет восстановиться ему.

Потом он почувствовал, как тело стало обретать силы. Он был удивлен. Что происходит? Чувства его начали притупляться. Ему казалось, что он смотрит в длинный черный туннель, ведущий в никуда. Все было словно в тумане. Он чувствовал движение. Он двигался. Как и в каком направлении — этого он не знал.

В течение нескольких секунд Элрик двигался, ощущая только это неземное перемещение и то, что он сжимает Буревестник, свою жизнь, в правой руке.

Потом он почувствовал под собой твердый камень и открыл глаза — неужели, спрашивал он себя, зрение вернулось? Он поднял взор и увидел над собой злорадно ухмыляющееся лицо.

— Телеб К'аарна,— хрипло прошептал он.— Как ты это сделал?

Чародей наклонился, протянул руку в рукавице и взял Буревестник — хватка Элрика совсем ослабла.

— Я следил за твоей доблестной битвой с помощью моего посланника, господин Элрик. Когда мне стало очевидно, что тебе удалось вызвать подмогу, я быстро сотворил новое заклинание — и вот ты здесь. Теперь твой меч и твоя сила стали моими. Я знаю, что без меча ты ничто. Ты целиком в моей власти, Элрик из Мелнибонэ.

Элрик с трудом вдохнул воздух. Все его тело испытывало мучительную боль. Он попытался улыбнуться, но не смог. Не в его привычках было улыбаться, терпя поражение.

— Отдай мне меч.

Телеб К'аарна самодовольно ухмыльнулся.

— Так что ты скажешь насчет мести теперь, Элрик?

— Отдай мне меч! — Элрик попытался подняться, но не мог — он был слишком слаб. Видел он все как в тумане, а потом злорадное лицо волшебника исчезло вообще.

— А что ты можешь предложить взамен? — спросил Телеб К'аарна.— Ты болен, Элрик. А больные не торгуются. Они просят.

Элрик задрожал от бессильного гнева. Он сжал губы. Он не собирался ни просить, ни торговаться.

— Пожалуй, для начала я его спрячу,— улыбаясь, сказал Телеб К'аарна. Он поднял Буревестник, который теперь был в ножнах, и повернулся к находившемуся за ним шкафу. Он извлек из кармана ключ, открыл им дверцу, положил рунный меч внутрь, а потом тщательно запер дверь.— А теперь я, пожалуй, покажу нашего мужественного героя его бывшей любовнице... сестре человека, которого он предал четыре года назад.

Элрик ничего не сказал.

— После этого,— продолжил Телеб К'аарна,— моему нанимателю Никорну будет показан наемный убийца, который решил, будто сможет сделать то, что не смогли другие.— Он улыбнулся.— Какой прекрасный день.— Телеб К'аарна издал смешок.— Какой прекрасный день! Такой насыщенный! Такой радостный!

Телеб К'аарна снова засмеялся и позвонил в колокольчик. Дверь за спиной Элрика открылась, и вошли два высоких воина. Они посмотрели на Элрика, а потом на Телеба К'аарну. Оба явно были удивлены.

— Никаких вопросов,— отрезал Телеб К'аарна.— Отнесите этот мусор в покои королевы Йишаны.

Элрик кипел. Двое подняли его, поддерживая с двух сторон. Эти люди были темнокожими, бородатыми, их глаза бы-

ли глубоко посажены под мохнатыми бровями. На них были тяжелые металлические шапки на шерстяной подкладке, какие носят их соплеменники, а доспехи были не металлическими, а деревянными, обтянутыми кожей. Они волокли обессиленное тело Элрика по длинному коридору, потом один из них резко постучал в дверь.

Элрик узнал голос Йишаны, ответивший на стук. Следом за воинами, тащившими Элрика, шел хихикающий возбужденный чародей.

— Подарочек тебе, Йишана,— сказал он.

Воины вошли в комнату. Элрик не видел Йишану, но он услышал ее удивленный возглас.

— На диван,— приказал чародей.

Элрика положили на мягкий диван. Он лежал в полном изнеможении, глядя на яркую непристойную фреску на потолке.

Йишана склонилась над ним. Элрик почувствовал запах ее эротических духов. Охрипшим голосом он сказал:

— Небывалое воссоединение, королева.

В глазах Йишаны на мгновение появилась искра сочувствия, которое сменилось жестким выражением. Она цинично рассмеялась.

— Значит, мой герой наконец-то вернулся ко мне. Но я бы предпочла, чтобы он вернулся по собственному желанию, а так его притащили, как щенка за шкирку. Волчьи зубы вырваны, и некому теперь ублажать меня по ночам.

Она отвернулась. На ее покрытом косметикой лице появилось выражения отвращения.

— Убери его, Телеб К'аарна. Ты доказал то, что хотел.

Чародей кивнул.

— А теперь,— сказал он,— мы посетим Никорна. Я думаю, он уже ждет нас.

Глава четвертая

Никорн из Илмара был немолод. Ему давно перевалило за пятьдесят, однако выглядел он моложе. У него было худое лицо крестьянина — кожа, натянутая на кости. Проницательным

жестким взглядом он смерил Элрика, которого издевательски бросили на стул.

— Значит, ты и есть Элрик из Мелнибонэ, Волк Рычащего моря, предатель, грабитель и женоубийца. А сейчас ты не сможешь убить и ребенка. Должен сказать, мне не доставляет удовольствия видеть человека в таком положении, в особенности такого активного человека, как ты. Правда ли то, что говорит волшебник? Тебя послали мои враги, чтобы убить меня?

Элрик опасался за судьбу своих людей. Что они предпримут? Будут ждать или пойдут дальше? Если они попытаются взять дворец штурмом, то они обречены. Как и он.

— Это правда? — настаивал Никорн.

— Нет,— прошептал Элрик.— У меня старые счеты с Телебом К'аарной. Ты тут ни при чем.

— Меня не интересуют твои старые счеты, мой друг,— недобрым голосом сказал Никорн.— Меня интересует сохранение моей жизни. Кто тебя послал?

— Телеб К'аарна лжет, если говорит, что меня кто-то послал,— солгал Элрик.— Мне важно было только расплатиться по старым счетам.

— Мне об этом сообщил не только чародей,— сказал Никорн.— У меня много шпионов в городе, и два из них независимо друг от друга сообщили мне о заговоре местных купцов, которые наняли тебя, заказав мое убийство.

Элрик слабо улыбнулся.

— Да,— согласился он.— Это правда. Но я не собирался делать то, о чем они просили.

Никорн на это сказал:

— Я бы мог поверить тебе, Элрик из Мелнибонэ. Но пока я не знаю, что с тобой делать. Я бы никого не передал на милость Телеба К'аарны. Ты готов поклясться, что не будешь покушаться на мою жизнь?

— Ты предлагаешь мне сделку, господин Никорн? — слабым голосом спросил Элрик.

— Да.

— Тогда что же я получу в обмен на свое слово?

— Жизнь и свободу, господин Элрик.

— А мой меч?

Никорн с сожалением пожал плечами.

— Извини, но меча ты не получишь.

— Тогда возьми мою жизнь,— упавшим голосом сказал Элрик.

— Не противься. Мое предложение не такое уж плохое. Жизнь и свобода в обмен на обещание не покушаться на меня.

Элрик глубоко вздохнул.

— Хорошо.

Никорн отошел в сторону. Телеб К'аарна, стоявший в тени, притронулся к руке купца.

— Ты собираешься его освободить?

— Да. Он больше не представляет угрозы ни для меня, ни для тебя.

Элрик чувствовал, что Никорн дружески расположен к нему. Он тоже испытывал нечто похожее по отношению к Никорну. Перед ним был смелый и умный человек. Но — боролся с наступающим безумием Элрик — как нанести ответный удар, не имея Буревестника?

Две сотни имррирских воинов прятались в лесу. На смену дню пришла ночь. Они смотрели и удивлялись. Что произошло с Элриком? Где он теперь — в замке, как то предполагал Дивим Твар? Владыка драконов, как и все, в ком текла королевская мелнибонийская кровь, знал толк в искусстве прорицания. Он совершил небольшое колдовство, которое показало ему, что Элрик, судя по всему, находится в стенах замка.

Вступать в схватку с Телебом К'аарной без Элрика было бы чистым безумием.

К тому же дворец Никорна представлял собой настоящую крепость, мрачную и суровую. Он был окружен глубоким рвом с застоявшейся темной водой. Он царил высоко над окружающим его лесом, не столько построенный на скале, сколько встроенный в нее. Он стоял, коренастый и мощный, занимая большую площадь, и был окружен естественными преградами. Скала местами была обветрена, а по стенам внизу сочилась, напитывая темный мох, вязкая жижа. Словом, судя по внешнему виду, сооружение было не из приятных и почти наверняка неприступное. Без помощи магии две сотни воинов взять его не могли.

Многие из мелнибонийцев начали проявлять нетерпение. Некоторые даже говорили, что Элрик предал их еще раз. Но Дивим Твар и Мунглам не верили в это. Они видели следы схватки в лесу и слышали ее звуки.

Они ждали, надеясь, что Элрик подаст им какой-нибудь знак из замка.

Они следили за огромными главными воротами замка — и их терпение в конце концов было вознаграждено. Громадные деревянные с металлом цепные ворота открылись, и, ведомый двумя воинами пустыни, появился белолицый человек в потрепанных мелнибонийских одеяниях. Воины поддерживали его, потом подтолкнули вперед, и он на нетвердых ногах с трудом преодолел несколько ярдов скользкого каменистого моста, перекинутого через ров.

Потом он упал. И мучительно медленно пополз вперед.

Мунглам застонал:

— Что они с ним сделали? Я должен ему помочь!

Однако Дивим Твар удержал его:

— Нет, нельзя выдавать наше присутствие. Пусть он доберется до леса, и тогда мы ему поможем.

Даже те, кто проклинал Элрика, теперь испытывали сочувствие к альбиносу, который то ползком, то нетвердой походкой продвигался к ним. До тех, кто находился внизу, доносился тонкий смех с зубчатой стены замка. Они даже смогли разобрать несколько слов.

— Ну, что скажешь теперь, волк? — издевался голос.— Что скажешь?

Мунглам сжимал кулаки и дрожал от гнева. Ему было невыносимо видеть, как насмехаются над его гордым другом, вдруг утратившим свою силу.

— Что с ним случилось? Что они с ним сделали?

— Терпение,— сказал Дивим Твар.— Скоро мы все узнаем.

Они с трудом дождались, когда Элрик на коленях доползет до леса.

Мунглам выскочил вперед помочь своему другу. Он обнял альбиноса за плечи, но тот зарычал и сбросил его руку. Он весь горел от сжигавшей его ненависти, которая была тем страшнее, что оставалась бессильной. Элрик ничего не мог сделать для уничтожения того, что ненавидел.

Дивим Твар взволнованно сказал:

— Элрик, расскажи, что случилось. Если хочешь, чтобы мы тебе помогли, мы должны знать, что произошло.

Элрик, тяжело дыша, согласно кивнул. Немного успокоившись, он слабым голосом принялся пересказывать происшедшее.

— А это значит,— простонал Мунглам,— что наши планы перечеркнуты, а ты навсегда потерял свою силу.

Элрик отрицательно покачал головой.

— Должен быть какой-то способ,— выдохнул он.— Должен.

— Какой? Если у тебя есть план, поделись со мной, Элрик.

Элрик сглотнул и прошептал:

— Хорошо, я тебе скажу, Мунглам. Только слушай внимательно, у меня не хватит сил повторить.

Мунглам ничего не имел против ночей, но только если они были освещены уличными фонарями. Он не любил ночей, когда оказывался далеко от городских огней, и ему не нравилась ночь, опустившаяся на замок Никорна, однако он надеялся на лучшее и действовал согласно плану.

Если Элрик не ошибся в своих выводах, то сражение еще можно было выиграть — и захватить дворец Никорна. Но это было опасно для Мунглама, который не любил лезть на рожон.

Он с отвращением смотрел на стоячую воду рва, думая, что их дружба теперь подвергается самому серьезному испытанию. Смирившись с неизбежным, он погрузился в воду и поплыл.

Мох, которым поросли стены, был скользким, но он все же сумел добраться по нему до стеблей плюща, который давал более надежную опору. Мунглам медленно поднимался по стене. Он надеялся, что Элрик прав и Телебу К'аарне нужно некоторое время отдохнуть, прежде чем он сможет совершить новое колдовство. Поэтому-то Элрик и торопил его. Мунглам продолжал свое восхождение и наконец добрался до маленького незарешеченного окна. Человек нормального телосложения не смог бы пролезть внутрь, но небольшие габариты Мунглама в этом случае оказались весьма полезными.

Он, дрожа от холода, пробрался в помещение, потом оказался на узкой каменной лестнице, по которой можно было как подняться выше, так и спуститься вниз. Мунглам нахмурился,

подумал немного — и направился вверх. Элрик лишь в самых общих чертах объяснил ему, как добраться до нужного места.

Ожидая худшего, он на цыпочках шел по каменным ступеням. Он приближался к покоям Йишаны, королевы Джаркора.

Через час Мунглам вернулся. Его трясло от холода, с него лилась вода, но при нем был Буревестник. Он нес рунный меч с осторожностью, опасаясь таящегося в нем зла. Меч снова жил черной пульсирующей жизнью.

— Слава богам, я оказался прав,— слабым голосом пробормотал Элрик. Он лежал, окруженный двумя или тремя имррирцами, включая и Дивима Твара, который сочувственно смотрел на альбиноса.— Я молился, чтобы мое предположение оказалось справедливым, и Телеб К'аарна отдыхает после трудов, связанных с моей персоной...

Он шевельнулся, и Дивим Твар помог ему сесть. Элрик протянул длинную белую руку к мечу — как наркоман к своему жуткому снадобью.

— Ты передал ей мое послание? — спросил он, благодарно взявшись за рукоять.

— Да,— ответил трясущийся Мунглам.— И она согласилась. Ты оказался прав в своих предположениях. Телеб К'аарна настолько устал, что ей не составило труда уговорить его отдать ей ключ. А Никорн нервничал, опасаясь, как бы атака на замок не была предпринята, пока Телеб К'аарна не в силах этому противодействовать. Йишана сама отперла тот шкаф и отдала мне меч.

— Иногда и от женщин бывает какая-то польза,— сухо сказал Дивим Твар.— Хотя обычно в таких делах от них одни помехи.— Было очевидно, что Дивима Твара заботят не только насущные проблемы предстоящего штурма замка, но никто не спросил, что его беспокоит. Это казалось чем-то личным.

— Согласен, Владыка драконов,— чуть ли не весело ответил Элрик. Больное тело альбиноса быстро наполнялось энергией, наделившей его нездешней силой.— Настал час мести. Но помните, мы не должны причинить никакого вреда Никорну. Я дал ему слово.— Он твердо взялся правой рукой за эфес Буревестника.— А теперь пусть заговорят мечи. Я думаю, мне удастся призвать на помощь союзников, которые дадут работу

чародею, пока мы будем штурмовать замок. Чтобы вызвать моих воздушных друзей, магическая фигура мне не потребуется.

Мунглам облизнул губы.

— Значит, опять колдовство. Говоря откровенно, Элрик, вся эта земля уже пропитана магией и населена подданными Ада.

Элрик прошептал на ухо своему другу:

— Это не подданные Ада, а честные элементали, которые во многих смыслах не уступают по силе демонам. Оставь свои страхи, Мунглам. Еще немного простого колдовства — и у Телеба К'аарны навсегда исчезнет желание мстить мне.

Альбинос нахмурился, вспоминая пакты, заключенные в древности его предками. Он глубоко вздохнул и закрыл свои исполненные болью алые глаза, а потом принялся раскачивать меч в руке. Он начал напевать низким голосом, похожим на завывания ветра. Грудь его быстро вздымалась, и некоторым из молодых воинов, тем, кто не был посвящен в древние традиции Мелнибонэ, стало не по себе. Голос Элрика был обращен не к человеческим существам, его слова адресовались невидимому и неосязаемому — сверхъестественному. В древнем напеве стали слышны слова-руны...

Проклятого слушай волю:
Пусть грохочет ураган,
Пусть Граолл и Майша с ревом
Вихрем прочь несут врага!

Плетью пламенного пекла,
Песней черного клинка,
Ласшааров скорбным стоном
Взвейтесь, ветры, в облака!

И быстрей лучей искрящих,
И как бурь морских волна,
И быстрей стрелы летящей
Унесите колдуна!*

Голос его срывался, зов разносился звучно и высоко.

— Майша! Майша! Именем моих отцов я призываю тебя, Владыка ветров!

---

* Перевод Р. Адрианова.

И почти сразу же лесные деревья согнулись, словно чья-то огромная рука развела их кроны. Из ниоткуда раздался жуткий голос, похожий на рев бури. Все, кроме Элрика, который был погружен в транс, содрогнулись.

— ЭЛРИК ИЗ МЕЛНИБОНЭ! — Голос звучал, как раскаты отдаленного грома.— МЫ ЗНАЛИ ТВОИХ ОТЦОВ. Я ЗНАЮ ТЕБЯ. О НАШЕМ ДОЛГЕ ТВОИМ ПРЕДКАМ СМЕРТНЫЕ ДАВНО ЗАБЫЛИ, НО ГРАОЛЛ И МАЙША, КОРОЛИ ВЕТРА, ПОМНЯТ. КАК МОГУТ ЛАСШААРЫ ПОМОЧЬ ТЕБЕ?

Голос звучал чуть ли не дружески, но гордо, высокомерно, устрашающе.

Элрик полностью погрузился в транс, все тело его конвульсивно содрогалось. Голос, вырывавшийся из самого горла, срывался, а слова были незнакомые, нечеловеческие, противные ушам и нервам людей. Элрик кратко изложил свою просьбу Ветру-гиганту, и тогда снова раздался раскатистый голос:

— Я СДЕЛАЮ ТО, О ЧЕМ ТЫ ПРОСИШЬ.

И теперь деревья согнулись еще раз, а потом лес погрузился в тишину.

Кто-то из воинов чихнул, и это стало знаком для других — начался разговор, обсуждение.

Элрик долго еще оставался в трансе, наконец его загадочные глаза открылись, и он мрачно повел вокруг взглядом. На несколько мгновений на его лице появилось недоуменное выражение, а потом он тверже ухватился за эфес Буревестника и подался вперед, обращаясь к воинам Имррира.

— Скоро Телеб К'аарна будет в нашей власти, друзья, а это значит, что нам будут принадлежать и богатства дворца Никорна.

Дивима Твара пробрала дрожь.

— Я не так искушен в тайных искусствах, как ты,— тихо сказал он.— Но внутренним взором я вижу трех волков, ведущих стаю на бой, и один из этих волков должен умереть. Я думаю, моя судьба решена.

Элрик, преодолевая неловкость, сказал:

— Не тревожься, Владыка драконов. Ты еще посмеешься над собравшимся вороньем и поживешь всласть на деньги, добытые в Бакшаане.— Но голос его прозвучал не очень убедительно.

Глава пятая

В постели из шелков и горностаевого меха зашевелился и проснулся Телеб К'аарна. У него было смутное предчувствие какой-то беды, и он вспомнил, что в усталости своей отдал Йишане то, чего отдавать не следовало. Он никак не мог вспомнить, что это было, и теперь ему казалось, что он в опасности. Близость этой опасности не давала сосредоточиться на мысли о том, где и в чем он ошибся. Он поспешно поднялся, натянул через голову одежду и, поправляя ее на ходу, направился к необычному зеркалу на одной из стен его комнаты — это зеркало ничего не отражало.

С затуманенным взором и дрожащими руками он приступил к приготовлениям. Из глиняного кувшина, стоявшего на полке у окна, он отсыпал какого-то вещества, в котором можно было узнать сухую кровь, перемешанную с затвердевшим синим ядом черной змеи, обитавшей в далеком Дореле, что на самом Краю Мира. Он пробормотал над этим порошком заклинание, потом пересыпал его с помощью совочка в тигель и, наконец, швырнул порошок в зеркало, прикрыв одной рукой глаза. Раздался резкий неприятный треск, потом появился и тут же пропал яркий зеленый свет. Зеркало засветилось в самой глубине, амальгама словно бы заколебалась, стала мигать, сверкать, а потом в зеркале вдруг появилось изображение.

Телеб К'аарна знал, что открывшееся ему теперь произошло совсем недавно. А увидел он Элрика, который призывал помощь Ветров-гигантов.

Темные черты Телеба К'аарны свело гримасой страха, руки затряслись от ужаса. Бормоча что-то невнятное, он бросился к окну и, опершись руками на скамью, уставился в темень ночи. Он знал, чего ему нужно опасаться.

За окном бушевала страшная буря, а объектом нападения ласшааров был именно он — Телеб К'аарна. Он должен нанести ответный удар, иначе Ветры-гиганты вырвут его душу и бросят ее духам воздуха — и ветры будут вечно носить ее по свету. Его вопли, потерянные и одинокие, будут разноситься в холодных ущельях, подобные причитаниям плакальщиков. Его душа будет обречена скитаться с четырьмя ветрами по их прихоти и никогда не знать покоя.

Телеб К'аарна испытывал нечто вроде уважения, правда, основанного на страхе, к тому, кто мог повелевать ветрами. Редкому чародею подчинялись элементали ветра, а это была лишь одна из многих способностей, доставшихся Элрику в наследство от предков. Телеб К'аарна понимал, *что* противостоит ему — десять тысяч лет и сотни поколений чародеев, которые набирались знаний у земли и небес, а сейчас эта мудрость досталась альбиносу, которого он, Телеб К'аарна, пытается уничтожить. И тут Телеб К'аарна в полной мере пожалел о содеянном. Но было слишком поздно.

Чародей, в отличие от Элрика, никак не мог влиять на Ветров-гигантов. Единственная его надежда была в том, чтобы стравить одних элементалей с другими. Он должен вызвать элементалей огня. И побыстрее. Чтобы сдержать неистовую бурю, понадобится все умение Телеба К'аарны договариваться с огненными элементалями. А наступающий ураган вот-вот должен сотрясти воздух и землю. Даже Ад вздрогнет от громоподобного гнева Ветров-гигантов.

Телеб К'аарна быстро навел порядок в своих мыслях и стал дрожащими руками совершать странные пассы в воздухе, обещая нечестивый союз любым могущественным элементалям огня, которые согласятся помочь ему в его положении. Он был готов на вечную смерть ради еще нескольких лет жизни.

С приходом Ветров-гигантов ударил гром и начался дождь. Время от времени сверкали молнии, но они гасли, не долетая до земли. Элрик, Мунглам и воины Имррира ощущали эти движения в воздухе, но только Элрик, обладавший особым зрением, мог хотя бы частично видеть то, что происходит на самом деле. Другим глазам гиганты-ласшаары были не видны.

Те военные машины, которые сейчас собирались имррирцами из имевшихся у них составных частей, были детскими игрушками рядом с мощью Ветров-гигантов. Но именно от этих машин зависела победа, поскольку ласшаары должны были сражаться со сверхъестественными, а не с природными силами.

Боевые тараны и осадные лестницы быстро принимали свои очертания под руками работавших с фантастической скоростью воинов. Ветер усиливался, гром грохотал все сильнее. Приближался час штурма. Луну закрыли огромные черные тучи, и люди работали в свете факелов. Неожиданность в этой ситуации давала не очень много.

Они были готовы за два часа до рассвета.

Наконец воины тронулись к замку Никорна. Во главе отряда скакали Элрик, Дивим Твар и Мунглам. Элрик вдруг издал ужасный вопль, и гром ответил ему раскатом. Огромная стрела молнии рассекла небо в направлении дворца, который затрясся и задрожал, когда над замком неожиданно появился шар розовато-оранжевого огня и поглотил молнию. Схватка между огнем и воздухом началась.

Вся местность сотрясалась от злобных воплей и стонов, оглушавших имррирцев. Они чувствовали, что атмосфера вокруг них просто пропитана враждебностью.

Над большей частью замка висело зловещее сияние. Оно становилось все слабее, и это оглушало несчастного чародея, бормотавшего что-то невнятное. Он знал: как только Владыки Пламени уступят Ветрам-гигантам, его судьба будет решена.

Элрик невесело улыбнулся, наблюдая за этой битвой. Теперь он знал, что в измерениях сверхъестественного ему больше нечего бояться. Но еще оставался замок, и для штурма стен у него не было потусторонних помощников. Искусство владения оружием было единственным, что имррирцы могли противопоставить свирепым воинам пустыни, стоявшим сейчас на зубчатых стенах и готовым уничтожить воинов, что собирались штурмовать замок.

Взмыли вверх штандарты с драконами, золотистая ткань засветилась призрачным сиянием. Сыны Имррира, рассредоточившись, двинулись на приступ. Взметнулись вверх и осадные лестницы — командиры отдали приказ начать штурм. Лица защитников казались белыми пятнами на фоне темного камня. Они кричали что-то визгливыми голосами, но разобрать слова было невозможно.

Два тарана, сооруженных накануне, были выдвинуты в авангард наступающего отряда. Идти по узкому переходу было довольно опасно, но другого пути через ров не было. Каждый огромный таран со стальным острием на конце тащили двадцать воинов. Они перешли на бег, когда сверху полетели стрелы. Укрывшись щитами, которые отразили большинство стрел, воины добрались до перехода и стремглав перебежали по нему. Первый таран оказался у ворот. Элрику, который наблюдал за происходящим у ворот, казалось, что ничто не может противостоять мощи такого тарана. Однако ворота дрогнули, но выдержали первый удар.

Воины, как вампиры, изголодавшиеся по крови, издавали жуткие вопли, по-крабьи отскакивая в стороны, чтобы не мешать бревну, раскачиваемому их товарищами. Ворота дрогнули еще раз, на сей раз они как будто подались, но все равно выдержали.

Дивим Твар криками подбадривал тех, кто поднимался на стены по лестницам. То были храбрые, если не сказать — отчаянные воины, потому что почти никто из ступивших на лестницу первыми не добирался до вершины. Но даже если это удавалось, им приходилось нелегко в одиночестве против множества защитников, пока снизу не подоспеют товарищи.

Расплавленный свинец с шипением проливался из огромных котлов, установленных на поворотных механизмах так, чтобы котлы легко было опорожнять и наполнять снова. Многие отважные имррирцы срывались вниз и гибли от жидкого раскаленного металла, не успев долететь до острых скал внизу. Из кожаных мешков, привязанных к вращающимся барабанам, на них сыпались огромные камни, костоломным дождем проходя по рядам осаждающих. Но полсотни имррирцев, издавая боевые кличи, продолжали наступление на стены, пока их товарищи, подняв щиты для отражения стрел, разбивали ворота замка.

Элрик и два его спутника ничем не могли помочь ни штурмующим стены, ни разбивающим ворота. Все трое были рукопашными бойцами — но сейчас бой вели лучники, которые из заднего ряда посылали свои стрелы в защитников на стенах.

Ворота начали поддаваться. В них появились трещины, которые с каждым ударом становились все шире. И вдруг, когда этого никто не ожидал, ворота рухнули с вывернутых петель

на землю. Нападающие издали торжествующий вопль и, бросив таран, ринулись через разбитые ворота, размахивая, словно косами, топорами и мечами,— и головы врагов посыпались на землю, как сжатые колосья.

— Замок наш! — прокричал Мунглам и бросился вперед к разбитым воротам.— Замок пал!

— Не спеши кричать о победе,— сказал Дивим Твар, но проговорил он это со смехом, уже на бегу — вместе с другими он спешил к воротам.

— Ну, что ты теперь скажешь о своей судьбе? — крикнул Элрик другу детства, но тут же замолчал, потому что лицо Дивима Твара омрачилось, губы сжались, на лице появилось мрачное выражение. Некоторое время оба они на бегу ощущали возникшее между ними напряжение, потом Дивим Твар рассмеялся и попытался свести все к шутке.

— Где-то она есть, Элрик, где-то есть, но давай не будем думать о таких вещах, потому что если моя судьба висит надо мной, я ведь все равно не смогу остановить ее падение, когда настанет мой час.— Он хлопнул Элрика по плечу, чувствуя, как смущен альбинос, которому такие эмоции обычно были не свойственны.

Наконец они миновали ворота и оказались во внутреннем дворе замка, где сражение перешло в островки единоборства — воины бились один на один, пока кто-то из них не падал мертвым.

Буревестник первым из мечей тройки вкусил крови, отправив в ад душу воина пустыни. Мелькая в воздухе, совершая резкие удары, он пел злобную песню — злобную и торжествующую.

Темнолицые воины пустыни славились мужеством и искусством владения мечом. Своими кривыми клинками они сеяли смерть в рядах имрирцев — пока что защитники крепости числом превосходили нападающих.

Где-то наверху вдохновленные мелнибонийцы захватили плацдарм на стене и сошлись в схватке с людьми Никорна, которые теперь отступали, некоторые из них были уже сброшены со стены вниз. Один из таких защитников с криком рухнул чуть ли не на голову Элрику. Альбинос, получив толчок

в спину, рухнул на вымощенный булыжником и залитый кровью дворик. Раненый воин пустыни быстро оценил свои шансы и бросился на врага с торжествующим криком и искаженным гримасой лицом. Его кривой меч уже готов был отсечь Элрику голову, но тут его шлем раскололся надвое, а из головы фонтаном хлынула кровь.

Дивим Твар извлек из черепа мертвого воина трофейный топор и улыбнулся поднимающемуся с земли Элрику.

— Мы оба увидим победу! — прокричал он, перекрикивая бушующие стихии и звон оружия.— А моя судьба... она минует меня, пока...

Он вдруг замолчал, на его точеном скуластом лице появилось недоуменное выражение, а у Элрика внутри все оборвалось, когда он увидел, как из бока Дивима Твара появилось острие меча. За спиной Владыки драконов стоял воин пустыни; злобно ухмыляясь, он извлекал из тела Дивима Твара меч. Элрик с проклятиями ринулся вперед. Воин попытался защищаться, одновременно отступая от взбешенного альбиноса. Буревестник опустился вниз с жуткой песней смерти, он разрубил сталь чужого меча, вонзился в плечо воина и рассек его тело надвое. Элрик повернулся к Дивиму Твару, который продолжал стоять, но был бледен и едва держался на ногах. Из раны текла кровь, просачиваясь сквозь одежду.

— Ты тяжело ранен? — взволнованно спросил Элрик.— Ты можешь говорить?

— Кажется, его меч прошел у меня между ребрами — ничто жизненно важное не задето.— Дивим Твар набрал в легкие воздуха и попытался улыбнуться.— Я наверняка бы знал, если бы это было серьезно.

Сказав эти слова, он упал, а когда Элрик перевернул его, то глядел уже в мертвое лицо. Больше никогда Повелитель Драконьих пещер не сможет проведать своих подопечных.

Элрик стоял над телом мертвого родича, и его одолевали боль и скорбь. По моей вине погиб еще один прекрасный мелнибониец, подумал он. Но кроме этой мысли, он не мог позволить себе никаких других слабостей. Он должен был защищаться от мелькающих мечей двух воинов, наступавших на него.

Сквозь разбитые ворота в замок бросились лучники, закончившие свою работу снаружи, и их стрелы принялись разить врагов.

Элрик громко закричал:

— Мой родич Дивим Твар убит. Его заколол в спину воин пустыни — отомстите за него. Отомстите за Владыку драконов Имррира!

Из глоток мелнибонийцев вырвался крик скорби, и они стали сражаться еще яростнее. Элрик окликнул вооруженных боевыми топорами воинов, которые, покончив с врагом наверху, спустились вниз.

— Следуйте за мной. Мы отомстим за кровь, которую взял Телеб К'аарна!

Альбинос хорошо себе представлял расположение покоев замка.

Откуда-то раздался голос Мунглама:

— Один миг, Элрик, и я присоединюсь к тебе!

Воин пустыни, стоявший спиной к Элрику, упал, и из-за него возникла фигура ухмыляющегося Мунглама. Его меч от эфеса до острия был залит кровью.

Элрик побежал к маленькой двери в главной башне замка. Указывая на нее, он сказал своим воинам:

— Поработайте-ка своими топорами, ребята. Да побыстрее!

Воины с мрачным видом начали рубить плотное дерево. Элрик нетерпеливо смотрел, как отлетают в стороны щепки.

Сражение было проиграно. Телеб К'аарна в отчаянии рыдал. Какатал, Владыка Огня, и его подданные мало что могли противопоставить Ветрам-гигантам, чья сила, казалось, все больше и больше росла. Чародей грыз ногти и дрожал от страха в своей комнате, а внизу продолжалась схватка, воины проливали кровь и умирали. Телеб К'аарна сосредоточился теперь на одном: на полном уничтожении сил ласшааров. Но он уже знал: так или иначе, ему суждено погибнуть.

Топоры врубались в дерево двери все глубже и глубже. Наконец дверь пала.

— Дело сделано, мой господин,— сказал один из воинов Элрику, указывая на дыру, пробитую ими в двери.

Элрик просунул внутрь руку и нащупал засов. Щеколда подалась, а потом упала вниз на каменные плитки. Элрик плечом толкнул дверь.

Над ними в небе появились две огромные фигуры, напоминающие человеческие. Одна из них была золотой и сверкала, как солнце. Казалось, она орудует огромным огненным мечом. Другая фигура была темно-синего с серебром цвета, она извивалась, и очертания ее были расплывчаты. В руке она держала мерцающее копье меняющегося цвета.

Майша и Какатал сошлись между собой. От исхода их схватки зависела судьбы Телеба К'аарны.

— Быстрее! — крикнул Элрик.— Наверх.

Они бросились вверх по лестнице, которая вела в комнату Телеба К'аарны.

Они были вынуждены остановиться, оказавшись перед черной дверью, окованной алым железом. В двери не было ни скважины, ни замка, и тем не менее она преграждала им путь. Элрик приказал воинам работать топорами. Все шестеро одновременно ударили по металлу.

Они в один голос вскрикнули — и исчезли. После них не осталось даже дыма, ничто не говорило, что мгновение назад они были здесь.

Мунглам отпрянул назад, его глаза расширились от ужаса. Он отступал от Элрика, который был полон решимости оставаться у двери. Буревестник подрагивал в его руке.

— Уходи отсюда, Элрик. Мы имеем дело с колдовством страшной силы. Пусть лучше твои воздушные друзья прикончат чародея!

Элрик чуть ли не истерически закричал:

— С магией лучше всего бороться магией!

Он изо всех сил обрушил меч на черную дверь. Буревестник вонзился в нее, издал вопль, похожий на победный клич, и заворчал, словно истосковавшийся по душам демон. Последовала ослепляющая вспышка, Элрика оглушил жуткий рев, альбиносу показалось, что он стал невесомым. Дверь рухнула внутрь.

— Буревестник редко подводил меня, Мунглам! — воскликнул Элрик, ринувшись внутрь.— За мной, мы у покоев Телеба К'аарны...

Он вдруг замер, глядя на нечто, расположенное на полу и нечленораздельно лепечущее. Прежде это нечто было человеком. Оно было Телебом К'аарной. Теперь от него осталась жалкая безвольная плоть, сидящая в центре магической фигуры и глупо хихикающая.

Внезапно в его глазах засветилась какая-то разумная мысль.

— Слишком поздно мстить, Элрик,— сказала эта студенистая плоть.— Я победил, ты видишь... я присвоил твою месть.

Элрик с мрачным лицом, не говоря ни слова, сделал шаг вперед, поднял Буревестник и опустил взвывший рунный меч на череп колдуна. На несколько мгновений он задержал его там.

— Пей досыта, адский клинок,— прошептал он.— Мы с тобой это заслужили — ты и я.

Над ними неожиданно повисла тишина.

Глава шестая

— Это неправда! Ты лжешь! — закричал испуганный человек.— Мы в этом не виноваты.— Пилармо повернулся к группе городских старейшин. За пышно одетым купцом были три его товарища — те, кто встречался с Элриком и Мунгламом в таверне.

Один из обвинителей указал толстым пальцем на север, где стоял дворец Никорна.

— Никорн был врагом всех других торговцев Бакшаана. С этим я согласен. Но вот шайка каких-то кровожадных разбойников нападает на замок, заручившись помощью демонов. А ведет их Элрик из Мелнибонэ! Ты знаешь, что ты в этом виноват: слухи об этом ходят по всему городу. Ты использовал Элрика — и вот что случилось!

— Но мы понятия не имели, что он зайдет так далеко, чтобы убить Никорна! — Жирный Тормиел заламывал руки, на лице его было скорбное выражение и испуг.— Вы напрасно вините нас. Мы только...

— Это *мы* напрасно вас виним?! — Фаратт, говоривший от лица горожан, был толстогуб и краснолиц. Он рассержено махал руками.— Когда Элрик и его шакалы покончат с Никорном, они придут в город. Идиот! Именно это и было нужно колдуну-альбиносу. Он посмеялся над тобой — ты дал ему хороший повод. С вооруженными людьми мы можем бороться, но не с грязным колдовством!

— Что нам делать? Что нам делать? Бакшаан завтра разграбят! — Тормиел повернулся к Пилармо.— Это была твоя идея — ты придумал этот план!

Пилармо, заикаясь, предложил:

— Мы можем заплатить ему выкуп... подкупить его... дать им столько денег, чтобы они остались довольны.

— И кто же даст им эти деньги? — спросил Фаратт.

Спор продолжился.

Элрик с отвращением разглядывал мертвое тело Телеба К'аарны. Наконец он отвернулся и посмотрел на бледного Мунглама, который хриплым голосом сказал:

— Пойдем отсюда, Элрик. Йишана, как и обещала, ждет тебя в Бакшаане. Ты должен выполнить условия сделки, которую я заключил от твоего имени.

Элрик устало кивнул.

— Да, судя по всему, имррирцы взяли замок. Мы отдадим его им на разграбление, а сами исчезнем, пока еще можно. Ты мне позволишь побыть здесь немного одному? Меч не берет эту душу.

Мунглам благодарно вздохнул.

— Я встречусь с тобой во дворе через четверть часа. Я хочу получить свою часть добычи.

Каблуки Мунглама застучали по лестнице, а Элрик остался над телом врага. Он поднял руки, с его меча, который он все еще держал в правой руке, капала кровь.

— Дивим Твар! — воскликнул он.— Ты и твои соплеменники отомщены. Пусть тот демон, что удерживает душу Дивима Твара, отпустит ее теперь и вместо нее возьмет душу Телеба К'аарны.

В комнате появилось что-то невидимое и неосязаемое, но тем не менее ощутимое; оно помедлило над телом Телеба К'аарны. Элрик смотрел в окно, и ему показалось, что он слышит

биение драконьих крыльев, что он ощущает кисловатый запах драконов, видит их крылатые контуры на фоне занимающейся зари — драконы уносили своего владыку.

На лице Элрика появилось подобие улыбки.

— Боги Мелнибонэ защищают тебя, где бы ты ни был,— тихо сказал он и, отвернувшись от мертвого тела, вышел из комнаты.

На лестнице он встретил Никорна из Илмара.

Лицо купца было исполнено гнева. Его трясло от ярости. В руке он держал большой меч.

— Вот я и нашел тебя, волк,— сказал он.— Я подарил тебе жизнь — и вот твоя благодарность!

Элрик устало ответил:

— Это судьба. Но я поклялся не брать твою жизнь, и поверь мне, не взял бы, даже если бы не дал слова.

Никорн стоял в двух шагах от дверей.

— Тогда я возьму твою. Я вызываю тебя!

Он вышел во двор, чуть не упал, споткнувшись о тело мертвого имррирца, но сохранил равновесие и, сжигаемый бешенством, приготовился сражаться с Элриком. Наконец во дворе появился Элрик, его рунный меч оставался в ножнах.

— Нет!

— Защищайся, волк!

Правая рука альбиноса автоматически потянулась к эфесу меча, но он не извлек его из ножен. Никорн с проклятиями нанес удар, целясь в белое лицо, и Элрик едва успел увернуться. Он сделал шаг назад и все же вытащил Буревестник, хотя и сделал это неохотно. Он стоял, замерев, настороженно ожидая следующего выпада Никорна.

Элрик намеревался только разоружить бакшаанца. Он не хотел ни убивать, ни калечить этого храброго человека, который пощадил его, когда Элрик целиком был в его власти.

Никорн нанес еще один сильный удар, но альбинос отразил его. Буревестник слабо застонал, дрожа и пульсируя. Зазвенел металл, и началась нешуточная схватка — бешенство Никорна сменилось расчетливой, холодной яростью. Элрик был вынужден защищаться со всем своим мастерством. Хотя Никорн был старше альбиноса и предавался такому мирному

занятию, как торговля, мечом он владел в совершенстве. У него была фантастическая реакция, и временами Элрик защищался не только потому, что таков был его выбор.

Но что-то происходило с рунным мечом. Он выкручивался из руки Элрика, вынуждая его перейти в контрнаступление. Никорн отступил, в глазах его загорелось что-то вроде страха, когда он осознал всю мощь Элрикова адского клинка. Купец сражался с мрачным видом, Элрик же не сражался вообще. Он был во власти завывающего меча, который нанес удар, разбивший гарду на мече Никорна.

Буревестник внезапно рванулся в руке Элрика. Никорн вскрикнул. Рунный меч вырвался из ладони Элрика и по собственной воле нанес удар в сердце противника.

— Нет! — крикнул Элрик, пытаясь остановить меч, но было поздно. Буревестник вонзился в сердце Никорна и издал торжествующий вопль.— Нет!

Элрик схватился за рукоять и попытался вытащить меч из тела Никорна. Купец, перед которым открылась бездна ада, закричал в агонии. Он уже давно должен был умереть. Но он продолжал жить.

— Он забирает меня — эта треклятая тварь забирает меня! — Никорн жутко захрипел, ухватившись за клинок руками.— Останови его, Элрик, я тебя умоляю — останови! *Пожалуйста!*

Элрик снова попытался вытащить меч из тела Никорна, но у него ничего не получилось. Меч крепко держался в плоти, в ткани мышц и переплетениях органов. Он жадно стонал, впитывая в себя все то, что было Никорном из Илмара. Он высасывал силы из умирающего человека, и голос его звучал тихо и до отвращения чувственно. Элрик все еще пытался вытащить меч из тела. Но это было невозможно.

— Будь ты проклят,— простонал Элрик.— Этот человек был мне почти другом. Я дал слово не убивать его!

Но Буревестник, хотя и был существом разумным, не слышал своего хозяина.

Никорн вскрикнул еще раз — крик умирающего, переходящий в низкий, потерянный стон. А потом его тело умерло.

Тело Никорна умерло, а душа присоединилась к многочисленным душам друзей, родичей и врагов альбиноса, которые,

погибнув от рунного меча, стали частью того, что питало Элрика из Мелнибонэ.

Элрик зарыдал.

— Почему на мне лежит это проклятие? Почему?

Он упал на землю, в кровь и грязь.

Немного позже Мунглам наткнулся на своего друга — тот лежал ничком во дворе замка. Он взял Элрика за плечи и перевернул его. Мунглама пробрала дрожь, когда он увидел лицо альбиноса, искаженное мучительной судорогой.

— Что случилось?

Элрик приподнялся на локте и указал на тело Никорна, лежащее в нескольких футах от него.

— Еще один. Будь проклят этот меч!

Мунглам не без смущения сказал:

— Но иначе он сам убил бы тебя. Не думай об этом. Многие нарушали свои обещания, но делали это не по своей вине. Идем, мой друг. Йишана ждет нас в таверне «Алая голубка».

Элрик с трудом поднялся на ноги и побрел к разбитым воротам замка, где их ждали кони.

Когда они скакали к Бакшаану, не догадываясь о том, что беспокоило жителей города, Элрик в сердцах ударил по Буревестнику, висевшему, как обычно, у него на боку. Взгляд альбиноса был жесткий и мрачный, направленный словно бы внутрь, в глубины души.

— Опасайся этого дьявольского меча, Мунглам. Он убивает врагов, но особенно он любит кровь друзей и родичей.

Мунглам кивнул, давая знать, что понимает, и отвернулся, так ничего и не ответив.

Элрик хотел было сказать что-то еще, но передумал. Ему нужно было выговориться. Нужно... Только вот сказать было нечего.

Пилармо хмурил брови. Он со скорбным лицом смотрел, как рабы выволакивают на улицу его сундуки с сокровищами, воздвигая из них подобие пирамиды перед его великолепным домом. Три товарища Пилармо в других частях города пребывали в подобном же прискорбном состоянии. Их сокровища

тоже вытаскивали на улицу. Жители Бакшаана назвали тех, кто должен платить выкуп.

Вдруг на улице появился какой-то оборванец. Он показывал рукой на север и кричал:

— Альбинос и его спутник — они у Северных ворот!

Жители, стоявшие рядом с домом Пилармо, обменялись взглядами. Фаратт проглотил слюну и сказал:

— Элрик решил поторговаться с нами. Быстрее, открывайте сундуки и распорядитесь, чтобы стража пропустила его.

Один из жителей стремительно бросился исполнять приказание.

Фаратт и те, кто ему помогал, выворачивали сундуки Пилармо, чтобы предъявить выкуп альбиносу, который вместе с Мунгламом уже ехал по улице города. Лицо его было бесстрастным. Он был человеком искушенным, а потому скрыл свое недоумение.

— Что это? — спросил Элрик, бросив взгляд на Пилармо.

Фаратт с раболепной интонацией произнес:

— Сокровища. Это твое, господин Элрик. Твое и твоих людей. Будет и еще. Только не надо больше никакого колдовства. И твоим людям нет нужды разорять город. Ты найдешь здесь сказочные сокровища, их стоимость огромна. Возьми их и оставь город с миром. Хорошо?

Мунглам с трудом подавил улыбку.

Элрик холодно ответил:

— Хорошо. Я принимаю сокровища. Доставьте все это моим людям в замке Никорна, иначе вы и ваши друзья завтра будете гореть на медленном огне.

Фаратт внезапно закашлялся и задрожал.

— Как скажешь, господин Элрик. Все будет доставлено в лучшем виде.

Элрик и Мунглам направили своих коней к таверне «Алая голубка». Когда они отъехали на достаточное расстояние и их нельзя было услышать, Мунглам сказал:

— Насколько я понимаю, господин Пилармо и его друзья выплачивают нам выкуп, о котором мы и не просили.

Элрик пребывал в состоянии, в котором ему было не до шуток, но он усмехнулся.

— Ну да. Я с самого начала собирался ограбить их, но это сделали их сограждане. По пути назад мы возьмем нашу долю.

Они добрались до таверны, в которой их ждала Йишана, одетая по-походному. Она явно нервничала.

Увидев Элрика, она удовлетворенно вздохнула и нежно улыбнулась.

— Значит, Телеб К'аарна мертв,— сказала она.— И теперь мы можем возобновить наши прерванные отношения, Элрик.

Альбинос кивнул.

— Такова была моя часть договора. А ты свою выполнила, когда помогла Мунгламу получить мой меч.— Элрик говорил бесстрастным тоном.

Она обняла его, но он отстранился.

— Потом,— пробормотал он.— Но этого обещания я не нарушу, Йишана.

Он помог недоумевающей женщине сесть в седло, и они двинулись назад, к дому Пилармо.

Она спросила:

— А что с Никорном? Он в безопасности? Мне нравился этот человек.

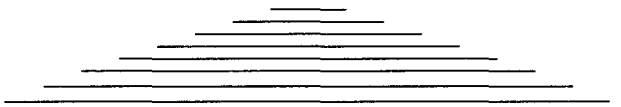
— Он умер,— сказал Элрик, и голос его сорвался.

— Почему? — спросила она.

— Потому что, как и все купцы, слишком любил торговаться,— ответил Элрик.

Наступила неестественная тишина. Трое подгоняли своих коней к Северным воротам города, и Элрик не остановился, когда остановились двое других, чтобы взять долю из сокровищ Пилармо. Он продолжал скакать, глядя вперед невидящим взглядом, и остальным пришлось дать шпоры своим коням, чтобы догнать его. Им это удалось только в двух милях от стен города.

В садах богатых бакшаанцев не было ни ветерка. Не остужал ветер и вспотевшие лица бедняков. Солнце горело в небесах, круглое и красное, и лишь тень, похожая на дракона, на мгновение заслонила его и затем исчезла.



Короли во тьме

(В соавторстве с Джеймсом Которном)

Во тьме — три короля:
Гутеран из Орга, я —
И тот, кого хранит земля
В могиле под Холмом.

Песня Вееркада
(Перевод Р. Адрианова)

Глава первая

Элрик, владыка погибшей и разграбленной империи Мелнибонэ, мчался, словно волк, вырвавшийся из западни, и безумная радость переполняла его. Он скакал из Надсокора, а за ним по пятам гналась ненависть — потому что в нем опознали старого врага, прежде чем он успел вызнать секрет, ради которого и явился в город нищих. И теперь горожане преследовали его и смешного маленького человечка, который скакал подле Элрика, давясь от смеха. Это был Мунглам Чужеземец из Элвера, что лежит на Неизвестном Востоке.

Пламя факелов пожирало бархат ночи — кричащие во все горло оборванцы погоняли своих тощих кляч, пытаясь догнать этих двоих.

Хотя преследователи были голодны, как шакалы, и одеты в лохмотья, их было много, и их длинные ножи и костяные луки сверкали в свете факелов. Они представляли серьезную опасность в драке, но для погони были слишком малочисленны, а потому Элрик и Мунглам предпочли покинуть город без дальнейших разбирательств. Они неслись навстречу восходящей полной луне, которая прорезала тьму болезненно-бледными лучами, освещая для них беспокойные воды реки Варкалк и показывая путь к спасению от рассвирепевшей толпы оборванцев.

Они подумали было о том, чтобы дать бой этой шайке: ведь, кроме реки, другой дороги к спасению у них не было. Но оба прекрасно знали, что сделают с ними нищие, попади они к ним в руки. А что будет, если они решат отдаться на милость

реки, было неизвестно. Кони доскакали до крутого обрыва и, встав на дыбы, забили передними ногами по воздуху.

Выругавшись, беглецы пришпорили коней, погоняя их к берегу. Наконец кони, фыркая и разбрызгивая воду, вошли в реку, которая, бурля на порогах, несла беснующиеся волны к облюбованному адскими силами Троосскому лесу, лежащему в пределах Орга — страны некромантии и разложения, страны древнего зла.

Элрик отфыркивался от речной воды, но все же поперхнулся и закашлялся.

— Я думаю, они не будут преследовать нас до Трооса,— крикнул он спутнику.

Мунглам ничего не ответил. Он только зло ухмыльнулся, показав белые зубы, а в его глазах мелькнул неприкрытый страх. Лошади уверенно плыли по течению, а за ними разочарованно визжала толпа оборванцев — надежда утолить жажду крови не оправдалась. Некоторые из них смеялись и выкрикивали вслед беглецам ругательства.

— Пусть лес закончит наше дело!

Элрик безумно захохотал в ответ. Лошади плыли по темной прямой ленте реки, раздавшейся вширь, но все равно глубокой — плыли к ожидающему их утру, холодному и колкому от наполняющих воздух ледяных иголок. По обоим берегам здесь и там высились островерхие утесы, между которыми резво бежала река. На черных и коричневых скалах то и дело виднелись участки зеленого мха, а в долине, словно что-то скрывая, шевелилась трава. Некоторое время в предрассветных сумерках на берегу мелькали оборванцы, но в конце концов и они, поняв, что добыча ушла из рук, замерзшие, вернулись в Надсокор.

Когда преследователи рассеялись, Элрик и Мунглам направили коней к берегу и поднялись повыше, где скалы и трава сменялись тощим леском, стоявшим по обе стороны реки и отбрасывавшим на землю печальные тени. Шуршали листья в кронах, словно живущие собственной жизнью и наделенные разумом.

То был лес зловещих цветов, неожиданно распускавшихся кровавыми болезненными бутонами. Лес изогнутых, извилистых гладких стволов, черных и лоснящихся; лес остроконечных листьев мрачно-пурпурного и блестяще-зеленого цветов. Место здесь было явно нездоровое, о чем свидетельствовал даже запах гниющей листвы, который сразу же ударил в чувствительные ноздри Элрика и Мунглама.

Мунглам сморщил нос и повел головой, указывая в том направлении, откуда они пришли.

— Может, вернемся? — спросил он.— Мы можем обойти Троос, срезав угол вблизи границы Орга. И через день-другой будем в Бакшаане. Что скажешь, Элрик?

Элрик нахмурился.

— Не сомневаюсь — в Бакшаане нам будут рады. Мы там встретим такой же теплый прием, как и в Надсокоре. Они еще не забыли те разрушения, что мы туда принесли. Помнят и выкуп, взятый нами с их торговцев. Нет, мне взбрело в голову немного исследовать этот лес. Я слыхал всякие россказни об Орге и его странном лесе, и мне хочется узнать о них правду. Мой клинок и мое колдовство защитят нас, если в этом будет необходимость.

Мунглам вздохнул.

— Элрик, давай хоть раз не будем напрашиваться на неприятности.

Элрик холодно улыбнулся. Его алые глаза сейчас особенно ярко сверкали на мертвенно-бледной коже лица.

— Неприятности? От этих краев нечего ждать, кроме смерти.

— Я пока не тороплюсь умирать,— сказал Мунглам.— С другой стороны, таверны Бакшаана... или Джадмара, если уж ты так хочешь...

Но Элрик уже направил коня вперед, в глубь леса. Мунглам вздохнул и направился следом. Скоро темные соцветия скрыли от них небо, и без того затянутое тучами. Они могли видеть не больше чем на несколько шагов. Остальной лес казался бескрайним и непроходимым. Оба это не столько видели, сколько чувствовали — сам лес терялся в угрожающем мраке.

Мунглам узнал этот лес по описанию, которое слышал от путников, которые до безумия напивались в темных тавернах Надсокора, чтобы поскорее забыть о пережитом.

— Сомнений быть не может — это Трооссний лес,— сказал Мунглам.— Рассказывают, что Обреченный народ выпустил на землю огромные силы, которые и вызвали здесь такие ужасные изменения у всего живого. Этот лес — последнее, что создали Обреченные, и последнее, что осталось от них.

— Каждому ребенку случается ненавидеть своих родителей,— загадочно произнес Элрик.

— Я думаю, таких детей нужно побаиваться,— ответил Мунглам.— Некоторые говорят, что, когда Обреченные были на вершине могущества, никакие боги были им не страшны.

— Действительно, смелые ребята,— ответил Элрик с едва заметной улыбкой.— Они заслуживают уважения. Теперь страх и боги вернулись, и это, по меньшей мере, успокаивает.

Мунглам некоторое время размышлял над этими словами, но так ничего и не сказал.

Ему становилось все больше не по себе. Лес был наполнен зловещим шуршанием и шелестом, хотя, насколько они могли судить, здесь не было ни одного живого существа. Очень нервировало явное отсутствие птиц, грызунов или хотя бы насекомых. Они не испытывали особых симпатий ко всей этой живности, но предпочли бы их компанию в этом странном лесу.

Мунглам начал дрожащим голосом напевать, надеясь, что песня поможет поддержать их дух и рассеет мрачные мысли, навеваемые этим лесом.

Ремесло мое — слово и смех,
И меня ждет в жизни успех:
Не широк я в плечах и совсем не смельчак,
Но запомнят меня лучше всех*.

Песня вернула ему природный оптимизм, и Мунглам поспешил за тем, кого считал другом и кто был, по сути, его господином, хотя ни один из них и не признал бы этого.

Элрик улыбался, слушая песню Мунглама.

— Если ты поешь о том, что не силен и не смел, то вряд ли ты этим отпугнешь врагов.

* Перевод Р. Адрианова.

— Зато так я и не провоцирую их,— весело ответил Мунглам.— Если я пою о своих недостатках, то чувствую себя в безопасности. Если бы я хвастался талантами, то кто-нибудь непременно решил бы, что я бросаю ему вызов, и захотел бы преподать мне урок.

— Правильно,— мрачно согласился Элрик.— И хорошо сказано.

Он то и дело показывал то на один, то на другой цветок или лист, отмечая его необычную окраску и текстуру и произнося слова, которые были непонятны Мунгламу, хотя он и знал, что произносятся они на колдовском языке. Казалось, альбиносу неведомы страхи, одолевавшие Мунглама. Впрочем, Мунглам знал, что нередко внешний вид Элрика бывает обманчив.

Они сделали короткий привал. Элрик принялся разглядывать некоторые образцы, сорванные им по пути с деревьев и кустов. Он бережно раскладывал их в разные отделения поясной сумки, не говоря Мунгламу, зачем он это делает.

— Идем,— сказал он наконец.— Тайны Трооса ждут нас.

Но тут из чащи раздался женский голос:

— Оставьте прогулки для другого случая, чужеземцы.

Элрик ухватил коня за узду, другой рукой сжимая Буревестник. Этот голос странным образом подействовал на него. Он был низкий, глубокий, и у Элрика при его звуке вдруг словно остановилось дыхание. Невероятным образом он почувствовал, что оказался на одной из дорог судьбы, вот только не знал, куда эта дорога ведет. Он быстро обуздал мысли, взял себя в руки и устремил взгляд в тень — туда, откуда раздался голос.

— Мы благодарим тебя за совет, госпожа,— бесстрастно сказал он.— Прошу тебя, выйди и объяснись...

После этих слов и появилась она — на неторопливом мерине, покрытом черной попоной. Тот гарцевал, словно не подчиняясь ей и демонстрируя немалую силу. Мунглам издал восхищенный вздох, ибо черты ее лица, хотя и несколько тяжеловатые, были невероятно красивы. Это было лицо аристократки с серо-зелеными глазами, в которых светились таинственность и невинность. Она была очень молода. Несмотря на всю ее женственность и красоту, Мунглам не мог ей дать больше семнадцати.

Элрик нахмурился.

— Ты здесь одна?

— Теперь одна,— ответила она, пытаясь скрыть удивление, которое у нее вызвал цвет кожи альбиноса.— Мне нужна помощь... защита. Мне нужны люди, которые проводили бы меня до Карлаака. Они получат за это вознаграждение.

— Карлаак? Тот, что у Плачущей пустоши? Он находится по ту сторону Илмиоры, в сотнях лиг отсюда. Потребуется неделя хорошей скачки, чтобы добраться туда.— Элрик не стал дожидаться, что она скажет на это.— Мы не наемники, госпожа.

— Тогда в вас должны заговорить рыцарские чувства, которые не позволят вам отказать мне в просьбе.

Элрик отрывисто рассмеялся.

— Рыцарские чувства, госпожа? Мы не из этих выскочек-южан, которые придумали себе всякие странные правила и обычаи. Мы благородные представители более древней расы, которая всегда действует, сообразуясь только с собственными желаниями. Если бы ты знала наши имена, то не обратилась бы к нам с такой просьбой.

Она облизнула пухлые губы и чуть ли не смиренно сказала:

— Так вы?..

— Элрик из Мелнибонэ, госпожа, иногда меня называют Элрик Женоубийца. А это Мунглам из Элвера. Человек без совести.

Она ответила:

— Я слышала легенды о белолицем разбойнике, чародее, обладающем дьявольской силой, с мечом, который выпивает человеческие души...

— Это правда. Но сколько бы эти истории ни преувеличивали действительность, они бессильны передать те темные истины, что их породили. Так что же, госпожа, ты уже не просишь нас о помощи? — Голос Элрика звучал мягко, без всякой угрозы — он видел, как она испугана, хотя ей и удавалось скрывать страх, а ее губы были решительно сжаты.

— У меня нет выбора. Я в вашей власти. Мой отец, старший сенатор Карлаака, очень богат. Карлаак, как вам известно, называют городом Нефритовых Башен. У нас много необычного нефрита и янтаря. Эти богатства могут стать вашими.

— Остерегись, госпожа. Не серди меня,— предупредил ее Элрик, хотя яркие глаза Мунглама при этих словах и засветились алчным блеском.— Мы не наемные клячи и не товары на ярмарке. И потом,— он презрительно ухмыльнулся,— я ведь родом из разрушенного Имррира, из Грезящего города на Драконьем острове, из столицы древнего Мелнибонэ. И я знаю, что такое настоящая красота. Твои побрякушки не для того, кто видел молочное сердце Ариоха, ослепляющее сияние Рубинового трона, томные и непостижимые цвета Актириоса в Кольце Королей. Это больше, чем драгоценности, госпожа... В них жизненная сущность Вселенной.

— Приношу мои извинения, господин Элрик, и тебе, господин Мунглам.

Элрик рассмеялся. Но в его смехе появилось сочувствие.

— Мы — мрачные кривляки, моя госпожа, но боги удачи способствовали нашему бегству из Надсокора, и у нас должок перед ними. Мы проводим тебя в Карлаак, город Нефритовых Башен, а изучение Трооссского леса отложим до другого раза.

Она поблагодарила их, но настороженный блеск в ее глазах не погас.

— Мы должны познакомиться,— сказал Элрик.— Мы будем тебе признательны, если ты назовешь нам свое имя и расскажешь свою историю.

— Я Зариния из Карлаака, дочь Воашуна из самого могущественного клана в юго-восточной Илмиоре. У нас родственники в торговых городах на берегах Пикарайда, и я с двумя кузенами и дядюшкой отправилась к ним в гости.

— Это опасное путешествие, госпожа Зариния.

— Да, и опасности там подстерегают не только природные. Две недели назад мы попрощались с родней и направились к дому. Мы без проблем пересекли Вилмирский пролив, а там наняли воинов и с хорошо охраняемым караваном отправились через Вилмир в Илмиору. Мы обошли Надсокор, поскольку знали, что в городе нищих не очень-то гостеприимно относятся к честным путникам...

Тут Элрик улыбнулся.

— А иногда и к бесчестным, что мы можем засвидетельствовать.

И снова по выражению ее лица стало понятно, что ей трудно соотнести добродушный юмор Элрика с его дурной репутацией.

— Обогнув Надсокор,— продолжала она,— мы этим путем добрались до границ Орга, где, как вы, конечно, знаете, находится Троос. Зная недобрые слухи об Орге, мы двигались вдоль леса очень осторожно. И все же мы наткнулись на засаду — и наши наемные воины нас бросили.

— На засаду? — вставил Мунглам.— И кто же был в этой засаде, госпожа?

— Судя по их отталкивающей внешности и коренастым фигурам, это были местные. Они напали на наш караван. Мой дядя и кузены храбро защищались, но были убиты. Один из моих кузенов хлестнул по крупу моего мерина, и тот галопом поскакал прочь, я даже не могла им управлять. За спиной я слышала жуткие вопли и безумный хохот. Наконец мне удалось остановить лошадь, но к тому времени я сбилась с дороги. Потом я услышала вас и затаилась в страхе, решив дождаться, пока вы не проедете мимо. Я думала, вы тоже из Орга. Но когда я услышала вашу речь, то подумала, что, может быть, вы не откажетесь мне помочь.

— И мы непременно поможем тебе, госпожа,— сказал Мунглам, галантно поклонившись из седла.— Теперь я твой должник: ты убедила господина Элрика в бедственности твоего положения. Если бы не ты, мы бы сейчас были в самой чаще этого жуткого леса и уж страхов бы там натерпелись — можешь не сомневаться. Я выражаю тебе соболезнование в связи с утратой родни и заверяю, что с этого момента ты будешь защищена не только мечами и храбрыми сердцами, но, если понадобится, и колдовством.

— Будем надеяться, такой необходимости не возникнет,— нахмурился Элрик.— И что это ты вдруг с таким уважением заговорил о колдовстве? Обычно ты относишься к этому искусству с отвращением.

Мунглам усмехнулся.

— Я хотел успокоить молодую даму, Элрик. И я не раз был благодарен тебе за твое жуткое искусство. Признаю. А сейчас я предлагаю остановиться на ночь, чтобы утром тронуться в путь со свежими силами.

— Согласен,— сказал Элрик, чуть ли не со смущением глядя на девушку. Он снова почувствовал, как у него перехватывает дыхание, и на сей раз справиться с этим чувством ему было труднее.

Девушка тоже, казалось, была очарована альбиносом. Между ними возникло нечто вроде притяжения, такого сильного, какого они и представить себе не могли,— притяжения, вполне способного направить их судьбы по путям, далеким от тех, по которым они шли прежде.

Ночь снова наступила быстро — в этих краях дни были короткие. Пока Мунглам занимался костром, нервно поглядывая по сторонам, Зариния, чье богато украшенное золотом платье поблескивало в свете разгорающегося пламени, грациозно подошла к альбиносу, который сортировал собранные растения. Она искоса глянула на Элрика и, увидев, что он поглощен своим занятием, уставилась на него с нескрываемым любопытством.

Он поднял на нее взгляд и едва заметно улыбнулся. Глаза его сейчас казались такими беззащитными, а странное лицо было приятным и откровенным.

— Некоторые из этих растений — лечебные,— сказал он.— Другие используются, чтобы вызывать духов. Третьи придают человеку необыкновенную силу, а четвертые погружают в безумие. Они будут мне полезны.

Она села рядом с ним, ее рука с пухлыми пальчиками отбросила со лба назад черные волосы. Маленькая грудь девушки поднялась и тут же опала.

— Неужели ты и в самом деле тот ужасный человек, приносящий только несчастье, о котором говорят легенды, господин Элрик? Мне в это трудно поверить.

— Я принес несчастье во многие места,— сказал он.— Но обычно там уже и без меня хватало зла. Я не ищу себе оправданий, поскольку знаю, что собой представляю и что совер-

шил. Я убивал злобных колдунов и уничтожал угнетателей, но, помимо этого, на мне лежит вина за убийство нескольких мужчин, которые были прекрасными людьми, и одной женщины — моей кузины, которую я любил и которую убил... вернее, это сделал мой меч.

— Ты хозяин этого меча?

— Я сам себе часто задаю этот вопрос. Без меча я беззащитен.— Он положил руку на рукоять Буревестника.— Я должен быть благодарен ему.— И опять его красные глаза обрели необычайную глубину, словно пряча какие-то горькие чувства.

— Извини, если я затронула какие-то неприятные воспоминания...

— Не извиняйся, госпожа Зариния. Эта боль всегда во мне, не ты поместила ее туда. Напротив, ты своим присутствием облегчаешь ее.

Она робко взглянула на него и улыбнулась.

— Я не какая-нибудь легкомысленная девица, мой господин,— сказала она,— но...

Он быстро встал.

— Мунглам, как там у тебя костер, хорошо горит?

— Да, Элрик. Не погаснет всю ночь.— Мунглам наклонил голову. Не в привычках Элрика было задавать такие пустые вопросы, однако Элрик так больше ничего и не сказал — и Мунглам, пожав плечами, отвернулся.

Поскольку больше ему ничего не приходило в голову, Элрик сказал, тихо и взволнованно:

— Я вор и убийца, я мало подхожу...

— Господин Элрик, я...

— Ты увлеклась легендами, только и всего.

— Нет, если бы ты чувствовал то, что чувствую я, то думал бы иначе.

— Ты молода.

— Я уже достаточно повидала.

— Берегись. Я должен следовать своей судьбе.

— Твоя судьба?

— Это вовсе не судьба, это нечто куда более страшное, называемое роком. И я обычно безжалостен, за исключением тех случаев, когда вижу что-то в собственной душе. Только тогда

я испытываю жалость. Я жалею. Но я не люблю заглядывать к себе в душу, и это часть того рока, который преследует меня. Но то не предначертание, не звезды, не люди, не демоны и не боги. Посмотри на меня, Зариния, это я — Элрик, несчастная белая игрушка в руках богов времени, Элрик из Мелнибонэ, который сам идет к страшной гибели.

— Это самоубийство!

— Да, я медленно, но неизбежно иду к смерти. И те, кто идет со мной, тоже страдают.

— Ты говоришь неправду, господин Элрик. Тебя снедает чувство вины.

— Потому что я виновен.

— И господин Мунглам — тоже жертва рока и идет с тобой к гибели?

— Он не похож на других — его защищает самоуверенность.

— Я тоже уверена в себе, господин Элрик.

— Но твоя уверенность проистекает из твоей молодости, а это совсем другое дело.

— Что же, я должна потерять ее вместе с молодостью?

— У тебя есть сила. Ты сильна, как и мы. Этого у тебя не отнять.

Она поднялась, раскинув руки.

— В таком случае смирись, Элрик из Мелнибонэ.

И он смирился. Он обнял ее, поцеловал. И не только страсть двигала им, но и нечто более глубокое. Впервые была забыта Симорил из Имррира, когда они с Заринией лежали вместе на мягкой траве, забыв о Мунгламе, который с обидой и ревностью полировал свой кривой меч.

Они все уснули, и костер догорел.

На радостях Элрик позабыл о том, что должен стоять на страже, а Мунглам, чьи силы не подпитывались никаким сторонним источником, охранял их покой сколько мог, а потом его сморил сон.

И тогда в тени жутких деревьев осторожно зашевелились неуклюжие фигуры. Обитатели Орга — уродливые, искалеченные — стали подбираться к спящим.

Чутье разбудило Элрика, и он открыл глаза. Он взглянул на Заринию — она лежала рядом, и лицо ее было спокойным. Он повел глазами, не поворачивая головы, и тут же увидел опасность. Элрик перекатился через спину, схватил рунный меч и выхватил его из ножен. Меч взвыл, словно рассердившись на то, что его разбудили.

— Мунглам! Опасность! — в страхе закричал Элрик, ведь ему теперь нужно было защищать не только свою жизнь.

Мунглам приподнял голову. Его кривой меч лежал у него на коленях. Он вскочил на ноги и подбежал к Элрику. И тут же вокруг них сомкнулся круг аборигенов.

— Виноват,— сказал Мунглам.

— Это моя вина, я...

Аборигены бросились на них. Элрик и Мунглам встали, защищая девушку, которая тоже проснулась, увидела, что происходит, но не закричала. Напротив, она огляделась в поисках оружия для себя и, ничего не найдя, осталась там, где была, что в этой ситуации было наилучшим выбором.

Невнятно тараторящие зловонные существа числом около дюжины, вооруженные тяжелыми и опасными клинками, похожими на мясницкие ножи, набросились на Элрика и Мунглама.

Буревестник завыл и, отразив удар ножа, разрубил шею наступавшего. Голова покатилась по траве. Из туловища, рухнувшего в кострище, хлынула кровь. Мунглам нырнул, уворачиваясь от удара, потерял равновесие, упал и нанес удар по ногам противника, перерубив сухожилие, отчего тот с воплем упал наземь. Мунглам, не останавливаясь, сделал выпад и поразил в сердце еще одного. Потом он вскочил на ноги и встал плечом к плечу с Элриком — Зариния укрылась за ними.

— Кони! Если это безопасно, постарайся их привести,— крикнул Элрик Заринии.

Им еще противостояли шесть аборигенов, и Мунглам застонал, когда удар клинка выхватил у него кусок мышцы из левой руки. Он нанес ответный удар, вонзив меч в горло противнику, потом чуть повернулся и размозжил голову еще одному. Они перешли в наступление на взбешенного врага. Левая рука Мунглама была вся в крови, но он вытащил из ножен свой длинный кинжал и, ухватив его так, чтобы большой палец лежал на клинке, отразил удар врага, сблизился с ним и убил его ударом кинжала снизу вверх, едва сдержав крик от мучительной боли в собственной ране.

Элрик держал огромный рунный меч обеими руками, разя им направо и налево, нанося удары по вопящим уродливым существам. Зариния бросилась к лошадям, забралась в седло своего мерина и повела двух остальных лошадей к месту схватки. Элрик нанес удар еще одному аборигену и тоже вскочил в седло, подумав, что поступил предусмотрительно, оставив на всякий случай главный багаж на лошадях. Мунглам присоединился к ним, и они поскакали прочь с поляны.

— Седельные сумки! — прокричал Мунглам, и в голосе его слышалось больше боли, чем доставляла ему его рана.— Мы оставили там седельные сумки!

— Ну и что? Не отпугивай удачу, мой друг.

— Но в них все наши сокровища!

Элрик рассмеялся — частью от облегчения, частью потому, что ему и в самом деле было смешно.

— Не расстраивайся, мой друг. Мы их вернем.

— Я знаю тебя, Элрик. Ты безразличен к богатству.

Но когда они оторвались от взбешенных аборигенов и перешли на медленную рысь, смеялся уже и сам Мунглам.

Элрик подъехал к Заринии и обнял ее.

— Бесстрашие твоего благородного клана у тебя в крови,— сказал он.

— Спасибо,— сказала она, польщенная этим комплиментом.— Но нам далеко до того искусства владения мечом, какое демонстрируете вы с Мунгламом. Это было невероятно.

— Благодари за это меч,— сказал он.

— Нет, я благодарю тебя. Я думаю, ты переоцениваешь этот меч, как бы силен он ни был.

— Он мне необходим.

— Для чего?

— Чтобы быть сильным. А теперь — и чтобы дать силу тебе.

— Но я не вампир,— улыбнулась она,— мне не нужна такая неимоверная сила, какую дает этот меч.

— Мне она нужна. В этом можешь не сомневаться,— мрачно сказал он.— Ты бы не любила меня, если бы меч не давал

мне того, в чем я нуждаюсь. Без него я все равно что выброшенная на берег медуза.

— Я в это не верю, но спорить с тобой не буду.

Некоторое время они ехали молча, потом остановились, спешились, и Зариния, приложив собранные Элриком травы к ране Мунглама, забинтовала ее.

Элрик погрузился в раздумья. Из чащи леса доносился зловещий, чувственный шелест.

— Мы в самом сердце Трооса,— сказал он.— А наше намерение обойти лес не удалось. Я собираюсь навестить короля Орга и после этого завершить наш визит в его страну.

Мунглам рассмеялся.

— Может, нам сначала отдать ему наши мечи? Да еще связать себе руки? — Целебные травы начали действовать, и боль его уже почти не беспокоила.

— Я вполне серьезно. Все мы немало обижены на жителей Орга. Они убили кузенов и дядюшку Заринии, ранили тебя да еще похитили наши сокровища. У нас достаточно оснований, чтобы просить у короля компенсации. Вдобавок они кажутся мне глуповатыми, а потому провести их будет нетрудно.

— Ну да, король компенсирует нам отсутствие у нас здравого смысла, поотрывав нам руки и ноги.

— Я не шучу. Думаю, нам стоит отправиться к нему.

— Я согласен — мы должны вернуть наше богатство. Но мы не можем рисковать безопасностью дамы.

— Я скоро стану женой Элрика, Мунглам. А потому если он наносит визит королю Орга, то и я должна быть там.

Мунглам поднял брови.

— Быстро вы решили.

— Но так оно и есть. Мы все наведаемся в Орг, и колдовство защитит нас от беспричинного гнева короля.

— И все же ты стремишься к смерти и мести, Элрик,— сказал Мунглам, пожав плечами и садясь на коня.— Ну да мне все равно, поскольку твои дороги, помимо всего прочего, ведут к богатству. Может быть, ты и считаешь себя неудачником, но мне ты приносишь удачу.

— Больше я не собираюсь гоняться за смертью,— улыбнулся Элрик.— А вот что касается мести, то мы ее получим.

— Скоро рассветет,— сказал Мунглам.— По моим расчетам, крепость оргианцев находится в шести часах езды отсюда. Если карта, которую я видел в Надсокоре, верна, нам нужно двигаться на Древнюю Звезду в направлении на юго-юго-восток.

— Твое умение ориентироваться тебя никогда не подводит. Такой человек, как ты, необходим в любом караване.

— Мы в Элвере всю философию основываем на звездах,— ответил Мунглам.— Мы считаем, что звезды — это ключ ко всему, что происходит на Земле. Они вращаются по своим орбитам на небе, а мы по ним видим все — прошлое, настоящее, будущее. Звезды — наши боги.

— По крайней мере, у вас предсказуемые боги,— сказал Элрик, и они тронулись в направлении Орга. На сердце у каждого из них было легко, хотя они и отдавали себе отчет в том, какой опасности себя подвергают.

Глава вторая

О маленьком королевстве Орг было известно немного. И среди этого немногого — что в пределах Орга находится Трооссский лес, который, по представлениям других народов, как нельзя лучше отвечает характеру Орга, чьи жители в большинстве своем неприятны на вид, а их тела изуродованы от рождения или как-либо искалечены. Согласно легенде, они были потомками Обреченного народа. Говорили еще, что их правители внешне ничем не отличаются от обычных людей, однако ум их изуродован еще сильнее, чем конечности их подданных.

Здешние обитатели были немногочисленны и разбросаны по стране. А правил ими король — из своей крепости, тоже носившей название Орг.

Именно к этой крепости и направлялись Элрик и его спутники, которым альбинос по пути изложил план по их защите от жителей Орга.

В лесу он нашел лист, который при использовании его в заклинаниях (заклинания эти были безвредны: духи, которых

вызывал чародей, не представляли для него угрозы) наделял заклинателя и всех, кому тот давал снадобье, приготовленное из этого листа, временной неуязвимостью.

Это колдовство изменяло свойства кожи, отчего та могла противостоять удару любого клинка. Элрик, пребывавший в редком для него разговорчивом настроении, рассказал, каким образом сочетание снадобья и заклинания позволяет добиться желаемого эффекта, но его архаизмы и эзотерические термины ничего не говорили его собеседникам.

Они остановились в часе езды от того места, где Мунглам предполагал найти крепость, чтобы Элрик мог приготовить снадобье и совершить заклинание.

Он быстро развел небольшой костер и, используя ступку и пестик, какими пользуются алхимики, измельчил лист, добавив к нему немного воды. Когда вода начала закипать на огне, он начертал на земле какие-то необычные руны. Некоторые из них имели такую причудливую форму, что, казалось, они исчезают, уходя в другое измерение, а потом снова появляются, выходя из него.

Дух, и плоть, и кровь, и кости,
Зелье, вместе совмести
И от ран на поле брани
Силой магии храни!*

Пока Элрик произносил это заклинание, в воздухе над костром появилось маленькое розовое облачко, оно заволновалось, приняло форму спирали и устремилось в чашу, где готовилось снадобье, отчего жидкость забурлила, а потом успокоилась. Чародей-альбинос сказал:

— Старое заклинание, которому я выучился в детстве. Такое простое, что я его почти забыл. Лист для этого снадобья растет только в Троосе, а потому им редко пользуются.

Варево вскоре затвердело, и Элрик разделил массу на несколько маленьких кусочков.

* Перевод Р. Адрианова.

— В больших количествах это яд,— предупредил он.— А так, понемногу, действует несколько часов. Хотя и не всегда. Но мы должны пойти на этот небольшой риск.— Он протянул своим спутникам по ломтику, те же поглядывали на него не без сомнения.— Проглотите их, когда мы будем подходить к крепости,— сказал он.— Или, если на нас нападут, раньше.

После этого они сели в седла и поскакали.

В нескольких милях к юго-востоку от Трооса слепой запел во сне печальную песню и проснулся от ее звуков...

С наступлением сумерек они добрались до крепости Орг, возвышавшейся над окружающей местностью. Их окрикнули гортанные голоса со стены, которая окружала древнее обиталище королей Орга. Из пор мощных камней выделялась влага, их подтачивал лишайник, разъедал мох. К единственному проходу для конных путников можно было добраться только по узкой тропе, почти на фут утопающей в зловонной черной жиже.

— Какие у вас дела в королевском дворе Гутерана Могущественного?

Они не видели того, кто задал этот вопрос.

— Мы ищем гостеприимства и аудиенции у твоего повелителя,— весело откликнулся Мунглам, успешно скрывая волнение.

Между зубцами стены с трудом протиснулось перекошенное лицо.

— Входите, путники, я приветствую вас,— совсем не приветливо произнес его обладатель.

Тяжелая деревянная дверь поднялась и пропустила их внутрь. Кони, медленно ступая по грязи, вошли во двор крепости.

Наверху, в сером небе, устремляясь к горизонту, наперегонки мчались черные облака, словно стремились поскорее выбраться из страшных пределов Орга и мерзкого Троосского леса.

Двор был покрыт, хотя и не таким слоем, той же грязью, с которой они столкнулись на подступах к крепости, и был по-

лон тяжелых, неподвижных теней. Справа от Элрика поднимались к арочному входу ступени. Камень и здесь частично порос тем же нездоровым лишайником, который они видели на наружных стенах и в Трооссском лесу.

Под арку, ведя по лишайнику белой рукой в кольцах, вышел высокий, плотный человек. Он встал на верхней ступени, поглядывая на посетителей из-под тяжелых век. В отличие от других, он был красив. У него была крупная голова почти с такими же белыми, как у Элрика, волосами, но, в отличие от волос альбиноса, грязноватыми и спутанными. Он был одет в тяжелую куртку из стеганой рельефной кожи, в желтую юбочку, доходившую до колен, а на поясе у него висел широкий обнаженный кинжал. Ему было между сорока и пятьюдесятью, а его точеное, хотя и не пышущее здоровьем лицо было испещрено морщинами и оспинами.

Он молча смотрел на них, не приглашая подняться. Вместо этого он дал знак одному из стражников на стене, и тот опустил тяжелую дверь за их спиной. Она упала со стуком, отрезав путь к отступлению.

— Мужчин убить, женщину оставить,— басом сказал высокий.

Элрику доводилось слышать мертвецов, которые говорили такими же голосами. Как это и было обусловлено, Элрик и Мунглам встали по обе стороны от Заринии и, сложив руки на груди, замерли в таком положении.

Хромающие существа в недоумении и не без опаски приблизились к ним, их длинные штаны волочились по грязи, их руки были спрятаны в длинных бесформенных рукавах грязных одеяний. Они взмахнули своими клинками. Элрик почувствовал слабый удар по руке — не более. То же самое испытал и Мунглам.

Стражники отступили, на их звериных лицах были написаны смятение и недоумение.

Глаза высокого человека расширились. Он поднес унизанный кольцами палец ко рту и принялся грызть ноготь.

— Наше оружие ничего не может с ними поделать, король! Они неуязвимы, они лишены крови. Кто они такие?

Элрик театрально рассмеялся:

— Мы не обычные люди, человечек, можешь не сомневаться. Мы посланники богов и пришли к твоему королю с поручением от наших великих хозяев. Вы можете не волноваться, мы с вами не сделаем ничего плохого, если только вы не будете нам угрожать. Отойдите в сторону и окажите нам гостеприимство.

Элрик видел, что король Гутеран озадачен, но услышанное нимало не обмануло его. Элрик молча выругался — он-то думал, что разумом эти аборигены не превосходят тех своих соотечественников, с которыми он сталкивался прежде. Король, был он безумен или нет, оказался гораздо умнее других, обмануть его будет нелегко.

Элрик направился вверх по ступеням к Гутерану.

— Приветствую тебя, король Гутеран. Боги наконец вернулись в Орг и хотят, чтобы ты узнал об этом.

— Орг уже́ целую вечность не почитает никаких богов,— мрачно сказал Гутеран, поворачиваясь, чтобы вернуться в крепость.— С какой стати мы будем принимать их сейчас?

— Ты богохульствуешь, король.

— А ты дерзишь. Почему я должен верить, будто тебя послали боги? — Он шел впереди по залам с низкими потолками.

— Ты же видел, что оружие твоих подданных бессильно против нас.

— Верно. Хорошо, я приму пока это обстоятельство в качестве доказательства. Я полагаю, я должен устроить застолье в вашу... честь. Сейчас я распоряжусь. Добро пожаловать, посланники богов.— Речи его явно не были любезными, но по их тону ничего определить было нельзя, так как голос звучал без всяких модуляций.

Элрик скинул с плеч тяжелый дорожный плащ и весело сказал:

— Мы сообщим нашим хозяевам о твоей доброте.

Королевский двор представлял собой соединение множества мрачных залов и фальшивого смеха. И хотя Элрик задал Гутерану немало вопросов, король ни на один не ответил или же отвечал фразами, начисто лишенными смысла. Им не пре-

доставили покоев, где они могли отдохнуть. Вместо этого им пришлось несколько часов простоять в главном зале крепости, и Гутеран, если он не отдавал распоряжения в связи с предстоящим пиром, все это время просидел, развалясь на своем троне, грызя ногти и не обращая на всех троих никакого внимания.

— Приятное гостеприимство,— прошептал Мунглам.

— *Элрик, сколько еще продлится действие снадобья?* — Зариния стояла бок о бок с Элриком. Он обнял ее за плечи.

— Не знаю. Недолго. Но снадобье уже сделало свое дело. Вряд ли они попытаются напасть на нас еще раз. Однако нам нужно быть наготове и не допустить других покушений на нашу жизнь — не столь откровенных.

В неотапливаемом главном зале было холодно и неуютно. Потолки здесь были выше, чем в других помещениях, а по периметру зал был окружен галереей, располагавшейся выше уровня пола. В зале было несколько открытых очагов, выходящих прямо на пол, но огонь в них не горел. С голых стен капала влага. Всюду были видны сырые плохо обработанные камни, мрачные и выветренные. На полу, заваленном костями и остатками гниющей еды, не было даже соломы или тростника.

— Вряд ли они гордятся таким домом,— сказал Мунглам, оглядываясь с отвращением. Он окинул взглядом Гутерана, который словно забыл об их присутствии.

Шаркая, в зал вошел слуга и шепнул на ухо королю несколько слов. Тот кивнул, поднялся и вышел из главного зала.

Вскоре появились люди, тащившие столы и скамьи, и начали расставлять их в зале.

Начало пира приближалось. В воздухе запахло угрозой.

Три гостя сидели по правую руку от короля, который поигрывал украшенной бриллиантами королевской цепью, а его сын и несколько белолицых женщин королевского рода молча сидели по левую руку от короля.

Принц Гурд, угрюмого вида молодой человек, который, казалось, был в обиде на отца, неохотно клевал поданную им неаппетитную пищу.

Он пил много вина, безвкусного, но довольно крепкого, жгучего, и это, казалось, оживляло обстановку за столом.

— И чего же хотят боги от нас, бедного народа Орга? — спросил Гурд, глядя на Заринию в упор, с интересом, более чем дружеским.

Элрик ответил:

— Они ничего не требуют от вас, кроме признания. А за это они будут иногда помогать вам.

— И это все? — рассмеялся Гурд.— Это больше, чем могут предложить те, что под Холмом, правда, отец?

Гутеран медленно повернул к сыну свою большую голову.

— Да,— пробормотал он, и в этом слове послышалось что-то вроде предостережения.

Мунглам спросил:

— Холм? Это что такое?

Ответа он не получил. Вместо ответа со стороны входа в главный зал послышался высокий смех. Там стоял высокий худой человек, глядя перед собой неподвижным взглядом. Своими чертами, хотя он и был сильно изможден, человек очень напоминал Гутерана. Он принес какой-то струнный инструмент и теперь перебирал струны, отчего инструмент стонал и завывал с меланхолической настойчивостью.

Гурд свирепо сказал:

— Смотри-ка, отец. Это же слепой Вееркад, менестрель. Твой брат. Он нам будет петь?

— Петь?

— Он будет петь свои песни, отец?

Губы Гутерана задрожали и скривились, и после минутного размышления он сказал:

— Пусть развлечет наших гостей героической балладой, если хочет, но...

— Но некоторые песни ему петь запрещено...— На лице Гурда мелькнула злорадная ухмылка. Казалось, он намеренно мучает отца каким-то непонятным Элрику способом. Гурд крикнул слепому:

— Давай, дядя Вееркад, пой!

— Здесь присутствуют чужие,— глухим голосом, перекрикивая звук музыки, сказал Вееркад.— Чужаки в Орге.

Гурд хихикнул и отхлебнул еще вина. Гутеран нахмурился и, продолжая трястись, вгрызся в свои ногти.

Элрик крикнул:

— Мы с удовольствием послушаем твою песню, менестрель.

— Что же, в таком случае, путники, я спою вам «Три короля во тьме». Узнайте ужасную историю короля Орга.

— Нет! — закричал Гутеран, вскакивая со своего места, но Вееркад уже начал петь:

Во тьме — три короля:
Гутеран из Орга, я —
И тот, кого хранит земля
В могиле под Холмом.
Но мертвый оживет
В миг, когда живой умрет...*

— Прекрати! — Гутеран вскочил в безумном гневе и на нетвердых ногах пошел вдоль стола, дрожа от ужаса. Лицо его побледнело, он ударил слепого — своего брата. Два удара — и менестрель упал. Он рухнул на пол и остался недвижим.— Унесите его и никогда больше сюда не пускайте! — Король визжал, с его губ капала слюна.

Гурд, протрезвев на мгновение, перепрыгнул через стол, разбрасывая кубки и блюда и схватил отца за руку.

— Успокойся, отец. У меня есть план наших дальнейших развлечений.

— Ты! Ты хочешь сесть на мой трон. Ты спровоцировал Вееркада, и он запел эту ужасную песню. Ты же знаешь, я не могу слушать это без...— Он уставился взглядом в дверь.— Когда-нибудь эта легенда воплотится в жизнь, и король из-под Холма придет. А тогда погибнешь ты, погибну я, погибнет Орг.

— Отец,— сказал Гурд с жутковатой улыбкой,— пусть наша гостья станцует нам танец богов.

— Что?

— Пусть эта женщина станцует для нас, отец.

---

* Перевод Р. Адрианова.

Его услышал Элрик. Он подумал, что действие снадобья уже, видимо, закончилось. И он не мог на виду у всех передать своим спутникам новые дозы. Элрик поднялся на ноги.

— Ты говоришь кощунственные вещи, принц.

— Мы вас развлекали. Но согласно традициям Орга, гости тоже должны развлекать хозяев.

В воздухе зала висело ощущение опасности. Элрик уже жалел, что попытался реализовать план одурачивания обитателей Орга. Но было поздно. Он намеревался взять с них дань в пользу богов, но эти безумцы больше опасались прямых и осязаемых угроз, а не тех, что могли быть явлены богами.

Он совершил ошибку, поставив под угрозу жизни своих спутников и свою собственную. Что ему теперь делать? Заринния прошептала:

— Меня учили танцам в Илмиоре, где всех женщин учат этому искусству. Я могу станцевать для них. Может быть, это их успокоит и озадачит, и тогда нам легче будет добиться наших целей.

— Ариох знает, как трудна наша задача. Я был глупцом, когда задумал этот план. Хорошо, Заринния, танцуй для них. Только будь осторожна.— Он крикнул Гурду: — Наша спутница станцует для вас, чтобы вы увидели красоту, какую могут создавать боги. Но тогда вы будете должны воздать им должное, иначе они могут разгневаться.

— Воздать должное? — Гутеран поднял голову.— Ты прежде не говорил о том, что мы должны будем что-то воздавать.

— Ваше признание богов должно иметь форму драгоценных камней и металлов, король Гутеран. Я полагал, ты это понял.

— Вы больше похожи на обычных жуликов, чем на необычных посланников. Мы в Орге бедны, нам нечего отдавать всяким шарлатанам.

— Поосторожнее со словами, король! — Чистый голос Элрика предостерегающим эхом отдался в зале.

— Мы посмотрим танец, а потом решим, насколько правдиво то, что ты нам говоришь.

Элрик сел и пожал под столом руку Заринии — чтобы успокоить ее. Она грациозно и уверенно вышла в центр зала и там начала танец. Элрик, уже полюбивший ее, был поражен

этой великолепной грацией и артистичностью. Она танцевала древний прекрасный илмиорский танец, чем поразила даже невеж Орга. Пока она танцевала, был внесен большой гостевой кубок из золота.

Гурд перегнулся через отца, обращаясь к Элрику:

— Гостевой кубок, мой господин. По нашей традиции гости должны выпить из него в знак дружбы к нам.

Элрик кивнул, досадуя, что ему мешают смотреть. Он не сводил глаз с Заринии, которая скользила в грациозном танце. В зале висела тишина.

Гурд подал ему кубок, и Элрик рассеянно поднес его к губам. Зариния, увидев это, приблизилась в танце к столу, пробираясь к тому месту, где сидел Элрик. Элрик пригубил вино, но Зариния, вскрикнув, ногой выбила кубок из его рук. Вино расплескалось, попав на Гутерана, а у Гурда, который вскочил со своего стула, вид был испуганный.

— Оно было отравлено, Элрик! Они отравили вино!

Гурд ударил ее по лицу. Удар отбросил ее от стола, и она со стоном упала на грязный пол.

— Сука! Разве немного отравленного вина может повредить посланникам богов?

Элрик в гневе оттолкнул Гутерана и сильно ударил Гурда, отчего у молодого человека изо рта хлынула кровь. Но яд уже начал оказывать действие. Гутеран крикнул что-то, и Мунглам обнажил свой меч. Элрик пошатнулся, перед его глазами все поплыло. Он увидел, как слуги схватили Заринию, но что происходит с Мунгламом, уже не мог разглядеть. Его тошнило, голова у него кружилась, он почти не мог контролировать свои движения.

Собрав последние силы, Элрик одним ударом сбил Гурда с ног, а потом потерял сознание.

Глава третья

Он почувствовал холодную сталь цепей на своих руках. На его лицо падали капли дождя, обжигая кожу, расцарапанную ногтями Гурда.

Он огляделся. Он был прикован к двум каменным столбам, явно установленным на могильном холме гигантского размера. Стояла ночь, и в небесах над ним висела бледная луна. Он кинул взгляд вниз на группу людей, среди которых увидел Гурда и Гутерана. Они издевательски ухмылялись.

— Прощай, посланник. Ты хорошо послужишь нам и умиротворишь Тех, кто под Холмом! — крикнул Гурд. После этого все заспешили назад к крепости, силуэт которой виднелся невдалеке.

Где он? Что случилось с Заринией? С Мунгламом? Почему его приковали здесь — он вспомнил и осознал: на *Холме!*

Он содрогнулся, беспомощный в прочных цепях, удерживающих его. В отчаянии он попытался выдернуть цепи из камня, но они не поддавались. Он хотел было сосредоточиться, придумать какой-нибудь план, но мысли его путались — ему мешали тяжелые цепи и беспокойство за судьбу Заринии и Мунглама. Он услышал оглушающие звуки какого-то мельтешения внизу и увидел, как что-то белое и жуткое рванулось из мрака. Он бешено забился в грохочущем железе, сковывавшем его.

В главном зале крепости шумное празднество переходило в исступленную оргию. Гутеран и Гурд были абсолютно пьяны и, радуясь своей победе, безумно смеялись.

Рядом с залом Вееркад прислушивался к происходящему и кипел от ненависти. Больше всего ненавидел он своего брата — человека, который низложил и ослепил его, чтобы не дать ему изучать колдовство, с помощью которого Вееркад собирался поднять короля из-под Холма.

— Наконец-то время пришло,— прошептал он сам себе и остановил проходящего слугу.

— Скажи мне, куда поместили девушку.

— Она в покоях Гутерана, господин.

Вееркад отпустил слугу и начал пробираться по мрачным коридорам, вверх по кривым ступенькам. Наконец он оказался перед комнатой, которую искал. Здесь он вытащил ключ — один из многих, изготовленных им тайно от Гутерана,— и отпер дверь.

Зариния видела, как в комнату входит слепой, но сделать ничего не могла. Во рту у нее был кляп, руки и ноги связаны, да и сама она еще не пришла в себя после удара, нанесенного ей Гурдом. О судьбе Элрика ей сообщили, но Мунгламу удалось ускользнуть от врагов, и теперь стражники искали его в зловонных коридорах Орга.

— Я пришел, чтобы отнести тебя к твоему спутнику, госпожа,— улыбнулся слепой Вееркад. Со всей силой, которую придавало ему безумие, он тряхнул ее, поднял и направился с ней к двери. Он прекрасно знал все переходы Орга, потому что родился и вырос здесь.

Но рядом с покоями Гутерана прятались еще двое. Один из них — Гурд, принц Орга, который не желал мириться с тем, что его отец забрал девушку себе: Гурд сам хотел завладеть ею. Он видел, как Вееркад уносит девушку, и стоял, молча взирая на происходящее.

Другим был Мунглам, который наблюдал из темного угла, где он спрятался от стражников. Гурд неслышно поспешил за Вееркадом, а за ним последовал Мунглам.

Вееркад вышел из крепости через маленькую дверь в стене и потащил свою живую ношу к громаде погребального холма.

У подножия огромного могильного кургана роились мертвенно-бледные вурдалаки, почуявшие присутствие Элрика, которого народ Орга принес им в жертву.

Теперь Элрик понял.

Этих существ Орг страшился больше богов. Это были живые мертвецы, предки тех, кто теперь властвовал в главном зале. Может быть, они-то и были Обреченным народом. В чем состоял их рок? Не знать покоя? Оставаться бессмертными? Превратиться в безмозглых вурдалаков? Элрика передернуло от ужаса. И отчаяние вернуло ему память. Он издал мучительный вопль, обращенный к нависшим над ним небесам и дрожащей земле.

— Ариох! Разбей эти камни, спаси своего слугу! Ариох! Господин, помоги мне!

Этого было мало. Вурдалаки собрались толпой и начали подниматься вверх по кургану к беспомощному альбиносу.

— Ариох! Эти твари предадут твою память! Помоги мне уничтожить их!

Земля задрожала, и небеса опустились еще ниже, спрятав луну, но белолицые, бескровные вурдалаки уже были совсем рядом. Но тут над головой Элрика появился огненный шар, от которого, казалось, содрогнулись небеса вокруг. Потом с оглушительным раскатом ударили две молнии — они раздробили камни и освободили Элрика.

Он вскочил на ноги, зная, что Ариох потребует от него вознаграждения. И тут первые вурдалаки бросились на него.

Он не отступил, а в гневе и отчаянии ринулся в самую их гущу, нанося удары обрывками цепей. Вурдалаки стали отступать, бормоча что-то в страхе и злости, они бросились вниз по холму и внутрь его.

Элрик не видел, что под ним в могильном кургане зияет открытый вход, черный на фоне черноты. Тяжело дыша, он нащупал сумку, оставшуюся на его поясе. Из нее он извлек кусочек тонкой золотой проволоки и начал им, как отмычкой, отпирать замки на цепях.

Вееркад тихо посмеивался, а Зариния, слыша эти звуки, чуть не сходила с ума от страха. Он продолжал нашептывать ей на ухо:

— Но мертвый оживет в миг, когда живой умрет. Едва прольется наша кровь, раздастся поступь мертвых вновь. Мы с тобой воскресим его, и эта месть проклятием падет на моего брата. Твоя кровь, моя дорогая, освободит его.— Он понял, что вурдалаки ушли, и решил, что они остались довольны преподнесенным им даром.— Твой любовник был для меня полезен.— Он рассмеялся, входя в могильный курган.

От запаха смерти девушка почти потеряла сознание. Слепой тащил ее в самое чрево Холма.

Гурд, протрезвевший после прогулки по холодному воздуху, пришел в ужас, когда увидел, куда направляется Вееркад. Могильный курган, Холм Королей, был самым страшным местом в Орге. Гурд помедлил перед черным зевом холма и бросился прочь. Но тут он увидел надвинувшуюся на него фигу-

ру Элрика — огромную и окровавленную, она спускалась с холма, отрезая ему путь к отступлению.

С воплем бросился он в зияющее отверстие входа.

Элрик не заметил принца, и вопль из темноты встревожил его. Он пытался увидеть его источник, но тот уже исчез. Элрик бегом бросился по крутому спуску ко входу в курган. Из темноты метнулась еще одна фигура.

— Элрик! Слава звездам и всем земным богам — ты жив!

— Слава Ариоху, Мунглам. Где Зариния?

— Там — сумасшедший менестрель потащил ее с собой, а Гурд — за ними. Они все безумны, эти короли и принцы. Я не вижу в их действиях ни капли здравого смысла.

— Мне кажется, что менестрель замыслил сделать с Заринией что-то жуткое. Быстрее! Мы должны его догнать.

— О звезды, этот запах смерти! Я никогда не дышал таким воздухом, даже во время великого сражения в Эшмирской долине, когда армии Элвера сошлись с армиями Калега Вогуна, узурпатора Тангенши, и долину усеяли полмиллиона мертвых тел.

— Если ты слаб желудком...

— Я хотел бы, чтобы у меня его вообще не было. Идем...

Они бросились в проход, ориентируясь на безумный смех Вееркада впереди и более близкие звуки шагов Гурда, потерявшего от страха разум,— теперь он находился между двух врагов, но больше всего боялся третьего.

Гурд плелся в темноте, рыдая от охватившего его ужаса.

В фосфоресцирующем сиянии Главной гробницы в окружении мумифицированных тел своих предков Вееркад напевал песнь обряда воскрешения перед огромным гробом короля из-под Холма, который ростом не уступал высоченному Вееркаду. Вееркад не думал о собственной безопасности — все его мысли занимала месть брату Гутерану. Он держал длинный кинжал над связанной Заринией, которая в ужасе лежала на земле перед гробом.

Кровь Заринии должна была стать кульминацией обряда, а после...

А после силы Ада будут в буквальном смысле выпущены на свободу. По крайней мере, именно это входило в планы Вееркада. Он закончил свою песню и поднял нож в тот самый момент, когда в усыпальницу с криком вбежал Гурд, держа в руке меч. Вееркад повернулся, его слепое лицо исказила гримаса гнева. Гурд, не останавливаясь, с остервенением по самую рукоять вонзил меч в тело Вееркада — окровавленное острие вышло между лопаток менестреля, который в смертельной агонии со стоном сомкнул свои руки на горле принца, сомкнул так, что разорвать его хватку было невозможно.

В этих двоих еще теплилось какое-то подобие жизни, они совершали свой жуткий танец смерти — стояли в призрачном мерцании посреди усыпальницы, вцепившись друг в друга и раскачиваясь. Гроб короля из-под Холма начал едва заметно подрагивать.

Элрик и Мунглам в это время вбежали в усыпальницу, где их взорам предстали двое на пороге смерти. Элрик бросился туда, где лежала Зариния. Она, к счастью, была без сознания и не видела происходящего. Элрик приподнял ее — и она пришла в себя.

Элрик бросил взгляд на содрогающийся гроб.

— Быстрее, Мунглам. Этот слепой глупец пробудил мертвеца. Поспешим, мой друг, пока воины Ада не взялись за нас.

Мунглам вздрогнул и пустился за Элриком, который бежал туда, где можно было вдохнуть свежий воздух ночи.

— Что теперь, Элрик?

— Нам придется рискнуть и вернуться в крепость. Там наши кони и все наше добро. Кони нам нужны, чтобы поскорее убраться отсюда, ибо — если только чутье не подводит меня — скоро здесь начнется страшная бойня.

— Не думаю, что мы столкнемся с серьезным сопротивлением. Когда я уходил, все они были пьяны. Поэтому-то мне и удалось ускользнуть. Если они продолжили возлияния с прежним усердием, то сейчас они вообще не в состоянии двигаться.

— Тогда поспешим.

Они оставили Холм позади и бегом пустились к крепости.

Глава четвертая

Мунглам был прав. Все, кто находился в главном зале, забылись пьяным сном. В очагах теперь горел огонь, отчего по стенам прыгали тени.

Элрик тихо сказал:

— Мунглам, ступай с Заринией в конюшню и приготовь наших лошадей. А я тем временем завершу наши счеты с Гутераном.— Он махнул рукой.— Видишь, они свалили все, что им удалось награбить, на стол, радуясь тому, что полагают победой.

Буревестник лежал поверх порванных сумок и седельных мешков, полных того, что принадлежало дяде Заринии и ее кузенам, а также Элрику и Мунгламу.

Зариния пришла в себя, но мысли ее пока путались. Вместе с Мунгламом она отправилась на поиски конюшни. Элрик тем временем пробирался к столу, перешагивая через распростертые на полу тела пьяных обитателей крепости, огибая стоящие тут же жаровни. Наконец он, возблагодарив богов, взял в руки рунный меч.

После этого он перепрыгнул через стол и уже хотел было схватить Гутерана, на котором все еще висел знак королевской власти — цепь, украшенная сказочными бриллиантами, но в это время большие двери зала распахнулись и в помещение с воем ворвался поток ледяного воздуха, отчего пламя факелов заметалось.

Элрик, забыв о Гутеране, повернулся к дверям. Глаза его расширились.

В дверном проеме стоял король из-под Холма.

Давно умерший монарх был поднят из гроба Вееркадом, чья кровь завершила обряд воскрешения. Он стоял в сгнивших одеяниях, на его лишенных плоти костях висела высохшая черная кожа. Сердце его не билось, потому что у него не было сердца. Дышать он не мог, потому что его легкие были сожраны тварями, которые кормятся внутренностями мертвецов. Но он каким-то ужасным образом продолжал жить...

Король из-под Холма. Он был последним великим правителем Обреченного народа, который в своей ярости уничтожил половину мира и создал Троосский лес. За мертвым королем толпились орды вурдалаков, похороненных вместе с ним в легендарном прошлом.

И бойня началась!

Какая давно лелеемая месть находила здесь выход — об этом Элрик мог только догадываться, но каковы бы ни были ее причины, опасность ему грозила серьезная.

Элрик обнажил свой меч, когда пробудившийся сонм мертвецов вымещал свой гнев на живых. Зал наполнился воплями, криками ужаса несчастных оргианцев. Оцепенев от ужаса, Элрик застыл возле трона. Гутеран проснулся и увидел короля из-под Холма и толпу его слуг. Он чуть ли не с облегчением вскрикнул:

— Наконец-то я смогу отдохнуть!

С этими словами он умер, освободив Элрика от неприятной необходимости мести.

В памяти Элрика звучала мрачная песня Вееркада. Три короля во тьме — Гутеран, Вееркад и король из-под Холма. Теперь в живых остался только последний, да и тот был мертв вот уже тысячу лет.

Холодные мертвые глаза короля обшаривали зал. Наконец он увидел Гутерана, осевшего на своем троне. Древняя цепь королевского достоинства все еще была на его шее. Элрик сорвал ее с мертвого тела и бросился прочь, стараясь не столкнуться с наступающим королем из-под Холма. Он прижался спиной к колонне, а повсюду вокруг были торжествующие вурдалаки.

Мертвый король приблизился, а потом с каким-то сиплым стоном, вырвавшимся из глубин его сгнившего тела, набросился на Элрика, которому пришлось отчаянно отбиваться от когтей короля, обладавшего огромной силой. Элрик снова и снова вонзал свой меч в тело, которое не чувствовало боли. Даже рунный меч был бессилен против этого ужаса, у которого не было ни души, ни крови.

Элрик яростно отбивался от короля из-под Холма, но гнилые ногти вонзались в его тело, а зубы клацали у его горла. Вдобавок в зале витало парализующее зловоние смерти, усиливающееся, по мере того как все больше вурдалаков наполняли

его своими ужасающими телами, услаждая свои чрева плотью живых и мертвых.

Потом Элрик услышал голос Мунглама и увидел его на галерее, окружавшей зал. В руках у него был огромный кувшин с маслом.

— Замани его поближе к огню, Элрик. Может быть, получится его уничтожить. Скорее, приятель, или тебе конец!

Собрав остатки сил, мелнибониец ринулся к очагу. Король-гигант последовал за ним. Вокруг них вурдалаки пожирали то, что оставалось от их жертв, среди которых были и еще живые. Их вопли висели в воздухе, перекрывая звуки кровавого пиршества.

Король из-под Холма стоял теперь спиной к очагу, все еще пытаясь разделаться с Элриком. И тут Мунглам швырнул кувшин.

Кувшин ударился о камни жаровни, и пылающее масло окатило короля. Тот пошатнулся. И тогда Элрик, соединив всю свою силу с силой меча, бросился на короля и толкнул его. И король полетел в пламя. И пламя поглотило его.

Жуткий вопль вырвался из груди гибнущего гиганта.

Пламя лизало стены главного зала, и скоро все помещение было охвачено огнем, бушевавшим, словно в аду. В огне носились вурдалаки, все еще продолжая свое пиршество и не ведая о том, что им грозит уничтожение. Путь к двери был закрыт.

Элрик оглянулся и увидел, что у него есть только одна возможность бежать.

Сунув Буревестник в ножны, он разбежался и подпрыгнул. В прыжке он ухватился за перила галереи, а в это время огонь уже вовсю бушевал там, где только что стоял альбинос.

Мунглам свесился вниз, протянул руку и помог Элрику перебраться через перила.

— Я разочарован, Элрик,— ухмыльнулся он.— Ты забыл захватить сокровища.

Элрик показал ему то, что держал в левой руке — цепь королевского достоинства с фантастическими бриллиантами.

— Хоть какое-то вознаграждение за наши труды,— улыбнулся он, рассматривая сверкающее сокровище.— Клянусь

Ариохом, я ничего не похищал. В Орге не осталось королей, чтобы ее надеть! Поспешим к Заринии. Мне не терпится убраться отсюда.

Они побежали по галерее, камни которой уже начали проваливаться в главный зал.

Наконец они сели на лошадей и поскакали прочь от дворца. Оглянувшись, Элрик увидел, как появились трещины в стенах, услышал рев пламени, пожиравшего все, что было Оргом. Они уничтожили гнездо властителей, останки трех королей, настоящее и прошлое. Ничего не останется от Орга, кроме пустого могильного кургана и двух мертвых тел, схватившихся в отчаянной борьбе там, где в Главной усыпальнице столетиями лежали их предки. Они уничтожили эту последнюю связь с прошлыми веками и очистили мир от древнего зла. Остался только страшный Трооссский лес, знаменующий собой приход и гибель Обреченного народа.

И Трооссский лес был предостережением.

Усталые, они с облегчением смотрели на очертания Трооса вдалеке, за горящим погребальным костром.

Но Элрик, хоть и был счастлив, что опасность миновала, снова погрузился в раздумье.

— Почему ты нахмурился, любимый? — спросила Заринья.

— Думаю, ты сказала правду. Помнишь, ты говорила, что я слишком уж полагаюсь на рунный меч?

— Да. И я сказала, что не хочу спорить с тобой.

— Договорились. Но у меня такое чувство, что отчасти ты была права. В погребальном кургане и на нем я был без Буревестника. Но я дрался и победил, потому что волновался за тебя.— Голос его звучал спокойно.— Может быть, со временем я смогу поддерживать свои силы с помощью трав, которые нашел в Троосе, и навсегда расстаться с этим мечом.

Мунглам, услышав эти слова, рассмеялся:

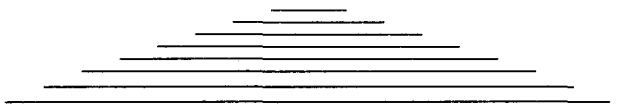
— Элрик, я не думал, что доживу до такого дня. Ты помышляешь о том, чтобы отказаться от своего отвратительного меча?! Не знаю, сделаешь ли ты это когда-нибудь, но и одна мысль весьма благотворна.

— Ты прав, мой друг.— Он чуть наклонился в седле и обнял Заринию за плечи. То, что он сделал, было довольно опас-

но: они скакали во весь опор, но он притянул ее к себе и поцеловал, не обращая внимания на скорость, с какой они неслись.

— Новое начало! — прокричал он, перекрывая вой ветра.— Новое начало, моя любовь!

Они, смеясь, скакали по Плачущей пустоши к Карлааку. Они спешили навстречу новым знакомствам, богатству и славе, спешили устроить самую необычную свадьбу, какую когда-либо видели в северных краях.



Гирлянда забытых снов

И вот наступила короткая передышка — счастливая семейная жизнь, к которой он всегда так стремился. Но больше ему никогда не суждено было знать счастья...

Глава первая

Коршуны с окровавленными клювами парили в ледяном воздухе. Они кружили высоко над конной ордой, неумолимо движущейся по Плачущей пустоши.

Орда эта пересекла две пустыни и три горных хребта, и голод гнал ее все дальше и дальше. Подгоняли и воспоминания о рассказах, что они слышали от путешественников, которые бывали у них на Востоке. Подстегивали и речи их тонкогубого вождя, который красовался на коне впереди войска, держа в одной руке десятифутовое копье, украшенное кровавыми трофеями его грабительских походов.

Всадники ехали медленно и устало, не зная, что приближаются к цели своего похода.

Далеко позади них из Элвера, этой веселой, поющей столицы восточного мира, выехал невысокий всадник. Скоро он оказался в долине.

У деревьев с корявыми ветвями был какой-то нездоровый вид, а из-под копыт коня летела пепельного цвета земля. Всадник во весь опор гнал коня по этой больной земле, которая когда-то была прекрасным Эшмиром, золотым садом Востока.

Чума поразила Эшмир, и саранча лишила его красоты. У чумы и саранчи было одно имя — Терарн Гаштек, властелин Конной орды, мрачнолицый вестник гибели и разрушения. Терарн Гаштек, безумный кровопийца, неистовый поджигатель. Таким и было его второе имя — Поджигатель.

Всадник, который своими глазами видел то зло, что принес Терарн Гаштек прекрасному Эшмиру, звался Мунглам.

Сейчас Мунглам скакал по Плачущей пустоши к Карлааку, этому форпосту западной цивилизации, о которой так мало было известно жителям Востока. Мунглам знал, что в Карлааке он найдет Элрика, который постоянно жил с женой в этом великолепном городе. Мунгламу нужно было как можно скорее оказаться в Карлааке, чтобы предупредить Элрика и попросить его о помощи.

Он был мал ростом и самоуверен, с широким ртом на обычно улыбающемся лице и рыжими волосами. Сейчас он, однако, не улыбался и, приникнув к шее коня, гнал его к Карлааку. Ведь Эшмир, прекрасный Эшмир, был родиной Мунглама: он и его предки сделали эту страну такой, какой она была.

Так и скакал Мунглам к Карлааку, молча кляня весь белый свет.

В том же направлении двигался и Терарн Гаштек. Он уже достиг Плачущей пустоши, но его войско двигалось медленно, отягощенное обозом, который одно время отстал, но сейчас им нужны были находившиеся в нем припасы. В обозе была не только провизия. На одной из телег, проклиная Терарна Гаштека и его узкоглазых воинов, лежал на спине связанный пленник.

Дринидж Бара был связан не только кожаными ремнями. Поэтому-то он и сыпал проклятиями. Дринидж Бара был чародеем, которого вообще-то трудно было представить в такой ситуации. Если бы не его страсть к вину и женщинам, которой он предавался как раз перед приходом в город Поджигателя, его бы никто не смог скрутить таким вот образом, и Терарн Гаштек не владел бы сейчас его телом и душой.

Душа Дриниджа Бары была помещена в тело маленького черно-белого кота. Но Терарн Гаштек поймал этого кота и с тех пор всегда возил с собой. Чародеи Востока по давней традиции, чтобы защитить свои души, прятали их в тела кошек. Вот почему Дринидж Бара был рабом властелина Конной орды и вынужден был подчиняться ему, иначе тот мог убить кота и тем самым отправить душу колдуна в ад.

Для гордого колдуна такая ситуация была не из приятных, но меньшего он и не заслужил.

На белом лице Элрика из Мелнибонэ оставили следы былые скорби, но губы его улыбались, а малиновые глаза умиротворенно смотрели на молодую черноволосую женщину, с которой он прогуливался по ступенчатым садам их дома в Карлааке.

— Ну что, Элрик,— сказала Зариния,— ты обрел счастье?

— Вроде бы,— кивнул он.— Буревестник висит в оружейной твоего отца, весь покрытый паутиной. Травы, которые я нашел в Троосе, дают мне силы и ясное зрение, и нужду в них я испытываю редко. Меня больше не тянет скитаться или сражаться. Я всем здесь доволен, провожу время с тобой и читаю книги в библиотеке Карлаака. Что еще нужно?

— Ты слишком добр ко мне, мой повелитель. Смотри, как бы я не зазналась.

Он рассмеялся:

— Уж лучше зазнаться, чем впасть в сомнения. Не бойся, Зариния, у меня нет никаких причин отправляться в странствия. Мне недостает Мунглама, но то, что произошло с ним, вполне естественно: проведя здесь какое-то время, он захотел вернуться домой.

— Я рада, что ты живешь в мире с собой, Элрик. Мой отец сначала возражал против того, чтобы ты жил здесь, опасаясь черного зла, что всегда шло за тобой по пятам. Но эти три месяца доказали ему, что зло ушло, не оставив после себя и следа.

Внезапно они услышали крик снизу. Какой-то человек на улице, возвысив голос, стучал в ворота дома:

— Впусти меня, будь ты проклят! Мне нужно поговорить с твоим хозяином!

Появился запыхавшийся слуга.

— Господин Элрик, там, у ворот, какой-то человек. Он хочет тебя видеть и говорит, что он твой друг.

— Как его зовут?

— Он не из местных. Мунглам — так он назвался.

— Мунглам! Недолго же он задержался в Элвере. Впусти его поскорей.

В глазах Заринии появился страх, она крепко вцепилась в руку Элрика.

— Элрик, я боюсь, что он принесет новости, узнав которые ты должен будешь покинуть меня.

— Никакая новость не может заставить меня сделать это. Тебе нечего бояться, Зариния.— Он поспешил из сада во двор дома. Мунглам промчался на коне через открытые ворота, спешиваясь на ходу.

— Мунглам, друг мой! Что за спешка? Я рад тебя видеть так скоро, но что позвало тебя в путь?

Лицо Мунглама, все покрытое пылью, было мрачным. Его одежда после долгой скачки была в дорожной грязи.

— Сюда идет Поджигатель, а с ним чародей, помогающий ему,— сказал он, переводя дыхание.— Ты должен предупредить горожан.

— Поджигатель? Мне это имя ничего не говорит. Ты не бредишь, мой друг?

— Да, ты прав. Это бред ненависти. Он разорил мою страну, убил мою семью, моих друзей, а сейчас готовится покорить Запад. Два года назад он был мелким разбойником пустыни, но потом собрал вокруг себя огромное войско варваров и начал грабить и завоевывать одну за другой страны Востока. Только Элвер остается нетронутым, потому что этот город слишком велик даже для него. Но он выжег прекрасную страну на две тысячи миль вокруг, превратив ее в безжизненную пустыню. Он хочет покорить мир. Сейчас он движется на запад и ведет за собой войско в пятьсот тысяч человек!

— Ты что-то сказал о чародее. Что может варвар знать о таком высоком искусстве?

— Сам он не знает почти ничего, но в его власти находится один из самых сильных наших чародеев — Дринидж Бара. Его захватили в плен, когда тот лежал пьяным между двумя шлюхами в фумской таверне. Он поместил душу в кота, чтобы ни один его соперник-чародей не мог ее похитить, пока он спит. Но Терарн Гаштек, Поджигатель, узнал его тайну, поймал кота и связал ему лапы, а самому Дриниджу Баре замотал глаза и рот и таким образом пленил его душу и тело. Чародей стал его рабом — если он не будет подчиняться этому варвару, кот будет убит железным клинком и душа Дриниджа Бары отправится прямехонько в ад.

— Такого рода колдовство мне незнакомо,— сказал Элрик.— Я думаю, это просто суеверия.

— Кто знает, но, пока Дринидж Бара верит в то, во что он верит, он будет делать то, что велит ему Терарн Гаштек. Несколько гордых городов уже уничтожены с помощью его магии.

— И где Поджигатель сейчас?

— В трех днях пути отсюда — не больше. Я был вынужден добираться окольными путями, чтобы не попасться его всадникам.

— Значит, мы должны готовиться к осаде.

— Нет, Элрик! Ты должен готовиться к бегству!

— К бегству? Что же я — должен предложить жителям Карлаака оставить их прекрасный город без защиты, бросить свои дома?

— Если они не захотят бежать, то ты должен это сделать сам. Возьми с собой возлюбленную. Против такого врага не устоит никто.

— Мое колдовство тоже чего-нибудь да стоит.

— Но колдовство одного человека не сможет сдержать полумиллионную армию, которой тоже помогает колдовство.

— ...И Карлаак — торговый город, а не военная крепость. Хорошо, я поговорю с Советом Старейшин и постараюсь убедить их.

— Ты должен убедить их побыстрее, Элрик, потому что если тебе это не удастся, то Карлаак и полдня не выстоит против кровавых посланий Терарна Гаштека.

— Они упрямы,— сказал Элрик, когда они вдвоем с Мунгламом сели тем же вечером в доме альбиноса.— Они не хотят осознать всей опасности. Они отказываются бросать город, а я не могу бросить их, потому что они оказали мне гостеприимство и дали мне приют в Карлааке.

— И что же — мы должны остаться здесь и умереть?

— Может быть. Возможно, выбора действительно нет. Но у меня есть другой план. Ты говоришь, что этот чародей — пленник Терарна Гаштека? А что он будет делать, если ему вернуть его душу?

— Он попытается отомстить. Но Терарн Гаштек не так глуп — он не предоставит чародею ни малейшего шанса. Тут нам нечего искать.

— А что, если нам удастся помочь Дриниджу Баре?

— Каким образом? Это невозможно.

— Я думаю, это наш единственный шанс. Этот варвар знает меня и мою историю?

— Насколько мне известно — нет.

— А тебя он узнает?

— С какой стати?

— Тогда давай присоединимся к нему.

— Присоединиться к нему? Элрик, ты все такой же безумец, каким был прежде, когда мы странствовали по миру.

— Я знаю, что делаю. Это единственный способ подобраться к нему и узнать о его слабых местах. Мы отправляемся на рассвете, нельзя терять время.

— Что ж, будем надеяться, твоя былая удача не изменила тебе. Но меня одолевают сомнения. Боюсь, когда ты отказался от старых привычек, вместе с ними ушла и удача.

— Вот и проверим.

— Ты возьмешь Буревестник?

— Я надеялся, что мне больше никогда не придется пользоваться этим адским клинком. Предательская сталь — вот лучшее, что о нем можно сказать.

— Да, но я думаю, на этот раз он тебе понадобится.

— Ты прав. Я его беру.

Элрик, сцепив руки, нахмурился.

— А это значит, что я нарушаю слово, данное мной Зарнии.

— Лучше нарушить слово, чем отдать ее на милость Конной орды.

Элрик открыл дверь в оружейную палату, держа в одной руке горящий фонарь. Испытывая тошноту, шел он по узкому проходу, мимо притупившегося оружия, которое многие века не было в деле.

Сердце его тяжело билось — он подошел к следующей двери и, отодвинув щеколду, вошел в тесное помещение, в котором лежали регалии давно уже мертвых военных вождей Карлаака и среди них — Буревестник. Элрик набрал полную грудь затхлого воздуха, потянулся к мечу и тут же услышал,

как черный клинок застонал, словно приветствуя его. Он взялся за рукоятку и тут же весь передернулся, словно прикоснулся к чему-то нечистому и одновременно вызывающему жуткий экстаз. Лицо Элрика исказилось. Он вложил меч в ножны и стремглав выбежал из оружейной палаты на свежий воздух.

Элрик и Мунглам, одетые как простые наемники, наскоро попрощались с советниками Карлаака и оседлали своих скромно экипированных коней.

Зариния поцеловала белую руку Элрика.

— Я понимаю, что это необходимо,— сказала она. Глаза ее наполнились слезами.— Но будь осторожен, любимый.

— Непременно. И молись, чтобы успех сопутствовал нам, что бы мы ни предприняли.

— Белые Владыки да не оставят вас.

— Нет, лучше молись силам Тьмы, потому что в этом деле мне понадобится их нечестивая помощь. И не забудь, что нужно сказать гонцу, который должен направиться на юго-восток и найти Дивима Слорма.

— Не забуду,— сказала она,— хотя и боюсь, как бы ты не вернулся на свою прежнюю черную стезю.

— Сейчас главное не это. О своей судьбе я позабочусь потом.

— Тогда прощай, мой повелитель, и пусть удача сопутствует тебе.

— Прощай, Зариния. Моя любовь к тебе укрепит меня сильнее, чем этот нечистый меч.

Элрик пришпорил коня, и они оставили позади ворота, чтобы углубиться в Плачущую пустошь навстречу неизвестному будущему.

Глава вторая

Два путника во весь опор гнали коней под непрекращающимся дождем. Они казались карликами на огромной Плачущей пустоши, этом бескрайнем плато вечных дождей, покрытом мягким ковром травы.

Их приближение увидел дрожащий от непогоды воин пустыни. Он вглядывался в их очертания сквозь пелену дождя, пытаясь разглядеть детали одежды, а потом развернул свою маленькую коренастую лошадку и поскакал назад — туда, откуда явился. Через несколько минут он добрался до большой группы воинов, одетых, как и он, в шкуры и металлические шлемы с султанами. Они были вооружены короткими костяными луками, а в колчанах у них виднелись длинные стрелы с перьями ворона. На боку у каждого висел кривой меч.

Воин обменялся несколькими словами с товарищами, и скоро они все, настегивая коней, погнали их в направлении двух всадников.

— Мунглам, далеко еще до лагеря Терарна Гаштека? — спросил Элрик, переводя дыхание — оба они устали, потому что ехали целый день без остановки.

— Не очень далеко. Скоро мы... Смотри!

Мунглам указал вперед. Им навстречу скакали всадники, около десятка.

— Варвары пустыни — люди Поджигателя. Приготовься к схватке — они не тратят время на разговоры.

Буревестник выскользнул из ножен — тяжелый клинок словно сам подталкивал руку Элрика, отчего казался невесомым.

Мунглам обнажил оба меча, держа короткий в той же руке, что и уздечку.

Воины пустыни скакали полукругом, оглашая воздух боевыми кличами. Элрик резко остановил коня и встретил первого воина, вонзив острие Буревестника ему в горло. Когда клинок пропорол плоть, они ощутили зловоние, словно вдохнули запах серы. Воин, умирая, издал жуткий вопль, глаза его вылезли из орбит, когда он осознал свою ужасную судьбу — Буревестник выпил не только его кровь, но и душу.

Элрик нанес безжалостный удар еще одному воину — отсек его руку с мечом, потом расколол шлем с навершием, а вместе с ним и череп. Дождь и пот струились по его белому мрачному лицу, стекали на сверкающие малиновые глаза. Он смахнул влагу с лица и чуть не выпал из седла, когда, развернувшись, отразил удар кривого меча, вытянув руку на всю длину, а потом резким движением кисти обезоружив врага. Потом он

вонзил меч в сердце воина пустыни, и тот завыл, как волк на луну, протяжным лающим воем — Буревестник забирал его душу.

Лицо Элрика, чувствовавшего в себе сверхчеловеческие силы, исказила гримаса — его сжигало невыносимое презрение к самому себе. Мунглам держался подальше от меча альбиноса, зная пристрастие того к душам друзей Элрика.

Скоро в живых остался только один воин. Элрик разоружил его, сдерживая жадный меч, который уже нацелился в горло врага.

Смирившись с неизбежной смертью, человек произнес что-то на гортанном языке, который показался Элрику знакомым. Он порылся в памяти и понял, что этот язык родствен многим древним языкам, которые он, будучи учеником чародея, должен был изучать в юности.

На том же языке он сказал:

— Ты один из воинов Терарна Гаштека, называемого Поджигателем.

— Верно, а ты, наверно, то белолицее Зло, о котором рассказывают легенды. Я прошу тебя — убей меня чистым оружием, а не тем мечом, что у тебя в руке.

— Я не собираюсь тебя убивать. Мы ехали, чтобы присоединиться к Терарну Гаштеку. Отведи нас к нему.

Человек поспешно кивнул и вскочил в седло.

— Кто ты такой и откуда знаешь высокий слог нашего народа?

— Меня зовут Элрик из Мелнибонэ — тебе знакомо это имя?

Воин отрицательно покачал головой.

— Нет, но на высоком наречии никто не говорил уже несколько поколений, только шаманы. Ты не похож на шамана. Судя по твоему одеянию, ты — воин.

— Мы оба наемники. Но хватит разговоров. Остальное я объясню вашему вождю.

Оставив за собой обед для шакалов, они поскакали следом за дрожащим воином.

Вскоре они увидели низко стелющийся дым множества костров, а потом и лагерь огромной варварской армии.

Лагерь растянулся на целую милю. Варвары воздвигли шатры из шкур животных, натянутых на кости, и лагерь походил на большое первобытное стойбище. Приблизительно в центре расположилось пестрое сооружение, украшенное самыми разнообразными цветастыми шелками и парчой.

Мунглам на языке Запада сказал:

— Видимо, здесь и обитает Терарн Гаштек. Видишь, эти невыделанные шкуры покрыты дюжиной восточных боевых стягов.— Лицо его помрачнело, когда он увидел разорванный штандарт Эшмира, флаг Окары с изображением льва и окровавленные вымпелы скорбящего Чангшая.

Плененный ими воин вел их мимо сидящих на корточках варваров, которые бесстрастно смотрели на них, о чем-то разговаривая друг с другом. Перед безвкусным обиталищем Терарна Гаштека в землю было воткнуто огромное копье, украшенное трофеями его побед — черепами восточных принцев и королей.

Элрик сказал:

— Мы не должны позволить ему погубить возродившуюся цивилизацию Молодых королевств.

— Молодые королевства жизнестойки,— заметил Мунглам,— а погибнут они, когда состарятся. Но нередко именно такие, как Терарн Гаштек, становятся причиной гибели им подобных.

— Пока я жив, он не тронет Карлаак. И до Бакшаана он не дойдет.

— А вот в Надсокор я бы его сам проводил,— ответил Мунглам.— Город нищих заслуживает таких гостей, как Поджигатель. Если у нас ничего не выйдет, то его остановит только море. А может, и море будет бессильно.

— С помощью Дивима Слорма мы его остановим. Будем надеяться, что гонец из Карлаака сумеет быстро найти моего родича.

— Если не найдет, то нам придется отражать наступление полумиллиона воинов — нелегкая задача, мой друг.

Варвар, который вел их, закричал:

— О могучий Поджигатель, я привел людей, которые хотят поговорить с тобой.

— Пусть войдут,— раздался невнятный голос.

Они вошли в дурно пахнущий шатер, освещенный горящим в центре костром, обложенным камнями. На деревянной скамье, развалясь, сидел тощий человек, небрежно одетый в яркие одежды с чужого плеча. Еще в шатре были несколько женщин, одна из которых наливала вино в тяжелый золотой кубок, который тот держал в руке.

Терарн Гаштек оттолкнул женщину, отчего та упала на землю, и вперился взглядом в пришельцев. На его лице почти не было плоти — как на черепах, висевших перед входом. Щеки у него были впалые, а раскосые глаза сидели в щелочках глазниц.

— Это кто такие?

— Я не знаю, господин, но они убили десяток наших воинов и вполне могли убить меня.

— Ты не заслуживаешь ничего, кроме смерти, если позволил себя разоружить. Убирайся и быстро найди себе новый меч, иначе я отдам тебя шаманам — пусть по твоим кишкам узнают будущее.

Человек выскользнул из шатра. Терарн Гаштек поудобнее устроился на скамье.

— Значит, вы убили десяток моих кровопускателей и пришли ко мне, чтобы похваляться этим? Говорите.

— Мы просто были вынуждены защищаться — мы не искали ссоры с твоими воинами,— Элрик говорил самым простым языком, на какой был способен.

— Вы неплохо защитили себя, поздравляю. Ведь каждый из наших стоит троих изнеженных горожан. Ты, как я вижу, житель Запада, а судя по лицу твоего молчаливого друга, он — житель Элвера. Так ты с Востока или Запада?

— С Запада,— сказал Элрик.— Мы наемные воины — путешествуем и предлагаем оружие тем, кто хорошо платит или предлагает нам неплохие трофеи.

— Что же, все воины с Запада так же искусны, как вы? — Терарн Гаштек не мог скрыть своего внезапного испуга — может быть, он недооценил тех, кого собирался покорить?

— Мы чуть лучше, чем другие,— солгал Мунглам.— Но не слишком.

— А как насчет колдовства? Оно здесь в ходу?

— Нет,— ответил Элрик.— Люди здесь давно забыли это искусство.

Тонкие губы варвара скривились в усмешку, в которой виделось и облегчение, и торжество. Кивнув, он запустил руку под цветастые шелка, вытащил оттуда маленького связанного черно-белого кота и принялся гладить зверька по спине. Кот попытался вырваться, но мог только шипеть на человека.

— Тогда мы можем не беспокоиться,— сказал Терарн Гаштек.— Так зачем вы заявились сюда? Я могу пытать вас днями и ночами за то, что вы убили десять моих лучших воинов.

— Мы хотели заработать, предложив тебе нашу помощь, господин Поджигатель,— сказал Элрик.— Мы могли бы показать тебе самые богатые поселения, отвести тебя к плохо защищенным городам, которые падут после дня осады. Ты примешь нас в свое войско?

— Верно, мне нужны люди вроде вас. Я приму вас, но запомните: доверять вам я не буду, пока вы не докажете мне свою преданность. Найдите себе место для ночевки, а вечером приходите на пиршество. Я покажу вам, какой силой располагаю. Силой, которая раздавит Запад, превратит его в пустыню на десять тысяч миль.

— Спасибо,— сказал Элрик.— Буду с нетерпением ждать вечера.

Они вышли из шатра и побрели между палаток, разбитых без всякой системы, и разведенных где попало костров, между телег и домашних животных. Пищи здесь было мало, но вино лилось рекой, смиряя голодные варварские желудки.

Они остановили одного из воинов и сообщили ему о приказе, отданном им Терарном Гаштеком.

— Вот шатер — в нем ночевали трое из убитых вами людей. Он принадлежит вам по праву победы, как и оружие и трофеи, что вы найдете внутри.

— Ну вот мы и разбогатели,— усмехнулся Элрик с напускной радостью.

В уединении шатра, который был еще неопрятнее, чем шатер Терарна Гаштека, они разговорились.

— Мне что-то не по себе в этом воинстве,— сказал Мунглам.— Каждый раз, когда я вспоминаю, что они сделали с Эшмиром, у меня руки чешутся — хочется убивать и убивать. Что будем делать?

— Пока ничего. Дождемся ночи, посмотрим, как будут развиваться события.— Элрик вздохнул.— Кажется, наша задача невыполнима. Я никогда не видел такой огромной армии.

— Они непобедимы,— сказал Мунглам.— Даже без колдовства Дриниджа Бары, который разрушает стены крепостей, ни один народ в одиночку не в силах противостоять им, а поскольку народы Запада пребывают в вечной ссоре между собой, они не сумеют вовремя объединиться. Сама цивилизация находится под угрозой. Будем молиться — может, нас посетит вдохновение. Твои темные боги, Элрик, по крайней мере разумны, так будем надеяться, что они, как и мы, будут противиться вторжению варваров.

— Они разыгрывают странные игры, в которых людям отводится роль пешек,— ответил Элрик.— Кто знает, что они задумали.

Наполненный дымом шатер Терарна Гаштека был освещен факелами. Элрик и Мунглам, войдя, увидели, что уже начавшееся пиршество сводится главным образом к винопитию.

— Добро пожаловать, друзья мои,— крикнул Поджигатель, поднимая кубок.— Это мои командиры — присоединяйтесь к ним!

Элрику еще не доводилось встречать варваров такого зловещего вида. Эти полупьяные, как и их вождь, люди были облачены в самые разные одеяния, взятые ими в разоренных городах. Однако мечи были их собственными.

Варвары подвинулись, освобождая Элрику и Мунгламу место на скамье, те сели, взяли кубки и пригубили вино.

— Принести сюда нашего раба! — закричал Терарн Гаштек.— Принести Дриниджа Бару, нашего любимого чародея.— На столе перед ним лежал связанный вырывающийся кот, а рядом с ним — кинжал.

Смеющиеся воины притащили угрюмого человека и поставили его на колени перед вождем вблизи костра. Это был то-

щий тип, мрачно взиравший на Терарна Гаштека и маленького кота. Но когда он увидел кинжал, воинственность из его взгляда исчезла.

— Что еще ты от меня хочешь? — хмуро спросил он.

— Разве так нужно говорить с господином, колдун? Ну, да оставим это. У нас тут гости, и мы должны их развлечь. Они обещали привести нас к богатым торговым городам. Покажи им несколько фокусов.

— Я не какой-нибудь мелкий колдунишка. Ты не можешь просить о таких вещах у одного из величайших чародеев мира!

— Мы не просим — мы приказываем. Давай-ка, повесели нас. Что тебе нужно для твоей магии? Несколько рабов? Кровь девственниц? Мы все это легко можем устроить.

— Я тебе не шаман. Мне такие глупости не требуются.

Внезапно чародей увидел Элрика. Альбинос почувствовал, как мощный ум колдуна проникает в его мысли. Дринидж Бара узнал в нем собрата-чародея. Неужели выдаст?..

Элрик напряженно ждал — последует ли разоблачение. Он откинулся на спинку скамьи и сделал знак рукой — этот знак был известен всем чародеям Запада. Знает ли его чародей Востока?

Дринидж Бара знал. Мгновение-другое он размышлял, потом посмотрел на вождя варваров... Отвернулся и начал делать пассы руками, что-то бормоча себе под нос.

Присутствовавшие разинули рты, когда увидели, как под сводом шатра появилось облако золотистого дыма и начало принимать форму огромного коня со всадником, в котором все узнали Терарна Гаштека. Вождь варваров подался вперед, глядя на этот образ.

— Что это?

Под копытами коня словно бы разворачивалась огромная карта земель и морей.

— Это земли Запада,— воскликнул Дринидж Бара.— Я пророчествую.

— Что это такое?

Призрачный конь начал топтать карту. Она разорвалась и разлетелась на тысячи дымящихся кусков. Потом изображение коня стало меркнуть и тоже распалось на фрагменты.

— Вот так могучий Поджигатель уничтожит богатые народы Запада,— закричал Дринидж Бара.

Варвары возликовали, и только Элрик саркастически улыбнулся. Чародей с Востока попросту издевался над Терарном Гаштеком и его людьми.

Золотой шар из дыма засиял ярче — и исчез.

Терарн Гаштек рассмеялся:

— Хороший фокус, колдун. И точное пророчество. Ты хорошо поработал. Отведите его назад в его конуру!

Дриниджа Бару утащили воины, но он успел кинуть вопросительный взгляд на Элрика, хотя и не сказал ни слова.

Позднее той же ночью, когда варвары напились до бесчувствия, Элрик и Мунглам выскользнули из шатра и направились туда, где содержался Дринидж Бара.

Они увидели маленький шатер, а перед входом в него — воина. Мунглам вытащил мех с вином и, изображая пьяного, подошел к часовому. Элрик остался на месте.

— Что тебе нужно, чужеземец? — прорычал стражник.

— Ничего, мой друг. Мы пытаемся найти свой шатер, только и всего. Ты не знаешь, где он?

— Откуда мне знать?

— И правда — откуда тебе знать? Выпей вина — хорошее, из запасов самого Терарна Гаштека.

Часовой протянул руку.

— Дай попробую.

Но Мунглам приложился к меху и сказал:

— Нет, я передумал. Оно слишком хорошо, чтобы тратить его на рядового воина.

— Неужели? — Воин сделал несколько шагов навстречу Мунгламу.— Давай проверим, а? И может, разбавим его немного твоей кровью для вкуса, мой маленький друг.

Мунглам отступил. Воин продолжал надвигаться на него.

Элрик бесшумно метнулся к шатру и нырнул в него. На необработанных звериных шкурах внутри он увидел Дриниджа Бару со связанными руками. Чародей поднял глаза.

— Ты? Что тебе надо?

— Мы пришли помочь тебе, Дринидж Бара.

— Помочь мне? С какой стати? Ты мне не друг. Какая тебе от этого польза? Ты слишком рискуешь.

— Я считаю своим долгом помочь собрату по искусству,— сказал Элрик.

— Я понял, что ты тоже чародей. Только в моей земле чародеи не дружат между собой.

— Хорошо, я скажу тебе правду. Нам нужна твоя помощь, чтобы остановить кровавое продвижение этого варвара. У нас общий враг. Если мы поможем тебе вернуть твою душу, поможешь ли ты нам?

— Конечно, помогу. Я пока только и занят тем, что вынашиваю планы мести. Только будьте осторожны ради меня. Если он догадается, что вы хотите мне помочь, он убьет кота и нас всех заодно.

— Мы постараемся принести кота тебе. Тебе этого будет достаточно?

— Да. Мы должны обменяться кровью — кот и я, и тогда моя душа вернется в мое тело.

— Хорошо, я попытаюсь...— Элрик повернулся, услышав снаружи голоса.— Что это?

Чародей со страхом в голосе ответил:

— Наверно, это Терарн Гаштек. Он приходит каждую ночь, чтобы поиздеваться надо мной.

— Где стражник? — Резкий голос вождя варваров приближался. Наконец Терарн Гаштек вошел в шатер.— Это что такое? — Он увидел Элрика над чародеем. В глазах его возникли недоумение и настороженность.— Что ты здесь делаешь, чужеземец? И что случилось со стражником?

— Со стражником? Здесь не было никакого стражника. Я искал свой шатер и тут услышал крик этого пса. Вот я и вошел. Ну и мне, конечно, было любопытно посмотреть на великого чародея, облаченного в грязное тряпье и связанного.

Терарн Гаштек нахмурился.

— Если ты и дальше будешь проявлять подобное любопытство, мой друг, тебе придется увидеть, как выглядит твое собственное сердце. А теперь убирайся. Завтра утром мы выступаем.

Элрик притворился испуганным и выскользнул из шатра.

Одинокий воин в облачении официального гонца Карлаака гнал коня на юг. Конь перевалил за гребень холма, и всадник увидел впереди деревню. Он въехал в нее, погоняя коня, и крикнул первому встречному человеку:

— Скорее скажи мне, где найти Дивима Слорма и его имррирских наемников. Они здесь не появлялись?

— Они были здесь неделю назад. Направились отсюда к Ригнариому на границе Вилмира. Хотят предложить свои услуги вилмирскому претенденту.

— Они были конные или пешие?

— И те и другие.

— Спасибо, друг,— крикнул гонец и поскакал из деревни в направлении Ригнариома.

Гонец из Карлаака скакал сквозь ночь, скакал по свежим следам. По этой тропе прошло немалое войско. Он молился, чтобы это был Дивим Слорм и его имррирские воины.

В благоухающем городе-саде Карлааке воцарилось напряжение. Граждане ждали известий, однако ждать их пока было рано. Все теперь зависело от гонца и от Элрика. Если удача улыбнется только одному, горожан ждет гибель. Успеха должны добиться оба — и только оба.

Глава третья

Шум движения множества людей висел в воздухе дождливого утра. Терарн Гаштек злобным голосом поторапливал воинов.

Рабы разбирали шатры и складывали их в телеги. Терарн Гаштек прыгнул в седло, выдернул из земли свое боевое копье и дал шпоры коню, направляя его на запад. Следом за ним скакали его офицеры, среди которых были и Элрик с Мунгламом.

Элрик и Мунглам обсуждали на западном языке, как быть дальше. Вождь варваров ждал, что они наведут его на жирную добычу. Его дозоры удалялись от основного войска на значительные расстояния, так что провести их мимо какого-нибудь поселения было невозможно. Элрик и Мунглам находились

в затруднительном положении: было бесчестно принести в жертву другой город, чтобы дать Карлааку еще несколько спокойных дней...

Некоторое время спустя два воина из дозора галопом подскакали к Терарну Гаштеку.

— Город, повелитель! Маленький — взять его можно будет без труда.

— Наконец-то. Что ж, проверим наши клинки и посмотрим, что за плоть у жителей Запада — легко ли ее пронзить мечом. А потом поищем добычу покрупнее.— Он повернулся к Элрику.— Ты знаешь этот город?

— Где он расположен? — хрипло спросил Элрик.

— В десяти миль отсюда на юго-запад,— ответил воин.

Хотя и понимая, что город обречен, Элрик все же испытал облегчение. Речь шла о Горджане.

— Я его знаю,— сказал он.

Кавим Седельщик, собиравшийся доставить свое новое изделие на окраинную ферму, увидел вдали всадников, чьи яркие шлемы неожиданно засверкали в лучах выглянувшего из-за туч солнца. Эти всадники, вне всяких сомнений, пришли из Плачущей пустоши. Кавим сразу же почувствовал угрозу в их неуклонном продвижении.

Кавим развернул коня и в страхе погнал его назад — в город Горджан.

Жирная грязь улицы расплывалась под копытами его коня, его высокий возбужденный крик проникал через закрытые окна:

— Разбойники идут! Разбойники!

Через четверть часа все знатные жители города собрались, чтобы решить, что им делать — бежать или сражаться. Старики советовали бежать. Те, кто помоложе, предпочитали остаться и попытаться отразить возможное нападение. Некоторые утверждали, что их город слишком беден и разбойники обойдут его стороной.

Горожане спорили и ссорились, а тем временем первая волна разбойников подступила к стенам города.

Поняв, что времени на споры больше нет, они поняли и еще одно: что обречены,— но все же бросились на стены, вооружившись чем попало.

Терарн Гаштек кричал варварам, месившим грязь под стенами Горджана:

— Не будем терять время на осаду. Тащите сюда колдуна!

Воины приволокли Дриниджа Бару. Терарн Гаштек вытащил из-под одежды маленького черно-белого кота и поднес к его горлу лезвие ножа.

— Начинай свое колдовство. Мне нужно, чтобы эти стены рухнули как можно скорее.

Чародей нахмурился, ища глазами Элрика, но альбинос отвел взгляд и развернул коня.

Чародей вытащил из поясной сумки горсть порошка и швырнул его в воздух. Сначала порошок превратился в газ, потом — в огненный шар, а затем в лицо — жуткое человеческое лицо, охваченное пламенем.

— Даг-Гадден Разрушитель,— нараспев проговорил Дринидж Бара,— ты блюдешь наш древний договор. Будешь ли ты мне подчиняться?

— Я должен, а потому буду. Приказывай, что я должен делать.

— Разрушить стены этого города и оставить жителей без защиты, как краба без панциря.

— Разрушать доставляет мне удовольствие, и я разрушу эти стены.— Лицо в кольце пламени стало пропадать, видоизменяться, оно завизжало, взмыло вверх и превратилось в цветущий алый полог, закрывший небо.

Потом этот полог накрыл город, и в тот же миг стены Горджана застонали, рухнули и исчезли.

Элрик ужаснулся — если Даг-Гадден окажется в Карлааке, город обречен.

Толпы торжествующих варваров бросились в беззащитный Горджан.

Элрик и Мунглам, избегавшие участия в бойне, ничем не могли помочь горожанам. Зрелище зверского кровопролития производило на них гнетущее впечатление. Они бросились в

небольшой дом, который беснующиеся варвары пока не тронули. Внутри они нашли трех детей, которые испуганно жались к девочке постарше, державшей в слабеньких руках старую косу. Дрожа от страха, она приготовилась защищаться.

— Не трать попусту наше время, девочка,— сказал Элрик,— ты рискуешь жизнью. У этого дома есть чердак?

Она кивнула.

— Быстро забирайтесь туда. Мы вас защитим.

Они остались в доме, не желая видеть орущих варваров, которых обуяла жажда крови. Они слушали жуткие звуки резни и ощущали запах смерти и крови.

Варвар, весь забрызганный чужой кровью, тащил за волосы женщину, направляясь в дом, где находились Элрик с Мунгламом. Женщина не пыталась сопротивляться, на ее лице застыла гримаса ужаса от увиденного.

Элрик прорычал:

— Найди себе другое гнездышко, это уже занято.

Человек ответил:

— Здесь хватит места для того, что мне нужно.

И тут напряженное тело Элрика среагировало помимо его воли. Его правая рука метнулась к левому бедру, пальцы сомкнулись на эфесе Буревестника. Меч выскользнул из ножен, а Элрик шагнул вперед. Его малиновые глаза сверкали ненавистью. Он одним ударом убил варвара, а потом нанес уже ненужный удар, разрубая его пополам. Женщина осталась там, где лежала. Сознания она не потеряла, но пошевелиться не могла.

Элрик поднял ее безвольное тело и бережно передал Мунгламу.

— Отведи ее наверх к остальным,— резко бросил он.

Покончив с жителями, варвары приступили к грабежу, а заодно подожгли город. Элрик встал в дверях.

Грабить тут было почти нечего, но, одержимые жаждой разрушать, они давали выход злобе, уничтожая имущество горожан и поджигая разрушенные, разграбленные дома.

Буревестник свободно висел на руке Элрика, который смотрел на горящий город. На его лице тени мешались со зловещими отблесками пламени, рвущегося все выше в туманное небо.

Вокруг него варвары делили свою жалкую добычу. Время от времени раздавались женские вопли, перекрывавшие другие звуки — грубые крики и звон металла.

Потом он услышал звуки, непохожие на те, что раздавались прямо рядом с ним. К голосам разбойников примешивался чей-то новый голос — жалобный, умоляющий. Из дыма появилась группа варваров, во главе которой шел Терарн Гаштек.

В пальцах он сжимал кровавый обрубок — человеческую руку, отсеченную в запястье. За ним шествовали несколько его командиров, которые тащили за собой голого старика. Все его тело было в крови, хлеставшей из обрубков рук.

Увидев Элрика, Терарн Гаштек нахмурился, а потом крикнул:

— Ну, чужеземец, ты видишь, как мы ублажаем наших богов. Наши дары куда лучше, чем та еда и кислое молоко, которое им подносил этот боров. Но скоро он за это ответит, я это обещаю. Правда, священник?

Жалобный вой прекратился, и старик поднял гневные глаза на Элрика. Голос его поднялся до высоты безумного вопля, вызывавшего скорее отвращение, нежели жалость.

— Вы, собаки, можете сколько угодно лаять на меня! — выкрикнул он.— Мират и Т'ааргано отомстят за священника и разрушение храма. Вы принесли сюда огонь — в огне вы и погибнете.— Он вытянул кровавый обрубок руки в сторону Элрика.— А ты... ты предатель, ты предавал не раз, я вижу это по тебе. Хотя сейчас ты...— Священник перевел дыхание.

Элрик облизнул губы.

— Я тот, кто я есть,— сказал он.— А ты — просто жалкий старик, который скоро умрет. Твои боги не могут повредить нам, потому что мы их не почитаем. Я больше не желаю слушать твой безумный бред!

На лице старика-священника было знание и о прошлой пытке, и о грядущей. Казалось, он, взвесив это, выбрал молчание.

— Побереги голос для крика,— сказал Терарн Гаштек потерявшему ощущение реальности священнику.

И тут Элрик сказал:

— Убивать священника — дурное предзнаменование, Поджигатель.

— Ты слабак, мой друг. Мы отдадим его в жертву нашим богам, и это принесет нам удачу. Можешь не сомневаться на сей счет.

Элрик отвернулся. Входя в дом, он услышал крик боли, прорезавший ночной воздух, а последовавший за ним смех вызывал ужас.

Позднее, когда продолжавшие гореть дома все еще освещали округу, Мунглам и Элрик, с тяжелыми тюками на плечах и каждый в обнимку с женщиной, отправились, изображая пьяных, к границе лагеря. Мунглам, оставив тюки и женщин с Элриком, пошел обратно и вскоре вернулся с тремя лошадьми.

Они развязали тюки и выпустили оттуда детей, женщины молча сели в седла, а Элрик с Мунгламом подсадили детей.

Потом лошади поскакали прочь.

— А сейчас,— свирепо сказал Элрик,— мы должны разработать план и попытаться воплотить его, независимо от того, найдет гонец Дивима Слорма или нет. Еще одной такой резни я не вынесу.

Терарн Гаштек напился до бесчувствия. Он лежал в верхней комнате одного из уцелевших домов.

Элрик и Мунглам подкрались к нему. Элрик остался в дверях, чтобы им никто не помешал, а Мунглам, став перед варваром на колени, ловкими пальцами залез под его одежду. С победной улыбкой он вытащил извивающегося кота, а вместо него засунул чучело кролика, заблаговременно им приготовленное для этой цели. Крепко держа зверька, он поднялся и кивнул Элрику. Они осторожно выбрались из дома и прошли по погрузившемуся в хаос лагерю.

— Я проверил — Дринидж Бара лежит в большой телеге,— сказал Элрик другу.— Поторопимся. Главная опасность позади.

Мунглам спросил:

— А что мы будем делать, когда кот и Дринидж Бара обменяются кровью и душа колдуна вернется к нему?

— Я надеюсь, что объединенными усилиями мы сможем удержать варваров, вот только...— Он замолчал — им навстречу, пошатываясь, шла большая группа воинов.

— Это Чужестранец и его маленький приятель,— рассмеялся один.— Куда это вы направляетесь, друзья?

Элрик почувствовал их настроение. Бойня ушедшего дня не до конца утолила их жажду кровопролития. Они напрашивались на неприятности.

— Да так, никуда,— ответил он. Варвары окружили их со всех сторон.

— Мы много всякого слышали о твоем длинном мече, чужестранец,— ухмыльнулся один из них.— А мне вот хочется проверить, чего он стоит против настоящего оружия.— Он обнажил свой кривой меч.— Что скажешь?

— Я тебя прощаю,— холодно ответил Элрик.

— Ты очень великодушен. Но я хочу, чтобы ты принял мое приглашение.

— Дайте нам пройти,— сказал Мунглам.

На лицах варваров появилось жестокое выражение.

— Это так вы разговариваете с покорителями мира? — сказал главный из них.

Мунглам сделал шаг назад и вытащил меч. Кот извивался в его левой руке.

— Пожалуй, нам придется покончить с этим,— сказал Элрик другу. Он извлек из ножен рунный меч, который запел тихо и насмешливо, и варвары, услышав мелодию, встревожились.

— Так что же? — сказал Элрик, выставляя вперед свой почти разумный меч.

Варвар, бросивший ему вызов, заколебался. Потом он выдавил из себя:

— Чистый металл посильнее любого колдовства.— С этими словами он бросился вперед.

Элрик, благодарный за представившуюся ему возможность мести, сделал ложное движение, отразил удар кривого меча и нанес ответный, которым раскроил врага поперек. Варвар умер, испустив стон. Мунгламу пришлось противостоять сразу

двоим. Одного он быстро убил, но другой оказался слишком резвым — его меч ранил Мунглама в плечо. Он взвыл от боли и выпустил кота. Тогда в дело вмешался Элрик, прикончивший стремительного варвара. Буревестник звучно пел панихиду. Остальные варвары повернулись и бросились наутек.

— Он тебя сильно ранил? — тревожно спросил Элрик, но Мунглам не отвечал — он стоял на коленях, вглядываясь в темноту.

— Быстрее, Элрик,— ты не видишь кота? Я выронил его в драке. Если мы потеряем кота, то и нам конец.

Они принялись в отчаянии обыскивать лагерь.

Однако их поиски ни к чему не привели, потому что кот с проворством, свойственным его роду, освободился от пут и спрятался.

Несколько мгновений спустя они услышал шум, доносившийся из дома, где обосновался Терарн Гаштек.

— Он обнаружил пропажу! — воскликнул Мунглам.— Что нам теперь делать?

— Не знаю. Будем искать и дальше и надеяться, что он не станет подозревать нас.

Они продолжили безуспешные поиски. Вдруг к ним подошли несколько варваров. Один из них сказал:

— Наш вождь хочет поговорить с вами!

— О чем?

— Он вам сам скажет. Идем.

Они неохотно пошли с варварами и скоро оказались перед взбешенным Терарном Гаштеком. Он сжимал когтистой рукой чучело кролика, а его лицо было перекошено от гнева.

— У меня украли то, что давало мне власть над колдуном,— взревел он.— Что вы об этом знаете?

— Я тебя не понимаю,— сказал Элрик.

— Пропал кот, а на его месте оказалась вот эта дрянь. Я недавно застал вас за разговором с Дриниджем Барой. Я думаю, это ваших рук дело.

— Нам об этом ничего не известно.

Терарн Гаштек зарычал:

— В лагере беспорядки. Мне понадобится целый день, чтобы привести моих людей в чувство: дай им раз послабление —

и они уже никогда не будут подчиняться. Но когда я восстановлю порядок, я допрошу всех до единого. Если вы сказали правду, то будете отпущены, а пока у вас будет достаточно времени, чтобы пообщаться с колдуном.— Он дернул головой.— Увести их, разоружить, связать и бросить в одну будку с Дриниджем Барой.

Когда их вели по лагерю, Элрик шепнул Мунгламу:

— Мы должны бежать и найти кота, а пока не будем терять возможности поговорить с Дриниджем Барой.

Дринидж Бара в темноте ответил на предложение Элрика:

— Нет, брат-чародей, я не буду тебе помогать. Я не хочу рисковать, пока кот не в моих руках.

— Но Терарн Гаштек больше не может тебе угрожать.

— А если он найдет кота, что будет тогда?

Элрик не ответил. Он лежал, связанный, на жестких досках фургона, и каждое движение причиняло ему боль. Он намеревался продолжить разговор, но тут полог приоткрылся и в фургоне оказался еще один связанный человек. В темноте раздался голос Элрика — он спросил на языке Востока:

— Кто ты?

Человек ответил на языке Запада:

— Я тебя не понимаю.

— Значит, ты с Запада? — переспросил Элрик на всеобщем языке.

— Да, я гонец из Карлаака. Меня поймали эти вонючие шакалы, когда я возвращался в город.

— Что? Ты тот самый человек, которого посылали за Дивимом Слормом? За моим родичем? Я Элрик из Мелнибонэ.

— Мой господин, значит, мы все здесь пленники? О боги, теперь Карлаак неминуемо погибнет.

— Ты нашел Дивима Слорма?

— Да, я догнал его вместе с его отрядом. К счастью, они оказались ближе к Карлааку, чем мы думали.

— И что же он ответил на мою просьбу?

— Он сказал, что, может, несколько молодых драконов уже готовы, но даже с помощью колдовства ему не добраться

до Драконьего острова быстро. Понадобится несколько дней. Шанс все же есть. Небольшой.

— Нам ничего другого и не нужно. Но от этого шанса не будет никакого проку, если мы не выполним нашу часть плана. Мы должны каким-то образом вернуть душу Дриниджа Бары, чтобы Терарн Гаштек не смог заставить его помогать варварам. Мне пришла в голову одна мысль — воспоминание о древнем родстве, которое было у мелнибонийцев с существом по имени Миирклар. Благодарение богам — я нашел в Троосе нужные мне травы и все еще сохраняю силу. А сейчас я должен призвать к себе мой меч.

Он закрыл глаза и сначала дал своему телу и разуму полностью расслабиться, а потом сосредоточился на одном — на Буревестнике.

Многие годы существовал уже этот симбиоз меча и человека, и старая связь не исчезла.

Элрик воскликнул:

— Буревестник! Буревестник! Воссоединись со своим братом! Приди ко мне, мой рунный меч, приди, выкованный в аду убийца родичей, приди, твой хозяин зовет...

Снаружи внезапно раздался звук, похожий на вой ветра. Элрик услышал крики ужаса и свист. А потом что-то вспороло полог фургона, и внутрь ворвался сверкающий и стонущий меч. Он замер, чуть подрагивая над головой Элрика. Альбинос потянулся вверх. Его мутило от одной мысли о предстоящем, но он утешал себя тем, что на сей раз ведет его не корысть, а необходимость спасти мир от страшной угрозы оказаться под пятой варваров.

— Дай мне силы, мой меч,— простонал Элрик, когда его связанные руки ухватились за эфес.— Дай мне силы, и будем надеяться, что это в последний раз.

Меч задрожал в его руке, и Элрик почувствовал неимоверный прилив сил — энергия, которую, подобно вампиру, меч отнял у сотен храбрых воинов, перетекала в его тело.

Он чувствовал в себе особую силу, и сила эта была отнюдь не только физической. Его белое лицо исказила судорога — он весь сосредоточился на том, чтобы овладеть этой новой

мощью и клинком, потому что иначе сам мог оказаться в полной их власти. Наконец он одним движением разорвал путы и встал.

Варвары бежали к фургону, но Элрик уже перерезал кожаные ремни, связывавшие остальных, и, не обращая внимания на приближающихся врагов, выкрикнул новое имя.

Он говорил на незнакомом, чуждом языке — в обычном состоянии он его не помнил. Этому языку обучали мелнибонийских королей-чародеев, предков Элрика, задолго до того, как десять тысяч лет назад был построен Имррир, Грезящий город.

— Миирклар, повелитель кошек, это я зову тебя, твой родич, Элрик из Мелнибонэ, последний из рода, который принес клятву дружбы тебе и твоему народу. Слышишь ли ты меня, повелитель кошек?

Далеко от земли, в мире, где не действуют физические законы пространства и времени, управляющие планетой, неживше́еся в тепле́ синевы и золота человекоподобное существо потянулось и зевнуло, обнажив крохотные острые зубки. Оно лениво приподняло пушистую голову и прислушалось.

Услышанный им голос не принадлежал ни одному из его подданных, которых он любил и защищал. Но он узнал язык. Он улыбнулся про себя, когда к нему пришло воспоминание, и дружеское чувство нахлынуло на него. Он вспомнил народ, который, в отличие от всех других людей (а людей он не любил), обладал теми же свойствами, что и он,— народ, который, как и он, любил наслаждения, жестокость и изощренность ради них самих. Народ Мелнибонэ.

Миирклар, повелитель кошек, защитник кошачьего рода, милостиво потянулся к источнику голоса.

— Чем я могу помочь тебе? — промурлыкал он.

— Мы ищем одного из ваших, Миирклар. Он где-то здесь, поблизости.

— Да, я его чувствую. Что ты хочешь от него?

— Только то, что ему не принадлежит,— у него две души, и одна из них не его.

— Это так. Его зовут Фиаршерн из великой семьи Трречоуу. Я его позову. Он придет ко мне.

Снаружи варвары пытались преодолеть страх перед непонятным, происходящим в фургоне. Терарн Гаштек клял их на чем свет стоит.

— Нас пятьсот тысяч, а их несколько человек. Схватите их!

Воины стали осторожно продвигаться вперед.

Фиаршерн услышал голос. Он инстинктивно почувствовал, что голос этот принадлежит тому, кому глупо будет не подчиниться. Он стремглав бросился к источнику голоса.

— Смотрите — вот он, кот! Хватайте его!

Двое воинов Терарна Гаштека бросились исполнять его приказание, но маленький кот легко ускользнул от них и через мгновение оказался в фургоне.

— Отдай этому человеку его душу, Фиаршерн,— тихо сказал Миирклар. Кот подошел к человеку и вонзил крохотные зубки в вену чародея.

Спустя миг Дринидж Бара разразился безудержным смехом.

— Моя душа снова со мной. Благодарю тебя, великий повелитель кошек. Позволь мне отблагодарить тебя!

— В этом нет нужды,— улыбнулся Миирклар.— Кроме того, насколько я понимаю, твоя душа уже заложена. Прощай, Элрик из Мелнибонэ. Я с радостью откликнулся на твой зов, хотя ты больше и не следуешь традициям твоих отцов. Но ради старой дружбы я оказал тебе эту услугу. Прощай, я отправляюсь в места потеплее, чем эта негостеприимная пустыня.

Повелитель котов исчез из виду и вернулся в мир синего и золотого тепла, где снова погрузился в дрему.

— А теперь, брат-чародей,— возбужденно воскликнул Дринидж Бара,— давай-ка отомстим нашему врагу!

Они с Элриком выпрыгнули из фургона. Двое других, однако, выходить не торопились.

Перед ними предстали Терарн Гаштек и его воины. Многие держали в руках луки с длинными стрелами наготове.

— Убейте их немедленно,— заревел Поджигатель.— Пристрелите их, пока они не вызвали демонов!

В чародеев полетел дождь стрел. Дринидж Бара улыбнулся, произнес несколько слов и почти небрежно сделал движение рукой. Стрелы остановились в полете, развернулись, полетели обратно — и каждая из них нашла горло того воина, который ее выпустил. Терарн Гаштек в ужасе раскрыл рот и бросился назад, расталкивая своих людей и приказывая им расправиться с четверкой.

Огромная толпа варваров, понимая, что если они сейчас побегут, то будут обречены, окружила четверых пленников.

В затянутых тучами небесах появились первые лучи восходящего солнца. Мунглам поднял голову и крикнул альбиносу:

— Элрик, смотри!

— Только пять,— сказал альбинос.— Только пять, но, возможно, их будет достаточно.

Он отразил мечом несколько ударов. Хотя сам чародей чувствовал в себе сверхчеловеческие силы, зато в Буревестнике, казалось, не осталось энергии — он вел себя как обычный клинок. Продолжая сражаться, Элрик чуть расслабился — и почувствовал, как энергия оставляет его, перетекая в Буревестник.

Рунный меч снова запел и стал жадно искать шеи и сердца варваров.

У Дриниджа Бары не было меча, но оружие ему и не требовалось, он защищался более тонкими средствами. Вокруг него валялись чудовищные плоды его трудов — кровавые груды мертвой плоти.

Два чародея, а вместе с ними Мунглам и гонец прорубались через толпу обезумевших варваров, которые отчаянно пытались одолеть их. Среди всей этой сумятицы невозможно было составить какой бы то ни было план действий. Мунглам и гонец сражались кривыми мечами, взятыми у мертвецов.

Наконец они добрались до границы лагеря. Вся масса варваров обратилась в бегство, гоня коней на запад. И тут Элрик увидел Терарна Гаштека с луком в руках. Он понял намерение Поджигателя и криком предупредил своего собрата-чародея, который стоял спиной к варвару. Дринидж Бара, выкрикивавший заклинания, повернулся, замолк, потом начал новое заклинание, но в этот миг стрела поразила его прямо в глаз.

— Нет! — закричал он и упал мертвый.

Увидев, что его союзник погиб, Элрик остановился и поднял глаза к небу — на знакомых ему огромных животных, парящих в воздухе.

Дивим Слорм, сын Дивима Твара, кузена Элрика и Владыки драконов, прилетел на легендарных драконах Имррира, чтобы помочь родичу. Почти все огромные твари еще спали — им предстояло спать еще сто лет, и только пятерых удалось поднять. Но Дивим Слорм не мог пустить в ход оружие, боясь причинить вред Элрику и его соратникам.

Терарн Гаштек тоже увидел великолепных животных. Его грандиозный план покорения мира рушился на глазах — и варвар в гневе бросился на Элрика.

— Ах ты, мразь белолицая! — завопил он.— Ты заплатишь Поджигателю за то, что сделал!

Элрик рассмеялся, отразив Буревестником удар взбешенного варвара. Он указал на небо:

— Их тоже можно назвать поджигателями, Терарн Гаштек, но они больше тебя заслуживают такое прозвище!

С этими словами он вонзил клинок в тело Терарна Гаштека, и варвар издал нечеловеческий стон, чувствуя, как меч высасывает из него душу.

— Может быть, я и разрушитель,— выдохнул он.— Но мой путь чище твоего, Элрик из Мелнибонэ. Будь проклят ты и все, что тебе дорого.

Элрик рассмеялся, но его голос слегка дрожал, когда он смотрел на тело варвара.

— Я уже избавлялся от подобных проклятий, мой друг. Твои, я думаю, не будут иметь никаких последствий.— Он помедлил.— Клянусь Ариохом, я надеюсь, что прав. Я думал, что моя судьба теперь свободна от рока и проклятий, но, может быть, я ошибался...

Почти все огромное варварское войско в панике бежало на запад. Их нужно было остановить, потому что иначе вскоре они доберутся до Карлаака, и только богам известно, что случится, когда они увидят перед собой незащищенный город.

Он услышал хлопанье тридцатифутовых крыльев наверху, ощутил знакомый запах огромных летающих рептилий, кото-

рые чуть было не прикончили его много лет назад, когда он привел пиратский флот к стенам родного города. Потом он услышал характерные звуки драконьего рожка и увидел на переднем драконе Дивима Слорма с длинным, похожим на пику стрекалом в правой руке, облаченной в кольчужную рукавицу.

Дракон опустился на землю в тридцати футах от Элрика и сложил кожистые крылья. Владыка драконов махнул Элрику.

— Приветствую тебя, король Элрик. Мы, кажется, успели в последний момент.

— Время еще есть, родич,— улыбнулся Элрик.— Я рад снова видеть сына Дивима Твара. Я боялся, что ты не откликнешься на мой призыв.

— Со старым покончено в сражении у Бакшаана, когда мой отец Дивим Твар помогал тебе в осаде крепости Никорна. Мне жаль, что я смог разбудить только молодых драконов. Ты ведь помнишь, что остальные были в деле совсем недавно.

— Я помню,— сказал Элрик.— Могу я попросить еще об одной услуге у Дивима Слорма?

— О какой?

— Дай мне сесть на ведущего дракона. Я знаком с искусством Владык драконов, и у меня есть все причины наказать варваров — мы были вынуждены только что присутствовать при страшной резне, и я хочу отплатить им той же монетой.

Дивим Слорм кивнул и спрыгнул с дракона. Зверь беспокойно зашевелился, оскалил зубы диаметром с человеческую руку и длиной с хороший меч. Мелькнул раздвоенный язык, и дракон устремил на Элрика взгляд огромных, холодных глаз.

Элрик пропел несколько слов на древнем высоком мелнибонийском языке, взял у Дивима Слорма драконий рог и умело взобрался в высокое седло у основания шеи дракона. Ноги Элрик поставил в серебряные стремена.

— Лети, брат-дракон,— запел он,— лети высоко и приготовь яд.

Он услышал хлопанье крыльев по воздуху, и огромное животное поднялось над землей и воспарило в низкое серое небо.

Четыре других дракона последовали за первым. Набирая высоту и издавая с помощью рожка мелодичные звуки, по ко-

торым ориентировались остальные, Элрик вытащил из ножен меч.

За много веков до этого дня предки Элрика отправлялись на драконах покорять западный мир. В те времена огромных летающих рептилий в Драконьих пещерах было гораздо больше. Сейчас их оставалось лишь несколько, и из них разбудить удалось лишь тех, что успели выспаться,— самых молодых.

Высоко в зимнее небо поднялись огромные рептилии. Длинные белые волосы Элрика разметались по черному плащу. Он пел торжественную «Песнь Владыки драконов», погоняя дракона на запад:

В небе — след ветров игривых,
И голос рога развеет дым.
Я и ты: мы шли сквозь битвы,
Я и ты: мы победим!*

В этом бесстрашном полете под сверкающими небесами, нависшими над Молодыми королевствами, он забыл о любви, о мире, о мести. Элрик забыл обо всем — он чувствовал прежний жар, гордый и высокомерный в своем знании того, что даже его больная кровь — это кровь мелнибонийских королей-чародеев.

У него не было никаких привязанностей, никаких друзей, и если он и был одержим каким-то злом, то это было чистое, изначальное зло, не запятнанное человеческими мотивами.

Высоко парили драконы, но вот под ними показалась чуждая этой местности черная масса — то было гонимое страхом воинство варваров, которые в своем незнании думали покорить земли, полюбившиеся Элрику из Мелнибонэ.

— Братья-драконы, проливайте яд, жгите, жгите! Пусть ваше пламя очистит мир!

Буревестник присоединился к боевой песне — и драконы устремились вниз на обезумевших варваров, испуская потоки горючего яда, погасить который не в силах даже вода. Вверху, над дымом и пламенем плыл запах обгоревшей плоти, и все

* Перевод Р. Адрианова.

происходящее напоминало сцену ада, а гордый Элрик был повелителем демонов, пожинающим свою страшную месть.

Он не наслаждался происходящим — он просто делал то, что было необходимо. Он уже не кричал. Он развернул дракона, поднял его и дунул в рожок, призывая остальных рептилий. И по мере того как дракон устремлялся вверх, чувство торжества в душе Элрика сменилось холодным ужасом.

«Я остаюсь мелнибонийцем,— подумал он,— и не могу не делать того, что делаю. И в силе я остаюсь слабым, я всегда готов использовать этот проклятый меч, если возникает малейший повод для этого».

С криком отвращения он швырнул меч в сторону, швырнул его в пустоту. Клинок вскрикнул, как женщина, и устремился вниз к далекой земле.

— Ну все,— сказал он себе,— с этим покончено.

И, успокоившись, вернулся туда, где оставил товарищей.

Дивим Слорм сказал ему:

— А где же меч твоих предков, король Элрик?

Альбинос не ответил, он только поблагодарил родича за то, что тот пустил его в драконье седло. Потом они все уселись на драконов и направились к Карлааку, чтобы сообщить горожанам новость.

Зариния увидела возлюбленного на первом драконе и поняла, что Карлаак и западный мир спасены. Элрик сидел гордо, но когда она, выйдя ему навстречу, увидела выражение его лица, то поняла, что он в мрачном настроении. Она видела, что прежняя скорбь, которая уже казалась забытой, снова обуяла его. Она подбежала к нему, он обнял ее, прижал к себе, но ничего не сказал.

Он попрощался с Дивимом Слормом и другими имррирцами и направился в город. Мунглам и гонец следовали на некотором расстоянии за ним. Он сразу же направился домой, потому что ему были не по душе выражения благодарности, которыми осыпали его горожане.

— Что с тобой, мой повелитель? — спросила Зариния, когда он, вздохнув, упал на огромную кровать.— Может быть, ты мне расскажешь — и тебе станет легче?

— Я устал от мечей и колдовства, Зариния, только и всего. Но я навсегда избавился от этого дьявольского меча, хотя прежде думал, что моя судьба — всегда носить его на боку.

— Ты говоришь о Буревестнике?

— О ком же еще?

Она ничего не сказала. Она не сообщила ему, что меч по собственной воле с воем прилетел в Карлаак, проник в оружейную палату и вернулся на прежнее место.

Элрик закрыл глаза и протяжно вздохнул.

— Поспи, мой повелитель,— тихо сказала она. Со слезами на глазах и с печальным лицом она легла рядом с ним.

Она не хотела, чтобы наступало утро.

Буревестник

Элрик, которому предназначалась более великая судьба, чем он думал, остался в Карлааке с Заринией — своей женой. И ночи его были неспокойны, и мучили его темные сны. И случилось это одной тревожной ночью в месяц Анемона...

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВОГО БОГА

В которой Элрику наконец начинает открываться его судьба. Это происходит, когда Закон и Хаос собирают свои силы для сражения, которое должно решить будущее мира, где живет Элрик...

Глава первая

Над неспокойной землей собирались огромные тучи, посылая вниз молнии, которые разрывали черноту ночи, раскалывали деревья и, разбивая крыши, врывались в дома.

Темная масса леса содрогнулась от ужаса, когда из нее выползли шесть сгорбленных нечеловеческих фигур. Они остановились и уставились в пространство за низкими холмами, где виднелись очертания города. Это был город приземистых стен и высоких шпилей, великолепных башен и куполов. И название города было известно вожаку этих шести существ. Он назывался Карлаак у Плачущей пустоши.

Разыгравшаяся гроза была порождена не природными причинами. И пока она бушевала вокруг Карлаака, выползшие из леса существа незаметно прокрались через открытые ворота и направились к изящному дворцу, в котором спал Элрик. Вожак держал в когтистой лапе топор из черного железа. Группа остановилась, чтобы получше рассмотреть раскинувшийся на большой площади дворец — он был построен на холме и окру-

жен благоухающим садом. Земля содрогнулась от очередного удара молнии, и гром прогрохотал в беспокойном воздухе.

— Сам Хаос помогает нам,— прорычал вожак.— Смотрите — стражники уже погрузились в магический сон, и мы сможем без труда проникнуть внутрь. Владыки Хаоса заботятся о своих слугах.

Он говорил правду. Здесь действовала сверхъестественная сила: воины, охранявшие дворец Элрика, упали на землю, а их храп вторил грому. Слуги Хаоса миновали распростертых на земле стражников, прошли во внутренний двор, а оттуда — во дворец. Они уверенно нашли путь к винтовой лестнице и теперь бесшумно продвигались погруженными в сумрак коридорами. Наконец они оказались перед комнатой, в которой Элрик и его жена забылись тревожным сном.

Когда вожак коснулся двери, из комнаты раздался голос:

— Что это? Какие порождения Ада осмеливаются тревожить мой сон?

— Он нас видит,— хрипло прошептало одно из существ.

— Нет,— сказал вожак.— Он спит. Но такого чародея, как Элрик, не очень-то легко погрузить в транс. Лучше поспешим — если он проснется, наша задача станет сложнее.

Он повернул ручку и распахнул дверь, приподняв топор. За окном молния снова прорезала ночь, и они увидели белое лицо альбиноса рядом с лицом его черноволосой жены — на кровати, застеленной мехами и шелками.

Когда они вошли в комнату, Элрик тяжело приподнялся на кровати, его малиновые глаза приоткрылись и уставились на вошедших. Несколько мгновений альбинос рассматривал их, потом заставил себя проснуться и закричал:

— Исчезните, вы, порождения моих снов!

Вожак с проклятиями прыгнул вперед, не забывая при этом, что убивать альбиноса ему запрещено. Он угрожающе поднял топор.

— Молчи! Твои стражники тебе не помогут!

Элрик вскочил с кровати и ухватил вожака за запястье. Его лицо оказалось вплотную с клыкастым рылом. Альбинизм делал Элрика физически слабым, и лишь с помощью колдовства удавалось ему поддерживать свои силы. Однако движения его были такими быстрыми, что ему удалось вырвать топор из лапы вожака и нанести ему удар обухом между глаз. Вожак с воем рухнул на пол, но тут на Элрика набросились остальные монстры. Их было пятеро, под их волосатыми шкурами перекатывались мощные мускулы.

Элрик расколол череп еще одному, но остальные уже держали его. Тело Элрика было забрызгано зловонной кровью и мозгом убитого монстра, от отвращения у него перехватило дыхание. Ему удалось высвободить руку и вонзить топор в ключицу еще одного существа, но потом его ноги подогнулись и он упал, продолжая, однако, сопротивляться. Но тут сильный удар обрушился ему на голову, и боль пронзила все его существо. Он попытался подняться, не смог и лишился чувств.

Громы и молнии продолжали бушевать в ночи, когда он пришел в себя. Голова пульсировала болью, и ему с трудом удалось подняться на ноги, держась за спинку кровати. Затуманенным взглядом он обвел комнату.

Зариния исчезла. В комнате осталось лишь тело убитого им монстра. Молодая жена Элрика была похищена.

Его трясло. Он подошел к двери и, распахнув ее, позвал стражу. Никто ему не ответил.

Его рунный меч Буревестник висел в городской оружейной палате — до него еще нужно было добраться. Его душили гнев и боль. Он мчался по коридорам и лестницам, одолеваемый тревогой, пытаясь понять, зачем похитили его жену.

Над дворцом все еще бушевала гроза, грохоча в ночи. Дворец казался пустым, и Элрику вдруг почудилось, что он совсем один, что все оставили его. Но когда он выбежал во двор и увидел бесчувственную стражу, то понял, что их сон навеян сверхъестественными силами. Он пронесся по саду, выскочил за ворота в город, ища следы похитителей.

Куда они исчезли?

Он поднял взгляд к беснующимся небесам, его лицо исказила гримаса гнева. Это было бессмысленно. Зачем ее похитили? У него были враги, но никто из них не мог призвать на помощь потусторонние силы. Кто, кроме него самого, владел

искусством колдовства в такой мере, чтобы заставить содрогаться небеса и погрузить в сон целый город?

Элрик обезумевшим волком несся к дому Воашуна, главного сенатора Карлаака и отца Заринии. Он принялся молотить кулаками в дверь, крича удивленным слугам:

— Откройте! Это Элрик. Скорее!

Двери распахнулись, он бросился внутрь. Сенатор Воашун, ковыляя, спустился по лестнице в гостиную, на его лице все еще было сонное выражение.

— Что случилось, Элрик?

— Собирай своих воинов. Заринию похитили. Это сделали демоны, и, возможно, они уже далеко отсюда, но мы должны на всякий случай обыскать город — может быть, они ушли по земле.

Тревога исказила лицо Воашуна, и он, не переставая слушать Элрика, уже отдавал приказы слугам.

— И еще. Мне нужно в оружейную,— закончил Элрик.— Я должен взять Буревестник!

— Но ты отказался от этого меча,— тихим голосом напомнил ему сенатор Воашун.— Ты опасался его дурного влияния на тебя.

Элрик нетерпеливо ответил:

— Да. Но я отказался от меча в том числе и ради Заринии. Если я хочу вернуть ее, мне нужен Буревестник. Логика тут простая. Быстрее, дай мне ключ.

Сенатор Воашун достал ключ и проводил Элрика туда, где хранилось оружие предков, не использовавшееся вот уже несколько столетий. Элрик, поднимая вековую пыль, прошел к темному алькову, при взгляде на который возникало ощущение, что там находится живое существо.

Он протянул руку, взял в тонкие пальцы огромный черный меч — и услышал его тихое постанывание. Размеры меча поражали. Он был тяжел, но идеально сбалансирован. Его двуручная рукоять была прикрыта мощной гардой, а клинок, широкий и ровный, был длиной в пять футов. Около рукояти были выгравированы таинственные руны, и даже Элрик не знал их точного смысла.

— Я снова должен пустить тебя в дело, Буревестник,— сказал Элрик, пристегивая ножны к поясу.— И я неминуемо прихожу к выводу, что теперь только смерть сможет нас разлучить.

С этими словами он вышел из оружейной во двор, где на бьющих копытами жеребцах уже сидели стражники, ждущие его распоряжений.

Он встал перед ними и вытащил Буревестник — вокруг него распространилось странное черное мерцание. Лицо Элрика было белее кости. Он устремил взгляд на всадников.

— Сейчас вы отправитесь на поиски демонов. Обыщите всю округу, прочешите лес и долину. Ищите тех, кто сделал это. Хотя похитители, возможно, использовали для бегства сверхъестественные силы. Но мы ни в чем не можем быть уверены. Так что — ищите. И ищите хорошо.

Всю эту безумную ночь они искали похитителей, но не нашли следов ни демонов, ни жены Элрика. Когда на небе проступили кровавые пятна рассвета, стражники вернулись в Карлаак, где их ждал Элрик, которого теперь наполняла колдовская сила, почерпнутая из меча.

— Господин Элрик, может быть, нам стоит пройти еще раз и посмотреть, не найдем ли мы чего при свете дня? — крикнул один из них.

— Он не слышит тебя,— шепнул другой, глядя на неподвижного Элрика.

Но тут альбинос повернул к ним искаженное болью лицо и мрачно сказал:

— Можете больше не искать. У меня было время поразмыслить. Искать мою похищенную жену нужно колдовскими средствами. Вы свободны. Больше вы ничего не сможете сделать.

Сказав это, он направился к дворцу, зная, что есть только один способ узнать, где Зариния. Этот способ вызывал у него отвращение, но выбора у него не было.

Вернувшись к себе, Элрик сразу же приказал оставить его одного. Он запер дверь на щеколду и уставился на мертвого монстра. Засохшая кровь убитого все еще была на Элрике, но

топор, которым альбинос убил его, был унесен другими демонами.

Элрик приготовил тело, вытянув на полу его конечности. Он закрыл ставни на окнах, чтобы снаружи не проникал свет, и в одном углу зажег жаровню. Пропитанный маслом тростник запылал, и жаровня стала раскачиваться на укрепленных в потолке цепях. Элрик подошел к небольшому сундуку у окна и вытащил из него сумку. Из сумки он достал горсть сушеных листьев и швырнул их в огонь, отчего в воздухе повис тошнотворный запах, а комната стала заполняться дымом. Потом он встал над трупом, напрягся и принялся нараспев произносить заклинание на древнем языке своих предков, мелнибонийских императоров-чародеев. Эта песня была чужда человеческому языку, голос Элрика от низких стонов переходил к визгливым крикам.

Красный свет жаровни падал на лицо Элрика, причудливые тени метались по стенам. Мертвое тело на полу зашевелилось, его разбитая голова двигалась из стороны в сторону. Элрик извлек из ножен рунный меч и, взявшись за эфес двумя руками, вытянул его перед собой.

— Восстань, лишенный души! — приказал он.

Демон медленно, дергаными движениями поднялся и уставил на Элрика свой когтистый палец. Его пустой взгляд устремился в пространство за альбиносом.

— Все это было предрешено,— прошептал мертвец.— Не думай, что тебе удастся уйти от судьбы, Элрик из Мелнибонэ. Ты издеваешься над моим телом. Но я принадлежу Хаосу, и мои хозяева отомстят за меня.

— Как?

— Твоя судьба предопределена. Ты скоро все узнаешь.

— Скажи мне, мертвец, зачем вы похитили мою жену? Кто вас послал сюда? Где моя жена теперь?

— Это три вопроса, господин Элрик. Они требуют трех ответов. Ты знаешь, что мертвец, поднятый с помощью колдовства, не может отвечать на вопросы напрямую.

— Да, я знаю. Отвечай, как можешь.

— Тогда слушай внимательно, потому что мне позволено сказать это только раз, а потом я должен буду вернуться в никуда, где и превращусь в ничто. Слушай:

За морем скоро грянет битва;
Рекою будет литься кровь.
И если с чародеем родич
(Взяв брата ноши роковой)
В край придет, куда явился
Тот, кому не должно жить,
Тогда лишь сделка состоится:
Жена свободу обретет*.

Произнеся это, демон рухнул на пол и больше не шевелился.

Элрик подошел к окну и распахнул ставни. Хотя он был привычен к невнятному смыслу загадочных пророчеств, понять это было трудно даже ему. Когда в комнату проник дневной свет, тростник погас, дым исчез. За морем? Морей много...

Он вложил рунный меч в ножны и лег на кровать, размышляя над услышанным. Наконец он вспомнил, что говорил ему путешественник, прибывший в Карлаак из Таркеша, лежащего на Западном континенте за Бледным морем.

Путешественник рассказал ему о том, что между Дхариджором и другими народами Запада началась война. Дхариджор нарушил договоры, подписанные ими с соседними королевствами, и подписал новый — с теократом Пан-Танга. Пан-Танг был нечестивой землей, которой правила темная аристократия воинов-чародеев. Именно отсюда и был родом давний враг Элрика — Телеб К'аарна. Столицу этой страны, Хвамгаарл, называли также городом Кричащих Статуй, и до недавних пор ее обитатели мало общались с окружающими их народами. Новым теократом был честолюбивый Джагрин Лерн. Его союз с Дхариджором мог означать только одно — он пытается подмять под себя народы Молодых королевств. Путешественник утверждал, что война может начаться в любой момент, поскольку есть все свидетельства, что Дхариджор и Пан-Танг заключили военный союз.

---

* Перевод Р. Адрианова.

Элрик соотнес эти сведения с тем, что он слышал о Йишане, королеве соседнего с Дхариджором Джаркора. По слухам, она заручилась поддержкой Дивима Слорма и его имррирских наемников. А Дивим Слорм был единственным родственником Элрика. Это означало, что Джаркор, видимо, готовится к войне против Дхариджора. Два этих факта слишком уж точно соотносились с пророчеством, и Элрик не мог не принять это во внимание.

Размышляя, он уже стал собираться в путь. Ему не оставалось ничего, как только побыстрее добраться до Джаркора, потому что там он наверняка увидит своего родича. И если все его выводы правильны, то в скором времени в тех местах состоится сражение.

Однако перспектива многодневного путешествия вызвала у него холодный гнев — ведь несколько недель он будет пребывать в безвестности о судьбе своей жены.

— Нет, на это у меня нет времени,— сказал он себе, зашнуровывая стеганую кожаную куртку.— Сейчас от меня требуются действия. И скорые действия.

Он вытянул перед собой меч и уставился в пространство за ним.

— Клянусь Ариохом, те, кто совершил это, будь они люди или бессмертные, поплатятся за свои дела. Слышишь меня, Ариох? Я даю клятву.

Но ответа на его слова не последовало, и Элрик понял, что Ариох, его демон-покровитель, либо не слышит его, либо, услышав его клятву, остается безразличным.

Тогда Элрик вышел из комнаты, где висел тяжелый запах смерти, и окликнул своего коня.

Глава вторая

Там, где Плачущая пустошь подходит к границам Илмиоры, между побережьями Восточного континента и землями Таркеша, Дхариджора, Джаркора и Шазаара простиралось Бледное море.

Это было холодное море, но именно по нему предпочитали плыть корабли из Илмиоры в Дхариджор, потому что плыть проливом Хаоса было слишком рискованно из-за вечных штормов и населявших воды злобных чудовищ.

На палубе илмиорской шхуны стоял, завернувшись в плащ, Элрик из Мелнибонэ. Он дрожал от холода и мрачно поглядывал на затянутое тучами небо.

Капитан, коренастый человек с веселыми голубыми глазами, раскачивающейся походкой подошел к Элрику. В руке он держал кубок с горячим вином. Он ухватился рукой за фальшборт и протянул кубок Элрику.

— Спасибо,— сказал альбинос. Он отхлебнул вина.— Когда мы будем в порту Банарвы, капитан?

Капитан поднял повыше воротник кожаной куртки, пряча в него небритое лицо.

— Мы идем медленно, но до захода солнца должны увидеть берег Таркеша.— Банарва была таркешским портом, одним из главных его торговых городов. Капитан оперся на перила.— Долго ли еще можно будет спокойно плавать по этим водам? Ведь разразилась война между королевствами Запада. Дхариджор и Пан-Танг давно имеют дурную пиратскую славу. Уверен, что скоро они будут пиратствовать под прикрытием войны.

Элрик неопределенно кивнул. Его мысли были заняты другими проблемами — отнюдь не пиратством.

Сойдя промозглым вечером на пристань Банарвы, Элрик обнаружил немало признаков того, что война наложила свой отпечаток на жизнь Молодых королевств. Город кишел слухами, все разговоры были только о проигранных сражениях и убитых воинах. По досужим сплетням трудно было составить правильное представление о происходящих событиях. Ясно было одно: до решающей битвы еще не дошло.

Словоохотливые банарвцы сообщили Элрику, что весь Западный континент бурлит. Рассказывали, что из Миирна летят крылатые люди. Из Джаркора спешным порядком двигаются Белые Леопарды, личная гвардия королевы Йишаны. А на соединение с ними к северу идут Дивим Слорм и его наемники.

Дхариджор был сильнейшим государством на всем Западном континенте — и становился непобедимым благодаря союзу с Пан-Тангом, который был известен не столько многочисленностью жителей, сколько своими оккультными знаниями. Следующим по силе после Дхариджора стоял Джаркор, который даже в союзе с Таркешем, Миирном и Шазааром был слабее тех, кто угрожал безопасности Молодых королевств.

В течение нескольких лет Дхариджор искал только случая покорить остальных, и в попытке противостоять этим намерениям другая сторона заключала поспешные союзы. Увенчаются ли эти попытки успехом, Элрик не знал, как не знали этого и те, с кем он беседовал.

На улицах Банарвы было полно солдат, полно повозок, запряженных лошадьми и быками. В гавани находилось множество боевых кораблей. Найти в городе место для ночевки было нелегко — большинство гостиниц и частных домов были реквизированы армией. Так обстояли дела на всем Западном континенте. Повсюду закованные в металл воины седлали своих боевых коней, точили мечи и шли под яркими знаменами грабить и убивать.

Элрик не сомневался, что битва, о которой говорило пророчество, не за горами. Он подавил желание немедленно узнать о судьбе Заринии и обратил задумчивый взгляд на запад. Буревестник тяжелым якорем висел у него на боку, и Элрик то и дело касался его. Он ненавидел свой меч, хотя тот и питал его энергией.

Ночь он провел в Банарве, а утром купил хорошего коня и направился по поросшей тощей травкой земле в направлении Джаркора.

Элрик ехал по разоренной войной земле, и его малиновые глаза загорались яростным гневом, глядя на следы разрушения. Хотя он и сам много лет жил своим мечом, совершая убийства, грабя и разрушая города, он ненавидел бессмысленность такой войны: здесь люди убивали друг друга, сами не зная за что. И дело было не в том, что он ненавидел убийц или жалел их жертв. Он был слишком далек от простых людей, и его почти не волновало, что происходит вокруг. Но он на свой мучительный лад был идеалистом. Страдая от отсутствия мира

в своей жизни, он с негодованием смотрел на царящую вокруг разруху. Он знал, что и его предков не волновало происходящее с простыми людьми, но они получали удовольствие от конфликтов в Молодых королевствах, наблюдая за ними с расстояния и считая себя выше этой мелкой возни, выше всех тех эмоций и «сантиментов», которыми руководствовались воюющие. В течение десяти тысяч лет императоры-чародеи Мелнибонэ правили этим миром. Мелнибонийцы были народом без какой-либо морали, им не нужны были поводы для агрессии, они не искали никаких оправданий для своего природного злонравия. Но Элрик, последний император Мелнибонэ, был не похож на своих предшественников на Рубиновом троне. Он мог прибегнуть к жестокому и коварному колдовству, бывал безжалостен, но мог любить и ненавидеть, как ни один из его предков. Эти-то сильные страсти, возможно, и были причиной его разрыва с родной землей и скитаний по миру, в котором он хотел сравнить себя с новыми людьми — ведь в Мелнибонэ не было никого, кто разделял бы его чувства. Из-за этой двойственности, из-за обуревавших его любви и ненависти, он и вернулся, чтобы отомстить своему кузену Йиркуну, который погрузил невесту Элрика в колдовской сон и узурпировал мелнибонийский трон, трон Драконьего острова — последней территории павшей Сияющей империи. С помощью пиратского флота Элрик осуществил свою месть — разграбил Имррир, уничтожил Грезящий город и навечно разбросал по миру свой народ — народ, который основал эту империю, а теперь скитался по земле в качестве наемника, продавая свое оружие тем, кто платил больше. Любовь и ненависть. Из-за них он и убил Йиркуна, который заслужил смерть, и Симорил, которая должна была жить. Любовь и ненависть. Эти чувства сжигали его и теперь, когда он обгонял плетущуюся толпу горожан — они, не зная, куда направляются, спасались бегством от безжалостных дхариджорских воинов, которые пробирались в глубь территории Таркеша. Армия таркешского короля Гилрана почти не оказывала им сопротивления — ее основные силы расположились дальше к северу, где и готовились к решающему сражению.

Элрик въехал на приграничные земли, к западу от которых находился Джаркор. Здесь в лучшие времена жили крепкие лесные жители и земледельцы. Но теперь леса были выжжены, а поля уничтожены. Ехал он быстро,— времени не было,— и скоро оказался в выгоревшем лесу, где на фоне серого неприветливого неба деревья распростерли свои голые ветви. Он накинул на голову капюшон, спрятав лицо под плотной тканью, чтобы защититься от неожиданно хлынувшего дождя, хлеставшего сквозь голые ветви. Дождь поливал и лес, и долину вдалеке, отчего весь мир, полнившийся звуками дождевых струй, казался серым и черным.

Он миновал полуразрушенную лачугу, то ли домик, то ли землянку, когда оттуда донесся каркающий голос:

— Господин Элрик!

Удивленный тем, что кто-то узнал его здесь, он повернул свое мрачное лицо в направлении голоса, одновременно откидывая назад капюшон. Из лачуги показалась оборванная фигура и поманила Элрика. Недоумевая, он подогнал коня к человеку и увидел, что это старик. Хотя, возможно, это была женщина — точно сказать он не мог.

— Тебе известно мое имя. Откуда?

— О тебе в Молодых королевствах ходят легенды. Любой узнал бы это твое белое лицо и огромный меч.

— Может, и так, но мне кажется, что это нечто большее, чем случайная встреча. Кто ты такой и откуда тебе знаком высокий слог Мелнибонэ? — Элрик намеренно говорил на всеобщем языке.

— Ты должен знать, что все, кто практикует черную магию, говорят на высоком языке тех, кто остается непревзойденным в этом искусстве. Не побудешь ли ты немного у меня?

Элрик посмотрел на лачугу и покачал головой. Он был брезглив. Оборванец улыбнулся и шутливо поклонился, переходя на обыкновенную речь:

— Значит, могущественный властелин не желает почтить своим присутствием мое бедное жилье. Но, может быть, он хочет узнать, почему пожар, бушевавший в этом лесу некоторое время назад, не причинил мне никакого вреда?

— Да, это интересно,— сказал Элрик.

Чародей сделал шаг к Элрику.

— Солдаты приходили сюда меньше месяца назад. Они были из Пан-Танга. Дьявольские всадники, а с ними их охотничьи тигры. Они уничтожили урожай и даже лес сожгли, чтобы те, кто бежал от них, не могли добывать здесь дичь или собирать ягоды. Я всю свою жизнь прожил в этом лесу, занимаясь мелкой магией и прорицательством для собственных нужд. Но когда я увидел стену огня, которая грозила поглотить меня, я выкрикнул имя одного известного мне демона. Это обитатель Хаоса, вызывать которого раньше я просто не отваживался. И он пришел.

«Помоги мне!» — крикнул я. «А что я получу за это?» — спросил демон. «Все, что пожелаешь»,— ответил я. «Тогда передай это послание от моих хозяев,— сказал демон.— Когда убийца своей родни по имени Элрик из Мелнибонэ будет проходить здесь, скажи ему, что есть у него один родич, которого он не убьет. А находится этот его родич в Секвалорисе. Если Элрик любит жену, то он сыграет свою роль. А если он сыграет ее хорошо, то жену ему вернут». Тогда я запомнил это послание и теперь передаю его тебе, как и обещал.

— Спасибо,— сказал Элрик.— А что ты отдал за то, чтобы иметь возможность вызывать таких демонов?

— Мою душу, конечно. Но то была старая душа, она немногого стоила. Ад вряд ли хуже такого существования.

— Тогда почему же ты не пожелал сгореть в этом лесу и сохранить свою душу?

— Я хочу жить,— сказал оборванец, опять улыбнувшись.— Жизнь прекрасна. Моя собственная жизнь, возможно, и убога, но жизнь вокруг меня замечательна, вот ее-то я и люблю. Но не буду тебя задерживать, мой господин.

Он снова отвесил шутливый поклон вслед отъезжающему Элрику, который хотя и пребывал в недоумении, но все же воодушевился услышанным. Его жена была жива и находится в безопасности. Но какую сделку он должен будет заключить, чтобы вернуть ее?

Элрик дал шпоры коню, переводя его в галоп. Он спешил в Секвалорис, что в Джаркоре. За звуками дождя до него донесся смех, который звучал одновременно издевательски и жалко.

Теперь пункт назначения был определен, и Элрик несся во весь опор, избегая бродячих шаек. Наконец бесплодная долина перешла в колосистые пшеничные поля Секвы — одной из провинций Джаркора. Еще день пути, и Элрик въехал в ворота небольшого обнесенного стеной города Секвалориса, который пока не подвергался нападению. Он обнаружил, что здесь полным ходом идет подготовка к войне, и узнал новости, имевшие для него огромное значение.

На следующий день в Секвалорис должны были прибыть имррирские наемники во главе с Дивимом Слормом, кузеном Элрика и сыном Дивима Твара, старого друга Элрика.

Между имррирцами и Элриком существовала старая вражда, поскольку именно Элрик был причиной того, что им пришлось оставить Грезящий город и вести жизнь наемников. Но те времена давно миновали, и он уже дважды сражался на одной стороне с имррирцами. Он оставался их вождем по праву и по традиции, которые были сильны в этом старом народе. Альбинос молился Ариоху, чтобы Дивим Слорм знал, где его жена.

В полдень следующего дня в город вошла усталая армия наемников. Элрик встретил их неподалеку от городских ворот. Имррирские воины были утомлены после долгого перехода, к тому же они тащили на себе немалый груз награбленного добра: до того, как за ними послала Йишана, они разбойничали в Шазааре возле Туманных топей. Они не были похожи ни на один другой народ, эти имррирцы, с их узкими, заостренными книзу лицами и высокими скулами. Они были бледными и худощавыми, с длинными мягкими волосами, ниспадающими на плечи. Одежда на них не была краденой — они носили синие, зеленые и золотые мелнибонийские одеяния, украшенные искусно отчеканенными металлическими бляхами со сложным рисунком. Вооружены они были пиками с длинными широкими наконечниками, а на бедрах у них висели узкие мечи. Они высокомерно сидели в своих седлах, убежденные в превосходстве над другими смертными и в своей неземной красоте. Как и Элрик, они принадлежали к не вполне человеческой расе.

Элрик поскакал навстречу Дивиму Слорму. Его собственные мрачные одеяния контрастировали с одеяниями имррирцев — на Элрике была стеганая кожаная черная куртка с высоким воротником, подпоясанная широким простым ремнем, на котором висели кинжал и Буревестник. Его молочного цвета волосы были подобраны кольцом черной бронзы. Черными были и его штаны и сапоги. Вся эта чернота оттеняла его белую кожу и алые сверкающие глаза.

Дивим Слорм поклонился из своего седла, почти не удивившись при виде Элрика.

— Кузен Элрик. Значит, предзнаменование не обмануло меня.

— Какое, Дивим Слорм?

— Сокол — имя твоей птицы, если я не ошибаюсь.

У мелнибонийцев был обычай отождествлять новорожденных с птицами. Символом Элрика был охотничий сокол.

— И что же сокол сообщил тебе, кузен? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Я пришел в замешательство от этого послания. Мы едва отошли от Туманных топей, как прилетел этот сокол, сел на мое плечо и заговорил человеческим языком. Он сказал, чтобы я направлялся в Секвалорис, где увижу своего короля. Из Секвалориса мы должны вместе идти на соединение с армией королевы Йишаны, и тогда сражение, независимо от того, выиграем мы его или проиграем, решит наши дальнейшие судьбы. Тебе это что-нибудь говорит, кузен?

— Кое-что,— сказал Элрик, нахмурившись.— Идем, я заплатил для тебя за место в гостинице. Я расскажу тебе все, что мне известно, за стаканом вина, если только нам удастся найти приличное вино в этом захудалом местечке. Мне нужна помощь, кузен. Отчаянно нужна помощь. Какими-то сверхъестественными силами похищена Зариния, и у меня есть подозрение, что это похищение и начавшиеся войны — две составляющие какой-то гораздо большей игры.

— Тогда идем скорее в гостиницу. Я сгораю от любопытства. Сначала соколы и предзнаменования, а теперь еще похищения и битвы. Что еще нам предстоит?

Имррирцы устало шли за ними по мощеным улицам — всего сотня воинов, но — воинов, закаленных разбойничьей жизнью. Наконец Элрик и Дивим Слорм оказались в гостинице, где Элрик вкратце сообщил кузену все, что ему было известно.

Прежде чем ответить, Дивим Слорм пригубил вино, потом осторожно поставил стакан на стол и сжал губы.

— Я убежден, что мы — пешки в борьбе богов. Что бы мы ни делали, нам не разобраться в их замыслах, самое большее — увидим никак не связанные детали.

— Может быть, и так,— нетерпеливо сказал Элрик.— Но я пришел в бешенство, когда оказался вовлеченным в эти игры. Я должен освободить жену. Я не знаю, почему мы с тобой должны вдвоем бороться за ее освобождение. И я понятия не имею, что нужно от нас тем, кто похитил ее. Но если предзнаменования посланы той же силой, что ее похитила, то нам лучше подчиниться, пока мы не разберемся, что происходит. А тогда, возможно, мы будем принимать собственные решения.

— Благоразумно,— кивнул Дивим Слорм.— Я с тобой.— Он едва заметно улыбнулся и добавил: — Независимо от того, нравится мне это или нет.

— Где теперь находятся основные силы Дхариджора и Пан-Танга? Я слышал, что сейчас их войска концентрируются в одном месте,— сказал Элрик.

— Их силы уже собраны и наступают. Предстоящая битва решит, кто будет править западными землями. Я на стороне Йишаны не только потому, что она нас наняла. Я чувствую, что если верх возьмут безумные владыки Пан-Танга, то править здесь будет тирания, которая начнет угрожать безопасности всего мира. Печально, когда мелнибонийцу приходится говорить такие вещи.— Он иронически улыбнулся.— И кроме того, они мне не нравятся — эти колдуны-выскочки. Они хотят последовать примеру Сияющей империи.

— Ты прав,— сказал Элрик.— Это островная культура, как и наша. Они воины и чародеи, как и наши предки. Но их колдовство гораздо хуже нашего. Наши предки совершали ужасные злодеяния, но для них это было *естественно*. Пусть эти выскочки и ближе роду человеческому, чем мы, но ум у них

такой извращенный, каким он никогда не был у нас. Другой Сияющей империи не будет, и в любом случае их власть не продлится десять тысяч лет. Сейчас новая эпоха, как ни посмотри, Дивим Слорм. Время утонченной магии проходит. Люди ищут новые способы подчинения сил природы.

— Мы обладаем древними знаниями,— согласился Дивим Слорм.— Такими древними, что они никак не связаны с настоящими или будущими событиями. Наша логика и познания подходят для прошлого...

— Пожалуй, ты прав,— сказал Элрик, чьи смешанные чувства не подходили ни для прошлого, ни для будущего, ни для настоящего.— Да, у нас скитальческая судьба, ибо нам нет места в этом мире.

Они пили молча, задумчиво, размышляя над философскими вопросами. Однако мысли Элрика все время возвращались к Заринии, к тому, что может с ней произойти. Сама невинность этой девочки, ее уязвимость и молодость в некоторой мере были его спасением. Его покровительственная любовь к ней помогла ему отвлечься от собственной роковой судьбы, а ее общество не давало ему погрузиться в меланхолию. Странное предсказание убитого монстра не давало ему покоя. Это предсказание явно говорило о сражении, о том же вещал и сокол, о котором рассказал ему Дивим Слорм. Пророчество явно говорило о предстоящем сражении между силами Йишаны и армиями Саросто из Дхариджора и Джагрина Лерна из Пан-Танга. Если он, Элрик, хочет вернуть Заринию, то должен вместе с Дивимом Слормом принять участие в сражении. Он может погибнуть, думал он, но ему следует делать то, чего требует предзнаменование, иначе он никогда больше не увидит Заринию. Он обратился к своему кузену:

— Завтра я отправлюсь вместе с тобой и приму участие в сражении. Помимо всего прочего, я думаю, что Йишане не помешает лишний меч в бою с теократом и его союзниками.

Дивим Слорм согласился:

— В этом сражении на карту будет поставлена не только *наша* судьба, но и судьбы народов...

Глава третья

Десять грозных на вид людей гнали свои желтые колесницы вниз по черной горе, которая изрыгала синий и алый огонь и сотрясалась в разрушительных спазмах.

По всей земле пробуждались гневные силы природы. Хотя понимали это лишь немногие, но земля менялась. Десятеро знали, почему это происходит, они знали об Элрике и о том, как их знание связано с ним.

Ночь стояла бледно-пурпурная, а когда наступил день, солнце повисло над горами кровавым шаром. Лето клонилось к концу. В долине горели дома — раскаленная лава попадала на соломенные крыши и поджигала их.

Сепирис в передней колеснице увидел, как толпой убегают жители деревни, словно муравьи, чью кучу расшевелили палкой. Он повернулся к следовавшему за ним человеку в синих доспехах и улыбнулся чуть ли не весело.

— Посмотри, как они бегут,— сказал он.— Посмотри на них, брат. Ах, какое наслаждение — какие задействованы силы!

— Хорошо пробудиться в такое время,— согласился его брат, перекрикивая рев вулкана.

Потом улыбка сошла с лица Сепириса, а глаза его сузились. Он хлестнул коней бичом из буйволовой кожи, отчего на боках огромных черных жеребцов выступила кровь и они еще скорее поскакали вниз по склону горы.

Один из жителей деревни издалека увидел Десятерых. Он закричал, и в его крике были страх и предостережение:

— Огонь выгнал их из горы. Прячьтесь! Бегите! Люди из вулкана проснулись — они идут! Десятеро проснулись, как о том говорило пророчество! Это конец света!

Тут гора извергла новую порцию раскаленной породы. Поток лавы настиг кричавшего, он завыл нечеловеческим голосом, сгорая, и умер. Это была случайная смерть, потому что никто из Десятерых не питал ни малейшего интереса ни к нему, ни к его соседям.

Сепирис и его братья проскакали через деревню, их колесницы прогрохотали по дороге, копыта лошадей сотрясли землю.

За их спиной ревела гора.

— В Нихрейн! — крикнул Сепирис.— Поторопимся, братья, у нас много дел. Нужно принести меч из Лимба и найти двух людей, которые принесут его в Ксаньяу!

Его наполняла радость, когда он видел, как вокруг сотрясается земля. Его черное тело сверкало, отражая пламя горящих домов. Кони устремлялись вперед, с бешеной скоростью таща за собой колесницы, лошадиные копыта мелькали так часто, что казалось, они не касаются земли.

Возможно, так оно и было, поскольку кони Нихрейна, как говорили, отличались от обычных коней.

Они то неслись над ущельем, то летели по горной тропе, спеша к Нихрейнской пропасти, древнему дому Десятерых, куда те не возвращались вот уже две тысячи лет.

Сепирис снова рассмеялся. На нем и его братьях лежала страшная ответственность, потому что они не подчинялись ни богам, ни людям, они были рупорами судьбы, а потому несли в своих бессмертных головах страшное знание. На протяжении веков спали они внутри горы, находясь у спящего сердца вулкана, ведь ни пламя, ни лед были им не страшны. Но вот огнедышащий вулкан пробудил их, и они поняли: их время пришло — то время, которого они ждали тысячелетия.

Вот почему Сепирис пел от радости. Наконец-то ему и его братьям будет позволено исполнить их главную миссию. Но в их деле должны были участвовать и два мелнибонийца, два отпрыска королевской ветви Сияющей империи.

Сепирис знал, что они живы — иначе и быть не могло, потому что без них реализовать линии судьбы было невозможно. Но насколько это было известно Сепирису, на земле имелись и те, кто мог воспротивиться даже судьбе, потому что они обладали огромной силой. Их подданные находились повсюду, в особенности среди новой расы людей. Но подчинялись им также и вурдалаки, и демоны.

Все это затрудняло задачу Десятерых.

Но пока они мчались в Нихрейн — в этот высеченный в камнях город, где они должны были сплести нити судьбы в сеть. У них еще оставалось какое-то время, но оно быстро истекало. И время неизвестности было хозяином всего.

Шатры королевы Йишаны и ее союзников были разбиты плотной группой на нескольких небольших поросших лесом холмах. Деревья служили им неплохой маскировкой, а разводить костры было запрещено, чтобы не выдать присутствие войска. Кроме того, всем было приказано вести себя как можно тише. Дозоры постоянно уходили и возвращались, докладывая о перемещении войск противника и выслеживая вражеских шпионов.

Но Элрик и имррирцы без помех въехали в лагерь, потому что альбиноса и его людей сразу узнали, к тому же всем было известно, что грозные мелнибонийские наемники решили стать на сторону Йишаны.

— Я должен засвидетельствовать свое почтение королеве Йишане,— сказал Элрик Дивиму Слорму.— Ведь мы с ней старые знакомые. Но я не хочу, чтобы она знала об исчезновении моей жены, потому что она может попытаться воспрепятствовать моим поискам. Мы просто скажем, что я пришел помочь ей по старой дружбе.

Дивим Слорм кивнул, и Элрик оставил кузена обустраивать лагерь, а сам направился к шатру Йишаны, где королева нетерпеливо ожидала его.

Когда он вошел, она спрятала глаза. Лицо у нее было тяжелое, чувственное, уже с признаками старения. Черные волосы отливали матовым блеском. У нее были большие груди и крупные губы — Элрик помнил ее другой. Она сидела на мягком стуле, а на столе перед ней лежали военные карты, пергамент, чернила, перья.

— Доброе утро, волк,— сказала она, улыбаясь ему иронически и в то же время чувственно.— Мои разведчики доложили мне, что ты направляешься ко мне вместе со своими людьми. Неужели ты оставил свою новую жену и вернулся к более изощренным наслаждениям?

— Нет,— ответил он.

Он снял тяжелый боевой плащ и бросил его на скамью.

— Доброе утро, Йишана. Ты не меняешься. У меня такое ощущение, что Телеб К'аарна перед тем, как я его убил, дал тебе эликсир вечной молодости.

— Может быть, и дал. Как твое супружество?

— Прекрасно,— ответил Элрик. Она подошла к нему, и он ощутил тепло ее тела.

— Ты меня разочаровал,— сказала она, иронически улыбаясь и пожимая плечами.

Они были любовниками, хотя Элрик отчасти был виноват в гибели ее брата во время налета на Имррир. После смерти Дхармита из Джаркора она стала королевой и, будучи женщиной честолюбивой, встретила это скорбное известие без особой печали. Однако у Элрика не было желания возобновлять отношения. Он сразу же обратился к теме предстоящего сражения.

— Я вижу, ты готовишься не к легкой прогулке,— сказал он.— Какими силами ты располагаешь и как оцениваешь свои шансы на победу?

— У меня под рукой мои Белые Леопарды, пять сотен отборных воинов, скоростью не уступающих лошадям, сильных, как горные кошки, и свирепых, как акулы. Они научены убивать, и это единственное, что они умеют. Кроме них есть и другие войска — пехота и кавалерия, которыми командует около восьмидесяти офицеров. Лучшие кавалеристы — из Шазаара. Это прекрасные, дисциплинированные наездники и бойцы. Таркеш прислал малочисленный отряд, поскольку, как мне известно, королю Гилрану необходимо защищать свои южные границы, где готовится массированное вторжение врага. Общее число таркешитов — тысяча пятьдесят пехотинцев и около двух сотен кавалеристов. Всего мы можем выставить около шести тысяч обученных воинов. Рабы, землепашцы и прочие тоже будут сражаться, но они послужат лишь мясом для мечей и погибнут в самом начале сражения.

Элрик кивнул. Такова была общепринятая военная тактика.

— А противник?

— Числом мы его превосходим, но у него есть дьявольские всадники и охотничьи тигры. Есть и еще несколько зверей, которых они держат в клетках, но мы не знаем, что это за звери, поскольку клетки закрыты от чужих глаз.

— Я слышал, что прилетают и воины Миирна. Если они решили покинуть свои замки, значит, опасность велика и для них.

— Если мы проиграем это сражение,— мрачно сказала она,— Хаос легко покорит землю и будет властвовать на ней. Все прорицатели от Шазаара до этих земель говорят одно и то же: Джагрин Лерн — всего лишь инструмент в руках своих хозяев, ему помогают Владыки Хаоса. Мы сражаемся не только за наши земли, мы сражаемся за всю человеческую расу.

— Тогда будем надеяться, что мы победим,— сказал он.

Элрик стоял среди командиров, обозревавших собранную армию. Рядом с ним был Дивим Слорм. Золотое облачение свободно ниспадало на его гибкое тело, он держал себя уверенно и высокомерно. Были здесь и воины, закаленные в малых сражениях. Рядом стояли коренастые темнолицые офицеры Таркеша в прочных доспехах, бородатые, с черными намасленными волосами. Прибыли полуобнаженные крылатые воины Миирна — спокойные, величественные, неразговорчивые. Они смотрели вокруг задумчивыми глазами на ястребиных лицах, сложив огромные крылья на спинах. Тут же находились и шазаарские командиры в трехцветных черно-серо-коричневых куртках и бронзовых доспехах цвета ржавчины. С ними стоял капитан Белых Леопардов Йишаны — длинноногий, крепко сложенный воин со светлыми волосами, завязанными узлом, свисающим с затылка к бычьей шее. На его серебряных доспехах было изображение леопарда — такого же альбиноса, как Элрик,— стоящего, оскалясь, на задних лапах.

Время битвы приближалось...

Наступил серый рассвет, и две армии стали сходиться с противоположных концов широкой долины, ограниченной низкими, поросшими лесом холмами.

Армия Пан-Танга потоком черного металла двигалась навстречу им по плоской долине. Элрик, еще не облаченный в доспехи, смотрел, как они приближаются. Конь его бил копытами землю. Стоявший рядом с ним Дивим Слорм вытянул вперед руку и сказал:

— Смотри, вот они, предводители: Саросто слева и Джагрин Лерн справа.

Вожди вели свою армию, над их шлемами полоскались знамена темного шелка,— король Саросто и его тощий союзник, горбоносый Джагрин Лерн в сверкающих алых доспехах, которые казались раскаленными и, вполне возможно, такими и были. На его шлеме был пантангский Гребень тритонов, символизировавший его родство с морским народом. На Саросто были матовые грязновато-желтые доспехи со Звездой Дхариджора, поверх которой был изображен Разящий Меч, принадлежавший, по легендам, предку Саросто — Атарну Градостроителю.

Следом за ними шли сразу же бросающиеся в глаза пантангские дьявольские всадники на шестиногих рептилиях, вызванных к жизни, как было известно, колдовством. Смуглые, с задумчивым выражением на заостренных лицах, они были вооружены кривыми саблями без ножен, висевшими на поясе. В их рядах крадущейся рысцой двигались сто охотничьих тигров, послушных, как собаки. Своими огромными зубами и когтями они могли вмиг разорвать человека. За надвигающейся на них армией Элрик разглядел крыши таинственных фургонов. Что за хищные звери скрываются в них? — спрашивал себя альбинос.

Йишана прокричала команду.

Стрелы лучников жужжащим облаком пролетели над головами пеших воинов, которых Элрик вел вниз по холму на авангард вражеского войска. Его душа ожесточалась при мысли, что он рискует своей жизнью, но если он хочет увидеть Зариню, то должен доиграть предназначенную ему роль до конца и молиться о том, чтобы его жена осталась жива.

За главными пешими силами по флангам двигалась кавалерия, получившая приказ при малейшей возможности взять противника в кольцо. Имррирцы в своих ярких одеяниях и шазаарцы двигались по одному флангу. На другом фланге наступали, выровняв в ряд свои длинные копья, таркешиты в синей броне с яркими красными, алыми и белыми перьями на шлемах. Рядом галопировали джаркорцы в золотых доспехах, держа наготове обнаженные мечи. В центре передовой фалан-

ги Элрика находились Белые Леопарды Йишаны, а сама королева скакала под своим знаменем за передней фалангой, возглавляя батальон рыцарей.

Они устремились на врага, из чьих рядов тоже поднялись в воздух стрелы, а потом опустились, царапая с металлическим звуком шлемы или вонзаясь в плоть.

Боевые кличи огласили утренний воздух, когда войско, скатившись с холма, столкнулось с противником.

Элрик сошелся в схватке с тощим Джагрином Лерном. Теократ, рыча, отразил удар Буревестника своим круглым щитом, который надежно защищал своего хозяина, а значит, был заговорен от колдовского оружия.

На лице Джагрина Лерна, когда он узнал Элрика, появилась злорадная улыбка.

— Мне говорили, что я встречу тебя здесь, белолицый. Я знаю тебя, Элрик, и знаю твою судьбу!

— Что-то слишком многие считают, что знают мою судьбу лучше меня,— сказал альбинос.— Но может быть, если я тебя убью, теократ, то перед твоей смертью выдавлю из тебя эту тайну.

— Нет-нет. Это не входит в планы моих хозяев.

— Зато входит в мои!

Он снова нанес удар, но меч опять встретил сопротивление и застонал от гнева. Он почувствовал, как Буревестник шевелится в его руке, почувствовал, как тот наливается раздражением — ведь обычно адский клинок легко разрубал любую, самую закаленную сталь.

В правой руке Джагрин Лерн держал огромный боевой топор, который и обрушил на незащищенную голову коня Элрика. Это показалось странным альбиносу, потому что его противник мог нанести удар не коню, а всаднику. Альбинос увел коня в сторону, избегая удара, и снова выставил вперед острие меча, целясь в грудь противнику. Рунный меч взвизгнул, когда в очередной раз не смог пронзить сталь. Его противник снова замахнулся топором, и Элрик выставил для защиты меч, но, к своему удивлению, силой удара был отброшен назад и едва сумел удержать коня. Одна его нога выскользнула из стремени.

Джагрин Лерн нанес еще один удар. На этот раз ему удалось раскроить череп коня Элрика, и тот рухнул на колени. Из раны фонтаном била кровь вперемешку с мозгом. Конь закатил свои огромные глаза и испустил дух.

Элрик, упавший на землю, поднялся и приготовился к отражению следующего удара Джагрина Лерна. Но, к его удивлению, король-чародей отвернулся от него и пустился в гущу схватки.

— Как это ни печально, белолицый, твою жизнь заберет другой. Это право принадлежит другим силам. Если ты останешься в живых, а мы одержим победу — я, возможно, отыщу тебя.

Оглушенный Элрик был не в состоянии понять смысл этих слов. Он оглядывался вокруг — не найдется ли другого коня, и увидел дхариджорского жеребца, несущегося прочь с поля боя. Его голова и грудь были надежно защищены черными латами.

Элрик стремительно метнулся следом за конем и успел ухватить его упряжь. Поставив ногу в стремя, он забросил свое тело в седло, сидеть в котором без доспехов было весьма неудобно. Встав на стременах, Элрик погнал коня назад — в гущу сражения.

Он прорубался сквозь ряды вражеских рыцарей, поражая то дьявольского всадника, то охотничьего тигра, метнувшегося в его сторону с обнаженными клыками, то дхариджорского офицера в великолепных доспехах, то сразу нескольких солдат-пехотинцев, которые бросились было на него с алебардами. Конь его вставал на дыбы, а он изо всех сил гнал его туда, где развевался штандарт Йишаны. Наконец он увидел одного из герольдов.

Армия Йишаны сражалась храбро, но воины утратили боевой дух. Чтобы восстановить положение, нужно было перегруппировать войска.

— Отзови назад кавалерию! — закричал Элрик.— Отзови кавалерию!

Молодой герольд поднял взгляд на Элрика. Его теснили два вражеских всадника. Воспользовавшись тем, что он отвлекся, один из нападавших пронзил его мечом, и герольд под ударами мечей испустил смертельный крик.

Элрик, кляня все на свете, подскакал ближе и нанес одному из всадников удар сбоку по голове, тот свалился наземь в кровь и грязь под ногами коней. Другой всадник повернулся, но острие взревевшего Буревестника пронзило и его, и он умер с диким криком, чувствуя, как меч выпивает его душу.

Герольд, все еще остававшийся в седле, был мертв, его тело превратилось в одну кровоточащую рану. Элрик наклонился и сорвал с шеи трупа окровавленный рог. Прижав его к губам, он сыграл сигнал отступления для кавалерии и краем глаза увидел, как разворачиваются всадники. Потом он заметил падающий штандарт и понял, что знаменосец убит. Он приподнялся в седле, перехватил древко, на котором висел яркий флаг Джаркора, и, в одной руке держа штандарт, а другой прижимая к губам рог, пытался собрать оставшихся в строю.

Постепенно вокруг него стали собираться остатки потрепанной армии, и Элрик, взяв на себя руководство сражением, сделал единственное, что могло их спасти.

Он протрубил в рог, произведя особую протяжную ноту. И сразу же раздалось хлопанье тяжелых крыльев — в воздух поднялись крылатые воины Миирна.

Увидев это, враги открыли таинственные клетки.

Элрик в отчаянии застонал.

Появлению гигантских сов предшествовало зловещее уханье. Гигантские птицы, давно вымершие в исконной стране их обитания, в Миирне, поднялись в воздух.

Враг подготовился к отражению атаки с воздуха и теперь выпустил против крылатых воинов их заклятых врагов.

Неожиданное появление птиц не очень испугало воинов Миирна. Вооруженные длинными пиками, они тут же атаковали сов. На воинов, сражающихся внизу, полилась кровь и посыпались перья. Сверху стали падать тела птиц и людей, давя пехоту и кавалерию.

Сквозь эту сумятицу на соединение с Дивимом Слормом и его имррирцами, остатками таркешской кавалерии и сотней оставшихся в живых шазаарцев прорубались Элрик и Белые Леопарды Йишаны. Подняв голову, Элрик увидел, что большинство огромных сов уничтожено, но и от воинов Миирна осталась лишь жалкая кучка. Они, покончив с совами, кружились в небесах, собираясь покинуть поле битвы.

Когда силы соединились, Элрик крикнул Дивиму Слорму:

— Сражение проиграно, Сарости и Джагрин Лерн победили.

Дивим Слорм, взмахнув мечом, согласно кивнул Элрику.

— Если мы хотим остаться в живых и выполнить то, что предначертано судьбой, мы должны убраться отсюда! — откликнулся он.

Они сделали все, что было в их силах.

— Жизнь Заринии для меня важнее всего остального! — крикнул Элрик.— Давай будем выпутываться, как сможем.

Но враг наступал, тисками сжимая Элрика и его людей. Лицо Элрика было в крови от полученного удара в лоб. Кровь стекала на глаза, мешая видеть, и ему приходилось все время отирать лицо левой рукой.

Правая рука его мучительно болела, но ему снова и снова приходилось рубить и колоть врага, и теперь Элрик был на грани отчаяния, потому что, хотя его ужасный клинок был существом чуть ли не разумным, даже он не мог обеспечивать своего хозяина необходимой энергией. В некотором роде это даже радовало Элрика, потому что он ненавидел рунный меч, хотя и зависел от жизненных сил, которые перетекали в его тело через его рукоять меча.

Буревестник не просто убивал врагов, он выпивал их души, и часть этой энергии передавалась мелнибонийскому монарху...

Но вот ряды врагов расступились. И в эту брешь устремились звери — звери со сверкающими глазами и красными челюстями, усеянными огромными зубами.

Охотничьи тигры Пан-Танга.

Кони заржали, когда на них набросились тигры и принялись терзать седоков и животных, вонзая зубы в шеи людей и скакунов. Тигры поднимали окровавленные морды и оглядывались в поисках новых жертв. Многие из оставшихся в живых

воинов Элрика в ужасе отступали. Большинство таркешских рыцарей бросилось прочь с поля сражения, а за ними последовали джаркорцы, чьи обезумевшие от страха кони стремглав понесли их прочь. Затем бежали и оставшиеся в живых конные шазаарцы. Скоро всей мощи Дхариджора и Пан-Танга противостояли только Элрик, его имррирцы и около сорока Белых Леопардов.

Наконец и Элрик поднял рог и дал сигнал к отступлению, развернул своего жеребца и помчался по долине. За ним последовали имррирцы. Но Белые Леопарды остались сражаться до последнего. Йишана говорила, что они умеют только убивать. Несомненно, они умели еще и умирать.

Элрик и Дивим Слорм повели имррирцев вверх, испытывая что-то вроде благодарности к Белым Леопардам, которые прикрыли их отход. Альбинос не видел Йишаны со времени своей схватки с Джагрином Лерном. Он не знал, что с ней.

Когда они обогнули долину, Элрик понял, в чем состоял полный план сражения, составленный Джагрином Лерном и его союзником: на другом конце долины стояли свежие силы пехоты и кавалерии, призванные не допустить отступления армии противника.

Не раздумывая, Элрик погнал коня вверх по склону. Его люди скакали следом, пригибая головы под низкие ветви берез, а на них, развернувшись цепью, ринулись дхариджорцы, отрезая путь к отступлению.

Элрик повернул коня и увидел, что Белые Леопарды все еще сражаются, сгрудившись вокруг джаркорского штандарта. И тогда он, прижимаясь к холмам, ринулся в обратном направлении. Он перевалил за гребень холма. Дивим Слорм и горстка имррирцев скакали следом. Скоро они мчались по открытой долине, а за ними гнались рыцари Дхариджора и Пан-Танга. Они явно узнали Элрика и теперь стремились либо взять его в плен, либо убить.

Впереди Элрик видел таркешитов, шазаарцев и джаркорцев, которые покинули поле боя чуть раньше и теперь спасались тем же путем, который выбрал Элрик. Но скакали они уже не одной группой, а вразброд.

Элрик и Дивим Слорм мчались на запад по незнакомой земле, а остальные имррирцы, чтобы отвлечь внимание врага и дать уйти альбиносу и его кузену, поскакали на северо-восток, к Таркешу, где, возможно, их ждали еще несколько безопасных дней.

Сражение было проиграно. Подданные зла оказались победителями, и век ужаса распростер свою длань над Молодыми королевствами Запада.

Несколько дней спустя Элрик, Дивим Слорм, два имррирца, таркешский офицер по имени Йеднпад-Джуйзев с тяжелой раной в боку и шазаарский пехотинец Орозн, который на поле боя обзавелся конем, временно уйдя от погони, гнали своих усталых коней к горному хребту, видневшемуся вдалеке на фоне красного вечернего неба.

Несколько часов они ехали молча. Йеднпад-Джуйзев явно умирал, и они ничем не могли ему помочь. Он знал, что умирает, и ничего не ждал от них, просто ехал вместе с ними. Для таркешита он был очень высок, его алый плюмаж все еще раскачивался на побитом шлеме из синего металла. Нагрудник был весь исцарапан и забрызган его кровью и кровью врагов. Его черная борода была пропитана маслом, а выступающий на солдатском лице нос под полузакрытыми глазами напоминал обломок скалы. Он терпеливо переносил боль. Хотя они и спешили поскорее добраться до относительно безопасных для них горных вершин, все остальные соразмеряли шаг своих коней с конем таркешита, делая это частично из уважения к нему, а частично — восхищаясь тем, как же упорно цепляется этот человек за жизнь.

Наступила ночь, и в небесах над горами повисла огромная желтая луна. На небе не было ни облачка, и звезды сверкали как никогда ярко. Воинам хотелось бы, чтобы ночь была темной, чтобы бушевала буря — им казалось, что в темноте они будут в большей безопасности. Но ночь была светлой, и им оставалось только надеяться на то, что скоро они доберутся до гор — до того, как охотничьи тигры Пан-Танга обнаружат их следы и они умрут в страшных когтях этих тварей.

Элрик пребывал в мрачном, задумчивом настроении. Некоторое время дхариджорским и пантангским победителям понадобится, чтобы объединить свою новообразованную империю. Возможно, после этого между ними возникнут ссоры — а может быть, и нет. Но в любом случае вскоре они будут очень сильны и станут угрожать безопасности других народов на Южном и Восточном континенте.

Все это, как бы оно ни угрожало судьбам мира, мало волновало Элрика, пока он не знал, как ему вернуть Заринию. Он вспомнил пророчество мертвого демона; часть этого пророчества теперь воплотилась в жизнь. Но в остальном оно мало что говорило ему. У него было такое ощущение, будто его все время что-то гонит на запад, словно ему нужно попасть в безлюдные земли за Джаркором. Неужели именно там ему откроется судьба? Неужели именно там держат в плену Заринию?

За морем скоро грянет битва;
Рекою будет литься кровь.

Так пролилась уже кровь или ей еще предстоит пролиться? Что это за «брат», которым должен обзавестись Дивим Слорм, родич Элрика? И — «тот, кому не должно жить» — о ком это?

Может быть, ключи к этой тайне лежат в горах перед ними?..

На полпути они нашли пещеру и остановились в ней на отдых.

Утром Элрика разбудил шум рядом с пещерой. Он тут же вытащил Буревестник и вышел наружу. Но, увидев то, что ему открылось, он убрал Буревестник в ножны и тихим голосом обратился к израненному человеку, который ехал на коне вдоль ущелья по направлению к пещере.

— Сюда, герольд! Здесь свои!

Это был один из герольдов Йишаны. Его облачение превратилось в лохмотья, доспехи на нем были помяты. Он ехал без меча и без шлема — молодой человек с изможденным от усталости и отчаяния лицом. Он поднял глаза, и его лицо прояснилось, когда он узнал Элрика.

— Господин Элрик... мне сказали, что ты убит в сражении.

— Я рад, что все так думают, поскольку это означает, что погони не будет. Заходи.

Остальные уже тоже проснулись, кроме одного. Йеднпад-Джуйзев умер во сне. Орозн зевнул и ткнул большим пальцем в мертвое тело.

— Если мы не найдем еду, то боюсь, как бы нам не пришлось слопать нашего мертвого друга.

Он поглядел на Элрика — как тот прореагирует на его шутку, но, увидев выражение лица альбиноса, замолчал и удалился в глубину пещеры, ворча и пиная камни на полу.

Элрик прислонился к стене пещеры у входа и спросил:

— Какие новости?

— Плохие, мой господин. От Шазаара до Таркеша повсюду горе; сталь и огонь нечестивой бурей бушуют над народами. Мы повержены окончательно. Лишь небольшие отряды еще продолжают безнадежное сопротивление. Некоторые из наших людей уже поговаривают о том, чтобы уйти в разбойники. Вот какие настали времена.

Элрик кивнул.

— Именно это обычно и происходит, когда чужеземные наемники терпят поражение на дружеской земле. Что с королевой Йишаной?

— Она погибла, мой господин. Надев доспехи, она сражалась с дюжиной врагов, а потом ее убили... и тело разрубили на куски. Сарость взял ее голову в качестве сувенира, присоединив ее к другим трофеям, включая руку Карнарла, его единокровного брата, который возражал против его союза с Пан-Тангом, и глаза Пенника из Наргессера, который выставил в своей провинции против него армию. Теократ Джагрин Лерн приказал пытать до смерти всех других пленников и вешать их в цепях по всей земле, чтобы это служило предостережением бунтовщикам. Вот какая это жуткая парочка, мой господин.

Губы Элрика сжались, когда он услышал это. Ему уже было ясно, что единственно возможный для него путь лежал на запад, потому что победители очень скоро найдут его, если он вернется. Он повернулся к Дивиму Слорму. Одежда на им-

ррирце была в лохмотьях, а на его левой руке виднелась засохшая кровь.

— Похоже, наша судьба лежит на западе,— тихо сказал он.

— Тогда поторопимся,— сказал его кузен.— Потому что мне не терпится покончить с этим и по крайней мере узнать, будем мы жить или умрем. Мы ничего не узнали, столкнувшись с врагом. Только потеряли время.

— Я кое-что узнал,— сказал Элрик, вспомнив свою схватку с Джагрином Лерном.— Я узнал, что Джагрин Лерн каким-то образом связан с похищением моей жены, а если это так, то я клянусь отомстить ему, чего бы это мне ни стоило.

— Что ж,— сказал Дивим Слорм,— давай тогда поспешим на запад.

Глава четвертая

В тот день они еще дальше углубились в горы, уйдя от нескольких отрядов преследования, посланных победителями, но два имррирца, поняв, что у альбиноса и Дивима Слорма своя цель, оставили их и пошли в другом направлении. Герольд отправился на юг со своей скорбной вестью, а с Элриком и Владыкой драконов остался только Орозн. Общество Орозна было им не очень приятно, но они какое-то время мирились с ним.

Но день спустя исчез и Орозн, а Элрик и Дивим Слорм шли все дальше и дальше в страну черных скал, глубоких мрачных каньонов и узких горных троп.

В горах лежал снег, резко контрастируя своей белизной с чернотой скал. Снег заполнял пропасти, от него тропинки становились скользкими и опасными. Вечером одного из дней они вышли к месту, где горы открывались в широкую долину, и они с предосторожностями двинулись вниз по склону, оставляя глубокий черный след в снегу. От их коней шел пар, их дыхание клубилось в морозном воздухе.

Они увидели всадника, скачущего по долине, и стали ждать его приближения. К их удивлению, всадник оказался Орозном, на котором была новая одежда из волчьей и оленьей шкур. Он дружески приветствовал их.

— Я вас искал, но не смог найти. Видимо, вы пошли более трудной дорогой, чем я.

— Откуда ты идешь? — спросил Элрик. Его лицо выглядело измученным, кожа натянулась, еще больше подчеркивая высоту скул. Сверкающие красные глаза делали его больше, чем когда-либо, похожим на волка. Мысли о Заринии не давали ему покоя.

— Тут неподалеку есть поселение. Идемте, я вас отведу туда.

Некоторое время они ехали следом за Орозном, а день тем временем клонился к вечеру, и, когда они добрались до противоположного края долины, заходящее солнце освещало горы алыми лучами. Здесь росло несколько чахлых берез, а чуть выше виднелись заросли елей.

Туда-то Орозн и повел их.

С воинственными воплями они выскочили из зарослей — дюжина смуглолицых людей, одержимых ненавистью. В руках они держали оружие. Судя по доспехам, это были пантангские воины. Вероятно, они взяли в плен Орозна и убедили его завести Элрика с родичем в засаду.

Элрик поднял своего коня на дыбы.

— Орозн, предатель!

Но Орозн уже развернул коня. Он оглянулся один раз, его бледное лицо было искажено гримасой стыда. Он тут же отвел глаза, нахмурился и поскакал прочь от Элрика и Дивима Слорма по поросшему мхом склону в шумную темноту ночи.

Элрик обнажил Буревестник и отразил удар бронзоволицего воина. Рунный меч скользнул к рукояти вражеского меча и отсек пальцы нападавшего. Скоро Элрик и Дивим Слорм были окружены, но Элрик продолжал сражаться, а Буревестник визгливым голосом пел безумную, беззаконную песню смерти.

Однако Элрик и Дивим Слорм ослабели после трудного перехода. Даже Буревестник не мог пополнить своей злобной энергией больные жилы Элрика, который к тому же был исполнен страха, но не перед нападающими, а перед собственной судьбой, которая обрекала его на смерть или плен. У него

было ощущение, что этим воинам неизвестно о пророчестве и планах их хозяина, что они не знают: он, Элрик, не должен умереть на этом этапе.

Он продолжал драться, хотя и понимал, что сейчас должна совершиться непоправимая ошибка...

— Ариох! — воскликнул он в страхе перед этим мелнибонийским богом-демоном.— Ариох! Помоги мне! Кровь и души за твою помощь!

Но переменчивый демон не пришел ему на подмогу.

Длинный меч Дивима Слорма нашел уязвимое место под латным воротником врага и вонзился ему в горло. На него бросились другие пантангские воины, но были вынуждены отступить, чтобы не погибнуть от ударов меча. Дивим Слорм крикнул Элрику:

— Зачем мы поклоняемся такому капризному богу?

— Может, он решил, что наше время пришло! — прокричал Элрик, чей рунный меч выпивал малые силы другого врага.

Усталость быстро брала свое, но они продолжали сражаться, пока не услышали новый звук, перекрывший звон оружия,— звук несущихся колесниц и низкие стонущие крики.

Схватка неумолимо близилась к печальному для мелнибонийцев концу, когда в ошеломленных пантангских воинов вонзились дротики, пущенные с поразительной точностью чернокожими воинами с тонкими, сложенными в гордые усмешки губами на красивых лицах, в плащах из белого лисьего меха, прикрывавших их обнаженные великолепные тела.

Элрик вложил в ножны меч, но был готов сражаться и дальше или пуститься в бегство.

— Вот он — белолицый! — закричал чернокожий возничий, увидев Элрика.

Колесницы остановились, лошади заржали, ударяя копытами в землю. Элрик подъехал к первой колеснице.

— Я вам благодарен,— сказал он, чуть не валясь из седла от усталости. Он вежливо поклонился.— Кажется, ты знаешь меня. Ты уже третий из тех, кого я встречаю в последнее время и кто узнает меня. Тогда как я никому из этих троих не смог ответить тем же.

Чернокожий запахнул на своей обнаженной груди лисий плащ и улыбнулся тонкими губами.

— Меня зовут Сепирис, и ты очень скоро узнаешь меня. Что же касается тебя, то ты нам известен уже не одну тысячу лет. Ведь ты же Элрик, последний король Мелнибонэ?

— Верно.

— А ты,— Сепирис обратился к Дивиму Слорму,— кузен Элрика. Вы двое — последние из королевского рода.

— Да,— подтвердил Дивим Слорм, с любопытством глядя на Сепириса.

— Значит, мы именно вас ждали на этом пути. Согласно пророчеству...

— Так это вы пленили Заринию? — Элрик потянулся к своему мечу.

Сепирис отрицательно покачал головой.

— Нет, но мы можем сказать тебе, где она. Успокойся. Хотя я и понимаю, с каким нетерпением ты ждешь, но лучше вернемся в наши владения, а там уж я расскажу тебе все, что знаю.

— Сначала скажи мне, кто вы такие,— сказал Элрик.

Сепирис улыбнулся одними губами.

— Я думаю, ты нас знаешь или по меньшей мере знаешь про нас. Между твоими предками и нашим народом существовало что-то вроде дружбы. Это было в начальные годы Сияющей империи.— Он помолчал немного, потом продолжил: — Ты никогда не слышал в Имррире легенд о Десятерых из горы? О Десяти, которые спят в огненной горе?

— Слышал, и не раз,— сказал Элрик, переводя дыхание.— Теперь я узнаю вас по описанию. Но в легенде говорилось, что вы веками спите в огненной горе. Почему же вы теперь забрели в чужие края?

— Мы вынуждены были оставить гору из-за извержения вулкана, который спал тысячу лет. Такие природные катаклизмы в последнее время стали происходить на Земле все чаще. Мы поняли, что для нас наступило время пробудиться. Мы были слугами судьбы, и наша миссия крепкими узами связана с твоей судьбой. У нас есть послание для тебя от тех,

кто пленил Заринию. И еще одно — из другого источника. Вернешься ли ты с нами в Нихрейнскую пропасть, чтобы выслушать то, что мы можем сообщить тебе?

Элрик размышлял несколько мгновений, потом поднял свое белое лицо и сказал:

— Я спешу отомстить похитителям Заринии, Сепирис. Но если то, что ты собираешься мне сообщить, приблизит меня к возмездию, я иду с тобой.

— Тогда поторопимся! — Черный гигант развернул свою колесницу.

Целый день и целую ночь добирались они до Нихрейнской пропасти — огромного ущелья в горах, которое никто не отваживался посещать. Окрестные жители считали, что Нихрейнская пропасть населена сверхъестественными существами.

Надменный Сепирис почти не разговаривал в пути. Наконец они добрались до места, и Сепирис повел колесницы вниз по тропинке, которая, петляя, уходила в темные глубины пропасти.

Спустившись на полмили, они оказались в полной темноте — свет сюда не проникал, но впереди они увидели мелькание факелов, которые освещали часть высеченного в скалах барельефа или зияющего отверстия в громаде камня. Подъехав поближе, они увидели вызывающие трепет очертания города Нихрейна, куда посторонние не попадали вот уже несколько веков. Здесь теперь оставались последние обитатели города: десять бессмертных, принадлежавших к расе еще более древней, чем мелнибонийцы, чья история насчитывала двадцать тысяч лет.

Над ними возвышались огромные колонны, вытесанные много веков назад в скале, гигантские статуи и широкие балконы в несколько ярусов, окна высотой в сотни футов и ступени, вырубленные в стенах пропасти. Десятеро направили свои желтые колесницы через огромные ворота в пещеры Нихрейна, стены которых были усеяны странными символами и еще более странными фресками. Навстречу им выбежали очнувшиеся после векового сна рабы, готовые служить своим

хозяевам. Но и они ничуть не походили на людей тех народов, с которыми был знаком Элрик.

Сепирис передал вожжи одному из рабов, и Элрик и Дивим Слорм спрыгнули на землю, с трепетом оглядываясь вокруг.

Сепирис сказал им:

— А теперь проследуем в мои покои, там я вам расскажу то, что вы хотите знать и должны сделать.

Ведомые Сепирисом Элрик и Дивим Слорм нетерпеливо шагали по галереям и вскоре оказались в большой комнате, заполненной темными скульптурами. В нескольких больших жаровнях здесь горел огонь. Сепирис опустил свое большое тело на стул и предложил им сесть на два других таких же, высеченных из ствола черного дерева. Когда они расселись вокруг одной из жаровен, Сепирис глубоко вздохнул и обвел глазами стены зала, словно вспоминая его историю.

Элрик, слегка раздраженный этой демонстрацией неторопливости, нетерпеливо сказал:

— Прости меня, Сепирис, но ты обещал передать нам послание.

— Да,— сказал Сепирис,— но столько всего нужно мне сообщить тебе, что я прежде должен собраться с мыслями.— Он задумался, устраиваясь поудобнее на стуле.— Мы знаем, где находится твоя жена,— сказал он наконец.— И знаем, что она в безопасности. Ей не причинят никакого вреда, потому что она должна быть обменена на кое-что, находящееся в твоем владении.

— Тогда расскажи мне *все*,— нетерпеливо потребовал Элрик.

— Мы были в дружбе с твоими предками, Элрик. И мы были в дружбе с их предшественниками — с теми, кто выковал твой меч.

Элрик, несмотря на тревогу, слушал с интересом. В течение многих лет пытался он избавиться от рунного меча, но ему это не удавалось. Все его усилия не давали никакого результата, и ему приходилось снова и снова прибегать к помощи меча, хотя в последнее время он поддерживал свои силы в основном с помощью снадобий.

— Ты хочешь избавиться от своего меча, Элрик? — спросил Сепирис.

— Да, это хорошо известно.

— Тогда послушай, что я тебе расскажу. Мы знаем, для кого и для чего был выкован этот меч и его близнец. Они были выкованы для особой цели и для особых людей. Они могут принадлежать только мелнибонийцам — и только мелнибонийцам королевской крови.

— В мелнибонийской истории и легендах ничего не говорится об особом назначении этих мечей,— сказал Элрик, подавшись вперед.

— Некоторые тайны лучше хранить вдалеке от людских ушей,— спокойно сказал Сепирис.— Эти мечи были выкованы, чтобы уничтожить группу очень сильных существ. И среди них — Мертвые Боги.

— Мертвые Боги... Но уже из одного их имени ясно, что они погибли много веков назад.

— Да, они погибли — как ты сказал. По человеческим представлениям они в самом деле мертвы. Но они *сами* решили умереть, чтобы избавиться от своей материальной оболочки, и отправили свою жизненную субстанцию подальше в черноту вечности, потому что в те дни они были исполнены страха.

Элрик не имел представления о том, что рассказывал ему Сепирис, но он принимал сказанное и с интересом слушал.

— Один из них вернулся,— сказал Сепирис.

— Зачем?

— Чтобы любой ценой заполучить две вещи, которые угрожали ему и его товарищам-богам. Где бы ни находились Мертвые Боги, эти вещи продолжали оставаться опасными для них.

— И что это за вещи?..

— На земле они имеют вид двух мечей — волшебных мечей, испещренных рунами. Это Утешитель и Буревестник.

— Вот он, Буревестник.— Элрик прикоснулся к клинку.— Только почему боги боятся его? Второй же меч отправился в Лимб вместе с моим кузеном Йиркуном, которого я убил много лет назад. Он навсегда утрачен.

— Это не так. Мы вернули его. В этом была воля судьбы. Меч здесь, в Нихрейне. Эти клинки были выкованы для твоих предков, которые с их помощью и изгнали Мертвых Богов.

Их ковали кузнецы не из рода человеческого, и они тоже были врагами Мертвых Богов. Эти кузнецы вынуждены были сражаться со злом посредством зла, хотя сами они и принадлежали не Хаосу, а Закону. Они выковали эти мечи по нескольким причинам, но в первую очередь — чтобы избавить мир от Мертвых Богов.

— А что за другие причины?

— Ты узнаешь о них в надлежащее время, ведь наши отношения не прервутся до тех пор, пока не исполнится воля рока. Мы не можем до времени говорить о других причинах. У тебя, Элрик, непростая судьба. Я тебе не завидую.

— А что за послание у тебя для нас? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Из-за потрясений, вызванных Джагрином Лерном, один из Мертвых Богов смог вернуться на землю. Я тебе уже говорил об этом. Он собрал вокруг себя приспешников, которые и похитили твою жену.

Элрик почувствовал, как его охватывает беспробудное отчаяние. Неужели он должен вступить в противостояние с такой силой?

— Зачем?

— Дарнизхаану известно, что значит для тебя Зариния. Он хочет выменять ее на два меча. Мы же в этом деле только выполняем поручения. Мы должны отдать меч, находящийся у нас на хранении, Дивиму Слорму, если он попросит об этом. Ведь он по праву рождения принадлежит к королевскому роду. Условия Дарнизхаана просты. Он отправит Заринию в Лимб, если не получит мечей, угрожающих его жизни. Ее смерть — если это можно назвать смертью — будет неприятной и вечной.

— А если я соглашусь с его условиями, то что случится тогда?

— Тогда вернутся все Мертвые Боги. Этому препятствует только сила мечей.

— А что случится, если Мертвые Боги вернутся?

— Хаос даже без Мертвых Богов грозит покорить всю планету, но если они вернутся, то Хаос станет непобедим, а его победа — незамедлительна. Зло распространится по миру. Ха-

ос погрузит землю в ад ужаса и разрушения. Ты уже вкусил того, что может случиться, а ведь Дарнизхаан едва успел вернуться.

— Ты говоришь о поражении армии Йишаны и победе Саросто и Джагрина Лерна?

— Именно об этом. Джагрин Лерн заключил договор с Хаосом — со всеми Владыками Хаоса, не только с Мертвыми Богами,— потому что Хаос страшится планов судьбы относительно будущего Земли и пытается воспрепятствовать этому, захватив власть на нашей планете. Владыки Хаоса достаточно сильны и без помощи Мертвых Богов. Дарнизхаан должен быть уничтожен.

— Передо мной невозможный выбор, Сепирис. Если я отдам Буревестник, то, наверно, смогу выжить на травах и снадобьях. Но если я отдам его, чтобы вернуть Заринию, то Хаос развернется в полную силу, и у меня на совести будет лежать чудовищное преступление.

— Кроме тебя, никто не сможет сделать этот выбор.

Элрик погрузился в размышления, но выхода найти не смог.

— Принеси второй клинок,— сказал он наконец.

Сепирис вернулся к ним некоторое время спустя с вложенным в ножны мечом, который внешне почти не отличался от Буревестника.

— Так что, Элрик, ты получил объяснение пророчеству? — спросил он, не выпуская из рук Утешитель.

— Да, вот он — брат ноши роковой. Но последняя часть — куда мы должны направиться?

— Я тебе скажу, когда настанет время. Хотя Мертвые Боги и силы Хаоса знают, что у нас второй меч, им неизвестно, кому мы служим на самом деле. Мы служим судьбе, как тебе это уже известно, а судьба сплела для этой Земли такую ткань, которую нелегко изменить. Однако изменить ее все же можно, и наша задача в том, чтобы это не произошло. Тебе предстоит пройти испытание. В зависимости от того, как ты себя проявишь, по какому пути пойдешь, мы по твоем возвращении в Нихрейн примем решение, что нам следует тебе сообщить.

— Вы хотите, чтобы я вернулся в Нихрейн?

— Да.

— Дай мне Утешитель,— не раздумывая сказал Элрик.

Сепирис протянул ему меч, и у Элрика оказалось по мечу в каждой руке, а он словно взвешивал, какой ему предпочесть.

Оба меча, казалось, постанывали, узнав его, оба питали энергией его тело, и ему уже стало казаться, что он и сам выкован из стали.

— Я всегда считал, что они наделены силой, которая гораздо мощнее, чем мне кажется. Есть одно качество, которым они обладают, когда находятся рядом, и этим качеством мы сможем воспользоваться в нашей борьбе с Мертвыми Богами.— Он нахмурился.— Но об этом потом.— Он уставился на Сепириса.— А сейчас скажи мне, где найти Дарнизхаана?

— В долине Ксаньяу в Миирне.

Элрик протянул Утешитель Дивиму Слорму, и тот осторожно взял его.

— Так какой ты сделаешь выбор? — спросил Сепирис.

— Кто знает? — с горькой бесшабашностью сказал Элрик.— Может, Мертвых Богов можно победить... Но вот что я тебе скажу, Сепирис. Если я смогу, то этот бог пожалеет о своем возвращении, потому что он совершил единственное, что могло разгневать меня так сильно. А гнев Элрика из Мелнибонэ и его меча Буревестника может уничтожить мир!

Сепирис поднялся со стула, брови его взметнулись вверх.

— А богов, Элрик? Богов он может уничтожить?

Глава пятая

Элрик, похожий на гигантское пугало — худой и неподвижный, сидел на мощной спине нихрейнского жеребца. Его мрачное лицо превратилось в маску, скрывающую все чувства, а малиновые глаза горели в глубоких глазницах, словно угли. Ветер трепал его волосы, но он сидел ровно, глядя перед собой, рука с длинными пальцами покоилась на эфесе Буревестника.

Время от времени Дивим Слорм, который с гордостью, но не без опаски поглядывал на свое новое оружие, слышал, как

его меч перекликается со своим братом и вибрирует у него на боку. Только позднее стал он задавать себе вопрос: во что превратит его этот клинок, что он даст ему и что потребует взамен. С тех пор как такие мысли стали одолевать его, он старался держать руки как можно дальше от меча.

Когда они приблизились к границам Миирна, на них напал отряд дхариджорских наемников — джаркорцев, которые пошли в услужение победителям. Это были мелкие грабители, которые, на свое несчастье, оказались на пути Элрика. Они с ухмылками погнали лошадей в направлении двух всадников. На их шлемах колебались черные плюмажи, поскрипывали латы, позванивал металл. Их главарь, косоглазый коренастый громила, вооруженный топором, остановил коня перед Элриком.

По команде хозяина остановился и конь альбиноса. Не изменяя выражения лица, Элрик легким грациозным движением обнажил Буревестник. Дивим Слорм последовал его примеру, молча разглядывая смеющихся наемников. Он удивился тому, как легко меч скользнул из ножен.

И тогда, не дожидаясь вызова, Элрик взмахнул мечом.

Он сражался быстро, эффективно, без всяких эмоций. Одним ударом он разрубил наплечник главаря и тем же движением рассек его от плеча до живота, разрывая и плоть, и наспинный доспех, отчего из-под черного металла хлынул алый фонтан, и главарь заплакал, умирая. Несколько мгновений он оставался на коне, упав на его шею, а потом свалился на землю, застряв ногой в стремени.

Буревестник испустил громкий металлический рык наслаждения, и Элрик принялся бесстрастно рубить всадников, не оставляя им ни малейшего шанса, так, словно те не были вооружены и закованы в металл.

Дивим Слорм, непривычный к полуразумным повадкам Утешителя, попытался было действовать им, как обычным оружием, но тот рвался из его руки, нанося более правильные удары, чем его хозяин. Дивим Слорм ощутил особый приток энергии, одновременно чувственный и холодный, услышал свой торжествующий голос и понял, что его предки в сражении, видимо, были похожи на него.

Схватка закончилась быстро, и, оставив позади обездушенные тела, они пересекли границу Миирна. Оба меча вкусили крови.

Элрик теперь был в состоянии лучше мыслить и действовать, а потому он ехал молча, ни о чем не спрашивая своего кузена, который был слегка разочарован тем, что Элрик не советуется с ним.

Элрик размышлял о прошлом, настоящем и будущем, формируя их в одно целое, упорядочивая. Вообще-то, он с подозрением относился к порядку, не доверял ему. Он считал, что жизнь хаотична, непредсказуема, в ней доминирует случай. Чтобы разглядеть в жизни порядок, нужно обладать особым зрением.

Он понимал кое-что в этой жизни и никого не судил.

Он знал, что носит меч, который необходим ему психологически и физически. Это было его безусловным признанием собственной слабости, нехватки уверенности в себе и уверенности в причинно-следственном механизме событий. Он считал себя реалистом.

Он знал, что, хотя любовь его временами принимает странные формы, он любит свою жену Заринию и готов умереть, если это нужно, чтобы спасти ее.

Он знал, что если хочет выжить и сохранить свободу, которую завоевал в сражениях, то должен добраться до логова Мертвого Бога и сделать то, что потребует от него ситуация. Он знал: хотя он и служит Хаосу, но предпочел бы делать то, что ему нравится, в мире, управляемом Законом.

Теплый ветер с приближением вечера стал холоднее. На низком, затянутом тяжелыми серыми тучами небе то здесь, то там возникали более светлые пятна, похожие на серые острова в холодном море. Элрик почуял запах дыма, безумный щебет птиц оглушил его, и резкий мальчишеский свист перекрыл вой ветра.

Дивим Слорм повернул коня в направлении свиста, поскакал в кусты, наклонился в седле, а когда выпрямился, то держал за шиворот извивающегося мальчишку.

— Откуда ты, парень? — спросил Дивим Слорм.

— Из деревни в двух милях отсюда, господин,— ответил перепуганный мальчишка, переводя дыхание.

Он широкими от ужаса глазами смотрел на Элрика — его поразило суровое, безжалостное выражение лица альбиноса.

Он резко обернулся к Дивиму Слорму.

— Это — Элрик, Убийца Друзей? — спросил он.

Дивим Слорм отпустил мальчишку и спросил:

— Где находится долина Ксаньяу?

— На северо-запад отсюда... Но это не место для смертных. Так это Элрик, Убийца Друзей? Скажи мне, господин!

Дивим Слорм с несчастным видом посмотрел на кузена и не ответил. Они пришпорили лошадей и поскакали на северо-запад. Элрик теперь двигался с еще большим нетерпением.

Они мчались сквозь промозглую ночь, подгоняемые злобным ветром.

Когда они приблизились к долине Ксаньяу, все небо, земля и воздух наполнились тяжелой, пульсирующей музыкой. Мелодичные, чувственные, звучные аккорды набегали на них волнами, а следом появились белолицые.

На них были черные плащи с капюшонами, в руках — мечи, каждый из которых разветвлялся к концу на три искривленных острия. На лице каждого была застывшая ухмылка. Музыка следовала за ними, а они неслись, как безумные, на двух всадников, которые натянули поводья своих коней, сдерживая их порыв развернуться и нестись прочь. Элрик повидал немало ужасов в своей жизни, видел такое, что вполне могло свести с ума, но по какой-то причине именно эти всадники потрясли его сильнее всего остального. Это были люди, обычные по своему внешнему виду люди, но — одержимые каким-то нечистым духом.

Приготовившись защищаться, Элрик и Дивим Слорм обнажили мечи в ожидании столкновения. Но и музыка, и люди вместе с нею стремглав промчались мимо них и понеслись дальше — туда, откуда прискакали мелнибонийцы.

Они услышали биение воздуха наверху, с неба донесся визг, а за ним — ужасающий вой. Элрик увидел двух женщин и не

без тревоги отметил, что они принадлежат к крылатому народу Миирна, вот только крыльев у них не было. Они не обратили внимания на двух всадников и исчезли в ночи. Глаза у них были пусты, а лица безумны.

— Что происходит, Элрик? — воскликнул Дивим Слорм, вкладывая рунный меч в ножны, другой рукой он с трудом сдерживал коня.

— Не знаю. Что обычно происходит там, где восстановлена власть Мертвых Богов?

Все вокруг них были шум и смятение, ночь наполнилась движением и ужасом.

— Пошел! — Элрик подхлестнул своего коня, переведя его в галоп, и помчался вперед, в страшную ночь.

Потом он услышал громкий смех, приветствовавший их, когда, проехав между двух холмов, они оказались в долине Ксаньяу. В долине стояла кромешная тьма, и все в ней дышало опасностью, казалось, сами холмы вокруг жили разумной жизнью. Всадники замедлили шаг, поскольку потеряли направление, и Элрику приходилось время от времени окликать своего кузена, чтобы не потерять его. Снова раздался звучный смех, он доносился из темноты, и от его звука сотрясалась земля. Словно вся планета иронически смеялась, глядя, как эти двое стараются победить свой страх и проехать по долине.

Элрик спрашивал себя — не предали ли его, не оказался ли он в ловушке, расставленной Мертвыми Богами? Какие у него были доказательства того, что здесь находится Зариния? Почему он поверил Сепирису? Он почувствовал, как что-то проползло у него по ноге, и положил руку на эфес меча, готовясь в любой момент обнажить его.

И вдруг вверх, в темное небо, словно бы из самой земли взметнулась огромная фигура, преградившая ему дорогу. Она встала перед ними в золотом сиянии, уперев руки в бока. У нее было обезьянье лицо с примесью еще чего-то, что придавало ей достоинство и необузданную грандиозность. Тело светилось всеми оттенками цвета, а губы искривлялись в ухмылке удовлетворенности и знания — Дарнизхаан, Мертвый Бог.

— Элрик!

— Дарнизхаан! — свирепо выкрикнул Элрик, поднимая голову, чтобы увидеть лицо Мертвого Бога. Он больше не чувствовал страха.— Я пришел за моей женой!

У ног Мертвого Бога появились его приспешники — широкогубые, с треугольными лицами, коническими колпаками на головах и безумным взглядом. Они хохотали, визжали и тряслись в свете огромного прекрасного тела Дарнизхаана. Они смеялись над двумя всадниками, издевались над ними, но не отходили от ног Мертвого Бога.

— *Элрик!*

Элрик ухмыльнулся.

— Жалкие, ничтожные лизоблюды,— сказал он.

— Но не такие жалкие, как ты, Элрик из Мелнибонэ,— рассмеялся Мертвый Бог.— Ты пришел заключить со мной сделку или хочешь отдать душу своей жены на мое попечение, чтобы она была обречена на вечное умирание?

Элрик не позволил выражению ненависти появиться на своем лице.

— Я тебя уничтожу, это вполне в моем духе. Но...

Мертвый Бог улыбнулся чуть ли не с жалостью.

— Уничтожен должен быть *ты,* Элрик. Это ты — анахронизм. Твое время прошло.

— Говори о себе, Дарнизхаан!

— Я *могу* уничтожить тебя.

— Но не сделаешь этого.— Хотя Элрик и ненавидел это существо всей своей душой, он в то же время испытывал что-то вроде дружеского чувства к Мертвому Богу. Оба они были представителями эпохи, которая прошла, и ни один из них не принадлежал новой земле.

— Тогда я уничтожу ее,— сказал Мертвый Бог.— Это я могу сделать совершенно безнаказанно.

— Зариния! Где она?

И снова громкий смех Дарнизхаана сотряс долину Ксаньяу.

— Ах, до чего дожил этот древний народ. Были времена, когда ни один мелнибониец, а в особенности принадлежащий к королевскому роду, ни за что не признался бы, что его волнует судьба другой души, в особенности если эта душа принадлежала к расе полуживотных, к той новой расе, что населяет Молодые королевства. Уж не хочешь ли ты сказать, король Мелнибонэ, что ты совокупляешься с животными? Где же твоя кровь, твоя жестокая и блестящая кровь? Где твое знаменитое коварство? Где зло, Элрик?

Странные чувства зашевелились в душе Элрика, когда он вспомнил своих предков, императоров-чародеев Драконьего острова. Он понял, что Мертвый Бог намеренно пробуждает в нем эти эмоции, и сделал усилие, чтобы их подавить.

— Это прошлое,— прокричал он.— На земле наступило новое время. Наше время скоро пройдет, а твое *уже* кончилось!

— Нет, Элрик. Помяни мои слова. Рассвет закончился, и скоро его унесет, как утренний ветер уносит листья. История земли еще не начиналась. Ты, твои предки, эти люди новых рас — это всего лишь *прелюдия к истории.* Все вы будете забыты, если начнется настоящая история мира. Но мы можем предупредить это — мы можем выжить, завоевать Землю, не позволить взять верх Владыкам Закона, самой Судьбе, Космическому Равновесию... мы *можем* продолжать жить, но ты *должен* отдать мне мечи.

— Я тебя не понимаю,— сказал Элрик, сжав зубы.— Я пришел сюда заключить сделку или сражаться, чтобы освободить мою жену.

— Ты не понимаешь,— захохотал Мертвый Бог,— потому что все мы, боги и люди, всего лишь марионетки, исполняющие свои кукольные роли, пока не началась настоящая игра. Ты должен не сражаться со мной, а встать на мою сторону, потому что мне ведома истина. У нас общая судьба. Мы — никто из нас — не существуем. Древний народ — ты, я и мои братья — обречены, если ты не отдашь мне мечи. Мы не должны сражаться друг с другом. Раздели с нами страшное знание — то знание, которое превратило нас в безумцев. Нет ничего, Элрик,— ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Мы не существуем, никто из нас не существует.

Элрик покачал головой.

— И все же я не понимаю тебя. И не желаю понимать, даже если бы мог. Я желаю только одного — возвращения моей жены, а не всех этих бессвязных загадок.

Дарнизхаан снова рассмеялся:

— Нет! Ты не получишь женщину, пока мы не получим в свои руки мечи. Ты не можешь понять их настоящих свойств. Они были выкованы не только для того, чтобы уничтожить или изгнать нас. Их назначение в том, чтобы уничтожить тот мир, который мы знаем. Оставь эти мечи у себя — и на твои плечи ляжет ответственность за то, что даже воспоминаний о тебе не останется для тех, кто придет после тебя.

— Я бы хотел этого,— сказал Элрик.

Дивим Слорм молчал, он не был полностью согласен с Элриком. Аргументы Мертвого Бога казались ему убедительными.

Дарнизхаан затрясся всем телом, отчего золотые лучи заплясали вокруг, а область света увеличилась.

— Оставь мечи себе, и это будет равносильно тому, как если бы никто из нас *никогда* не существовал,— нетерпеливо сказал он.

— Пусть будет так,— упрямо сказал Элрик.— Неужели ты думаешь, что я хочу сохранить память о себе — память о зле, гибели и разрушении? Память о человеке с больной кровью в жилах, о человеке, которого называли Убийцей Друзей, Женоубийцей и другими подобными прозвищами?

Дарнизхаан заговорил раздраженно и чуть ли не со страхом в голосе:

— Элрик, тебя обманули! Где-то на своем пути ты приобрел совесть. Ты должен присоединиться к нам. Мы сможем выжить, только если свою власть утвердят Владыки Хаоса. Если им это не удастся, мы будем забыты.

— Прекрасно!

— Лимб, Элрик. *Лимб!* Ты понимаешь, что это значит?

— Мне это все равно. Где моя жена?

Элрик не пускал в свои мысли истину, не пускал страшное значение слов Мертвого Бога. Он не мог позволить себе слушать и в полной мере отдавать себе отчет в смысле услышанного. Он должен был спасти Заринию.

— Я принес мечи,— сказал он,— и хочу, чтобы моя жена была мне возвращена.

— Отлично,— сказал Мертвый Бог, и его лицо расплылось в громадной улыбке облегчения.— По крайней мере, если мы

сохраним мечи в их изначальной форме за пределами Земли, то, возможно, нам удастся сохранить и контроль над миром. А в твоих руках эти мечи могут уничтожить не только нас, но и тебя, твой мир, все, что ты олицетворяешь. И тогда наступит век куда более мрачный, чем нынешний. Мы не хотим, чтобы это произошло. Но если бы ты оставил мечи у себя, такое развитие событий стало бы абсолютно неизбежным!

— Замолчи! — воскликнул Элрик.— Для бога ты слишком разговорчив. Возьми мечи и верни мне мою жену!

По приказу Мертвого Бога несколько его приспешников заторопились прочь. Элрик увидел, как их сверкающие тела исчезли в темноте. Он нетерпеливо ждал. Наконец они вернулись, неся сопротивляющуюся Заринию. Они поставили ее на землю, и Элрик увидел выражение безумного страха на ее лице.

— Зариния!

Молодая женщина обвела всех невидящими глазами, но наконец ее взгляд остановился на Элрике, и она двинулась в его сторону. Однако приспешники Мертвого Бога тут же с издевательским смехом схватили ее.

Дарнизхаан протянул две гигантские светящиеся руки.

— Сначала мечи.

Элрик и Дивим Слорм вложили мечи в его руки. Мертвый Бог выпрямился, крепко сжимая вожделенное оружие, и разразился удовлетворенным смехом. Отпущенная Зариния бросилась к мужу, схватила Элрика за руку. Она тряслась и рыдала. Элрик наклонился и погладил ее по голове, он был слишком потрясен и не мог произнести ни слова.

Потом он повернулся к Дивиму Слорму и прокричал:

— Посмотрим, кузен, сработает ли наш план!

Элрик вперился взглядом в Буревестник, пытающийся вырваться из руки Дарнизхаана.

— Буревестник! Керана солием о'глара...

Дивим Слорм тоже позвал Утешитель на древнем языке Мелнибонэ, тайном языке чародеев, использовавшемся при начертании рун и вызове демонов в Мелнибонэ двадцать тысяч лет назад.

Оба обращались к мечам так, как если бы держали их в руках. Выкрикнув свое повеление, они стали воплощать в жизнь задуманное. Таково было свойство мечей, когда они были союзниками в схватке,— подчиняться словесным приказам хозяев.

Мечи принялись яростно вырываться из сверкающих рук Дарнизхаана. Он сделал шаг назад, очертания его стали изменяться, он становился похож то на человека, то на зверя, а иногда на нечто вообще невообразимое и чуждое. Но было видно, что ужас охватил Мертвого Бога.

И вот мечи окончательно освободились из его хватки и обратились против него. Дарнизхаан отбивался от них, отражал их удары, а они носились вокруг него в воздухе, зловеще, торжествующе завывая, нападая на него со злобной энергией. По приказу Элрика Буревестник поражал сверхъестественное существо, и Утешитель Дивима Слорма следовал его примеру. Поскольку рунные мечи и сами были сверхъестественными, каждый их удар жестоко ранил Дарнизхаана.

— Элрик! — кричал он.— Элрик! Ты не понимаешь, что делаешь. Останови их! Останови! Или ты не слышал того, что я тебе говорил? Останови их!

Но Элрик, полный ненависти и злобы, продолжал отдавать приказы мечам, которые раз за разом вонзались в Мертвого Бога, отчего его очертания изменялись, становились все более неясными, теряли яркую окраску. Приспешники бога бросились врассыпную, видя, что их хозяин обречен. Убежден в этом был и сам их хозяин. Он попытался было атаковать двух всадников, но тут ткань его существа под напором мечей начала рваться. Казалось, части тела отлетают от него и плавают в воздухе, а потом их поглощает черная ночь.

Ярость продолжала клокотать в Элрике, к его голосу присоединялся голос Дивима Слорма, который с жестокой радостью видел, как гибнет это существо.

— Глупцы! — закричал бог.— Уничтожая меня, вы уничтожаете себя!

Но Элрик не слушал его. Наконец от Мертвого Бога не осталось ничего, и удовлетворенные мечи вернулись в руки своих хозяев.

Элрик, которого вдруг пробрала дрожь, спрятал Буревестник в ножны.

Он спрыгнул на землю и помог своей юной жене забраться на спину мощного жеребца, а затем снова запрыгнул в седло. В долине Ксаньяу воцарилась тишина.

Глава шестая

Трое людей, чуть не падая с лошадей от усталости, несколько дней спустя добрались до Нихрейнской пропасти. Они спустились по петляющей тропе в черные глубины горного города, где их встретил Сепирис. Выражение лица его было угрюмым, хотя то, что он говорил, воодушевляло.

— Значит, ты победил, Элрик,— сказал он, едва заметно улыбнувшись.

Элрик спрыгнул с коня, помог спешиться Заринии и лишь потом обратился к Сепирису.

— Я не до конца удовлетворен случившимся,— мрачным голосом сказал он,— хотя и сделал то, что требовалось, чтобы спасти мою жену. Я бы хотел поговорить с тобой наедине, Сепирис.

Черный нихрейнец сумрачно кивнул.

— Мы поедим, а потом поговорим наедине,— сказал он.

Они устало пошли по галереям, отмечая, что город несколько ожил по сравнению с тем, что они видели в прошлый раз. Но девяти братьев Сепириса они не увидели. Он объяснил их отсутствие на пути к его покоям:

— Они — слуги судьбы, и их вызвали в другое измерение, где они смогут увидеть несколько вариантов дальнейшего развития земной истории и сообщить мне, как я должен действовать в дальнейшем.

Они вошли в зал, где уже был накрыт стол. Когда они насытились, Дивим Слорм и Зариния оставили Элрика и их хозяина наедине.

В большой жаровне горел огонь. Элрик и Сепирис молча сели рядом, ссутулились на своих стульях.

Наконец без всяких вступительных слов Элрик рассказал Сепирису о том, что случилось, о словах Мертвого Бога, о том, что слова эти взволновали его, даже поразили тем, что соответствовали истине.

Когда Элрик закончил, Сепирис кивнул.

— Так оно и есть,— сказал он.— Дарнизхаан говорил тебе правду. По крайней мере, большую часть правды. Так, как он ее понимал.

— Ты хочешь сказать, что наше существование скоро прекратится? И все будет так, словно мы никогда и не дышали, не думали, не сражались?

— Вероятно.

— Но почему? Мне это кажется несправедливым.

— А кто тебе сказал, что мир справедлив?

Элрик улыбнулся, услышав подтверждение собственным мыслям.

— Да, как я и предполагал, справедливости не существует.

— Нет, она существует,— сказал Сепирис.— Это своеобразная справедливость, справедливость, которую нужно выделить из хаоса бытия. Человек родился не в справедливом мире. Но он может *создать* такой мир.

— Я бы согласился с этим,— сказал Элрик.— Но тогда для чего вся наша борьба, если мы обречены умереть, а вместе с нами исчезнут и последствия наших действий?

— Вот тут ты ошибаешься. Кое-что останется. Те, кто придет после нас, унаследуют от нас кое-что.

— И что же это такое?

— Землю, в основном свободную от сил Хаоса.

— Ты, видимо, хочешь сказать: мир, свободный от колдовства?

— Не совсем свободный от колдовства. Но Хаос и колдовство не будут властвовать в мире будущего, как они властвуют в нынешнем.

— Тогда за это стоит сражаться, Сепирис,— чуть ли не с облегчением сказал Элрик.— Но какую роль в этом играют рунные мечи?

— У них две функции. Первая — избавить этот мир от преобладающих в нем сил зла...

— Но ведь и сами мечи — это зло!

— Это так. Чтобы сражаться с сильным злом, нужно не менее сильное зло. Будущее настанет, когда силы добра смогут одолеть силы зла. Но пока еще силы добра слабы. Но мы и должны бороться за то, чтобы они смогли победить.

— А какова другая цель мечей?

— Это их главная цель и твоя судьба. Теперь я могу тебе об этом сказать. *Должен* сказать, иначе ты исполнишь предначертания судьбы, пребывая в неведении.

— Так говори же! — нетерпеливо сказал Элрик.

— *Их главная цель — уничтожить этот мир!*

Элрик вскочил на ноги.

— Нет! Я не могу в это поверить. Неужели я должен отяготить свою совесть таким преступлением?

— Это не преступление. Это в природе вещей. Эпоха Сияющей империи и даже Молодых королевств клонится к закату. Хаос создал эту землю и миллионы лет владычествовал на ней. Чтобы положить этому конец, и были созданы люди.

— Но мои предки поклонялись силам Хаоса. Мой демон-покровитель Ариох — Герцог Ада, он один из высших Владык Хаоса.

— Именно. Ты и твои предки не были людьми в истинном смысле этого слова, они были посредниками, созданными для определенной цели. Ты понимаешь Хаос так, как его не может понять ни один человек. Ты можешь подчинять себе силы Хаоса, что недоступно людям. И, будучи одним из воплощений Вечного Воителя, ты можешь ослабить силы Хаоса, потому что ты знаешь его свойства. Ты *уже* ослабил их. Твоя раса, хотя и поклонялась Владыкам Хаоса, первой привнесла элементы порядка в жизнь на Земле. Это от вас унаследовали народы Молодых королевств, которые укрепили порядок еще больше. Но Хаос пока еще очень силен. Рунные мечи Буревестник и Утешитель, а с ними и эта более упорядоченная эпоха, мудрость, накопленная твоим и моим народами,— все это создает основу для истинного начала человеческой истории. Эта история еще не начнется многие тысячи лет, человек может принять более примитивные формы, стать ближе к животно-

му, но потом снова начнет развиваться. И когда это случится, когда он снова станет человеком, в мире уже не будет сил Хаоса. Шансы его невелики. Мы все обречены, но *они* не нужны в новом мире.

— Значит, именно это и имел в виду Дарнизхаан, когда говорил, что мы — марионетки, играющие свои роли еще до начала настоящего представления...— Элрик тяжело вздохнул. Груз огромной ответственности давил на его душу. Он не радовался этой ответственности, но принимал ее.

Сепирис тихим голосом сказал:

— Таково твое назначение, Элрик из Мелнибонэ. До сего дня твоя жизнь была лишена какого-либо особого смысла. Все это время ты искал цель в жизни, правда?

— Да,— согласился Элрик с едва заметной улыбкой.— Много лет, с самого рождения, я испытывал беспокойство. Но с того момента, как похитили Заринию, я вообще не находил себе места.

— Иначе и быть не могло,— сказал Сепирис.— Потому что у твоей жизни есть цель, и это цель судьбы. Все свои смертные дни ты это и ощущал. Ты, последний в королевском роду Мелнибонэ, должен исполнить предначертание, и время для этого уже наступает. Над миром сгущается тьма, природа негодует и восстает против того насилия, в которое ввергают ее Владыки Хаоса. Бурлят океаны, раскачиваются кроны деревьев в лесах, горячая лава льется с тысяч горных вершин, рассерженно воют ветры, и небеса полны ужасного предчувствия. На лике Земли воины сошлись в схватке, которая решит судьбу мира. И схватка эта связана с куда более грозными конфликтами богов. Только на одном этом континенте миллионы женщин и детей приносятся в жертву на погребальных кострах. А скоро эта война распространится на соседний континент, а потом — на следующий. Скоро все люди Земли примут ту или иную сторону, и Хаос, вполне возможно, победит. Он непременно победил бы. И на его пути к победе есть только одно препятствие: ты и твой меч Буревестник.

— Буревестник... Он был причиной стольких моих душевных бурь. Может быть, на сей раз ему удастся утихомирить хотя бы одну. А что будет, если победит Закон?

— Если победит Закон, это будет означать закат и гибель нашего мира. Все мы будем забыты. Но если победит Хаос, то даже воздух будет насыщен роком, завоют в мучительной агонии ветра, и весь мятущийся гибнущий мир погрузится в ничтожество, колдовство и злобную ненависть. Но ты, Элрик, со своим мечом и с нашей помощью можешь воспрепятствовать этому. И ты должен это сделать.

— Да будет так,— едва слышно сказал Элрик.— И если поступить именно так необходимо, давай сделаем это хорошо.

— Скоро против Пан-Танга выступят новые армии. Эти армии — наша первая защита. После этого мы призовем тебя, чтобы ты выполнил предначертания своей судьбы до конца.

— Я охотно сыграю свою роль,— ответил Элрик.— Помимо всего прочего, мне не терпится отплатить теократу за его оскорбления и те неудобства, что он мне доставил. И хотя он, возможно, не участвовал в похищении Заринии, он помогал тем, кто это сделал,— а потому должен умереть медленной смертью.

— Тогда ступай, не медли, потому что каждый потерянный нами миг позволяет теократу укреплять свою новую империю.

— Прощай,— сказал Элрик, которому теперь хотелось как можно скорее покинуть Нихрейн и вернуться в знакомые земли.— Я знаю, мы еще встретимся, Сепирис. Я только молюсь о том, чтобы наша встреча произошла в более спокойные времена.

Теперь трое держали путь на восток, к побережью Таркеша, где они надеялись незаметно найти корабль, который через Бледное море доставил бы их в Илмиору, откуда по Плачущей пустоши они могли бы добраться до Карлаака. Они скакали на волшебных конях Нихрейна, не обращая внимания на опасности, скакали по разоренной войной земле, мимо руин, мимо несчастий, обрушившихся на землю, оказавшуюся под пятой теократа.

Элрик и Зариния постоянно переглядывались, но почти все время молчали, потому что оба они были осенены знанием

того, о чем не могли говорить, чего не отваживались признать. Она знала, что у них остается совсем немного времени, даже когда они вернутся в Карлаак, она видела, как он скорбит, и тоже предавалась скорби, не в силах понять перемены, произошедшие с мужем, но чувствуя, что меч, который висит у него на боку, больше никогда не вернется в оружейную палату. Ей казалось, что она подвела Элрика, хотя это было не так.

Они поднялись на вершину холма и увидели, что над долинами Тораунза, когда-то прекрасными, а теперь разоренными, стелется плотный черный дым. Дивим Слорм, ехавший сзади, крикнул кузену:

— Одно я хочу сказать: что бы ни случилось, мы должны отомстить теократу и его союзникам.

Элрик сжал губы.

— Да,— сказал он и посмотрел на Заринию, которая опустила глаза.

Западные земли от Таркеша до Миирна были разорены прислужниками Хаоса. Неужто и в самом деле наступило время решительной схватки за будущее между Хаосом и Законом? Силы Закона были малочисленны и разрозненны. Неужели возможно, что страшные Владыки Хаоса устроят свой кровавый пир на Земле?

Теперь в сражении между армиями решалась судьба одной части мира. Повсюду стоял стон кровавых битв.

С какими силами должен еще сразиться Элрик, прежде чем свершить предначертанное и уничтожить мир, в котором он жил? Что должно произойти еще, прежде чем затрубит рог судьбы и провозгласит наступление тьмы?

Он не сомневался, что наступит время и Сепирис скажет ему об этом. А пока ему нужно было свести земные счеты. Восточные земли необходимо подготовить к войне. За помощью нужно обратиться к морским владыкам Пурпурных городов, короли Юга должны предоставить свои армии для войны против Западного континента.

В каком-то смысле Элрик ждал всего этого.

И в то же время его душа противилась исполнению такой нелегкой судьбы, потому что это означало бы конец эпохи Молодых королевств, исчезновение из памяти эпохи Сияющей империи, которой десять тысяч лет правили его предки...

Наконец вдали показалось море, катившее свои беспокойные волны к горизонту, где они встречались с мрачным небом. Элрик услышал крики чаек, ощутил на языке привкус соленого воздуха.

С громким криком хлестнул он по крупу своего жеребца и помчался к морю...

Часть вторая

БРАТЬЯ ЧЕРНОГО МЕЧА

В которой миллионы клинков решают спор между Элриком и Владыками Хаоса...

Глава первая

Вскоре в мирном илмиорском городе Карлааке, что близ Плачущей пустоши, собрались короли, полководцы и воинственные морские владыки.

Они сошлись не на праздник, не для того, чтобы показать себя. Они были мрачны и спешили ответить на зов Элрика, который теперь снова жил в Карлааке со своей недавно спасенной женой Заринией. Они собрались в большом зале, в котором когда-то правители Карлаака строили свои военные планы. Для этой же цели использовал его сейчас Элрик.

Освещенная горящими факелами, на стене за возвышением, на котором стоял Элрик, висела огромная цветная карта мира. На ней были изображены три главных континента — Восточный, Южный и Западный. Западный континент, на котором находились Джаркор, Дхариджор, Шазаар, Таркеш, Миирн и остров Пан-Танг, был заштрихован черным: эти земли были покорены соединенными пантангскими и дхариджорскими армиями, которые угрожали теперь и безопасности собравшихся.

Некоторые из тех, что стояли теперь в доспехах перед Элриком, вынуждены были бежать из своих земель, но такие были все же в меньшинстве. Немногочисленны были и имррирцы, потерпевшие поражение в битве при Секвалорисе вместе с той армией, которая пыталась сопротивляться объединенной мощи врага. Возглавлял таинственных имррирцев Дивим Слорм, кузен Элрика. На поясе у него в надежных ножнах покоился Утешитель, близнец Элрикова меча.

Был здесь и Монтан, властелин Лормира. Он стоял рядом с правителями южных земель — Джернедом из Филкхара, Хозелом из Аргимилиара и Колтаком из Пикарайда. Все они были одеты в крашеные доспехи, бархат, шелк и шерсть.

Не столь пестры были одеяния морских владык из Пурпурных городов. Эти носили шлемы и нагрудники из чистой бронзы, куртки, штаны и сапоги из простой кожи, а на бедрах у них висели огромные широкие мечи. Их лица трудно было разглядеть за гривами густых волос и курчавыми бородами.

Все они, короли и морские владыки, были склонны относиться к Элрику с подозрением, поскольку много лет назад он повел их предшественников на Имррир, что и освободило троны для многих из тех, кто сидел на них сейчас.

В другой группе стояли вельможи той части Восточного континента, что лежала к западу от Вздыхающей пустыни и Плачущей пустоши. За этим бесплодными землями располагались королевства Эшмир, Чангшай и Окара, но контакта между ними и той частью мира, где жил Элрик, почти не было, если не принимать во внимание невысокого рыжеволосого человека, который сейчас стоял рядом с Элриком,— Мунглама из Элвера, искателя приключений.

Последнюю группу, которая состояла из сенаторов городов-государств Илмиоры, возглавлял регент Вилмира, дядя десятимесячного короля. Здесь же был одетый в красное лучник Ракхир из Танелорна и богатые купцы из городов, находившихся под протекторатом Вилмира.

Это было собрание людей, которые в совокупности располагали огромными силами. Но Элрик спрашивал себя, будет ли даже таких колоссальных сил достаточно, чтобы отразить угрозу с запада.

Его белое лицо было суровым, а красные глаза беспокойно смотрели на людей, к которым он обращался и которые по его просьбе прибыли сюда.

— Вам, должно быть, известно, господа, что Пан-Танг и Дхариджор не ограничат свои аппетиты Западным континентом. После их победы не прошло и двух месяцев, а они уже собрали огромный флот и намереваются раздавить тех королей, которые живут морем.

Он бросил взгляд на морских владык Пурпурных городов и королей Южного континента.

— Они, видимо, не рассматривают нас, живущих на Востоке, как существенную угрозу для их планов, и если мы не объединимся теперь, то их шансы на успех будут весьма велики — сначала они покорят южные морские державы, а потом примутся за разрозненные города Востока. Мы должны заключить союз, чтобы противостоять им.

— Откуда тебе известно, что их планы именно таковы, Элрик?

Это прозвучал голос Хозела из Аргимилиара — человека с надменным лицом, склонного, как говорилось, к приступам безумия. Он был отпрыском рода, пережившего десяток кровосмесительных браков.

— От шпионов, беженцев и от сверхъестественных сил. Все они говорят одно.

— Даже и без них ясно, что именно к этому и сводится их план,— проворчал Карган Остроглазый, говоривший от имени морских владык. Он посмотрел в глаза Хозелу, и во взгляде его было что-то сродни презрению.— А Джагрин Лерн из Пан-Танга тоже может искать себе союзников среди южан. Есть такие, кто предпочтет сдаться завоевателю, лишь бы не расстаться со спокойной жизнью и легко доставшимися сокровищами.

Хозел холодно улыбнулся, глядя на Каргана.

— А есть и такие, которые из-за своих глупых подозрений будут до конца отсиживаться в тени. А когда они все же захотят выступить против теократа, будет уже поздно.

Элрик, знавший о старой неприязни между суровыми морскими владыками и их более изнеженными соседями, поспешил вмешаться:

— Хуже всего, если им будет помогать внутренняя вражда в наших рядах, братья. Хозел, прими на веру: я говорю правду, и моя информация абсолютно верна.

Монтан, седоволосый властелин Лормира высокомерно заявил:

— Вы, жители Севера и Востока, слишком слабы. А мы, южане,— сильны. Для чего нам посылать наши корабли на защиту ваших берегов? Я не согласен с твоей логикой, Элрик. Ты уже не в первый раз пытаешься привести порядочных людей к гибели.

— Мне показалось, мы решили забыть прошлое,— сказал Элрик, подавляя в себе гнев, потому что все еще испытывал чувство вины за совершенное.

— Верно,— сказал Карган.— Тот, кто не умеет забывать прошлое, не умеет планировать будущее. Меня устраивает логика Элрика.

— Вы, торговцы, никогда особо не дорожили своими кораблями, а стоит вам услышать чьи-нибудь гладкие речи, так вы сразу же становитесь слишком доверчивыми. Вот почему теперь вы завидуете нашим богатствам.— Молодой Джернед из Филкхара улыбнулся в свою тонкую бороду и вперил глаза в пол.

Карган вспылил.

— «Слишком честные», вот что ты должен был сказать о нас, южанин! Наши предки поздно поняли, что жирные южане водят их за нос. Наши предки разбойничали у ваших берегов, ты помнишь? Может быть, нам стоило бы продолжить их практику. Но мы вместо этого осели, стали торговать... а ваши животы жирели на доходах, зарабатываемых нашим потом. Боги! Я не верю ни единому слову южанина!

Элрик попытался остановить эту свару, но его опередил Хозел, который нетерпеливо сказал:

— Факты таковы: скорее всего, теократ нанесет свой первый удар по Востоку. И вот по каким причинам: Восток слаб и плохо защищен. Восток ближе к его берегам, а потому достижимее. С какой стати он будет рисковать своими недавно собранными воедино силами и воевать с сильным Югом или

переправляться через море, в котором его будут подстерегать всевозможные опасности?

— А с такой стати,— ровно сказал Элрик,— что его кораблям будут помогать колдовские силы, и расстояние его не пугает. С такой стати, что Юг богаче, и там он сможет найти металлы, припасы...

— Корабли и людей! — выкрикнул Карган.

— Вот как! Значит, ты считаешь, что мы заранее планируем предательство! — Хозел сначала кинул взгляд на Элрика, а потом на Каргана.— Тогда зачем вообще было звать нас сюда?

— Я этого не говорил,— поспешно сказал Элрик.— Карган высказывал свои мысли, а не мои. Успокойтесь. Мы *должны* объединиться, иначе мы погибнем — не сможем противостоять превосходящим силам и сверхъестественной мощи!

— Нет и нет! — Хозел повернулся к другим монархам Юга.— Что скажете вы, мои соседи? Дадим мы им наши корабли и воинов, чтобы защищать их и наши берега?

— Пока нас так незаслуженно третируют — ни за что,— пробормотал Джернед.— Пусть Джагрин Лерн потратит на них свои силы. А когда он обратит свои взгляды на Юг, то будет уже ослаблен, а мы подготовимся к встрече с ним.

— Вы глупцы! — воскликнул Элрик.— Объединитесь с нами, иначе мы все погибнем. За теократом стоят силы Хаоса. Если ему удастся удовлетворить свои амбиции, это будет не просто завоевание одной страны другой, это будет означать, что на земле и над ней воцарится ужас и полная анархия. Под угрозой окажется само существование человечества.

Хозел посмотрел на Элрика и улыбнулся.

— Тогда пусть человеческая раса защищает себя, а не сражается под руководством полководца, который не принадлежит к ней. Хорошо известно, что мелнибонийцы вовсе не люди.

— Пусть так.— Элрик опустил голову и поднял тонкую белую руку, указуя на Хозела. Короля затрясло, и только усилием воли он остался стоять на месте.— Но я знаю и кое-что другое, Хозел из Аргимилиара. Я знаю, что люди Молодых королевств — это только первые пробы богов, модели, предшествующие настоящей расе людей. Точно так же и мы предшествовали вам. И я знаю кое-что еще. Я знаю, что если мы не уничтожим Джагрина Лерна и его потусторонних союзников, то все люди будут сметены с лика разбушевавшейся планеты, а их судьба останется нереализованной.

Хозел сглотнул слюну и заговорил. Голос его дрожал.

— Я видел твоих болтунов-соплеменников на рыночных площадях, Элрик. Тех, кто предсказывает самые разные роковые события, которые никогда не случаются, типы с сумасшедшими глазами, похожие на тебя. Но мы не пускаем их в Аргимилиар. Мы поджариваем их на медленном огне, дюйм за дюймом, и тогда они признают, что все их предзнаменования — просто выдумки. Не исключено, что нам еще представится такая возможность.

Он развернулся и поспешно покинул зал. Несколько мгновений другие монархи Юга стояли, нерешительно поглядывая ему вслед.

— Не следуйте его примеру, господа,— взволнованно сказал Элрик.— Клянусь жизнью, что мои слова истинны!

Джернед тихо, наполовину для себя, сказал:

— Эти слова могут немногого стоить. Ходят слухи, что ты бессмертен.

Мунглам подошел поближе к другу и прошептал:

— Их невозможно убедить, Элрик. Я уверен, они никогда не пойдут с нами.

Элрик кивнул. А южным вельможам он сказал:

— Хотя вы глупейшим образом отвергаете мое предложение союза, настанет день, когда вы пожалеете о вашем решении. Меня оскорбили в моем собственном дворце, оскорбили моих друзей, и я проклинаю вас, ничтожные глупцы! Но когда придет время и вы поймете ошибочность вашего решения, я клянусь — если это будет в наших силах, мы придем вам на помощь. А теперь прочь!

Южане в смущении покинули зал.

Элрик повернулся к Каргану Остроглазому:

— Что решил ты, морской владыка?

— Мы присоединяемся к тебе,— просто сказал Карган.— Мой брат Смиорган Лысый всегда хорошо отзывался о тебе, и

я помню его слова, а не слухи, которыми обросла история его гибели, когда он сражался под твоим началом. Больше того,— он широко улыбнулся,— мы по старой традиции верим, что все решения южан ошибочны. Пурпурные города — твой союзник, а наши корабли, хотя их число меньше, чем в объединенном флоте южан, обладают прекрасными мореходными и боевыми свойствами, и они хорошо подготовлены к войне.

— Должен тебя предупредить, что наши шансы без помощи южан невелики,— мрачно сказал Элрик.

— А я так думаю, что южане были бы просто гирями у нас на ногах со всей их хитростью и вздорностью,— ответил Карган.— И потом, разве ты своим колдовством не сможешь способствовать нашей победе?

— Я попытаюсь сделать кое-что завтра,— сказал ему Элрик.— Мы с Мунгламом оставим здесь моего кузена Дивима Слорма, а сами отправимся на Чародейский остров, лежащий за Мелнибонэ. Там у отшельников, практикующих белую магию, я, возможно, найду способ связаться с Владыками Закона. Как вам известно, я присягал Хаосу, хотя и сражаюсь с ним. И с каждым днем я все больше убеждаюсь, что мой демон-покровитель вовсе не склонен мне теперь помогать. Сегодня Белые Владыки слабы, забиты, как и мы на Земле,— и мы, и они отступаем под напором Тьмы. Связаться с ними нелегко. Но я надеюсь, что отшельники мне помогут.

Карган кивнул.

— Должен сказать, что для нас в Пурпурных городах будет облегчением узнать, что мы не так уж сильно были связаны с темными духами.

Элрик нахмурился.

— Я конечно же согласен с тобой. Но наше положение так уязвимо, что мы должны принимать *любую* помощь — черную или белую. Я полагаю, что Владыки Хаоса до сих пор не определились, как далеко следует идти в том, что они сейчас делают. Вот почему я до сих пор получаю некоторую помощь от Хаоса. Меч, который вы видите у меня на боку, и меч-близнец у Дивима Слорма — творения зла. Но они были выкованы существами Хаоса для того, чтобы положить конец властованию их Владык — по крайней мере, здесь, на Земле. Мои кровные связи двойственны, точно так же и эти мечи: они не принадлежат ни одному миру целиком. У нас нет сверхъестественных союзников, на которых мы могли бы положиться полностью.

— Я сочувствую тебе,— мрачно сказал Карган, и по его виду было ясно, что говорит он искренно. Ни один человек не стал бы завидовать положению Элрика или его судьбе.

Оргон, двоюродный брат Каргана, сказал:

— Пожалуй, нам пора спать. Скажи, ты полностью доверяешь своему родственнику?

Элрик посмотрел на Дивима Слорма и улыбнулся.

— Абсолютно... Он обо всем этом знает столько же, сколько и я. Пока меня нет, он будет выступать от моего имени — ему в общих чертах известен мой план.

— Хорошо. Завтра мы обсудим ситуацию с ним, если с тобой больше не увидимся. Ты уж постарайся за всех нас на Чародейском острове.

Морские владыки ушли.

И тогда впервые за все это время заговорил регент Вилмира. Голос его был чист и спокоен.

— Мы тоже уверены в тебе и твоем родиче, Элрик. Нам известно, что вы отличные воины и превосходные стратеги. Мы в Вилмире знаем это по вашим делам в Бакшаане и на других наших землях. А потому мы... я считаю, что нужно забыть старое.— Он повернулся к купцам, ища их одобрения — те согласно закивали.

— Хорошо,— сказал Элрик. Потом он обратился к своему другу, сухопарому лучнику Ракхиру, личности не менее легендарной, чем сам Элрик.

— Ты пришел сюда как представитель Танелорна, Ракхир. Не в первый раз нам придется сражаться с Владыками Хаоса.

— Верно,— кивнул Ракхир.— Мы недавно отразили угрозу с помощью Серых Владык, но потом Хаос закрыл для смертных врата, ведущие к ним. Мы можем предложить вам только преданность наших воинов.

— Мы будем благодарны за это.— Элрик мерил шагами возвышение. Спрашивать мнения сенаторов Карлаака и дру-

гих городов Илмиоры не было нужды, потому что они еще прежде, задолго до прихода других правителей, согласились поддерживать его при любых обстоятельствах.

То же самое можно было сказать и о группе, представлявшей беженцев с запада во главе с Вири-Секом, которые слушали Элрика с суровыми выражениями лиц, и о крылатом юноше с Миирна, последнем в королевском роду — остальных убили подданные Джагрина Лерна.

Под стенами Карлаака были разбиты тысячи шатров, над которыми развивались флаги самых разных народов, лениво полоскавшиеся на теплом, влажном ветру. Элрик знал, что высокомерные властелины Юга сейчас спускают свои штандарты и снимают шатры, не глядя на закаленных в сражениях воинов Шазаара, Джаркора и Таркеша, удивленно взирающих на них. Один вид этих ветеранов должен был склонить южных вельмож на сторону Востока, однако этого не случилось.

Элрик вздохнул и, повернувшись спиной к остальным собравшимся, уставился на штриховку, покрывавшую огромную карту мира.

— Уже больше четверти покрыто черным,— тихо сказал он Мунгламу.— Темные волны катятся все дальше и все быстрее и грозят в скором времени поглотить нас.

— Мы поставим дамбу на пути этого потока, когда он дойдет до нас... по крайней мере, попытаемся,— сказал Мунглам с напускной беспечностью.— Скоро нам в путь, так что проведи оставшееся время с женой. Давай ляжем спать и будем надеяться, что нас посетят легкие сны.

Глава вторая

Два дня спустя они стояли на пристани города Джадмара, обдуваемые холодным ветром с моря.

— Вот она,— сказал Элрик, указывая на маленькую лодку, которая раскачивалась на волнах внизу.

— Маловато суденышко,— с сомнением в голосе сказал Мунглам.— Не похоже, чтобы на нем можно было путешествовать по морю.

— Сильный шторм она выдержит лучше крупного судна.— Элрик начал спускаться по металлической лестнице.— К тому же,— добавил он, когда и Мунглам осторожно поставил ногу на ступеньку,— она не так заметна и не привлечет внимания вражеских судов, которые могут курсировать в этих водах.

Элрик спрыгнул в лодку, и та опасно накренилась. Элрик ухватился за одну из металлических ступенек и выровнял лодку, после чего в нее спустился Мунглам.

Самоуверенный маленький друг Элрика провел рукой по своим рыжим волосам и уставился на хмурое небо.

— Плохая погода для этого времени года,— отметил он.— Странно. На пути из Карлаака какой только погоды не было — сумасшедшие метели, громы, ураганы, ветра, горячие, как печка. И слухи такие тревожные — реки крови в Бакшаане, огненные шары падают на западе Вилмира, небывалые землетрясения в Джадмаре за несколько часов до нашего прибытия. Похоже, природа свихнулась.

— То, что ты говоришь, недалеко от истины,— мрачно заметил Элрик, отвязывая швартов.— Поднимай-ка парус и ставь его по ветру.

— Что ты хочешь сказать? — Мунглам начал развязывать парус. Ветер дул ему в лицо, и голос его звучал приглушенно.— Ведь орды Джагрина Лерна еще не добрались до этой части света.

— Им это было и не нужно. Я тебе говорил, что силы природы выведены из равновесия Хаосом. Мы ощутили только отголоски того, что происходит на западе. Если ты считаешь, что погода здесь необычна, то что говорить о тех частях света, которые находятся под полной властью Хаоса!

— Я думаю, а не слишком ли основательно ты во всем этом увяз? — Мунглам поставил парус, который тут же наполнился ветром, и лодка понеслась между двух длинных волноломов в открытое море.

Когда они миновали бакены, раскачивающиеся на холодных волнах, Элрик крепче вцепился в руль, взяв курс на юго-восток мимо Вилмирского полуострова. Звезды время от времени пропадали в клочьях облаков, гонимых холодными, неестественно сильными порывами ветра. Брызги обдавали его

лицо, но он не замечал этого. Он не ответил Мунгламу, потому что его тоже одолевали сомнения.

Мунглам научился распознавать настроения друга. Несколько лет они вместе путешествовали по миру и научились уважать друг друга. В последние годы, когда Элрик обосновался в Карлааке, Мунглам продолжал свои странствия, и под его началом была небольшая армия наемников, которая охраняла южные границы Пикарайда от варваров, пытавшихся вторгнуться в эту страну из глубины континента. Он сразу же отказался от командования, когда получил известие от Элрика, и теперь, когда крохотное суденышко несло их к неизвестности и опасностям, вкушал знакомую смесь ощущений — волнение и тревогу, как это было уже не раз в прошлом, когда их действия приводили к конфликту со сверхъестественными силами, так тесно связанными с судьбой Элрика. Мунглам принял как данность, что его судьба переплетена с судьбой Элрика, и в глубине души чувствовал: придет время — и они вместе погибнут в каком-нибудь вселенском конфликте.

«Неужели эта гибель неизбежна?» — спрашивал он себя, управляя парусом и дрожа на холодном ветру.

Видимо, время еще не пришло, но Мунглам обреченно чувствовал, что оно уже не за горами. Настало темное время — время отчаяния и великих подвигов. Но смогут ли они преградить путь Хаосу?

Элрик ни о чем не думал, он гнал от себя всякие мысли и по возможности пытался расслабиться. Его поиски помощи Белых Владык вполне могли закончиться безрезультатно, но он предпочитал не думать об этом, пока не будет ясно наверняка, можно ли заручиться их поддержкой.

На горизонте забрезжил рассвет, обнаживший бескрайнее однообразие воды. Никаких признаков земли они не увидели. Ветер стих, и воздух стал теплее. Гряды пурпурных облаков с темно-оранжевыми и алыми прожилками заполняли небеса, словно дым какого-то чудовищного погребального костра. Скоро им стало жарко под лучами переменчивого солнца. Ветер совсем упал, парус безжизненно повис, но море начало дыбиться, словно в шторм.

Море двигалось, как живое существо, ворвавшееся в ночной кошмар. Мунглам со своего места на носу бросил взгляд на Элрика. Элрик встретил его взгляд, покачал головой и отпустил руль. Пытаться управлять лодкой в такой ситуации было бессмысленно. Лодку кидали огромные волны, но вода в нее не попадала, и Элрик с Мунгламом оставались абсолютно сухими. Все стало словно нереальным, и временами Элрику казалось, что если бы даже он хотел заговорить, то не смог бы этого сделать.

Затем они услышали доносившийся поначалу откуда-то издалека низкий гул, перерастающий в резкий вой, и внезапно лодку подбросило над волнами, а потом она упала. Над ними синяя и серебряная вода на мгновение словно превратилась в металлическую стену, а потом с грохотом обрушилась на них.

Настроение Элрика мгновенно переменилось. Он вцепился в руль и закричал:

— Держись за лодку, Мунглам! Держись крепче, иначе конец!

Тепловатая вода с ревом падала на них, а они вжимались в лодку, словно придавленные гигантской рукой. Лодка погружалась все ниже и ниже, и им уже казалось, что сейчас они достигнут дна, где будут раздавлены одним сокрушающим ударом. Потом их подняло опять и опять швырнуло вниз, и Элрик, скользнув взглядом по кипящей поверхности, увидел три растущие горы, извергающие из себя пламя и лаву. Лодка раскачивалась на волнах, до половины наполненная водой, а Элрик и Мунглам, ни на мгновение не останавливаясь, вычерпывали воду. Лодка металась по воле стихий, неуклонно приближаясь к только что образовавшимся вулканам.

Элрик выпустил черпак и вцепился в руль, налегая на него всем весом и пытаясь отвернуть лодку от огненной горы. Лодка реагировала неохотно, но в конце концов пошла в обратном направлении.

Элрик увидел Мунглама — тот с бледным лицом пытался отряхнуть промокший парус. Он посмотрел вверх, рассчитывая хоть как-то сориентироваться, но солнце словно разломилось на части, и он увидел только миллион огненных осколков.

— Это дело рук Хаоса, Мунглам! — прокричал он.— И это еще только цветочки.

— Им, вероятно, известен наш план, и они пытаются нас остановить.— Мунглам отер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Возможно. Но я так не думаю.— Он снова посмотрел в небеса, и теперь солнце показалось ему почти нормальным. Он сориентировался и понял, что они на много миль отклонились от исходного курса.

Он намеревался обогнуть Мелнибонэ, Драконий остров, и обойти море Драконов, лежащее к северу, поскольку знал, что в тех местах обитают последние оставшиеся в живых огромные морские чудовища. Но теперь ему было очевидно, что они находятся к северу от Мелнибонэ и их несет все дальше и дальше на север — к Пан-Тангу.

Оставалась еще возможность высадиться на самом Мелнибонэ, ближайшей, кроме Пан-Танга, суше. Но Элрик не знал, уцелел ли Драконий остров после всех этих жутких потрясений.

Океан теперь успокоился, но вода чуть ли не достигала точки кипения, а потому каждая капля, попадавшая на кожу, обжигала. На поверхности воды образовывались пузыри, и им казалось, будто они плывут в гигантском котле, в котором ведьма готовит свое варево. Волны несли мертвых существ — рыб и похожих на рептилий зверей. Их было так много, что лодка едва не застревала в них. И тут поднялся сильный ветер. Он дул ровно, и Мунглам облегченно улыбнулся, увидев наполнившиеся паруса.

Медленно продвигались они по этим наполненным смертью водам на юго-запад, к Чародейскому острову, а над океаном поднималось облако пара, ухудшающее видимость.

Несколько часов спустя лодка покинула горячие воды и пошла по спокойным волнам под ясным небом. Здесь они позволили себе вздремнуть. До берегов Чародейского острова оставался еще день пути, а сейчас их сморила усталость от всего пережитого, и они никак не могли поверить, что вышли живыми из этой переделки.

Элрик дернулся, его глаза открылись. Он был уверен, что проспал совсем недолго, но небо уже успело потемнеть, и теперь моросил дождь. Капли падали ему на голову и лицо и растекались липкой грязью. Влага попала в рот. Он с отвращением выплюнул горьковатую жидкость.

— Мунглам,— позвал Элрик в темноте.— Ты не знаешь, который час?

Он услышал сонный голос друга:

— Не знаю. Но готов поклясться, что ночь еще не наступила.

Элрик осторожно пошевелил рулем, но лодка никак не реагировала. Он посмотрел за борт, и ему показалось, что они плывут по самим небесам. Вокруг корпуса лодки клубился тусклый светящийся газ. Воды Элрик не увидел.

Его передернуло. Неужели они вышли за пределы Земли? Неужели они плывут по какому-то запредельному, наводящему ужас морю?

Он выругал себя за то, что уснул. Его обуяло чувство беспомощности — еще большей, чем во время шторма. Тяжелый, вязкий дождь больно хлестал их по лицам, и он накинул на свои белые волосы капюшон. Он вытащил из поясной сумки кремень и трут, и высеченная маленькая вспышка осветила полубезумные глаза Мунглама. Его маленького друга охватил страх. Элрик никогда не видел такого страха на лице Мунглама и знал, что, дай он себе волю, на его лице тоже появится такое выражение.

— Наше время истекло, Элрик,— с дрожью в голосе сказал Мунглам.— Я думаю, мы уже мертвы.

— Не говори ерунды, Мунглам. Что-то я не слышал о такой загробной жизни.— Однако Элрик не мог прогнать от себя мысль, что Мунглам прав.

Их лодка словно летела по этому газообразному морю, будто какие-то нездешние силы влекли ее к неизвестному месту назначения. Но в то же время Элрик чувствовал, что Владыки Хаоса не знают о его лодке.

Маленькое суденышко двигалось все скорее и скорее, и наконец они с облегчением услышали знакомый звук — вода за-

плескалась у них под килем, и лодка снова поплыла по соленому морю. Какое-то время еще продолжался тяжелый дождь, но вскоре прошел и он.

Мунглам вздохнул — чернота постепенно уступала место свету, и наконец они опять увидели обычный океан вокруг.

— Что это было? — спросил наконец Мунглам.

— Еще одно проявление нарушений в природе,— сказал Элрик, заставляя себя говорить спокойным голосом.— Какой-нибудь излом в барьере между царством людей и миром Хаоса. Нам повезло, что мы остались живы. Мы опять сбились с курса, и, кажется,— он указал на горизонт,— собирается обычный естественный шторм.

— Я ничуть не возражаю против естественного шторма, каким бы опасным он ни был,— пробормотал Мунглам и начал быстро готовиться. Под свист усиливающегося ветра он убрал парус. Волны все сильнее раскачивали лодку.

Элрик был даже рад разразившемуся шторму. По крайней мере, он подчинялся естественным законам, а значит, с ним можно было бороться естественными средствами. Кроме того, он уже сталкивался с такими штормами в прошлом.

Дождь освежил их лица, ветер играл их волосами, и они боролись со штормом с яростной радостью, их отчаянная лодчонка перепрыгивала с волны на волну.

Но несмотря на все их старания, их все дальше и дальше сносило на северо-восток, к завоеванному побережью Шазаара, в направлении, почти противоположном их цели.

Этот шторм бушевал с такой силой, что они забыли о судьбе, об опасностях, которыми грозил Хаос. Мышцы у них болели от напряжения, дух у них перехватывало, когда ледяная вода окатывала их с головы до ног.

Лодку бросало из стороны в сторону и раскачивало, руки у Мунглама и Элрика были в крови, расцарапаны деревом и тросами, но словно сама судьба назначила им выжить, а может, она предусмотрела для них не такую чистую смерть, потому что они продолжали двигаться по бушующим водам.

И тут Элрик увидел торчащие из воды скалы, узнал их и в испуге закричал Мунгламу:

— Зубы Змеи!

Зубы Змеи находились неподалеку от Шазаара и представляли собой одну из самых страшных опасностей для торговых судов Запада. Элрик и Мунглам видели их прежде — издалека,— но теперь шторм нес их суденышко прямо на эти скалы, и, хотя они пытались увести лодку в сторону, гибель на Зубах Змеи казалась теперь неизбежной.

В днище лодки били волны, поднимали ее, а потом бросали вниз. Элрик держался за борт. Ему показалось, что он услышал крик Мунглама, перекрывший вой ветра, перед тем как их швырнуло на скалы:

— *Прощай!*

А потом раздался ужасающий треск дерева, ему показалось, что его тело пронзило расколовшейся доской, и он оказался под водой, отчаянно заработал руками, чтобы вынырнуть на поверхность и набрать в легкие воздуха, а потом на него налетела другая волна и ударила о скалы.

Огромный меч на поясе тянул его вниз, а он отчаянно пытался плыть в сторону неясных очертаний шазаарских утесов, понимая, что, даже если ему удастся выплыть, он окажется на вражеской земле, и шансы добраться до Белых Владык теперь практически сведены к нулю.

Глава третья

Элрик в полном изнеможении лежал на холодной гальке, слушая мелодию волн, набегающих на каменистый берег.

К этому звуку присоединился какой-то другой, и он узнал скрип сапог. Кто-то приближался. В Шазааре это, скорее всего, был враг. Он перекатился через спину и принялся вставать, тратя на это последние силы. Его правая рука наполовину извлекла Буревестник из ножен, но тут он понял, что над ним, ухмыляясь, стоит Мунглам.

— Слава богам, ты жив! — Мунглам сел на гальку. Он смотрел на ставшее спокойным море и высящиеся вдалеке Зубы Змеи.

— Кажется, мы живы,— сказал Элрик, чуть привстав.— Но сколько это продлится здесь, на завоеванной земле, можно только гадать. Может быть, нам удастся найти корабль, но для этого придется заглянуть в какой-нибудь город, а мы с тобой пара заметная, нас быстро узнают.

Мунглам покачал головой и весело рассмеялся.

— Ты, как и всегда, настроен пессимистически, мой друг. А я тебе хочу сказать: будь просто благодарен за то, что остался жив.

— Малые благодеяния в таком конфликте абсолютно бессмысленны,— сказал Элрик.— Отдохни, Мунглам, а я постерегу. Потом поменяемся. Когда мы пустились в это путешествие, времени у нас и так не было, а тут мы потеряли еще столько дней.

Мунглам не стал спорить и сразу же уснул, а когда проснулся, почувствовал себя отдохнувшим, хотя все тело у него болело. Элрик проспал до полудня.

В путь они пустились ночью. Скоро тощая прибрежная травка сменилась влажной черной землей. Впечатление было такое, словно на этой земле происходило побоище, а за ним случилась гроза, после которой осталось затопленное пепелище. Вспомнив прежние травянистые долины этой части Шазаара, Элрик пришел в ужас. Он не мог понять — люди или создания Хаоса привели к этому опустошению.

Приближался полдень. На ярком небе появились какие-то странные блики. Элрик и его друг увидели длинную колонну людей, приближающуюся к ним. Они притаились за небольшим холмиком и, осторожно выглядывая из-за него, смотрели на приближающихся людей. Это были не вражеские солдаты, а изможденные женщины и голодные дети, мужчины в тряпье и несколько потрепанных всадников, явно являющие собой остатки какого-то разбитого партизанского отряда, сражавшегося против Пан-Танга.

— Я думаю, мы здесь сможем найти друзей,— с облегчением пробормотал Элрик.— И, возможно, информацию, которая поможет нам.

Они поднялись и подошли к этой жалкой толпе. Всадники быстро сгруппировались вокруг гражданских и обнажили оружие, но прежде, чем началось столкновение, кто-то из их рядов прокричал:

— Элрик из Мелнибонэ! Элрик, ты вернулся с новостями о спасении?

Элрику этот голос был незнаком, но альбинос знал, что его белое лицо и сверкающие красные глаза стали легендой.

— Я сам ищу спасения, друзья,— сказал он с напускной веселостью.— Мы потерпели крушение у вашего побережья на пути туда, где мы рассчитывали найти помощь в борьбе против Джагрина Лерна, в защите западных земель. Но если мы не найдем другого корабля, наши шансы равны нулю.

— И куда же ты направляешься? — спросил невидимый голос.

— Мы плыли на Чародейский остров на юго-западе, где рассчитывали, если удастся, заручиться помощью Белых Владык,— ответил Мунглам.

— Тогда вы шли не в том направлении!

Элрик выпрямился в седле и стал вглядываться в толпу.

— Кто это сказал?

В толпе возникло движение, и из нее вышел согбенный человек средних лет, опирающийся на посох. Длинные завивающиеся усы украшали его белокожее лицо. Всадники расступились, чтобы Элрик мог получше разглядеть этого человека.

— Меня зовут Охада Провидец, когда-то я прославился в Диопедре тем, что умел предсказывать события. Но Диопедру уничтожили во время нападения на Шазаар. Мне повезло — я смог бежать с этими людьми. Все они из Диопедры, одного из последних городов, павших перед колдовским коварством Пан-Танга. У меня для тебя, Элрик, послание огромной важности. Оно предназначено только для твоих ушей. Мне передал его некто, кого ты знаешь, тот, кто может помочь тебе, а через тебя и нам.

— Ты разбудил во мне любопытство и подал нам надежду,— Элрик сделал ему знак рукой.— Подойди, ясновидец, и сообщи мне твое послание. Будем верить, что ожидания не обманут нас и твои слова окажутся правдивыми.

Когда ясновидец приблизился, Мунглам отступил назад. Он и все остальные с любопытством наблюдали, как Охада что-то шепчет на ухо Элрику.

Элрику пришлось напрягаться, чтобы разобрать слова.

— У меня к тебе послание от существа по имени Сепирис. Он говорит, он сделал то, что не удалось тебе, но осталось еще кое-что, и это можешь сделать только ты. Он говорит, что тебе нужно прийти в высеченный в скалах город, и там он просветит тебя относительно дальнейшего.

— Сепирис! Как он тебя нашел?

— Я ясновидящий. Он пришел ко мне во сне.

— А что, если эти слова — обман, призванный заманить меня в ловушку и предать в руки Джагрина Лерна?

— Сепирис добавил кое-что для меня. Он сказал, что мы должны встретиться на этом самом месте. Мог Джагрин Лерн знать об этом?

— *Вряд ли. Но, следуя той же логике, я могу спросить: а* мог ли кто другой знать об этом?

Но потом Элрик вспомнил, что Сепирис и его братья были слугами судьбы и уже помогали ему. А судьба уже сыграла во всем этом немаловажную роль. Он кивнул.

— Спасибо, ясновидец.

Потом он крикнул всадникам:

— Нам нужна пара коней. Лучших из тех, что есть у вас.

— Наши кони нужны нам самим,— проворчал рыцарь в помятых доспехах.— Это все, что у нас есть.

— Мы с моим товарищем должны поспешить, иначе нам не удастся спасти вашу землю. Рискните же парой лошадей ради возможности отомстить вашим обидчикам.

Рыцарь спешился. Его примеру последовал другой рядом с ним. Они подвели своих жеребцов к Элрику и Мунгламу.

— Распорядись ими получше, Элрик.

Элрик запрыгнул в седло.

— Непременно,— сказал он.— Каковы ваши дальнейшие планы?

— Мы будем сражаться, насколько это в наших силах.

— Может, будет разумнее спрятаться в горах или в Туманных топях?

— Если бы ты видел, какое разорение и ужас несет правление Джагрина Лерна, то не говорил бы таких слов,— глухим голосом сказал рыцарь.— У нас, конечно, нет надежды победить человека, чьи слуги могут приказать земле дыбиться океанскими волнами, или вызвать потоки соленой воды с небес, или посылать зеленые облака для уничтожения детей таким способом, о котором и сказать-то нельзя. Но мы будем мстить, насколько это в наших силах. В этой части континента еще спокойно по сравнению с другими. Повсюду происходят ужасные геологические изменения. Поросшие лесом холмы в десяти милях к северу отсюда не узнать. А тех, мимо которых мы проезжали вчера, возможно, уже нет.

— Мы видели что-то вроде этого в море,— сказал Элрик.— Я желаю вам долгой жизни и справедливого возмездия. У меня у самого счеты с Джагрином Лерном и его сообщником.

— С сообщником? Ты имеешь в виду короля Сарасто из Дхариджора? — На изможденном лице рыцаря появилась тонкая улыбка.— Отомстить Сарасто тебе не удастся — его убили вскоре после того, как наши силы потерпели поражение в битве у Секвалориса. Хотя точно ничего не известно, но все знают, что он был убит по приказу теократа, который теперь единовластно правит континентом.— Рыцарь вздохнул.— А разве кто-нибудь может долго сопротивляться тем силам, которые подчиняются Джагрину Лерну?

— И что же это за силы?

— Он призвал к себе на помощь Герцогов Ада. Я не знаю, долго ли они еще будут признавать его власть. Мы считаем, что следующим умрет Джагрин Лерн, и тогда ад будет напрямую властвовать здесь.

— Надеюсь, этого не случится,— тихо сказал Элрик.— Я не допущу, чтобы меня лишили возможности насладиться местью.

Рыцарь содрогнулся.

— Имея союзниками Герцогов Ада, Джагрин Лерн скоро будет править миром.

— Будем надеяться, что я найду способ избавиться от этой темной аристократии и выполню свою клятву — покончу с Джа-

грином Лерном,— сказал Элрик и, благодарственно махнув рукой ясновидцу и двум рыцарям, развернул коня в направлении гор Джаркора. Мунглам последовал за ним.

Они почти не отдыхали на пути к горному обиталищу Сепириса, потому что, как и сказал им рыцарь, сама земля словно ожила и повсюду царил хаос.

Элрик потом помнил лишь владевшее им чувство ужаса и звуки диких воплей. Повсюду преобладали цвета зла — темно-золотой, синий, черный и ярко-оранжевый: знаки Хаоса на земле.

Но Элрик на пути к городу в горах все же сумел рассказать Мунгламу о своей прежней встрече с Сепирисом и о том, какая, по словам этого властелина Нихрейна, судьба ждет его, Элрика. О том, как, последние в мелнибонийском королевском роду, Элрик и Дивим Слорм с помощью выкованных Хаосом мечей уничтожат власть Хаоса на планете и подготовят мир к гибели и возрождению, когда воцарится власть Закона.

Мунглам ничего не сказал, но про себя решил оставаться с Элриком до последнего дня, независимо от того, выиграют они эту войну против Хаоса или нет.

В горной области неподалеку от Нихрейна они увидели свидетельство того, что здесь власть Хаоса не столь абсолютна, как в соседних областях. А это доказывало, что Сепирис и девять его братьев в какой-то мере могут противиться тем силам, что вознамерились поглотить их.

Они двигались все глубже и глубже в горы, в самое их сердце вдоль круто уходящих вверх черных скал, по опасным горным тропам, вниз по склонам, где из-под копыт коней вырывались камни, грозя вызвать лавину. Это были самые древние из всех гор, и в них хранилась одна из самых древних тайн мира — территория бессмертного Нихрейна, который властвовал на протяжении многих веков задолго до появления Мелнибонэ и Сияющей империи, правившей миром десять тысяч лет.

Наконец они добрались до Нихрейна, города, высеченного в скалах, с его высокими дворцами, храмами и крепостями, вырезанными в черном граните и спрятанными в глубинах

пропасти, которую вполне можно было назвать бездонной. Сюда, где с начала времен скрывался этот город, практически не проникали солнечные лучи.

По узкой тропе направляли они своих противящихся коней и наконец добрались до огромных ворот, у которых стояли высеченные в скалах фигуры титанов и полулюдей, при виде которых Мунглам содрогнулся и погрузился в молчание — он испытывал благоговейный трепет перед гением, который сочетал в себе способности выдающего строителя и художника.

Сепирис с дружеской улыбкой на своем тонкогубом черном лице ждал их в пещерах Нихрейна, на стенах которых были высечены сцены из легендарной истории города.

— Приветствую тебя, Сепирис,— сказал Элрик, спешиваясь. Рабы приняли и увели его коня. Мунглам, хотя и не без опаски, последовал примеру Элрика.

— Информация, дошедшая до меня, была верна.— Сепирис опустил обе руки на плечи Элрика.— Я рад, что мне стало известно о твоем намерении отправиться на Чародейский остров и искать помощи Белых Владык.

— Так что же, получить их помощь не удастся?

— Пока — нет. Мы сами пытаемся связаться с ними, опираясь на помощь магов-затворников, обитающих на острове, но пока Хаосу удается блокировать наши попытки. Но для тебя и твоего меча есть дело и поближе к дому. Идем в мои покои — там вы сможете освежиться. У нас есть вино, которое восстановит ваши силы, а когда ты отдохнешь, я скажу, какую задачу судьба ставит перед тобой теперь.

Элрик поставил кубок и глубоко вздохнул, чувствуя приток жизненных сил. Он указал на графин с вином и сказал:

— К такому снадобью легко привыкнуть!

— Я уже привык,— усмехнулся Мунглам, наливая себе еще порцию.

Сепирис покачал головой.

— Наше нихрейнское вино обладает необычным свойством. У него приятный вкус, и оно приводит в чувство уставшего, но человек, восстановив с его помощью свои силы, начинает

после этого испытывать к нему отвращение. Именно поэтому у нас еще остались его запасы. Однако запасы эти невелики — виноград, из которого оно сделано, давно уже не растет на Земле.

— Волшебный напиток,— сказал Мунглам, ставя свой кубок на стол.

— Называй его так, если тебе нравится. Мы с Элриком принадлежим к более ранней эпохе, когда волшебство считалось делом обычным и когда властвовал Хаос, хотя и не производя таких разрушений, как теперь. Возможно, вы, жители Молодых королевств, правы, испытывая неприязнь к волшебству, потому что мы надеемся в скором времени подготовить мир к правлению Закона, а тогда, вероятно, будут созданы подобные же снадобья, но не с помощью колдовства, а другими методами, требующими больших стараний и более понятными.

— Сомневаюсь,— сказал Мунглам и рассмеялся.

Элрик вздохнул.

— Если удача не начнет улыбаться нам, то скоро Хаос установит свою власть на всей земле, а Закон навсегда исчезнет,— мрачно сказал он.

— Однако если восторжествует Закон, для нас это тоже кончится неважно.— Сепирис налил себе вина — он тоже устал, затратив слишком много сил.

— Что ты хочешь этим сказать? — с любопытством сказал Мунглам.

Сепирис объяснил: хотя они с Элриком и сражаются против Хаоса, но были рождены для мира, в котором Хаос доминирует. Для них и им подобных не будет места в том мире, где властвует Закон, в том мире, за который они теперь борются.

Мунглам бросил взгляд на Элрика, лишь сейчас поняв незавидную судьбу друга.

— Ты сказал, что есть работа для меня и моего меча,— подался вперед Элрик.— Что это за работа, Сепирис?

— Ты уже наверняка знаешь, что Джагрин Лерн призвал Герцогов Ада, чтобы управлять его людьми и контролировать захваченные территории.

— И что же?

— Ты понимаешь, какие у этого могут быть последствия? Джагрин Лерн пробил ощутимую брешь в возведенном Законом барьере, который прежде сдерживал экспансию существ Хаоса, не допускал их безраздельного владычества на этой планете. Сейчас, по мере увеличения своего могущества, Хаос постоянно расширяет эту брешь. Это объясняет, как ему удалось созвать такую могущественную армию Герцогов Ада, тогда как прежде призвать даже одного из них в наш мир было довольно трудно. Среди призванных им — и Ариох...

— Ариох! — Ариох был покровителем Элрика, главным богом его предков.— Это значит, что теперь я полный изгой и ни Хаос, ни Закон не защитят меня.

— Единственный твой надежный союзник из потусторонних сил — твой меч,— мрачно сказал Сепирис.— И возможно, его братья.

— Какие братья? У него есть только один брат — Утешитель, которым владеет Дивим Слорм.

— Ты помнишь, я тебе говорил, что эти мечи-близнецы на самом деле являются земным воплощением их неземных сущностей? — тихим голосом спросил Сепирис.

— Да.

— Теперь я могу тебе сказать, что истинная сущность Буревестника связана с другими сверхъестественными силами в другом измерении. Я знаю, как их вызвать, но они тоже являются существами Хаоса, а потому тебе будет непросто их контролировать. Они вполне могут выйти из подчинения и, может быть, даже обратиться против тебя. Буревестник, как ты уже успел понять, связан с тобой узами более прочными, чем те, что связывают его с братьями. Но число этих братьев весьма велико, и, возможно, Буревестник будет не в силах защитить тебя от них.

— Почему я не знал об этом?

— Ты знал об этом, хотя и не напрямую. Ты помнишь времена, когда обращался за помощью и получал ее?

— Да. Ты хочешь сказать, что эту помощь предоставляли мне братья Буревестника?

— Да. Для них привычно приходить к тебе на помощь. Мы с тобой не назвали бы их существами мыслящими, хотя они и наделены чем-то вроде разума. Они не столь привержены Хаосу, как его мыслящие слуги. Ими в известной мере можно управлять, если в твоей власти находится один из их братьев. Если ты захочешь призвать их на помощь, то должен запомнить руну, которую я тебе сообщу позднее.

— И в чем же состоит моя миссия?

— Уничтожить Герцогов Ада.

— Но это невозможно. Они — одни из самых могущественных существ Хаоса.

— Верно. Но в твоих руках сильнейшее оружие. Такова твоя миссия. Имеются свидетельства, что Владыки Хаоса уже забирают у Джагрина Лерна часть его власти. Глупец! Он никак не хочет понять, что он — игрушка в руках Хаоса. Он полагает, что может контролировать столь могущественные силы. Но нет сомнений, что с такими друзьями Джагрин Лерн может победить южан с минимумом людей и средств. Он может сделать это и без помощи Хаоса, но тогда ему потребуется куда как больше сил и времени, и в этом случае мы получим небольшое преимущество, так как сумеем подготовиться, пока он покоряет Юг.

Элрик не стал спрашивать у Сепириса, как тот узнал о намерении южан в одиночестве противостоять Джагрину Лерну. У Сепириса явно были немалые возможности, о чем свидетельствовало его послание Элрику через ясновидца.

— Я поклялся, что буду помогать южанам, несмотря на их отказ выступить совместно с нами против теократа,— тихо сказал он.

— И ты сдержишь свою клятву, уничтожив Герцогов Ада... Если тебе это удастся.

— Уничтожить Ариоха, Балана, Малука...— Элрик прошептал эти имена, опасаясь, как бы они не услышали его.

— Ариох всегда был несговорчивым демоном,— сказал Мунглам.— Он не раз отказывался помогать тебе, Элрик.

— Потому что он давно знает о схватке, которая должна состояться между вами,— сказал Сепирис.

Хотя вино и освежило его, Элрик чувствовал боль во всем теле. Но больше всего мучилась его душа. Сражаться с богом-демоном, которому в течение тысячелетий поклонялись его предки...

Старая кровь все еще была сильна в нем, прежние привязанности не могли исчезнуть.

Сепирис поднялся и похлопал гостя по плечу, глядя своими черными глазами в печально горящие малиновые глаза Элрика.

— Не забудь, что ты поклялся исполнить эту миссию.

Элрик выпрямился на своем стуле и кивнул.

— Да. И даже если бы я знал обо всем этом раньше, все равно принес бы эту клятву. Вот только...

— Что?

— Не питай больших надежд на то, что мне это удастся.

Черный нихрейнец ничего не сказал.

Спустя какое-то время он оставил Элрика, погруженного в свои мысли, и вернулся с белой табличкой, на которой были выгравированы древние руны.

Он передал табличку альбиносу, и тот молча принял ее.

— Запомни заклинание,— тихо сказал Сепирис,— а потом уничтожь табличку. Но помни, воспользоваться этим заклинанием ты можешь только в самом крайнем случае, поскольку, как я уже предупреждал тебя, братья Буревестника, возможно, не захотят тебе помогать.

Элрик не без труда сдерживал владевшие им эмоции. Мунглам отправился отдыхать, а он еще долго разглядывал руну, запоминая не только ее звучание, но и повороты логики, которые ему необходимо было понять, а также пытаясь представить себе то умственное состояние, в которое он должен себя привести, чтобы заклинание было эффективным.

Когда и он, и Сепирис были удовлетворены, Элрик позволил рабу отвести его в спальню, но сон никак не шел к нему, и он всю ночь провел, мучительно ворочаясь с боку на бок. Когда утром раб пришел его будить, Элрик был уже одет и готов к путешествию в Пан-Танг, где собрались Герцоги Ада.

Глава четвертая

Элрик и Мунглам ехали по разоренным землям Запада на мощных нихрейнских жеребцах, которые, казалось, не знали ни усталости, ни страха. Нихрейнские кони были превосходным подарком, потому что кроме колоссальной выносливости и силы обладали и еще одной способностью. Сепирис сказал им, что эти жеребцы не полностью принадлежат к земному миру, а их копыта касаются не земли, а поверхности, находящейся в другом измерении. А потому возникало впечатление, что они скачут по воздуху или воде.

Повсюду перед ними разворачивались жуткие сцены. Както раз вдалеке они увидели, как злобная толпа разоряла деревню перед замком. Сам замок был охвачен огнем, а на горизонте дым и огонь извергала гора. Хотя грабители внешне были похожи на людей, на самом деле это были выродившиеся существа, которые с одинаковым усердием проливали и пили кровь. Элрик и Мунглам увидели, что возглавляет их, хотя и не присоединяется к оргии, мертвец на живом конском скелете, украшенном яркой сбруей. На голове мертвеца был золотой шлем, а в руке он держал пламенный меч.

Они объехали это побоище стороной и помчались дальше сквозь туман, у которого был цвет и запах крови. Он пересекали реки, запруженные мертвыми телами, проезжали мимо шелестящих лесов, которые словно пытались их догнать. Небеса над ними нередко были наполнены жуткими крылатыми существами, на которых восседали еще более жуткие всадники.

Им попадались группы воинов, на многих из них были доспехи и украшения покоренных народов, но, судя по их лицам, они предались Хаосу.

Они убивали их или объезжали стороной, в зависимости от обстоятельств, и когда они наконец добрались до утесов Джаркора, то увидели море, за которым находился остров Пан-Танг. Они знали, что проехали по земле, которая в буквальном смысле стала воплощенным адом.

Не останавливаясь, Элрик и Мунглам погнали коней по воде к напитанному злом острову, на котором Джагрин Лерн

и его жуткие союзники готовили свой огромный флот к сражению с морскими державами, намереваясь разбить их, а потом отправиться на завоевание Юга.

— Элрик! — крикнул Мунглам, перекрывая вой ветра.— Может быть, нам стоит быть поосторожнее?

— Поосторожнее? Какая в этом необходимость, если Владыки Хаоса уже наверняка знают, что их бывший слуга стал перебежчиком и собирается сразиться с ними?

Мунглам поджал губы — яростное, безумное настроение Элрика пугало его. Мало радовало его и то, что Сепирис средствами белой магии, имевшимися в его распоряжении, заколдовал его короткий меч и кинжал.

Над островом висела какая-то особого рода темнота, она постоянно смещалась и изменялась.

Они оказались в этой темноте, когда жеребцы поскакали по крутому скалистому берегу Пан-Танга, острова, которым всегда правило черное жречество, мрачная теократия, которая горела желанием уничтожить легендарных императоров-чародеев Мелнибонэ. Но Элрик, последний из этих королей, не имевший ни земли, ни подданных, знал, что темные искусства были естественным и законным промыслом для его предков, тогда как эти человеческие существа стали поклоняться нечестивым богам, которых даже не понимали толком.

Сепирис показал им маршрут, и теперь они скакали по охваченной смутой земле к столице — Хвамгаарлу, городу Кричащих Статуй.

Пан-Танг представлял собой скалу зеленого обсидиана, по которой пробегали вспышки света. Эта горная порода казалась живой.

Вскоре они увидели вдалеке высокие стены Хвамгаарла. Когда они подскакали ближе, перед ними, словно из земли, поднялась армия воинов в черных капюшонах, распевавших особенно жуткую литанию.

У Элрика не было на них времени. Он узнал в них воинов-жрецов Джагрина Лерна.

— Прыгай, конь! — крикнул он, и нихрейнский конь вознесся к небесам, преодолев ряды пораженных жрецов одним фантастическим прыжком. Мунглам сделал то же самое. До

ушей жрецов донесся издевательский хохот всадников, которые поскакали дальше к Хвамгаарлу.

Некоторое время на их пути не встречалось никаких препятствий, поскольку Джагрин Лерн явно рассчитывал на то, что его жрецы хотя бы на какое-то время задержат эту пару.

Но когда до города Кричащих Статуй оставалось меньше мили, земля зарокотала, ее поверхность начала трескаться. Это не очень обеспокоило их, потому что копытам нихрейнских скакунов земля была не нужна.

Небеса над их головами стали клубиться и сотрясаться, темнота наполнилась прожилками люминесцирующей черноты, а из трещин в земле стали выпрыгивать монстры.

Львы ростом в пятнадцать футов с головами коршунов надвигались на них, предвкушая утоление голода; их перистые гривы трепал ветер.

К удивлению испуганного Мунглама, Элрик рассмеялся, и тогда Мунглам уверился, что его друг сошел с ума.

Но Элрику просто была знакома эта кровожадная стая, поскольку она была создана его предками много столетий назад для их собственных целей.

Судя по всему, Джагрин Лерн обнаружил эту стаю на границах между Хаосом и Землей и теперь использовал ее, не зная о том, как они появились на свет.

С бледных губ Элрика сорвались древние слова — он дружески обращался к огромным птицезверям.

Они остановились и неуверенно оглянулись, не понимая, кому теперь должны подчиняться. Монстры молотили своими оперенными хвостами, то выпуская, то вбирая когти, прорезавшие глубокие царапины в камне.

Воспользовавшись этим, Элрик и Мунглам проскакали между тварями, и в это время гулкий сердитый голос разорвал небеса, выкрикнув на высоком слоге Мелнибонэ приказ:

— *Уничтожить их!*

Один из птицельвов неуверенно прыгнул в их сторону. За ним последовал другой, и наконец вся стая пустилась за ними.

— Быстрее! — шепнул Элрик своему нихрейнскому жеребцу. Однако расстояние между ними и монстрами сокращалось.

Элрику ничего не оставалось, как повернуться навстречу преследователям. Он вспомнил древнее заклинание, выученное им еще мальчишкой. Все древние мелнибонийские заклинания были переданы ему отцом, который предупреждал Элрика, что многие из них могут теперь оказаться бесполезными. Но он помнил: было одно — то, которым вызывались птицеголовые львы. И еще одно...

Он вспомнил его! Заклинание, с помощью которого их можно было отправить назад во владения Хаоса. Сработает ли оно?

Он привел свой ум в надлежащее состояние, нашел нужные слова. Птицеголовые твари с каждым мгновением приближались.

Твари! Сплел Матик Мелнибонийский вас
Из нитей безумья и мрака.
Хотите жить, как и сейчас,—
Уйдите — или сгиньте навсегда!*

Птицеголовые львы остановились, и Элрик повторил заклинание — он боялся, что допустил маленькую ошибку в словах или умонастроении.

Мунглам, остановив своего коня рядом с Элриком, не отваживался высказать свои опасения, потому что знал: альбиносу нельзя мешать, когда он произносит заклинания. Он со страхом смотрел на первую из бестий, которая издала каркающий рев.

Элрик же, услышав этот звук, испытал облегчение, поскольку он означал, что твари поняли угрозу и готовы подчиниться заклинанию.

Медленно, чуть ли не неохотно отползли они назад в свои трещины и исчезли из виду.

Элрик, отирая пот, торжествующе сказал:

— Пока удача сопутствует нам. Джагрин Лерн либо недооценил мои силы, либо ему не хватает собственных, чтобы вызвать кого-нибудь более действенного. Возможно, это еще одно свидетельство того, что Хаос использует его, а не наоборот.

---

* Перевод Р. Адрианова.

— Не спугни удачу,— предостерег его Мунглам.— Судя по твоим словам, пока что все, с чем мы столкнулись, были цветочки, а ягодки могут оказаться впереди.

Элрик сердито посмотрел на своего друга и кивнул. Ему не хотелось думать о том, что им предстоит.

Наконец они оказались под высоченными стенами Хвамгаарла. На стене, которая была построена с наклоном наружу, чтобы затруднить действия тех, кому взбредет в голову штурмовать город, через определенные интервалы стояли кричащие статуи, которые когда-то были мужчинами и женщинами, а потом были превращены Джагрином Лерном или его предшественниками в камень, однако остались живыми и сохранили способность говорить. Говорили они мало, но много кричали, и их жуткие крики разносились над этим отвратительным городом, словно голоса проклятых, подвергаемых пыткам.

Эти волны стенаний были мучительны даже для Элрикова уха, привычного к подобным звукам.

Потом к этим крикам добавился еще какой-то шум — могучая опускная решетка главных ворот Хвамгаарла поднялась, и из-за нее хлынула масса вооруженных людей.

— Судя по всему, колдовские возможности Джагрина Лерна на этот момент исчерпаны, а Герцоги Ада не хотят помогать ему в борьбе с парой обыкновенных смертных,— сказал Элрик, берясь правой рукой за эфес висящего на поясе Буревестника.

Мунглам потерял дар речи. Он без слов обнажил собственные заговоренные мечи, понимая, что должен преодолеть собственный страх, прежде чем вступит в сражение с теми, кто бежит на них.

Со зловещим стоном, вызвавшим крик статуй, Буревестник покинул ножны и замер в руке Элрика, предвкушая поживу в виде новых душ, в виде той жизненной силы, которую он сможет передать Элрику, наполнив его темной краденой энергией.

Элрик не без трепета ощущал эфес Буревестника в своей влажной руке. Он крикнул наступающим на них воинам:

— Эй, шакалы, посмотрите на этот меч! Он выкован Хаосом себе на погибель! Идите сюда, он выпьет ваши души и вашу кровь! Мы готовы встретиться с вами.

Он не стал ждать, а, пришпорив коня, помчался на врагов, с прежним своим неистовством размахивая мечом; Мунглам поскакал следом за другом.

Связь Элрика с адским клинком была настолько прочна, что его уже переполняла радостная жажда убийства, жажда похищения душ, которые вливали в его больные жилы нечестивую энергию.

Хотя на его пути ко все еще открытым воротам было не меньше сотни воинов, он без страха прорубался сквозь них, оставляя за собой кровавый след, и Мунглам, которого тоже охватила эйфория сродни той, что владела его другом, с не меньшим успехом косил врага.

Хотя солдаты и были привычны к превратностям сражения, но скоро они стали опасаться звенящего рунного меча, сверкающего особым черным сиянием, которое пронизывало тьму.

Полубезумная радость владела Элриком, он смеялся, чувствуя, видимо, то же, что чувствовали когда-то его предки, завоевывая мир, заставляя всех склониться перед Сияющей империей.

И в самом деле, сейчас Хаос сражался с Хаосом. Хаос более древний и чистый пришел, чтобы уничтожить сумасшедших выскочек, возомнивших себя равными самим могущественным мелнибонийским Владыкам драконов.

В рядах противника пролегла кровавая тропа, и по ней Элрик и Мунглам устремились к воротам, распахнувшим перед ними свою чудовищную пасть.

Элрик, не останавливаясь, с диким смехом поскакал в ворота, и люди, стоявшие за ними, бросились врассыпную от того, кто победителем вошел в город Кричащих Статуй.

— Куда теперь? — выдохнул Мунглам, который уже освободился от страха.

— В храм-дворец теократа. Там нас ждут Ариох и его собратья, Герцоги Ада.

Они поскакали по гулким улицам, гордые и грозные, словно во главе целой армии. Вокруг высились дома, но никто из

обитателей не осмеливался выглянуть. Пан-Танг намеревался править всем миром и еще сохранял такую возможность, но теперь его граждане были полностью деморализованы при виде двух воинов, штурмом взявших их город.

Выехав на широкую площадь и увидев огромный гроб, раскачивающийся на цепях в ее центре, Элрик и Мунглам остановили своих коней. За гробом находился дворец Джагрина Лерна с его колоннами и башнями. Во дворце царила зловещая тишина.

Даже статуи прекратили кричать, и копыта не произвели ни звука, когда Элрик и Мунглам направили своих коней к гробу. Красный от крови рунный меч все еще был в руке Элрика, который замахнулся изо всех сил, нацелившись на цепи, удерживающие гроб,— святой сосуд в нечестивом месте. Дьявольский клинок врезался в металл и перерубил звенья.

Тишина в тысячу раз усилила звук падения гроба, который рухнул на землю и разлетелся на части. Грохот разнесся по всему Хвамгаарлу, и все живые его обитатели поняли, что это означает.

— Я бросаю тебе вызов, Джагрин Лерн! — крикнул Элрик, понимая, что этот крик будет услышан многими.— Я пришел отдать тебе старый долг! Выходи, ничтожная марионетка! — Он замолчал. Даже его торжество не могло в полной мере смирить его волнение перед тем, что он собирался сказать.— Выходи и возьми с собой Герцогов Ада...

Мунглам сглотнул слюну, его глаза, смотревшие на искаженное лицо Элрика, чуть не вылезали из орбит. А альбинос продолжал:

— Возьми Ариоха, и Балана, и Малука. Возьми с собой этих гордых владык Хаоса, потому что я пришел навсегда изгнать их из этого мира!

За этим вызовом снова воцарилась тишина, и он услышал, как его слова отдаются в самых отдаленных уголках города.

Потом он услышал движение где-то в глубинах дворца. Сердце его молотом билось в грудную клетку, угрожая вырваться наружу.

Он услыхал звук, похожий на стук огромных копыт и опережающих этот звук размеренных, возможно, человеческих шагов. Его взгляд остановился на больших золотых дверях дворца, полускрытых в тени колонн.

Двери начали бесшумно открываться.

Потом появился человек, непропорционально маленький рядом с дверями, и остановился, ненавидяще глядя на Элрика. На нем алым сиянием, словно раскаленные, сверкали доспехи. В левой руке он держал щит из такого же материала, в правой — стальной меч.

Голосом, дрожащим от гнева, Джагрин Лерн сказал:

— Итак, король Элрик, свое слово ты отчасти сдержал.

— Я намерен сдержать его и в остальной части,— сказал Элрик неожиданно спокойным голосом.— Выходи, теократ! Встретимся в честном поединке.

Джагрин Лерн ухмыльнулся и издал глухой смешок.

— В честном? С этим мечом у тебя в руке? Как-то раз я успешно противостоял ему, но теперь он горит кровью и душами множества лучших моих воинов-жрецов. Я не так глуп. Нет, пусть с тобой сразятся те, кому ты бросил вызов.

Он отошел в сторону. Двери открылись пошире, и если Элрик ожидал увидеть каких-то гигантов, то его ждало разочарование. Герцоги Ада вышли ему навстречу в человечьем обличье. Даже воздух задрожал от источаемой ими силы. Они остановились на верхних ступенях дворца, всем видом выражая презрение к Джагрину Лерну.

Элрик увидел их прекрасные улыбающиеся лица, и его снова пробрала дрожь, потому что в их глазах он читал что-то вроде любви, гордости и уверенности. Ему вдруг захотелось спрыгнуть с коня, упасть к их ногам и умолять их простить его за то, что он стал таким, каким стал.

— Ну так что, Элрик,— сказал возглавлявший их Ариох,— может быть, ты раскаешься и вернешься к нам? — Голос его был мелодичен и прекрасен, и Элрик едва сдержался, чтобы не сделать того, о чем он говорил.

Но альбинос зажал уши руками и закричал:

— Нет! Нет! Я должен свершить то, что должен! Ваше время, как и мое, прошло!

— Не говори так, Элрик! — Голос Балана звучал убедительно, проникая сквозь руки Элрика прямо в его мозг.— Хаос еще никогда не был так силен на Земле, даже в свои ранние дни. Мы сделаем тебя великим, мы сделаем тебя одним из Владык Хаоса, равным нам! Мы даем тебе бессмертие, Элрик. А если ты и дальше будешь вести себя так же глупо, как теперь, то только накличешь на себя смерть, и никто не будет помнить тебя.

— Я это знаю! Я не хочу, чтобы меня помнили в мире, в котором правит Закон!

Малук рассмеялся.

— Такие времена никогда не наступят. Мы полностью блокируем все, что пытается сделать Закон, чтобы помочь Земле.

— Вот поэтому-то вас и необходимо уничтожить! — воскликнул Элрик.

— Мы бессмертны — нас невозможно убить! — сказал Ариох, и в его голосе послышалось легкое раздражение.

— Тогда я отправлю вас назад в Хаос, так, что вы никогда больше не сможете обрести власть на Земле!

Элрик взвесил рунный меч в руке, и тот задрожал, слабо застонал, словно был, как и Элрик, не уверен в себе.

— Посмотри! — Балан сделал несколько шагов вниз по ступенькам.— Посмотри, даже меч, которому ты так доверяешь, знает, что мы говорим правду.

— Ты говоришь полуправду,— сказал Мунглам дрожащим голосом, удивляясь собственной храбрости.— Но я помню великую истину... Правило, которое должно ограничивать как Хаос, так и Закон,— правило Равновесия. Верховный дух поддерживает это равновесие на земле, и война Хаоса и Закона не расстраивает этого равновесия. Иногда равновесие может нарушаться в ту или иную сторону... поэтому-то и возникают разные эпохи Земли. Однако нарушение, которое мы видим теперь, недопустимо. Вы, Владыки Хаоса, в своей борьбе, кажется, забыли об этом.

— У нас были все основания, чтобы забыть об этом, смертный. Равновесие нарушено настолько, что восстановить его будет уже невозможно. Мы торжествуем победу!

———

Элрик воспользовался паузой, чтобы взять себя в руки. Ощущая вернувшиеся к нему силы, Буревестник реагировал уверенным урчанием.

Герцоги Ада тоже услышали звуки, издаваемые Буревестником, и переглянулись.

Красивое лицо Ариоха исказила гримаса гнева, и его позолоченное псевдотело скользнуло со ступеней в направлении к Элрику. Его товарищи последовали за ним.

Жеребец Элрика попятился.

В руке Ариоха появилось что-то похожее на живой огненный шар — и полетело в сторону альбиноса. В груди Элрика вспыхнула резкая боль, и он едва удержался в седле.

— Тело твое не имеет значения, Элрик. Но подумай, что случится, если подобный удар будет нанесен по твоей *душе!* — вскричал Ариох. Внешнее спокойствие покинуло его.

Элрик запрокинул назад голову и рассмеялся. Ариох выдал себя. Если бы он оставался спокойным, то имел бы большее преимущество, но теперь, когда он показал свое волнение, все его слова обрели для Элрика противоположный смысл.

— Ариох, ты помогал мне в прошлом. Ты пожалеешь об этом!

— Еще есть время, чтобы исправить мои ошибки, глупый смертный!

Еще один шар полетел в сторону Элрика, но тот выставил перед собой Буревестник — и с облегчением увидел, как этот нечестивый снаряд отлетел в сторону от его меча. Однако Элрик понимал, что они не смогут противостоять такой мощи, если не вызовут потустороннюю помощь. Но он не хотел рисковать, вызывая братьев рунного меча. Время пока не наступило. Он должен придумать какое-нибудь другое средство.

Отступая вместе с Мунгламом, шептавшим бесполезные заклинания, перед огненными шарами, он вспомнил о птицеголовых львах, которых отправил назад в Хаос. Может, ему удастся их вызвать — правда, теперь для другой цели?

Заклинания были еще свежи в его памяти, правда, теперь ему требовалось несколько иное умственное состояние и незначительные изменения слов.

Автоматически отбивая огненные шары, швыряемые в них Герцогами Ада, чьи черты ужасным образом изменились —

сохранили прежнюю красоту, но с каждым мгновением все более искажались ненавистью и злобой, Элрик произнес заклинание:

Твари! Сплел Матик Мелнибонийский вас
Из нитей безумья и мрака.
Хотите жить, так в сей же час
Явитесь — или сгиньте навсегда!*

Из клубящейся темноты возникли голодные птицеголовые твари, и Элрик крикнул Герцогам Ада:

— Оружие смертных бессильно против вас! Но эти твари обитают в вашем мире — ощутите-ка на себе их свирепость! — С этими словами он спустил львов.

Ариоха и его спутников такой поворот застал врасплох, и они отступили к ступеням, выкрикивая собственные команды гигантским бестиям, но те продолжали наступать на них, набирая скорость.

Элрик увидел, как Ариох закричал, принялся бормотать что-то, потом его тело словно разделилось на две части и приняло новые очертания перед мчащимися на него львами. Все внезапно смешалось — цвета, звуки, материя.

За спинами занятых схваткой демонов Элрик увидел Джагрина Лерна, который стремглав припустил в свой дворец. Надеясь, что вызванные им существа задержат Герцогов Ада, Элрик, минуя эту кипящую массу, направил своего коня на ступени.

Элрик и Мунглам ворвались в дверь — охваченный ужасом теократ улепетывал от них со всех ног.

— Твои союзники не так сильны, как ты думал, Джагрин Лерн! — закричал Элрик, преследуя врага.— Эх ты, безмозглый выскочка! Неужели ты думал, что твои жалкие знания могут сравниться со знаниями мелнибонийца?!

Джагрин Лерн бросился вверх по винтовой лестнице, прыгая через ступеньки и боясь обернуться.

— Подождите! Подождите! — захлебывался он рыданиями.— Не бросайте меня!

* Перевод Р. Адрианова.

— Ты думаешь, что эти птицеголовые одолеют Герцогов Ада? — прошептал Мунглам.

Элрик отрицательно покачал головой.

— Нет, я не жду от них этого. Но если я прикончу Джагрина Лерна, то, по крайней мере, некому будет вызывать сюда демонов.

Он дал шпоры нихрейнскому жеребцу, и тот устремился по ступеням за теократом, который, слыша стук копыт за своей спиной, бросился в комнату. Элрик услышал звук задвигаемой щеколды. Одного удара Буревестника хватило, чтобы дверь открылась. Элрик оказался в маленькой комнате, но Джагрина Лерна там не было.

Элрик спешился и, подойдя к маленькой двери в дальнем углу комнаты, опять ударом меча снес ее. За дверью он увидел узкую лестницу, ведущую наверх, судя по всему, в башню.

Теперь он может отомстить своему врагу, думал Элрик, подходя к еще одной двери на вершине лестницы. Он размахнулся и нанес удар мечом, но дверь выстояла.

— Проклятие! Она заговорена! — сквозь зубы проговорил Элрик.

Он хотел было нанести еще один удар, но тут услышал снизу взволнованный крик Мунглама:

— Элрик, они разделались с птицеголовыми! Они возвращаются во дворец!

Это означало, что ему пока придется отказаться от поисков Джагрина Лерна. Он метнулся вниз по ступеням, в комнату, а оттуда на лестницу. В зале он увидел текучие формы нечестивой троицы. Посреди лестницы стоял дрожащий от ужаса Мунглам.

— Буревестник,— сказал Элрик,— пора вызывать твоих братьев.

Меч шевельнулся в его руке, словно выражая согласие.

Элрик начал распевать руну, от которой мучительно сводило язык и пронзала голову боль,— ту самую руну, которую узнал от Сепириса.

Буревестник подвывал в такт его пению, а потрепанные в схватке Герцоги Ада, приняв разные формы, начали угрожающе надвигаться на Элрика.

И тут в воздухе вокруг него стали появляться какие-то неясные очертания — они присутствовали в этом измерении только частично, частично оставаясь в своем — в измерении Хаоса. Он видел, как они двигаются, и вдруг понял, что воздух наполнен миллионом мечей, и каждый из них — точная копия Буревестника.

Элрик инстинктивно выпустил из руки свой клинок и швырнул его в направлении остальных. Он повис перед ними в воздухе, и они, казалось, приняли его.

— Веди их, Буревестник! Веди их против Герцогов Ада, иначе твой хозяин погибнет и ты уже больше не выпьешь ни одной человеческой души!

Туча мечей зашуршала и испустила страшный стон. Герцоги бросились вверх на альбиноса, и он отступил перед злобной ненавистью, исходящей из этих меняющихся форм.

Элрик бросил взгляд вниз и увидел Мунглама, который лежал на шее своего коня то ли убитый, то ли потерявший сознание. А потом мечи ринулись на наступающих Герцогов Ада, и голова у Элрика закружилась при виде миллиона клинков, вонзающихся в материю, из которой состояли тела адских слуг.

Звуки неистовой схватки наполнили его уши, от жуткого зрелища сражения взгляд его помутился. Без энергии, которая обычно поступала к нему от Буревестника, он сразу же ослабел, утратил жизненные силы. Он почувствовал, как дрожат и подгибаются его колени. Он ничем не мог помочь братьям своего Черного Меча, схватившимся с Герцогами Ада.

Его сознание отключилось, поскольку он понимал, что если и дальше будет оставаться свидетелем этого ужаса, то полностью потеряет разум. Но тут он, к счастью, почувствовал, как пустота заполняет его мысли, а потом он провалился в небытие.

Глава пятая

Тело его зудело, рука и спина болели, запястья словно сжигал огонь. Элрик открыл глаза. Напротив себя он увидел Мунглама — тот был прикован цепями к стене. В центре помещения горел тусклый огонь. Элрик, почувствовав боль в колене, опустил глаза и увидел Джагрина Лерна.

Теократ плюнул в него.

— Значит, я проиграл,— сказал Элрик глухим голосом.— А ты торжествуешь победу.

Но на лице Джагрина Лерна вовсе не было видно торжества. Его глаза по-прежнему горели ненавистью.

— Ах, как я покараю тебя,— сказал он.

— Покараешь? Значит?..— Элрик почувствовал, как зачастило его сердце.

— Твое последнее заклинание оказалось успешным,— угрюмо сказал теократ, отворачивая свой взгляд к жаровне.— И твои, и мои союзники исчезли, и все мои попытки связаться с Герцогами Ада оказались тщетными. Ты воплотил в жизнь свою угрозу... вернее, это сделали твои прихвостни. Ты навсегда отправил их назад в Хаос.

— А мой меч — где он?

Теократ зловеще ухмыльнулся.

— Это единственное, что меня радует. Твой меч исчез вместе со своими братьями. Теперь ты слаб и беспомощен, Элрик. Теперь я могу до конца жизни терзать и мучить тебя.

Элрика ошеломили эти известия. Одна его часть торжествовала — Герцоги Ада изгнаны. Другая его часть скорбела о потере меча. Как справедливо заметил Джагрин Лерн, без меча Элрик беспомощен — его альбинизм лишал его сил. У него уже мутилось в глазах, и он чувствовал, что тело не слушается его.

Джагрин Лерн посмотрел на него.

— Пока ты можешь вкусить несколько относительно спокойных дней без мучений, но я хочу, чтобы ты знал о том, что ожидает тебя впереди. Я должен уйти, чтобы отдать приказы флоту, который готовится к решительному сражению с Югом. Сейчас я не буду тратить время на примитивную пытку, потому что хочу придумать что-нибудь более изысканное. Я клянусь, ты будешь умирать у меня долгие годы.

Он вышел из темницы, и Элрик услышал, как хлопнула дверь и Джагрин Лерн за ней отдает приказы стражникам:

— Пусть жаровня горит во всю силу, я хочу, чтобы они мучились от жара, как души проклятых в аду. Есть им давайте

раз в три дня. Скоро они начнут умолять о глотке воды. Давайте им ровно столько, чтобы не сдохли. Они заслуживают наказания гораздо худшего, и они его получат, когда у меня появится время подумать над этим.

День спустя началась настоящая агония. Влага покинула их тела вместе с потом. Языки у них распухли, они непрестанно стонали, понимая, что нынешние их мучения — ничто рядом с тем, что ждет их впереди. Ослабевшее тело Элрика никак не реагировало на его попытки разорвать связывавшие его путы, и наконец его мысли притупились окончательно, страдания стали постоянными и привычными, а время словно остановилось.

Потом из своего мучительного полузабытья он услышал голос — знакомый, исполненный ненависти голос Джагрина Лерна.

В темницу вошли и другие люди. Он почувствовал, как его подняли и понесли, и застонал от боли.

Потом он услышал какие-то бессвязные фразы, непонятные слова, произносимые Джагрином Лерном.

Его отнесли в какое-то темное помещение, которое раскачивалось, причиняя мучительную боль его обожженной груди.

Немного спустя он услышал голос Мунглама и напрягся, чтобы разобрать слова.

— Элрик! Что происходит? Я готов поклясться, что мы в море, на корабле.

Элрик безучастно пробормотал что-то в ответ. Его больное тело слабело быстрее, чем тело здорового человека. Он подумал о Заринии, которую ему уже не суждено увидеть. Он понимал, что не узнает, кто победит в конечном счете — Закон или Хаос, сможет ли Юг отразить удар теократа.

Все эти вопросы снова возникли в его затухающем сознании.

Потом он получил немного еды и воды и чуть ожил. Наконец он открыл глаза и увидел улыбающуюся физиономию Джагрина Лерна.

— Слава богам,— сказал теократ.— Я боялся, что мы потеряем тебя. Ты такое хрупкое создание, мой друг. Ты должен

прожить гораздо дольше. Я приказал принести тебя на мой флагманский корабль, чтобы ты поскорее начал услаждать меня. Мы сейчас плывем по морю Драконов, но наш флот хорошо защищен от монстров, обитающих в этих местах.— Он нахмурился.— Благодаря тебе у нас совсем нет возможности использовать заклинания, чтобы безопасно плыть по водам, пораженным Хаосом. Пока они почти спокойны. Но это пока. Скоро все изменится.

К Элрику на мгновение вернулся его прежний боевой задор, и он гневным взглядом смерил своего врага. Но он был слишком слаб, чтобы сказать Джагрину Лерну о той ненависти, которую испытывает к нему.

Джагрин Лерн тихо рассмеялся и пошевелил белую голову Элрика носком своего сапога.

— Пожалуй, нужно приготовить снадобье, чтобы немного привести тебя в чувство.

Пища имела отвратительный вкус, и ее принудительно заталкивали в рот Элрику, но по прошествии какого-то времени он смог сесть и тогда увидел обмякшее тело Мунглама. Похоже, его друг не выдержал мучений. К своему удивлению, Элрик обнаружил, что он не связан, и тогда он ползком преодолел мучительное расстояние между ним и Мунгламом, потряс его за плечо. Тот застонал, но не ответил.

Элрик увидел тусклый луч света, поднял голову — люк наверху сдвинули в сторону, на Элрика смотрел Джагрин Лерн.

— Я вижу, снадобье подействовало. Ну что ж, вдохни этот бодрящий морской воздух, ощути тепло солнца. Мы приближаемся к берегам Аргимилиара, и наш авангард сообщает, что нам навстречу направляется довольно многочисленный флот.

С губ Элрика сорвалось проклятие.

— Клянусь Ариохом, они отправят всех вас на дно.

Джагрин Лерн издевательски усмехнулся.

— Кем ты клянешься? Ариохом? Неужели ты забыл, что случилось в моем дворце? Ариоха теперь не вызвать. Никто уже не сможет это сделать — ни ты, ни я. Это ты постарался со своими дьявольскими заклинаниями.

Он повернулся к офицеру, невидимому для Элрика.

— Связать его и вынести на палубу. Ты знаешь, что с ним делать.

В трюм спустились два воина, схватили все еще слабого Элрика, связали его по рукам и ногам и подняли на палубу. Он зажмурился от солнечного света, дыхание у него перехватило.

— Поднимите его, чтобы он все хорошо видел.

Воины поставили Элрика, который теперь смог разглядеть огромный черный флагманский корабль Джагрина Лерна. Шелковый навес над палубой трепетал на устойчивом западном ветре. Элрик увидел три ряда неустанно работающих гребцов, высокую мачту черного дерева с темно-красным парусом.

В кильватере флагманского корабля следовал огромный флот. Здесь помимо кораблей Пан-Танга и Дхариджора были суда из Джаркора, Шазаара и Таркеша, но на каждом алом парусе красовался Тритон — герб Пан-Танга.

Отчаяние охватило Элрика — он понимал, что даже все силы Юга не смогут противостоять такому флоту.

— Мы вышли в море всего три дня назад,— сказал Джагрин Лерн.— Но благодаря попутным ветрам почти достигли места назначения. Корабль-разведчик недавно доложил, что лормирский флот, узнав о нашем подавляющем превосходстве, вышел к нам навстречу, чтобы соединиться с нами. Мудрый шаг со стороны короля Монтана. По крайней мере, в настоящий момент. Я использую его, а когда он мне будет не нужен, прикажу его убить — такова судьба всех предателей-перебежчиков.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? — прошептал Элрик; малейшее движение отдавалось болью во всем его теле.

— Я хочу, чтобы ты своими глазами увидел поражение Юга. Я хочу, чтобы ты знал: все твои старания оказались напрасными. А когда мы покорим Юг и разграбим все его богатства, мы примемся за остров Пурпурных городов, а потом уничтожим Вилмир и Илмиору. Это не составит никакого труда. Ты согласен?

Когда Элрик не ответил, Джагрин Лерн сделал нетерпеливый жест своим людям.

— Привяжите его к мачте, чтобы он получше видел ход сражения. Я прикрою его заклинанием, чтобы случайная стрела не убила его и не лишила меня удовольствия насладиться местью в полной мере.

Элрик затащили наверх по мачте и привязали, но он почти не чувствовал этого, снова погрузившись в полубеспамятство.

Огромный флот плыл вперед, не сомневаясь в своей победе.

В полдень Элрик очнулся, услышав крик рулевого:

— Курс на юго-восток. Приближается лормирский флот.

В бессильном гневе Элрик увидел, как пятьдесят двухмачтовых судов выстроились в боевой порядок. Их паруса казались яркими рядом с мрачно-пурпурными парусами Джагрина Лерна.

Лормир был слабее Аргимилиара, но флотом владел более мощным. По оценке Элрика, предательство короля Монтана стоило Югу приблизительно четверти его сил.

Теперь для Юга не осталось ни малейшей надежды, а уверенность Джагрина Лерна в победе имела под собой все основания.

Опустилась ночь, и огромный флот встал на якорь. К Элрику подошел стражник с едой и принялся кормить его густой кашей с еще одной дозой лечебного снадобья. По мере того как силы возвращались к нему, рос и его гнев. Джагрин Лерн дважды подходил к мачте, чтобы поиздеваться над Элриком.

— Вскоре после рассвета мы сойдемся с флотом южан,— улыбнулся Джагрин Лерн.— А к полудню от него останутся только кровавые щепки, а мы пойдем дальше, чтобы установить свою власть над теми народами, что так безрассудно положились на свою военно-морскую мощь.

Элрик вспомнил, как предупреждал королей Юга о том, что судьба их будет незавидна, если они не объединятся против теократа. Ему хотелось бы, чтобы это было ошибкой... После поражения Юга такая же судьба неминуемо постигнет и Восток, и тогда придет к власти Джагрин Лерн, и в мире возобладает Хаос, а Земля снова превратится в то первобытное вещество, из которого она была сотворена миллионы лет назад.

Всю безлунную ночь предавался Элрик этим мыслям, собирая силы, чтобы воплотить в жизнь план, который еще только начал формироваться в его голове.

Глава шестая

Его привел в чувство скрежет якорных цепей.

В водянистом подрагивающем свете солнца он увидел на горизонте флот южан, который стройными рядами шел навстречу кораблям Джагрина Лерна.

Он подумал, что короли Юга либо чересчур храбры, либо не осознают силы своего врага.

На носовой палубе внизу Элрик видел здоровущую катапульту. Рабы уже заряжали ее огромными огненными снарядами. Элрик знал, что обычно такие катапульты — только помеха, поскольку они достигли таких размеров, что их перезарядка становилась делом трудным. Предпочтительны были более легкие машины. Однако изобретатели Джагрина Лерна явно не были дураками. Элрик увидел, что катапульта оснащена дополнительными механизмами, которые позволяют быстро производить ее перезарядку.

Ветер упал, и теперь корабль Джагрина Лерна двигали вперед только пятьсот пар рук на веслах. На палубе воины заняли свои места перед абордажными платформами, которые должны будут опуститься на вражеские корабли и образовать мосты для штурма.

Элрик вынужден был признать, что Джагрин Лерн хорошо подготовился. Он не полагался на одну только потусторонюю помощь. Таких хорошо оснащенных кораблей Элрик еще не видел.

Элрик решил про себя, что флот южан обречен. Сражаться с Джагрином Лерном — это не отвага, это безумие.

Однако Джагрин Лерн допустил одну ошибку. Его снедала жажда мести, а потому он позаботился о том, чтобы вернуть жизненные силы Элрику, который вместе с этим обрел и ясность мысли.

У него теперь не было Буревестника, с которым он среди людей чувствовал себя непобедимым. Без меча Элрик становился беспомощным. Таковы были факты. Поэтому он каким-то образом должен вернуть меч. Но как? Меч вернулся в мир Хаоса вместе со своими братьями: вероятно, его влекло непреодолимое чувство братства.

Элрик должен связаться с ним.

Он не осмеливался вызывать всю стаю мечей — боялся слишком искушать провидение.

Он услышал резкий звук, а за ним вой — гигантская катапульта произвела первый выстрел. Над океаном понеслось горящее ядро, но упало в воду, не долетев до корабля. Море вокруг вспенилось. Катапульту быстро перезарядили, и Элрик только подивился скорости, с какой новое горящее ядро подготовили к выстрелу. Джагрин Лерн посмотрел на Элрика и рассмеялся.

— Мое удовольствие долго не продлится — их слишком мало, чтобы оказать достойное сопротивление. Смотри, как они будут умирать, Элрик!

Элрик ничего не ответил, сделав вид, что потрясен и испуган.

Следующий снаряд поразил один из ведущих кораблей, и Элрик увидел, как по палубе забегали крохотные фигурки, пытаясь погасить пламя, но через минуту весь корабль был охвачен пламенем, и теперь те же фигурки, отчаявшиеся спасти свой корабль, выпрыгивали из этой массы огня в воду.

Воздух вокруг него наполнился звуками летящих огненных шаров, и южане, которые приблизились к врагу на расстояние, покрываемое их более легкими катапультами, начали отвечать на выстрелы пантангцев, и по небу теперь неслись тысячи огненных комет. Жара стояла такая, что Элрик вспомнил о своих мучениях в темнице с горящей жаровней.

Над морем плыл черный дым. Медные тараны кораблей вонзались в дерево вражеских судов, пронзая его, как пронзают вертелом рыбину. Элрик услышал сиплые крики сражающихся людей, скрежет металла о металл — началась рукопашная.

Но он теперь лишь смутно слышал звуки вокруг, потому что сосредоточился.

Наконец он почувствовал, что готов и его голос за шумом схватки, вероятно, не будет услышан человеческими ушами. И тогда отчаянным, нечеловеческим голосом он позвал:

— Буревестник!

Его агонизирующий разум повторил крик, и Элрик словно бы заглянул за кромку неистовой схватки, за границу океана, за границу земли — в пространство ужаса и теней. Что-то шевельнулось в тех краях. Великое множество тварей услышали его зов.

— Буревестник!

Снизу до него донеслось проклятие, и он увидел Джагрина Лерна, указующего на него.

— Заткните пасть этому белолицему колдуну.— Взгляд Джагрина Лерна встретился со взглядом Элрика, и теократ облизнул губы, сделал паузу и добавил: — А если он не прекратит бормотать — прикончите его!

Офицер начал забираться по мачте к Элрику.

— Буревестник! Твой хозяин погибает! — Он извивался, пытаясь сбросить с себя путы, но тщетно.— Буревестник!

Всю свою жизнь он ненавидел этот меч, от которого так сильно зависел. А теперь он звал его, как влюбленный зовет возлюбленную.

Воин ударил его по ноге.

— Замолчи! Ты слышал, что сказал мой хозяин.

Элрик посмотрел безумными глазами на воина, который содрогнулся от этого взгляда и извлек меч из ножен. Одной рукой он держался за мачту, а другой приготовился нанести удар в сердце Элрика.

— Буревестник! — как рыдание вырвалось из горла Элрика это имя.

Он *должен.* Без него Хаос воцарится в мире.

Воин попытался нанести удар, но клинок не достиг тела Элрика, и тогда альбинос вспомнил, что Джагрин Лерн окружил его защитным колпаком. Магия теократа спасла его врага от гибели.

— Буревестник!

Воин от удивления открыл рот, и меч выпал у него из рук. Казалось, что-то невидимое ухватило его за горло, и Элрик увидел, как его ногти вонзились в собственную кожу и оттуда хлынула кровь. А потом медленно материализовались очертания, при виде которых Элрик облегченно вздохнул, поняв,

что это меч, его собственный рунный меч вонзается в воина и выпивает из него душу.

Воин свалился с мачты вниз, а Буревестник повис в воздухе. Потом он перерубил канаты, которыми были связаны руки Элрика, после чего устроился в правой руке своего хозяина, демонстрируя тем самым свою внушающую ужас любовь.

И тут же украденная жизненная энергия воина стала вливаться в тело Элрика, и боль, мучившая его, исчезла. Он ухватился рукой за рею и перерезал остававшиеся путы. Теперь он повис на одной руке.

«Теперь мы посмотрим, Джагрин Лерн, кто будет смеяться последним».

Спрыгнув на палубу, он поднял люк и посмотрел на жалкую фигуру своего друга в трюме. Его явно оставили там умирать от голода. Испугавшись луча света, бросилась в угол крыса. Элрик спрыгнул в трюм и с ужасом увидел, что правая рука Мунглама уже прогрызена. Он взвалил тело на плечи, чувствуя, что сердце, хотя и слабо, все еще бьется. С этим грузом он поднялся на палубу.

Элрику нужно было решить нелегкую задачу — обеспечить безопасность своего друга и в то же время не упустить Джагрина Лерна. Элрик направился к абордажному мостику, по которому, как ему показалось, пробежал теократ. Но в этот момент на него бросились три воина. Один из них воскликнул:

— Альбинос! Ему удалось вырваться!

Элрик нанес ему удар одним движением кисти, остальное доделал Черный Меч. Другие двое отступили, вспомнив, как Элрик ворвался в Хвамгаарл.

Он почувствовал приток энергии. С каждым убитым его силы возрастали. И хоть это была краденая энергия, она была ему необходима, чтобы выжить и принести победу Закону.

Не чувствуя груза на своих плечах, он пробежал по абордажным мосткам на корабль южан. На корабле развевался штандарт Аргимилиара, а вокруг мачты сгрудилась небольшая группка людей во главе с королем Хозелом, на лице которого перед фактом неизбежной грядущей смерти застыла скорбная маска. Заслуженной смерти, мрачно подумал Элрик, но тем не менее

он понимал: если Хозел умрет, это будет еще одной победой Хаоса.

Он услышал какой-то новый крик, и решил было, что его заметили, но потом увидел, что один из воинов Хозела указывает на север и что-то говорит.

Элрик посмотрел в том направлении и со смешанным чувством увидел отважные корабли морских владык Пурпурных городов. На кораблях были весело расписанные, яркие паруса, некоторые даже покрытые вышивкой — паруса были единственным богатым украшением, которое позволяли себе морские владыки.

Они опаздывали. Правда, даже если бы они вступили в бой одновременно с другими кораблями южан, все равно победа Пан-Танга была бы неминуема.

В этот момент Джагрин Лерн, оглянувшись, увидел Элрика и закричал на своих людей, которые неохотно и с опаской двигались на альбиноса, охватив его полукругом.

Элрик недобрым словом помянул храбрых морских владык, которые задержали его. Он угрожающе размахивал рунным мечом, наступая на обескураженных пантангских воинов. Они отступали, некоторые издавали стоны, когда клинок доставал их. Путь к Джагрину Лерну был расчищен.

Корабли Пурпурных городов приближались. Они уже находились в пределах досягаемости средней катапульты.

Элрик заглянул в глаза испуганному Джагрину Лерну и прорычал:

— Не уверен, что мой меч сможет одним ударом пробить твои горящие доспехи, но у меня сейчас есть время только на один удар. Я тебя сейчас оставлю, теократ, однако помни: даже если ты покоришь весь мир, включая неизведанные земли Востока, в конце пути тебя ждет мой меч, который выпьет твою душу.

С этими словами он сбросил бесчувственное тело Мунглама за борт и прыгнул следом за ним в пенящуюся воду.

Подхватив Мунглама, он мощными гребками поплыл к флагманскому кораблю морских владык — кораблю Каргана.

У него за спиной Джагрин Лерн и его люди увидели, что их собственный корабль охвачен огнем. Элрик хорошо знал свое

дело. Это тоже должно было отвлечь внимание от флота Каргана.

Полагаясь на прославленное морское искусство морских владык, он плыл прямо на ведущий галеон, выкрикивая имя Каргана.

Корабль слегка изменил курс, и он увидел бородатые лица, увидел брошенные ему канаты и сумел ухватиться за один из них. Его вместе с его ношей потащили наверх, и наконец он перевалился через фальшборт и оказался на палубе.

Карган, потрясенный, смотрел на него.

— Элрик! Мы думали, что ты мертв. И, как вижу, были недалеки от истины. А может, с тобой случилось еще и кое-что похуже.

Элрик перевел дыхание и взволнованно сказал:

— Поворачивай свой флот, Карган. Поворачивай как можно скорее. Спасти южан уже невозможно — они обречены. Мы должны сохранить силы на будущее.

Поколебавшись несколько мгновений, Карган отдал приказ, который немедленно передали на шестьдесят остальных кораблей его флотилии.

Когда корабли повернули, Элрик оглянулся и увидел, что на плаву почти не осталось кораблей южан. На протяжении почти мили по воде стелилась огненная дорожка из горящих корабельных обломков, а над водой раздавались крики тонущих людей.

— Теперь, когда морские силы южан сокрушены,— сказал Карган, глядя на врача, который занимался Мунгламом,— перед мощью Пан-Танга не устоят и сухопутные силы Юга. Юг, как и мы, слишком полагался на свой флот. Я получил хороший урок — мы должны укрепить наши оборонительные сооружения, если хотим вообще иметь какие-то шансы.

— С этого момента ваш остров становится нашей штаб-квартирой,— твердым голосом объявил Элрик.— Мы укрепим оборону и будем наблюдать за тем, что происходит на Юге. Скажи мне,— он обратился к целителю,— как мой друг?

Целитель поднял взгляд на Элрика.

— Ран мало, состояние тяжелое. Но жить будет. Через месяц он поправится полностью, если дать ему отдых.

— Он получит этот отдых,— пообещал Элрик. Он положил руку на рунный меч, висящий у него на боку, спрашивая себя, какие еще задачи предстоит им выполнить, прежде чем произойдет решительная битва между Законом и Хаосом.

Хаос скоро будет править большей частью мира, невзирая на тот мощный удар, который он получил от Элрика, навсегда изгнавшего Герцогов Ада в их царство. Чем сильнее становился Джагрин Лерн, тем больше возрастала угроза Хаоса.

Он вздохнул и посмотрел на север.

Два дня спустя они вернулись на остров Пурпурных городов. Флот встал на якорь в крупнейшей гавани Уткеля, поскольку решено было держать его под рукой.

На следующий вечер после разговора Элрика с морскими владыками в Вилмир и Илмиору были отправлены гонцы, а утром раздался вежливый стук в дверь.

Карган встал с кресла, а когда открыл ее, изумленно уставился на высокого чернолицего человека.

— Сепирис! — воскликнул Элрик.— Как ты здесь оказался?

— На спине коня,— улыбнулся гигант.— А мощь нихрейнских жеребцов тебе знакома. Я пришел предостеречь тебя. Нам наконец удалось установить контакт с Белыми Владыками, но пока они мало чем могут нам помочь. Нужно каким-то образом проложить дорогу в их мир, разрушив преграды, воздвигнутые Хаосом. Орды воинов сошли с кораблей Джагрина Лерна на берег, и теперь они наводняют сушу. Сейчас мы ничего не можем противопоставить ему. С тех пор как он собрал в кулак свои земные силы, они постоянно увеличиваются. Он скоро сможет вызвать новых союзников из Хаоса.

— Так в чем же состоит моя следующая задача? — тихо спросил Элрик.

— Я еще не знаю наверняка. Но я пришел не для этого. Пребывание твоего меча в компании братьев усилило его. Возможно, ты заметил, как быстро восстановил он теперь твои силы.

Элрик кивнул.

— Эта энергия получается посредством зла и сама по себе является злом. Энергия меча будет продолжать увеличиваться, как и твоя. Но порожденные Хаосом силы все в большей мере наполняют твое существо, и тебе придется очень постараться, чтобы они не обуяли тебя целиком.

Элрик вздохнул и положил руку на плечо Сепирису.

— Спасибо за предупреждение, друг, но я не жду, что, одержав победу над Герцогами Ада, которым я когда-то принес клятву верности, я выйду из этого сражения с легкими царапинами. Я хочу, чтобы ты знал об этом, Сепирис.— Он повернулся к морским владыкам.— И вы тоже.

Он извлек стонущий рунный меч из ножен и поднял его — тот засиял зловещим светом.

— Этот меч был выкован Хаосом, чтобы победить Хаос. Такова и моя судьба. Хотя мир превращается в кипящий газ, я намерен выжить. Я клянусь Равновесием Космоса, что победа будет за Законом и на Земле наступит Новый Век.

Ошеломленные этой мрачной клятвой, морские владыки переглянулись, а Сепирис улыбнулся.

— Будем надеяться на это,— сказал он.— Давайте надеяться.

Часть третья

ЩИТ ПЕЧАЛЬНОГО ВЕЛИКАНА

Тринадцать раз по тринадцать —
Ступеней до замка, где скрыт
Щит, что великан хранит.
Семь раз по семь — старых древ бузины,
Дюжина дюжин — стражи видны,—
Щит там великан хранит.
И смелый герой бросит вызов на бой,
И меч обагрит, чтоб взять Хаоса щит
*В печальной победы день**.

Хроника Черного Меча

Глава первая

На мир пала тень анархии. Никто не мог ясно провидеть будущее и понять судьбу Земли: ни боги, ни люди, ни то, что правило и теми и другими, потому что Хаос с помощью своих земных марионеток наращивал силы.

Влияние Хаоса распространялось теперь от западных гор до южных равнин, поглотив волнующийся океан. Оставшиеся в живых, измученные и несчастные, потерявшие всякую надежду избавиться от разлагающего, развращающего влияния Хаоса, бежали с двух континентов, которые уже пали перед

* Перевод Р. Адрианова, А. Зильберштейна.

приспешниками Беззакония, ведомыми теократом Джагрином Лерном из Пан-Танга. Этот горбоносый, широкоплечий, жадный до власти колдун в раскаленных алых доспехах, расширяя черные границы своих владений, правил как хищниками в людском обличье, так и потусторонними существами.

Все на лике Земли приходило в упадок и корчилось в муках, кроме жителей малонаселенного Восточного континента и Пурпурных городов, которым тоже угрожал теократ. Эти пока еще не покоренные земли готовились теперь противостоять Джагрину Лерну. Приливная волна Хаоса грозила затопить весь мир, если только не найдется сила, которая сможет ее остановить.

Те немногие, кто под началом Элрика из Мелнибонэ еще продолжал сопротивляться Джагрину Лерну, в печали и тревоге обсуждали стратегию и тактику, прекрасно понимая, что одних разговоров для победы над нечестивыми ордами Джагрина Лерна недостаточно.

Элрик в отчаянии пытался связаться с Белыми Владыками Закона, используя для этого древнее искусство колдовства, доставшееся ему в наследство от предков-императоров. Но у него не было опыта обращения к подобным сущностям, к тому же Хаос успел набрать такую силу, что представители Закона практически потеряли доступ на Землю, куда нередко наведывались в прежние времена.

У Элрика и его союзников, готовящихся к грядущей схватке, было тяжело на душе. Подспудно они чувствовали тщетность своих усилий. К тому же Элрик постоянно помнил о том, что даже если он одержит победу над Хаосом, сама эта победа приведет к гибели мира, в котором он живет, подготовив его для власти сил Закона. А в таком мире не будет места для обуреваемого страстями альбиноса.

Из соседних царств, находящихся вне земного измерения, Владыки Хаоса и Закона следили за этой борьбой, но даже они в полной мере не понимали судьбы Элрика.

Хаос торжествовал. Хаос блокировал все усилия Закона пройти по территории Хаоса, а других путей на Землю уже не было. И Владыки Закона разделяли тревогу Элрика.

Но если за Землей и разворачивающейся на ней борьбой следили Хаос и Закон, то кто следил за ними? Ведь Хаос и Закон — всего лишь гири на тех весах, которые держит рука, редко вмешивавшаяся в их борьбу, еще реже — в людские дела. Но теперь было принято одно из редких решений нарушить сложившийся статус-кво. Какая чаша весов должна пойти вниз? Какая — вверх? Кто должен решать — Владыки или люди? Или только Космическая Рука может изменять характер Земли, модифицировать ее материю, ее духовные составляющие, помещать ее на другой путь развития, предназначать ей новую судьбу?

Может быть, позволить всем сыграть свою роль, прежде чем принять окончательное решение?

Великий Зодиак, влияющий на вселенную и ее эпохи, завершил все двенадцать своих циклов. Скоро все должно было начаться с самого начала. Колесо начнет вращаться, а когда прекратит свое вращение, против какого символа окажется? Насколько успеет измениться?

Великие катаклизмы на Земле и вне ее; формирование великих судеб, планирование великих подвигов. Может ли человек независимо от Владык Высших Миров, независимо от Космической Руки, независимо от мириадов обитателей потусторонних миров, наводнивших вселенную, сам решить судьбу будущего?

Причем — один человек?

Один человек, один меч, одна судьба?

Элрик из Мелнибонэ, ссутулившись, сидел в седле на центральной площади Бакшаана, наблюдая за снующими туда-сюда воинами. Много лет назад он здесь предпринял штурм замка, принадлежавшего богатейшему купцу города, оставил всех в дураках и увез из города несметные сокровища. Но старые свары были теперь забыты, угроза войны вытеснила эти воспоминания, а, кроме того, жители понимали, что если их не спасет руководство Элрика, то не спасет уже ничто. Стены города были расширены и надстроены, воины осваивали незнакомые им раньше военные машины. Прежде неторопливый город Бакшаан стал теперь энергичным и боевитым. Он был готов к предстоящему сражению.

В течение целого месяца объезжал Элрик из конца в конец восточные королевства Илмиору и Вилмир, руководя подготовкой, объединяя силы двух народов в эффективный военный механизм.

Сейчас он изучал документы, привезенные офицерами, и, вспоминая опыт тактического мастерства, накопленный его предками, отдавал приказы.

Солнце село, и иссиня-черное небо до самого горизонта затянули темные тучи. Элрик поплотнее закутался в плащ — холодало.

Он молча созерцал небо, потом, повернувшись на запад, нахмурился, заметив что-то вроде сверкающей золотой звезды, быстро приближающейся к нему.

Он все время был настороже, опасаясь внезапного наступления Хаоса, а потому повернулся в седле и прокричал:

— Всем занять свои места! Берегись золотого шара!

Шар быстро приближался и вскоре повис над городом. Все в удивлении смотрели на него, держа руки на оружии. Когда наступила ночь и тучи закрыли луну, шар, из которого исходило странное пульсирующее свечение, начал опускаться на шпили Бакшаана. Элрик обнажил Буревестник, и вдоль лезвия засверкала черная молния, раздался низкий стон. Шар коснулся камней, которыми была вымощена центральная площадь, и разлетелся на миллион осколков, которые, прежде чем исчезнуть, осветили все вокруг яркой вспышкой.

Элрик облегченно рассмеялся и убрал Буревестник, увидев, кто стоит на месте золотого шара.

— Сепирис, друг мой, ты нашел необычное средство перемещения в пространстве.

Высокий черный ясновидец улыбнулся, сверкнув своими белыми зубами.

— У меня осталось так мало экипажей подобного рода, что я использую их только в случаях крайней нужды. У меня для тебя новости. Много новостей.

— Надеюсь, хороших, потому что плохих у нас столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Разных. Где мы можем побеседовать наедине?

— Мой штаб вон в том доме.— Элрик указал на богатый особняк в дальнем конце площади.

Усадив гостя, Элрик налил ему желтого вина. Купец Келос, которому принадлежал дом, не слишком охотно согласился с реквизицией, и Элрик, частично по этой причине, откровенно растранжиривал винный погреб.

Сепирис взял кубок и пригубил крепкого вина.

— Тебе удалось связаться с Белыми Владыками? — спросил Элрик.

— Удалось.

— Слава богам. Они готовы нам помогать?

— Они всегда были готовы нам помогать, но им пока не удается пробить защитную оболочку, возведенную Хаосом вокруг планеты. Однако то, что мне удалось с ними связаться,— хороший знак. Такой хорошей новости у нас давно не было.

— И в самом деле,— весело сказал Элрик.

— Но есть и другие. Флот Джагрина Лерна направился к Восточному континенту. У него тысячи кораблей и сверхъестественные союзники.

— Я этого ждал. Свои дела здесь я закончил и отправляюсь на остров Пурпурных городов. Я должен стать во главе флота, который встретит Джагрина Лерна.

— Твои шансы на победу равны нулю, Элрик,— мрачным тоном предупредил его Сепирис.— Ты что-нибудь слышал о кораблях ада?

— Да, я слышал о них. Они плавают по дну океана, подбирая утонувших моряков, которые и становятся членами экипажа.

— Верно. Они принадлежат Хаосу и размерами превосходят любой корабль, когда-либо созданный смертными. Победить их невозможно, даже если бы они были одни — без кораблей теократа.

— Я знаю, что схватка будет не на жизнь, а на смерть, Сепирис. Но какие еще возможности у нас есть? Мое оружие против Хаоса — только мой меч.

— Этого мало. Тебе нужна *защита* от Хаоса. Об этом-то я и хочу тебе сообщить. Тебе нужна персональная броня, которая поможет тебе в сражении. Правда, ты должен будешь взять ее у нынешнего владельца.

— Кто же он?

— Великан, который в вечных страданиях обитает в огромном замке на краю света за Вздыхающей пустыней. Зовут его Мордага. Когда-то он был богом, но потом его превратили в смертного за проступки, которые он совершил против своих товарищей-богов много веков назад.

— Смертный? И тем не менее он живет так долго?

— Да, Мордага — смертный, хотя продолжительность его жизни гораздо больше, чем у обычных людей. Он страшится неминуемой смерти. В этом-то и кроется причина его страданий.

— А что у него за оружие?

— Это не оружие, это щит. Щит, имеющий определенное назначение. Его Мордага изготовил для себя, когда поднял восстание, намереваясь стать сильнейшим из богов. Он даже хотел отобрать вечные весы у Того, Кто Их Держит. За это он был изгнан на Землю и поставлен в известность, что однажды погибнет от руки смертного. Его щит, как ты, наверно, уже догадался, защищает от сил Хаоса.

— И как же это у него получается? — полюбопытствовал Элрик.

— Существа Хаоса, если только они достаточно сильны, могут пробить любую физическую защиту. Насколько нам известно, ничто, построенное на принципах порядка, не сможет долго выдержать атаки Хаоса.

Буревестник продемонстрировал тебе, что единственным эффективным оружием против Хаоса может быть только то, что было создано самим Хаосом. То же можно сказать и о щите Хаоса. Он по своей природе принадлежит Хаосу, а потому в нем нет ничего упорядоченного, на что могли бы эффективно воздействовать хаотичные силы. Этот щит создан Хаосом и отражает удары Хаоса, две враждебные силы противостоят друг другу.

— Понимаю. Если бы у меня раньше был этот щит, то наши дела, возможно, приняли бы другой оборот.

— Прежде я не мог сказать тебе об этом щите. Я уже говорил, что я только слуга судьбы и не могу действовать, если это не разрешено моими хозяевами. Возможно, я был прав, когда говорил, что судьба хочет увидеть, как Хаос перед своим окончательным поражением — если только он потерпит поражение — заполонит Землю. Таким образом можно будет полностью изменить природу планеты, прежде чем начнется новый цикл. Планета изменится непременно, но вот окажется она в будущем в руках Хаоса или Закона,— это будет целиком зависеть от тебя, Элрик.

— Я уже привыкаю к этой ответственности, мой друг. И как же я узнаю этот щит?

— Ты его узнаешь по восьмиконечному знаку Хаоса в центре. Это тяжелый круглый щит, сделанный для великана. Но с той энергией, что ты получаешь от своего рунного меча, ты сможешь владеть этим щитом, на сей счет можешь не опасаться. Но сначала ты должен набраться мужества и отобрать его у теперешнего владельца. Мордаге известно пророчество — его товарищи-боги, перед тем как его изгнать, сообщили ему, что его ждет.

— А тебе это пророчество известно?

— Да. На нашем языке оно звучит совсем просто:

Мордаги спесь, Мордаги смерть,
Мордаги жребий злой —
Стать смертным и убитым быть
Четверкой роковой*.

— Четверка? И кто же три других?

— Ты узнаешь об этом, когда отправишься за щитом Хаоса. Так что ты решаешь? Пурпурные города или поиски щита?

— Жаль, что у меня нет времени немедля отправиться на поиски. Я должен готовить людей к сражению — со щитом или без него.

---

* Перевод Р. Адрианова.

— Ты потерпишь поражение.

— Посмотрим, Сепирис.

— Хорошо, Элрик. Поскольку ты, хоть и незначительно, можешь влиять на собственную судьбу, мы должны позволить тебе принять решение по твоему выбору,— сочувственно сказал Сепирис.

— Судьба добра,— иронически отозвался Элрик. Он поднялся со стула.— Я отправляюсь в путь немедленно. Нельзя терять ни минуты.

Глава вторая

Элрик нахлестывал своего скакуна, гоня его сквозь темень ночи, по пребывающей в смятении земле, которая в ужасе ждала нападения Джагрина Лерна, несущего не только смерть, но и обращение людских душ в рабов Хаоса. Молочно-белые волосы Элрика развевались за его спиной, глаза целеустремленно горели.

Штандарты многих монархов Запада и Юга теперь развевались рядом со знаменами Джагрина Лерна — короли предпочли его владычество смерти. Мужчины покоренных королевств были превращены в армию марионеток с пустыми глазами и порабощенными душами, их жены и дети были мертвы, преданы муке или отправлены на жертвенные алтари Пан-Танга, где жрецы возносили заклинания Владыкам Хаоса, а те, жаждущие распространить свою власть на всю Землю, отвечали на призывы помощью.

На Землю попадали не только существа Хаоса, но и материя их таинственного мира, а потому в тех частях света, что попали под их власть, земля дыбилась, как море, а моря текли, как лава, горы изменяли свою форму, а растения выкидывали ужасающие соцветия, каких прежде не знала Земля.

На землях, завоеванных Джагрином Лерном, повсюду были видны проявления Хаоса. Сами духи природы были обращены в то, чем они не должны быть; воздух, огонь, вода и земля стали неустойчивыми, поскольку Джагрин Лерн и его

союзники уродовали не только жизни и души людей, но и саму материю. И некому было наказать их за эти преступления. Ни у кого не хватало сил.

Не забывая об этом, Элрик во весь опор гнал коня, надеясь добраться до Пурпурных городов до того, как прискорбно малочисленный флот этого острова выступит навстречу Хаосу.

Два дня спустя он прибыл в порт Ухайо на оконечности самого малого из трех вилмирских полуостровов и сразу же сел на корабль, направляющийся на остров Пурпурных городов. Сойдя на берег, он поскакал в глубь острова к древней крепости Ма-ха-кил-агра, которая ни разу не пала под напором врага и считалась одним из самых неприступных сооружений на всей территории, пока еще свободной от Хаоса. Название крепости восходило к древнему языку, не известному никому из живущих в нынешнем веке Молодых королевств. Только Элрик знал, что означает это имя. Крепость была здесь задолго до того, как нынешние обитатели завоевали остров, и даже до начала экспансии предков Элрика. Ма-ха-кил-агра означало «Крепость Заката». Сюда в незапамятные времена пришел умирать древний народ.

Когда Элрик появился во внутреннем дворе крепости, навстречу ему из дверей башни бросился Мунглам.

— Элрик! Мы ждали тебя. Наше время истекает — мы должны выступать против врага. Мы выслали разведчиков, чтобы они оценили размер и мощь вражеского флота. Вернулись только четверо, и все они оказались совершенно бесполезными, так как потеряли разум. Вернулся только что и пятый, правда...

— Что — правда?

— Посмотри сам. Он... стал другим.

— Стал другим?! Где он? Отведи меня к нему.— Элрик приветственно кивнул другим офицерам, вышедшим навстречу. Минуя их, он направился следом за Мунгламом по каменным коридорам крепости, освещаемой искрящими жаровнями.

Мунглам остановился перед дверью и, пропустив Элрика вперед, провел пятерней по своим густым рыжим волосам.

— Он там. Поговори-ка с ним сам. Что-то мне не хочется больше его видеть.

— Хорошо.

Элрик открыл дверь, спрашивая себя, как же мог измениться этот разведчик. За простым деревянным столом сидело нечто, представляющее собой остатки прежнего человека. Оно подняло глаза. Как и предупреждал Элрика Мунглам, с этим человеком произошли изменения. Элрик испытывал к нему сострадание, но ни отвращения, ни ужаса тот у него не вызвал, потому что Элрик в своей колдовской практике видал вещи и похуже. Одна сторона этого человека словно бы стала текучей, начала менять свои формы, но в какой-то момент снова затвердела. Полголовы, плечо, рука, часть туловища, нога — все это превратилось в какое-то месиво, из которого торчало нечто вроде крысиных хвостов, местами плоть стала сплошным нарывом. Разведчик протянул здоровую руку — и хвосты закачались, задергались в одном движении.

Элрик спокойным голосом спросил:

— Что за колдовство вызвало такие страшные перемены?

Из перекошенного рта вырвалось какое-то подобие смешка.

— Я попал во владения Хаоса, господин. И Хаос сделал со мной то, что ты видишь. Границы раздвигаются. Я этого не знал. Я оказался в пределах Хаоса, прежде чем понял это. *Царство Хаоса расширяется!* — Он подался вперед, его дрожащий голос срывался на крик.— А с ним наступает огромный флот Джагрина Лерна: гигантские корабли, эскадры вторжения, тысячи транспортных кораблей, корабли с военными машинами, брандеры, самые разные корабли под множеством разных флагов. Оставшиеся в живых короли Юга принесли клятву верности Джагрину Лерну, и он, использовав их и свои ресурсы, создал эту армаду. Продвигаясь, он расширяет власть Хаоса, а поскольку он плывет медленнее обычного, то, когда он доберется до нашего острова, Хаос соединится с ним. Я видел корабли, которые невозможно создать на Земле. Они размером с замок. И каждый из них — ошеломляющее сочетание всех цветов!

— Значит, ему все же удалось призвать новых потусторонних союзников под свои знамена,— задумчиво сказал Элрик.— Ведь это те самые корабли ада, о которых говорил Сепирис...

— Если даже нам удастся победить корабли, созданные людьми,— истерически воскликнул разведчик,— то ни корабли Хаоса, ни материя Хаоса, которая бурлит вокруг них и сделала со мной все это, нам не по силам! Она бурлит, она движется, она постоянно видоизменяется. Это все, что мне известно, кроме того, что Джагрину Лерну и его союзникам она не причиняет никакого вреда. Когда со мной стали происходить эти изменения, я бежал на Драконий остров Мелнибонэ, который, кажется, может противостоять таким изменениям и является единственным безопасным местом во всем мире. Когда мое тело — довольно быстро — залечилось, я бросился сюда.

— Ты отважен,— низким голосом сказал Элрик.— Я обещаю, ты будешь вознагражден.

— Мне нужна только одна награда, господин.

— Какая?

— Смерть. Я не могу жить с таким телом, которое на меня самого наводит ужас.

— Я подумаю, как тебе помочь,— пообещал Элрик. Несколько мгновений он размышлял, потом, кивком попрощавшись с разведчиком, вышел из комнаты.

Снаружи его ждал Мунглам.

— Похоже, плохи наши дела, Элрик? — тихо спросил он.

Альбинос только вздохнул.

— Может быть, мне стоило *сначала* отправиться за щитом Хаоса.

— Это что такое?

Элрик пересказал Мунгламу все, что узнал от Сепириса.

— Такая защита нам бы не помешала,— согласился Мунглам.— Но сейчас у нас другие дела: завтра мы выходим в море. Офицеры ждут тебя в зале.

— Я скоро выйду к ним,— пообещал Элрик.— Прежде мне нужно зайти к себе и собраться с мыслями. Скажи им, я приду, когда все обдумаю.

Оказавшись в своей комнате, Элрик запер дверь, не переставая размышлять над тем, что узнал от разведчика. Он знал, что без помощи потусторонних сил ни один флот, каким бы большим он ни был, какими бы бесстрашными ни были моряки, не смог бы противостоять Джагрину Лерну. В его же распоряжении был относительно небольшой флот, потусторонние силы ему не помогали, средств для поражения Хаоса у него не имелось. Если бы у него сейчас был щит Хаоса... Но теперь жалеть о принятом решении было бессмысленно. И потом, если бы он отправился на поиски щита, то не смог бы участвовать в предстоящей битве.

Перед уходом он несколько недель читал старинные книги в форме свитков, табличек, листов драгоценных металлов с выгравированными на них древними символами, и сейчас ими была завалена вся комната. Элементали в прошлом помогали ему поддерживать вещи в порядке, но теперь Хаос привел их в такое состояние, что они большую часть времени оставались немощными.

Он снял с пояса меч и бросил его на кровать, застланную шелками и мехами. Он с иронией вспомнил те прежние времена, когда он, бывало, впадал в отчаяние. Какими же мелкими в сравнении с нынешним грузом, отягощающим его душу, казались ему теперь причины, вызывавшие те приступы хандры. Хотя он и чувствовал себя усталым, но все же решил не заимствовать украденную энергию у Буревестника, потому что испытываемая им при этом эйфория сводилась на нет чувством вины. Это чувство владело им с раннего детства, когда он впервые понял, что видит на лице своего отца выражение не любви, а разочарования в том, что он породил больного отпрыска — бледного альбиноса, который без снадобий или колдовства ни на что не годен.

Элрик вздохнул и подошел к окну, откуда открывался вид на невысокие холмы и море за ними. Бессознательно он заговорил вслух, надеясь, что вместе со словами его хотя бы частично покинет напряжение.

— Я не ищу этой ответственности,— сказал он.— Когда я сражался с Мертвым Богом, тот говорил, что боги и люди — это тени, марионетки в представлении, разыгранном до начала настоящей истории Земли, до того как люди взяли судьбу в свои руки. Потом Сепирис сказал мне, что я должен сражаться с Хаосом и способствовать уничтожению мира, в котором живу, иначе история никогда не начнется, а реализация

великой цели, предписанной судьбой, будет отложена. А потому *я* должен пройти все испытания, закалиться, чтобы исполнить то, что мне предначертано, *я* не должен знать душевного покоя, должен без конца сражаться с людьми и материей Хаоса, должен ускорить кончину этой эпохи, чтобы в какие-то отдаленные времена люди, не знающие искусства колдовства или Владык Высших Миров, могли бы перемещаться по миру, в котором не будет сил Хаоса, где справедливость может существовать реально, а не как некая умозрительная концепция, созданная философами.

Он потер свои красные глаза.

— Значит, судьба делает Элрика мучеником ради того, чтобы в мире мог властвовать Закон. Она вручает ему меч, порождение самого уродливого зла, этот меч уничтожает как друзей, так и врагов, выпивает их души и этим питает Элрика, давая ему необходимые силы. Этот меч делает меня слепым ко злу и к Хаосу, чтобы я мог *уничтожить* зло и Хаос. Она не делает меня каким-нибудь бесчувственным болваном, которого легко убедить в чем угодно и который готов на самопожертвование, нет, она делает меня Элриком из Мелнибонэ и заставляет меня безумно страдать...

— Мой повелитель разговаривает вслух сам с собой, и мысли его мрачны. Поговори лучше со мной, и я помогу тебе справиться с ними.

Узнав этот нежный голос и удивившись, Элрик быстро повернулся и увидел Заринию. Она стояла перед ним, вытянув вперед руки с выражением любви на молодом лице. Он сделал шаг ей навстречу, но остановился и сердито сказал:

— Когда ты сюда приехала? Зачем? Я же говорил, чтобы ты оставалась во дворце отца в Карлааке, пока с этим не будет покончено. Если только это случится.

— Если только это случится...— повторила она, уронив руки и пожав плечами. Хотя она была еще очень юна, но со своими полными алыми губами и длинными черными волосами держала себя как принцесса и казалась старше своих лет.

— Не спрашивай меня об этом,— резко сказал он.— Мы здесь об этом предпочитаем не говорить. Лучше ответь на мой вопрос: как и зачем ты здесь оказалась? — Он знал, каким будет ее ответ, а говорил лишь для того, чтобы продемонстрировать свое недовольство, которое было следствием страха за нее,— она оказалась сейчас всего в нескольких шагах от опасности — опасности, от которой он уже избавлял ее.

— Я прибыла сюда с двумя тысячами воинов моего кузена Оплука,— сказала она, с вызовом тряхнув головой,— который присоединился к защитникам Ухайо. Я приехала, чтобы быть рядом со своим мужем, если ему может потребоваться утешение. Боги знают, что у меня почти не было возможности выяснить это!

Элрик мерил шагами комнату.

— Я люблю тебя, Зариния, и поверь: будь у меня малейшая возможность, то я был бы сейчас с тобой в Карлааке. Но такой возможности у меня нет. Ты знаешь мою роль, мою судьбу, мой рок. Своим приездом ты несешь мне печаль, а не помощь. Если это дело завершится удачно, мы встретимся снова в радости, а не в страданиях, как теперь.— Он подошел и обнял ее.— Ах, Зариния, не нужно было нам вообще встречаться, не нужно было соединять наши судьбы. В такое время мы можем только приносить боль друг другу. Наше счастье было таким коротким...

— Если мое присутствие причиняет тебе боль, значит, от этого никуда не деться,— тихо сказала она.— Но если тебе потребуется утешение, я буду рядом, мой повелитель.

Он тяжело вздохнул.

— Это слова любви, моя дорогая, только вот сказаны они не во времена любви. Я пока забыл о ней. Попробуй сделать то же самое, и мы оба сможем избежать ненужных осложнений.

Она, подавляя в себе гнев, медленно отошла от него и с едва заметной ироничной улыбкой указала на кровать, где лежал Буревестник.

— Я вижу, другая твоя любовница по-прежнему разделяет с тобой ложе,— сказала она.— И теперь у тебя даже нет потребности освободиться от нее, поскольку этот черный властелин Нихрейна дал тебе оправдание, чтобы ты мог никогда не расставаться с ним. Судьба — так ты это называешь? Судьба! Чего только не совершали мужчины во имя судьбы! А что такое судьба, Элрик, ты можешь ответить?

Он покачал головой.

— Поскольку ты задала этот вопрос в гневе, я не буду на него отвечать.

Внезапно она воскликнула:

— Ах, Элрик, я проделала такой длинный путь, чтобы увидеть тебя. Я думала, ты обрадуешься. А мы говорим с ненавистью.

— *Страх!* — взволнованно сказал он.— Это страх, а не ненависть. Я боюсь за тебя и боюсь за будущее мира. Проводи меня завтра утром на корабль и как можно скорее возвращайся в Карлаак. Умоляю тебя.

— Как скажешь.

Она вернулась в маленькую комнату по соседству.

Глава третья

— Мы говорим только о поражении! — прорычал Карган из Пурпурных городов, ударив кулаком по столу. Казалось, даже борода у него дымится от гнева.

К рассвету в зале совещаний остались всего несколько офицеров, сумевших побороть усталость. Карган, Мунглам, кузен Элрика Дивим Слорм и лунолицый Дралаб из Таркеша продолжали разговор о тактике грядущего сражения.

Элрик спокойно ответил ему:

— Мы говорим о поражении, Карган, потому что мы должны быть реалистами. Разве нет? Если поражение неизбежно, то мы должны спастись, сохранить наши силы для нового сражения с Джагрином Лерном. У нас не будет сил для еще одного генерального сражения, поэтому мы должны воспользоваться нашим знанием течений, ветров и территории, чтобы нападать на него из засад на земле или на море. Таким образом нам, может быть, удастся деморализовать его воинов и убить гораздо больше врагов, чем враги убьют нас.

— Хорошо, я принимаю твою логику,— неохотно пробормотал Карган, которого этот разговор явно приводил в беспокойство, потому что если генеральное сражение будет проиграно, это будет означать потерю острова Пурпурных городов, а за ним и материковых королевств — Вилмира и Илмиоры.

Мунглам, изменив свою позицию, проворчал:

— А если придется отступать, значит, будем отступать — лучше гнуться, чем ломаться, но потом возвращаться с других направлений, атаковать, сеять замешательство в рядах врага. Я так думаю, что нам придется двигаться быстрее, чем мы можем, поскольку мы будем измотаны, а при недостатке продовольствия...— Он слабо улыбнулся.— Простите мне мой пессимизм. Боюсь, что он совсем не к месту.

— Нет,— сказал Элрик.— Мы должны смотреть правде в лицо, если не хотим, чтобы нас застали врасплох. Ты прав. А чтобы обеспечить нам пути отступления, я уже послал отряды во Вздыхающую пустыню и Плачущую пустошь — они оборудуют там склады провизии и оружия. Если нам придется отступить до пустынь, то мы окажемся в более благоприятном положении, чем Джагрин Лерн. При этом мы исходим из предположения, что для распространения власти Хаоса им потребуется какое-то время, а его союзники из Высших Миров не обладают абсолютной мощью.

— Ты рассуждаешь здраво...— сказал Дивим Слорм, криво улыбаясь и поднимая скошенные брови.

— Да, но есть вещи, которые невозможно предусмотреть, потому что если мы в конечном счете будем полностью поглощены Хаосом, то никакой нужды в дальнейших планах нет. Так что мы рассчитываем на иные реалии.

Карган тяжело вздохнул и поднялся со стола.

— Больше обсуждать нечего,— сказал он.— Я иду спать. С завтрашним приливом мы должны выйти в море.

Все согласно вздохнули, встали, отодвинув стулья, и вышли из зала. В комнате, оставленной людьми, воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением ламп да шуршанием карт и бумаг на сквозняке.

Когда поздно утром Элрик поднялся, Зариния уже встала и была одета в платье из ткани с золотой нитью, поверх которого был наброшен длинный серебристый плащ с черной оторочкой, ниспадающий с плеч до самого пола.

Он умылся и позавтракал приготовленными ею плодами с пряностями.

— Зачем ты так нарядилась? — спросил он.

— Чтобы проститься с тобой в гавани,— ответила она.

— Если ты говорила вчера то, что думаешь, то тогда тебе стоило бы надеть траурное красное платье,— сказал он, а потом, смягчившись, прижал ее к себе. Он обнял ее со всей силой отчаяния, потом отстранился, взял ее пальцами за подбородок, приподнял лицо и заглянул в глаза.— В наши трагические времена,— сказал он,— почти не остается времени для любви и добрых слов. Любовь должна быть глубокой и сильной, она должна проявляться в наших действиях. Не жди от меня ласковых слов, Зариния, просто вспомни наши прошлые ночи, когда наша безмятежность нарушалась лишь стуком сердец.

Сам он облачился в мелнибонийское военное убранство — нагрудный доспех из сверкающего черного металла, куртку черного бархата с высоким воротником, черные кожаные штаны, ниже колен заправленные в высокие сапоги тоже черной кожи. На плечи он набросил темно-красный плащ. На одном из его тонких длинных пальцев сверкало Кольцо Королей — редкий камень Актериос в серебре. Его длинные белые волосы свободно ниспадали на плечи, а спереди — чтобы не падали на лицо — были закреплены бронзовым венцом, украшенным драгоценными камнями — периксом, мио и золотым отредосом. На левом боку в ножнах у Элрика висел Буревестник, а кинжал с рукоятью из черного дерева — на правом. На столе среди раскрытых книг лежал испещренный древними рунами черный конусный шлем, навершие которого переходило в заостренный зубец, возвышающийся над основанием почти на два фута. На основании же, над вырезами для глаз, находилось крохотное изображение дракона с открытой пастью, напоминавшее о том, что предки Элрика были не только императорами Сияющей империи, но и Владыками драконов, повелевавшими остатками драконьей стаи. Главным Владыкой был сам Элрик, хотя теперь только его кузен, Дивим Слорм, знал драконий язык и заклинания — все остальное так или иначе было утрачено после разграбления Имррира много лет

назад, когда ставший предателем Элрик возглавил набег на Грезящий город.

Он взял шлем и надел его на голову — шлем полностью закрыл верхнюю часть его лица, и теперь из-под него были видны только сверкающие красные глаза Элрика. Он не стал выдвигать боковины, и пока они остались убранными в заднюю часть шлема.

Зариния все это время не проронила ни звука, и Элрик, у которого камень лежал на душе, сказал:

— Идем, любимая, в гавань. Удивим-ка наших полудиких союзников пышностью наших одеяний. За меня можешь не опасаться: я не погибну в грядущей битве, потому что я еще нужен судьбе, и она защищает меня, как мать защищает сына, чтобы я оставался свидетелем всех обрушившихся на мир несчастий, пока не настанет день, когда все это кончится навсегда.

Они вместе покинули Крепость Заката на волшебных нихрейнских жеребцах и направились к гавани, где под ярким солнцем уже собрались морские владыки и офицеры.

Все были в самых пышных своих военных облачениях, хотя никто из них и не мог сравниться с Элриком. Когда они увидели его, во многих шевельнулись старые, впитавшиеся в кровь воспоминания. Они почувствовали беспокойство, сами не понимая почему, но у их предков были все основания страшиться императоров Сияющей империи в те дни, когда Мелнибонэ управляло миром и некто в таком же облачении, в каком теперь был Элрик, командовал миллионами таинственных воинов. А теперь лишь горстка имррирцев приветствовала его, когда он появился на берегу. Элрик проскакал вдоль причалов, оглядывая стоящие на якоре корабли под гордо развевающимися на ветру разноцветными знаменами с разными гербами.

На Дивиме Слорме был шлем в форме головы дракона, отливающий красным, зеленым и серебром. Доспехи его были выкрашены в желтый цвет, а все остальное облачение было черным, как и у Элрика. На боку у него висел Утешитель — близнец Буревестника.

Элрик подъехал к офицерам, и Дивим Слорм повернул голову в тяжелом шлеме в направлении моря. Ни на спокойной глади воды, ни на чистом небе не было никаких признаков надвигающегося Хаоса.

— По крайней мере, нам на нашем пути будет сопутствовать хорошая погода,— сказал Дивим Слорм.

— Слабое утешение.— Элрик улыбнулся едва заметной улыбкой.— Есть какие-нибудь сведения об их численности?

— Разведчик, вернувшийся вчера, перед тем как умереть, успел сказать, что у них не меньше четырех тысяч боевых судов, десять тысяч транспортных и около двадцати кораблей Хаоса. Вот за ними-то и нужно следить в оба глаза, поскольку мы не знаем, на что они способны.

Элрик кивнул. Их собственный флот состоял из приблизительно пяти тысяч боевых кораблей, многие из которых были оснащены катапультами и другими военными машинами. Транспортные суда противника, хотя по численности значительно превосходили суда такого же назначения под командой Элрика, были медлительны, неповоротливы, и в сражении от них будет мало толку. Кроме того, если сражение будет выиграно, то с этими судами можно будет разделаться и потом, потому что они, несомненно, будут идти в арьергарде флота Джагрина Лерна.

Таким образом, несмотря на огромные силы, находящиеся под командой Джагрина Лерна, шансы на победу при нормальных условиях были бы неплохими. Однако присутствие кораблей Хаоса давало повод для серьезных опасений. Разведчик описал корабли Хаоса в довольно туманных выражениях. Элрику требовалась более объективная информация, но он не рассчитывал ее получить до начала столкновения флотов.

В одежде у него был спрятан кусок звериной кожи с записью сильного заклинания для вызова морского короля Страаши. Элрик уже предпринимал попытки вызвать его, и они оказались безуспешными, однако он надеялся, что в открытом море шансы возрастут, в особенности потому, что морской король будет разгневан нарушением баланса сил в природе, причиной которого являются Джагрин Лерн и его союзники.

Когда-то давным-давно Страаша помог Элрику и, прощаясь, предрек, что Элрик еще обратится к нему за помощью.

Карган в своих надежных, но легких морских доспехах, в которых он становился похож на мохнатого броненосца, указал на несколько лодочек, отделившихся от кораблей и направившихся к берегу.

— Эти лодки доставят нас на суда, мой господин.

Стоящие на берегу офицеры зашевелились, на лицах у них застыло серьезное выражение, словно все они размышляли над каким-то личными проблемами, заглядывали в самые глубины своих душ, возможно, пытались добраться до страха, который поселился там, дотянуться до него и зашвырнуть подальше. Страх перед предстоящим сражением, который охватывает любого воина, у них на сей раз был больше обычного, потому что они, как и Элрик, могли только догадываться, какие неожиданности несут им корабли Хаоса.

Как бы то ни было, тут собрались люди отчаянные, понимавшие, что за горизонтом их может ждать нечто гораздо более неприятное, чем просто смерть.

Элрик сжал руку Заринии.

— До свидания.

— Прощай, Элрик. И пусть тебя защитят добрые боги, если только такие еще остались.

— Лучше помолись за моих товарищей,— тихо сказал он.— Они в меньшей степени, чем я, готовы к тому, что ждет их за горизонтом.

Раздался оклик Мунглама:

— Поцелуй ее на прощание, Элрик, и садись в лодку. Скажи ей, что мы вернемся с вестями о победе.

Элрик никому, кроме Мунглама, не позволил бы такой фамильярности, даже своему родственнику Дивиму Слорму. К словам же Мунглама он отнесся снисходительно и тихо сказал Заринии:

— Ну, видишь, даже наш крошка Мунглам уверен в победе, а ведь обычно он одержим всевозможными дурными предчувствиями.

Они ничего не ответила, только поцеловала его нежно в губы, сжала на мгновение руку, а потом проводила взглядом —

он пошел к воде, перебрался в лодку, которую придержали для него Мунглам и Карган.

Весла вспенили воду, лодки понесли офицеров к флагманскому кораблю «Бортолому». Элрик стоял на носу, устремив вперед взгляд. Он оглянулся лишь однажды, когда лодка подплыла к кораблю, а потом, покачивая черным шлемом, стал подниматься по трапу на палубу.

Стоя на палубе, Элрик смотрел на спины гребцов-воинов, которые склонились к своим веслам, помогая легкому ветру, наполнившему огромный алый парус, отчего тот изогнулся, как набегающая на берег волна.

Остров Пурпурных городов исчез из виду, и вокруг не было ничего, кроме зеленоватой поблескивающей воды. Флот растянулся следом за флагманом, и самые последние корабли едва виднелись вдалеке.

Флот на ходу перестроился в пять эскадр — таков должен быть его боевой порядок при встрече с врагом. Каждую эскадру возглавлял опытный морской правитель из Пурпурных городов, потому что большинство других капитанов были сухопутными воинами, и, хотя они быстро познавали морскую науку, опыта морских сражений у них не было.

Мунглам, стараясь не потерять равновесие на раскачивающейся палубе, подошел к своему другу.

— Как ты спал ночью? — спросил он у Элрика.

— Если не считать нескольких ночных кошмаров, то прекрасно.

— Значит, ты не исключение. Всем сначала было никак не уснуть, а потом стали сниться жуткие сны — монстры, демоны.

Элрик едва заметно кивнул головой, почти не обращая внимания на слова Мунглама. По мере приближения орд Хаоса элементы Хаоса явно приходили в движение, пробуждались от спячки. Он надеялся, что им хватит сил пережить реальность, как они пережили сновидения.

— Опасность впереди по курсу!

Это был крик впередсмотрящего, недоумевающий и взволнованный. Элрик поднес сложенные раструбом ладони ко рту, откинул назад голову и крикнул:

— Что там такое?

— Я такого в жизни не видел, господин. Даже не могу описать.

Элрик повернулся к Мунгламу.

— Передай приказ по флоту: грести в четыре раза медленнее. Командирам эскадр ждать команды к бою.— Он подошел к мачте и начал карабкаться в гнездо впередсмотрящего, которому пришлось вылезти наружу — в гнезде было место только для одного.

— Это враг, мой господин? — спросил впередсмотрящий, когда Элрик занял его место.

Элрик вглядывался в горизонт — там была видна пугающая чернота, которая время от времени испускала в воздух какие-то пятна, а те, повисев немного в атмосфере, возвращались назад в основную массу. Нечеткая, неопределенная, эта масса постепенно приближалась к ним, расползаясь по морю.

— Это враг,— спокойно сказал Элрик.

Какое-то время он неподвижно изучал надвигающийся Хаос, который расшвыривал вокруг собственную субстанцию, как какой-нибудь агонизирующий перед смертью монстр. Однако то, что видел Элрик, не было агонией смерти. Во всяком случае, не было агонией смерти для Хаоса.

Из гнезда впередсмотрящего Элрик ясно увидел и свой флот, построившийся в пять эскадр, которые образовывали черный клин шириной почти в милю и глубиной почти в две. Элрик крикнул вниз Каргану, который как раз проходил под мачтой:

— Приготовиться к выдвижению, Карган!

Морской повелитель кивнул и, не замедлив шага, пошел дальше. План сражения был известен ему во всех подробностях, потому что они давно обсудили его между собой. Ведущая эскадра под командой Элрика состояла из самых тяжелых боевых кораблей, которые должны были врезаться в гущу вражеского флота, чтобы разбить боевые порядки врага — в первую очередь уничтожить корабль Джагрина Лерна. Если убить или взять в плен Джагрина Лерна, победа станет более вероятной.

Темная субстанция приближалась, и Элрик теперь смог разглядеть паруса первых судов, шедших одно за другим. Ког-

да расстояние еще сократилось, Элрик увидел, что по флангам этого авангарда кораблей располагаются огромные поблескивающие формы, рядом с которыми даже мощные боевые корабли Джагрина Лерна кажутся карликами.

Корабли Хаоса!

Теперь Элрик узнал их — он вспомнил описания, прочитанные им в древних фолиантах.

Считалось, что обычно эти корабли бороздят дно океана, подбирая для команды утонувших моряков. Капитанами же на этих кораблях служат существа, которые никогда не были людьми. Этот флот принадлежал самым отдаленным и темным глубинам огромного подводного царства, которые с начала времен были спорной территорией — на нее претендовали водные элементали во главе с королем Страашей и Владыки Хаоса, которые считали, что эти водные глубины Земли по праву принадлежат им. Согласно легендам, когда-то Хаос правил морями, а Закон — сушей. Вероятно, в этом и крылось объяснение того, что многие люди испытывают страх перед морем, а другие, напротив, тянутся к нему.

Хотя водным элементалям удалось отстоять морское мелководье, Владыки Хаоса владели глубоководным царством, а потому и флот мертвецов принадлежал им. Сами корабли были изготовлены не на Земле, и их капитаны тоже принадлежали к другому миру, только члены команд когда-то были людьми, а теперь стали неуничтожимы в обычном понимании этого слова. По мере их приближения Элрик все больше утверждался в мысли, что это и в самом деле те самые корабли.

На их парусах были видны символы Хаоса — восемь янтарных стрел, исходящих из одного центра. Хаос вкладывал в этот знак следующий смысл: во мне, Хаосе, заключены все возможности, тогда как Закон со временем уничтожает возможности, что приводит к вечной стагнации. Символом Закона была одна стрела, смотрящая вверх и символизирующая целенаправленность и контроль.

Элрик знал, что на самом деле именно Хаос является предвестником стагнации, поскольку, несмотря на свои постоянные изменения, он постоянно топчется на месте. В глубине души Элрик питал пристрастие к такому состоянию, потому

что в прошлом многими нитями был связан с Хаосом, а его соотечественники-мелнибонийцы с самого начала служили целям Хаоса.

Но теперь Хаос должен был обратиться против Хаоса. Элрик должен был обратиться против тех, кому прежде был предан, и, используя оружие, созданное силами Хаоса, победить этих самых создателей в наступившую эпоху перемен.

Он выбрался из гнезда и заскользил вниз по мачте. Когда до палубы оставались несколько последних футов, он спрыгнул, и в тот же момент к нему подошел Дивим Слорм. Элрик рассказал родичу о том, что видел.

Дивим Слорм удивился.

— Но флот мертвецов никогда не поднимается на поверхность, разве что...— Его глаза расширились.

Элрик пожал плечами.

— Так говорит легенда: флот мертвецов поднимется из глубин, когда наступит час решающего сражения, когда Хаос разделится в самом себе, когда Закон будет слаб, а человечество будет принимать то одну, то другую сторону, в результате чего возникнет новая Земля, на которой будет властвовать или абсолютный Хаос, или почти абсолютный Закон. Когда Сепирис сказал нам, что это время наступило, в памяти у меня что-то забрезжило. После этого я рылся в старых манускриптах и теперь вспомнил все.

— Так значит, это и есть решающее сражение?

— Возможно,— ответил Элрик.— Наверняка можно сказать, что оно одно из последних перед тем, как окончательно будет решено, кто возобладает на Земле — Закон или Хаос.

— Если мы потерпим поражение, то наверняка возобладает Хаос.

— Не исключено. Только не забывай, что противостояние разрешается не одними только сражениями.

— Так сказал Сепирис, но если мы потерпим сегодня поражение, то вряд ли у нас будут шансы выяснить, так это или не так.— Дивим Слорм взялся за рукоять Утешителя.— Кто-то должен держать эти мечи — мечи судьбы — в руках, когда наступит время решительной схватки. Число наших союзников уменьшается, Элрик.

— Да, но я надеюсь, мы сможем призвать новых. Страаша, Повелитель Водных Элементалей, всегда сражался против флота мертвецов. А он является братом Граолла и Майши, Повелителей Элементалей Воздуха. Может быть, через него мне удастся заручиться помощью его родичей. В таком случае силы почти выровняются.

— Я знаю только часть заклинания для вызова водного короля,— сказал Дивим Слорм.

— Я знаю всю руну целиком. Пожалуй, мне пора сосредоточиться на ней, потому что флоты сойдутся через два часа, а то и меньше, и тогда не будет времени вызывать духов — мне придется поддерживать свой собственный дух, иначе какая-нибудь тварь Хаоса выпустит его из меня.

Элрик встал на носу корабля и, перевесившись через борт, уставился в глубины океана, направляя свои мысли внутрь себя и созерцая странное и древнее знание, находящееся там. Он впал в транс, потеряв контакт с собственным «я» и начав сливаться с бурлящим океаном внизу.

В его горле непроизвольно начали формироваться древние слова, и его губы начали двигаться в руне, которая была известна его предкам, когда они были союзниками со всеми элементалями Земли и принесли клятву помощи друг другу. Было это давным-давно, на заре Сияющей империи, десять тысяч лет назад.

О древних вод морская гладь,
Ты нас вскормила, словно мать.
Родившись в предначальной мгле,
Последней будешь на земле.

О моря князь, отец отцов,
Явись на зов, явись на зов!
Соль — кровь твоя, и эта соль —
Как соль в крови людской.

Страаша, владыка вод, король морей,
Явись на зов скорей.
Враги у нас одни с тобой:
Хотят победы над судьбой
И гибели морей!*

* Перевод Р. Адрианова.

Произнесенная руна являла собой звуковую разновидность того заклинания, которое он производил умственно, направляя его в водные глубины по темным зеленым коридорам моря. Наконец Страаша услышал призыв — он пребывал в изогнутом, кораллового цвета сооружении, которое лишь частично находилось в естественной среде моря. Другая его половина размещалась в другом измерении, где элементали проводят большую часть своего бессмертного существования.

Страаша знал, что корабли Хаоса поднимаются на поверхность, и радовался тому, что теперь его территория будет очищена от них, но призыв Элрика пробудил в нем воспоминания о народе Мелнибонэ, к которому все элементали испытывали когда-то дружеские чувства. Он вспомнил древнее заклинание и решил, что должен ответить на него, хотя и знал, что этот народ теперь слаб под напором Хаоса. Пострадали не только люди — на элементалей тоже оказывалось давление.

Он шевельнулся, отчего вода и субстанция, окружающая его в другом измерении, заволновались. Он призвал некоторых из своих последователей и начал скользить вверх, во владения элементалей воздуха.

Элрик, пребывавший в полубессознательном состоянии, знал, что его призыв услышан. Он ждал, распростершись на носу корабля.

Наконец воды вздыбились, разошлись, и Элрик увидел огромную зеленую фигуру с бирюзовой бородой и волосами, бледно-зеленой кожей, словно бы созданной самим морем. Голос его звучал, как набегающая на берег приливная волна.

— Страаша еще раз отвечает на твой зов, смертный. Наши судьбы переплетены. Что я могу сделать, чтобы помочь тебе и при этом помочь себе?

На мучительном для горла языке элементалей ответил королю Элрик, рассказав о грядущей битве и о том, что будет значить ее исход.

— Значит, это время все-таки наступило! Боюсь, моя помощь будет ограниченной, потому что мой народ уже сильно пострадал от нашего общего врага. Мы попытаемся тебе помочь, если получится. Это я тебе обещаю.

Морской король снова погрузился в воды, и Элрик разочарованно смотрел, как тот удаляется. С тяжелым сердцем оставил он нос корабля и направился в кают-компанию сообщить своим офицерам последнюю новость.

Они выслушали его со смешанными чувствами, потому что только Дивим Слорм был привычен к общению с потусторонними силами. Мунглам всегда питал большие сомнения относительно способности Элрика управлять своими неуправляемыми друзьями, Повелителями Элементалей. Карган проворчал, что, может, Страаша и был союзником соплеменников Элрика, но вот его, Каргана, народ всегда был не в ладах с этим королем. Однако теперь они могли смотреть в будущее с несколько большим оптимизмом.

Глава четвертая

Флот Джагрина Лерна надвигался на них, а в его кильватере следовала бурлящая материя Хаоса.

Элрик дал команду, и гребцы взмахнули веслами, отчего «Бортолом» ринулся вперед — на врага. Пока что союзники Элрика — элементали — не появлялись, но ждать их он больше не мог.

«Бортолом» пенил морскую воду, а Элрик, обнажив меч, опустил защитные боковины шлема, закрывшие его лицо, и издал древний боевой клич Мелнибонэ — крик, полный радостного предвкушения боя. К нему присоединилось потустороннее завывание Буревестника, запевшего свою боевую песню в ожидании крови и душ, которые скоро достанутся ему.

Теперь флагманский корабль находился за тремя рядами боевых кораблей и одним рядом кораблей смерти.

Железный таран «Бортолома» распорол борт первого вражеского корабля, и гребцы налегли на весла, подавая корабль в обратную сторону и разворачиваясь, чтобы вонзить таран ниже ватерлинии еще одному кораблю.

Элрик и три его товарища отдавали приказы с главной палубы. Внезапно они увидели шары зеленого огня, летящие по небу в их сторону.

— Подготовиться к тушению огня! — закричал Карган, и группа воинов бросилась к специальным емкостям, в которых находилось вещество, заранее приготовленное по рецепту Элрика. Воины быстро разлили вещество по палубе, им были намочены паруса, и когда огненные шары упали на палубу, их быстро погасили.

— Не ввязываться в бой,— крикнул матросам Элрик.— Наша цель — флагманский корабль. Если мы сумеем воспользоваться нашим преимуществом, то победим.

— Где же твои союзники, Элрик? — иронически спросил Карган. При виде того, как материя Хаоса вдалеке устремила к небесам черные щупальца, Карган вздрогнул.

— Они придут, можешь не сомневаться,— ответил Элрик, хотя его самого и одолевали сомнения на сей счет.

Они находились теперь в гуще вражеского флота, а корабли их эскадры следовали за ними. Военные машины их флота постоянно обстреливали врага тяжелыми камнями.

Только горстка кораблей Элрика прорвалась сквозь защитные ряды противника и двигалась теперь в направлении флагманского корабля Джагрина Лерна.

Вражеские корабли направлялись на защиту своего флагмана. Корабль теократа окружили и сверкающие корабли смерти, бросившиеся на выручку Джагрину Лерну с фантастической скоростью.

Карган отдал команду оставшимся кораблям эскадры построиться новым порядком.

Мунглам удивленно потряс головой.

— Как только такие громадины держатся на воде? — спросил он у Элрика.

Элрик ответил:

— Вряд ли они держатся на воде в прямом смысле этого слова.

«Бортолом» сманеврировал, и впереди по курсу Элрик увидел огромный корабль (общее их число равнялось двадцати), рядом с которым все остальные суда выглядели карликами. Казалось, эти корабли покрыты какой-то флуоресцирующей жидкостью, которая переливалась всеми цветами радуги, а по-

тому их очертания оставались нечеткими, да и призрачные фигуры, двигавшиеся по гигантской палубе, тоже были едва различимы.

Вокруг низко над водой начали носиться клочки какой-то темной материи, и Дивим Слорм с нижней палубы закричал:

— Смотри! Хаос наступает! Где Страаша и его народ?

Элрик в тревоге покачал головой. По его расчетам, помощь уже должна была прибыть.

— Мы не можем ждать. Мы должны атаковать! — Голос Каргана звучал выше обычного.

Какое-то бесшабашное настроение овладело Элриком, он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, тогда атакуем.

И эскадра на полной скорости устремилась на жуткие корабли смерти.

Мунглам пробормотал:

— Мы мчимся навстречу нашей судьбе, Элрик. Ни один человек по своей воле не стал бы приближаться к этим кораблям. К ним тянутся только мертвые, да и те без радости.

Но Элрик не слушал своего друга.

На море словно бы опустилась странная тишина, отчего только четче стали слышны гребки весел. Флот мертвецов ждал их с каким-то безразличием, словно им и не нужно было готовиться к схватке.

Элрик покрепче ухватился за эфес Буревестника. Клинок словно отвечал на удары сердца хозяина, шевелился в его руке с каждым ударом, словно связанный с ним венами и артериями.

Теперь они были так близко к кораблям Хаоса, что видели фигуры, толпившиеся на огромных палубах. С ужасом Элрик понял, что некоторые из этих костлявых лиц ему знакомы, и непроизвольно воззвал к морскому королю:

— Страаша!

Воды начали дыбиться, пениться, словно пытаясь подняться, но потом снова схлынули. Страаша услышал его, но ему было трудно бороться с силами Хаоса.

— Страаша!

Никакого результата, воды едва шелохнулись.

Элрика охватило отчаяние. Он крикнул Каргану:

— Мы не можем ждать помощи. Обходим корабли Хаоса и атакуем флагман Джагрина Лерна с тыла!

Под умелым руководством Каргана корабль совершил маневр, обходя корабли ада широким полукругом. Брызги летели в лицо Элрика, падали на палубу. Он едва мог видеть через эту пелену, а корабли Хаоса тем временем вступили в схватку с одним из кораблей Элриковой эскадры — они изменяли природу древесины, отчего корабль развалился на части, а несчастный экипаж падал в воду, где люди тонули или принимали новые жуткие формы.

До ушей Элрика доносились душераздирающие крики гибнущих и торжествующий барабанный бой Хаоса, который наступал на корабли противника.

«Бортолом» сильно раскачивало, он плохо слушался руля, но все же ему удалось обойти флот Хаоса, и теперь он устремился к флагману врага с кормы.

Элрик, который совсем недавно был на этом корабле пленником, сразу же узнал его. Они почти достали корабль врага тараном, но тут их снесло в сторону, и пришлось снова выходить на таранный курс. С палубы вражеского корабля поднялась туча стрел, и они посыпались на палубу «Бортолома». Люди Элрика ответили выстрелами, а потом, оседлав огромную волну, подошли к борту врага, перебросили на его палубу абордажные крюки и потащили к себе корабль теократа. Воины Пан-Танга пытались перерубить канаты, но на их палубу уже летели новые абордажные крюки, а за ними был перекинут абордажный мост, с гулким ударом упавший на палубу корабля Джагрина Лерна. За первым мостом последовал второй.

Элрик побежал к ближайшему мосту. Карган с группой воинов — за ним. Они бросились на поиски Джагрина Лерна.

Прежде чем Элрик добрался до капитанского мостика, Буревестник забрал дюжину жизней и дюжину душ. Наконец Элрик оказался перед командующим, облаченным в сверкающие доспехи и окруженным группой офицеров. Но Джагрина Лерна здесь не было.

Элрик бросился вверх по трапу, разрубив пополам воина, который попытался было помешать ему.

— Где ваш главарь? Где Джагрин Лерн?! — закричал он, обращаясь к сгрудившейся вокруг главного группке.

Лицо командующего было бледно, потому что он уже и прежде видел, на что способны Элрик и его адский клинок.

— Его здесь нет, Элрик. Клянусь!

— Что? Мне опять пытаются помешать? Я знаю, ты лжешь! — Он стал наступать на группку — те ощетинились мечами.

— Нашему теократу ни к чему защищать себя с помощью лжи! Слышишь ты, ошибка природы?! — Молодой офицер, оказавшийся смелее других, издевательски усмехнулся.

— Может, и так,— крикнул Элрик, бросившись на офицера. Буревестник в его руке, описывая дугу, воинственно взвизгнул.— Но пока это выяснится наверняка, тебе придется проститься с жизнью. Мне и моему мечу пора подкрепиться, и твоя душа пойдет на закуску, прежде чем я доберусь до Джагрина Лерна!

Воин поднял меч, пытаясь защититься от удара Буревестника, но тот с торжествующим криком прошел сквозь металл, сделал новый замах и вонзился в тело офицера. Тот вскрикнул, но остался стоять, сжав кулаки.

— Нет! — простонал он.— Не трогай мою душу! Нет!

Глаза его расширились, из них потекли слезы, и в те секунды, что Буревестник утолял свою жажду, в глазах офицера горели ужас и безумие. Наконец Элрик извлек насытившийся меч из тела врага, не испытывая к нему ни капли сочувствия.

— Твоя душа все равно отправилась бы в ад,— спокойно сказал он.— А так от нее была хоть какая-то польза.

Другие офицеры бросились к борту, не желая разделить судьбу своего товарища. Элрик рубанул по руке одного из них, и тот с криком упал на палубу — рука же, цеплявшаяся за перила, так там и осталась. Другому он нанес удар в живот, и, пока Буревестник выпивал душу врага, тот молил о пощаде, словно можно было избежать неизбежного.

Элрик получил от Буревестника такой заряд энергии, что, бросившись на группу вокруг командующего, преодолел раз-

делявшее их расстояние одним прыжком. Меч принялся рубить направо и налево; на палубу падали тела, отсеченные руки, ноги. Наконец Элрик оказался лицом к лицу с главным. Тот тихим голосом сказал:

— Я сдаюсь. Не бери мою душу.

— Где Джагрин Лерн?

Командующий указал вдаль, где корабли Хаоса крушили суда Элрика.

— Он там. Он вместе с Владыкой Хаоса Пьяраем, который командует этим флотом. Там тебе до него не добраться, потому что любой незащищенный человек — или еще не умерший,— приблизившись к этим кораблям, превращается в жидкую текучую массу.

— Этот проклятый выродок опять провел меня.— Элрик сплюнул.— Вот тебе плата за сотрудничество!

Без всякой жалости к тому, кто поработил и разграбил два континента, Элрик нанес удар мечом: он аккуратно пронзил доспехи и с коварством, свойственным его предкам, прежде чем прикончить врага, пощекотал его сердце.

Элрик оглянулся в поисках Каргана, но того нигде не было. И тут он увидел, что корабли Хаоса поворачивают! Поначалу он подумал, что это Страаша наконец-то пришел ему на помощь, но потом заметил свои корабли — они пустились в бегство.

Джагрин Лерн одерживал победу. Их планы, их боевые порядки, их мужество — ничто не смогло противостоять этим жутким исчадиям Хаоса. А теперь флот мертвецов надвигался на два флагманских корабля, соединенных друг с другом абордажными крюками и мостками. Разъединиться до приближения кораблей Хаоса не было никакой возможности.

Элрик крикнул Дивиму Слорму и Мунгламу, бежавшим к нему с другой стороны палубы:

— За борт! За борт — это наш единственный шанс. И плывите отсюда во всю мочь — корабли Хаоса наступают!

Они в испуге посмотрели на него, осознавая справедливость услышанного. Другие воины уже прыгали в кровавую воду с обоих бортов. Элрик убрал Буревестник в ножны и нырнул сам. Море было холодным, несмотря на всю теплую кровь, влившуюся в него, и у Элрика перехватило дыхание. Он по-

плыл в направлении рыжей головы Мунглама, мелькавшей впереди, и маячившей рядом с ним головы Дивима Слорма.

Один раз он обернулся и увидел, что по мере приближения судов Хаоса дерево обоих сцепленных кораблей начало плавиться и перекручиваться, принимая странную форму. Он с облегчением подумал, что его уже нет на борту.

Он подплыл к двум своим товарищам.

— Эта мера краткосрочная,— сказал Мунглам, выплевывая воду изо рта.— Что теперь, Элрик? Направимся к Пурпурным городам? — Остроумие не покидало Мунглама даже перед лицом поражения их флота и наступления Хаоса. Остров Пурпурных городов был слишком далеко.

Потом они увидели, как слева от них забурлила вода и приняла очертания, которые уже были хорошо знакомы Элрику.

— Страаша!

— Я был не в силах тебе помочь! Хотя я и пытался, мой древний враг оказался слишком силен для меня. Прости меня. Но я готов доставить тебя и твоих друзей в мои собственные владения и хотя бы спасти вас от Хаоса.

— Мы не можем дышать под водой!

— Вам это и не понадобится.

— Хорошо.

Доверившись водным элементалям, они позволили увлечь себя под воду, в прохладные зеленые глубины, туда, куда не доходил солнечный свет и где все было пропитано влажной мглой. Они остались живы, хотя в обычных условиях на таких глубинах вода раздавила бы их.

Казалось, они преодолели многие мили по таинственным подводным гротам, пока не оказались в некоем кораллового цвета сооружении, которое словно бы неторопливо двигалось вместе с медлительным потоком. Элрик уже бывал здесь. Это было владение морского короля Страаши.

Король доставил их к своему обиталищу, часть стены которого словно бы растворилась, пропуская их внутрь. Они двигались по слегка затененным коридорам, стены которого были сделаны из какого-то хрупкого розоватого вещества. Воды здесь не было. Они оказались в измерении обитания элементалей. Остановились они в огромной шарообразной полости.

Морской король с шелестящим звуком прошествовал к своему трону из молочно-белого жадеита и сел на него, подперев зеленую голову зеленым кулаком.

— Элрик, я еще раз сожалею, что не смог помочь тебе. Все, что я могу теперь, это доставить вас домой, когда вы отдохнете. Кажется, мы все ничего не можем противопоставить Хаосу, который с каждым днем становится все сильнее.

Элрик кивнул.

— Ничто не может противостоять его губительному влиянию... кроме щита Хаоса.

Страаша выпрямился на своем троне.

— Щит Хаоса. Ах да. Он принадлежит изгнанному богу, верно? Но его замок фактически неприступен.

— Почему?

— Замок расположен на самой вершине одиноко стоящей горы. К нему ведут сто шестьдесят девять ступеней. Вдоль этих ступеней растут сорок девять древних деревьев бузины, и вот они-то особенно опасны. А еще у него есть стража из ста сорока четырех воинов.

— Воинов, естественно, нужно опасаться. Но что опасного в бузине?

— В каждом дереве бузины находится душа одного из последователей Мордаги. Они были наказаны таким образом. Это злобные деревья, они всегда готовы лишить жизни того, кто приблизится к ним.

— Нелегкое дело раздобыть этот щит,— сказал Элрик.— Но я должен его получить, потому что без него задача судьбы останется невыполненной, а с ним я смогу отомстить тому, кто командует флотом Хаоса, а вместе с ним и его союзнику — Джагрину Лерну.

— Убей Пьярая, который командует адским флотом,— и без него флот погибнет сам. Его жизненная сила заключена в голубом кристалле, который находится на его голове. Единственный способ убить Пьярая — разбить этот кристалл особым оружием.

— Спасибо за информацию,— благодарно сказал Элрик.— Она мне пригодится, когда придет время.

— И что ты собираешься делать, Элрик? — спросил Дивим Слорм.

— Отложить на время все другие дела и заняться поисками щита. Это необходимо сделать, потому что иначе все сражения будут заканчиваться для нас так, как сегодняшнее.

— Я пойду с тобой, Элрик,— сказал Мунглам.

— И я тоже,— сказал Дивим Слорм.

— Чтобы реализовать пророчество, нам понадобится четвертый,— сказал Элрик.— А что стало с Карганом?

Мунглам опустил глаза.

— Разве ты не заметил?

— Что не заметил?

— На борту флагманского корабля Джагрина Лерна, когда ты пробивался к капитанскому мостику... Ты что, не заметил, что ты сделал? Вернее, не ты, а твой проклятый меч?

Элрик почувствовал приступ отчаяния.

— Не может быть. Неужели я... убил его?

— Да.

— О боги! — Он поднялся и принялся мерить шагами зал, ударяя кулаком по ладони другой руки.— Этот адский клинок все так же требует дань за свои услуги. Он продолжает выпивать души друзей. Странно, что вы двое все еще со мной!

— Я с тобой согласен. Это и в самом деле удивительно,— с чувством сказал Мунглам.

— Я скорблю по Каргану. Он был хорошим другом.

— Элрик! — взволнованно сказал Мунглам.— Ты должен знать, что не несешь ответственности за смерть Каргана. Это был перст судьбы.

— Да, но почему я постоянно должен быть палачом судьбы? Мне уже и не перечислить всех друзей и добрых союзников, чьи души забрал этот меч. Мне ненавистно и то, что он забирает души врагов, чтобы напитать меня энергией, но то, что он причащается и душ друзей,— это совершенно невыносимо. Я подумываю о том, чтобы отправиться в самое сердце Хаоса и там принести в жертву нас обоих. Вина хоть и косвенно, но лежит на мне, потому что если бы не моя слабость, которая вынуждает меня пользоваться услугами меча, многие из тех, кто стали моими друзьями, все еще были бы живы.

— Но в главном твой меч должен послужить благородной цели,— сказал Мунглам неуверенным голосом.— Нет, моему разуму это не по силам — тут парадокс на парадоксе. Либо боги сошли с ума, либо их логика так причудлива, что нам ее не понять.

— Трудно в такие времена помнить о каких-то великих целях,— согласился Дивим Слорм.— Нам не дают передохнуть, мы не можем остановиться на мгновение, чтобы поразмыслить, мы должны снова и снова сражаться, нередко забывая, за что же мы сражаемся.

— А так ли в самом деле величественна эта цель? — с горечью улыбнулся Элрик.— Если мы игрушки в руках богов, то, может, и боги — всего лишь дети?

— Эти вопросы сейчас не имеют значения,— сказал Страаша со своего трона.

— По крайней мере, грядущие поколения будут благодарны Буревестнику, если он исполнит то, что ему предначертано,— сказал Мунглам.

— Если Сепирис прав,— сказал Элрик,— то грядущие поколения даже не будут знать о нас — ни о людях, ни о клинках!

— Может быть, неосознанно, в глубине души они будут о нас помнить. Просто они будут думать, что наши подвиги совершены героями, носившими другие имена.

— А я хочу только одного — чтобы мир меня забыл,— вздохнул Элрик.

Морской король, словно утомленный этим бесплодным разговором, встал со своего трона и сказал:

— Идемте, я доставлю вас на сушу, если вы не возражаете отправиться назад таким же способом, каким прибыли сюда.

— Не возражаем,— сказал Элрик.

Глава пятая

Они устало вышли на берег острова Пурпурных городов, и Элрик повернулся к морскому королю, который остался на мелководье.

— Я еще раз благодарю тебя за наше спасение, Повелитель Водных Элементалей,— уважительно сказал он.— И за твой рассказ о щите великана. Возможно, сообщив нам эти детали, ты способствовал тому, чтобы Хаос был изгнан из океана и с земли.

— Да,— кивнул морской король,— но даже если вы одержите победу и море будет очищено, мы с тобой должны будем уйти, верно?

— Верно.

— Что ж, пусть так оно и будет, потому что я уже устал от долгой жизни. А теперь я должен вернуться к моему народу. Надеюсь, мы сможем еще какое-то время противиться Хаосу. Прощай.

И морской король погрузился в волны и исчез.

Когда они приблизились к Крепости Заката, им навстречу выбежали гонцы.

— Как сражение? Где флот? — спросил один из них Мунглама.

— Разве оставшиеся в живых еще не вернулись?

— Оставшиеся в живых? Значит?..

— Мы потерпели поражение,— с болью в голосе сказал Элрик.— Моя жена все еще здесь?

— Нет. Она отбыла в Карлаак вскоре после отплытия флота.

— Хорошо. По крайней мере, у нас будет время воздвигнуть дополнительные оборонительные сооружения, прежде чем сюда доберется Хаос. А пока нам нужны еда и вино. Мы должны составить план новой битвы.

— Битвы, господин? Но кто будет сражаться?

— Мы еще посмотрим,— сказал Элрик.— Еще посмотрим.

Немного спустя они увидели потрепанные остатки флота на подходе к гавани. Мунглам в отчаянии вел счет.

— Как мало! — воскликнул он.— Черный день.

Из крепостного двора раздался звук рожка.

— Подкрепление с континента,— сказал Дивим Слорм.

Они все вместе направились в крепость, во дворе которой увидели облаченного в красное всадника, который как раз спешивался. Его лицо было таким сухим, что казалось, будто оно вырезано из кости. Он сутулился от усталости.

Элрик был удивлен.

— Ракхир! Ты ведь командуешь армией, которая защищает берега Илмиоры. Что ты здесь делаешь?

— Нас отбросили в глубь континента. Теократ снарядил не один флот, а целых два. Второй появился из Бледного моря и застал нас врасплох. Наша оборона была смята, Хаос перешел в наступление, и мы были вынуждены бежать. Враг обосновался в каких-нибудь ста милях от Бакшаана и продолжает марш по континенту... Хотя какой это марш — *поток*. И в конечном счете этот поток зальет и остров Пурпурных городов.

— Да, наше поражение неизбежно...— Голос Мунглама звучал тише вздоха.

— Мы должны раздобыть этот щит, Элрик,— сказал Дивим Слорм.

Элрик нахмурился, сердце его упало.

— Любые наши шаги против Хаоса будут обречены, если мы не обзаведемся этой защитой. Ты, Ракхир, будешь четвертым, как об этом сказано в пророчестве.

— В каком пророчестве?

— Я тебе расскажу потом. Ты готов немедленно отправиться с нами в путь?

— Дайте мне два часа поспать — и я буду готов.

— Хорошо. Два часа. Готовьтесь, друзья, нам предстоит сражаться с великаном за обладание щитом.

Только три дня спустя столкнулись они с первыми выжившими. У многих из них тела были искажены воздействием Хаоса, и они с трудом плелись вдоль белой дороги, которая вела в Джадмар — город, все еще свободный от сил Джагрина Лерна.

От них они узнали, что уже пали Илмиора, некоторые области Вилмира и крохотное независимое королевство Орг. Хаос наступал, его тень с нарастающей скоростью распространялась по Земле, сфера его владычества расширялась.

Элрик и его товарищи испытали облегчение, добравшись наконец до Карлаака, который пока еще не подвергался на-

падению. Но, судя по сообщениям разведчиков, армия врага находилась в двухстах милях и двигалась в направлении города.

Зариния встретила Элрика с радостью, но не без предчувствия беды.

— Ходили слухи, что ты погиб — убит в морском сражении...

Элрик прижал ее к себе.

— Я не могу остаться надолго,— сказал он.— Мне нужно отправляться в области за Вздыхающей пустыней.

— Я знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Здесь был Сепирис. Он оставил для тебя подарок в конюшне. Четыре нихрейнских жеребца.

— Полезный подарок. Они доставят нас к месту гораздо быстрее любых других зверей. Только вот успеем ли мы при всей их скорости? Я боюсь оставлять тебя здесь, когда Хаос распространяется так стремительно.

— Ты должен оставить меня, Элрик. Если здесь дела будут обстоять совсем плохо, мы отправимся в Плачущую пустошь. Думаю, что даже Джагрин Лерн не питает никакого интереса к таким бесплодным землям.

— Обещай, что так и сделаешь.

— Обещаю.

Ее обещание немного успокоило его. Он взял ее за руку.

— Самый спокойный период моей жизни я провел в этом дворце,— сказал он.— Позволь мне провести с тобой последнюю ночь, и, может быть, мы обретем частичку прежнего душевного покоя... А потом я отправлюсь в логово печального великана.

Потом они любили друг друга, а когда уснули, их сновидения были настолько полны темными предзнаменованиями, что один будил другого своими стонами, и тогда они просто легли рядом, прижавшись друг к другу, а на рассвете Элрик поднялся, нежно поцеловал Заринию и отправился в конюшню, где нашел своих товарищей — они ждали его, окружив четвертую фигуру. Четвертым был Сепирис.

— Сепирис, спасибо за подарок. Возможно, благодаря им мы успеем,— сказал Элрик.— А зачем ты здесь сегодня?

— Потому что я могу оказать тебе еще одну маленькую услугу, прежде чем ты отправишься в путь,— сказал чернокожий провидец.— У всех вас, кроме Мунглама, есть оружие, наделенное особой силой. У Элрика и Дивима Слорма — их рунные мечи, у Ракхира — Стрелы Закона, подаренные ему чародеем Ламсаром во время осады Танелорна. А оружие Мунглама — лишь его воинское мастерство.

— Я думаю, меня это вполне устраивает,— ответил Мунглам.— Я видел, что может взять у человека заколдованный меч.

— Я не в силах тебе дать ничего такого, что по силе или коварству может сравниться с Буревестником,— сказал Сепирис.— Но у меня есть небольшое заклятие для твоего меча. Я узнал его в разговоре с Белыми Владыками. Дай мне твой меч, Мунглам.

Мунглам неохотно обнажил свой кривой меч и протянул его нихрейнцу, который вытащил из-под одежды миниатюрный гравировальный инструмент и, прошептав руну, начертал несколько символов на клинке вблизи рукояти. После этого он отдал меч Мунгламу.

— Ну вот, теперь на этом мече благословение Закона, и ты увидишь, что он сможет гораздо лучше противостоять его врагам.

Элрик нетерпеливо сказал:

— Нам пора отправляться, Сепирис. Времени остается отчаянно мало.

— Тогда в путь. Осторожнее, вам могут встретиться банды Джагрина Лерна. Не думаю, что вы столкнетесь с ними на пути туда, но вот на обратном...

Они вскочили на быстроногих нихрейнских жеребцов, которые уже не раз выручали Элрика, и поскакали из Карлаака в сторону Плачущей пустоши. Поскакали, может быть, навсегда прощаясь с тем, что оставалось позади.

Вскоре они оказались на Плачущей пустоши, потому что через нее лежал самый короткий путь во Вздыхающую пустыню.

Один Ракхир был хорошо знаком с этой местностью.

Нихрейнские жеребцы, молотя копытами по поверхности своего необычного мира, казалось, летели над землей: ноги и в самом деле не прикасались к влажной траве Плачущей пустоши. Они мчались с невероятной скоростью, и Ракхир, пока не привык к этой скачке, крепко сжимал поводья.

В этой области вечных дождей трудно было увидеть, что впереди, к тому же капли дождя текли по их лицам, попадали в глаза, и путники тщетно пытались разглядеть вдалеке горный хребет, проходящий по краю Плачущей пустоши, отделяя ее от Вздыхающей пустыни.

Наконец после целого дня пути они увидели высокие горы, пики которых терялись в тучах, и вскоре, благодаря резвости нихрейнских жеребцов, они уже скакали по глубоким ущельям. Дождь прошел, а к вечеру второго дня и ветерок потеплел, потом он стал сухим и жарким — они спустились с гор и оказались под безжалостными лучами солнца, на границе Вздыхающей пустыни. Ветер здесь шелестел, ни на секунду не прерываясь, обдувая скалы, нагоняя рябь на песчаные дюны — этот шелестящий звук дыхания ветра и дал пустыне ее имя.

Они замотали лица и опустили капюшоны как можно ниже, чтобы этот вездесущий песок не попал в глаза.

Привалы у них были короткими. Ракхир показывал дорогу. Жеребцы мчались со скоростью, в десять раз превышавшей скорость обычных коней, все дальше и дальше в глубь этой бескрайней пустыни.

Разговаривали они мало, потому что трудно было услышать, что говорит другой, за постоянным шелестом ветра, и каждый из них погрузился в себя, в собственные мысли.

Элрик давно уже был в полубессознательном состоянии, и конь сам нес его по пустыне. Альбинос боролся с собственными навязчивыми мыслями и эмоциями, и ему, как почти всегда, трудно было создать объективное представление о собственной непростой ситуации. Прошлое его было далеко не безоблачным, его происхождение вызывало у него отвращение, а потому и настоящее виделось ему весьма смутно.

Он всегда оставался рабом своей меланхолии, своих физических недостатков, самой крови, текущей в его жилах. Он смотрел на жизнь не как на логически обоснованную цепочку событий, а как на ряд не связанных между собой явлений. Он всю жизнь пытался собраться с мыслями и, если это будет необходимо, принять бессистемную природу вещей и научиться жить с этим знанием, однако за исключением тех коротких периодов, когда он переживал сильнейшие личные кризисы, ему редко удавалось связно мыслить достаточно долго. Возможно, причиной тому была его жизнь изгнанника, его альбинизм, его зависимость от меча, его одержимость знанием собственной роковой судьбы.

Что такое мысль? — спрашивал он себя. Что такое чувства? Что такое умение властвовать и стоит ли за это бороться? Может быть, лучше жить, руководствуясь инстинктами, чем думать и ошибаться. Может, лучше оставаться марионеткой богов, подчиняться их прихотям, чем пытаться стать хозяином собственной судьбы, чем противостоять воле Владык Высших Миров и в конечном счете пострадать за свою строптивость?

Так он думал, бичуемый обжигающим ветром, борясь с опасностями природы. А в чем разница между опасностями природными и опасностями неконтролируемых мыслей и чувств? Тем и другим свойственны одинаковые качества...

Но вот его народ, властвовавший над миром в течение десяти тысяч лет, жил совсем под другой звездой. Они не были ни настоящими людьми, ни истинными представителями древних, живших еще до человека. Они были промежуточной ступенью, и Элрик инстинктивно чувствовал это. Он чувствовал, что он — последний в кровосмесительном роду, который, ни минуты не сомневаясь, использовал дарованное ему Хаосом колдовство — как другие используют благоприобретенные навыки — в собственных корыстных целях. Его народ был порожден Хаосом, и ему не требовались никакие самоограничения, никакое умение владеть собой, свойственные новым народам, которые появились с приходом эпохи Молодых королевств. Но даже и эти народы, если верить Сепирису, не были настоящими людьми — те должны были появиться на лике

Земли, когда порядок и прогресс станут делом обыденным, а влияние Хаоса будет сведено к минимуму... при условии, что дело Элрика восторжествует и он уничтожит мир, в котором живет.

Эта мысль еще больше усугубляла его мрачное настроение, потому что у него не было другой судьбы, кроме смерти, никакой цели в жизни, кроме той, что определила для него судьба. Зачем противиться неизбежному, для чего затачивать свой ум или приводить в порядок мысли, когда он — всего лишь жертва, которая должна быть принесена на алтарь судьбы?

Он глубоко вдохнул горячий сухой воздух, а потом вытолкнул его из легких, выплюнул песок, который все время забивался ему в рот и ноздри.

Дивим Слорм пребывал в настроении, сходном с настроением Элрика, хотя и не испытывал таких сильных чувств. Он вел более упорядоченную жизнь, чем Элрик, хотя в их жилах текла родственная кровь. Если Элрик подвергал сомнениям обычаи своего народа, даже отказался от трона, чтобы узнать, как живут Молодые королевства, и сравнить их жизнь с жизнью Мелнибонэ, то Дивим Слорм был далек от проблем такого рода. Он горько переживал, когда из-за предательства Элрика был уничтожен Грезящий город Имррир, последний оплот древнего народа Мелнибонэ. Для него было потрясением, когда он и оставшиеся в живых имррирцы были вынуждены отправиться в скитания по миру, чтобы зарабатывать себе на жизнь наемничеством, предлагая свои услуги королям-выскочкам, владычествовавшим над низкими и презираемыми ими народами. Дивим Слорм, который никогда ничего не подвергал сомнению, не очень сомневался и теперь, хотя его душа и была неспокойна.

Мунглам был не столь погружен в себя. Он испытывал особую симпатию, даже особое уважение к Элрику с тех давних времен, когда познакомился с ним и они вместе сражались против Дхарзи. Когда Элрик погружался в настроение, подобное тому, в каком пребывал сегодня, Мунглам испытывал душевные муки от неспособности помочь другу. Много раз пытался он найти способ вывести Элрика из меланхолии, но теперь уже знал, что это невозможно. По природе человек веселый и оптимистичный, даже он сегодня чувствовал довлеющий над ними рок.

Ракхир, по натуре человек более спокойный, более склонный к философствованию, чем его товарищи, тоже чувствовал, что не может в полной мере оценить последствия их миссии. Он до этих событий намеревался провести свои дни в созерцании и медитации в мирном городе Танелорне, который оказывал странное успокаивающее воздействие на своих жителей. Но он не смог проигнорировать призыв о помощи в борьбе против Хаоса, а потому, хоть и без желания, взял колчан со стрелами Закона, лук — и отбыл из Танелорна вместе с небольшим отрядом людей, пожелавших сопровождать его и предложить свои услуги Элрику.

Напрягая глаза, он разглядел впереди какие-то неясные очертания за песчаными вихрями — гору, поднимающуюся над песками пустыни, словно кто-то искусственным образом поместил ее туда.

Указывая вперед, он крикнул:

— Элрик! Смотри! Наверно, это замок Мордаги.

Элрик приподнялся в стременах и проследил за направлением руки Ракхира.

— Да,— выдохнул он.— Мы добрались. Давайте остановимся и передохнем, восстановим силы перед последним броском.

Они остановили коней и спешились, дали расслабиться своим затекшим конечностям, размяли ноги, чтобы восстановить кровообращение. Потом они разбили шатер, чтобы спокойно поесть, не отплевываясь от песка. Все четверо ощущали взаимное дружеское расположение, подогреваемое знанием того, что, добравшись до этой горы, они, возможно, расстанутся с жизнью и больше не увидят друг друга.

Глава шестая

Гору опоясывали ступени. Высоко наверху путники видели каменное сооружение, а там, где ступени закруглялись и впервые исчезали из виду,— бузину. Она была похожа на обычное дерево, но для них являлась символом: в этом дереве они

увидели своего первого противника. Как дерево будет бороться с ними?

Элрик поставил ногу на первую ступень — высокую, рассчитанную на ногу великана.

Он начал подниматься, остальные — следом. Добравшись до десятой ступени, он обнажил Буревестник и почувствовал, как тот задрожал, наполняя его энергией. Подниматься сразу же стало легче.

Приблизившись к бузине, он услышал шуршание листьев, увидел, как волнуются ветви. Да, дерево определенно было наделено разумом.

Он был всего в нескольких шагах от дерева, когда услышал крик Дивима Слорма:

— О боги! *Листья!* Посмотри на листья!

Зеленые листья, прожилки которых словно пульсировали на солнце, стали отделяться от веток, а отделившись, поплыли в направлении четверки. Один из них упал на руку Элрику. Альбинос попытался сбросить лист, но тот словно прилип. Новые листья стали падать на другие части его тела. Они летели теперь зеленой волной, и он ощутил какое-то пощипывание в руке. С проклятием он оторвал лист от кожи и, к своему ужасу, увидел, что кожа в этом месте сочится кровью. Он почувствовал приступ тошноты, отрывая листья с лица, отмахиваясь рунным мечом от новых, летящих на него. Те, которые соприкасались с мечом, сразу же засыхали, но их место быстро занимали другие.

Он инстинктивно чувствовал, что они выпивают из его жил не только кровь, но и жизненную силу. Он уже начал слабеть.

Он услышал сзади испуганные крики своих товарищей, которые чувствовали то же самое.

Эти листья кем-то направлялись, и он знал, кто это делал — само дерево. Он преодолел оставшиеся ступеньки, отмахиваясь от листьев, которые налетали на него, как саранча. С мрачной решимостью принялся он рубить ствол, и дерево издало сердитый стон, а его ветви потянулись к нему. Он рубанул по ним мечом, а потом вонзил его в ствол дерева. Комья земли полетели вверх — это корни устремились наружу. Дерево издало крик и всем стволом потянулось к нему, словно, умирая, хотело забрать с собой и его. Он потянул на себя Буревестник, который жадно присосался к полуразумному дереву, выпивая из него жизненные соки. Извлечь Буревестник из ствола Элрику не удалось, и он отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от дерева, которое рухнуло на ступени. Одна ветка хлестнула его по лицу, ободрав кожу до крови. Он застонал, чувствуя, как жизненные силы покидают его.

Подойдя на нетвердых ногах к упавшему дереву, он увидел, что дерево омертвело, а оставшиеся на нем листья завяли.

— Быстрее,— сказал он, обращаясь к подбежавшим к нему трем друзьям.— Переверните это дерево — под ним мой меч, а без него мне конец.

Они легко перевернули оказавшееся почти невесомым дерево, и Элрик смог взяться за эфес Буревестника, который все еще оставался в стволе. Прикоснувшись к Буревестнику, Элрик чуть ли не вскрикнул, ощущая приток необыкновенной силы. Энергия наполнила его, пульсировала в нем, он чувствовал себя равным богам.

Он рассмеялся, словно одержимый демоном, и другие с удивлением посмотрели на него.

— Идемте, друзья. Теперь я могу разобраться хоть с миллионом таких деревьев.

Он бросился вверх по ступеням навстречу новой порции летящих на него листьев. Не обращая внимания на их укусы, он направился прямо к дереву и ударил мечом в ствол. И это дерево тоже вскрикнуло.

— Дивим Слорм! — крикнул Элрик, напитываясь энергией умирающего дерева.— Делай то же самое. Пусть твой меч выпивает их души. Несколько таких деревьев — и мы станем непобедимыми!

— Мне эта энергия вовсе не приятна,— сказал Ракхир, стряхивая с себя мертвые листья. Элрик тем временем извлек меч из ствола и бросился к следующей бузине. Чем выше, тем деревья росли чаще, они гнули к нему свои ветви, пытаясь дотянуться до него, нависали над ним. Ветки, словно пальцы, пытались разодрать на нем кожу.

Дивим Слорм хотя и не сразу, но перенял метод борьбы с обитающими в деревьях существами, и скоро его тоже наполнила энергия украденных душ, и его дикие крики присоединились к крикам Элрика — они, словно обезумевшие лесорубы, кидались на новые и новые деревья, и каждая победа увеличивала их энергию. Мунглам и Ракхир поглядывали друг на друга с удивлением и не без страха перед жуткими изменениями, происходящими с их друзьями.

Однако было очевидно, что такой метод борьбы с деревьями бузины весьма эффективен. Вскоре они смогли оглянуться и окинуть взором ряд сокрушенных почерневших стволов, лежащих на склоне горы.

На лицах двух мелнибонийцев была написана вся прежняя нечестивая жажда крови, владевшая королями острова Драконов. Они выкрикивали древние боевые кличи, их близнецы-мечи напевали в унисон тревожную мелодию судьбы и смерти.

Губы Элрика приоткрылись, обнажив белые зубы, красные глаза горели жутким огнем, его молочно-белые волосы развевались на обжигающем ветру. Элрик воздел к небу меч и повернулся к своим товарищам.

— Смотрите, друзья, как в древности мелнибонийцы покоряли людей и демонов, чтобы властвовать в мире десять тысяч лет.

Мунглам подумал, что его друг заслужил прозвище Волк, которое давно уже прилипло к нему на Западе. Энергия Хаоса, которая текла в нем сейчас, подавила все остальное. Он понял, что Элрика больше не мучают сомнения, не раздирают противоречия. Сейчас в нем возобладала кровь предков, и он, наверно, стал похож на них — какими они были много веков назад, когда перед ними трепетали все другие народы, боявшиеся их надменности, их коварства, их жестокости. Той же безумной жаждой, казалось, был одержим теперь и Дивим Слорм, и Мунглам вознес благодарственную молитву тем добрым богам, которые еще оставались в мире, за то, что Элрик союзник ему, а не враг.

Они были почти у самой вершины. Элрик и его кузен неслись вперед, совершая огромные прыжки. Ступени заканчивались у входа в мрачный туннель, и Элрик с Дивимом Слормом со смехом, окликая друг друга, бросились внутрь.

Мунглам и Ракхир следовали за ними, хотя и с гораздо меньшей скоростью. Красный лучник вложил стрелу в свой лук.

Элрик вглядывался в сумрак туннеля. Голова его кружилась от переполняющей ее энергии, которая словно рвалась наружу из каждой поры тела. Он услышал металлический звук шагов — кто-то, облаченный в доспехи, двигался ему навстречу. Когда они приблизились, Элрик понял, что это обычные воины. Хотя их было почти сто пятьдесят, он не испытывал страха. Первая группа бросилась на него. Он легко отражал удары, убивая нападающих. Каждая новая выпитая Буревестником душа добавляла лишь малую толику к той огромной энергии, что уже наполняла Элрика. Плечом к плечу стоял Элрик со своим родичем, легко расправляясь с нападающими, будто перед ними были дети. Мунглам и Ракхир с ужасом смотрели на потоки крови, от которых пол туннеля стал скользким, как лед. Запах смерти в этом замкнутом пространстве стал почти невыносимым, а Элрик, расправившись с первой группой, поспешил ко второй.

— Хотя это — враги и слуги тех, с кем мы боремся, я не могу смотреть на эту бойню. В нас здесь нет нужды, друг Мунглам. Это войну ведут демоны, а не люди,— сказал Ракхир.

— Верно,— *согласился* Мунглам; *они снова вышли на солнечный свет и увидели впереди замок.* Оставшиеся в живых воины перегруппировались, а Дивим Слорм и Элрик, обуреваемые жаждой крови, атаковали их.

Воздух полнился криками и скрежетом стали. Ракхир выпустил стрелу, прицелившись в левый глаз одного из воинов.

— Пусть хоть некоторые из них умрут более чистой смертью,— пробормотал он, беря еще одну стрелу.

Элрик и Дивим Слорм исчезли в гуще вражеских воинов, а другие, почувствовав, вероятно, что справиться с Ракхиром и Мунгламом будет легче, бросились на этих двоих.

Мунглам, оказавшийся лицом к лицу с тремя воинами, вдруг обнаружил, что его меч стал удивительно легким и издает какой-то приятный, чистый звук, отражая удары врага. Энергии он от своего меча не получал, но тот не тупился, как

случалось прежде, и легко отбивал удары более тяжелых клинков.

Ракхир израсходовал все стрелы на то, что вполне можно было назвать актами милосердия, и теперь схватился с врагом врукопашную: уложил своим мечом двоих и прикончил третьего из тех, кто атаковал Мунглама, нанеся ему удар в бок — снизу вверх и в сердце.

Потом они без особого желания присоединились к основной схватке. Земля уже была густо усеяна мертвыми телами.

— Элрик, остановись,— крикнул Ракхир.— Дай мы разберемся с ними. Тебе нет нужды забирать их души. Мы можем убить их обычным оружием.

Но Элрик в ответ только рассмеялся и продолжил свою кровавую работу.

Когда Элрик прикончил очередного врага, в непосредственной близости от него не оказалось больше ни одного воина, и тогда Ракхир схватил его за руку.

— Элрик...

Буревестник рванулся из руки Элрика и, издав свой торжествующий стон, устремился в тело Ракхира.

Когда Ракхир понял, что ему грозит, из его груди вырвалось рыдание, он попытался избежать удара. Однако меч разрубил его лопатку и вонзился в грудную кость.

— Элрик! — закричал он.— Оставь мою душу!

Так умер герой Ракхир, знаменитый на всем Востоке Красный Лучник, пронзенный предательским клинком. Умер от руки друга, которого он спас от смерти в давние времена, когда они впервые встретились в окрестностях города Амирона.

Когда Элрик понял, что происходит, он попытался увести меч в сторону. Но было слишком поздно. Он опять невольно стал причиной смерти друга, находясь во власти рунного меча, убил близкого человека.

— Ракхир! — закричал он, падая на колени рядом с телом и обнимая его. Украденная энергия продолжала пульсировать в нем, но, обуянный скорбью, он уже не находился целиком во власти этой чужеродной силы.

Слезы потекли по искаженному гримасой боли лицу Элрика, из его груди вырвался мучительный стон.

— Еще один,— пробормотал он.— Еще один. Неужели это никогда не кончится?

За его спиной два его оставшихся в живых товарища стояли по краям поля боя. Дивим Слорм больше не убивал, но только потому, что в живых не осталось ни одного врага. Он изумленно оглядывался вокруг. Мунглам с ужасом в глазах, но не без сочувствия к другу, смотрел на Элрика — Мунглам знал его судьбу, как знал и то, что Буревестник, питая энергией альбиноса, требует за это жизни близких ему людей.

— Ракхир! Не было героя благороднее тебя. Не было еще человека, который так стремился бы к миру и порядку, как ты! — Элрик поднялся на ноги и повернулся к огромному замку, который хранил загадочное молчание, словно ожидая от него, Элрика, следующего хода. На стене самого высокого бастиона он увидел фигуру, которая могла принадлежать только великану.

— Клянусь твоей украденной душой, Ракхир: то, чего желал ты, *непременно* произойдет, хотя и моими трудами, то есть трудами того, кто порожден Хаосом. Закон восторжествует, а Хаос будет изгнан. Я, вооруженный мечом и щитом Хаоса, если потребуется, буду сражаться со всеми исчадиями ада. Хаос был причиной твоей смерти, и Хаос будет за это наказан. Но сначала я должен получить этот щит.

Дивим Слорм, не до конца понимая, что произошло, все еще одержимый эйфорией боя, крикнул своему родичу:

— Элрик, давай поспешим в гости к великану!

Но Мунглам, подошедший взглянуть на мертвое тело Ракхира, пробормотал:

— Да, виноват во всем Хаос. Я присоединяюсь к тебе и буду мстить Хаосу вместе с тобой, пока,— при этих словах его пробрала дрожь,— твой дьявольский клинок не почтит своим вниманием и меня.

Втроем, плечо к плечу прошли они через открытые ворота замка и тут же оказались в роскошном, безвкусно отделанном зале.

— Мордага,— крикнул Элрик.— Мы пришли совершить предначертанное судьбой! Мы ждем тебя!

Они замерли в нетерпеливом ожидании — и наконец увидели огромную фигуру, появившуюся в дальнем конце зала под огромной аркой.

Рост Мордаги в два раза превосходил рост обычного человека, правда, он при таком росте слегка сутулился. У него были длинные черные волосы, ниспадавшие на плечи, а одет он был в темно-синюю блузу, схваченную в талии поясом. На его огромных ногах были простые кожаные сандалии. Его черные глаза смотрели с такой печалью, какую Мунглам прежде видел только в глазах Элрика.

В руке великан держал круглый щит, на котором были видны восемь янтарных стрел Хаоса. Цвет щита был зеленый с серебром, необыкновенно красивый. Другого оружия у великана не было.

— Я знаю пророчество,— сказал он голосом, похожим на вой ветра.— Но я должен попытаться предотвратить его. Возьми этот щит и уходи с миром. Я не хочу умирать.

Элрик испытал что-то вроде сочувствия к печальному Мордаге — ему было знакомо чувство, снедавшее сейчас душу падшего бога.

— В пророчестве говорится о смерти,— тихо сказал он.

— Возьми щит.— Мордага снял щит со своей могучей руки и протянул Элрику.— Возьми щит и хоть раз обмани судьбу.

— Хорошо,— кивнул Элрик.

Тяжело вздохнув, великан положил Щит Хаоса на пол.

— Тысячи лет жил я под гнетом этого пророчества,— сказал он, распрямляя спину.— А теперь, хотя я умру в старости, но умру в мире, и пусть прежде я думал иначе, но теперь, по прошествии всех этих веков, мне кажется, я буду рад смерти.

— Не знаю, умрешь ли ты в мире, лишившись этой защиты,— предупредил его Элрик.— Хаос наступает и поглотит тебя, как он поглотит все, если я не остановлю его. Но, по крайней мере, теперь ты сможешь встретить его во всеоружии своей мудрости.

— Прощай. Я благодарю тебя,— сказал великан. Он повернулся и направился к арке, через которую вошел в зал.

Когда Мордага скрылся из виду, Мунглам бросился за ним, прежде чем Элрик и Дивим Слорм успели его остановить.

Потом они услышали крик, который словно эхом разнесся по вечности, и удар, от которого затрясся зал, а потом звук возвращающихся шагов. И увидели Мунглама с окровавленным мечом в руках.

Элрик, не в силах понять этот поступок, столь несвойственный его другу, уставился на Мунглама, который приближался к ним по залу.

— Это было убийство,— просто сказал Мунглам.— Я признаю это. Я убил его ударом в спину, прежде чем он успел понять, что происходит. Это была хорошая, мгновенная смерть. И он умер, чувствуя себя счастливым. К тому же эта смерть гораздо лучше той, которой могли погибнуть мы от рук его прихлебателей. Да, это было убийство, но, на мой взгляд, убийство необходимое.

— Почему? — Элрик недоумевающим взглядом смотрел на него.

Мунглам с мрачным видом продолжил:

— Он должен был погибнуть, как то предначертала судьба. Мы сейчас — слуги судьбы, и если мы будем изменять ее предначертания хотя бы в самом малом, то тем самым будем препятствовать реализации ее целей. Но кроме того, это убийство стало началом моей собственной мести. Если бы Мордага не окружил себя этой сворой, Ракхир был бы теперь жив.

Элрик покачал головой.

— В смерти Ракхира виноват я, Мунглам. Не нужно было убивать великана за преступление, совершенное моим мечом.

— Кто-то должен был умереть,— гнул свое Мунглам.— А поскольку в пророчестве говорилось о смерти великана, то он и умер. Кого еще я мог здесь убить, Элрик?

Элрик отвернулся.

— Жаль, что ты убил не меня,— вздохнул он. Он посмотрел на лежащий на полу огромный круглый щит с его мерцающими янтарными стрелами и необычной серебристо-зеленой окраской, потом легко поднял его и повесил на руку. Щит закрыл его от подбородка до колен.

— Поторопимся скорее из этого места смерти и страдания. Нашей помощи ждут земли Илмиоры и Вилмира, если только они уже не пали перед лицом Хаоса.

Глава седьмая

В горах, разделяющих Вздыхающую пустыню и Плачущую пустошь, они узнали о судьбе последних из Молодых королевств. Там они столкнулись с шестью усталыми воинами, ведомыми владыкой Воашуном, отцом Заринии.

— Что случилось? — с тревогой спросил Элрик.— Где Заринния?

— Наш континент пал под напором Хаоса, Элрик. И я не знаю, что с Заринией — бежала ли она, погибла или захвачена в плен.

— И ты не искал ее? — Этот вопрос прозвучал как обвинение.

Старик пожал плечами.

— Сын мой, я видел столько ужасов за последние дни, что потерял способность что-либо чувствовать. Я теперь ищу только одного — быстрой смерти. Дни человека на Земле закончились. Не ходи дальше, Элрик, потому что даже Плачущая пустошь начинает изменяться под этой волной наступающего Хаоса. Это безнадежно.

— Нет, не безнадежно. Мы пока еще живы. Может, жива и Зариния. Тебе ничего не известно о ее судьбе?

— Только слухи — говорят, Джагрин Лерн взял ее на борт главного корабля Хаоса.

— Значит, она может быть в море?

— Нет, эти треклятые корабли могут двигаться как по морю, так и по суше, хотя теперь уже и не отличишь одно от другого. Они-то и напали на Карлаак. А за ними шло огромное войско всадников и пеших воинов. Там теперь все смешалось. Не ходи туда, сын мой. Там тебя не ждет ничего, кроме смерти.

— Посмотрим. У меня наконец появилась защита от Хаоса. К тому же у меня есть мой меч и этот нихрейнский жеребец.— Он повернулся в седле к своим товарищам.— Так что, друзья, вы останетесь здесь с владыкой Воашуном или последуете за мной в самую гущу Хаоса?

— Мы с тобой, Элрик,— тихо сказал Мунглам за себя и Дивима Слорма.— Мы шли с тобой до сего дня, и теперь наши

судьбы так или иначе связаны с твоей. Ничего другого нам не остается.

— Хорошо. Прощай, владыка Воашун. Если можешь, отправляйся через Плачущую пустошь в Эшмир и на Неизвестный Восток, откуда родом Мунглам. Сообщи им, что надвигается на них, хотя, вероятно, спасти их уже нельзя.

— Я постараюсь,— устало сказал Воашун.— Надеюсь, успею добраться туда раньше Хаоса.

И тогда Элрик и его товарищи поскакали навстречу ордам Хаоса — три человека против распоясавшихся сил тьмы. Три безрассудно храбрых человека, которые так прилежно следовали по предначертанному им пути, что отступить теперь было просто не в их силах. Последние сцены должны были быть сыграны, а там наступит либо черная ночь, либо спокойный день.

Скоро они увидели и первые признаки наступающего Хаоса — место, где раньше росла сочная зеленая трава, теперь превратилось в желтоватое болото, образованное расплавившимися валунами. И хотя теперь прежние валуны остыли, но остались жидкими и неторопливо плескались. Нихрейнские жеребцы легко перенеслись через это болото, поскольку их копыта отталкивались от поверхности не в земном измерении. Здесь же они впервые увидели, как действует щит Хаоса — желтая жидкость с их приближением возвращалась в прежнюю форму, и на этом месте снова, пусть и ненадолго, появлялась зеленая трава.

Потом они увидели едва бредущее существо, у которого все еще оставалось что-то вроде конечностей и рот, так что оно могло говорить. От этого несчастного они узнали, что Карлаака более не существует, что его сровняли с землей, а на его месте силы Хаоса, как естественные, так и потусторонние, завершив свои разрушительные труды, разбили лагерь. Еще это существо сказало кое-что, особенно заинтересовавшее Элрика. Судя по слухам, Драконий остров Мелнибонэ оставался единственным местом, на которое Хаос не смог распространить свое влияние.

— Если мы, сделав свое дело, сможем добраться до Мелнибонэ,— сказал Элрик друзьям, когда они поскакали даль-

ше,— то, возможно, сумеем там переждать какое-то время, пока Белые Владыки не придут к нам на помощь. А еще в пещерах там дремлют драконы — они могут быть полезны против Джагрина Лерна, если их удастся разбудить.

— Какой смысл сопротивляться и дальше, Элрик,— горько сказал Дивим Слорм.— Джагрин Лерн победил. Мы не исполнили того, что было предначертано нам судьбой. Мы проиграли, и Хаос властвует на Земле.

— Ты так считаешь? Нет, мы еще должны сразиться с ним и испытать его на прочность. А тогда уже будем говорить, кто выиграл, а кто проиграл.

Дивим Слорм с сомнением посмотрел на Элрика, но ничего не сказал.

Наконец они добрались до лагеря Хаоса.

Ни один кошмар не мог сравниться с тем, что предстало их взору. Огромные корабли ада были видны издалека, и Элрик с товарищами в ужасе взирали на них. Над лагерем повсюду вспыхивали разноцветные языки пламени, злые духи самого разного рода и племени бродили среди людей, зловеще прекрасные аристократы ада совещались с длиннолицыми королями, вступившими в союз с Джагрином Лерном и теперь, видимо, жалеющими об этом. Земля все время дыбилась, и из нее то тут, то там начинал бить фонтан, и те человеческие существа, что оказывались рядом, либо погибали, либо принимали какие-то новые формы — их тела перекашивало невообразимым и неописуемым образом. Над лагерем стоял ужасный шум, человеческие голоса перемешивались с ревущими звуками Хаоса, дьявольским ухающим смехом, а нередко и с мучительными криками человеческих душ, которые присягнули Хаосу, а теперь платили за это безумием. Над лагерем распространялось невыносимое зловоние разложения, крови, самого духа зла. Корабли ада медленно перемещались по лагерю, протянувшемуся на многие мили. Здесь и там виднелись огромные королевские шатры, над которыми развевались знамена — пустопорожнее бахвальство рядом с мощью Хаоса. Многих людей уже невозможно было отличить от существ Хаоса, который до неузнаваемости изменил их формы.

Элрик и его товарищи взирали на все это со спин своих нихрейнских жеребцов. Наконец Элрик сказал:

— Это уродующее влияние Хаоса больше всего проявляется на людях. Так оно и будет продолжаться, пока Джагрин Лерн и его соратники-люди не потеряют всякий человеческий облик и не станут частью субстанции Хаоса. Это будет конец человеческой расы — с человечеством будет навсегда покончено, его поглотит пасть Хаоса. Вы смотрите на последних — если не считать нас — представителей рода человеческого, мои друзья. Скоро их невозможно будет отличить от всего остального. Вся эта изменчивая земля находится — или скоро окажется — под пятой Владык Хаоса, которые медленно переводят ее в свое измерение, в свое царство. Сначала они переформируют ее, а потом присвоят окончательно. Для них она станет еще одним комком глины, из которого они вылепят все, что им взбредет в голову.

— И мы пытаемся воспрепятствовать *этому?* — безнадежно сказал Мунглам.— Нам это не по силам, Элрик.

— Мы должны продолжать борьбу, пока не будем побеждены окончательно. Я помню, что сказал король Страаша: если убить Герцога Ада Пьярая, командующего кораблями ада, то погибнут и сами корабли. Я намерен проверить справедливость его слов. Но я не забыл, что моя жена может содержаться пленницей на его корабле или что там может оказаться Джагрин Лерн. Так что у меня три основательные причины, чтобы попробовать.

— Нет, Элрик! Это будет самоубийство!

— Я не прошу вас сопровождать меня.

— Если пойдешь ты, то мы последуем за тобой, хотя мне это и не нравится.

— Нет, если один не сможет победить, то не смогут и трое. Я пойду один. Ждите меня здесь. Если я не вернусь, постарайтесь добраться до Мелнибонэ.

— Подожди, Элрик!..— воскликнул Мунглам, но альбинос пришпорил своего коня и, держа перед собой пульсирующий щит Ада, помчался к лагерю.

Элрика, защищенного от воздействия Хаоса, заметил отряд воинов — альбинос приближался к интересующему его кораблю. Они узнали его и с криками поскакали навстречу.

Он рассмеялся им в лицо, взбешенный тем, что видел, обонял и слышал вокруг себя.

— Именно такая закуска и нужна моему мечу, прежде чем он начнет пировать вон на том корабле! — воскликнул он, срубая, словно цветок одуванчика, голову первому из воинов.

Чувствуя себя в полной безопасности за щитом, он легко прорубался сквозь ряды врагов. После того как Буревестник расправился с демонами, заключенными в деревьях бузины, Элрик не испытывал недостатка в энергии — запасы ее в мече были практически безграничны, и тем не менее каждая душа, похищенная Элриком у воинов Джагрина Лерна, была новой каплей жизненной силы, новым зернышком на жернова мести, приведенные в движение Элриком. В борьбе с людьми он был практически неуязвим. Он рассек одного воина в тяжелых доспехах от плеч до крестца, разрубив тем же ударом седло и позвоночник вражеского коня.

Но вдруг оставшиеся в живых воины отступили, и Элрик, почувствовав какое-то необычное жжение в теле, понял, что оказался в области воздействия кораблей Хаоса. Впрочем, он знал, что со щитом ему нечего бояться. Сейчас он частично находился вне земного измерения и пребывал между земным миром и миром Хаоса. Он спрыгнул с нихрейнского скакуна и приказал коню дожидаться его возвращения. С огромных бортов корабля свешивались канаты, и Элрик с ужасом увидел, что по ним карабкаются какие-то фигуры. Некоторые ему были знакомы по Карлааку. Корабль Хаоса даже сейчас продолжал пополнять свой экипаж мертвецами.

Он присоединился к этим жутким ползущим вверх по борту судна фигурам, испытывая к ним благодарность хотя бы за то, что они служат ему прикрытием.

Добравшись до верха, он перевалил через фальшборт, выплюнул желчь, подступившую к горлу, когда он вошел в эту особую область тьмы, и приблизился к первой из палуб: они располагались одна над другой, как ступени, вплоть до самой верхней, на которой видны были обитатели корабля — человекоподобная фигура и нечто похожее на огромного кроваво-красного спрута. Первым был, вероятно, Джагрин Лерн, а вторым, судя по всему, Пьярай, потому что, насколько то было известно Элрику, именно в таком виде он появлялся на Земле.

С расстояния это не было заметно, но, оказавшись на корабле, Элрик в полной мере ощутил сумеречную природу света, наполненного движущимися нитями. То было причудливое сплетение темно-красного, синего, желтого, зеленого, пурпурного — эта сеть свободно пропускала Элрика через себя, а за его спиной восстанавливала прежнюю форму.

Он все время натыкался на движущихся мертвецов и решил про себя, что не должен слишком пристально вглядываться в их лица, потому что уже узнал нескольких морских пиратов, брошенных им много лет назад во время бегства из Имррира.

Он медленно пробирался на верхнюю палубу, чувствуя, что пока ни Джагрин Лерн, ни Пьярай не догадываются о его присутствии. Видимо, они уже ничего не боялись теперь, когда покорили весь известный мир. Элрик злорадно ухмыльнулся, продолжая подниматься. Он крепко держал щит, понимая, что, если тот выскользнет из его рук, его тело превратится в нечто жалкое и непонятное или будет вообще поглощено материей Хаоса.

Элрик сейчас не помнил ни о чем, кроме главной цели — убить Герцога Ада Пьярая. Он должен подняться на верхнюю палубу и в первую очередь разделаться с этим Владыкой Хаоса. Потом он убьет Джагрина Лерна и, если Зариния окажется на этом корабле, унесет ее в безопасное место.

Вверх по палубам сквозь сплетения странных цветов пробирался Элрик, а за спиной у него струилась грива его молочно-белых волос, резко контрастируя с царящим вокруг сумраком.

Добравшись до предпоследней палубы, он почувствовал, как что-то прикоснулось к его плечу, и, посмотрев в этом направлении, увидел, что одно из кровавых щупальцев Пьярая нашло его. Элрик в ужасе отпрянул, выставив вперед меч.

Щупальце прикоснулось к щиту, резко отдернулось и мгновенно засохло. Сверху, где находилась бóльшая часть тела этого Владыки Хаоса, раздался страшный визг и крик.

— *Что это? Что это? Что это?*

Элрик, не скрывая торжества оттого, что его щит и в самом деле действует, крикнул:

— Это Элрик из Мелнибонэ, Великий Владыка. Пришел убить тебя.

К нему спустилось еще одно щупальце, пытаясь обойти меч и схватить его. За вторым последовало третье, за третьим — четвертое. Элрик ударил по одному, обрубив его чувствительный кончик, увидел, как другое, прикоснувшись к щиту, отдернулось и сморщилось, а потом он, уворачиваясь от следующего, бросился к трапу и со всей быстротой, на какую был способен, стал подниматься на верхнюю палубу. Там он увидел Джагрина Лерна с расширившимися от ужаса глазами. Теократ был облачен в уже знакомые Элрику алые доспехи. На его плече висел круглый щит, в этой же руке он держал топор, а в другой — меч с широким клинком. Он смотрел на свое оружие, явно отдавая себе отчет в том, что оно бессильно против того, чем вооружен Элрик.

— Тобой я займусь чуть позже, теократ,— мрачно пообещал Элрик.

— Ты глупец, Элрик. Теперь ты обречен, что бы ты ни сделал!

Наверное, теократ говорил правду, но Элрику было все равно.

— Отойди-ка в сторону, выскочка,— сказал Элрик и, держа перед собой щит, стал осторожно наступать на многощупальцевого Владыку Хаоса.

— Ты убивал мою родню, Элрик,— сказало существо низким голосом.— Ты изгнал нескольких Владык Хаоса в их царство, и теперь они не могут вернуться на Землю. Ты заплатишь за это. Но я, по крайней мере, не недооцениваю тебя, как это случилось с ними.

К альбиносу потянулось щупальце — оно попыталось обойти щит сверху и схватить Элрика за горло. Он шагнул в сторону и прикрылся щитом. Но тогда все щупальца с разных сторон потянулись к нему, и каждое пыталось обвиться вокруг щита. Зная, что их прикосновение смертельно, Элрик отпрыгнул в сторону и не без труда увернулся, одновременно отбиваясь Буревестником.

И тут он вспомнил слова Страаши: «Его жизненная сила заключена в голубом кристалле, который находится на его голове».

Элрик увидел голубой светящийся кристалл, который поначалу принял за один из множества глаз Пьярая.

Он перешел в наступление, пытаясь добраться до корней щупальцев. Спина его при этом оставалась совершенно незащищенной, но ничего другого ему не оставалось. В это время в голове существа открылась огромная пасть, а щупальца стали подтягивать Элрика к этой пасти. Тогда он выставил щит в сторону врага и с удовлетворением услышал, как Владыка Хаоса закричал от боли, извергнув из пасти какую-то желтоватую желеобразную субстанцию.

Элрик поставил ногу на обрубок щупальца и принялся подниматься по скользкой коже. Каждый раз, когда щит прикасался к Владыке Хаоса, на коже того появлялось что-то вроде раны, отчего Герцог Ада Пьярай начал отчаянно трястись. Наконец Элрик оказался над сверкающим кристаллом души. Он помедлил одно мгновение, а потом резко погрузил Буревестник острием в кристалл.

Сердце в теле существа забилось в страшных судорогах, потом Пьярай испустил ужасающий вопль. Вслед за ним вскрикнул и Элрик: Буревестник, забрав душу одного из Герцогов Ада, послал заряд энергии альбиносу. Заряд этот был слишком велик. Элрика отбросило назад.

Он потерял равновесие на скользкой спине Пьярая, свалился на палубу, а с нее — на другую, находящуюся футах в ста от верхней. Он сильно ударился о палубу, но благодаря похищенной энергии остался цел. Он поднялся, собираясь броситься вверх за душой Джагрина Лерна, но тут увидел испуганное лицо теократа, смотрящее на него сверху. Теократ закричал ему:

— Там в каюте я оставил для тебя подарочек.

Элрик разрывался между двумя возможностями — броситься за теократом и осмотреть каюту. Наконец он сделал вы-

бор — повернулся и открыл дверь. Внутри раздавалось душераздирающее рыдание.

— Зариния! — Он нырнул в темноту и там увидел ее.

Хаос искалечил ее. От прежней Заринии осталась только голова — ее прекрасное лицо. Но ее когда-то великолепное тело жутким образом изменилось. Теперь оно было похоже на тело огромного белого червя.

— Это сделал Джагрин Лерн?

— Он и его союзник.

— Как тебе удалось сохранить разум?

— Я ждала тебя. Мне нужно сделать еще кое-что в жизни, это и поддерживало меня.— Червеобразное тело поползло к нему.

— Нет... оставайся на месте! — воскликнул он, помимо своей воли испытывая отвращение. Но она не подчинилась ему. Она подползла и нанизалась на меч Элрика.

— Элрик,— воскликнула голова,— возьми в себя мою душу, потому что теперь я не нужна ни тебе, ни себе. Возьми мою душу, и тогда мы вечно будем вместе.

— Нет! Ты ошибаешься! — Он попытался выдернуть из ее тела свой голодный рунный меч, но это было невозможно. И, в отличие от всех других ощущений, которые доставлял ему меч, это было не лишено нежности. Душа его жены, теплая и отзывчивая, несущая в себе ее юность и невинность, перетекла в его душу, и он зарыдал.— Ах, Зариния! Любовь моя!

Так она умерла, и душа ее соединилась с его душой, как когда-то много лет назад произошло с душой его первой возлюбленной — Симорил. Он отвернулся от нелепого червеобразного тела, даже на лицо ее не стал смотреть, и медленно вышел из каюты.

Хотя он погрузился в мучительную скорбь, его меч, казалось, смеялся, когда Элрик убрал его в ножны.

Он вышел из каюты, и ему показалось, что палуба теряет свою форму, становится текучей. Сепирис был прав. Уничтожение Пьярая вызвало уничтожение и его жуткого флота. Джагрин Лерн явно времени даром не терял — он бежал куда подальше, но Элрик не мог преследовать его в нынешнем своем состоянии. Сейчас он только жалел о том, что не смог уничтожить этот флот раньше — до того, как тот добился своих целей. Меч и щит помогали ему — каждый на свой лад. Он спрыгнул с корабля на пульсирующую землю и помчался к нихрейнскому жеребцу, который то вставал на дыбы, то бил ногами, защищаясь от группы каких-то полубезумных адских существ. Элрик снова обнажил рунный меч, быстро разогнал врагов и вскочил в седло. Слезы текли по его лицу, и он, как безумный, поскакал прочь из лагеря Хаоса, оставляя позади корабли ада, которые быстро превращались в ничто. Они, по крайней мере, уже не смогут больше угрожать миру — Хаосу был нанесен ощутимый удар. Теперь ему оставалось уничтожить только само войско, хотя он и понимал, что сделать это будет нелегко.

Отбившись от наскакивавших на него уродов, он скоро присоединился к своим товарищам. Он ничего не сказал им, а лишь поскакал впереди — прочь от содрогающейся земли, в направлении к Мелнибонэ, где можно было подготовить последний оплот обороны против Хаоса, дать решающее сражение и завершить то, что предначертала ему судьба.

Он, рыдая, скакал все дальше и дальше от этого жуткого места, его темная душа страдала, и ему слышался юный голос Заринии, шептавший ему слова утешения.

Часть четвертая

УХОД ОБРЕЧЕННОГО ВЛАДЫКИ

Лишь человеческий разум способен постичь безграничность Космоса, выйти за грань обыденности, исследовать тайные пространства мозга, где прошлое и будущее сливаются воедино... Вселенная и человек связаны между собой, они отражают друг друга, содержатся друг в друге.

Хроники Черного Меча

Глава первая

Грезящий город больше не пребывал в величии своих грез. Когда-то прекрасные, ныне башни Имррира представляли собой обуглившиеся остовы; на фоне мрачного неба были видны каменные руины — темные и контрастные.

Облака, похожие на коричневатые клочья сажи, затмевали пульсирующее солнце, отчего шумные кроваво-красные воды, омывающие Имррир, приобретали темный оттенок и казались более спокойными, словно их усмиряли эти черные шрамы, рассекавшие их зловещее неспокойствие.

На груде развалин стоял человек и смотрел на волны. Он был высок, широкоплеч, с косыми бровями, заостренными ушами без мочек, высокими скулами и малиновыми переменчивыми глазами на мертвенно-бледном аскетическом лице. Одет он был в черный стеганый камзол и тяжелый плащ. И у

того и у другого были высокие воротники, и это еще больше подчеркивало белизну его кожи. Неустойчивый теплый ветер играл его плащом, ощупывал его, а потом, завывая, мчался в разрушенные башни.

Элрик слышал этот вой, и его память наполнялась сладкозвучными, зловещими и грустными мелодиями старого Мелнибонэ. Вспомнил он и другую музыку, созданную его предками, которые изощренно мучили своих рабов и по тональности их криков подбирали из них оркестры, исполнявшие целые нечестивые симфонии. Эти ностальгические чувства на какое-то время полностью захватили его. Он настолько забылся, что даже пожалел о своем отступничестве, о том, что подверг сомнению традиции Мелнибонэ,— нужно было принять все как есть, и тогда его душа не претерпела бы этого мучительного раздвоения. Он горько улыбнулся.

Внизу появилась фигура, вскарабкалась по развалинам и встала рядом с Элриком. Это был невысокий рыжеволосый человечек с широким ртом и глазами, которые когда-то были яркими и веселыми.

— Ты смотришь на восток, Элрик,— пробормотал Мунглам.— Ты смотришь в прошлое, которое вернуть невозможно.

Элрик положил руку с длинными пальцами на плечо друга.

— А куда еще смотреть, Мунглам, если весь мир под пятой Хаоса? Чего еще мне делать? Ждать грядущих дней надежды и веселья? Ждать мирной старости в окружении детей, играющих у моих ног? — Он еле слышно рассмеялся. Такой смех был не по душе Мунгламу.

— Сепирис говорил о помощи Белых Владык. Мы должны скоро ее получить. Мы должны проявить терпение.— Мунглам повернулся и, сощурившись, посмотрел на сверкающее неподвижное солнце. Потом на его лице появилось задумчивое выражение, он опустил глаза на груду развалин, на которых они стояли.

Элрик помолчал несколько мгновений, глядя на волны, потом пожал плечами.

— Что жаловаться! Мне от этого никакой пользы. Я не могу действовать по собственному желанию. Какова бы ни была моя судьба, мне ее не изменить. Я молюсь о том, чтобы лю-

ди, которые придут после нас, могли сами контролировать свою судьбу. У меня такой способности нет.— Он прикоснулся пальцами к подбородку, а потом посмотрел на свою руку — на ногти, костяшки, мышцы и выступающие на белой коже вены. Он провел рукой по своим шелковистым белым волосам, глубоко вздохнул.— Здравый смысл! Миру не хватает здравого смысла! Я не обладаю способностью мыслить здраво, но вот он я — стою перед тобой со своим мозгом, сердцем, другими частями тела, а ведь я появился на свет в результате случайного соединения элементов. Миру не хватает здравого смысла... Но весь здравый смысл, который существует на свете, не стоит и ломаного гроша. Одни люди выстраивают свою жизнь по жесткой логической схеме, другие бездумно отдаются во власть событий, а результаты что у тех, что у других одинаковые. Зачем тогда нужны мудрецы со всей их мудростью?

Мунглам подмигнул Элрику, изображая веселость.

— И это говорит самый неистовый из всех искатель приключений и циник. Но не все же мы такие, как ты. Другие люди выбирают себе другие пути и приходят к выводам, которые ничуть не похожи на твои.

— Я иду предначертанным путем. Давай-ка отправимся в Драконьи пещеры, посмотрим, удалось ли Дивиму Слорму пробудить наших друзей-рептилий.

Они осторожно спустились с груды развалин и пошли вдоль ущелий-руин, которые когда-то были прекрасными улицами Имррира. Они вышли из города и двинулись по травянистой извилистой дорожке. Они вспугнули стаю воронов, с диким карканьем взмывших вверх. На месте остался только один — вожак стаи, сидевший на кусте утесника. Он величественно взъерошил перья, его черные глаза смотрели на них с презрительной настороженностью.

Элрик и Мунглам спустились вниз по острым камням к зияющему входу в Драконьи пещеры, потом еще дальше вниз, по ступеням в рассеиваемую светом факелов темноту, напитанную влажным теплом и запахом чешуйчатых драконьих тел. Они вошли в первую пещеру, где громоздились огромные тела спящих драконов. Их сложенные кожистые крылья торчали над

спинами, их зеленовато-черная чешуя слабо посверкивала, их когтистые лапы были сложены, длинные морды запрокинуты назад, отчего даже во сне были видны их могучие зубы цвета слоновой кости, напоминающие белые сталактиты. Их живые красные ноздри в оцепенении сна издавали храп. Здесь царил характерный запах их шкур и их дыхания, вызывавший у Мунглама воспоминания, унаследованные от предков, какие-то смутные представления о тех временах, когда эти драконы и их хозяева наводняли покоренный ими мир, их горючий яд сочился с клыков, походя выжигая местность, над которой они пролетали. Привычный к этому запаху Элрик почти не обращал на него внимания. Он прошел по первой пещере, прошел по второй и наконец увидел Дивима Слорма, который шел с факелом в одной руке, со свитком — в другой и сыпал проклятиями.

Дивим Слорм поднял глаза, услышав их шаги. Он вытянул руки и закричал. Голос его эхом разнесся по пещерам.

— Ничего! Ни малейшего движения! Хоть бы у одного веко дрогнуло! Их невозможно разбудить. Они не проснутся, пока не проспят положенное число лет. Не нужно было трогать их в двух последних случаях, потому что теперь нужда в них куда как насущнее.

— Тогда мы с тобой не знали того, что знаем теперь. Сожалеть о прошлом бесполезно — это ни к чему не приведет.— Элрик оглядывал огромные смутные формы. Здесь, чуть в стороне от других, спал дракон-вожак, и Элрик узнал его, в нем проснулась старая симпатия к этому дракону по имени Огнеклык, старейшему из всех: ему было пять тысяч лет — возраст драконьей молодости. Но Огнеклык, как и остальные, спал беспробудным сном.

Элрик подошел к дракону и погладил его по похожей на металл чешуе, провел рукой по гладкой белизне клыков, ощутил теплое дыхание его тела и улыбнулся. Он услышал, как у него на бедре что-то забормотал Буревестник, и похлопал по клинку.

— Эту душу ты не получишь. Драконы неуничтожимы. Они выживут, даже если погибнет весь мир.

Из другого угла пещеры раздался голос Дивима Слорма:

— Не знаю, Элрик, что делать дальше. Больше мне ничего не приходит в голову. Давай вернемся в башню Д'а'рпутны и подкрепимся.

Элрик согласно кивнул, и они втроем прошли назад по пещерам, а потом по ступенькам поднялись к солнечному свету.

— Так, значит, ночь и не наступала,— заметил Дивим Слорм.— Солнце остается неподвижным вот уже тринадцать дней, с того самого времени, когда мы покинули лагерь Хаоса и направились в опасный путь до Мелнибонэ. Насколько же силен стал Хаос, если он может даже солнце остановить?

— Может быть, это вовсе и не Хаос,— заметил Мунглам.— Хотя, с другой стороны, вполне вероятно, что это дело рук Хаоса. Время остановилось. Время ждет. Вот только чего оно ждет? Новых потрясений? Новых нарушений? Или действий великого Равновесия, которое восстановит порядок и отомстит тем силам, что выступили против него? А может быть, время ждет нас — трех не знающих, что предпринять, смертных, которые оторваны от остального человечества и рассчитывают на время, как время рассчитывает на них?

— Возможно, солнце и в самом деле рассчитывает на нас,— согласился Элрик.— Ведь наша судьба — подготовить мир к его новому пути. При этой мысли я перестаю себя чувствовать совсем уж пешкой в чужой игре. Но если мы так ничего и не предпримем, неужели солнце тогда останется навсегда на этом месте?

Они остановились на мгновение, чтобы посмотреть на пульсирующий красный солнечный диск, заливавший улицы алым светом, на черные облака, летящие по небу. Куда торопились эти облака? Откуда их принесло? Казалось, ими движет какая-то цель. Возможно, это были вовсе и не облака, а духи Хаоса, торопящиеся по своим темным делам.

Элрик усмехнулся про себя, понимая всю бесплодность таких мыслей. Они продолжили путь к башне Д'а'рпутны, где много лет назад он нашел свою возлюбленную, свою кузину Симорил, и где потом потерял ее, поглощенную его рунным мечом.

Огонь пощадил башню, хотя ее прежние великолепные краски и померкли от пламени, почернели. Здесь он оставил своих друзей и отправился в свою комнату, где как был, в одежде, упал на мягкую мелнибонийскую постель и почти сразу же заснул.

Глава вторая

Элрик спал, и снился Элрику сон, и, хотя он осознавал нереальность своих видений, все его попытки проснуться оказывались совершенно безуспешными. Скоро он оставил их и просто позволил сну развиваться самому по себе и увести его в яркие, красочные края...

Он видел Имррир, каким тот был много веков назад. Имррир, тот самый город, который он знал, прежде чем привести пиратов и уничтожить его. Тот самый, но какой-то другой, гораздо ярче, словно его только что построили. Цвета окружающих зданий были гораздо насыщеннее, со знойного синего неба светило темно-оранжевое солнце. И он понял, что с тех пор успели выцвести сами краски постаревшей планеты...

По сверкающим улицам двигались люди и звери. Высокие таинственные мелнибонийцы, мужчины и женщины с грацией гордых тигров, рабы с суровыми лицами и с выражением безнадежного терпения в глазах, вымершие теперь длинноногие кони, небольшие мастодонты, тащившие яркие экипажи. Ветерок разносил характерные для города отчетливые запахи, приглушенные звуки самой разной деятельности — именно приглушенные, потому что мелнибонийцы ненавидели шум с такой же непримиримостью, с какой любили гармонию. Тяжелые шелковые знамена развевались на ветру над сверкающими башнями из нефрита, слоновой кости, хрусталя и отполированного красного гранита. Сон Элрика продолжался, вызывая у него ностальгию, желание оказаться среди предков, среди того золотого народа, который покорил старый мир.

Огромные галеры проходили по лабиринту, ведущему во внутреннюю гавань Имррира, привозя в нее лучшие товары со всего мира, налоги, собранные со всех народов, покоренных Сияющей империей. А по лазурному небу пролетали неторопливые драконы, направляясь в пещеры, где размещались тысячи таких же монстров — не в пример нынешним временам, когда их осталось меньше сотни. В самой высокой башне — башне Б'алл'незбетта, башне Королей — его предки изучали древние манускрипты, проводили свои зловещие эксперименты, удовлетворяли свои чувственные аппетиты, но делали это не с болезненной вялостью, свойственной обитателям Молодых королевств, а подчиняясь инстинктам, которые были их плотью и кровью.

Элрик понимал, что смотрит на призрак ныне мертвого города. Ему казалось, что он проник сквозь переливающиеся всеми цветами стены башен и теперь видит своих предков-императоров, которые, обострив мысли снадобьями, углубляются в разговоры, развлекаются с женщинами-демонами, предаются жестоким развлечениям, мучают рабов, исследуют особенности обмена веществ и строения организма порабощенных народов, погружаются в изучение мистических наук, поглощая знания, соприкосновения с которыми не выдерживали умы большинства представителей поздних поколений.

Но он понимал, что это либо сон, либо видение потустороннего мира, в котором обитали мертвецы всех времен, потому что Элрик видел императоров самых разных поколений. Элрик знал их по портретам: Рондар IV Чернобородый, двенадцатый император; проницательный, властный Элрик I, восьмидесятый император; одержимый ужасом Каган VII, триста двадцать девятый император. И еще дюжина, а то и больше самых могучих и мудрых из его четырехсот двадцати семи предков, включая Терхали, Зеленую императрицу, которая правила Сияющей империей с 8406 года от ее основания до 9011-го. Она выделялась среди других своим долгожительством и зеленоватым оттенком кожи и волос. Даже по мелнибонийским меркам она была могущественной колдуньей. А еще, как утверждала легенда, она родилась в результате союза между императором Юнтриком X и демонессой.

Элрик, который наблюдал за всем этим словно бы из темного угла огромного главного зала, увидел, как открылась сверкающая дверь, выточенная из черного кристалла, и вошел кто-то новый. Элрик вздрогнул и снова попытался стряхнуть наваждение, но безуспешно. Вошедший оказался его отцом — Садриком Восемьдесят шестым. В глазах этого высокого человека читалось страдание. Он прошел сквозь толпу собравшихся, словно их здесь и не было, и остановился в двух шагах перед Элриком. Император стоял, глядя на сына пронзительным взором из-под тяжелых век и выступающих надбровных дуг. Этот человек с худощавым лицом разочаровался в своем сыне-альбиносе. Садрик отличался тонким длинным носом, выступающими скулами и некоторой сутулостью, вызванной его необычно большим ростом. Он потрогал красный бархат своего плаща тонкими пальцами в кольцах, а потом заговорил четким разборчивым шепотом — Элрик тут же вспомнил, что этот шепот вошел у Садрика в привычку.

— Сын мой, ты что, тоже умер? Мне казалось, что я попал сюда совсем недавно, миг назад, но вот я вижу тебя, постаревшего, обремененного грузом, который судьба и время возложили на твои плечи. Как ты умер? В бесшабашной схватке от меча какого-нибудь заморского выскочки? Или же в этой самой башне, в своей кровати из слоновой кости? И что теперь с Имрриром? Он процветает, или дела его идут плохо, по-прежнему спит, предаваясь воспоминаниям о своем былом величии? Наш род продолжается, как оно и должно быть, я даже не спрашиваю, выполнил ли ты свой долг по этой части. У тебя наверняка сын, рожденный Симорил, которую ты любил, за что тебя ненавидел твой кузен Йиркун.

— Отец...

Старик поднял почти прозрачную от возраста руку.

— Я хочу тебя спросить о другом. Этот вопрос беспокоит всех, кто проводит свое бессмертие под сенью этого города. Некоторые из нас обращают внимание, что город поблек со временем, его краски выцвели и словно грозят вот-вот исчезнуть. Некоторые из нас отправились за пределы смерти, а может быть (говорю об этом с содроганием), в небытие. Но даже

здесь, в безвременной области смерти, происходят необычные перемены, и те из нас, кто отважился задать этот вопрос и даже дать на него ответ, опасаются, что в мире живых произошло какое-то катастрофическое событие. Какое-то событие столь огромной важности, что оно повлияло даже на нас и угрожает покою наших душ. Согласно легенде, мы, призраки, можем обитать под сенью былой славы Грезящего города, пока он существует. Неужели ты принес нам весть о его гибели? Такова твоя новость для нас? Потому что я, приглядевшись, вижу, что твое тело еще живет, а здесь находится твое астральное тело, отпущенное ненадолго в царство мертвых.

— Отец...— начал было Элрик, но видение начало растворяться, а его самого стало затягивать назад, в ревущие коридоры Космоса, через измерения, не известные живым, все дальше и дальше...

— Отец! — позвал он и услышал эхо собственного голоса, но ответить ему было некому. И отчасти он был рад этому, потому что не знал, что сказать несчастному призраку, как сказать ему, что его подозрения оправданны, как признаться в том, что он, Элрик, совершил преступление против города своих предков, против самой крови своих отцов. Все вокруг было туман и стенающая печаль, а эхо его голоса отдавалось в ушах, словно вдруг зажило независимой жизнью и исказило до неузнаваемости произнесенное им слово, образовав новые, странные: О-о-о-т-т-т-е-е-е-ц-ц-ц... О-о-о-о-о-о-о-о-о... О-о-о-о-о-о-о-о... Р-о-о-а-а-а-а... Д-а-ра-ва-ар-а-а!..

Как он ни старался, но по-прежнему не мог выйти из сна; он чувствовал, как его дух увлекает в какие-то иные области туманной неопределенности, в какие-то цветовые рисунки неземного спектра, в области, которые не поддаются его пониманию.

В тумане начало вырисовываться чье-то огромное лицо.

— Сепирис! — Элрик узнал лицо своего наставника. Однако чернокожий нихрейнец в таком бесплотном виде словно бы и не слышал его.

— Сепирис, ты что — *тоже* мертв?

Лицо растворилось, потом появилось снова, на этот раз почти одновременно с телом.

— Элрик, наконец-то я тебя нашел. Вижу, ты пребываешь в астральной оболочке. Слава судьбе, а то я уже начал думать, что мне не удалось тебя вызвать. Нам нужно спешить. В обороне Хаоса пробита брешь, и мы должны связаться с Владыками Закона.

— Где мы?

— Пока что нигде. Мы перемещаемся в Высших Мирах. Поторопись, я буду твоим проводником.

Вниз, вниз, сквозь провалы, выложенные чистейшей шерстью, которая поглощает и убаюкивает, через каньоны, прорубленные между сверкающими горами света, рядом с которыми Элрик и Сепирис кажутся себе жалкими карликами, сквозь пещеры полного мрака, в котором светятся их тела, навечно рассеивая темноту во всех направлениях, как это чувствует теперь Элрик.

А потом они оказались на плато, лишенном со всех сторон горизонта. Оно было абсолютно плоским, и кое-где над его поверхностью возвышались зеленые и синие геометрические сооружения. Флюоресцирующий воздух был насыщен мерцающими пятнами энергии, принимающими сложные формы, показавшиеся Элрику весьма строгими. Были здесь и сущности, имеющие человеческую форму,— они приняли эту форму ради людей, которые теперь оказались перед ними.

Белые Владыки Высших Миров, враги Хаоса, были необыкновенно красивы. Их тела обладали такой симметрией, которая не могла существовать на Земле. Только Закон мог создать такое совершенство, а такое совершенство, подумал Элрик, препятствовало прогрессу. Теперь ему стало яснее, чем когда бы то ни было, что две эти силы дополняли друг друга, а если одна брала верх над другой, то это приводило к стагнации космоса. Пусть Закон правит Землей, но при этом должен присутствовать и Хаос. И наоборот.

Владыки Закона были готовы к военным действиям. Они демонстрировали это своим выбором земного облачения. Тонкие металлы и шелка (или то, что им соответствовало в этом измерении) сверкали на их совершенных телах. На бедре каждого из них висел тонкий меч, а невыносимо красивые лица,

казалось, излучали решимость. Самый высокий из них выступил вперед.

— Итак, Сепирис, ты доставил к нам того, кому предначертано помочь нам. Приветствую тебя, Элрик из Мелнибонэ. Хотя ты и был прежде отродьем Хаоса, у нас есть основания встретить тебя радушно. Ты узнаешь меня? Я тот, кого ваша земная мифология нарекла Донбласом Вершителем Справедливости.

Элрик, застывший без движения, ответил:

— Я помню тебя, Владыка Донблас. Боюсь, твое имя теперь не отвечает действительности, потому что справедливости уже не осталось в мире.

— Ты говоришь о своем мире так, будто это все миры.— Донблас беззлобно улыбнулся, хотя и было видно, что он не привык к такому обращению со стороны смертного. Элрик был само безразличие. Его предки противостояли Донбласу и всей его братии, и Элрику до сих пор трудно было представить себе Белого Владыку союзником.— Теперь я вижу, почему тебе удалось обставить твоих врагов,— одобрительно продолжал Донблас.— И я допускаю, что сейчас на Земле нет справедливости. Но меня зовут *Вершитель* Справедливости, и я исполнен решимости свершить эту самую справедливость, когда в твоем измерении для этого настанет время.

Элрик не смотрел прямо на Донбласа, потому что его красота тревожила взор.

— Что ж, тогда мы приступим к делу, господин, и постараемся как можно скорее изменить мир. Наше рыдающее царство истосковалось по справедливости.

— Спешка здесь ни к чему, смертный! — раздался голос другого Белого Владыки, его бледно-желтая мантия ниспадала на чистую сталь нагрудника, доходила до наголенников. На мантии был начертан герб Закона — стрела.

— Я подумал, что путь на Землю проложен,— нахмурился Элрик.— Я решил, что ваш воинственный вид — знак вашей готовности к войне с Хаосом!

— Мы готовы к войне, но она невозможна, пока вы не позовете нас из вашего царства.

— Мы? Да разве Земля не взывает о помощи? Разве мы не прибегали к колдовству и заклинаниям, чтобы вызвать вас? Какой еще зов вам нужен?

— Предначертанный,— твердо сказал Владыка Донблас.

— Предначертанный? О боги! (Уж вы простите меня, господа.) Что еще от меня требуется?

— Одна последняя великая миссия,— тихо сказал Сепирис.— Как я тебе уже говорил, Хаос препятствует попыткам Белых Владык пробиться на Землю. Прежде чем это свершится, должен три раза протрубить рог Судьбы. Первый его призыв пробудит драконов Имррира, второй обеспечит доступ Белых Владык на Землю, а третий...— Он замолчал.

— Что — третий? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Третий провозгласит конец нашего мира!

— И где же находится этот могущественный рог?

— В одном из других миров,— ответил Сепирис.— Такой предмет невозможно изготовить в нашем измерении, поэтому его пришлось делать в мире, где логика преобладает над колдовством. Ты должен отправиться туда и найти рог Судьбы.

— И как же мне совершить такое путешествие?

Снова ровным голосом заговорил Владыка Донблас:

— Мы дадим тебе средства для такого путешествия. Возьми с собой меч и щит Хаоса — они будут тебе полезны, хотя их сила в других измерениях уменьшится. Ты должен будешь взобраться на самую высокую точку башни Б'алл'незбетта в Имррире и спрыгнуть вниз. Ты не упадешь... если только мы не лишимся тех малых сил, что у нас еще остались на Земле.

— Утешительные слова, Владыка Донблас. Что ж, я сделаю, как вы говорите, хотя бы для того, чтобы удовлетворить любопытство.

Донблас пожал плечами.

— Это только один из множества миров — он почти такая же тень, как и тот, в котором ты обитаешь, но может не понравиться тебе. Ты отметишь его резкость, четкость его очертаний. Это означает, что время не оказывает на него существенного влияния и его структура не размягчилась под воздействием множества событий. Но позволь мне пожелать тебе

удачи в пути, смертный, потому что ты мне нравишься. И у меня есть причины быть тебе благодарным. Хотя ты и рожден Хаосом, но в тебе есть свойства, которые восхищают нас, принадлежащих Закону. А теперь ступай... Возвращайся в свое смертное тело и приготовься к предприятию, которое тебе предстоит.

Элрик посмотрел на Сепириса. Чернокожий нихрейнец отступил на три шага и исчез в сверкающем воздухе. Элрик последовал за ним.

И снова их астральные тела понеслись сквозь мириады измерений потусторонней вселенной. Они испытывали ощущения, недоступные физическому разуму, и в конце концов Элрик ощутил тяжесть во всем теле и, открыв глаза, обнаружил, что находится в своей постели в башне Д'а'рпутны. В слабом свете, пробивающемся сквозь щель в тяжелых гардинах на окне, он увидел круглый щит Хаоса с его восемью стрелами, которые пульсировали словно в унисон с солнцем, а рядом — нечестивый рунный меч, Буревестник; он стоял у стены, будто уже приготовился к предстоящему путешествию в мир возможного будущего.

Потом Элрик снова заснул, теперь уже обычным сном, в котором его мучили обычные кошмары. Он закричал и проснулся — рядом с его кроватью стоял Мунглам. На узком лице его друга было выражение печального сочувствия.

— Что с тобой, Элрик? Что тебя мучит?

Элрик вздрогнул.

— Ничего. Оставь меня, Мунглам. Я приду к тебе, когда встану.

— Наверно, для таких криков есть причины. Может быть, ты видел какой-нибудь пророческий сон?

— Вот уж точно — пророческий. Мне привиделось, что я собственной рукой проливаю собственную ущербную кровь. Какой смысл у такого сна? Ответь мне, мой друг, а если не можешь, предоставь меня моим зловещим кошмарам, пока они не уйдут сами.

— Вставай, Элрик. Тебе нужно забыться, заняться чем-нибудь. Свеча четырнадцатого дня почти догорела, и Дивим Слорм ждет твоего мудрого совета.

Альбинос собрался и сбросил дрожащие ноги с кровати. Он чувствовал слабость во всем теле, энергия покинула его, и Мунглам помог ему подняться.

— Оставь эту свою хандру и помоги нам в нашем затруднительном положении,— сказал он с напускной веселостью, от которой его страхи становились лишь еще очевиднее.

— Хорошо,— сказал Элрик и распрямил плечи.— Дай мне мой меч. Мне нужна его краденая сила.

Мунглам неохотно подошел к стене, где стояло зловещее оружие, взял рунный меч за ножны и с трудом оторвал от пола, потому что Буревестник был необыкновенно тяжел. Мунглам содрогнулся, потому что ему показалось, будто меч тихонько смеется над ним, и передал меч другу эфесом вперед. Элрик благодарно схватился за эфес, хотел было обнажить меч, но передумал.

— Выйди из комнаты, прежде чем я выпущу его на свободу.

Мунглам мгновенно понял, что имеет в виду Элрик, и вышел, не желая доверять свою жизнь капризам дьявольского меча... или своего друга.

Оставшись один, Элрик обнажил огромный меч и сразу же почувствовал прилив его потусторонней энергии. Но ее явно было недостаточно, и Элрик знал, что если клинок не утолит в ближайшем будущем жажду, напитавшись жизненной субстанцией кого-то другого, то начнет искать души двух оставшихся друзей Элрика. Он задумчиво вложил меч в ножны, пристегнул его к поясу и направился к Мунгламу, ждавшему его в коридоре с высоким потолком.

Молча прошли они по спиральным мраморным ступеням башни и вскоре оказались на центральном уровне, где располагался основной зал. Здесь, за столом, на котором стояла бутыль старого мелнибонийского вина, сидел Дивим Слорм, держа в руках серебряную чашу. Его Утешитель лежал на столе рядом с бутылью. Они нашли запасы вина в тайных кладовых, не обнаруженных пиратами, которых привел в Имррир Элрик, когда он и его кузен были по разные стороны. Чаша была полна желеобразной смеси трав, меда и ячменя — снадобья, которым его предки поддерживали в случае необходимости свои силы. Дивим Слорм сидел, погрузившись в раздумья,

но, когда двое друзей подошли и опустились на скамью напротив него, поднял взгляд и безнадежно улыбнулся.

— Боюсь, Элрик, я сделал все, чтобы разбудить наших спящих друзей. Других способов нет, а они продолжают спать.

Элрик вспомнил подробности своего видения и, опасаясь, как бы они не оказались плодом воображения, дающего иллюзию надежды там, где на самом деле нет никакой надежды, сказал:

— Забудь о драконах. Ночью я оставил свое тело — так мне, по крайней мере, казалось — и путешествовал в местах, далеких от Земли. А уж если быть точным, то был в измерении Белых Владык, где мне сообщили, как можно пробудить драконов. Для этого нужно протрубить в рог. Я решил последовать их указаниям и найти этот рог.

Дивим Слорм поставил чашу на стол.

— Мы, конечно, отправимся с тобой.

— В этом нет необходимости... и это вообще невозможно. Я должен сделать это один. Ждите моего возвращения, а если я не вернусь... что ж, тогда делайте то, что сочтете нужным. Проведите остаток жизни пленниками на этом острове или дайте бой Хаосу.

— Мне кажется, что время и в самом деле остановилось, и если мы останемся здесь, то будем жить вечно и будем вечно мучаться скукой,— вставил Мунглам.— Если ты не вернешься, то лично я отправлюсь в завоеванные Хаосом королевства, чтобы забрать с собой в преисподнюю хоть нескольких врагов.

— Это твое право,— сказал Элрик.— Но ждите меня здесь, пока хватит терпения, потому что я не знаю, как долго буду отсутствовать.

Он встал, чем вроде бы испугал их, словно только сейчас поняли они смысл его слов.

— Удачи тебе, мой друг,— сказал Мунглам.

— Удача будет зависеть от того, что я встречу там, куда отправляюсь,— улыбнулся Элрик.— И тем не менее спасибо, Мунглам. Удачи тебе, кузен. Не переживай, может быть, нам удастся разбудить драконов.

— Хорошо,— сказал Дивим Слорм, к которому вернулась его прежняя энергия.— Мы их разбудим, разбудим! И их огненный яд выжжет ту грязь, что несет Хаос, выжжет дотла. Если этот день не наступит, то я никакой не пророк!

Элрик, которого воодушевил этот неожиданный энтузиазм, почувствовал, как уверенность окрепла и в нем. Он махнул друзьям рукой, улыбнулся и пошел из зала вверх по мраморной лестнице, чтобы взять щит Хаоса, выйти за ворота башни, пройти по разрушенным улицам к заколдованным развалинам, которые когда-то были сценой ужасной мести и невольного убийства,— к башне Б'алл'незбетта.

Глава третья

И вот Элрик остановился перед разрушенным входом в башню, ум его осаждали тревожные мысли — они наводняли голову, ослабляли его решимость и угрожали отправить его назад, к товарищам. Но он боролся с этим приступом слабости, подавлял эти мысли, пытался отказаться от них, цеплялся за воспоминания о заверениях Белого Владыки. Наконец он заставил себя войти в сумеречную скорлупу, в почерневших стенах которой все еще стоял запах гари.

Эта башня, ставшая погребальным костром для его убитой возлюбленной Симорил и его негодяя-кузена, брата Симорил Йиркуна, была полностью уничтожена. Осталась только каменная лестница, да и она, как увидел Элрик, вглядываясь в сумрак, сквозь который пробивались солнечные лучи, обвалилась и не доходила до крыши.

Он гнал от себя мысли, потому что они могли повлиять на его решимость действовать. Он поставил ногу на первую ступеньку и начал подниматься. Вскоре слабый звук проник в его уши, хотя, возможно, этот звук рождался в его голове. И тем не менее он достигал его сознания и был похож на звук настраивающегося оркестра. Чем выше он поднимался, тем громче становился звук, ритмичный, но и дисгармоничный. Наконец, когда он добрался до последней целой ступеньки, звук стал греметь в его голове, пронизывая его тело, вызывая ощущение тупой боли.

Он остановился и посмотрел на подножие башни далеко внизу. Страх охватил его. Он теперь не был уверен в том, что сказал ему Владыка Донблас,— то ли он должен добраться до самой высокой достижимой точки, то ли до точки, которая была еще футах в двадцати от него. Он решил, что лучше рассматривать слова Донбласа в буквальном смысле, и, переместив огромный щит Хаоса себе на спину, нащупал пальцами трещину в стене, которая на этой высоте наклонялась чуть внутрь. После этого он оттолкнулся от ступени и повис на пальцах, пытаясь найти опору для ног. Высота всегда пугала его, и теперь ему вовсе не понравилось ощущение, которое он испытал, когда взглянул на усеянный камнями пол в восьмидесяти футах под собой. Однако он продолжил свое восхождение по стене, трещины в которой облегчали его задачу. Хотя он и думал, что может сорваться, но этого не произошло, и он наконец добрался до крыши, тоже небезопасной, и через дыру в кровле перебросил свое тело наверх — на наклонную поверхность. Там он осторожно, шаг за шагом, дошел до высшей точки башни, а потом, преодолев ужас, шагнул в пустоту, в пространство над разоренными улицами Имррира далеко внизу.

Дисгармоничная музыка прекратилась. Вместо нее возникла ревущая нота. На него хлынули вихрящиеся волны красного и черного, и он, прорвавшись сквозь них, оказался на полянке под небольшим бледным солнцем, ощутил запах травы. Он отметил про себя, что если древний мир его сновидения показался ему не таким ярким, как его собственный, то этот был еще более бесцветным, зато довольно четким, резким. Ветерок, который он ощутил кожей лица, был прохладен. Элрик пошел по траве к густому невысокому лесу впереди. Он добрался до опушки, но в лес входить не стал — пошел по периметру, пока не добрался до речки, которая бежала из леса и терялась вдалеке.

Потом он с интересом отметил, что яркая, чистая вода словно не движется. Вода выглядела замерзшей, хотя причиной тому было не какое-то известное ему природное явление. Это была обычная летняя речка, вот только вода в ней не двигалась. Чувствуя, что это явление странным образом контрастирует со всем остальным вокруг, Элрик перебросил щит Хаоса на руку, обнажил свой трепещущий меч и пошел вдоль речки.

Трава уступила место утеснику и скалам, то здесь, то там виднелись кусты папоротника незнакомой Элрику разновидности. Ему показалось, что впереди он слышит журчание воды, однако речка по-прежнему оставалась замерзшей. Проходя мимо скалы, которая была выше других, он услышал голос, донесшийся до него откуда-то сверху:

— Элрик!

Он поднял голову.

На скале он увидел молодого карлика с длинной каштановой бородой, доходящей до пояса. В руке карлик сжимал копье — единственное оружие, которое было при нем, а одет он был в красновато-коричневые штаны и куртку, на его голове красовалась зеленая шапочка. Карлик был бос, и его широкие ступни твердо стояли на камне. Глаза его были похожи на кварцевые кристаллы — внимательные, пронзительные и веселые.

— Да, меня так зовут,— озадаченно сказал Элрик.— Но откуда ты меня знаешь?

— Я сам не из этого мира, точнее не совсем из этого. Я не существую в том времени, которое тебе знакомо. Я двигаюсь здесь и там в сумеречных мирах, сотворенных богами. Такова моя природа. И боги, разрешая мне существовать, иногда используют меня как посланника. Меня зовут Джермейс Кривой, и я такой же недоделанный, как и эти миры.— Он спустился вниз и встал, глядя снизу вверх на Элрика.

— И что ты здесь делаешь? — спросил альбинос.

— Я так думал, что ты ищешь рог Судьбы.

— Верно. И ты знаешь, где он лежит?

— Да,— улыбнулся молодой карлик.— Он похоронен со все еще живым телом героя этого царства — с воином по имени Роланд. Возможно, это одна из инкарнаций Вечного Воителя. Он нашел свою смерть в долине неподалеку отсюда — угодил в засаду из-за предательства другого воина. Рог тогда был при нем, и он перед смертью успел протрубить в него один раз. Некоторые говорят, что эхо до сих пор звучит в долине и будет звучать вечно, хотя Роланд и погиб много лет назад.

Назначение рога Судьбы здесь неизвестно — даже Роланд не знал этого. Рог этот зовется Олифан, и он, как и волшебный меч Дюрандаль, был похоронен вместе с погибшим вон в том огромном могильном кургане.

Карлик сделал движение рукой, указывая на то, что Элрик принял было за большой холм.

— И что я должен сделать, чтобы получить этот рог?

Карлик ухмыльнулся, в голосе его послышалась зловещая нотка.

— Ты должен будешь сразиться вот этим своим мечом с Дюрандалем Роланда. Дюрандаль был освящен силами Света, тогда как твой — выкован силами Тьмы. Это сражение должно быть весьма интересным.

— Но ты говоришь, что он мертв. Как же я буду с ним сражаться?

— Рог висит у него на шее. Если ты попытаешься снять его, то Роланд будет защищать свою собственность — он пробудится от нетленного сна. Кажется, такой сон — удел большинства воинов этого мира.

Элрик улыбнулся.

— Похоже, у них тут не так уж много героев, если их сохраняют таким способом.

— Может быть,— беззаботно ответил карлик.— Только в этих краях в земле спят около дюжины, а то и больше героев. Они должны пробудиться, когда в этом возникнет крайняя необходимость, хотя мне известно о множестве случившихся тут неприятностей, но герои все еще продолжают спать. Может быть, они ждут конца света. Боги могут уничтожить его, если он окажется неподходящим для них. И тогда герои восстанут, чтобы предотвратить гибель мира. Но это всего лишь моя гипотеза, не стоит придавать ей серьезного значения. Возможно, легенды такого рода возникают из какого-то смутного знания о судьбе Вечного Воителя.

Карлик отвесил издевательский поклон и, подняв копье, отсалютовал Элрику.

— Прощай, Элрик из Мелнибонэ. Когда пожелаешь вернуться, я буду ждать тебя здесь и провожу куда надо. А вернуться ты должен обязательно, живым или мертвым, потому что, как тебе, вероятно, известно, само твое физическое тело противоречит законам этой среды. Только одна твоя вещь подходит этому миру.

— Что же это?

— Твой меч.

— Мой меч? Странно. Я думал, что он-то меньше всего подходит законам этого мира.— Он прогнал мысль, родившуюся у него в голове,— времени для размышлений сейчас не было.— Мне это место не нравится,— сказал он карлику, который начал карабкаться на скалу.

Он посмотрел в направлении кургана и пошел в ту сторону. Теперь Элрик видел, что речка рядом с ним течет, как то ей и полагается, и у него возникло впечатление, что, хотя этот мир и находится под влиянием Закона, в малой мере здесь действуют и разрушительные силы Хаоса.

Теперь ему стало видно, что могильное сооружение обнесено огромными каменными глыбами, а за ними растут оливковые деревья, ветви которых увешаны блеклыми драгоценными камнями. За деревьями Элрик разглядел высокий арочный вход с тяжелыми медными воротами, украшенными золотом.

— Ты силен, Буревестник,— сказал Элрик, обращаясь к мечу,— вот только хватит ли тебе силы, чтобы сражаться в этом мире и давать энергию моему телу? Давай посмотрим.

Он подошел к воротам и, размахнувшись, нанес по ним мощнейший удар своим рунным мечом. Металл зазвенел, на нем появилась вмятина. Элрик ударил еще раз, теперь уже держа меч двумя руками, но тут справа от него раздался голос:

— Какой демон тревожит покой Роланда?

— Кто это здесь говорит на языке Мелнибонэ? — храбро ответил Элрик.

— Я говорю на языке демонов, потому что вижу перед собой демона. Я не знаю ни про какую Мельнибуню, хотя мне хорошо известны все древние тайны.

— Хвастливое заявление,— сказал Элрик, который так еще и не видел того, кому принадлежал голос.

И тут она появилась из-за могильного холма и остановилась, глядя на него сверкающими зелеными глазами. У нее

было удлиненное красивое лицо, почти такое же белое, как у него, но волосы были черны как смоль.

— Как тебя зовут? — спросил он.— Ты принадлежишь к этому миру?

— Меня зовут Вивиан, я чародейка, но вполне земная. Твой хозяин знает имя Вивиан, которая когда-то любила Роланда, но герой был слишком беспорочен и не захотел связать с ней свою жизнь, потому что она бессмертная, а к тому же ведьма.— Она добродушно рассмеялась.— Поэтому мне знакомы демоны твоей породы, и ты мне вовсе не страшен. Прочь! Прочь! Или я позову епископа Турпена — пусть он изгонит тебя.

— Некоторые из твоих слов мне незнакомы,— вежливо сказал Элрик.— К тому же ты сильно искажаешь язык моего народа. Ты охраняешь гробницу этого героя?

— Да, я доморощенный страж этой гробницы. А теперь уходи отсюда! — Она указала за каменные глыбы.

— Это невозможно. Тело, лежащее внутри, владеет одной вещью, которая нужна мне. Мы называем его рог Судьбы. Но тебе он известен под другим именем.

— Олифан! Но он же освящен. Ни один демон не имеет права прикоснуться к нему. Даже я...

— Я не демон. Клянусь тебе, я вполне человеческое существо. Отойди в сторону. Эта проклятая дверь слишком прочна.

— Да,— задумчиво сказала она.— Возможно, ты и человек, хотя и довольно необычный. Но это твое белое лицо и волосы, красные глаза, язык, на котором ты говоришь...

— Я чародей, да, но не демон. Прошу тебя, отойди в сторону.

Она внимательно посмотрела ему в лицо, и ее взгляд встревожил его. Он положил руку ей на плечо и хотя и ощутил ее плоть, она словно бы не присутствовала здесь. Казалось, она была не здесь, рядом с ним, а где-то далеко. Они смотрели друг на друга, и во взглядах обоих читались любопытство и тревога. Он прошептал:

— Откуда ты знаешь мой язык? Этот мир — он что, мой сон или сон богов? Он кажется мне почти неосязаемым. Почему?

Она услышала его.

— Это ты говоришь о нас? Что же тогда говорить о твоем призрачном «я»? Ты кажешься мне привидением из давно умершего прошлого.

— Из прошлого! Может, сама ты из будущего, которого пока не существует. Не наталкивает ли это нас на некое заключение?

Она не пожелала разбираться в его логике, а неожиданно сказала:

— Незнакомец, тебе никогда не удастся разбить эту дверь. Если ты сможешь прикоснуться к Олифану, то, значит, ты, несмотря на твою внешность, смертный. Этот рог тебе, наверно, нужен для какого-то важного дела.

Элрик улыбнулся.

— Да. Потому что если я не унесу отсюда рог Судьбы, ты никогда не появишься на свет!

Она нахмурилась.

— Одни намеки! Одни намеки! Мне кажется, я вот-вот сделаю какое-то открытие, хотя и не могу понять почему. А это необычно для Вивиан. Держи...— Она вытащила из-под одежды большой ключ и протянула его Элрику.— Это ключ от гробницы Роланда. Других ключей нет. Мне пришлось убить, чтобы завладеть этим ключом, а теперь я нередко захожу под эти мрачные своды, смотрю на его лицо и со скорбью думаю, что могла бы воскресить его и сделать бессмертным на моем родном острове. Возьми рог. Подними его с ложа смерти, и когда он убьет тебя, то придет ко мне и к моему теплу, примет мое предложение вечной жизни, предпочтет ее холоду этой гробницы. Иди — прими смерть от Роланда!

Он взял ключ.

— Спасибо, госпожа Вивиан. Если бы того, кого на самом деле еще нет, можно было убедить, то я бы сказал тебе, что для тебя будет гораздо лучше, если победу одержу я, а не Роланд.

Он вставил ключ в скважину и без труда повернул его. Двери распахнулись, и он увидел перед собой длинный коридор, терявшийся вдалеке. Элрик, не раздумывая, пошел внутрь по направлению к свету, мерцавшему в холодном и тусклом мраке. Он шел, и ему казалось, что он скользит по сновидению

куда менее реальному, чем то, что посетило его предыдущей ночью. Он вошел в погребальную камеру, освещенную высокими свечами, окружающими гроб. В гробу лежал человек, облаченный в доспехи с примитивным, незнакомым Элрику рисунком. На груди у воина лежал огромный меч, размерами почти не уступавший Буревестнику, а на рукояти меча, закрепленный на шее серебряной цепью, лежал рог Судьбы, Олифан.

Лицо воина в свете свеч казалось странным, в нем сочетались черты юности и старости, лоб был гладким, морщины отсутствовали.

Элрик взял Буревестник в левую руку и потянулся к рогу. Он сделал это без всякой оглядки — просто сорвал рог с шеи Роланда.

Из груди героя вырвался страшный крик, и он немедленно сел в своем гробу, схватив двумя руками меч и опустив ноги на пол. Он увидел Элрика с рогом в руке, и его глаза расширились. Он немедленно сделал прыжок в сторону альбиноса, замахнувшись мечом. Удар пришелся бы по голове Элрика, если бы тот, засунув рог под куртку, не отразил меч противника щитом. Одновременно, подавшись назад, он перехватил Буревестник в правую руку. Роланд принялся кричать что-то на языке, совершенно непонятном Элрику, который, впрочем, и не пытался понять слова, поскольку по разгневанному тону и так было ясно, что воин не предлагает ему мирных переговоров. Он продолжал защищаться, ни разу не нанеся удара Роланду. Элрик дюйм за дюймом отступал по длинному коридору к выходу из кургана. С каждым ударом Дюрандаля по щиту Хаоса и щит и меч издавали громкие мелодичные звуки. Герой продолжал неумолимо наступать на Элрика, его меч наносил удары страшной силы по щиту, а иногда встречал на своем пути клинок Элрика. Когда они оказались на открытом месте, дневной свет на какое-то мгновение словно ослепил Роланда. Элрик бросил взгляд на Вивиан, которая взволнованно следила за их схваткой, полагая, что победу одерживает Роланд.

Оказавшись под открытым небом и не имея ни малейшей возможности избежать гнева воина, отступавший до этого момента Элрик, собрав все свои силы, высоко поднял щит и замахнулся мечом, переходя в наступление, чем застал врасплох Роланда, которому, видимо, было непривычно подобное поведение противников. Буревестник заворчал, вонзаясь в грубоватые железные доспехи, скрепленные простыми железными заклепками. На грудной пластине красовался тусклый красный крест — вряд ли подходящий символ для прославленного героя. Но что касается силы Дюрандаля, то заблуждаться на этот счет Элрику не приходилось, потому что, несмотря на свою грубую выделку, меч Роланда ничуть не затупился от ударов по щиту Хаоса, напротив, каждый удар грозил пробить эту защиту Элрика насквозь. Левая рука Элрика затекла от принимаемых на щит ударов, правая — болела. Владыка Донблас не обманул его, когда говорил, что сила Элрикова оружия в этом мире уменьшится.

Роланд остановился, что-то крича, но Элрик не слушал его. Он воспользовался этой возможностью и ринулся вперед, нанося удар своим щитом по телу Роланда. Рыцарь пошатнулся, его меч издал плачущий звук. И тогда Элрик нанес удар Буревестником между шлемом и латным воротником. Голова, отсеченная от тела, покатилась прочь, но кровь из шеи не хлынула. Глаза головы остались открытыми, они продолжали смотреть на Элрика.

Вивиан издала вопль и закричала что-то на языке, которым только что пользовался Роланд. Элрик сделал шаг в сторону, на лице его застыло мрачное выражение.

— О его легенда! Его легенда! — воскликнула она.— Единственная надежда людей состоит в том, что когда-нибудь Роланд снова придет им на помощь. А теперь ты убил его! Дьявол!

— Может, я и одержим демонами,— тихо сказал он Вивиан, которая рыдала у обезглавленного тела,— но то, что я сделал, было предначертано богами. А теперь я покидаю этот твой тусклый мир.

— Неужели ты настолько бессердечен, что даже не раскаиваешься в этом своем преступлении?

— Нет, моя госпожа, потому что этот поступок — всего лишь один в ряду многих ему подобных, которые, как мне

сказано, должны послужить некой великой цели. Иногда я сомневаюсь в истинности подобных утешений, но это тебя не должно интересовать. Узнай, однако, вот что: судьба таких, как твой Роланд и я,— жить вечно, возрождаться снова и снова. Прощай.

С этими словами он пошел прочь, миновал оливковую рощу и высокие камни. Рог Судьбы холодил его сердце.

Он направился вдоль речки к высокой скале, на которой виднелась крохотная фигурка. Подойдя к скале, Элрик поднял голову на молодого карлика Джермейса Кривого, вытащил из-под куртки рог и продемонстрировал его.

Джермейс ухмыльнулся.

— Значит, Роланд мертв, а ты, Элрик, оставил в этом мире, если только он не будет уничтожен, фрагмент легенды. Так что, проводить тебя в твой мир?

— Да. И поскорее.

Джермейс спрыгнул со скалы и встал рядом с высоким альбиносом.

— Этот рог может доставить нам неприятности,— сказал карлик.— Спрячь-ка его лучше под куртку и прикрой мечом.

Элрик подчинился и последовал за карликом вдоль берега замерзшей речки. У Элрика было отчетливое ощущение, что вода в реке должна двигаться, однако она явно стояла на месте. Джермейс прыгнул в нее и, как это ни невероятно, начал тонуть.

— Быстро! Прыгай за мной!

Элрик последовал за ним и какое-то время простоял на замерзшей воде, а потом тоже начал тонуть.

Хотя река была неглубокой, они уходили все глубже и глубже, и наконец всякое сходство с водой у наполняющей реку субстанции исчезло, и они стали погружаться в густую темноту — теплую и ароматную. Джермейс дернул Элрика за рукав:

— Сюда!

Они двигались зигзагообразно, под прямыми углами, из стороны в сторону, вверх и вниз по лабиринту, видимому только Джермейсу. Рог на груди топорщил куртку, и Элрик прикрыл его щитом. Потом он зажмурился на миг, потому что снова оказался на свету — на темно-голубом небе пульсировало огромное рыжее солнце. Ноги его стояли на чем-то твердом. Он опустил взгляд и увидел, что стоит на крыше башни Б'алл'незбетта. Еще какое-то время рог, словно живой, шевелился под курткой, как пойманная птица, но несколько мгновений спустя успокоился.

Элрик опустился на крышу и пополз вниз к отверстию, через которое недавно поднимался.

Потом он поднял голову, услышав какой-то шум наверху. И увидел усмехающегося Джермейса Кривого — тот висел в воздухе, махая ногами.

— Я удаляюсь — мне не нравится этот мир.— Карлик хмыкнул.— Я был рад поучаствовать в этом. Прощай, господин Воитель. Напомни обо мне, недоделанном, Владыкам Высших миров... Может, тебе удастся намекнуть им, что чем скорее они освежат свою память или улучшат свои творческие способности, тем скорее я стану счастливым.

— Может, лучше тебе удовольствоваться своей судьбой, Джермейс. У стабильности тоже есть свои недостатки.

Джермейс пожал плечами и исчез.

Элрик, уставший до крайности, медленно спустился по растрескавшейся стене и с большим облегчением соскочил на первую ступеньку. Потом он проковылял по лестнице и, оказавшись на улице, поспешил в башню Д'а'рпутны сообщить о своем успехе.

Глава четвертая

Три человека, погруженные в раздумья, вышли из города и направились в Драконьи пещеры. Рог Судьбы висел на шее Элрика на новой серебряной цепи. Альбинос был одет в черную кожу. Он шел с обнаженной головой, на которой был только обруч, не дававший волосам падать на лицо. На боку у него висел Буревестник, а на спине — щит Хаоса. Он привел своих товарищей в пещеры, туда, где похрапывал громадный Огнеклык, драконий вожак. Когда Элрик приложил рог к губам и набрал в грудь воздуха, ему показалось, что его легкие слишком малы. Потом он бросил взгляд на друзей, которые

взволнованно смотрели на него, расставил пошире ноги и во всю силу легких дунул в рог.

Раздался звук, низкий и мелодичный, эхом разнесшийся по пещерам, а Элрик почувствовал, как энергия покидает его. Он терял и терял силы и наконец упал на колени, по-прежнему продолжая прижимать рог к губам. Звук прервался, в глазах у Элрика помутилось, руки его задрожали, и он рухнул лицом на камни, выронив рог.

Мунглам бросился было к Элрику, но открыл от удивления рот, когда увидел, что драконий вожак шевельнулся и на него уставился огромный немигающий глаз, холодный, как Северная пустыня.

Дивим Слорм радостно закричал:

— Огнеклык! Брат Огнеклык, ты проснулся!

Зашевелились и другие драконы, стали расправлять крылья, вытягивать длинные шеи, ерошить свои холки. Когда драконы пробудились, Мунгламу показалось, что он уменьшился в размерах. Он начал нервничать в присутствии этих огромных животных, он не знал, как они будут реагировать на присутствие того, кто отнюдь не является Владыкой драконов. Но тут он вспомнил об обессилевшем альбиносе и, встав рядом с ним на колени, прикоснулся к его одетым в кожу плечам.

— Элрик, ты жив?

Элрик застонал и попытался повернуться на спину. Мунглам помог ему сесть.

— Я ослабел, Мунглам. Так ослабел, что не встать. Этот рог забрал все мои силы.

— Вытащи свой меч — он даст то, что тебе нужно.

Элрик покачал головой.

— Я воспользуюсь твоим советом, хотя на сей раз мне вряд ли это поможет. У героя, которого я убил, видимо, не было души. А может, она была очень хорошо защищена — я ничего от него не получил.

Он пошарил рукой, нащупал эфес Буревестника у себя на поясе. С трудом вытащил он меч из ножен и почувствовал слабый приток энергии, недостаточный для того, чтобы он смог предпринять что-либо, требующее более или менее серьезных усилий. Он поднялся на ноги и поплелся к Огнеклыку. Дракон узнал его и приветственно шевельнул крыльями, казалось, взгляд его слегка потеплел. Элрик хотел было потрепать дракона по шее, но ноги у него подкосились, он упал на колено и с трудом поднялся.

В прежние времена драконов седлали специальные рабы, но теперь друзьям пришлось делать это самим. Они выбрали в седельной седла — каждое делалось под определенного дракона. Элрик с трудом поднял седло Огнеклыка — из дерева и стали, с изящной резьбой, отделанное драгоценными камнями и металлами. Ему пришлось тащить седло по полу пещеры. Не желая смущать Элрика, двое других старались не замечать его слабости, занимаясь собственными седлами. Видимо, драконы поняли, что Мунглам свой, и не возражали, когда он осторожно приблизился, чтобы закрепить на выбранном им драконе высокое деревянное седло с серебряными шпорами и зачехленным, похожим на копье стрекалом с прикрепленным к нему вымпелом, несущим герб одной из знатнейших семей Мелнибонэ, все представители которой теперь были мертвы.

Закончив седлать своих драконов, Мунглам и Дивим Слорм пошли помогать Элрику, который падал с ног от усталости. Он стоял, опершись спиной о чешуйчатый бок Огнеклыка. Дивим Слорм, затягивая подпругу, спросил:

— У тебя хватит сил вести нас?

Элрик вздохнул.

— Да, я думаю, хватит. Но вот для сражения — вряд ли. Нужно найти какие-нибудь средства пополнить энергию.

— А как насчет тех трав, которыми ты пользовался когда-то?

— Те, что у меня остались, потеряли свои свойства, а найти свежие невозможно — Хаос наложил свою ужасную печать на растения, камни и океан.

Предоставив Мунгламу доседлывать Огнеклыка, Дивим Слорм удалился и через некоторое время вернулся с чашей, наполненной жидкостью, которая должна была придать сил. Элрик выпил, вернул чашу Дивиму Слорму, ухватился за луку и забросил свое тело в высокое седло.

— Принесите мне ремни,— сказал он.

— Ремни?

— Да. Я пока плохо держусь в седле — боюсь, как бы не вывалиться в самом начале пути.

Он сидел в высоком седле, сжимая в руке стрекало, на котором висел его вымпел с синими, зелеными и серебряными цветами. Элрик сидел в ожидании, сжимая стрекало рукой в кольчужной рукавице; наконец принесли ремни и крепко-накрепко привязали его к седлу. Он улыбнулся и дернул узду.

— Вперед, Огнеклык, ты поведешь своих сестер и братьев!

Сложив крылья и опустив голову, дракон начал осторожно пробираться к выходу. За ним следовали на двух драконах почти таких же размеров Дивим Слорм и Мунглам. Они с мрачными, сосредоточенными лицами следили за тем, как держится в седле Элрик. Огнеклык вразвалку двигался по пещерам, а за ним следовала стая. Наконец они достигли последней пещеры, выходящей на море, которое несло свои волны на берег. Солнце оставалось все на том же месте — алое и распухшее, оно словно бы отвечало своими пульсациями на движения моря. Издав особый звук — сочетание шипа и крика — Элрик хлестнул по шее дракона стрекалом.

— Лети, Огнеклык! Лети! Ради отмщения и ради Мелнибонэ!

Словно ощущая изменения, произошедшие в мире, Огнеклык помедлил на краю уступа, потряс головой и фыркнул. Потом он оттолкнулся и поплыл в воздухе, расправив крылья. Крылья неторопливо двигались в своем огромном размахе, но несли дракона вперед с удивительной скоростью.

Все выше и выше к распухшему солнцу, в горячий неспокойный воздух, все дальше на восток, где их ждал лагерь ада. Следом за Огнеклыком летели два его брата с Мунгламом и Дивимом Слормом, у которого был специальный рог для управления стаей. За ними следом летели девяносто пять других драконов, самцов и самок. От этой стаи потемнело небо. Зеленая, красная и золотистая чешуя характерно шуршала, крылья согласно двигались в воздухе, издавая звук, подобный бою миллиона барабанов. Драконы летели над нечистыми водами, приоткрыв пасти и поглядывая вокруг холодными глазами.

Хотя теперь внизу Элрик смутно видел необыкновенно богатое многоцветье, там преобладали темные тона, постоянно

менявшиеся от одного края спектра до другого. Внизу теперь была не вода, а некая жидкость, состоящая из материи, как естественной, так и потусторонней, как реальной, так и волшебной. В этих волнах были отчетливо различимы боль, тоска, страдание и смех, были в них еще страсти и разочарования, а также субстанция живой плоти, которая время от времени пузырями прорывалась на поверхность.

Элрик и без того чувствовал слабость, а вид этой жидкости еще больше ухудшал его состояние. Альбинос обратил свои красные глаза вверх и на восток, а драконы тем временем продолжали полет.

Скоро под ними оказалось то, что раньше было Восточным континентом,— Вилмирский полуостров. Но теперь эта земля не обладала своими прежними качествами. Теперь огромные колонны темного тумана поднимались в воздух, и драконам приходилось лететь между этими столбами. На далекой земле внизу струилась и бурлила лава, какие-то мерзкие формы мелькали на земле и в воздухе, появлялись чудовищные звери, а иногда и группа странных всадников на конских скелетах, они задирали головы, слыша биение драконьих крыльев, и, охваченные ужасом, неслись во весь опор к своему лагерю.

Мир казался трупом, порождающим жизнь своим разложением, поскольку мертвецом кормились черви.

Из людей в мире остались только трое — те, что сидели сейчас на драконьих спинах.

Элрик знал, что Джагрин Лерн и его союзники из числа людей давно уже потеряли человеческий облик и не могут претендовать на родство с тем видом, который был стерт с лика Земли их ордами. Одни только вожди, возможно, сохранили сходство с людьми, ибо Темные Владыки сами поддерживали свое людское обличье, хотя души их были изуродованы не в меньшей мере, чем тела их последователей, принявшие под воздействием Хаоса самые дьявольские очертания. Все темные силы Хаоса затмили белый свет, а драконья стая все глубже и глубже проникала в это царство тьмы. Элрик держался в седле только благодаря ремням. Снизу, казалось, поднимался мучительный крик — сама природа противилась насильственному изменению ее форм.

Все дальше и дальше летели они туда, где раньше у Плачущей пустоши располагался Карлаак, а теперь стоял лагерь Хаоса. Потом они услышали карканье, донесшееся до них сверху, и увидели, как на них устремляются какие-то темные формы. У Элрика даже на крик не было сил, поэтому он слабо похлопал Огнеклыка по шее, заставив животное уклониться от опасности. Мунглам и Дивим Слорм последовали его примеру, а Дивим Слорм протрубил в свой рог, приказывая драконам не ввязываться в схватку с нападающими, но для тех драконов, что находились в хвосте стаи, этот звук запоздал, и они были вынуждены развернуться и вступить в бой с темными призраками.

Элрик оглянулся и в течение нескольких секунд наблюдал за их очертаниями в небе — существа с акульими пастями вступили в бой с драконами, которые выплевывали на них горючий яд, рвали их зубами и клыками. Элрик видел, как драконы хлопают крыльями, чтобы не потерять высоту, но потом поле его зрения снова заволокла волна темно-зеленого тумана, и судьба дюжины драконов осталась неизвестной.

Теперь Элрик дал Огнеклыку команду спуститься пониже к группе всадников, мчавшихся по измученной земле. На копье их вожака развевался штандарт Хаоса с восемью стрелами. Драконы опустились и пролили яд, с удовлетворением услышали крики животных и всадников, увидели, как занялись они пламенем и сгорели, а их пепел поглотила дыбящаяся земля.

То здесь, то там они видели гигантский замок, недавно возведенный с помощью колдовства, возможно, в качестве вознаграждения какому-нибудь королю, перешедшему на сторону Джагрина Лерна, а возможно, то были крепости вожаков Хаоса, которые теперь, когда Хаос взял верх, обосновались на Земле. Они пикировали на эти замки, поливали их ядом, и те занимались каким-то неестественным огнем, испускали дымы, смешивающиеся с рваным туманом. Наконец Элрик увидел лагерь Хаоса — город, недавно возведенный таким же образом, как и те замки. В янтарном небе над городом развевался штандарт со знаком Хаоса. Но Элрик не почувствовал душевного подъема — только отчаяние, потому что он был настолько слаб, что не мог сразиться со своим врагом Джагрином Лерном. Что ему было делать? Где взять силы? Ведь даже если он не будет участвовать в сражении, ему потребуется энергия, чтобы во второй раз протрубить в рог и вызвать на Землю Белых Владык.

В городе царила странная тишина, словно он ждал чего-то или к чему-то готовился. У лагеря был зловещий вид, и Элрик, прежде чем вторгнуться в его пределы, сделал круг по периметру.

Его примеру последовали Дивим Слорм, Мунглам и остальные драконы стаи, а Дивим Слорм крикнул:

— Что теперь, Элрик? Я никак не ждал, что здесь так скоро возникнет город.

— И я тоже. Смотри...— Он дрожащей рукой, которую ему удалось поднять лишь с большим трудом, указал вниз.— Вон штандарт с Тритоном Джагрина Лерна. А вон...— Он указал на штандарты Герцогов Ада.— Вот только знамен земных королей я что-то не вижу.

— Эти замки, что мы уничтожили,— прокричал Мунглам.— Я думаю, Джагрин Лерн разделил их между своими приспешниками. Нам неизвестно, сколько времени прошло на самом деле. Сколько им потребовалось, чтобы сотворить все это?

— Верно,— кивнул Элрик, глядя на неподвижное солнце. Его качнуло в седле, он чуть не потерял сознание, но в конечном счете сумел сесть прямо. Дышал он тяжело. Щит Хаоса оттягивал ему руку своим огромным весом, но Элрик продолжал держать его перед собой.

Потом он, повинуясь импульсу, пришпорил Огнеклыка и направил его вниз — на замок Джагрина Лерна.

Никто не пытался его остановить, и дракон приземлился среди башен замка. Здесь царила тишина. Элрик оглянулся, озадаченный, но вокруг были только сооружения из темного камня, который, казалось, плавился под ногами Огнеклыка.

Ремни мешали ему спешиться, но он и так видел, что город брошен. Куда девались орды обитателей ада? Куда девался Джагрин Лерн?

К нему присоединились Дивим Слорм и Мунглам. Остальные драконы кружили в вышине. Когти скребли камень, крылья рассекали воздух, драконы, сев, поворачивали туда-сюда

головы, ерошили чешую — пробудившись, монстры предпочитали находиться в воздухе, а не на земле.

Дивим Слорм пробыл на земле недолго. Он снова поднялся в воздух и со словами: «Я осмотрю город» полетел низко над замками, потом они услышали его крик, а затем дракон нырнул и исчез из виду. Раздался вопль, но они не видели его источника, потом дракон появился снова, и они увидели, что Дивим Слорм держит извивающегося пленника, привязанного к передку седла. Дракон приземлился. Пленник сохранял сходство с человеческим существом, но был сильно изуродован Хаосом: нижняя губа у него выступала, лоб был узок, а подбородок отсутствовал. Огромные квадратные неровные зубы виднелись во рту, а голые руки были покрыты густыми длинными волосами.

— Кто твои хозяева? — спросил Дивим Слорм.

Плененное существо, казалось, не знало страха. Оно со смехом ответило:

— Ваше прибытие было предсказано, и, поскольку двигаться в городе трудно, они собрали свои армии на плато в пяти милях на северо-восток.— Существо посмотрело своими большими глазами на Элрика.— Джагрин Лерн шлет тебе привет. Он говорит, что предвидел твое падение.

Элрик пожал плечами.

Дивим Слорм вытащил рунный меч и разрубил существо надвое. Оно, умирая, рассмеялось, потому что вместе с рассудком его покинул и страх. Дивим Слорм содрогнулся, когда то, что было душой убитого, смешалось с его собственной, пополнив его запас энергии. Тут он с проклятием на языке виновато посмотрел на Элрика.

— Извини, я поспешил... Нужно было оставить его тебе.

Элрик на это ничего не ответил. Он лишь прошептал едва слышно:

— Давайте на поле боя. Поторопимся!

Они взмыли вверх, присоединяясь к стае, и понеслись сквозь шуршащий, живой воздух на северо-восток.

С удивлением увидели они армию Джагрина Лерна, потому что не могли себе представить, как он сумел так быстро перегруппироваться. Казалось, все демоны и все воины мира

встали под знамена теократа, вокруг которого облака становились темнее, несмотря на то что молнии явно неземного происхождения с грохотом и вспышками рассекали пространство долины.

Стая драконов устремилась в это шумное бурление, и Элрик сразу определил, где находится Джагрин Лерн, чье знамя развевалось над подчиненными ему полками. Другими подразделениями командовали Герцоги Ада — Малохин, Жортра, Ксиомбарг и другие. Еще Элрик увидел трех самых могущественных Владык Хаоса, рядом с которыми остальные казались карликами. Чардрос Жнец с огромной головой и кривой косой в руках. Мабелод Безликий, чье лицо всегда находилось в тени, как на него ни смотри. Слортар Старый, худощавый и прекрасный, считавшийся самым старым из богов. Защититься от такой силы вряд ли смогли бы и тысячи искусных чародеев, а атаковать ее казалось чистым безумием.

Но Элрик ни на мгновение не задумывался, потому что у него имелся план, и альбинос был исполнен решимости воплотить его в жизнь, даже невзирая на слабость, грозившую ему гибелью.

У них было преимущество — они атаковали врага с воздуха, но это преимущество будет сведено на нет, как только у драконов закончится яд. Когда это произойдет, им придется вступить в рукопашную, и тогда Элрику понадобится много энергии. Пока же сил у него не было.

Драконы спикировали, поливая горючим ядом ряды Хаоса.

Ни одна обычная армия не смогла бы выстоять в такой ситуации, но с помощью Хаоса враг смог отразить большую часть огненного дождя. Яд словно бы рассеивался невидимым щитом. Часть яда все же поразила цель, и сотни вражеских воинов сгорели в его огне.

Снова и снова взмывали вверх драконы, чтобы потом пикировать на врага. Элрик чуть не терял сознание, сидя в седле. С каждой атакой он все меньше и меньше осознавал происходящее.

Взор его все больше мутился, к тому же видимость ухудшал зловонный дым, поднимающийся с поля боя. Воины внизу с кажущейся медлительностью метали вверх копья Хаоса, по-

хожие на янтарные молнии, и пораженные драконы с ревом падали на землю. Огнеклык опускался все ниже и ниже — вот он уже летел над ордой Джагрина Лерна. Элрик мельком увидел теократа, сидящего на отвратительном безволосом коне и размахивающего мечом. Его лицо было искажено издевательской насмешкой. До Элрика донесся голос его врага:

— Прощай, Элрик! Это наша последняя встреча, потому что сегодня ты отправишься в Лимб.

Элрик обратился к Огнеклыку и прошептал ему в ухо:

— Вот он, брат,— вон тот!

Огнеклык взревел и пролил свой яд прямо на смеющегося теократа. Элрик был уверен, что Джагрин Лерн сейчас превратится в пепел, но яд, едва коснувшись теократа, не причинил ему никакого вреда, лишь несколько капель, попавших на окружавших его воинов, воспламенили на них одежду и саму их плоть.

Но Джагрин Лерн только рассмеялся и швырнул янтарное копье, которое внезапно появилось в его руке. Оно полетело прямо в Элрика, и альбинос не без труда отразил его щитом Хаоса.

Сила удара была так велика, что Элрика отбросило назад в седле и один из удерживавших его ремней лопнул. Элрик перевалился влево, и, если бы не второй ремень, он бы упал. Теперь он едва держался в седле, защищаясь своим щитом от оружия Хаоса. Эта защита распространялась и на Огнеклыка, но сколько даже такой мощный щит сможет противостоять атакам Хаоса?

Казалось, это длилось целую вечность, но наконец Огнеклык взмахнул крыльями, которые с хлопком надулись ветром, как паруса, и Элрик взмыл ввысь над вражеской ордой.

Элрик умирал. С каждой минутой жизненные силы покидали его.

— Я не могу умереть,— пробормотал он.— Я не должен умереть. Неужели нет никакого выхода?

Огнеклык словно бы услышал его. Дракон спикировал вниз и полетел так низко, что копья врагов чуть не царапали его чешуйчатое брюхо. Потом Огнеклык приземлился на болотистой почве и замер в ожидании — к нему сразу бросилась группа воинов на своих невообразимых конях.

— Что же ты сделал, Огнеклык? Неужели я ни на кого больше не могу положиться? Ты доставил меня прямо в руки врага!

С трудом обнажил он свой меч, и в это время первый из всадников на ходу царапнул своим мечом его щит и ухмыльнулся, чувствуя слабость Элрика. С двух сторон на него наскакивали и другие всадники. Ему едва хватило сил, чтобы махнуть Буревестником в сторону одного из них, но тут рунный меч сам позаботился, чтобы удар достиг цели. Он пронзил руку всадника и словно прилип к ней, жадно выпивая из него жизненные соки. Элрик мгновенно почувствовал приток энергии и понял, что дракон и меч совместно помогают ему получить необходимую энергию. Однако клинок большую часть забрал себе. Элрик сразу догадался, что для этого были причины: меч сам направлял руку альбиноса. Таким образом были убиты еще несколько всадников, и Элрик усмехнулся, почувствовав приток жизненных сил. В глазах у него прояснилось, реакция восстановилась, боевой дух окреп. И теперь он сам предпринял атаку на врага — Огнеклык двигался по земле со скоростью, никак не соответствующей его огромным размерам, и воины бросились назад к своим основным силам. Но Элрик уже почувствовал вкус боя — в нем кипела энергия дюжины душ, и этого было достаточно.

— Давай-ка, Огнеклык! Поднимайся и поищем противника посильнее.

Огнеклык покорно раскинул крылья, оторвался от земли и скоро уже снова парил над вражеским войском.

Элрик приземлился еще раз в самой гуще полка владыки Ксиомбарга. Он спешился и, чувствуя пульсацию энергии в теле, ринулся на воинов, у которых был самый дьявольский вид. Он врубался в их ряды, неуязвимый для любого оружия, кроме самого сильного. Жизненные силы его росли, а с ними — и упоение боем. Он врубался все глубже и глубже в ряды врагов и наконец увидел владыку Ксиомбарга, который был в своей обычной земной личине — изящной темноволосой женщины. Элрик знал, что, несмотря на столь обманчивую наруж-

ность, Ксиомбарг обладает огромной силой, тем не менее он без страха бросился на Герцога Ада, который сидел на монстре с телом быка и головой льва.

До ушей Элрика донесся девичий голос Ксиомбарга:

— Смертный, ты бросил вызов многим Герцогам Ада, а других изгнал назад в Высшие Миры. Они называют тебя богоубийцей. Может, ты и меня убьешь?

— Ты же знаешь, что смертный не может убить Владыку Высших Миров, принадлежит ли он Закону или Хаосу. Однако смертному по силам уничтожить земную оболочку бога и отправить того назад в его собственный мир, откуда он никогда не сможет вернуться.

— И ты можешь это сделать со мной?

— Посмотрим.— Элрик бросился на Темного Владыку.

Ксиомбарг был вооружен боевым топором, испускающим темно-синее сияние. Скакун Ксиомбарга встал на дыбы, и Темный Владыка обрушил свой топор на незащищенную голову Элрика. Однако альбинос успел подставить щит, и удар топора был отражен, при этом оружие испустило громкий крик, а во все стороны разлетелись искры. Элрик подскочил поближе и нанес удар по одной из женских ног Ксиомбарга. Однако свет, хлынувший сверху, защитил ногу, и Буревестник был остановлен на ходу, а Эрик почувствовал сильную отдачу. И снова топор ударил по щиту — с тем же результатом, что и в предыдущий раз, а Элрик снова попытался пробить нечестивую защиту Ксиомбарга. Все это время он слышал хохот Темного Владыки — высокий, переливчатый и одновременно жутковатый, похожий на смех ведьмы.

— Твоя фальшивая человеческая оболочка и человеческая красота, кажется, начинают сдавать, мой господин! — воскликнул Элрик, отступив на мгновение, чтобы собраться с силами.

Девичье лицо начало изменяться и искажаться, и Герцог Ада, выведенный из равновесия силой Элрика, пришпорил своего скакуна и бросился на альбиноса.

Элрик увернулся и нанес еще один удар. На этот раз Буревестник запульсировал в его руке, пробив защиту Темного Владыки, который, застонав, нанес ответный удар топором, но

Элрик уже научился парировать атаки Ксиомбарга. Темный Владыка развернул бестию, на которой сидел, и, раскрутив топор у себя над головой, швырнул его, прицелившись в голову Элрика.

Элрик пригнулся, выставив вперед щит. Топор ударился об него и упал на вязкую землю. Элрик бросился за Ксиомбаргом, который снова развернул свою бестию. Из ниоткуда он достал новое оружие — огромный двуручный меч, ширина клинка которого в три раза превышала ширину самого Буревестника. Такой меч казался несовместимым с изящными девичьими руками Ксиомбарга. Элрик понял, что размер меча должен соответствовать его мощи. Он сделал шаг назад, попутно отметив, что у Темного Владыки теперь нет одной ноги, а вместо нее появилось нечто похожее на жвало насекомого. Если ему удастся уничтожить остальную часть личины Темного Владыки, тот навсегда будет изгнан из пределов Земли.

Смех Ксиомбарга перестал быть беззаботным — в нем появилась злость. Львиная голова рычала в унисон с голосом хозяина, который ринулся на Элрика. Чудовищный меч взмыл вверх и обрушился на щит Хаоса. Элрик упал на спину, чувствуя, как земля под ним шевелится, вызывая зуд в коже. Однако щит выдержал и этот удар. Элрик видел, что на него готовы обрушиться бычьи копыта, и весь подобрался под щит, выставив только руку с мечом, и, когда эта тварь попыталась раздавить его, ткнул ее мечом в брюхо. Меч поначалу остановился, а потом пронзил то, что возникло у него на пути, и принялся пить нечистые жизненные соки из этой твари, передавая их Элрику, которого неприятно поразило их необычное животное свойство — жизненные соки скакуна резко отличались от соков мыслящего существа. Элрик выкатился из-под падающей твари и вскочил на ноги, а львобык рухнул наземь вместе с земной оболочкой Ксиомбарга.

Темный Владыка мгновенно поднялся — он стоял в неустойчивой позе, какая была бы у человека с одной нормальной ногой, а второй — чужой. Он быстро захромал навстречу Элрику, замахиваясь мечом так, чтобы удар раскроил тело Элрика надвое. Но Элрик, наполненный энергией Ксиомбаргова скакуна, увернулся и сам нанес удар Буревестником по

мечу врага. Два клинка встретились, но ни один не поддался. Буревестник завыл в гневе, поскольку не был привычен к такому сопротивлению. Элрик же подвел щит под меч Ксиомбарга и отбил оружие врага. На какое-то мгновение тело Ксиомбарга осталось незащищенным, и Элрик воспользовался этим — со всей силой вонзил меч в грудь Темного Владыки.

Ксиомбарг завизжал, и его земная оболочка тут же начала растворяться, а меч Элрика принялся всасывать в себя его энергию. Элрик знал, что эта энергия составляет лишь малую толику жизненной силы Ксиомбарга, а большая часть души Темного Владыки находится в Высших Мирах, потому что даже самые могучие из этих полубожеств не имеют возможности перемещать всего себя в измерение Земли. Если бы Элрик получил всю субстанцию Ксиомбарговой души без остатка, его телесная оболочка не смогла бы вместить столько энергии и разорвалась бы. Однако получаемая им из раны в теле Ксиомбарга сила настолько превосходила все, что давали ему прежде человеческие души, что Элрик снова стал вместилищем огромной энергии.

Ксиомбарг изменился. Он превратился в мерцающую многоцветную спираль света, которая начала уплывать прочь и наконец исчезла — обезумевший от гнева Ксиомбарг был унесен в свое измерение.

Элрик поднял взгляд. Он с ужасом увидел, что в живых остались всего несколько драконов. Один из оставшихся, неровно взмахивая крыльями, падал на землю. На его спине сидел наездник. С расстояния Элрик не мог разобрать, кто это — Дивим Слорм или Мунглам. Он стремглав бросился к тому месту, куда падал дракон. Он услышал звук тупого удара, жуткий вой, какое-то подобие всхлипа, а потом — ничего.

Он прорубался сквозь ряды обступивших его воинов Хаоса, ни один из которых не смог устоять перед ним. Наконец он добрался до упавшего дракона. Рядом с его тушей на земле лежало мертвое тело, но рунного меча видно не было — он исчез без следа.

Это было тело его последнего родича — Дивима Слорма.

Времени оплакивать потерю не было. Элрик с Мунгламом и оставшейся горсткой драконов не могли одержать победу над мощной армией Джагрина Лерна, потери которой пока что были практически неощутимы. Стоя у тела своего кузена, Элрик поднес к губам рог Судьбы, набрал в легкие воздуха и затрубил. Над полем боя разнесся чистый печальный звук. Казалось, он разносится во всех направлениях, через все измерения Космоса, по всем мириадам миров и существований, через всю вечность до границ Вселенной и даже самого времени.

Эта нота звучала долго, а когда она наконец замерла вдалеке, над миром повисла абсолютная тишина, замерли сражающиеся миллионы, и ожидание наполнило воздух.

И тогда появились Белые Владыки.

Глава пятая

Словно огромное солнце, размерами в тысячи раз превосходящее Землю, послало через Космос свой пульсирующий луч, легко преодолевший ничтожные барьеры времени и пространства. Этот луч коснулся огромного черного поля битвы. И на луче, который проник на Землю по тропе, проложенной для него звуком рога Судьбы, спускались величественные Владыки Закона; их земные формы были так прекрасны, что угрожали здравомыслию Элрика: его разум едва мог вместить это зрелище. Они, в отличие от Владык Хаоса, не пользовались необычными скакунами, а передвигались сами. Это было величественное собрание в ясных, как зеркало, доспехах и ниспадающих плащах, каждый из которых был украшен единственной стрелой Закона.

Впереди всех двигался Донблас Вершитель Справедливости, на его идеальных губах играла улыбка. В правой руке он держал длинный меч — тонкий и острый, подобный лучу света.

Элрик бросился туда, где его ждал Огнеклык, и заставил огромную рептилию подняться в ревущее небо.

Огнеклык утратил прежнюю легкость движений, но Элрик не знал — то ли животное устало, то ли это Закон так действует на дракона, который является все же порождением Хаоса.

Но наконец он присоединился к Мунгламу в воздухе и увидел, что остальные драконы удаляются на запад. Здесь, над полем боя, оставались только двое из них — те, на которых сидели Мунглам и Элрик. Возможно, драконы почувствовали, что свое дело сделали, и теперь возвращались на остров Драконов, чтобы снова уснуть там в пещерах.

Элрик и Мунглам обменялись взглядами, но ничего не сказали друг другу, потому что происходящее внизу вызывало у них такой душевный трепет, что язык отказывал им.

Владыки Закона распространяли вокруг себя белый ослепительный свет. Тот луч, по которому они снизошли на Землю, исчез, и теперь они продвигались к тому месту, где Чардрос Жнец, Мабелод Безликий и Слортар Старый вместе с менее сильными Владыками Хаоса готовились к великой битве.

Белые Владыки прошли сквозь ряды обитателей ада и их союзников — людей, изуродованных Хаосом. И те и другие с воплями отскакивали в стороны, а если сияние касалось их, то падали на землю. С этой мелочью Владыки Закона расправились без труда, но им еще предстояла встреча с противником посильнее — с Герцогами Ада и Джагрином Лерном.

Хотя на этом этапе Владыки Закона были ничуть не выше обычных людей, последние рядом с ними казались карликами, и даже Элрик при всем своем немалом росте казался себе крохотным, едва ли больше мухи. Дело было не в размерах, а в ощущении безграничности, которое возникало при взгляде на них.

Огнеклык настороженно бил крыльями, делая круги над полем битвы. Темные тона вокруг него теперь наполнялись облаками более светлых, мягких оттенков.

Владыки Закона достигли того места, где собрались их заклятые враги, и до Элрика донесся голос Владыки Донбласа:

— Вы, исчадия Хаоса, нарушили закон Космического Равновесия и попытались установить свое господство на этой планете. Судьба отказывает вам в этом, потому что жизнь на Земле закончилась и должна быть воскрешена в новой форме, в которой ваше влияние будет ослаблено.

Из рядов Хаоса донесся мелодичный издевательский голос, принадлежавший Слортару Старому:

— Ты берешь на себя слишком много, брат. Судьба Земли еще не решена окончательно. Наша встреча, и ничто другое, приведет к решению. Если мы победим, владычествовать будет Хаос. Если успех будет сопутствовать вам и вы изгоните нас отсюда, тогда Закон, чьи перспективы так малы, частично возьмет верх. Но победим так или иначе мы, что бы там ни заявляла судьба.

— Что ж, давайте уладим это дело,— ответил Владыка Донблас, и Элрик увидел, как сияющие Владыки Закона стали наступать на своих темных противников.

Когда они сошлись в схватке, содрогнулись сами небеса. Воздух кричал криком, а земля корчилась в муках. Те немногие существа, что еще оставались в живых, в страхе бежали, а от сражающихся богов начал исходить звук, похожий на звук миллионов струн арфы, каждая со своей тональностью.

Элрик увидел, как Джагрин Лерн покидает ряды Владык Хаоса и скачет прочь в своих горящим алым цветом доспехах. Видимо, он понял, что его вмешательство будет стоить ему жизни.

Элрик пустил Огнеклыка вниз, выкрикивая имя теократа — бросая ему вызов.

Джагрин Лерн поднял глаза и на этот раз не рассмеялся. Он увеличил скорость, но вскоре ему пришлось сбавить ее, когда он увидел то, что уже давно заметил Элрик. Земля впереди превратилась в черный с пурпурным газ, который совершал безумные движения, словно пытаясь отделиться от остальной атмосферы. Джагрин Лерн остановил своего безволосого коня и вытащил из-за пояса боевой топор. Он поднял огненно-красный щит, который, как и щит Элрика, был заговорен от колдовского оружия.

Дракон нырнул вниз с такой скоростью, что у Элрика перехватило дыхание. Он приземлился в нескольких ярдах от Джагрина Лерна, который, сидя на своем ужасном коне, философски невозмутимо ждал атаки Элрика. Возможно, он чувствовал, что их схватка будет иметь такой же исход, что и грандиозное сражение, разворачивающееся поблизости, и одно будет зеркальным отражением другого. Как бы то ни было, обычная бравада оставила его, и он ждал Элрика молча.

Элрик, которому было безразлично, есть у Джагрина преимущество или нет, спрыгнул с Огнеклыка и обратился к нему ласковым шепотом:

— Лети назад, Огнеклык. Догоняй своих братьев. Что бы ни случилось, выиграю я или проиграю, ты свое дело сделал.

Огнеклык повернул огромную голову и посмотрел в лицо Элрику.

В это время неподалеку приземлился другой дракон. Мунглам тоже спрыгнул на землю и побежал к Элрику сквозь черно-пурпурный туман. Но Элрик крикнул ему:

— В этом мне не нужна ничья помощь, Мунглам!

— Я не собираюсь тебе помогать. Но не лишай меня удовольствия видеть, как ты заберешь его жизнь и душу.

Элрик заглянул в лицо Джагрину Лерну, выражение которого продолжало оставаться безразличным.

Огнеклык ударил крыльями и взмыл в воздух. Скоро он, а за ним и второй дракон исчезли из виду, чтобы никогда не вернуться.

Элрик направился к теократу, держа наготове щит и меч. Он с удивлением увидел, что Джагрин Лерн спешился. Он шлепнул своего фантастического скакуна по крупу, и тот понесся прочь. Джагрин Лерн стоял в ожидании, чуть ссутулившись, что лишь подчеркивало ширину его плеч. Его удлиненное темное лицо было напряжено, он не сводил глаз с приближающегося Элрика. Вдруг на его губах появилась кривая ухмылка предвкушения, а в глазах вспыхнули искры.

Элрик остановился вне зоны досягаемости меча.

— Джагрин Лерн, ты готов заплатить за преступления, которые совершил против меня и мира?

— Заплатить? За преступления? Ты меня удивляешь, Элрик. Я вижу, ты целиком перенял злобный язык твоих новых союзников. В ходе моих завоеваний мне потребовалось устранить нескольких твоих друзей, которые пытались воспрепятствовать мне. Но это вполне закономерно. Я сделал то, что был вынужден сделать, и то, что собирался. И если меня теперь ждет поражение, то я ни о чем не буду сожалеть, потому что сожалеть — это удел глупцов и занятие бесполезное, как ни посмотри. То, что случилось с твоей женой, случилось не

совсем по моей вине. Неужели тебе доставит удовольствие убить меня?

Элрик покачал головой.

— Я на многое стал смотреть по-новому, Джагрин Лерн. Но мы, мелнибонийцы, всегда были мстительным племенем, и я пришел за местью.

— Я понимаю тебя.— Джагрин Лерн переменил позу и, подняв топор, занял оборонительную позицию.— Я готов.

Элрик сделал выпад, Буревестник завизжал в воздухе и обрушился на алый щит, отскочил — и тут же обрушился еще раз. Элрик успел нанести три удара, прежде чем топор Джагрина Лерна сумел найти брешь в обороне альбиноса, но щит Хаоса остановил его боковой удар. Топору удалось лишь царапнуть Элрика по плечу. Щит Элрика ударил по щиту Джагрина Лерна, и альбинос попытался отбросить врага назад, а сам тем временем искал возможность обойти щит противника и нанести удар.

Это продолжалось несколько мгновений. Вокруг них звенела музыка боя, земля уходила у них из-под ног, из нее со всех сторон, словно какие-то волшебные растения, возникали разноцветные столбы света. Наконец Джагрин Лерн отступил, размахивая своим оружием. Альбинос ринулся на врага, уворачиваясь от топора, нырнул и сам попытался нанести удар по ноге противника, но промахнулся. Сверху на него обрушился топор, и Элрик отпрыгнул в сторону. Теократ потерял равновесие от собственного удара и споткнулся, а Элрик в этот момент сумел подпрыгнуть и ударить врага ногой по затылку, отчего Джагрин Лерн растянулся на земле, а топор и щит вывалились у него из рук. Элрик поставил ногу на шею теократа, а Буревестник испустил алчный вой над распростертым врагом.

Джагрин Лерн перевернулся на спину, чтобы видеть Элрика. Лицо у него внезапно побледнело, глаза устремились на острие рунного меча, а в голосе послышалась хрипотца.

— Прикончи меня. Теперь для моей души уже нет места в вечности. Я должен отправиться в преисподнюю. Прикончи меня!

Элрик собрался было вонзить Буревестник в поверженного врага, но в последний момент не без труда остановил меч. Буревестник разочарованно забормотал что-то и задергался в его руке.

— Нет,— медленно проговорил Элрик.— Мне от тебя ничего не нужно, Джагрин Лерн. Не хочу марать себя твоей душой. Мунглам! — Его друг подбежал к нему.— Мунглам, дай мне твой меч.

Мунглам молча подчинился. Элрик вложил в ножны протестующий Буревестник, говоря ему:

— Ну вот, я впервые отказываю тебе в пище. Что ты, интересно, будешь делать теперь?

Потом он взял клинок Мунглама и рассек им щеку Джагрина Лерна. Из раны хлынула кровь.

Теократ закричал:

— Нет, Элрик, убей меня!

С отсутствующей улыбкой Элрик рассек другую щеку теократа, чье окровавленное лицо исказила мучительная гримаса. Джагрин Лерн умолял Элрика убить его, но тот, продолжая отстраненно улыбаться, сказал:

— Ведь ты хотел подражать императорам Мелнибонэ, верно? Ты издевался над Элриком, принадлежащим к этому роду, ты пытал его, ты похитил его жену. Ты изуродовал ее тело, как ты изуродовал весь мир. Ты убивал друзей Элрика и имел наглость бросать ему вызов. Но ты — ничтожество, пешка, ты куда мельче, чем Элрик. А теперь, козявка, ты узнаешь, как мелнибонийцы, когда они правили миром, поступали с такими выскочками, как ты.

Джагрин Лерн умирал целый час. Его мучения продолжались бы и дольше, если бы Мунглам не упросил Элрика прикончить врага.

Элрик вернул Мунгламу его меч, сперва отерев его о разодранные одеяния теократа. Он бросил взгляд на искалеченное тело, пнул его ногой, а потом повернулся туда, где сражались Владыки Высших Миров.

Он сильно ослабел после схватки, потратив немало энергии, когда убирал противящийся Буревестник в ножны, но теперь забыл об этом, глядя на битву гигантов.

Владыки Закона и Владыки Хаоса приняли огромные размеры и туманные очертания — их земная масса уменьшилась, и они продолжали сражаться в человеческом обличье. Это были полуреальные гиганты, и теперь они сражались повсюду — на земле и над ней. Вдалеке у горизонта он увидел Донбласа Вершителя Справедливости, который сошелся в схватке с Чардросом Жнецом, их очертания мерцали и расползались. Мелькал длинный тонкий меч, свистела в воздухе огромная коса.

Элрик и Мунглам, которые не могли принять участия в схватке и не знали, кто одерживает победу, следили за происходящим. Неистовство схватки все нарастало, а с этим медленно растворялись земные формы богов. Сражение теперь происходило не только на Земле, казалось, оно проникало в другие измерения космоса, и Земля, словно отвечая на это преображение, тоже стала терять свою форму. Элрика с Мунгламом закружил вихрь воздуха, огня, земли и воды.

Земля растворялась, но Владыки Высших Миров продолжали свою схватку над ней.

Осталась только потерявшая свою прежнюю форму субстанция Земли. Ее компоненты продолжали свое существование, но решение относительно их новой формы еще не было принято. Схватка продолжалась. Право придать Земле новую форму получит победитель.

Глава шестая

Наконец — хотя Элрик и не понял, каким образом это произошло,— вихрящийся мрак уступил место свету и послышался звук — космический рев ненависти и разочарования. И тогда Элрику стало ясно, что Владыки Хаоса побеждены и изгнаны. Владыки Закона одержали победу, предначертания судьбы исполнились, хотя не хватало последнего штриха, который должен был появиться, когда Элрик протрубит в рог. Но альбинос чувствовал, что у него нет сил протрубить в рог в третий раз.

Мир вокруг двух друзей снова принимал отчетливые очертания. Они оказались в скалистой долине, увидели вдали вы-

сокие пики только что образовавшихся гор — алые на темном фоне неба.

Потом земля начала двигаться. Она крутилась все быстрее и быстрее, день сменялся ночью, а ночь — днем с головокружительной быстротой, потом движение стало замедляться, и солнце снова застыло в неподвижных небесах — вернее, начало двигаться со своей обычной скоростью.

Перемены произошли. Теперь здесь властвовал Закон, но Владыки Закона удалились, не произнеся ни слова благодарности.

И хотя властвовал Закон, необходимо было протрубить в рог в последний раз, чтобы началось развитие.

— Значит, все закончилось,— пробормотал Мунглам.— Все исчезло. И Элвер, моя родина, и Карлаак у Плачущей пустоши, и Бакшаан, даже Грезящий город на Драконьем острове Мелнибонэ. Они больше не существуют, их уже нельзя вернуть. А перед нами новый мир, созданный Законом. Но он очень похож на старый.

Элрик тоже остро чувствовал утрату, понимая, что все знакомые ему места, даже сами континенты, исчезли, а на их месте появились другие. Он словно расстался с детством, а может быть, так оно и было на самом деле: Земля простилась со своим детством.

Он прогнал от себя эту мысль и улыбнулся.

— Предполагается, что я должен протрубить в рог в последний раз, и тогда начнется новая история Земли. Но у меня нет для этого сил. Может быть, иногда ошибается и судьба.

Мунглам странным взглядом посмотрел на него.

— Надеюсь, что нет, друг.

Элрик вздохнул.

— Кроме нас двоих никого не осталось, Мунглам,— ты и я. Удивительно, что даже такие катаклизмы не смогли нарушить нашу дружбу, не смогли нас разделить. Ты — единственный друг, чья компания не утомляла меня, единственный, кому я доверял.

Мунглам усмехнулся, но на его лице появилась только тень его прежней самоуверенной улыбки.

— А от наших с тобой приключений в выигрыше обычно оставался я, а не ты. Так что наш союз был взаимовыгоден. Я никогда не знал, почему я решил разделить с тобой твою судьбу. Может быть, я делал это не по своей воле, а по предначертанию, потому что мне теперь осталось совершить последний акт дружбы...

Элрик хотел было спросить у Мунглама, что тот имеет в виду, когда откуда-то раздался спокойный голос:

— Я принес два послания. Одно — благодарность от Владык Закона. А другое — от куда более мощной сущности.

— Сепирис! — Элрик повернулся, чтобы увидеть своего наставника.— Ну, ты удовлетворен нашей работой?

— Да, в высшей степени.— Лицо Сепириса было печально, он смотрел на Элрика с глубоким сочувствием.— Тебе удалось все, кроме последнего — протрубить в третий раз в рог Судьбы. Благодаря тебе начнется развитие жизни на Земле, и ее новые люди получат возможность постепенно двигаться к новому своему состоянию.

— Но в чем суть всего этого? — спросил Элрик.— Я так и не понял.

— А кто это может понять? Кто может знать, почему существует Космическое Равновесие, почему существуют судьба и Владыки Высших Миров? Почему всегда должен существовать Воитель, который будет вести такие сражения? Существует, кажется, бессчетное число мест, времен и возможностей. Видимо, есть неограниченное число существ, одно над другим, которым ведома конечная цель, хотя в бесконечности не может быть никакой цели. Возможно, все циклично, возможно одно и то же событие будет происходить снова и снова, пока вселенная не исчерпает себя и не умрет, как умер мир, который мы знали. В чем суть, Элрик? Не ищи сути, потому что на этом пути тебя ждет безумие.

— Нет сути, нет цели... Для чего же тогда были нужны все мои страдания?

— Может быть, сами боги ищут суть и цель, а это всего лишь одна из попыток найти и то и другое. Посмотри! — Он повел рукой, указывая на новый мир вокруг.— Все это создано по законам здравого смысла. Возможно, новые люди будут

жить по его законам, а может быть, какой-нибудь фактор уничтожит здравый смысл. Боги экспериментируют, Космическое Равновесие руководит судьбой Земли, люди сражаются и считают, что боги знают, за что они, люди, сражаются... Но знают ли это боги на самом деле?

— Ты лишь еще больше растревожил меня, а ведь я искал утешения,— вздохнул Элрик.— Я потерял жену и мир... и не знаю ради чего.

— Извини. Я пришел попрощаться с тобой, мой друг. Делай то, что должен.

— Хорошо. Я больше не увижу тебя?

— Нет. Мы оба теперь мертвы. Наш век кончился.

Сепирис словно раскрутился в воздухе и исчез.

Осталось лишь ледяное молчание.

Наконец мысли Элрика были прерваны Мунгламом:

— Ты должен протрубить в рог, Элрик. Независимо от того, что за этим последует, ты должен протрубить в рог и покончить с этим навсегда!

— Каким образом? У меня едва хватает сил стоять на ногах.

— Я уже решил, что ты должен сделать. Убей меня Буревестником. Возьми мою душу и жизненные силы, и тогда ты сможешь протрубить в рог.

— Убить тебя, Мунглам?! Единственного, кто у меня остался... Моего настоящего друга? Не говори ерунды.

— Я вполне серьезно. Ты должен это сделать, потому что ничего другого тебе не остается. И потом, нам здесь все равно нет места, и мы так или иначе должны умереть. Ты рассказывал мне, как Зариния отдала тебе свою душу. Что ж, возьми и мою.

— Я не могу.

Мунглам подошел к нему, взялся за рукоять Буревестника и наполовину вытащил его из ножен.

— *Нет,* Мунглам!

Но меч уже вырвался из ножен по своему собственному желанию. Элрик отбил руку Мунглама и сам взялся за эфес, но ему не удалось остановить меч, который взлетел вверх, увлекая за собой руку Элрика, и замер, прежде чем нанести удар.

Мунглам стоял с бесстрастным лицом, опустив руки. Но Элрику показалось, что в глазах его друга вспыхнул страх. Альбинос пытался удержать меч, заранее зная, что это невозможно.

— Пусть он сделает свое дело, Элрик.

Клинок рванулся вперед и пронзил сердце Мунглама. Кровь хлынула из раны, глаза Мунглама затуманились, наполнились ужасом.

— О... нет... *этого* я не ожидал!

Элрик в оцепенении никак не мог извлечь Буревестник из сердца друга. Энергия Мунглама потекла по мечу в жилы Элрика, но и когда все жизненные силы его маленького друга перетекли в альбиноса, тот продолжал стоять, глядя на мертвое тело. Потом слезы потекли из малиновых глаз, рыдания сотрясли грудь, и тогда меч вышел из раны.

Элрик отшвырнул меч, и когда тот упал на камни, то не зазвенел, а издал звук, какой производит падающее человеческое тело. Потом он словно бы дернулся к Элрику, но остановился, и у альбиноса возникло ощущение, что тот наблюдает за ним.

Элрик взял рог и поднес его к губам. Он протрубил, провозглашая наступление ночи на новой Земле. Той ночи, которая должна предшествовать рассвету. И хотя звук рога был исполнен торжества, Элрик вовсе не торжествовал. Невыносимое одиночество и невыносимая скорбь одолевали его. Он продолжал трубить, откинув назад голову. А когда эта нота стала замирать и ее торжественное звучание перешло в затухающее эхо, которое в большей степени отражало страдание Элрика, над ним в небесах над землей стали образовываться какие-то огромные очертания, словно вызванные звуком рога.

Это были очертания огромной руки, держащей весы. Элрик увидел, как весы начали выравниваться, и наконец обе чаши оказались на одном уровне. И это немного облегчило скорбь Элрика, который теперь выпустил из рук рог Судьбы.

— Хоть что-то,— сказал он.— Даже если это иллюзия, то довольно утешительная.

Он повернул голову и увидел, что меч поднялся с земли, пронесся по воздуху и оказался рядом с ним.

— Буревестник! — закричал он, и тут адский клинок ударил его в грудь.

Элрик почувствовал ледяное прикосновение меча к своему сердцу, потянулся рукой, пытаясь ухватиться за клинок пальцами, тело его пронзила судорога. Буревестник высасывал душу из самых глубин существа альбиноса, и Элрик ощущал, как все его «я» переходит в меч. Теперь, когда жизнь из него перетекала в клинок, он понял, что это было суждено ему с самого начала — умереть таким образом. Он убивал этим мечом своих друзей и любимых, похищал их души, чтобы подкрепить свое слабеющее тело. Меч словно бы изначально вел Элрика к этому концу, будто альбинос был всего лишь проявлением Буревестника, а теперь возвращался в тело меча, который на самом деле никогда и не был настоящим мечом. И, умирая, Элрик снова зарыдал, потому что понял: та часть души меча, которая являет собой его, Элрика, обречена на бессмертие, на вечную борьбу.

Элрик из Мелнибонэ, последний из императоров Сияющей империи, вскрикнул в последний раз, и его тело рухнуло на землю, распростерлось безжизненной оболочкой рядом с телом друга.

Элрик лежал под огромными весами, которые все еще висели в небесах.

Потом форма Буревестника начала изменяться, меч стал извиваться и закручиваться над телом альбиноса и наконец замер над ним.

Та сущность, которая была Буревестником, последнее проявление Хаоса, которое останется в новом мире, взглянула на тело Элрика из Мелнибонэ и улыбнулась.

— Прощай, друг. Зло, которое было во мне, в тысячу раз превосходило твое!

И с этими словами он подпрыгнул над землей и понесся вверх, раздался его дикий, безумный смех — он потешался над Космическим Равновесием, наполняя Вселенную своей нечестивой радостью.

На этом кончается Сага об Элрике из Мелнибонэ.

Содержание

Спящая волшебница 13

Месть Розы 167

Похититель Душ 421

Короли во тьме 467

Гирлянда забытых снов 503

Буревестник 539

Майкл

МУРКОК

M. Moorcock

ISBN 978-5-699-25787-4

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА